

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

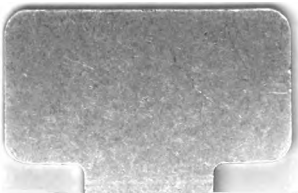
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

p 51a0 236.4

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

МАРТЪ.

1884.

ДѢЛО

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

№ 3.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. АВВА. Очеркъ (Гл. I—III). . . . . Д. Н. Сибиряна.
2. ВЪ ЗИМНЮЮ НОЧЬ. Стихотвореніе. . Л. Пальмина.
3. Н. В. ГОГОЛЬ. (О способѣ его творческой работы). . . . . Е. С. Некрасовой.
4. ЧѢМЪ ЖИЗНЬ КРАСНА. Романъ Эмиля Золя. Переводъ. . . . . А. Л. Мосивина.
5. ЛОНДОНСКАЯ ГОЛЫТЬБА. . . . . Н. К.
6. РУФИНА КАЗДОЕВА. Романъ въ 5-ти частяхъ. Часть первая. (Гл. XIV—XX). Е. Ардова.
7. СЕКТАНТЫ МИНУСИНСКАГО ОКРУГА. И. Б.
8. ВОРОВКА. Очеркъ. (Съ итальянскаго). Чіамполи.
9. ВЪ КАПИЩѢ ЗОЛОТОГО ТЕЛЬЦА. (Гл. I—IV). . . . . И. И. Ивановича.

(См. на оборотѣ).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

10. ТАЛАНТЛИВЫЙ НЕУДАЧНИКЪ . . . . М. А.

11. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ . . . . . Л. М.

Недоразумѣнія съ реализмомъ во французской критикѣ: переписка Густава Флобера съ Жоржъ-Зандъ и новый этюдъ Гюи де-Мопассана (*Lettres de Flaubert à Georges Sand, précédées d'une étude par Guy de Maupassant*); статья объ этой перепискѣ Брюнэтъера (въ „Revue des deux Mondes“).—Л. Дэпрэ: «Натуралистическая эволюція» (*d'Evolution Naturaliste*, par Louis Desprez; Парижъ, 1884 г.).

12. ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ НА

1884 ГОДЪ . . . . . Н. Ф. Анненскаго.

13. НОВЫЯ КНИГИ:

Полное собраніе сочиненій Козьмы Прутова. Съ портретомъ, fac-simile и биографическими свѣдѣніями. Спб., 1884.—Алексѣй Теофилантовичъ Писемскій. Критико-биографическій очеркъ С. А. Венгерова.—Стихотворенія А. Яхонтова. Спб., 1864.—Золова арфа. Стихотворенія Л. К. Нервина. Москва, 1884.—Труды комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи. Вып. X. Спб., 1883.—Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Саратовской губерніи. Томъ I. Саратовскій уѣздъ. Изд. Саратов. губ. земства. Саратовъ, 1882.—Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные черниговскимъ статистическимъ отдѣленіемъ при губернс. земской управѣ. Томъ IX. Суражскій уѣздъ. Изд. Черниг. губернс. земства. Черниговъ, 1882.—Полное собраніе сочиненій Виктора Гюго. Томъ I. Соборъ Парижской Богоматери. Переводъ Е. И. Конради. Изданіе В. В. Лепехина и Ф. Н. Плотникова. Спб. 1884.

14. ИЗЪ ДОМАШНЕЙ ХРОНИКИ . . . . . Н. Ш.

Почему мы бѣдны и въ то-же время меньше всего думаемъ, чѣмъ поправить наши дѣла.—Какъ стары нападки на судъ присяжныхъ.—Исторія этихъ нападокъ.—Отъ чего зависитъ безпристрастіе приговоровъ.—Кто вноситъ разнорѣчіе—народъ или мы, образованные.—Опасность увлеченія въ сторону обвиненія.—Паника и особые суды.—Чѣмъ они грозятъ обществу.—Причины недовольства приговорами судовъ и чего хотятъ противники суда присяжныхъ.—Мѣры, предлагаемыя для оздоровленія суда.

15. РЕФОРМА МѢСТНАГО УПРАВЛЕНІЯ. Б. Л.

16. РАДОСТИ МАСЛЯНИЦЫ. (Политическая хроника). . . . . Жинѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Объ изданіи журнала «Дѣло».—Объ изданіяхъ Редакціи «Дѣло».—Объ изданіяхъ романовъ Е. М. Станюковича. — Объ изданіи повѣсти Альбова.

Объ изданіи въ 1884 году журнала

„ДѢЛО“

(ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ).

Въ 1884 году, какъ и въ прошедшія семнадцать лѣтъ, «Дѣло» издается по программѣ, заключающей въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) Беллетристика, оригинальная и переводная; 2) Статьи социальна-экономическія и историческія; 3) Публицистика, критика и библиографія; 4) Обзорніе русской и иностранной журналистики; 5) Внутреннее обзорніе; 6) Политическая хроника; 7) Научная хроника; 8) Фельетонъ (Картинки общественной жизни).

Объемъ, форматъ и срокъ выхода книжекъ остаются прежніе.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ (Одессевецъ), М. Н. Альбовъ, Н. Ф. Анненскій, Е. Ардовъ, К. С. Баранцевичъ, А. П. Барыкова, Н. Ф. Бажинъ, П. И. Вейнбергъ, Ж. Гальфранкъ, С. Н. Горскій, И. Н. Денисовъ, Ж. Жикъ, Б. П. Ленскій, В. В. Лесевичъ, Л. И. Мечниковъ, Д. Д. Минаевъ, П. Минскій, Д. Л. Михаловскій, А. Л. Москвинъ, С. Я. Надсонъ, Н. И. Наумовъ, В. П. Острогорскій, Откровенный Писатель, А. И. Пальмъ, А. Н. Плещеевъ, С. А. Приклонскій, И. Н. Потапенко, Н. С. Русановъ, Д. И. Сибирякъ, К. М. Станюковичъ, И. Н. Харламовъ, Н. В. Шелгуновъ, И. В. Шпажинскій, М. К. Цебрикова, А. И. Эртель, П. Ф. Якубовичъ и др.

Непосредственное участіе въ редакціонныхъ трудахъ принимаютъ Н. Ф. Бажинъ, В. П. Острогорскій, К. М. Станюковичъ и Н. В. Шелгуновъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.
Безъ пересылки и доставки.	15 р. 50 к.	8 р.
Съ доставкой въ С.-Петербургъ . . .	16 > — >	9 >
> пересылкою иногороднымъ	17 > — >	10 >
> пересылкою за-границу.	19 > — >	11 >

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ журнала „Дѣло“, Надеждинская, д. № 39; въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ Н. П. Барбасникова, Моховая, домъ Коха.

Иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями исключительно въ Главную Контору (Спб., Надеждинская, д. 39).

Редакція отвѣчаетъ за исправную и своевременную доставку журнала только передъ подписчиками, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Для лицъ, подписывающихся въ Главной Конторѣ, допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: При подпискѣ вносится 7 руб., къ 1-му Апрѣля 5 р. и къ 1-му Юня 5 руб.

Подписывающимся на полгода разсрочка не допускается.

Гг. учителямъ, учительницамъ и учащимся разсрочка допускается на особыхъ основаніяхъ, по соглашенію съ редакціей.

ДЪЛО

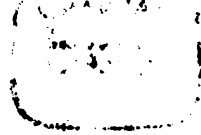
ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

№ 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. Левидова, Невскій просп., № 8.

1884.

△
Pslar 236-4 (1884, no. 3)

✓

Доволено цензурою С.-Петербургъ, 20 Марта 1884 г.

А В В А.

Очеркъ.

I.

— А у насъ, дѣва, попь новыи... докладывала мнѣ Фатѣвна, разбитная заводская прасолка.— Совсѣмъ еще молоденькой, а такой, Христось съ нимъ...

— Какой?

— Спроси у Андроника, какой... Онъ тебѣ скажетъ!..

Фатѣвна поправила сбившійся на груди длинный передникъ и загадочно хихикнула себѣ въ носъ. Очевидно, Фатѣвнѣ хотѣлось продолжать начатый разговоръ, и она нерѣшительно переминалась съ ноги на ногу, ожидая реплики. Толстая, коренастая, точно сколоченная фигура Фатѣвны такъ и дышала той изворотливостью и неугомонной суетой, какия присущи всѣмъ мелкимъ торговкамъ, промышляющимъ всякую малость однимъ собственнымъ трудомъ. Особенно характерно было лицо Фатѣвны: рябое, морщинистое, съ широкимъ ртомъ, орлинымъ носомъ и сѣрыми ястребиными глазками. Она умѣла все на свѣтѣ видѣть «наскрозь» и рѣзала своимъ языкомъ хуже ножа. Въ своемъ ситцевомъ сарафанѣ, розовой ситцевой рубашкѣ, въ козловыхъ мягкихъ башмакахъ «ступняхъ» и въ какой-то мудреной повязкѣ на головѣ, Фатѣвна выглядѣла настоящей бой-бабой, которой пальца въ ротъ не клади. Говорила она скоро, бормоткомъ, точно сухой горохъ сыпала, и въ тактъ сыпавшимся словамъ сильно размахивала своими длинными руками; особенно интересно умѣла Фатѣвна повертываться на одномъ мѣстѣ стопочкой, точно деревянная кукла на пружинѣ. Впрочемъ, повертывалась она такъ только въ хорошемъ расположеніи духа, а когда ссорилась съ своей квартиранткой Глафирой, ограничивалась только движеніями

«Дѣло» № 3, 1884 г. I.

одной головы, которую совсѣмъ почти повертывала назадъ, какъ это дѣлають хищныя птицы. Къ числу особенностей Фатѣвны принадлежала привычка всѣмъ безъ различія говорить «дѣва». Теперь, пока я пилъ чай, Фатѣвна подробно «отлепортовала» о новомъ священникѣ, который, очевидно, сильно ее занималъ.

— Ничего, онъ оборотистый, дѣва, заключила свою рѣчь Фатѣвна, разводя руками, точно сновала пряжу. — Не чета Андронику-то... Только будто у Андроника денегъ много, а такъ ежели его взять, такъ все равно, что мѣшокъ съ травой,—ничего онъ не стоить.

— Что, видно, поссорились опять съ Андроникомъ-то?

— Я?.. Охъ, и не говори!.. Одинъ только грѣхъ, дѣва, съ этимъ Андроникомъ. Прямо сказать... А на его-то деньги мнѣ плевать!.. Мое дѣло женское, каждую копѣечку изъ подъ ноготка добываешь, а и то съ поклономъ къ Андронику не пойду... Вотъ ужь, подведетъ ему животы новый-то. Его отцомъ Егоромъ звать... Ну, я распустила съ тобой басни-то, а ты поди ѣсть хочешь?

— Пожалуй...

— Постный день-то севодни, плохая у насъ ѣда. Разѣ вотъ пирогъ съ грибами немножко отдохнетъ, такъ его тебѣ подать?..

— Ничего и пирогъ...

Фатѣвна повернулась стопочкой и поплыла къ выходу; ходила она, по своей толщинѣ, съ легкимъ перевальцемъ, какъ ходять маленькія дѣти.

— А ты пойдешь къ имямъ? спросила Фатѣвна, останавливаясь въ дверяхъ.

— Къ кому это?

— Обнаковенно къ кому: къ поцу Андронику...

— Да, вѣдь, Андроникъ одинъ...

— Ну, а дьячекъ Паньша, учитель Краснопѣвцевъ, —вѣдь они и днюють, и ночують у Андроника. И по улицѣ такъ гнѣздомъ и ходять... Учитель у насъ недавно, почитай вмѣстѣ съ о. Егоромъ приѣхалъ, а водку пить—такъ и хлещетъ, такъ и хлещетъ. Какъ-то идутъ мимо насъ, то есть Паньша съ учителемъ, а Глафира увидала ихъ въ окошко и говорить: «Вотъ, говорить, бредутъ двѣ глисты».. Ей Богу, дѣва!.. У Глафиры въ зубахъ не завязнетъ...

— Мамынька, гдѣ ты запропастилась? слышался въ сѣняхъ звонкій голосъ единственной дочери Фатѣвны, Фекисты.

— Иду, иду... Экъ тебя взяло!.. Такъ я тебѣ пирога подамъ, не обезсудь на нашей простотѣ.

Бывая въ Мугайскомъ заводѣ, я всегда останавливаюсь въ опалубленномъ домикѣ Фатѣвны не потому, чтобы сама Фатѣвна или ея домъ мнѣ особенно нравились, а просто по старой привычкѣ: остановился разъ, а тамъ и пошло. Да и выбирать собственно было не изъ чего: или на земскую квартиру, или къ Фатѣвнѣ. Я изъ двухъ золь предпочиталъ послѣднее, потому что на земской квартирѣ ужь слишкомъ было неприглядно.

Какъ по наружному виду, такъ и по внутреннему устройству, домикъ Фатѣвны служилъ характернымъ дополненіемъ своей бойкой хозяйки. Онъ стоялъ на высокомъ берегу заводскаго пруда, на самомъ углу улицы, и такъ сыто поглядывалъ кругомъ своими пятью окнами... Желѣзная крыша, бѣленныя трубы, раскрашенныя зеленъ и краской ставни и рядъ хозяйственныхъ пристроекъ придавали ему типичный видъ купеческой архитектуры средней руки. Такія палубленныя стѣны, расписныя ставни, крѣпкія ворота и желѣзныя крыши точно отмѣчаютъ накопившееся среди остальной заводской голытьбы плотное довольство тѣхъ счастливицевъ, которые успѣли выдѣлиться изъ остальной человѣческой массы и вполне утвердись на своей линіи. Въ такихъ крѣпкихъ домахъ и живутъ крѣпко, превращая отдѣльные дни въ кольца какой-то желѣзной цѣпи, которая не порвется и всегда постоятъ за себя.

Внутри домъ Фатѣвны былъ устроенъ замѣчательно, въ томъ отношеніи, что въ немъ, точно съ специальной цѣлью, были сгруппированы всевозможныя неудобства, какія только можно придумать. Всѣхъ комнатъ было четыре. пятая кухня, но онѣ были такъ расположены, что собственно не было ни одной отдѣльной комнаты, а всѣ были проходныя, такъ что составляли что-то въ родѣ широкаго корридора, раздѣленнаго перегородками съ дверями. Жить въ общеловѣческомъ смыслѣ въ такихъ покаяхъ не было никакой физической возможности, потому что и строились, и убирались они преимущественно «на случай гостей». Эти гости были чѣмъ-то въ родѣ пункта помѣшательства для Фатѣвны, и она лѣзла изъ кожи, чтобы не ударить въ грязь лицомъ. Съ этой нарочитой цѣлью вездѣ

были разостланы чистые половики домашней работы, на окнахъ развѣшаны кисейныя занавѣси съ бахромками, на подоконникахъ разставлены мѣщанскіе цвѣты—пѣтухи, герани, красный перецъ и т. д. Мебель, состоявшая изъ расклеившихся ломберныхъ столовъ, подержанныхъ вѣнскихъ стульевъ, приобретенныхъ по случаю, двухъ дивановъ, обитыхъ пестрымъ ситцемъ и жесткихъ, какъ чугуныя плиты, и парадной двухспальной постели, на которой сама Фатѣвна никогда не спала, —эта мебель являлась жалкимъ сколкомъ съ купеческой городской роскоши и наводила тоску на свѣжаго человѣка своимъ безпріютнымъ видомъ, точно здѣсь былъ собранъ музей самыхъ неудобныхъ вещей для домашняго обихода. Прибавьте къ этому, что всѣ наружныя стѣны дома были изрублены окнами, а внутреннія—дверями, такъ что, собственно говоря, негдѣ было поставить кровати. Я устраивался обыкновенно на одномъ диванѣ, который стоялъ подъ тремя окнами, что зимой было особенно неудобно и съ чѣмъ приходились все-таки мириться, чтобы не ложиться головой къ наружной двери, а ногами къ печи.

Мнѣ обыкновенно приходилось проводить въ Мугайскомъ заводѣ всего нѣсколько дней, и Фатѣвна съ удовольствіемъ уступала мнѣ свои парадныя горницы, вѣроятно, желая блеснуть своей обстановкой предъ заѣзжимъ человѣкомъ, который лучше другихъ могъ оцѣнить всѣ достоинства ея горницъ. Сама Фатѣвна перебивалась съ мужемъ Денисычемъ и косоглазой дочерью Ѳеклистой въ темной и холодной «куфнѣ», гдѣ всегда было сыро и пахло гнилью, а зимой холодно, какъ въ погребѣ. Чтобы не нарушать великолѣпія парадныхъ горницъ, Фатѣвна спала даже зимой на полу кухни, подъ тремя шубами, уступая печку Денисычу, а палаты Ѳеклистѣ. Благодаря такимъ условіямъ, Фатѣвна цѣлую зиму маялась то зубами, то поясницей, то животомъ, то головой, но я увѣренъ, что въ ея трещавшей отъ угара, холода, сырости и свозного вѣтра головѣ ни разу не мелькнула мысль о возможности занять хоть на время одну изъ горницъ.

— А гости навернутся?! съ ужасомъ объясняла мнѣ Фатѣвна, когда однажды я намекнулъ ей на такую возможность — Што ты, што ты, дѣва... Устраивала-устраивала, налаживала-налаживала горницы, а тутъ стану сама-же ихъ срамить. Экое ты слово вымолвилъ, дѣва!..

— Хуже постоянно хворать, Фатѣвна, а неравенъ часть— и Богу душу отдашь, а горницы останутся.

— И пусть останутся, Феклиста будетъ жить... А што насчетъ смерти, дѣва, такъ ты это даже совсѣмъ напрасно, — вонъ наша Глафира скрыпнеть, а я противъ нея еще верба вербой. Это господа придумали разныя простуды, а мы и такъ износимъ.

Въ ожиданіи, пока пирогъ съ грибами «отдохнетъ», я разрѣшилъ почти математическую задачу, въ родѣ четвертаго измѣренія,—какъ устроиться съ своими пожитками въ средней горницѣ, на неумолимо жесткомъ диванѣ, точно набитомъ булыжникомъ. Главное неудобство моей позиціи заключалось, во-первыхъ, въ томъ, что вечеромъ, при огнѣ, въ моей комнатѣ было все видно, какъ въ фонарѣ, потому что парадныхъ занавѣсокъ опускать не полагалось; во-вторыхъ, косая Феклиста имѣла привычку шмыгать черезъ всѣ комнаты какъ разъ въ тѣ моменты, когда только начнешь раздѣваться или одѣваться. Время было лѣтнее, самый полдень; съ улицы такъ и тянуло тяжелымъ зноемъ, самоваръ погасъ и только изрѣдка пускалъ одну протяжную пискливую нотку, точно удавленный. Размѣстивъ свои пожитки частью подъ гостепріимный диванъ, частью въ уголъ, я съ удовольствіемъ мечталъ послѣ отдохнушаго пирога вздремнуть гдѣ-нибудь въ прохладномъ мѣстечкѣ, но это благочестивое желаніе было нарушено криками и руганью, которые донеслись со двора. Я распахнулъ окно на дворъ.

— Вонъ онъ, баринъ-то... Онъ все слышитъ! голосилъ знакомый мнѣ голосъ Глафиры, которая сидѣла на приступкѣ подсарайной, съ чулкомъ въ рукахъ.

— И пусть слышитъ!.. азартно отвѣчала Фатѣвна, выстукая по двору ферткомъ и даже поставивъ руки въ боки. — А ты все-таки живая боль... Чего размыргалась, какъ ворона передъ ненастьемъ?

— И ты хороша, сухая мозоль, отвѣчала Глафира, стараясь выдержать незлобный тонъ.—Ровно-бы тебѣ, Фатѣвна, и помолчать пора. Правду, видно, говорить, что бабѣ серсо*), какъ худой горшокъ,—все брэнчить. Ты-бы хоть чужихъ-то

*) Къ особенностямъ заводскаго говора на Уралѣ принадлежитъ смягченіе *ц* въ *с*, такъ что говорятъ: серсо вмѣсто сердце, сарь вмѣсто царь, дѣвиса, рукависы и т. д. *Асторъ.*

людей постыдилась. Своя дочь на возрастѣ, а дѣвись разѣ пристало твои непогожія рѣчи слушать?

Слабымъ мѣстомъ Фатѣвны была ея «дѣвуса», Феклиста, которая изъ-за своего косога глаза совсѣмъ «зачичеревѣла» въ дѣвкахъ, что родительскому сердцу Фатѣвны было особенно прискорбно. Въ крайнихъ случаяхъ Глафира умѣла именно съ этой стороны напасть на Фатѣвну, и послѣдняя лѣзла на стѣну, стараясь, въ свою очередь, отзолотить злыдню Глафирку на всѣ корки. Теперь, когда баринъ въ окошко все видѣлъ и слышалъ, отношенія воюющихъ сторонъ обострились въ высшей степени и перешли въ настоящее ратоборство. Посыпалась обоюдная брань. Фатѣвна въ азартѣ даже бросала щепами въ своего врага, а Глафира плевала въ нее, хотя щепы и плевки и не достигали своихъ конечныхъ цѣлей. Закончилась эта ссора тѣмъ, что обѣ стороны, уставъ ругаться, обратились къ моему третейскому суду, причѣмъ старались перекричать другъ друга, такъ что понять въ этой сумятицѣ рѣшительно ничего нельзя было, хотя по особенно частому упоминовенію имени Феклисты и можно было догадаться, что дѣло вышло изъ-за нея.

— Мамынька, пирогъ-то отдохнулъ!.. крикнула Феклиста, появляясь на крыльцѣ въ подтыканномъ ситцевомъ сарафанѣ.

— Ахъ, я дура!.. обругала себя Фатѣвна, направляясь къ «куфнѣ». — Простудила совсѣмъ пирогъ-то изъ-за этой злыдни...

— Ступай, ступай, воевода... поддразнивала Глафира, хихикая короткимъ смѣшкомъ, при чемъ закрывала свой ротъ широкой костлявой ладонью.—По словамъ, какъ по лѣстницѣ, ходишь, а баринъ съ голоду умирай...

Фатѣвна, занеся ногу на приступокъ крыльца, остановилась и, обернувшись назадъ, какимъ-то неестественно высокимъ голосомъ закричала:

— А ты, моль, уходи отъ меня!.. Слышишь? Чтобы и духу твоего не было у меня въ дому!

— И уйду... сейчасъ уйду!.. Испугала, подумаешь, своимъ-то домомъ, да я... Важное кушанье: плюнуть и растереть нечего.

— Моль, моль, моль!..

Конечно, вся эта сцена была самымъ невиннымъ упражненіемъ въ краснорѣчїи, чтобы убѣдить барина и весь свѣтъ,

какая вѣдьма эта Фатѣвна и какая злыдня Глафирка. Стороны, взывая къ моему третейскому нелицепріятному суду, конечно, рассчитывали каждая исключительно въ свою пользу. Невинными свидѣтелями происходившаго разбора, кромѣ меня, были двѣ копавшіяся въ мусорѣ курицы, шарашившіяся на длинной привязи тленокъ, лаявшая на воздухъ цѣпная собака Соболь, Денисычъ, запрягавшій подъ навѣсомъ лошадь, и дѣвѣса Феклиста, гремѣвшая въ кухнѣ посудой. Денисычъ, сутулый и низенькій мужикъ въ пестраевой рубахѣ и такихъ-же портахъ, въ развалившихся сапогахъ и рваной шляпенкѣ, меньше всего походилъ на то, чѣмъ долженъ былъ-бы быть мужъ Фатѣвны. Онъ сильно смахивалъ на одного изъ тѣхъ кухонныхъ мужиковъ, какихъ можно встрѣтить гдѣ-нибудь на черной лѣстницѣ большого столичнаго дома. Впрочемъ, въ домѣ Фатѣвны онъ и выполнялъ роль такого кухоннаго мужика. Какое-то полинялое лицо, мочальная борода, вялая движенія, апатичный; мрачный взглядъ — все говорило не въ пользу Денисыча. Народъ зоветъ такихъ мужиковъ мусорными. Заложивъ лошадь и поплевавъ на руки, Денисычъ постоялъ около телѣги минутъ пять, потомъ почесалъ въ затылкѣ и, передвинувъ свою шляпенку съ уха-на-ухо, въ прежнемъ раздумѣ вяло побрелъ въ кухню, вѣроятно, съ слабой надеждой, не перепадетъ-ли и на его долю отдохнушаго пирога. На дворѣ, залитомъ яркимъ июльскимъ солнцемъ, осталась теперь одна Глафира. Зѣвнувъ устало нѣсколько разъ въ свою костлявую руку, она посмотрѣла на кухню и неожиданно запричитала тоненькимъ плаксивымъ голосомъ, точно ее придавили:

— Сирота-а я горемычная... Нѣту у меня батюшки-заступничка, матушки-заботушки. Некому за меня заступиться... Охъ-хо-хо!.. Хоть-бы умереть отъ этой каторжной жисти! Вонъ она, эта вѣдьма, какъ меня собачила... Домъ у ней, слышь, такъ ступай изъ дому. И уйду... У покойнаго тятеньки какой домъ былъ, — почище этого въ сто разъ, да и то не хвастался. Собака эта Фатѣвна, настоящая цѣпная собака... И уйду, непременно уйду!.. Попадья о. Егора давно меня сманиваетъ—и уйду къ ней. Охъ, я сирота беззащитная, горьгорькая сиротинушка... У Фатѣвны-то у самой дочь. Вонъ какое косоое дерево уродилось.

Глафирѣ давно было за сорокъ; по общественному поло-

женію она была христовой невѣстой, потому что уродилась такой длинной и нескладной вислятью, что ни одинъ женихъ не рѣшился вступить съ ней въ законъ. Точно вытянутая фигура Глафиры поражала своей непропорціональностью, и общая костлявость дѣлала ее совсѣмъ безобразной. Длинные руки висѣли безжизненно; двигалась Глафира на своихъ длинныхъ ногахъ съ такимъ неувѣреннымъ видомъ, точно онѣ у ней были отморожены или подъ тощими складками безжизненно болтавшейся на ней шерстяной юбки были деревянные ходули вмѣсто ногъ. Длинное, желтое лицо Глафиры было покрыто мелкими морщинами, большой ротъ отрывалъ два ряда гнилыхъ зубовъ, которые она напрасно старалась закрыть своей костлявой рукой, жидкіе темные волосики на вдавленныхъ пощучьи вискахъ точно были прилизаны,—вообще, эта почтенная дѣвственница отличалась большимъ безобразіемъ, и только наступившая старость придавала ей извѣстную долю благообразности, скрывая своими морщинами пороки и недостатки. Только крошечные голубенькіе глаза, какъ двѣ незабудки, смотрѣли всегда такъ любовно и съ насмѣшливымъ добродушнымъ огонькомъ, да большой некрасивый ротъ улыбался точно что-то спрашивавшей, застѣнчивой улыбкой, какой умѣютъ улыбаться всѣ русскіе божьи люди. Голосъ у Глафиры былъ слабый, чахоточный, но онъ такъ хорошо переливался, точно ручеекъ бѣжитъ, такъ что хотѣлось его слушать безъ конца. Въ самомъ тонѣ было что-то такое безобидное, успокоивающее. Такъ умѣютъ говорить старыя няни, няни по призванію, которыя заговариваютъ самыхъ беспокойныхъ ребятъ, когда тѣ капризничаютъ и купоросятся передъ сномъ. Я любилъ слушать, какъ говорила Глафира, особенно когда она что-нибудь рассказывала,—она умѣла схватить самую типичную особенность людей и особенно ихъ слабыя стороны.

Къ числу особенностей этой христовой невѣсты, между прочимъ, принадлежала способность сочинять стихи, вѣрнѣе—складывать, потому что грамоты Глафира почти не знала. Сюжеты она выбирала изъ текущей дѣйствительности, при чемъ ея недругамъ перепало на долю немало злыхъ сарказмовъ. Гдѣ училась Глафира этому искусству и какъ научилась—трудно сказать; въ ней, можетъ быть, сказывалась та поэтическая жилка чисто народнаго склада, посредствомъ которой создавались всѣ народныя пѣсни, сказки, притчи, быliny и

сказанія. Въ данномъ случаѣ, даръ боговъ размѣнивался на слишкомъ мелкую монету...

Потрапезовавъ пирогомъ съ грибами, я только прилежъ на диванъ немножко отдохнуть послѣ дороги, какъ въ мою комнату неслышными монашескими шагами вошла Глафира. Она таинственно оглядѣлась по сторонамъ и, убѣдившись, что засады нигдѣ нѣтъ, потомъ заговорила:

— А, вѣдь, я вамъ, надо полагать, помѣшала? Тятенька покойничекъ всегда, бывало, какъ закусить пирожкомъ, сейчасъ на лежанку—теплая у насъ такая была лежанка—и отдернуть часикъ другой... Я ужь лучше уйду, а вы отдыхайте.

— Нѣтъ, садитесь... Что давеча не приходили чай пить?

— Охъ, ужь до чаевъ-ли намъ!.. Слышали, какъ даве Фатѣвна-то меня золотила? Ужь она меня и такъ, и этакъ... А мое дѣло сиротское... да...

Глафира какимъ то деревяннымъ жестомъ закрыла своей костлявой рукой глаза и тихонько захныкала; между пальцами у ней посыпались мелкія старческія слезки, падая на бутылочнаго цвѣта полинялое шерстяное платье.

— Да о чемъ вы ссорились съ Фатѣвной? спросилъ я, чтобы прервать наступившую тяжелую паузу.—Садитесь, пожалуйста.

Глафира присѣла на кончикъ стула, неторопливо высморкалась въ кончикъ клѣтчатаго платочка и, смахнувъ имъ же слезы и еще разъ оглянувшись кругомъ, таинственно заговорила:

— Съѣла она меня, Фатѣвна-то, поѣдомъ съѣла: какъ пила—день и ночь пилить... Со свѣту сживаетъ. Просто проходу нѣтъ. . И изъ-за чего?.. Просто головушки не приложу...

— Да давеча-то о чемъ вы ссорились?

— Давеча-то... Долго это вамъ рассказывать будетъ, да и рассказывать-то, пожалуй, не о чемъ. Просто Фатѣвна бѣсится, какъ псица другая...

При послѣднихъ словахъ Глафира улыбулась сквозь дрожавшія еще на рѣсницахъ слезы и, поправивъ концы шерстяного платка, которымъ была повязана у ней голова, заговорила тѣмъ особеннымъ тягучимъ речитативомъ, какимъ умѣютъ говорить только странники, разные божьи люди и особенно сказатели раскольничьихъ стиховъ.

— Насъ съ Фатѣвной и судить—такъ не разсудить, су-

дарь, ежели по настоящему все рассказывать-то, а такъ, къ слову пришлось, такъ ужь обскажу вамъ... Учитель къ намъ въ Мугай нѣвѣй прїѣхалъ, Помпей Агаѣонычъ Краснопѣвцевъ. Слышали? Ужъ успѣла Фатѣвна отлепортовать... Этакое жало змѣиное, подумаешь! Ну, такъ я про учителя-то начала... Изъ-за него собственно все и дѣло у насъ вышло. Парень онъ молодой, холостой. Изъ себя-то не то чтобы ужъ очень завидный, ну, а которая дѣвѣса зачичеревѣла, такъ ей даже очень интересно и за такого мужа выскочить. Все-же, какъ никакъ, мушкетеръ, хоть и пьетъ онъ... Отъ попа Андроника не выходитъ, такъ тамъ живмя и живетъ: Паньша да онъ. Хорошо. А какъ прїѣхалъ учитель къ намъ въ Мугай, поискалъ-поискалъ фатеры, да, не хуже—не лучше, къ Фатѣвнѣ на хлѣбъ и стань... Я еще подивилась тогда, зачѣмъ она его пустила: какая отъ учителя корысть ей, ежели онъ, можно сказать, одной водкой живетъ, а тутъ и вышло, что Фатѣвна-то похитрѣ насъ всѣхъ будетъ. Она, вѣдь, его чуть-чуть не женила на своемъ косомъ-то деревѣ, на Ѳеклиствѣ... Ей Богу!.. И безсовѣстная же эта Фатѣвна... Вѣдь, совсѣмъ загубила-бы парня. Помпей теперь убиралъ-бы навозъ да чистилъ конюшни у Фатѣвны, ежели-бы не я. Грѣшный человекъ, пожалѣла я его и разстроила все дѣло... Ну, натурально, Помпей-то какъ очнулся, чуть мнѣ не въ ноги, а потомъ ужъ... И рассказывать-то даже непрїятно! Этотъ-же самый Помпей большія мнѣ непрїятности дѣлаетъ, потому, не поя не кормя, ворага не наживешь. За мое-то добро Помпей на меня-же и остребенился. Ей-Богу!.. Онъ въ церкви поетъ съ своими парнишками, и ничего, хорошо поетъ. Какъ-то, этакъ въ великомъ посту, сидимъ мы на именинахъ у Ивана Прохорыча, у надзирателя... служащїе, духовные, старшина. Хорошо. Только Помпей подходит ко мнѣ, а самъ ужъ за галстукъ успѣлъ налить,—подходить и говорить: «А ты, говорить, Глафира Марковна,—такъ и тычетъ меня,—ты, говорить, зачѣмъ про меня да про косую Ѳеклисту стихи написала?» И пошелъ, и пошелъ... Смѣшно такъ говорить, всѣ хохочутъ, мнѣ совѣстно, а онъ: «Вотъ ты, Глафира, умрешь скоро, такъ мы тебя отпѣвать съ вершка будемъ... За каждый вершокъ отдѣльно пла-ти, потому у тебя ростъ вонъ какой!» Очень онъ тогда меня сконфузилъ...

— А стихи-то вы про него все-таки написали?

— Вот даже нисколько не писала... Хоть сейчас икону сниму! Про Фатѣвну, дѣйствительно, составила стишокъ, да еще про Андроника, ну, тутъ и про Помпея будто помянула немножко. А Помпей-то ничего-бы и не зналъ, ежели-бы его попу Андроникъ не настроилъ. Случай тутъ маленькій вышелъ... Смѣшно и рассказывать-то!..

Глафира перевела духъ и улыбнулась.

— Какой-же случай-то, Глафира Марковна?

— Да такъ, пустяки... Я и про Андроника-то не писала ничего, а только про Фатѣвну, ну, а Андроникъ покажись это обидно, вотъ онъ и напустилъ на меня и Помпея, и Панышу. Напыются у Андроника, да ночью—къ нашему дому... У Паныши вонь какая пасть-то,—какъ заоретъ: «...и сотвори рабѣ твоей Глафирѣ вѣчную память...», а потомъ вдвоемъ и затануть: «Вѣчная память...» Къ старшинѣ ходила ужъ жаловаться на нихъ, потому житья мнѣ не стало отъ нихъ. Хорошо... Такъ вотъ, я про случай-то начала вамъ рассказывать... Лошадникъ, вѣдь, Андроникъ-то у насъ, страшный лошадникъ. И была у него вороная кобылка, грива на лѣвую сторону и копыта стаканчиками. Мягкія у ней были копытцы-то, не больно важныя, ну, а бѣгала она ничего—какъ слѣдуетъ лошади. Ну, и приглянулась эта самая кобылка нашей Фатѣвнѣ, а ужъ ей что приглянется—вынь да положь. Вѣдь обошла она попа Андроника, кругомъ обошла... Тотъ совсѣмъ и не думалъ лошади продавать, а тутъ спустилъ ее Фатѣвнѣ за пятьдесятъ цѣлковыхъ. Хорошо. Привела Фатѣвна лошадь, сгоняла на ней два разъ въ городъ, а потомъ и продала ее новому нашему попу, о. Георгію, за сто цѣлковинькихъ. Ей-Богу... При мнѣ и продавала. Чистый цыганъ,—куда—и цыгану не сдѣлать супротивъ Фатѣвны. Приведетъ это попа къ себѣ и давай представляться съ своей кобылкой: подъ брюхомъ у ней пролѣзаетъ, верхомъ гоняетъ... Ну, и продала! А попу-то Андроникъ это вдвойнѣ обидно, потому пятьдесятъ цѣлковыхъ, первое, жаль, а, второе, на его-же кобылкѣ теперь о. Георгій по всему заводу разѣзжаетъ. А у нихъ промежду себя контры выходятъ: сильно рознять. Ну, я все это и описала про Фатѣвну, да еще прибавила, какъ она дочь свою хотѣла выдать за Помпея... на меня всѣ и накинулись. Изъ-за этого самаго и сегодня Фатѣвна лаялась на меня. А мнѣ что: все равно, я уйду отъ нея, хоть она озолоти меня,—не останусь...

Въ какихъ-нибудь полчаса Глафира высыпала всё мугайскія новости, которыхъ было очень немного: назначили въ Мугай новаго управителя, какого-то француза; сгорѣлъ домъ у бухгалтера, поймали весной у бучила шуку въ полтора аршина, попъ Андроникъ чуть не утонулъ вмѣстѣ съ учителемъ и Паньшой и т. д. Рассказывала она все съ мельчайшими подробностями, какъ умѣютъ рассказывать только самыя записныя сплетницы. Меня всегда удивляли аналитическія особенности глафириныхъ мозговъ, потому что въ ея маленькой головкѣ всё впечатлѣнія дѣйствительности переваривались съ той отчетливой тонкостью, съ какой идутъ только химическія реакціи. Этотъ оригинальный умъ работалъ какъ сѣрная кислота, разлагая безпощаднымъ образомъ все, что попало подъ руку. Между прочимъ, съ ловкостью настоящаго дипломата, Глафира освѣдомилась, надолго-ли я пріѣхалъ въ Мугай и зачѣмъ.

— Наболтала я у васъ съ три короба, заговорила Глафира, поднимаясь съ мѣста.—Ужъ извините, пожалуйста... Поговорила съ чужимъ-то человѣкомъ—все-же на сердцѣ легче. Не привыкла я къ мужицкому-то обращенью, какъ Фатѣвна, вотъ меня и тянетъ къ вамъ... Если-бы покойничекъ тятенька былъ живъ, да я и смотрѣть-то на это змѣиное жало не стала, на Фатѣвну-то.

Между Фатѣвной и Глафирой существовала какая-то почти органическая ненависть, которая проявлялась въ самыхъ яркихъ и крикливыхъ формахъ, а между тѣмъ эти двѣ женщины жили подъ одной кровлей не одинъ десятокъ лѣтъ,—мало этого, кажется, даже не могли существовать одна безъ другой. Что ихъ связывало—трудно сказать, но эта невозможная комбинація продолжала существовать, какъ существуетъ многое другое на бѣломъ свѣтѣ. Глафира происходила изъ обѣднѣвшаго управительскаго рода, кажется, имѣла маленькій капиталчикъ про черный день и существовала исключительно работой собственныхъ рукъ. Занимая крошечную коморку глѣ-то въ подсарайной *), она вѣчно возилась съ полосами ситца и другихъ матерій, изъ которыхъ выкраивала за-

*) У зажиточныхъ заводскихъ обывателей, въ службахъ, подъ сараемъ, обыкновенно выдѣлывается горенка на всякій случай, гдѣ проживаетъ прислуга или кто-нибудь изъ дальней бѣдной родни; такія горенки называются подсарайными.

водскимъ щеголихамъ самые модные фасоны. Въ своей спеціальности Глафира настолько «наварлыжилась», что могла существовать вполне безбѣдно, конечно, пока Богъ грѣхамъ терпитъ, потому что вѣчно у ней что-нибудь болѣло, и она вѣчно лечилась по всевозможнымъ рецептамъ. Въ ея лицѣ сгруппировались всевозможныя болѣзни, какія только въ состояніи придумать медицина, и, по всей вѣроятности, Глафира давно отошла-бы въ селенія праведныхъ, если-бы ее не поддерживала упорная и ожесточенная борьба съ Фатѣвной, которая бодрила и крѣпила ее лучше всевозможныхъ лекарствъ.

Фатѣвна являлась полной противоположностью Глафиры, какъ типичная представительница разбитной и проворной заводской бабы, которая съумѣла не только выбиться изъ остальной заводской босоты и наготы, а, поднявшись на извѣстную экономическую высоту, отвоевала себѣ совершенно особенное мѣсто въ природѣ. Она вела небольшую торговлишку, торговала всякимъ товаромъ, какой подвертывался подъ руку за сходную цѣну: зимой—хлѣбомъ, осенью—крестьянскимъ товаромъ, въ Петровки — косами - литовками и т. д. Особой спеціальностью Фатѣвны была торговля лошадьми, вѣрнѣе, барышничество, потому что она чаще мѣняла ихъ съ непремѣнной придачей. За лошадьми она ѣздила на конныя ярмарки, сама выбирала изъ пригонныхъ киргизскихъ табунновъ подходящихъ скотовъ, сама объѣзжала ихъ, а потомъ неизмѣнно сбывала ихъ какому-нибудь хорошему человѣку, какихъ у ней было по заводамъ цѣлая „пропасть“. Кроме этого, Фатѣвна брала на себя всевозможныя комиссіи, и брала часто не изъ расчета, а просто изъ любви къ искусству: понадобилось женѣ плотиннаго перемѣнить пеструю корову непремѣнно на бурую—сейчасъ къ Фатѣвнѣ; у француза-управителя для ребенка искали дойную козу—и тутъ безъ Фатѣвны дѣло не обошлось; достать лѣсу, обрядить невѣсту, найти писаря въ волость—все это Фатѣвна орудовала въ лучшемъ видѣ, какъ никто другой. У себя дома она рѣшила «женскій вопросъ» по-своему и держала Денисыча совсѣмъ въ черномъ тѣлѣ, предоставивъ ему самую тяжелую домашнюю работу, въ то время, какъ сама разъѣзжала по ярмаркамъ, покупала, мѣняла, объѣзжала лошадей и вѣчно что-нибудь промышляла и гоношила. Нужно, однако, оговориться: по праздникамъ, когда Денисычъ усѣивалъ гдѣ-нибудь напиться, онъ вдругъ

начиналъ чувствовать себя настоящимъ, заправскимъ мужемъ; бушевалъ, ругался и даже колотилъ Фатѣвну чѣмъ попадя. Въ такихъ исключительныхъ случаяхъ, Фатѣвна принималась неистово голосить и, простоволосая и съ изцарапаннымъ лицомъ, выбѣгала на улицу, поднимая на ноги всю ее. Денисыча связывали, умиряли домашними средствами, и этотъ примѣрный мужъ опять везъ свой возъ какъ ни въ чемъ не бывало. Меня всегда удивляло поведеніе Фатѣвны съ пьянымъ мужемъ, котораго она непремѣнно задирала, точно сама напрашиваясь на побои. Можетъ быть, въ этомъ случаѣ Фатѣвна только платила извѣстную дань своему все-таки бабьему положенію и хотъ «на часъ мѣста» желала быть такой-же бабой, какъ всѣ другія заводскія бабы: ей нравилось дразнить пьянаго Денисыча, чтобы потомъ поголосить вдоволь на улицѣ.

— Да вѣдь, онъ мнѣ мужъ, дѣва? объяснила однажды Фатѣвна эту аномалію въ своей бойкой жизни.

II.

Изъ оконъ дома Фатѣвны отерывался великолѣпный видъ на Мугайскій заводъ, главнымъ образомъ на ту его часть, которая расположилась по берегамъ заводскаго пруда. Домикъ Фатѣвны стоялъ на береговомъ угорѣ, недалеко отъ заводской плотины. Такихъ заводовъ, какъ Мугайскій, по восточному склону Урала разсыпано нѣсколько десятковъ, и всѣ они походятъ одинъ на другой въ общихъ чертахъ, съ той разницей, какую вноситъ природа: на югѣ и на сѣверѣ Урала горы выше и живописнѣе, а въ средней части представляютъ только большой величины холмы, разбросанные по зеленому простору, безъ всякаго плана и порядка, какъ высыпанные изъ мѣшка ковриги хлѣба. Горы, окружавшія Мугайскій заводъ или попросту—Мугай, были невысоки и сплошь покрыты вѣчно-зелеными ельниками; вдали, повитыя синеватой мглой, онѣ кучились, какъ темныя грозовыя облака, выплывавшія изъ-за горизонта круглившимися линиями. Широкая полоса заводскаго пруда вдавалась между горами широкимъ свѣтлымъ языкомъ; по берегамъ пруда заводскіе домики выровнялись въ правильныя линіи, образуя широкія, убитыя заводскимъ шлакомъ улицы. Можно было пожалѣть только объ одномъ, что завод-

скіе дома выходили на прудъ, большею частью, своими задворками и огородами, за небольшимъ числомъ исключеній, въ родѣ домика Фатѣвны. Если-бы повернуть всё дома фасадомъ къ пруду, видъ на заводъ много выигралъ-бы относительно красоты общаго вида, но русскій человекъ какъ-то меньше всего заботится о такой красотѣ. Другимъ недостаткомъ постройки являлось полное отсутствіе садовъ. Панорама жилья поражала своимъ голымъ видомъ; только два три кедрика одиноко торчали кое-гдѣ въ огородахъ, какъ позабытые смертью инвалиды. Крайнія постройки отдѣляла отъ лѣса неширокая полоса пашень и кулигъ *). Особенно хорошъ былъ видъ на Мугай рано утромъ, когда весь прудъ еще дымился туманомъ.

Заводскіе домики, по своей архитектурѣ, представляли нѣчто среднее между городскими постройками и деревенскими избами, вѣрнѣе сказать—здѣсь перемѣшались и тѣ, и другіе. Какъ особенность мѣстной архитектуры, можно отмѣтить только обычай крыть дворы наглухо. Въ лѣсной полосѣ Россіи, гдѣ нашель себѣ пріютъ расколъ, большинство домовъ выстроено такимъ образомъ, что объясняется, разъ,—обиліемъ строительнаго лѣсного матеріала, а второе,—исторически сложившейся привычкой жить «усторожливо». Каждый дворъ представляетъ собою небольшую деревянную крѣпостцу, попасть въ которую непрошенному гостю очень трудно; такъ строится каждый справный мужикъ, хотя особенной нужды въ такихъ усторожливыхъ постройкахъ и не имѣется. Непривычному человеку даже неприятно, отворивъ ворота, попадать въ кромѣшную тьму, гдѣ долго глазъ не можетъ отыскать отдѣльные предметы.

Прудъ былъ перехваченъ широкой плотиной, изъ-за которой выставлялись дымившія фабричныя трубы. На лѣвой сторонѣ пруда стояла деревянная низенькая церковь, совсѣмъ утопанная въ зелени липъ и черемухъ; напротивъ нея—заводская контора съ бѣлыми колоннами у подъѣзда. Въ концѣ небольшой квадратной площади, которая отдѣляла собственно фабрику отъ «базара», какъ забытый въ лѣсу грибокъ, сидѣлъ старый господскій домъ. На правой сторонѣ пруда, у подно-

---

*) Кулигами на Уралѣ называютъ огороженные прясломъ—язгородью—покосы.

жия оголенной горки, строилась новая каменная церковь; за ней, вверху по горѣ, тянулись черные угольные валы. Сейчас за плотиной мѣстность сильно понижалась, и бойкая горная рѣчонка Мугай весело разливалась въ своихъ глинистыхъ плоскихъ берегахъ, образуя широкую и красивую излучину. Здѣсь живописно разсажались самыя бѣдныя избушки, и, между прочимъ, здѣсь-же стоялъ одноэтажный деревянный домикъ попа Андроника, глядѣвшійся въ Мугай своими пятью большими окнами съ крѣпкими новыми ставнями.

Отдохнувъ послѣ дороги, вечеромъ я отправился провѣдать стараго знакомаго, попа Андроника. Отъ дома Фатѣвны сначала нужно было пройти по берегу пруда, потомъ обогнуть фабрику, перейти переброшенный черезъ Мугай деревянный мостикъ и спуститься внизъ по рѣкѣ. Когда я поровнялся съ фабрикой, отдали свистокъ,—это былъ конецъ трудового фабричнаго дня,—и изъ воротъ фабричнаго двора высыпала пестрая и чумазая толпа рабочихъ. Среди устало бревшихъ мастеровыхъ весело толкались подростки и ребята лѣтъ десяти, которыхъ не могла уgomонить даже двѣнадцатичасовая фабричная работа; пестрядевыя рубахи, войлочные шляпы и фуражки, потныя красныя лица и устало висѣвшія руки—все было точно пропитано заводской сажей. Отдѣльной артелкой торопливо бѣжали поденьщицы и дровосушки; слышался вoкетливый визгъ и молодой беззаботный смѣхъ. Я шель за этой толпой по мосту и затѣмъ свернулъ по берегу Мугая. Около берега, засучивъ штанишки выше колѣнъ, стояли въ водѣ мальчики съ длинными удочками; мутная вспѣнная вода катилась мимо нихъ унося съ собой щепы и разный хламъ. А вотъ и домикъ о. Андроника, съ крѣпкими воротами и высокимъ заборомъ; изъ-за него зелеными шапками поднимались кусты рябины. Попъ Андроникъ жилъ всегда крѣпко, и нечего было думать напастъ на него врасплохъ: ворота, всѣ двери и окна всегда были на запорѣ.

— Кто тамъ? послышался чей-то незнакомой голосъ, когда я постучался въ ворота.

— Отецъ Андроникъ дома?

Мой стукъ поднялъ страшный лай двухъ цѣпныхъ собакъ, потомъ загремѣлъ желѣзный засовъ съ желѣзной цѣпью, и калитка, наконецъ, отворилась. Предо мной стоялъ молодой человекъ, длинный и худой, съ болѣзненнымъ тонкимъ ли-

домъ; казинетовое коротенькое пальтецо лоснилось около кармановъ и по борту, парусинные панталоны были заправлены въ сапоги, фуражки на головѣ не было. По описанію Глафиры, я узналъ въ молодомъ человѣкѣ учителя Краснопѣвцева, который смотрѣлъ на меня прищуренными маленькими глазами вызывающе и насмѣшливо.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ... загремѣлъ хриплый басъ о. Андроника, который въ одномъ бѣльѣ и жилетѣ поверхъ ситцевой розовой рубашки патриархально сидѣлъ на крылечкѣ.— Откуда, куда и зачѣмъ? Ну, здравствуй, братчикъ...

Попъ Андроникъ былъ невысокъ ростомъ, коренастъ и плечистъ; его сильную, на-диво сколоченную фигуру портилъ только большой животъ, сильно выпиравшій изъ-подъ шелкового атласнаго жилета, какіе носили франты лѣтъ сорокъ тому назадъ. Большая голова о. Андроника, съ висѣвшими космами темныхъ волосъ, сильно прохваченныхъ сѣдиною, придавала ему суровый видъ. Большой мясистый носъ, крупныя губы, густыя сросшіяся брови и одутловатыя щеки, обильно обросшія рѣдкой щетинистой бородой, еще усиливали первое впечатлѣніе суровости. Только когда попъ Андроникъ начиналъ громогласно хохотать, вздрагивая всѣмъ тѣломъ и поднимая жирныя плечи, онъ превращался въ оригинальнаго и добродушнаго человѣка, которому природа дала суровую фizioномію Богъ знаетъ съ какой цѣлью. Впрочемъ, этотъ массивный старикъ, сдѣланный изъ всего дерева, не былъ чуждъ нѣкоторыхъ недостатковъ и, между прочимъ, любилъ задать тону своей представительной фигурой, пока самъ первый не начиналъ хохотать. А посмѣяться попъ Андроникъ любилъ и смѣялся мастерски, такъ что, глядя на него, самому хотѣлось тоже хохотать. Отъ низкихъ басовыхъ нотъ онъ быстро переходилъ къ теноровымъ и, закрывъ глаза, заливался самымъ высшимъ гласомъ. Въ семинаріи, во времена оны, онъ слылъ за перваго силача, но теперь сильно постарѣлъ, обрюзгъ и просто зажирѣлъ.

— Это Паганини, братчикъ... коротко отрекомендовалъ о. Андроникъ учителя.—Онъ у меня съ Паньшей такіе концерты задаетъ, что отдай все.

Около сарая я только теперь замѣтилъ сгорбленную жидко костную фигуру самого Паньши, который, несмотря на лѣтній день, былъ облеченъ въ толстый драповый подрясникъ

квѣта Bismark furioso. Одной рукой Паньша придерживалъ расхлотившіяся полы своего подрясника, а другой пряталъ за спиной рваную баранью шапку, въ которой ходилъ и зиму, и лѣто. Испитое, смуглое лицо Паньши съ жиденькой растительностью на подбородкѣ и спутанными на головѣ длинными волосами того-же квѣта Bismark furioso, длинный, смотрѣвливый въ рюмку носъ,—все это, взятое вмѣстѣ съ общей протяженной сложностью Паньши, полнымъ отсутствіемъ живота, ввалившейся грудью, острыми угловатыми плечами и несоразмѣрно длинными руками, производило тяжелое и непріятное впечатлѣніе. Это былъ настоящій дьячокъ старой школы, униженный и льстивый, отдававшій чѣмъ-то пришибленнымъ. Только небольшіе темные глазки, смотрѣвшіе льстиво и дерзко, придавали фізіономіи Паньши оригинальное выраженіе.

— Мы тутъ, братчикъ, пса умирняемъ, объяснилъ мнѣ о. Андроникъ, тыкая пальцемъ въ согнутую фигуру Паньши. — Онъ похвастался, что подойдетъ къ Нигеру...

— И подойду, о. Андроникъ, отозвался Паньша, вынимая изъ-за спины свою шапку.—Я многихъ собакъ укрощалъ, а вашего Нигера...

— Не хвастай, братчикъ, загудѣлъ о. Андроникъ.—Нигерь тебя пополамъ перекусить...

— Отецъ Андроникъ, позвольте-съ... Одно движеніе и умирю.

— О, чортъ съ тобой, умирай, согласился Андроникъ.— Только я не отвѣчаю, если Нигерь тебѣ носъ откусить... Братчики, будьте свидѣтелями!..

— И подойду... да!... Вы не смѣйтесь, о. Андроникъ... одно движеніе...

Фізіономіи дѣйствующихъ лицъ свѣтились подозрительнымъ румянцемъ; Паньша, повидимому, не совсѣмъ былъ увѣренъ въ своихъ длинныхъ, подгибавшихся ногахъ, а Паганини забавно моргалъ слипавшимися глазами. Нигерь, пестрая собака-дворняга, лежалъ у своей конуры, положивъ большую голову между передними лапами, и подозрительно-вызывающе помахивалъ своимъ пушистымъ бѣлымъ хвостомъ. Онъ точно понималъ, что рѣчь идетъ о немъ. Двѣ другихъ собаки, прикованныхъ къ сараю, внимательно наблюдали за каждымъ движеніемъ Паньши, вѣроятно испытывая большое искушеніе за-

пугать свои бѣлые зубы въ тощую плоть укротителя. Получивъ разрѣшеніе въ окончательной формѣ, Паньша сдѣлала нѣсколько быстрыхъ шаговъ къ Нигеру и сейчасъ-же отскочила назадъ, болтая въ воздухѣ правой рукой.

— Что? Я тебѣ говорилъ, братчикъ? торжествовалъ о. Андроникъ, колыхаясь всѣмъ тѣломъ.—Ай-да Нигерь, молодець!..

— Персть, о. Андроникъ... ваша собачка мнѣ укусила персть... лепетала Паньша, обертывая раненую руку въ грязный носовой платокъ.

— Дуракъ! Благодарю Бога, что она тебѣ голову не оторвала... Братчики, пойдете въ комнаты, предложилъ о. Андроникъ, поднимаясь съ крылечка.—Паганини, ты куда?

— А я домой... нервнительно заявилъ Паганини.

— Врешь, братчикъ... Мы еще концертъ устроимъ...

Дворъ у о. Андроника былъ открытый, но устроенъ хозяйственно. Крѣпкія службы, конюшни, баня, небольшой садикъ, гдѣ любилъ хозяинъ пить чай лѣтомъ; подъ навѣсомъ стояли крѣпкая телѣга, дорожная повозка и легкая желѣзная долгушка, выкрашенная зеленой краской. Сажень двадцать сухихъ березовыхъ дровъ занимали задній планъ; ближе были сложены какія-то бревна и свѣжій тесъ. Гдѣ-то кудахтали куры и весело горланилъ голенастый кохинхинскій пѣтухъ; изъ отворенныхъ дверей конюшни доносился храпъ и топотъ жевавшихъ сѣно лошадей. Въ густой травѣ, въ чертѣ садика, лежала привязанная къ изгороди коза съ двумя козлятами. Вообще, по всему былъ виденъ хозяйскій заботливый глазъ. Самый домъ былъ устроенъ по-старинному, съ низенькими теплыми комнатами, безъ форточекъ и съ высокими порогами въ каждой двери. На окнахъ стояли припечатанные сургучемъ ведерныя бутылки съ наливками. Березовая мебель чинно стояла около стѣнъ; широкій диванъ въ гостиной, съ придавленнымъ сидѣньемъ, свидѣтельствовалъ о гостепріимномъ характерѣ своего хозяина. Но въ этой приличной обстановкѣ уютныхъ, теплыхъ комнатъ поповскаго дома чего-то не доставало,—не доставало тѣхъ мелочей и пустяковъ, какіе вносятъ съ собой женская рука, оживляя мертвую обстановку. Даже излишняя чистота и опрятность комнаты отдавала чѣмъ-то нежилымъ и мертвымъ, какъ у всѣхъ старыхъ холостяковъ. Попъ Андроникъ овдовѣлъ въ молодыхъ лѣтахъ, дѣтей не имѣлъ, и теперь всѣмъ хозяйствомъ заправляла у него какая

то дальняя родственница, совсѣмъ безцвѣтная, молчаливая старушка, находившая на монахиню. Говорили, что попоъ Андроникъ скупъ, какъ кощей, и дрожить надъ каждой копейкой. Но я лично очень любилъ его, какъ вырождающійся типъ попоа стараго покроя,—именно попоа, а не батюшки. Къ числу особенностей о. Андроника принадлежала его слабость къ часамъ. У него былъ цѣлый ассортиментъ карманныхъ часовъ, начиная съ старинной серебряной луковицы и кончая золотыми часами новѣйшей конструкціи. Кромѣ того, въ каждой комнатѣ о. Андроникъ повѣсилъ по стѣннымъ часамъ и строго наблюдалъ, чтобы всѣ часы въ домѣ ходили изъ минуты въ минуту, что стоило ему не только большихъ хлопотъ, но и порядочныхъ издержекъ.

— Ну, вы тутъ посидите, а я схожу, распоряджусь... говорилъ о. Андроникъ, вводя насъ въ свою гостиную.

Черезъ пять минутъ онъ явился облеченный въ синій люстриновый подрясникъ и съ бутылками въ рукахъ. Паганини пріятно осклабился и толкнулъ локтемъ Паньшу, который не зналъ, куда ему дѣваться съ своей шапкой.

— А гдѣ ты остановился? спросилъ меня о. Андроникъ, устанавливая бутылки на угловомъ столикѣ.—У этой архибестіи Фатѣвны?

Имя Фатѣвны произвело сенсацію. Паганини усиленно заморгалъ глазами, а Паньша торопливо сунула свою шапку подъ стулъ.

— Она, братъ, меня такъ оплела... жаловался о. Андроникъ, поднимая брови.—Слышалъ, братчикъ?

— Слышалъ мелькомъ...

— Да это еще ничего, что оплела, а взяла да мою-то лошадь о. Егору и продала... И про Егорку слышалъ? Тоже хорошо съ Фатѣвной-то—два сапога пара. Можетъ, Глафира и стихи про меня читала?

Отецъ Андроникъ разсердился и тяжело вѣсопѣлъ носомъ, но потомъ улыбнулся и, тряхнувъ головой, добродушно забасилъ:

— А у меня былъ одинъ знакомый стихотворецъ... Ей-Богу! Вотъ какъ теперь тебя вижу его, братчикъ. Я еще тогда въ Кунгуръ ѣздилъ, къ брату въ гости. Ну, какъ-то собралась компанія. Сидимъ. И стихотворецъ сидитъ съ нами. Онъ по акцизу служилъ... Выпили. Я и говорю ему: «а ну-ко,

братчикъ, скажи стихи! Поддразнить его хотѣлъ, а онъ сейчасъ и брякнулъ:

Вижу, вижу
Даму рыжу,—
Я ее ненавижу...

— Это не стихи, а рубленая говядина, вяло замѣтилъ Паганини, наливая себѣ рюмку водки.

— Врешь, братчикъ! защищался обиженный старикъ.—Ты ничего не понимаешь въ стихахъ... Говорять тебѣ, настоящій стихотворецъ былъ. А Глафира меня, говорить, всего описала...

Паньша успѣлъ себѣ налить рюмку и умильно поглядывать на владку, выжидая позволенія.

— Батюшко о. Андроникъ, благословите... нерѣшительно проговорилъ онъ.

— Богъ тебя благословитъ на хорошее, а на худое самъ догадаешься... пошутить старикъ и первый раскатился самымъ завиднымъ хохотомъ.—Ну, чего ты ко мнѣ присталъ: поставлено — пей...

— А я, батюшка, о. Андроникъ, могу сконфузить и Фатѣвну, и Глафиру, объяснялъ Паньша, опрокидывая рюмку.— Ей-Богу, могу сконфузить...

— Чѣмъ ты ихъ сконфузишь?

— Очень просто, батюшка, о. Андроникъ... Даже какую угодно высокую даму могу сконфузить. Подойду и скажу: вы—тварь.

— А она тебѣ скажетъ: ты—дуракъ... Ха-ха-ха!..

— Нѣтъ, позвольте, батюшка, о. Андроникъ... У меня есть доказательство: Адама Богъ создалъ изъ персти земной, а Еву сотворилъ изъ ребра, слѣдовательно всякая женщина—тварь... Я могу сконфузить всякую женщину въ большой компаніи.

— Погоди, вотъ насъ съ тобой Егорка уже такъ сконфузить, что небо съ овчину покажется, задумчиво проговорилъ о. Андроникъ и опять нахмурилъ брови.—Заведется-же такой человекъ, подумаешь... а?..

На угольномъ столикѣ, кромѣ водки и домашней наливки, появились чисто поповскія вина—тенерифъ и лиссабонское, но они служили только для декораций,—центр тяжести оставался попрежнему въ водкѣ. Самъ хозяинъ сначала отказывался отъ выпивки, но когда рѣчь зашла объ о Егорѣ, онъ

залпомъ выпилъ нѣсколько рюмокъ, точно стараясь залить какого-то червяка, который мучительно сосалъ его. Пока Паньша болтала разный вздоръ, а Паганини ходилъ изъ угла въ уголъ, какъ маятникъ, старикъ какъ-то уныло молчалъ. Въ немъ не было прежней безпечности и добродушія, лицо было озабочено, въ глазахъ свѣтилась какая-то напряженная мысль, которая не хотѣла никакъ выходить.

— О чемъ вы такъ задумались, о. Андроникъ? спросилъ я.

— Я?.. Гмъ.

Старикъ почесалъ въ затылкѣ и тяжело вздохнулъ.

— Послѣднія времена, братчикъ, пришли... уныло отвѣтилъ онъ, опять наливая рюмку.—Кончено!..

— Что кончено!

— Ну, все кончено... Я все про Егора-то толкую, братчикъ. Приѣхалъ онъ къ намъ безъ году недѣля, а ужъ всѣхъ прибралъ къ рукамъ.. Проворный человекъ... хоть и ни съ чѣмъ пирогаъ.

— То-есть, какъ-же это такъ?—И проворный, и ни съ чѣмъ пирогаъ?

— А ужъ такъ: ума настоящаго въ немъ мало, а хитрости пропасть! Вѣрно, братчикъ... Такіе нынче люди пошли... Вѣдь, и смотрѣть не не что, вотъ въ родѣ Паганини—мозглявый такой, худенькой, а такъ всѣхъ и загребаешь. По настоящему-то я—настоятель, а онъ мой помощникъ... Такъ? А на дѣлѣ все такъ выходитъ, что чего онъ захочетъ, то и будетъ. И самъ не знаю, какъ это онъ устраиваетъ. Нарочно въ свою сторону гну, а глядишь, все по егеркиному. Я даже, братчикъ, иногда боюсь его... Ей-Богу!.. Ласковый такой, обходительный, а самъ веревки изъ всѣхъ вьетъ. Взять теперь хоть такое дѣло: сборы. Жалованьишко у насъ мѣсячное—двѣнадцать съ полтиной... ну, доходы тамъ кое-какіе, а все-таки въ общей сложности пустяки получаешь. Я раньше въ деревнѣ служилъ и привыкъ къ сборамъ: петровское беру, ругу беру, осеннее беру... Гдѣ парочку яичекъ, гдѣ масла ложку, гдѣ овса—оно и сбѣжится малую толику. Другая баба заартачится, а я ей: «Ой, баба, баба, попу жалѣешь, а умрешь, все останется...» Ха-ха!.. Ну, бабенка испугается и лишнюю ложку масла накинеть. Въ другой разъ лаской берешь: „А вѣдь ты, Матрена, ровно по-

молодѣла... а?» Опять баба и разступится яичкомъ попу Андронику за ласковое слово. Такъ-то... Нелегко нашему брату добыча-то достается, ежели разобрать; тоже живой человѣкъ—и языкъ переболтается. Хорошо. Прїѣхадь о. Егоръ и все по своему повернулъ: «не хочу осеннее да петровское собирать». «Врешь, думаю,—жрать захочешь, даромъ, что хитерь.» Пронили Петровки, а онъ и въ усь не дуеть, — сидитъ да газету читаетъ у окошечка. Что-бы вы думали, бабенки все это пронюхали и на меня, какъ осы: «Вотъ о. Егоръ не собираетъ петровскаго... новое положеніе вышло». — «Дуры вы, говорю, этакія, никакого новаго положенія не вышло, а о. Егоръ васъ просто оплетаетъ...» Куда! слышать ничего не хотять! Вѣдь, я половины не собралъ, а онъ сидитъ съ газетой да посмѣивается... Вотъ онъ какой гусь!..

— Что-же, отецъ Андроникъ, вольному воля. Нельзя-же его заставить насильно петровское собирать...

— Нѣтъ, ты постой, братчикъ, послушай дальше-то... Деньгу и о. Егоръ любить; вотъ онъ и смозговаль такую штуку: придетъ мужикъ свадьбу вѣнчать,—туть его о. Егоръ и оборудуеть, да еще заставить ходить недѣли двѣ. Я яичкомъ беру, а онъ рубликомъ, да еще лучше его нѣтъ: мы, дескать, не христарадничаемъ, не просимъ по подоконью, какъ старый дуракъ, пощъ Андроникъ. Да это еще-бы ничего, а то обидно, что мужики его-же и уважають, Егора.

— Очень мозговитый человѣкъ о. Егоръ, резюмировалъ все сказанное Паньша.

— И вездѣ онъ носъ суетъ, вездѣ ему дѣло, продолжалъ сердито о. Андроникъ, отпыхивая, какъ тульскій давно нелужонный самоваръ.—Взять хоть теперь Паганини... Эй, Паганини, про тебя говорю?

— Ну? апатично отозвался Паганини, продолжая шагать изъ угла въ уголь.

— Чего нукать-то, братчикъ... Этотъ Егоръ и Паганини подвель животы. Въ школѣ законоучителемъ состою я, какъ настоятель,—ну, какое ему дѣло до школы? — такъ нѣтъ, и въ школу пролѣзъ. Чуть не каждый день таскался въ школу и до своего добился: произвелъ Паганини въ нигилисты и даже чуть съ мѣста не сжилъ... Настоящій нокоть, какой лошадей беретъ!.. А потомъ въ волость повадился: какъ сходъ, онъ туть какъ туть. Проповѣди въ цервви каждое воскресенье

говорить, какія-то книжонки даромъ раздастъ мужикамъ, раскольниковъ увѣщаетъ. И какъ только ему не лѣнь во всякую дыру свой носъ совать...

— Іезуитъ... промычалъ Паганини, наливая рюмку.

— Мазепа, прибавилъ Паныша.

— Нѣтъ, Гришка Отрепьевъ! громогласно рѣшилъ о. Андроникъ и захохоталъ прежнимъ раскатистымъ смѣхомъ.

Безцвѣтная старушка подала на тарелочкахъ разной домашней поповской закуски: соленыхъ грибовъ, паюсной икры, пирожковъ съ капустой, и разговоръ о хитростяхъ и подвохахъ о. Егора на-время умолкъ. Говорили о разныхъ разностяхъ, о старыхъ знакомыхъ, о дороговизнѣ на харчи и т. д. Паганини вытащилъ откуда-то свою скрипку и довольно фальшиво сыгралъ на ней сначала вальсъ «Il basio», а потомъ какую-то мудреную херувимскую, «Раззоренную». Паныша и о. Андроникъ подпѣвали. Каждый истинно русскій человѣкъ чувствуетъ непреодолимое влеченіе къ такому духовному пѣнію, и я съ особеннымъ удовольствіемъ слушалъ это оригинальное тріо. Паныша прижался въ уголокъ, по-обыкновенію прихвативъ одной рукой полы своего рыжаго подрясника, а другой закрывая ротъ. Но изъ его шаршавой глотки съ выдававшимся кадыкомъ выливались такія бархатныя, тягучія, таявшія ноты, что хотѣлось слушать безъ конца. Это былъ настоящій, богатѣйшій баритонъ, который то спускался низкими мягкими октавами прямо въ душу, то съ силою поднимался вверхъ и звенѣлъ, какъ туго натянутая струна. Паганини исполнялъ на своей скрипкѣ теноровую партію. Волосы у него свалились на лобъ, ноги немного согнулись въ колѣняхъ, лицо поблѣднѣло. Отецъ Андроникъ давилъ густой октавой, плавно и съ подавленной силой вершившей оригинальную мелодію. Я ничего не ожидалъ подобнаго и слушалъ, затаивъ дыханіе. Можно было только пожалѣть, что некому было срисовать эту своеобразную группу пѣвцовъ. Когда пѣніе кончилось, наступила тяжелая пауза. У о. Андроника на глазахъ блестѣли слезы, и онъ тихо улыбался своей добродушной стариковской улыбкой.

— Хорошо, братчикъ... проговорить наконецъ старикъ.— Паганини, вкусимъ по единой. Паныша, ты самъ знаешь, что дѣлать...

— Нѣтъ, вы посмотрите на скрипку, приставалъ ко мнѣ

Паньша съ скрипкой Паганини, — это не скрипка, а актриса... Да!..

Скрипка была изъ самыхъ плохихъ и была выкрашена, какъ рисуютъ на вывѣскахъ скорняковъ лисьи шкурки: бока ярко желтые, а середина крестомъ покрыта густой черной краской. Замѣтивъ мой недоувѣрчивый взглядъ, Паньша обратилъ вниманіе на какой-то стеклянный кошачій глазъ, вдѣланный въ кобылку, что, по его мнѣнію, служило для скрипокъ чѣмъ-то въ родѣ серебряной медали восемьдесятъ-четвертой пробы.

— Нѣтъ, это особенная скрипка... доказывалъ Паньша азартно, и съ непослѣдовательностью совсѣмъ пьянаго чловека началъ рассказывать о какомъ-то необыкновенномъ органѣ, который провозили лѣтъ десять тому назадъ черезъ Мугай одному самодуру заводчику. — Милліонъ стоилъ органъ-то! увѣрялъ Паньша, стараясь сохранить равновѣсіе.

— А сколько совралъ, братчикъ?

— Батьшко, о. Андроникъ: милліонъ... Своими глазами его видѣлъ.

— Можетъ быть, рѣзба какая-нибудь, старался догадаться Паганини, желая повѣрить совсѣмъ несбыточной цифрѣ.

— И рѣзба, и прочее, а главное—въ органѣ былъ одинъ валь... *сизый!*..

Отецъ Андроникъ чуть не задохся отъ смѣха: сизый валь, дѣйствительно, былъ неподражаемъ. Вранье Паньши развеселило старика, и остатокъ вечера прошелъ въ самой неприужденной болтовнѣ, причѣмъ даже о. Егоръ оказался совсѣмъ не такимъ ужъ мозговитымъ чловекомъ, чтобы его перемозговать нельзя было. Глафиру о. Андроникъ называлъ скрипкой и громогласно хохоталъ на цѣлый кварталъ, такъ что вздрагивали даже стекла въ рамкахъ, а безцвѣтная старушка только охала и крестилась въ сосѣдней комнатѣ.

Домой вернулся я поздно ночью. Все кругомъ давно спало мертвымъ сномъ, только глухо гудѣла фабрика, далеко разсыпаная изъ высокихъ трубъ снопы яркихъ искръ. Ярко-красное пламя вырывалось широкими языками изъ доменныхъ жерлъ и жадно лизало холодный ночной воздухъ. Гдѣ-то съ подавленнымъ визгомъ рѣзалось холодное желѣзо и тяжело громыхали чугунные валы, колеса и шестерни, заставляя вздрагивать самую землю, точно по ней кто топалъ могучей ногой.

Распахнувъ окно на прудъ, я долго любовался развертывавшейся далекой горной панорамой, потонувшей въ бѣломъ туманѣ... Сверху трепетными волнами лился фосфорическій свѣтъ, дрожавшій и переливавшійся въ прозрачной синевѣ голубого сѣвернаго неба. Массы горъ точно выросли, а зубчатая линия хвойнаго лѣса красиво вырѣзывала ближайшія крутизны и прикрутости. Лѣтнія уральскія ночи безумно хороши, какъ хорошъ бываетъ молодой вѣрпкій сонъ, который нагоняетъ въ душу вереницу свѣтлыхъ видѣній и чудныхъ призраковъ. Я долго сидѣлъ въ своемъ окнѣ, и въ моихъ ухахъ еще стояла стонавшая мелодія «Раззоренной».

На берегу сидѣла какая-то счастливая парочка, слышался шепотъ и сдержанный смѣхъ, а тамъ, за прудомъ, кто-то неистово кричалъ «карауль», какъ можетъ кричать только человѣкъ, котораго рѣжутъ.

III.

Въ Мугайскомъ заводѣ мнѣ пришлось прожить нѣсколько дней. Между прочимъ, мнѣ нужно было достать кой-какія статистическія свѣдѣнія изъ метрическихъ книгъ. Обратился я, было, къ Андронику, но тотъ только рукой махнулъ и послалъ меня къ Егорѣ. Дѣлать нечего, прямо отъ Андроника я пошелъ къ домику о. Георгія, стоявшему рядомъ съ избушкой Паньши. Эта избушка сильно покосилась и однимъ угломъ совсѣмъ вросла въ землю; крыша сквозила прогнившими дырами одно окно было заклеено синей сахарной бумагой, точно подбитый глазъ. Рядомъ съ этимъ разлагавшимся убожествомъ, чистенькій домикъ, въ которомъ обиталъ о. Георгій, производилъ самое пріятное впечатлѣніе. новенькій, съ свѣтлыми окнами, съ желѣзной крышей, съ бѣлыми занавѣсками и левкоями на подоконникахъ, онъ такъ и дышалъ жизнью и довольствомъ. Отворивъ маленькую калитку, я очутился во дворѣ, по которому ходилъ самъ о. Георгій, разговаривая съ какимъ-то мужикомъ. Мужикъ былъ безъ шапки и самымъ убѣдительнымъ образомъ упрашивалъ батюшку сбавить цѣну за вѣнчаніе сына.

— Не могу, другъ мой, мягко объяснялъ батюшка, не замѣчая меня.—Никакъ не могу... Если сбавлю тебѣ, долженъ буду сбавлять и другимъ. Понялъ?

— Андроникъ дешевле вѣнчаетъ... говорилъ «другъ мой», почесывая въ затылкѣ.

— Что-же, я очень радъ... Ты и обратись къ о. Андронику. А я не могу. Эту недѣлю я служу, а ты подожди слѣдующей...

— Отецъ Егоръ, развяжи ты мнѣ руки, ради истиннаго Христа! взмолился, наконецъ, мужикъ, хлопая себя руками по бедрамъ.—Ахъ, какой ты право... Время-то теперь какое... а?... Вѣдь страда настааетъ, каждый часъ дѣлогъ, а ты: «подожди недѣлю»... Да въ недѣлю-то...

— Не могу, не могу, другъ мой...

Замѣтивъ меня, о. Георгій немного смутился и, сказавъ мужику, чтобы онъ приходилъ въ другой разъ, пытливо посмотрѣлъ на меня своими иззелена-сѣрыми глазами и проговорилъ самымъ любезнымъ тономъ:

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить?

Я назвалъ себя и коротко объяснилъ цѣль моего посѣщенія.

— А... очень радъ, очень радъ!.. торопливо заговорилъ о. Георгій, крѣпко пожимая мою руку. — Буду совершенно счастливъ, если чѣмъ-нибудь могу быть вамъ полезенъ... Я тоже немножко занимаюсь статистикой. Пойдемте въ комнаты.

Батюшка направился къ новенькому крылечку, блестящему самой благочестивой чистотой. Самъ о. Георгій былъ еще совсѣмъ юноша, лѣтъ двадцати-пяти, не больше, съ блѣднымъ красивымъ лицомъ и окладистой русой бородкой. Бѣлый пикейный подрясникъ облегалъ его длинную сухощавую фигуру самымъ благообразнымъ образомъ, такъ что о. Георгій меньше всего походилъ на русскаго попа. Крахмальные, безукоризненно-бѣлые воротнички и лѣтнія панталоны изъ ее-чун-чи, выставявшіяся изъ подъ подрясника, краснорѣчиво свидѣтельствовали о несомнѣнной принадлежности о. Георгія къ новому типу русскихъ батюшекъ. Голосъ у о. Георгія былъ мягкій и пѣвучій, не то, что хриплая, перепитая октава о. Андроника; двигался онъ неслышными, торопливыми шагами, какъ монастырская послушница. Вообще, первое впечатлѣнiе о. Георгія производилъ самое подкупающее, только выраженiе блѣднаго лица было неподвижно, улыбка неестественно-ласкова и взглядъ большихъ глазъ холо-

день. Забѣжавъ немного впередъ, о. Георгій съ предупредительностью отворилъ мнѣ дверь въ небольшую темную переднюю, а оттуда, черезъ чистенькую гостиную съ роялемъ у одной стѣны, провелъ въ свой кабинетъ, — свѣтлую угловую комнату. Здѣсь все дышало такой милой, рабочей и серьезной простотой: у окна стоялъ письменный столъ, заваленный бумагами и кабинетными бездѣлушками, у дверей шкафъ съ книгами, въ дальнемъ концѣ виднѣлись мягкая кушетка и круглый лакированный столикъ съ раскрытой книгой и япмовой пепельницей. Мягкій коверъ у письменнаго стола и глубокое рабочее кресло довершали картину. Все было мило, прилично, ничего лишняго и ужъ совсѣмъ не по-поповски, какъ у о. Андроника; маленькае исключеніе представляли только висѣвшія на стѣнахъ премія «Нивы», но противъ этихъ премій безсилно борется цѣлая Россія, а о. Георгію такое невѣдомое мѣщанство и Богъ простить.

— Садитесь вотъ сюда... заговорилъ о. Георгій и еще разъ выразилъ свое удовольствіе быть полезнымъ. — Я самъ занимался нѣкоторое время статистикой, но, знаете, разныя служебныя обязанности и житейскія дразги совсѣмъ отвлекли меня отъ этихъ занятій.

Безъ лишнихъ приступовъ, о. Георгій прямо приступилъ къ дѣлу, т. е. отправился къ своему книгохранилищу и извлекъ оттуда цѣлую кипу метрическихъ книгъ, разныхъ сводовъ, выборокъ и реестриковъ. Чистенькіе, опрятные листочки были усыпаны рядами и колоннами цифръ съ итогами, средними выводами и различными математическими выкладками. Больше всего меня поразило въ о. Георгіѣ то обстоятельство, что онъ совсѣмъ не выспрашивалъ меня, кто я такой, откуда пріхаль, зачѣмъ мнѣ эти цифры и т. д. Всякій другой провинціалъ на его мѣстѣ вытянулъ-бы всѣ жилы, пока не разузналъ-бы всю подноготную до седьмого колѣна по восходящей и нисходящей линіи, но о. Георгій держался настоящимъ европейцемъ и все время говорилъ только о дѣлѣ. Вообще, батюшка оказался очень развитымъ человѣкомъ, понюхавшимъ отъ всего; говорилъ онъ складно и просто, хотя въ его рѣчи и проскакивали нѣкоторыя поповскія словечки, какъ «любочестіе», «благодѣяніе» и др. Особенно затрудняли о. Георгія ударенія на нѣкоторыя слова, и, несмотря на всѣ усилія говорить вполне правильно, онъ произносилъ:

«случай», «средствъ», «предметъ», «Современныя Извѣстія», и т. под. Но этотъ маленькій недостатокъ вполне выкупался всѣми другими достоинствами. Когда я преисполнился невольнаго уваженія къ о. Георгію и даже усумнился въ истинѣ нападокъ на него поца Андроника, онъ проговорилъ съ нерѣшительной улыбкой:

— Я и въ литературѣ пыталъ счастья... То есть, собственно не въ литературѣ, въ общемъ смыслѣ слова, а просто въ нашихъ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» напечаталъ одну статейку. Я вамъ сейчасъ покажу ее..

Порывшись въ шкафу, о. Георгій досталъ перегнутой по поламъ номеръ «Епархіальныхъ Вѣдомостей» и подаль его мнѣ, обязательно развернувъ даже страницу, на которой было начало его статейки. Я прочелъ заголовокъ: «*Еще благочестивый крестьянинъ*».

— Конечно, «Еще благочестивый крестьянинъ» только слабый опытъ и не выдержитъ серьезной критики, скромничалъ о. Георгій, пока я пробѣгалъ его статейку.

Намъ подали кофе. Прилично одѣтая горничная держала себя съ достоинствомъ, какъ и слѣдуетъ настоящей горничной у настоящихъ господъ. Прихлебывая изъ своего стакана, о. Георгій долго распространялся на тѣму о печальномъ положеніи русскаго духовенства.

— Взять хоть ту сцену, свидѣтелемъ которой вы невольно сдѣлались, ораторствовалъ батюшка:—что можетъ быть тяжелѣе? А между тѣмъ, поставьте себя на мое мѣсто... Нужно жить и хочется жить, какъ всѣ другіе трудящіеся люди, а между тѣмъ, съ первыхъ-же шаговъ, встрѣчаешься съ этой прозой жизни, въ видѣ разныхъ сборовъ, платы за требы и прочихъ дрягъ нашей бытовой обстановки. Конечно, во многомъ, даже очень во многомъ виноваты и мы сами, что и вызываетъ относительно насъ совершенно справедливыя нареканія общества, но, съ другой стороны, нужно-же войти и въ наше положеніе. Я хочу сказать о томъ, что необходимо поднять престижъ русскаго духовенства по меньшей мѣрѣ до того уровня, на которомъ стоитъ духовенство за границей... Простой народъ не уважаетъ поца за его сборы натуры и пятаками, интеллигенція—за необразованность, купечество—за недостатокъ самоуваженія. Мы компрометируемъ собственный санъ изъ за пятаковъ и ложекъ сметаны!.. По

моему, ужь лучше сидѣть голодомъ, чѣмъ добывать себѣ пропитаніе путемъ униженія.

Въ подтвержденіе своихъ словъ, о. Георгій мягко потянулся въ своемъ креслѣ и хрустнулъ длинными бѣлыми пальцами.

— Затѣмъ, наше духовенство живетъ слишкомъ изолированной жизнью, продолжалъ о. Георгій, ставя стаканъ на столъ.—Мы точно нарочно отстраняемъ себя отъ всякой иной общественной дѣятельности, кромѣ узко-церковной, а между тѣмъ это наша прямая обязанность. Общественныя дѣла, школа, земство—вотъ на первый разъ и широкое поле для труда. Конечно, всякое начало обходится дорого, но нужно-же когда-нибудь начинать. Важно, чтобы провести идею цѣликомъ, черезъ всѣ мелочи и пустяки...

— Васъ желаетъ видѣть псаломщикъ, о. Георгій, почтительно доложила горничная.

— Ага... Пусть войдетъ.

Въ дверяхъ кабинета показалась протяженно-сложенная фигура Паныши; онъ оторопѣлъ, сдвинулъ въ одно мѣсто свои громадные сапоги и напрасно старался удержать въ приличномъ видѣ расхолодившіяся полы рыжаго подрясника. Рядомъ съ чистенькой и кошачьи опрятной фигуркой о. Георгія, скромно охорашивавшагося въ своемъ креслѣ, Паныша сегодня казался особенно жалокъ.

— Вы, о. Георгій, прислали за мной служанку... нерѣшительно заговорилъ Паныша, бѣгая глазами по кабинету.

— Да, да... Вы приготовите къ завтрашнему дню вѣдомость о родившихся и передадите ее вотъ имъ, мягко проговорилъ о. Георгій, указывая глазами на меня.

— А я, о. Георгій, думалъ... мы съ о. Андроникомъ собрались рыбки побродить, такъ я хотѣлъ уволиться у васъ...

Паныша засопѣлъ носомъ и смолкъ, только пальцы руки, придерживавшіе измызганный и захватанный край полы, усиленно перебирали какой-то лихорадочный мотивъ. Въ отвѣтъ на этотъ протестъ, о. Георгій только немного приподнял свои плечи и покачалъ укоризненно головой.

— Я васъ не задерживаю съ о. Андроникомъ, но лучше было-бы сначала представить вѣдомость о родившихся,—прибавилъ о. Георгій.—Ваша рыбка можетъ и подождать...

Паныша переложилъ свою шапку изъ руки въ руку и съ

уныніемъ уперся глазами въ уголь. «Вотъ тебѣ, дескать, о. Андроникъ, и рыбака... набродишь съ нимъ!»

Когда Паньша удалился, вѣрнѣе—выпятился въ дверь, о. Георгій улынулся съ печальнымъ достоинствомъ.

— Вотъ вамъ наше духовенство... полюбуйте!.. «Рыбку побродить!» Нечего сказать, хорошо... Впрочемъ, *nomina odiosa sunt*, я это только къ слову сказалъ.

Я сталъ прощаться. Въ гостиной мы встрѣтили жену о. Георгія, молоденькую и красивую даму, о которой попъ Андроникъ говорилъ, что у о. Егора и «попадья съ музыкой», потому что матушка играла на роялѣ. Молоденькая матушка хотя была тоже духовнаго родоисхожденія, но держала себя какъ подобаешь настоящей свѣтской дамѣ. Лѣтнее сѣренькое барежевое платье обрисовывало красивую молодую фигуру очень эффектно, скромная отдѣлка была подобрана со вкусомъ, цѣломудренной бѣлизны воротнички и манжеты свидѣтельствовали о томъ, что матушка не жила живмя въ кухнѣ, какъ другія попадья. Безукоризненные манеры и строго кривѣтливое лицо матушки досказывали то, что и она вполнѣ раздѣляла мнѣніе мужа о необходимости поднятія престижа русскаго духовенства.

— Оставайтесь обѣдать, предлагала матушка.—Мы обѣдаемъ рано... по-деревенски.

Мнѣ оставалось только поблагодарить за любезное приглашеніе, котораго принять я не могъ. Для перваго раза было слишкомъ много любезностей, которыхъ я ничѣмъ не заслужилъ, такъ что мнѣ сдѣлалось даже немножко совѣстно. Пожавъ маленькую, выхоленную ручку эманципированной попадейки, я удалился съ миромъ.

Къ моему удивленію, Паньша ждалъ меня за воротами.

— А мы съ Андроникомъ рыбку было собрались побродить... заговорилъ онъ, тяжело шаркая своими громадными сапогами и по пути раскуривая крючекъ злѣйшей крупки, извѣстной въ бурсѣ подъ названіемъ «самъ-кроше».

— Я могу подождать съ вѣдомостью, объяснялъ я, стараясь утѣшить огорченного Паньшу.

— А если онъ узнаетъ? Еще, пожалуй, на поклоны поставитъ... Бѣдовый онъ у насъ.

— Ужь не знаю, какъ мнѣ быть...

— Вотъ что, у меня блеснула искра, съ оживленіемъ за-

говорилъ Паньша.—Онъ васъ непременно спросить о вѣдомости, а вы ему и скажите, что получили сегодня.

— Хорошо.

— Покорно васъ благодарю... растроганнымъ голосомъ проговорилъ Паньша и, схвативъ мою руку, неожиданно поцѣловалъ ее.—Такою уху заваримъ съ Андроникомъ да съ Паганини!..

Отъ меня Паньша перешелъ на другую сторону улицы и, подобравъ полы подрясника, болтавшіяся по бокамъ, какъ подшибленные у птицы крылья, однимъ махомъ перебросилъ свое протяженно-сложенное тѣло черезъ прясло въ чей-то огородъ, гдѣ и пропалъ.

Я зналъ попа Андроника больше десяти лѣтъ... Это былъ истинно русскій человѣкъ, безъ всякой примѣси, и, какъ въ каждомъ истинно русскомъ человѣкѣ, достоинства и недостатки въ попѣ Андроникѣ представляли собой самую пеструю смѣсь. Въ одно и то-же время оригинальный старикъ былъ хитеръ и наивенъ, добръ и скупъ, хотя не старался скрывать своихъ недостатковъ и не выставлялъ на-показъ добродѣтелей. Умъ у о. Андроника былъ отъ природы сильный, но совсѣмъ нетронутый образованіемъ, какъ неотшлифованный драгоценный камень. Въ его разговорѣ всегда звучала ироническая нотка, причемъ онъ чаще всего смѣялся надъ самимъ-же собой. Прибавьте къ этому безграничное добродушіе, въ которомъ, какъ въ водѣ, растворялось и тонуло все остальное. Бурсацкая закваска настолько вѣлалась въ попа Андроника, что онъ совсѣмъ не замѣчалъ ея и оставался старымъ, закоренѣлымъ бурсакомъ, не поддаваясь никакимъ новымъ вѣяніямъ и знаменіямъ времени. «Меня еще въ деревянной колодеѣ водили въ бурсѣ-то, рассказывалъ старикъ въ веселую минуту:—а все за матушку водочку... Поймали пьянаго, сначала отодрали, какъ сидорову козу, а потомъ на шею завинтили два деревянныхъ брусѣ да такъ и продержали цѣлую недѣлю. Вотъ у насъ какая была наука-то... Нынче ужъ, пожалуй, и въ острогахъ такъ не держатъ, какъ насъ учили!» Колодка, это варварское, чисто китайское наказаніе, въ Россіи давно вывелась, но въ сибирской бурсѣ процвѣтала еще пятьдесятъ лѣтъ назадъ.

— А въ семинаріи-то мы, братчикъ, учились развѣ по нынѣшнему! рассказывалъ о. Андроникъ.—Народъ все большой

быль—великовозрастіе... По тридцати лѣтъ бывали лбы. И здоровенный народъ. Взять хоть меня: подковы гнуть, братчикъ, двухпудовыя гири бросать на крыши. Силища была у меня какъ у хорошаго чорта. Въ однихъ тиковыхъ халатикахъ ходили въ семинаріи, а зимой въ шубахъ въ классѣ сидѣли. А каждое воскресенье у насъ кулачный бой происходилъ съ мѣщанами—стѣна на стѣну. На масляницѣ какъ-то, братчикъ, мы двоихъ мѣщанъ уходили—и недохнули... Однимъ словомъ, могутный былъ народъ, не осѣвки какіе-нибудь. Крѣпко иногда доставалось и намъ... Однажды, братчикъ, одинъ столяръ такъ меня угостилъ по головѣ гирькой, что двѣ недѣли безъ памяти вылежалъ въ больницѣ. Только одно плохо было: все бѣдный народъ былъ, гроша расколотаго за душой не бывало. Какъ птицы небесныя, братчикъ, жили, и ничего... Бывало, на вакацію насъ обозомъ отправляли, какъ дрова. Подводъ семьдесятъ наберутъ, нагрузятъ семинаристами и повезутъ. Недѣлю въ обозѣ-то плывешь: лошадь везетъ, а кусать нечего. Сами должны были промыслять пропитаніе... Ужъ насъ знали по тракту: какъ обозъ съ семинаристами въ деревню, бабы всѣ двери на запоръ, потому гусь попалъ—гуся въ мѣшокъ, поросенокъ—и поросенка туда-же, хлѣба, овоща, молока. Силой такъ и отбираемъ, какъ разбойники хорошіе. Вѣдъ насъ орда валить человекъ въ полтора, ничего не подѣлаешь... И головы только, братчикъ, были!... Маленькія деревни такъ мы приступомъ брали... Ну, разъ и намъ досталось на орѣхи. Ъхали мы мимо одной татарской деревни,—большая деревня, а у татаръ какой то праздникъ случись—ну, ураза по ихнему. Хорошо. Ъдемъ мимо мечети, а въ мечети народъ Аллѣ молится. Тутъ кому-то и пади въ голову: схватилъ мѣшокъ съ двумя поросятами, забѣжалъ въ мечеть да мѣшокъ и бросилъ по самой серединѣ. Сдѣлали мы это дѣло, а потомъ и видимъ, братчикъ, что неладно сдѣлали... Отмолятся татаршкы, въ погоню за нами ударятся, а на обозѣ не ускочишь. Ямщики сильно струхнули... Ну, выпили ведро водки для храбрости и полземъ по дорогѣ. Только вдругъ, слышимъ, погоня: вся деревня за нами гонится на верхнихъ. Человѣкъ сто татаршекъ такъ и мчатся на насъ,—кричатъ, нагайками мапуть. Дреколье разное съ ними... Ну, мы были не плохи: телѣги сдвинули стѣной, а сами за телѣгами засѣли, тоже съ дрекольемъ да съ камнями. И началась,

братчикъ, настоящая битва: едва мы живы ушли тогда... Больно злы эти татаришки,—такъ съ ножами и лѣзутъ на насъ. Крѣпко намъ досталось... Кому глазъ подбили, кому спину отшибли, кому голову...настоящее поле на брани убиенныхъ!..

Паньша во многихъ отношеніяхъ былъ полной противоположностью о. Андроника и, вѣроятно, въ силу такой противоположности питалъ къ старику какую-то собачью привязанность. Самъ по себѣ Паньша являлся тѣмъ, что принято называть широкой русской натурой; широчайшая безхарактерность и непреодолимая страсть къ водкѣ сдѣлали изъ Паньши неудачника и вѣчнаго дьячка. Онъ былъ уменъ, изворотливъ, находчивъ, умѣлъ польстить, но, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, обнаруживалъ всѣ признаки самой черной неблагодарности, хитрилъ, обманывалъ и продавалъ. Особенностью Паньши въ этихъ качествахъ было то, что онъ всегда дѣйствовалъ «подъ наитіемъ» или когда въ его головѣ «блеснетъ искра». Мугайская церковь имѣла при себѣ большой причтъ, при чемъ попы, дьякона и дьячки вѣчно рознили, и Паньша являлся великимъ дѣльцемъ въ сферѣ этой внутренней политики,—обманывалъ, подстрекалъ, наущничалъ и просто клеветалъ. Въ своей роли онъ являлся неподражаемымъ и даже обнаруживалъ какую-то поэтическую складку, когда приходилось изобрѣтать что нибудь необыкновенное. Какъ оправданіе, Паньша могъ-бы привести свое затаенное желаніе какъ-нибудь сдѣлаться дьякономъ,—это желаніе превратилось у него въ настоящую *idée fixe*. Но дьяконство, за разными независящими обстоятельствами, какъ-то всегда ускользало изъ подъ самаго носу Паньши: то Паньша подерется въ пьяномъ видѣ, то сгрубитъ попу, то крѣпко побьетъ жену,—однимъ словомъ, вѣчно устроить что-нибудь самое неудобно-сказанное, а начальство все это мотаетъ да мотаетъ себѣ на усъ. Сближеніе Паньши съ о. Андроникомъ и съ учителемъ рассматривалось заводскими политиками, какъ явный заговоръ противъ новенькаго и неопытнаго священника.

Д. Сибирякъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЪ ЗИМНЮЮ НОЧЬ.

Полночная вьюга все злѣе и злѣй
По обнамъ неистово хлещетъ.
Тепло и отраднo въ квартирѣ моей,
И пламя камина трепещетъ.
Въ мерцающемъ розовомъ свѣтѣ огня,
Надъ чарой со влагой душистой,
Рой пѣсень встаетъ на душѣ у меня,
Живой, легкокрылый, златистый.
Въ рассыпчатомъ блескѣ дрожащихъ углей
Брильянтовый жморъ сверкаетъ,
И пѣсня къ сердечной царицѣ моей
На крыльяхъ любви улетаетъ.
Какъ будто въ гирлянду, я въ пѣсню мою
Сверкающихъ рифмъ ожерельемъ
Жемчужныя слезы и смѣхъ перевью
И грустные тоны съ весельемъ.
И пусть эта пѣсня, блестя и звеня
Сердечнымъ огнемъ и любовью,
Къ прелестной богинѣ летитъ отъ меня,
Разсыплется ей къ изголовью,
Навѣтетъ ей райскіе дивные сны
Подъ шумъ завывающей вьюги
О нѣгѣ блаженства въ сіяньи весны,
О свѣтломъ и радостномъ югѣ.
Но, чу, севозъ порывы мятели ночной
Голоднаго пса завыванье
Доносится... Что-жь не пускаютъ домой
Несчастное это созданье?
Зачѣмъ этотъ жалобный вѣи за обномъ
Такъ грустно въ душѣ отдается?
Вѣдь рѣзвая пѣсня въ затишьи ночномъ
На мрачныя ноты собьется...

О, пѣсня! Ты случая только дитя...
 Тебя вѣдь не въ силахъ сдержать я:
 Ты можешь то рѣзво носиться, шутя,
 То вылиться въ слезы, въ проклятья...
 Какъ жалобно воеетъ некормленный звѣрь!
 А много вѣдь ночью глухою
 И бѣдныхъ людей замерзаетъ теперь
 Подъ эту вьюгой лихою...
 А много бездомныхъ по этой ночи
 Погибнуть безъ теплаго крова!
 О, рѣзвая пѣсня, постой! Замолчи!
 Послушай, какъ вьюга сурова!
 Мнѣ жалко и пса въ этой вьюгѣ ночной,
 Мнѣ жаль нищеты безотрадной...
 О, пѣсня! долой брилліанты, долой!
 Сорви ты уборъ свой нарядный!
 Къ Господню престолу лети поскорѣй
 Севозъ бурю и снѣжный туманъ ты,
 Повергни какъ жертву съ слезою моею
 Созвучій своихъ брилліанты...
 Повергни тамъ блески свои и лучи
 Съ моею горячей мольбою
 За всѣхъ погибающихъ въ этой ночи
 Подъ снѣжною вьюгой лихою!..
 Со стономъ полночнаго вѣтра потомъ
 Проникни еъ вельможамъ въ палаты,
 Пропой имъ о гибнущихъ въ мракѣ ночномъ,
 Повѣдай про ветхіа хаты...
 Съ мятелью и воемъ голоднаго пса
 Скажи имъ стихами своими,
 Что вьюга страшна, что темны небеса,
 Что многіе гибнуть подъ ними...

Л. Пальминъ.

Н. В. ГОГОЛЬ.

О способѣ его творческой работы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Въ нашъ вѣкъ «быстроты» и «спѣха» не залежатся въ портфель произведеніе писателя. Не стало дароваго труда, не стало и прежняго досуга, чтобы вынашивать произведеніе мѣсяцы, годы. Не успѣютъ еще обсохнуть чернила, какъ летитъ оно подъ прессъ типографскаго станка и въ этотъ же мѣсяць читается публикой...

Такъ пишутъ въ нашѣ вѣкъ всеобщей «быстроты» и «спѣха» не только фельетонисты, писатели работники,—а и беллетристы; такъ пишутъ многіе наши современные таланты.

Въ прежнее время не такъ быстро жили, двигались, не такъ быстро и писали. Пушкинъ, Гоголь, Герценъ, Гончаровъ, Тургеневъ... они по нѣскольку лѣтъ «вынашивали» свои произведенія, прежде чѣмъ сдѣлать ихъ общественнымъ достояніемъ. Гончаровъ—по его собственному признанію—двадцать лѣтъ носилъ въ головѣ героевъ «Обрыва!»¹⁾ Герценъ нѣсколько разъ переправлялъ и передѣлывалъ, напримѣръ, «Германскаго путешественника», прежде чѣмъ превратить его въ эпизодъ «Записокъ молодого человѣка»²⁾. А Пушкинъ?.. Кто-бы могъ думать, какихъ громадныхъ усилій стоили ему именно тѣ изъ стиховъ, которые казались «какъ-бы выпрыгнувшими прямо изъ головы на бумагу!» «Съ какимъ трудомъ онъ писалъ свои легкіе, летучіе стихи—говорить Жуковский, разсматривая черновыя рукописи Пушкина.—Нѣтъ строки, которая-бы не была нѣсколько разъ перемарана»³⁾.

¹⁾ Гончаровъ: «Лучше поздно, чѣмъ никогда».

²⁾ „Вѣстн. Евр.“ 1883 г. № 3. Стр. 134—135 и „Рус. Мысль“ 1881 г. № 12. Стр. 47—49.

³⁾ «Рус. Архивъ». 1866. Стр. 1640.

Еще болѣе заботливымъ уходомъ за своими произведеніями отличался въ *поздній періодъ* своей литературной дѣятельности Н. В. Гоголь. Сильнѣй другихъ поражаетъ онъ необычайной строгостью, всестороннимъ критическимъ анализомъ, какъ-бы даже нѣкоторой придирчивостью предъявляемыхъ къ своимъ созданіямъ требованій; сильнѣй другихъ поражаетъ усердіемъ, трудолюбіемъ, которыми, оказывается, прекрасно могутъ протянуть руку даже величайшему таланту.

Чтобы вполне понять, сколько любви, терпѣнія, труда вложилъ онъ въ этотъ періодъ на свою работу и какъ строги были его критическія къ ней требованія, необходимо заглянуть и поразобраться въ его черновыхъ и бѣловыхъ бумагахъ, находящихся въ портфеляхъ Иванова въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ ¹⁾. Можетъ быть эти документы дадутъ возможность хотя нѣсколько проникнуть къ тайну творчества Гоголя, спустя почти сорокъ лѣтъ, заглянуть въ его душу и прослѣдить постепенный ходъ его творческой работы вообще и надъ «Мертвыми душами» въ частности.

II.

Сохранившіяся рукописи относятся къ концу 30-хъ и началу 40-хъ годовъ. Въ этотъ періодъ способъ писанья Гоголя и его критическое отношеніе къ работѣ *рѣзко разнится* отъ ранняго. Рубежомъ между обоими періодами можно считать первую поѣздку за границу—лѣто 1836 года. Какъ Гоголь писалъ до этого времени, извѣстно изъ словъ Кулиша, которому удалось видѣть и подробно ознакомиться съ шестью черновыми тетрадами раннихъ произведеній Гоголя. На основаніи этого знакомства онъ говоритъ, что «Гоголь сперва долго обдумывалъ, что желалъ написать, обдумывалъ до тѣхъ поръ, пока его вымыселъ обращался какъ-бы въ сложившуюся пѣсню. Онъ вписывалъ свое сочиненіе въ книгу почти безъ всякихъ помарокъ и рѣдко можно найдти въ его печатныхъ повѣстяхъ какія-нибудь дополненія или передѣлки противъ черновой рукописи» ²⁾. Вполнѣ сложившееся въ головѣ произведеніе въ *этотъ ранній періодъ*—періодъ созданія «Вечеровъ на хуторѣ», «Миргорода», «Арабесокъ»—быстро, покорно укладывалось на бумагу, не капризничая и не споря съ перомъ автора. Съ такой поразительной быстротой, какъ-бы однимъ взмахомъ была написана повѣсть: «Тарасъ Бульба». Не сразу удалась лишь одна сцена: свиданіе Андрія съ дочерью воеводы... И только къ

¹⁾ №№ рукописей—2205 и 3306.

²⁾ Кулишъ: „Зап. о жизни Гоголя“. Т. I. Стр. 163.

«Ревизору» отнесся Гоголь нѣсколько строже, серьезнѣе. Но это исключительное вниманіе объясняется нѣкоторой исключительностью самаго произведенія: Гоголь исправлялъ комедію во время ея постановки на сцену.

Поѣздка за границу кладетъ разительный отпечатокъ какъ на самого Гоголя, такъ и на способъ его работы. Едва онъ успѣлъ очутиться за предѣлами Россіи, едва все, что тяготило душу: всѣ мелкія и крупныя невзгоды, неизбѣжныя аксесуары роднаго гнѣзда — едва все это осталось позади и скрылся изъ глазъ свинцовый горизонтъ русскаго сѣвернаго неба, какъ Гоголь разомъ почувствовалъ необычайную свободу всѣхъ мыслей, думъ, желаній; душу и тѣло его охватила небывалая бодрость, здоровье, исчезли всѣ непонятныя желудочныя страданія, на которыя онъ жаловался еще въ 1832 году и которыя наводили на него ипохондрическое настроеніе ¹⁾. Гоголь почувствовалъ переломъ въ душѣ своей, какъ бы переходъ изъ дѣтства, проведеннаго въ школьныхъ занятіяхъ, въ юношескій возрастъ. Онъ называетъ это время «великою эпохою» въ своей жизни. Съ этого момента онъ начинаетъ находить недостатки въ своихъ произведеніяхъ. Они ему кажутся тетрадами лѣниваго ученика, гдѣ замѣтны на каждомъ шагѣ поспѣшность, нетерпѣніе, «робкая рука начинающаго и смѣлая замашка шалуна, вмѣсто буквъ выводящая крючки, за которые бьютъ по рукамъ» ²⁾. Все написанное до сихъ поръ вдругъ встало передъ нимъ, словно грозный обвинитель. И Гоголь хочетъ теперь только одного: забвенья! «Если бы появилась такая моль; которая бы съѣла внезапно всѣ экземпляры «Ревизора», а съ ними «Арабески», «Вечера» и прочую чепуху... я бы благодарилъ судьбу» ³⁾. Но моли съ литературными вкусами въ зоологіи не оказывалось, и Гоголю оставалось только одно: усерднѣй работать въ будущемъ. «Пора, пора наконецъ заняться дѣломъ» — говоритъ онъ въ первомъ посланномъ изъ заграницы письмѣ къ Жуковскому. И рядомъ съ усердной работой надъ «Мертвыми Душами» подвергаетъ критикѣ и передѣлкѣ тѣ изъ произведеній, которыя нѣбогда были имъ самимъ признаны законченными и уже давно читались и перечитывались публикой. Онъ передѣлываетъ и исправляетъ: «Ревизора», «Портретъ», «Старосвѣтскіе помѣщики», «Вія» ⁴⁾, «Тараса Бульбу»... При передѣлкѣ вставляетъ по-

¹⁾ „Русь“. 1880 г. № 4. „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“.

²⁾ „Рус. Арх.“ 1871. № 4—5. Стр. 950—951: „Письма Гоголя къ Жуковскому“.

³⁾ «Библиогр. Записки». 1858 г. Т. I. Стр. 131. „Письмо Гоголя“ къ Прокоповичу“.

⁴⁾ „От. Зап.“ 1855 г. № 9. (Отд. новыхъ книгъ). Стр. 4.

выя сцены, вводитъ новыя подробности, нерѣдко шьетъ совсѣмъ новый узоръ по старой канвѣ... Такой основательной переработкѣ въ этотъ періодъ подверглась, кромѣ «Тараса Бульбы», повѣсть «Портретъ». «Въ Римѣ я ее передѣлалъ вовсе,—писалъ Гоголь 17 марта 1842 года, посылая повѣсть для вторичнаго печатанія Плетневу въ «Современникъ»,—«или лучше написалъ вновь, вслѣдствіе сдѣланныхъ въ Петербургѣ замѣчаній»¹⁾. Замѣчанія тутъ, разумѣется, только совпали съ благопріятной для нихъ почвой въ душѣ автора. Причина лежала въ укоренившемся за послѣдніе годы сознаніи необходимости труда и для таланта, въ значительномъ повышеніи требованій отъ своихъ созданій. Малѣйшее сомнѣніе, что вполне законченное произведеніе чѣмъ-нибудь отстаетъ отъ истины—и Гоголь упорно трудится надъ его передѣлкой. При такой погонѣ за совершенствомъ естественно онъ относится внимательнѣй къ самымъ ничтожнымъ замѣчаніямъ, на которыя прежде далеко не былъ такъ отзывчивъ. Припомнимъ, какъ внимательно онъ отнесся въ 1839 году къ замѣчанію насчетъ неприличія привѣтствія: «Ноздря!» съ какимъ обращается Селифанъ къ дѣвочкѣ Пелагеѣ, проводницѣ отъ Коробочки. Замѣчаніе было сдѣлано во время чтенія перваго тома «Мертвыхъ душъ» у Прокоповича. Хотя всѣ остальные слушатели не раздѣляли мнѣнія критика и возставали противъ, но Гоголь сказалъ: «Если одному пришла такая мысль въ голову, значить, и многимъ можетъ придти. Это надо исправить»²⁾. И дѣйствительно исправилъ.—Надо думать, что именно ради желанія, совершенствовать свое созданіе, ради того, чтобы вызвать слушателя на критическія замѣчанія—такъ *много разъ* читалъ Гоголь своимъ друзьямъ и знакомымъ «Мертвыя Души», прежде чѣмъ онѣ были напечатаны.

III.

Въ этотъ *поздній періодъ* его черновыя рукописи, даже съ чисто-внѣшней стороны, рѣзко отличаются отъ ранняго. Прежде онъ писалъ на черно, въ аккуратно сшитыхъ и даже переплетенныхъ тетрадкахъ. Повѣсть писалась безъ всякихъ помарокъ. Случалось, въ середину ея забѣгалъ клочокъ изъ совсѣмъ другаго произведенія и выдавалъ внутренній міръ автора. Не весь, не всецѣло поглощался онъ работою, которую писалъ. Въ это же время обдумывались и создавались новые образы. Они забѣгали впередъ, становились въ глазахъ, заслоняя собой старыя, давно знакомыя фигуры, и отвлекали къ себѣ, хотя не на-

¹⁾ Сочин. Гоголя. Изд. 1857 г. Т. V. Стр. 466.

²⁾ Анненковъ: «Воспоминанія». Стр. 174.

долго, но всецѣло вниманіе автора. О такихъ постороннихъ отрывкахъ, вдругъ непрошенно забѣжавшихъ въ чужое помѣщеніе, не разъ упоминаетъ Кулишъ, описывая черновыя тетради Гоголя ¹⁾. Совсѣмъ не тотъ внѣшній видъ имѣютъ находящіяся въ Московскомъ музеѣ черновыя редакціи повѣсти «Шинель» ²⁾, нѣсколькихъ главъ перваго тома «Мертвыхъ душъ» и передѣлки «Тараса Бульбы» ³⁾. Всѣ онѣ писаны на обрывкахъ, клочкахъ, листкахъ, полулисткахъ простой и почтовой бумаги и представляютъ невозможный хаосъ. Это клочки разныхъ величинъ, форматомъ, цвѣтовъ. При такомъ хаотическомъ портфельѣ еще большій хаосъ представляютъ бумаги, благодаря беспорядочной манерѣ писанья Гоголя. Онъ не исписывалъ по порядку сверху до низу всего листка, чаще только начиналъ или доводилъ страницу до половины и совершенно неожиданно переносилъ начатую мысль на другой листокъ. А на первомъ писалъ продолженіе изъ середины того же произведенія. Крайне рѣдко сюда забѣгало что-нибудь постороннее. Гоголь самъ признается, что всецѣло былъ поглощенъ созданіемъ начатой поэмы. «Еще одинъ Левіаѳанъ начинается—говорить онъ въ письмѣ къ Жуковскому отъ 1836 года. Священная дрожь пробираетъ меня заранѣе, какъ подумаю о немъ; слышу кое-что изъ него... божественныя вкушу минуты... *но... теперь я погруженъ весь въ «Мертвыя души»* ⁴⁾. *Теперь*, т. е. пока все задуманное не вылилось на бумагу и не было на время отложено въ сторону.

Разобрать и прочесть названныя черновыя тѣмъ болѣе трудно, что Гоголь испещрялъ весь текстъ поправками, вставками, двойными редакціями одной и той же фразы, обрывками новыхъ приходившихъ въ голову мыслей... Все это нанизывалось, словно бисеръ, спѣшнымъ неразбавчивымъ почеркомъ, лѣпилось, безбожно притѣсняя, а иногда и вытѣсняя другъ друга за предѣлы самаго листка. Всѣ поправки, вставки дѣлались наскоро; Гоголь какъ будто боялся, что не успѣетъ записать блеснувшей мысли, что она исчезнетъ. И потому часто ограничивался двумя-тремя начальными буквами въ словѣ, двумя-тремя словами во фразѣ.

Въ этотъ періодъ онъ писалъ въ тетрадяхъ преимущественно набѣло. Въ портфель Иванова сохранились *четыре* такихъ тетрадки: *первая*—съ переписанной набѣло комедіей «Женитба»; *вторая*—съ такимъ-же бѣловымъ спискомъ комедіи «Отрывокъ» ⁵⁾;

¹⁾ Кулишъ: „Зап. о р. Гоголя“. Т. I. Стр. 163

²⁾ Напечатаны въ «Рус. Ст.» 1883 г. № 4.

³⁾ № рук. 2205.

⁴⁾ „Рус. Арх.“ 1871 г. № 4—5. Стр. 955.

⁵⁾ № рукописи 2206.

третья содержитъ бѣловой списокъ трехъ (II, III, V) неполныхъ и одной (VI) цѣльной главы перваго тома *«Мертвыхъ Душъ»* ¹⁾ и четвертая тетрадь—съ бѣловымъ спискомъ еще не бывшаго въ печати этнографическаго очерка: *«Калмыки волжскіе въ Астраханской губерніи»* ²⁾ Изъ нихъ только первыя двѣ, которыя собственно составляютъ залежавшіеся остатки работъ ранняго времени, т. е. *«Женитьба»* и *«Отрывокъ»*, имѣютъ надлежащій видъ тетрадоекъ, совсѣмъ приготовленныхъ для сдачи въ типографію. Но и эти раннія работы не избѣгли расхолодившагося за этотъ періодъ карандаша и пера Гоголя. Считая оба названныя произведенія *«незрѣлыми твореніями»* ³⁾, пустяками, правда, онъ и поправки въ нихъ дѣлалъ сравнительно незначительныя. Напримѣръ, въ *«Женитьбѣ»* Агафью Петровну переименовалъ въ Агафью Тихоновну, Ирину—въ Арину Пантелѣвну; исправилъ слогъ въ рѣчахъ Кочкарева; многое въ нихъ сократилъ и несравненно меньше вставилъ новаго. Въ комедіи *«Отрывокъ»* слово *«придворныхъ»* замѣнилъ словомъ *«лучшихъ»*, *«надо»* — словомъ *«нужно»*; выкинулъ большой монологъ Миши о словѣ *«либералъ»*, что этому слову придали у насъ невѣрное и глупое значеніе. Но во всякомъ случаѣ всѣ сдѣланныя поправки—большо мимоходныя. Автору некогда останавливаться на *«незрѣлыхъ твореніяхъ»*. Онъ охотно бы навсегда оставилъ ихъ въ своемъ портфельѣ, охотно не пустилъ бы въ печать,—еслибы не нужда въ деньгахъ... ⁴⁾

IV.

Кажется, никто изъ нашихъ писателей не заботился такъ усердно о собираніи матеріала для своихъ произведеній, какъ Гоголь. Онъ въ данномъ случаѣ не ограничивался только собственными силами; всѣ его родные, друзья, близкіе знакомые—на что!—даже Жуковскій и Пушкинъ—заваливались массою порученій: присылать костюмы, описаніе фізіономій, нравственныхъ портретовъ съ того или другаго сохранившагося въ глуши живого типа. Самъ-же онъ—если можно такъ выразиться—всегда былъ за собираніемъ матеріала—слушалъ-ли рассказы, описаніе событій, взглядывался-ли въ новое лицо, прислушивался-ли къ чьимъ-нибудь разговорамъ... Его умѣнье и безцеремонность пользоваться минутною встрѣчею и исчерпывать при первомъ же свиданіи въ какія-нибудь нѣсколько минутъ новаго человѣка прекрасно изображаетъ Арнольди въ своихъ *«Воспомяніяхъ»*.

¹⁾ № рукописи 2205.

²⁾ № рукописи 2206.

³⁾ От. Зап. 1856 г. № 12. Стр. 400.

⁴⁾ Рус. Арх. 1871 г. № 4—5. Стр. 939.

Разъ ему пришлось вмѣстѣ съ Гоголемъ остановиться въ Малоярославцѣ. Къ Гоголю, какъ къ извѣстному уже въ то время писателю, подошелъ поклониться городничій. Писатель съ первого же слова забросалъ его вопросами: давно ли онъ здѣсь? хорошъ ли городокъ? и т. д. «Черезъ четверть часа я засталъ ихъ на томъ же мѣстѣ—говорить Арнольди. Гоголь говорилъ съ нимъ уже о купцахъ и внимательно спрашивалъ, кто именно и чѣмъ торгуетъ, гдѣ сбываетъ свои товары, какимъ промысломъ занимаются крестьяне въ уѣздѣ; бывають-ли въ городѣ ярмарки и т. д. Гоголь впился въ городничаго какъ пиявка, и не уставалъ разспрашивать его обо всемъ, что его занимало...» А черезъ часъ въ одномъ изъ трактировъ онъ подвергалъ такому же неутомимому и обстоятельному допросу словоохотливаго половаго...¹⁾

Гоголь умѣлъ ловко въ этомъ отношеніи эксплуатировать не только каждое новое лицо, но и каждое новое слышанное имъ слово. Онъ обычно схватывалъ послѣднее на лету, нѣсколько разъ повторялъ, чтобы лучше удержать въ памяти и, признавая превосходство новаго слова надъ имѣющимся въ запасѣ синонимомъ, вносилъ его въ тетрадку, нарочно для того приготовленную.

Собирая такимъ образомъ постоянно, непрерывно матеріалъ для своихъ произведеній, Гоголь естественно удивлялся на такихъ писателей, которые не могутъ придумать ничего своего, а крадутъ у другихъ. Порицая разъ одного изъ такихъ авторовъ, не брезгливыхъ до чужой собственности, Гоголь прибавилъ: «Вѣдь, онъ же родился гдѣ-нибудь, учился же грамотѣ гдѣ-нибудь, видѣлъ людей и думалъ о чемъ-нибудь»²⁾. Жизнь, хорошо знакомая жизнь—вотъ тотъ источникъ, который давалъ Гоголю неизсякаемый матеріалъ; она—словно океанъ, изъ котораго сколько ни черпать, онъ не умалитъ ни свѣжести, ни обилія своихъ водъ.

Многіе изъ героевъ Гоголя—какъ извѣстно—имѣли живыхъ первообразовъ—и Аванасій Ивановичъ съ Пульхеріей Ивановной, и Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ, и др. Но какъ и насколько пользовался Гоголь рассказами и дѣйствительностью для изображенія своихъ героевъ,—прекрасно можно видѣть на его повѣсти «Шинель». По свидѣтельству Анненкова, первую мысль этой повѣсти заронилъ въ душу автора анекдотъ о бѣдномъ чиновникѣ и его ружьѣ. Приобрѣтенное цѣною страшныхъ, тяжелыхъ лишеній ружье въ первый же выходъ чиновника на охоту погибло: незамѣтно для охотника, его затянуло тростникомъ въ воду. Чиновникъ съ гора схватилъ горячку. Но не умеръ: между

¹⁾ Рус. Вѣст. 1862 г. Т. 37. Стр. 66. „Воспоминанія“ Арнольди.

²⁾ Анненковъ—«Воспоминанія». Стр. 176.

товарищами нашлись сострадательные люди—они сложились, купили ружье.

Что же осталось изъ всего этого анекдота въ создавшейся повѣсти? Что общаго между этимъ чиновникъ и теперь всѣмъ хорошо знакомымъ образомъ Акакія Акакіевича?

Задумываясь надъ созданиемъ зароненнаго въ душу образа или идеи, Гоголь съ этого момента задавался специальнымъ изученіемъ опредѣленныхъ лицъ, фактовъ и усердно собиралъ ихъ чуть не по всей Россіи. По мѣрѣ накопленія матеріала старался живо, ясно представить себѣ то, что хотѣлъ изобразить. Этимъ способомъ иногда пополнялъ недостающія въ его личныхъ наблюденія представленія. Когда докторъ Тарасенковъ—авторъ статьи, «Послѣдніе дни жизни Гоголя»,—узналъ, что Гоголь никогда не только не читалъ, но и не видалъ никакихъ записокъ душевнобольныхъ людей,—невольно въ изумленіи спросилъ: «Да какъ-же вы такъ вѣрно приблизились къ естественности (въ «Запискахъ сумасшедшаго»)? «Это легко, сказалъ Гоголь—стоитъ представить себѣ»¹⁾. И Гоголю, который не разъ бывалъ въ московской Преображенской больницѣ, не разъ видалъ душевнобольныхъ, дѣйствительно не трудно было и представить, и воспроизвести записки сумасшедшаго.

Глубоко и всесторонне вдумываясь въ характерныя черты намѣченныхъ типовъ, онъ изучалъ основу ихъ міросозерцанія, пристально всматривался въ конечную даль задуманнаго произведенія, прежде чѣмъ брался за перо.—Но какъ только изъ основныхъ чертъ складывался въ головѣ общій обликъ каждаго задуманнаго героя, какъ только въ общихъ чертахъ созрѣвалъ планъ всего произведенія, однимъ словомъ—какъ только была готова канва, Гоголь садился писать. Тутъ наступаетъ конецъ тайному, скрытому отъ насъ творческому процессу его работы. Теперь, съ этого момента, мы можемъ слѣдить за ея дальнѣйшимъ развитіемъ за ея дальнѣйшими фазами чуть не шагъ за шагомъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Второй моментъ въ творествѣ Гоголя, — когда онъ пишетъ произведеніе начерно,—не менѣе продолжительнѣе, какъ и первый, а по отношенію къ конечной разработкѣ плана произведенія—не менѣе важный. На писанье вообще—Гоголь затрачивалъ годы. Онъ писалъ долго ради совершенствованія не только слога, но и всего созданія.

¹⁾ От. Зап. 1856 г. № 12. Стр. 501.

«Сначала нужно набросать все—говорить онъ, указывая самый лучший способ писанья,—какъ придется, хотя-бы плохо, но рѣшительно все и забыть объ этой тетради. Потомъ черезъ мѣсяцъ, черезъ два, иногда и болѣе (это скажется само собой) достать написанное и перечитать: вы увидите, что многое не такъ, много лишняго, а кое-чего недостаетъ»¹⁾. Но нерѣдко самое начало представляло для него такія затрудненія, что онъ отступалъ отъ имъ же самимъ положеннаго правила: «сначала набросать все», «рѣшительно все». И не только въ первой черновой редакціи, но, случалось, и во второй не доводилъ всего плана до конца.

Не набросавъ еще и половины всей повѣсти, принимался за поправку и перечитываніе написаннаго. Такъ писалъ онъ повѣсть «Шинель»²⁾. Сдѣланный черновой набросокъ, согласно правиламъ, не разъ перечитывалъ. Во время такихъ повторныхъ чтеній съ перомъ или карандашомъ въ рукахъ—въ каждую страницу, въ каждую строку, чуть не въ каждую фразу вставлялъ или вѣрнѣй какъ-бы вдвигалъ новыя подробности. Такимъ образомъ изъ какихъ-нибудь полутора строкъ фраза превращалась еще въ первой редакціи чуть не въ цѣлую страницу. Каждый новый пересмотръ, вводя за собой какія-нибудь мелкія подробности, какое-нибудь лишнее слово, вносилъ и большую полноту, и большую ясность представленія изображаемой жизни лицъ, идеи.

Набрасывая произведеніе начерно, Гоголь не переставалъ собирать для него матеріалъ. Обыкновенно собиралъ до тѣхъ поръ, пока не «исчерпывалъ сюжета со всѣхъ сторонъ». Занятой осенью 1836 года наброскомъ черновой редакціи перваго тома «Мертвыхъ Душъ» и ея пересмотрами, онъ проситъ Жуковского, чтобы тотъ не полѣнился сообщить ему какіе-нибудь казусы, могущіе случиться при покупкѣ мертвыхъ душъ. «Сообщите объ этомъ Пушкину—прибавляетъ Гоголь:—авось либо и онъ найдетъ что-нибудь съ своей стороны»³⁾.

Такое неутомимое собраніе матеріала, разумѣется, весьма значительно отражалось на ростѣ всѣхъ частныхъ произведенія и значительно раздвигало самый планъ.

II.

Когда для указанныхъ обильныхъ вставокъ и поправокъ не

¹⁾ Рус. Стар. 1873 г. № 1. Стр. 155.

²⁾ Первый неоконченный набросокъ этой повѣсти, которая прежде называлась: «Повѣсть о чиновникѣ, крадущемъ шинели» — сдѣлана рукою М. П. Погодина. Но участіе послѣдняго, разумѣется, ограничивались тутъ только одной механической стороною въ наброскѣ встрѣчаются слова и обороты несомнѣнно принадлежащіе Гоголю (№ р. 2205).

³⁾ Рус. Арх. 1871 г. № 4—5. Стр. 956.

хватало мѣста въ сдѣланномъ наброскѣ, а желаніе исправлять и раздвигать произведеніе становилось неудержимѣе, тогда оставалось одно—весь испещрившій бумажку хаосъ переписать на новый листъ. «Такъ надо дѣлать — говоритъ Гоголь, по словамъ Берга, — по моему, 8 разъ. Для иного, можетъ быть, нужно меньше, а для иного и еще больше. Я дѣлаю 8 разъ ¹⁾). Конечно, слѣдовать постоянно такимъ правиламъ нельзя, трудно. Я говорю про идеаль. Иное пустишь и скорѣе. Человѣкъ все — таки человѣкъ, а не машина» ²⁾).

Чѣмъ дольше писалось произведеніе на черно, тѣмъ детальнѣе, тѣмъ яснѣе вырисовывались для самого Гоголя и обстановка, и всѣ частности произведенія. Съ каждой послѣдующей черновой редакціей авторъ подрисовывалъ новыя черты какъ въ характерѣ, такъ и во внѣшней фізіономіи своихъ героевъ, вводилъ въ видѣ поясняющихъ главное лицо деталей — новыя образы, новыя картины, новыя факты. Потому случалось, что послѣдующая редакція, при всемъ своемъ внутреннемъ основномъ сходствѣ съ предшествующей, имѣла съ ней мало одинаковаго.

Для поясненія этого постепеннаго разростанія деталей произведенія—остановимся на трехъ сохранившихся первоначальныхъ черновыхъ редакціяхъ повѣсти «Шинель».

Принимаясь, вслѣдствіе недостатка мѣста переписывать первый на бросокъ, Гоголь послѣ двухъ-трехъ строкъ забываетъ о скромной роли переписчика и, не смотря на лежащій передъ нимъ оригиналъ, начинаетъ выводить новыя подробности, создавать совсѣмъ новыя факты. Потому за исключеніемъ нѣсколькихъ начальныхъ строкъ, вторая редакція «Шинели» ничего не имѣетъ тождественнаго съ первой ³⁾). Въ первой, напримѣръ, герой еще не носитъ никакого имени. «Право, не помню его фамиліи», говоритъ авторъ, чтобы отдѣлаться отъ читателя.—Эта особенность никакъ не окрещивать героевъ въ первоначальныхъ черновыхъ наброскахъ — необычайно сильно выступаетъ у Гоголя въ его драматическихъ произведеніяхъ: онъ обычно пишетъ разговоры, не называя дѣйствующихъ лицъ ⁴⁾).

Во второй редакціи повѣсти «Шинель» герой уже прозывается «Акакій Акакіевичъ Тихевичъ». Сдѣланная прибавка даетъ возможность вставить совсѣмъ новыя подробности относительно обстановки, жизни, прошлаго героя. Какъ будто для того,

¹⁾ А Тургеневъ, по его собственному признанію, переписывалъ произведеніе 11-тъ разъ (Восп. Горшина о Тургеневѣ).

²⁾ Рус. Стар. 1872 г. № 1. Стр. 125,

³⁾ Рус. Стар. 1883 г. № 4.

⁴⁾ № 2206.

чтобы понснить, почему новорожденный получилъ такое странное имя, вторю рисуетъ совсѣмъ новую картину: картину крестинъ Акакія Акакіевича и при этомъ вводѣтъ въ профиль и en face, смотря по надобности, всѣхъ необходимыхъ участниковъ этого момента: кума, куму, бабушку, родильницу, еще не успѣвшю оправиться и лежащую въ постели.

Принимаясь за вторичное переписываніе (3-я редакція), онъ остается недоволенъ фамиліей *Тишкевичъ*.—Если въ первое время, пока личность героя представляется автору какъ-бы въ отдаленіи, въ туманѣ, если въ это время онъ почти совсѣмъ не заботится, какъ назвать ее, зато въ послѣдствіи, когда разсѣвается туманъ, и она выступаетъ передъ нимъ словно освѣщенная солнцемъ, живая, во всей своей физической и нравственной ноготѣ, Гоголь не только съ заботливостью нѣжнаго родителя выбираетъ ей крестное имя, но при этомъ еще оказывается до-нельзя придирчивъ и разборчивъ. Случается, остается недоволенъ сдѣланнмъ выборомъ даже послѣ того, какъ имя успѣло выдержать уже нѣсколько редакцій. Дѣти Манилова: *Фемистоклюсъ* и *Алеидъ* въ нашемъ бѣловомъ спискѣ «Мертвыхъ Душъ» именуется *Менелай* и *Алквіадъ*. А тѣ умершіе крестьяне изъ крѣпостныхъ *Сабакевича*, которыми онъ хвастается передъ *Чичиковымъ*, т. е. *Гробка Степанъ*, *Милушкинъ*, *Еремей Сорокоплекхинъ*, прежде прозывались *Авдѣй-Парамонъ* и *Миняя Протрухинъ* ¹⁾.—Послѣднее имя кажется настолько удачнымъ, что развѣ только чрезмѣрная придирчивость и любовь Гоголя къ перемѣнѣ могла заставить измѣнить *Миняя Протрухина* на *Еремѣя Сорокоплекхина*.

При такой чрезмѣрной разборчивости на имена, Гоголь, разумѣется, не могъ оставить для Акакія Акакіевича фамиліи *Тишкевичъ*. Въ ней, словно въ именахъ блаженной памяти героевъ *Фонъ-Визина*, слишкомъ ясно намекается на главную черту характера героя. Весьма естественно, что, замѣтивъ такую искусственность, Гоголь измѣнилъ *Тишкевича* на *Башмакова* и при этомъ вставилъ новую подробность насчетъ родителя Акакія Акакіевича. Послѣдняя приведена какъ будто для того, что бы предупредить возможность невѣрнаго толкованія насчетъ происхожденія фамиліи героя. Хотя она и произошла отъ башмака, «но въ какое время и когда — не извѣстно: «и самъ *Башмакевичъ* (?) и отецъ *Башмакевичъ* всегда ходили въ сапогахъ и перемѣняли только, разумѣется, раза три въ годъ подметки» ²⁾.

Въ этомъ третьемъ наброскѣ и кумъ, и кума уже вырисовы-

¹⁾ № р. 2205.

²⁾ Рус. Стар. 1883 № 4.

ваются яснѣй: получаютъ имена, фамиліи, а во второй редакціи они назывались просто только кумъ и кума...

Послѣ всего сказаннаго несомнѣнно, что характерной особенностью, преобладающей чертой творческой работы Гоголя въ тотъ періодъ, пока произведеніе еще не было признано готовымъ для переписки набѣло, — является постоянное, неудержимое желаніе развивать, прибавлять, подрисовывать и лицъ, и ихъ обстановку, — однимъ словомъ, *расширять произведеніе на всемъ протяженіи черновыхъ редакцій*. Въ тѣ промежутки, пока оно отъ одного перечитыванія до другаго, отъ одной редакціи до другой — лежитъ въ рабочемъ портфелѣ, самъ Гоголь яснѣй прозрѣваетъ детали плана, глубже всматривается, вдумывается въ характеры героевъ, въ ихъ внутренній міръ, въ подробности внѣшней фізіономіи и лучше слышитъ ихъ рѣчи. Пока идетъ такая внутренняя работа въ самомъ авторѣ, повѣсть *растетъ*. Ростъ поканчивается, когда развитъ планъ во всѣхъ деталяхъ и «исчерпанъ весь сюжетъ». Тогда Гоголь принимается за переписку набѣло.

III.

Рядомъ съ расширеніемъ произведенія онъ, разумѣется, дѣлалъ и другія измѣненія; напримѣръ, мѣнялъ какое-нибудь число, день рожденія героя, выкидывалъ фразы, которыя почему-либо казались ему неумѣстными, мѣнялъ слова... Вслѣдствіе этого, весь клочокъ испещрялся помарками. Но такъ какъ всѣ эти мелкія поправки не носятъ никакого типическаго характера и составляютъ принадлежность расхолодившагося строгаго редакціоннаго карандаша, то мы на нихъ останавливаться не будемъ. Зато отмѣтимъ одну изъ важныхъ особенностей въ творчествѣ Гоголя, которую можно ясно усмотрѣть уже въ этотъ второй сейчасъ разсмотрѣнный нами фазисъ работы. Не смотря на длинныя наросты, новыя подробности, насчетъ которыхъ растетъ произведеніе съ каждой послѣдующей черновой редакціей, послѣ каждого перечитыванія — *ни всемъ протяженіи работы Гоголя не замѣчается ни малѣйшаго нарушенія первоначально намѣченнаго плана, ни малѣйшаго измѣненія въ основъ характеровъ, лицъ и положеній*.

Первоначальный хаотическій набросокъ по отношенію къ дальнѣйшимъ редакціямъ и облѣпившимъ его со всѣхъ сторонъ поправкамъ и вставкамъ является какъ бы первоначальнымъ контуромъ портрета, по которому художникъ постепенно вырисовываетъ дальнѣйшія подробности, принадлежація этому самому лицу, сперва глаза, носъ, брови... потомъ болѣе тонкой кистью, мельчайшими штрихами выводитъ каждый волосокъ, каждую скла-

дочку на лицѣ, платьѣ... что способствуетъ живому воплощенію образа одинаково, какъ на полотнѣ такъ и въ словѣ.

И дѣйствительно, не смотря на всѣ поправки, наросты и перемѣны, напримѣръ, личность Акакія Акакіевича остается все тою же, какою была съ перваго своего зарожденія на бумагѣ. Авторъ не нарушаетъ ни одного первоначально намѣченного штриха не только въ его нравственной фізіономіи, но и во внѣшности. Какъ съ перваго раза Акакій Акакіевичъ оказался «подслѣповать», такъ неизмѣнно навсегда остается съ этимъ недостаткомъ. Все равно, какъ во всѣхъ редакціяхъ онъ остается низенькаго роста. Авторъ мѣняетъ фразу только съ стилистической стороны. Сперва сказалъ, что Акакій Акакіевичъ былъ «низенькій», потомъ «болѣе низенькаго», чѣмъ средняго, и наконецъ «низенькаго роста»...

Такимъ-же постоянствомъ первоначально намѣченного характера отличаются и всѣ второстепенныя фігуры. Съ каждой редакціей онѣ только какъ бы ближе подходятъ къ автору, и, надо замѣтить, приближаются къ нему до тѣхъ поръ, пока не дойдутъ до разстоянія его лучшаго зрѣнія, гдѣ онъ легко и свободно, безъ всякихъ вспомогательныхъ инструментовъ, можетъ разсматривать всѣ ихъ особенности. Но за все время ихъ постепеннаго приближенія, Гоголь ни одного изъ нихъ не подмѣниваетъ, ни на одномъ не мѣняетъ даже костюма.

Это замѣчательное постоянство особенно сильно поражаетъ у Гоголя, вслѣдствіе обилія черновыхъ рукописныхъ редакцій, черезъ вереницу которыхъ проходило въ этотъ поздній періодъ всякое изъ его произведеній. Такое постоянство, разумѣется, говоритъ за несомнѣнно глубокую продуманность *основнаго плана* работы, всей ея канвы еще въ предшествующій, первый моментъ творчества, когда все задуманное хаотически носилось въ головѣ и было тайною художника, которую онъ старательно оберегалъ отъ каждаго посторонняго прикосновенія, чужаго взгляда. Извѣстно, какъ Гоголь терпѣть не могъ распространяться о своихъ работахъ, не любилъ говорить, что дѣлаетъ, какое новое произведеніе обдумываетъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Выросшее такимъ образомъ произведеніе и переписанное на бѣло должно бы, казалось, идти теперь на типографскій станокъ и печататься. Но Гоголь не спѣшитъ тисненіемъ. Произведеніе даже въ бѣловой редакціи по годамъ лежитъ въ портфелѣ. Время отъ времени онъ заглядываетъ, перечитываетъ, съ желаніемъ отыскать

недостатки и, разумеется, находить. Произведение кажется ему недостаточно профильтрованным через его много выросшій и окрѣвшій за послѣднее время критическій анализъ, и онъ безпощадно перемарываетъ и исправляетъ совсѣмъ, казалось бы, готовый къ печати бѣловой списокъ ¹⁾. Измѣняя несовершенныя мѣста, вырѣзываетъ цѣлыя листки, переписываетъ, вклеиваетъ снова въ тетрадку и, просматривая, опять остается недоволенъ... Тетрадка отъ такихъ безчисленныхъ операцій, разумеется, расшатывалась и, если сохраняла видъ тетрадки, то только потому, что всѣ листки находились въ одной общей обложкѣ.

Сохранившійся въ бумагахъ Иванова списокъ четырехъ вышеупомянутыхъ главъ перваго тома «Мертвыхъ Душъ» ²⁾ представляетъ именно такой испещренный помарками бѣловой экземпляръ. Онъ даетъ возможность заглянуть въ дальнѣйшій фазисъ художественной работы Гоголя и, кромѣ того, прослѣдить за постепеннымъ и обончательнымъ созданиемъ перваго тома «Мертвыхъ Душъ». По всему вѣроятію, именно по этому списку познакомились въ первый разъ съ поэмой С. Т. Аксаковъ, И. В. Кирѣевскій и др. То было зимою 39—40 года, когда Гоголь пріѣхалъ въ Россію, чтобы устроить только что взятыхъ изъ института сестеръ, нѣкоторое время жилъ въ Москвѣ на Дѣвичьемъ Полѣ у Погодина и читалъ произведение многимъ изъ своихъ московскихъ друзей. «Какой языкъ-то! языкъ-то! какая сила, свѣжесть, поэзія!» послѣ одного изъ такихъ чтеній въ искреннемъ увлеченіи восклицаетъ Панаевъ въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ» ³⁾. По словамъ С. Т. Аксакова, всѣ слушатели «приходили въ восторгъ отъ читанныхъ самимъ авторомъ первыхъ шести главъ поэмы ⁴⁾. Эти 6 главъ и составляли собственно содержаніе нашего списка въ ту пору, когда онъ имѣлъ видъ тетрадки. Надъ его исправленіемъ Гоголь работалъ въ Римѣ, куда вернулся весной 1840 года. 28 декабря этого же года онъ писалъ Аксакову: «Я теперь przygotowляю къ совершенной очисткѣ первый томъ «М. Д.» Перемѣняю, перечищаю, многое перерабатываю вовсе и вижу, что печатаніе ихъ не можетъ обойтись безъ моего присутствія» ⁵⁾. Но до печатанія дѣло было еще далеко: до тѣхъ поръ поэмѣ пришлось выдержать еще (и, можетъ быть, не одну) новую редакцію и новыя поправки ⁶⁾. Любопытно прослѣдить, что собственно вы-

¹⁾ М. № р. 2205 и 2206.

²⁾ № р. 2205.

³⁾ Стр. 234.

⁴⁾ Русь. 1880 г. № 6. Стр. 6.

⁵⁾ Кулишъ: «Зап. о ж. Г.» Т. 1, стр. 270;

⁶⁾ Слѣдующій бѣловой списокъ поэмы, писанный подъ диктантъ Анненковымъ, хранится въ лицѣ Безбородко.

кидываетъ, что переработываетъ Гоголь въ произведеніи совсѣмъ законченномъ, отъ котораго другіе приходятъ въ восторгъ. Нельзя ли усмотрѣть въ этихъ поправкахъ опять какой-нибудь общій преобладающій характеръ, усмотрѣть тотъ мотивъ, который руководитъ и регулируетъ критическій взглядъ Гоголя въ этотъ третій фазисъ его творческой работы?

До сихъ поръ онъ былъ занятъ исключительно тѣмъ, какъ бы лучше, яснѣе, подробнѣе раскрыть своихъ героев, ихъ жизнь, интересы... заботился о новыхъ подробностяхъ, новыхъ краскахъ. Теперь же, развертывая бѣловой списокъ, онъ дѣлаетъ то, что дѣлаетъ художникъ съ своей для всѣхъ кажущейся законченной картиной. «Художественное созданіе въ словѣ то же, что картина—говоритъ Гоголь— нужно то отходить, то вновь подходить къ ней, смотрѣть ежеминутно, не выдается ли что-нибудь рѣзкое и не нарушаетъ ли нестройнымъ крикомъ всеобщаго согласія»¹⁾...

И Гоголь съ поразительнымъ терпѣніемъ по нѣскольку разъ перечитываетъ поэму въ бѣловомъ списокѣ; малѣйшее нарушение *прекраснаго* заставляетъ его упорно трудиться надъ усовершенствованіемъ всѣхъ частныхъ, какъ крупнаго, такъ и малаго въ произведеніи.

II.

Предъявляя къ своему созданію требованіе высшей красоты, гармоніи и правды, Гоголь прежде всего останавливается на главныхъ лицахъ преимущественно—на ихъ центральныхъ разговорахъ. Такимъ разговоромъ въ поэмѣ, разумѣется, будетъ разговоръ Чичикова съ помѣщиками о покупкѣ мертвыхъ душъ. Надъ нимъ-то особенно и трудится Гоголь, на немъ и сосредоточиваетъ главное вниманіе... Но и послѣ безчисленныхъ измѣненій, поправокъ, въ большинствѣ случаевъ остается недоволенъ его воспроизведеніемъ. И тогда принимается *сокращать*. Сокращаетъ немилосердно: выкидываетъ не только по строкамъ, но и по цѣлымъ страницамъ. Особенно много выкинулъ изъ разговора Чичикова съ Коробочкой (III глава). — Выкинуты мѣста, не вошли въ печатное изданіе; они составляютъ совсѣмъ неизвѣстныя для публики строки. Потому мы не будемъ стѣсняться приведеніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ нашемъ текстѣ. Они прекрасно покажутъ, какія законченныя, отдѣланныя мѣста выкидывалъ Гоголь въ этотъ фазисъ своей работы.

«Желалъ-бы я знать, какую пользу въ хозяйствѣ хотѣли вы получить отъ нихъ»,—сказалъ Чичиковъ, уже порядкомъ уставши

¹⁾ Соч. Гоголя. Стр. 519. Т. VI.

доказывать Коробочкѣ, что отъ мертвыхъ душъ для помѣщицы не можетъ быть въ хозяйствѣ никакого прока, развѣ что воробьевъ въ огородѣ пугать.

— Да ужь, конечно, какая съ нихъ польза? отвѣчала старуха.

«Такъ что-жь? жаль вамъ ихъ что ли?»

— Да что-жь жалѣть? вѣдь онѣ ужь мертвыя.

«Такъ что-жь вы стоите за нихъ?»

— Да я-жь и не стою ни мало, чего-жь стоять за нихъ?

«Ну такъ отдавайте!..»

— Какъ-же продать? Я право не знаю. Дѣло такое...

«Да что-жь за дѣло? Дѣло обыкновенное.»

— Все мнѣ сдается... Боюсь я, право, чтобы какъ-нибудь не проторговаться... А что-жь вы перворотили чашку? Вѣдь, это сквезникъ—по 10 рублей фунтъ. Выкушайте, батюшка, чашечку. Я нарочно приготовила для васъ покрѣпче.

«Покорнѣйше благодарю. Я больше одной чашки не пью. Но мы, однакожь, отделились отъ предмета. Помилуйте, матушка, разсудите хорошенько, къ чему вамъ здѣсь напрасно только слова терять? Въ самомъ дѣлѣ, какъ будто изъ чего добраго бьемся. Это просто людямъ на-смѣхъ. Объ этакой дряни, да столько толковъ!»

— Да на что-жь онѣ вамъ нужны?

«Да что-жь съ ними дѣлать? Просто хочется, чтобы всякій народъ былъ у меня (не разобрано слово).—Это совершенно не идущая сюда статья. Да и какое вамъ дѣло? На то повушцикъ, чтобы покупать вещь... пришла такая минута, что захотѣлось... Больше изъ челоуѣколюбія. Отдавайте, матушка, да и концы въ воду. Пятнадцать рублей положите въ сундукъ—и преславное будетъ дѣло.»

— *Ей Богу* ¹⁾, не знаю, какъ мнѣ быть, отвѣчала старуха. Товаръ-то такой странный!..

«Да Богъ съ нимъ, какой бы ни былъ товаръ, да если выгодное дѣло, такъ что тутъ глядѣть,—по боку его, да и дѣло съ концомъ. Подумайте только: ни хлопотъ, ничего. Засѣдатель пріѣдетъ, а вы ему: «А зачѣмъ ты? Пошелъ вонъ! Я знать ничего не знаю; я продала такому-то; ступай съ нимъ возись!» Вотъ онъ и поѣхалъ дуракъ съ носомъ.»

— Когда бы то Богъ милосердный привелъ до этого! сказала старуха.

¹⁾ Изъ всего приводимаго здѣсь разговора въ печатное изданіе вошла только нѣсколько словъ, печатаемыхъ курсивомъ.

«Какъ не привести! Дѣло въ вашихъ рукахъ. Такъ давайте, матушка, по рукамъ.»

Старуха опять *задумалась*. «Когда-бы-то я сколько-нибудь была познающе...»¹⁾ И опять пошла съ своими сомнѣніями и охами, что Чичиковъ попалъ на нее въ такой располхъ... Но мы не будемъ выписывать далѣе этого разговора: его характеръ остается все тотъ же, содержаніе—все та же однообразная, хорошо всѣмъ извѣстная перфшительность Коробочки. Читателю—по всему вѣроятію—съ перваго раза даже трудно согласиться, что приведенное мѣсто есть совсѣмъ новое, до сихъ поръ не бывшее въ печати: такъ все кажется въ немъ знакомо; каждое слово, каждая фраза звучатъ чѣмъ-то давно и хорошо извѣстнымъ.

До сдѣланныхъ сокращеній, изъ которыхъ мы привели только часть, весь разговоръ былъ неимоверно длиненъ, томителенъ, даже казался неестественнымъ. Ужь черезчуръ долго упиралась Коробочка, черезчуръ долго выслушивалъ ее кротко и терпѣливо Чичиковъ и къ довершенію удивленія — все еще продолжалъ настаивать на продажѣ. «И душъ - то всего 18! стоить ли изъ-за нихъ?..» невольно приходило въ голову, читая весь этотъ длинный діалогъ; и Чичиковъ въ своемъ упорствѣ и непониманіи казался крѣпколобъ не хуже самой Коробочки.— Зато—насколько выигралъ весь разговоръ послѣ сдѣланныхъ сокращеній! Сокращенный чуть не на-половину онъ потерялъ растянутость, томительность, однообразіе и значительно ближе подошелъ къ правдѣ.

Почти то же самое можно сказать и про другія подобныя сокращенія; слишкомъ разросшіяся отъ предшествующей работы детали разговора авторъ находитъ теперь «нестройнымъ ерикомъ», нарушающимъ всеобщее согласіе, и проводитъ перомъ съ одного угла страницы на другой, замѣняя цѣлый діалогъ двумя - тремя словами.

III.

Судя по поправкамъ, поправкамъ, по множеству сдѣланныхъ сокращеній, Гоголь всего болѣе трудился въ нашемъ спискѣ надъ шестой главой. Но какъ припомнимъ—Плюшкинъ здѣсь и безъ поправокъ былъ такъ хорошъ, такъ типиченъ, что, какъ говорить Авсаковъ (С. Т.), «привелъ меня и всѣхъ насъ въ великій восторгъ...»

Но вся глава и ея герой казались совершенными, законченными только для посторонняго, «непосвященнаго» глаза. Гоголь-

¹⁾ № р. 2205.

же находить необходимымъ многое не только подправить, подчитать, подтушевать, но и сократить. И вотъ въ этой главѣ онъ поступаетъ такими прекрасными мѣстами, которыя могли бы служить украшеніемъ высокохудожественнаго произведенія. Онъ выкидываетъ почти безукоризненно исполненныя сцены...—Мы не пугаемся грозной тѣни Гоголя, рѣшался приводить здѣсь зачеркнутыя имъ мѣста, не боимся нарушить должнаго уваженія къ его памяти. Еще выше, еще разительнѣе выступаетъ онъ, какъ художникъ, когда объявляются эти скрытыя тайны, похороненныя въ его художественной мастерской. Да и самъ онъ не имѣлъ ничего противъ посмертнаго печатанія забракованныхъ имъ мѣстъ въ произведеній. Когда Бодянский сталъ его убѣждать не выкидывать «Вечеровъ на хуторѣ» изъ полнаго собранія сочиненій, которое онъ готовилъ къ изданію, Гоголь на это замѣтилъ: «А послѣ, пожалуй, кто хочетъ, можетъ изъ нихъ составить еще новый томикъ...» «Послѣ смерти моей, какъ хотите, такъ и дѣлайте»¹⁾, лишь бы не нарушалась, прибавимъ, святость памяти и уваженіе, которымъ обязано потомство великому писателю.

Приведемъ нѣкоторыя изъ сценъ, забракованныхъ Гоголемъ, гдѣ прекрасно иллюстрируется скудость Плюшкина.

...На радостяхъ, что появился такой добрый человѣкъ, какъ Чичиковъ, который готовъ хоть завтра, хоть сейчасъ совершить купчую на умершихъ душъ, лишь бы скорѣй освободить «почтеннѣйшаго» и «достойнѣйшаго человѣка» отъ непосильныхъ податей,—Плюшкинъ хочетъ чѣмъ-нибудь выразить свою благодарность этому изумительно доброму человѣку,—хочетъ угостить Чичикова настойкой.

«Старый скряга подошелъ съ этимъ графинчикомъ къ окну—говорится въ нашей рукописи—и взялъ извѣстную уже, полагаю, читателю рюмку, накрытую пакетомъ письма. Долго выбиралъ онъ куда бы слить бывшую въ ней жидкость. Въ какую фляжку ни заглядывалъ, вездѣ была на днѣ какая-нибудь дрянь, которую жаль было выбросить за окно. Наконецъ, онъ подошелъ къ бывшей въ углу кучѣ и вытащилъ оттуда какой-то черепокъ горшка. При этомъ дѣйствиіи пошелъ такой запахъ отъ старыхъ сапогъ и еще чего-то, котораго нарушилъ покой Плюшкинъ,—что Чичиковъ чихнулъ. Вытерши черепокъ, Плюшкинъ слилъ туда бывшую въ рюмкѣ жидкость.

«Это очень хорошая настойка—говорилъ онъ;—проклятыя мухи только нивакъ не отдираются... видно того... нужно всполоснуть. У меня былъ еще гдѣ-то кусокъ московской копченой колбасы.

¹⁾ Кулишъ «Зап. о ж. Гоголя». Т. II, стр. 258—259.

Но Чичиковъ догадывался, какого рода была эта московская колбаса, поспѣшилъ заблаговременно отказаться, чѣмъ Плюшкинъ, какъ казалось, не оскорбился.

«А водочки, батюшка, по крайней мѣрѣ вододочки-то выпейте...»¹⁾

И всю эту сцену Гоголь выкинулъ какъ лишнюю, не смотря на то, что она прошла черезъ всѣ мытарства черновыхъ редакцій, слѣдовательно поглотила у автора и массу времени, и бездну труда. Точно такъ исчезаютъ изъ VI главы одна, другая, третья... цѣлый рядъ, хотя мелкихъ, но не менѣе удачныхъ сценъ, чѣмъ приведенная. Исчезаетъ, напримѣръ, сцена, изображающая, какъ Плюшкинъ, подошедши къ бюро, чтобы отыскать «списочекъ» умершихъ душъ, поворачивается къ Чичикову спиной и начинаетъ съ прозрачной старческой хитростью тихонько отъ него вписывать «еще нѣсколько именъ, которыя, вѣроятно, были имъ прежде позабыты»²⁾. Чичиковъ, между тѣмъ, поднявшись на цыпочки, подсматриваетъ за куріозными продѣлками старика и внутренно радуется его хитростямъ. «Подавай ихъ сюда, подавай!» думаетъ Чичиковъ.

Или еще сцена съ Маврой на счетъ пропавшей сургучной оплаты съ письма. Плюшкинъ сперва укоряетъ ее въ кражѣ четвертки листа простой бумаги, а потомъ принимается распекать за сургучную оплату. Послѣ долгаго брюжжанья и ругатни, Плюшкинъ выдвинулъ, наконецъ, ящикъ бюро—«и Чичиковъ увидѣлъ множество лежавшихъ налѣпленныхъ сургучныхъ оттисковъ, которые онъ тщательно выдиралъ изъ каждаго попавшаго ему въ руки письменнаго конверта и складывалъ въ особенную вучу...»³⁾.

Все это совсѣмъ новыя и, безъ сомнѣнія, весьма любопытныя факты. Но, надо сознаться, никакой новой черты, даже ничтожнаго штриха не прибавляютъ они къ знакомому уже образу Плюшкинъ, подбирающій оброненную проѣзжимъ офицеромъ шпору, каждую ничтожную тряпочку, каждый лоскутъ бумаги, конечно, долженъ былъ отнестись бережливо и къ сургучнымъ оплатамъ на попадавшихъ въ его руки письмахъ. Онъ, у котораго съ годъ бережется въ чуланѣ сухарь,—остатокъ кулича, привезеннаго дочерью Александрой Степановной,—непремѣнно еще усерднѣе берегетъ колбасу, которую, можетъ быть, въ видахъ своихъ интересовъ, подарилъ ему тотъ самый капитанъ, который все набивался въ родственники. И сожалѣніе вылить изъ рюмки остав-

¹⁾ М рук. 2205.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

шуются жидкость, и желаніе тайно приписать нѣсколько именъ забытыхъ умершихъ душъ—все это какъ вмѣстѣ, такъ и порознь рисуетъ все тѣ же давно хорошо знакомыя черты потерявшаго человѣческой обликъ такъ прекрасно удавшагося Гоголю скраги.

Гоголь дѣйствительно *хорошо*, *всесторонне* знаетъ своихъ героевъ; можетъ по произволу ставить ихъ въ любое естественное для нихъ положеніе и показывать, что въ томъ или другомъ случаѣ они будутъ говорить и дѣлать. Потому у него въ запасѣ и сценъ, и рѣчей оказывается больше, чѣмъ надо для задуманнаго произведенія. Исчезновеніе тѣхъ и другихъ изъ бѣловаго списка не производитъ ни малѣйшаго нарушенія ни въ общемъ планѣ главы, ни въ характерѣ лица; все остается съ прежней полнотой и тѣмъ же характеромъ, какой приняло произведеніе въ моментъ достиженія полного роста. Выкинутыя только-что приведенныя мѣста говорятъ прямо за *embarras de richesses*. Какъ черезчуръ требовательный художникъ, Гоголь находитъ въ этомъ обиліи излишекъ, который какъ бы переводитъ художественный литературный типъ за предѣлы высшей красоты, обращая его въ будничную изо дня въ день текущую правду жизни, какъ бы въ простой снимокъ съ натуры. А Гоголь не терпѣлъ такихъ снимковъ даже въ живописи. «Если-бы я былъ художникъ — сказалъ онъ разъ, остановившись передъ какой-то картиной въ Италіи, — я бы избрѣлъ особеннаго рода пейзажъ. Какія деревья и ландшафты теперь пишутъ? Все ясно, разобрано, прочтено мастеромъ, а зритель по складамъ за нимъ идетъ. Я бы сдѣлалъ дерево съ деревомъ, перепуталъ вѣтви, выбросилъ свѣтъ, гдѣ никто не ожидаетъ его,—вотъ какіе пейзажи надо писать»¹⁾. При всей реальности создаваемыхъ героевъ и изображаемой жизни, Гоголь усматривалъ громадную разницу между художественнымъ воспроизведеніемъ жизни—будетъ ли то на полотнѣ или въ словѣ—и ея фотографической повседневностью. Художественное произведеніе, по его понятію, должно непременно возвышаться въ своей красотѣ и гармоніи надъ безцвѣтностью жизни, не переставая въ то же время быть правдой.

IV.

Усердно вглядываясь въ созданныхъ героевъ, вслушиваясь въ ихъ рѣчи, Гоголь теперь безпощадно критикуетъ каждую сцену, каждый важный и ничтожный діалогъ. При малѣйшемъ сомнѣніи въ неестественности, въ натяжѣ мѣняетъ каждое смущающее его мѣсто или слово. Напримѣръ, въ нашемъ спискѣ VI главы, Плюш-

¹⁾ Анненковъ—„Воспоминанія“. Стр. 15.

кинъ первый вспоминаеть о необходимости ѣхать въ городъ для совершенія купчей крѣпости. Пересматривая главу, Гоголь почувствовалъ неестественность даннаго мѣста. Ну гдѣ въ самомъ дѣлѣ Плюшкину, отставшему отъ всего живаго, отъ всего, что стоитъ внѣ его деревни и мелочной скуности,—гдѣ ему вспомнить о существующемъ юридическомъ порядкѣ купли и продажи? И въ печатной редакціи уже не Плюшкинъ, а Чичиковъ первый напоминаетъ о необходимости совершить въ городѣ купчую. Отъ такой ничтожной поправки вся сцена стала несравненно правдивѣе, вѣрнѣе. Во имя той же правды мѣняетъ Гоголь и то мѣсто въ рѣчи Плюшкина, гдѣ онъ проситъ съ Чичикова за бѣглыхъ 300 р. ¹⁾).

Такая выходка со стороны Плюшкина не вяжется съ его основнымъ характеромъ, съ той комической стороной его скуности, которою авторъ поворачиваетъ его все время къ читателю, и вслѣдствіе которой скупецъ дрожить надъ сургучной оплаткой и въ то же время не жалѣеть тысячъ пудовъ гнѣющаго у него на глазахъ хлѣба... Могъ-ли Плюшкинъ запросить за бѣглыхъ 300 рублей, когда въ этой самой покункѣ Чичикова онъ видѣлъ единственно одолженіе къ себѣ, чрезвычайную внимательность добрѣйшаго человѣка къ своей бѣдности? Ему-ли заломить такую несуразную цѣну, когда онъ искренно считаетъ себя обязаннымъ Чичикову даже въ тотъ моментъ, когда отдаеть ему даромъ почти сотню умершихъ душъ? И въ печатной редакціи Гоголь, вмѣсто 300 рублей, заставляетъ Плюшкина сказать совершенно иную, за то вполне къ нему подходящую фразу: «Что ни дай—взялъ бы» ²⁾). Именно Плюшкинъ взялъ бы, что ни дай.

Такихъ мелкихъ подчистокъ въ разговорахъ и дѣйствіяхъ главныхъ лицъ встрѣчается масса во всѣхъ уцѣлѣвшихъ главахъ нашего бѣловаго списка. Иногда такая ничтожная поправка влекла за собой тонкую переработку всего послѣдующаго разговора, всей сцены. И Гоголь не пугался трудности: терпѣливо перерабатывалъ все, согласно требуемымъ измѣненіямъ. Находя иногда рѣчь Плюшкина или Чичикова, или вообще кого-нибудь изъ главныхъ героевъ, недостаточно сильно выраженной, не вполне искусно воспроизведенной даже послѣ всѣхъ поправокъ и перемѣнъ, онъ кончалъ тѣмъ, что превращалъ ее всю изъ перваго лица въ третье, изъ разговорной формы въ повѣствовательную ³⁾). И надо сказать, что послѣ такой радикальной передѣлки рѣчь замѣчательно сильно выигрывала. Такъ выигралъ весь монологъ Чичи-

¹⁾ № р. 2205.

²⁾ Соч. Гоголя. IV т. Стр. 129.

³⁾ № р. 2205.

кова въ V главѣ, которымъ онъ заводитъ разговоръ о мертвыхъ душахъ съ Собакевичемъ. Превращенный въ повѣствовательную форму онъ оставляетъ бблшій просторъ для фантазіи и воображенія читателя,—вслѣдствіе чего впечатлѣніе получается сильнѣй...

Подчищая и подтушевывая указаннымъ способомъ всѣ главныя фигуры въ поэмѣ, авторъ въ то же время усердно заботится, чтобы не затѣмняли ихъ, не запружали этотъ главный интересъ поэмы второстепенныя лица. И съ этой цѣлью выкидываетъ массу словъ, рѣчей и даже сценъ съ второстепенными и третъестепенными лицами, которыя не вносятъ или уже перестали вносить какое-нибудь новое освѣщеніе. Именно такимъ мотивомъ можно объяснить массу сокращеній, касающихся Селифана: его разговоръ съ Чичиковымъ во время дороги къ Коробочкѣ въ непогожую пору; его безконечно-длинную пѣсню, обращенную къ лошадямъ и всю состоящую изъ массы однообразныхъ при всемъ своемъ разнообразіи междометій; или, наконецъ, встрѣча Чичикова съ мужиками, которыхъ онъ проситъ указать дорогу къ Манилову... Эти мѣста вычеркиваются и не входятъ уже въ печатное изданіе, хотя и они, какъ и все, что принадлежитъ перу Гоголя, и что прошло сквозь рядъ его черновыхъ редакцій, не лишено красоты и ему принадлежащей своеобразности.

V.

Послѣ тщательнаго и подробнаго изученія общаго характера поправокъ, сдѣланныхъ въ ббловомъ спискѣ «Мертвыхъ Душъ»,—несомнѣнно, что только стремленіе къ истинѣ и красотѣ руководило требовательнымъ редакціоннымъ перомъ Гоголя въ этотъ третій фазисъ его работы. Соображенія иного характера, напр., цензурныя препятствія—не играли для него никакой роли,—не смотря на всѣ предковенія и преграды, какія ему довелось уже претерпѣть во время печатанія «Ревизора» передъ поѣздкой за границу. Гоголь всегда вѣрилъ, что созданное имъ не пропадетъ для печати, до какой бы придирчивости ни доходила цензура; она, какъ и погода, измѣнчива. Анненковъ, прослушавъ повѣсть «о Капитанѣ Копѣйкинѣ» залился въ первую минуту неудержимымъ смѣхомъ, а потомъ, поуспокоившись,—высказалъ невольно напрашивавшіяся опасенія и сомнѣнія насчетъ цензуры. «Но увидятъ ли она (эта повѣсть) печать когда-нибудь?..—Печать—пустяки, спокойно сказалъ Гоголь: все будетъ въ печати»¹⁾. Еще менѣе принималъ онъ въ соображеніе во время своей творческой работы публику, еще менѣе желалъ угодить ей или подладиться подъ ея

¹⁾ Анненковъ: „Восп.“. Стр. 199.

вкусы. Не считалъ онъ ея достаточно для этого компетентной. «Въ желаніяхъ публики всегда дура—говорилъ онъ, правда, нѣсколько позднѣй—потому что руководствуется только мгновенною минутною потребностью». Но это не мѣшало ему болѣзненно—самолюбиво относиться къ отзывамъ этой же самой некомпетентной публики, когда произведеніе являлось въ печати!..

Кончая слѣдить за третьимъ моментомъ работы Гоголя, мы непременно должны оговориться, что рѣзко, опредѣленной границы между каждымъ изъ указанныхъ трехъ фазисовъ провести, разумѣется, нельзя. Въ то же время, когда, Гоголь усердно сокращаетъ, выкидывая цѣлыя страницы изъ разговоровъ и дѣйствій ради отдѣлки произведенія, тутъ же рядомъ встрѣчаются слѣды предшествующаго періода работы, гдѣ, какъ припомнимъ, главнымъ образомъ шло разрастаніе матеріала. И еще въ этотъ, третій фазисъ продолжаютъ расти нѣкоторыя частности, какъ напримѣръ—описаніе обстановки. Чтобы убѣдиться, стоитъ дословно сравнить, напримѣръ, хоть бы описаніе комнатъ Манилова въ печатной и нашей рукописной редакціи ¹⁾.

Такъ разрастаются теперь прежде только намѣченные описанія не однѣхъ комнатъ Манилова, а и его усадьбы, помещенія

¹⁾ По рукописи.

«Въ домѣ его вѣчно чего-нибудь не доставало. Въ одной комнатѣ была у него прекрасная мебель, стоявшая, безъ сомнѣнія, ему весьма не дешево. За то въ другой не было совершенно никакой, кромѣ развѣ какого-нибудь деревяннаго стула; вовсе не потому, чтобы онъ не считалъ нужнымъ, но потому единственно, что не успѣлъ еще завестись; хотя уже болѣе 10 лѣтъ, какъ жилъ онъ въ своемъ домѣ. По этой же самой причинѣ вмѣстѣ съ прекраснымъ бронзовымъ вызолоченнымъ и обдѣланнымъ въ перламутръ канделябромъ подавался на столъ какой-то гадкій, старый подсвѣчникъ».

(2205).

По изданію 1857 года.

Въ домѣ его чего-нибудь вѣчно не доставало. Въ гостинной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковою матеріей, которая, вѣрно, стояла весьма не дешево; но на два кресла ея не достало, и кресла стояли обтянуты простою рогожею; впрочемъ, хозяинъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ всякій разъ предостерегалъ своего гостя словами: „не садитесь на эти кресла: они еще не готовы“. Въ иной комнатѣ и вовсе не было мебели, хотя и было говорено въ первые дни послѣ женитбы: «Душенька, нужно будетъ завтра похлопотать, чтобы въ эту комнату хоть на время поставить мебель». Въ вечеру подавался на столъ очень щегольской подсвѣчникъ изъ темной бронзы съ тремя античными граціями, съ перламутровымъ щегольскимъ щитомъ и рядомъ ставился какой-то просто мѣдный инвалидъ, хромой, свернувшійся на сторону и весь въ сажъ, хотя этого не замѣчалъ ни хозяинъ, ни хозяйка, ни слуга». (IX т. Стр. 22).

Плюшвина и другія, которыя стояли до сихъ поръ въ сторонѣ, такъ какъ все вниманіе автора было обращено преимущественно и, пожалуй, даже исключительно, на лица, ихъ разговоры и тѣ ничтожныя дѣйствія, которыми онъ ихъ снабжаетъ...

VI.

На этомъ собственно—на третьемъ фазисѣ и кончался вообще творческій процессъ Гоголя; съ нимъ неразрывно на всемъ его многолѣтнемъ протяженіи шла рука объ руку работа надъ словомъ. Гоголь исправляетъ слогъ съ самой первоначальной редакціи. Сперва это дѣлается только случайно, попутно, но по мѣрѣ созданія произведенія, онъ все больше и больше сосредоточиваетъ вниманіе на стилистическихъ требованіяхъ. Строгость этихъ требованій доходитъ у Гоголя до комическаго; достаточно сказать, что въ печатномъ произведеніи трудно найти фразу, которая бы сохранилась въ неприкосновенномъ видѣ отъ первоначальной редакціи ¹⁾. Не осталось слова, котораго бы онъ не попробовалъ переставить то впередъ, то назадъ, то опять на прежнее мѣсто, прислушиваясь своимъ черезчуръ капризнымъ ухомъ къ каждой такимъ образомъ варьиримой фразѣ. И какого же громаднаго труда, какихъ громадныхъ усилій стоила, ему эта работа надъ словомъ! Вставить въ произведеніе какую-нибудь новую сцену, новую подробность для Гоголя несравненно легче, чѣмъ размѣстить слова во фразѣ. Обыкновенно онъ сразу не колеблясь вдвигалъ новую деталь въ надлежащее ей помѣщеніе и съ перваго-же раза навсегда ее тамъ приковывалъ. А какая масса труда, какая бездна времени уходила у него на размѣщеніе словъ! Несомнѣнно міръ образовъ былъ ему послушнѣе міра звуковъ, а жизнь знакомѣе грамматикѣ ²⁾. И онъ постоянно оставался недоволенъ и языкомъ, и слогомъ своихъ произведеній. Съ годами это недовольство только усиливалось. «Я до сихъ поръ, какъ ни бьюсь—писалъ онъ 8 декабря 1846 года къ Плетневу,—не могу обработать слогъ и языкъ свой—первыя необходимыя орудія всякаго писателя. Они у меня до сихъ поръ въ такомъ неряшествѣ, какъ ни у кого даже изъ дурныхъ писателей,

¹⁾ См. «Первонач. редакціи повѣсти Шинель». (Рус. Стар. 1883 г. № 4).

²⁾ Любопытно, какъ хромала орфографія Гоголя послѣ его старанія ее исправить! Въ нашемъ бѣловомъ спискѣ «Мертвыхъ Дущъ» онъ толстымъ жирнымъ почеркомъ переправляетъ оборотное *э* на букву *ъ* въ словѣ *этажъ* или, напримѣръ, склоняетъ иностранныя слова; *соловей* пишетъ черезъ букву *ъ*; шрифтъ—*штрифтъ*; отъ слова *пустой* производятъ сравнительную степень *пуше...* (№ р. 2205).

такъ что надо мной имѣть право посмѣяться едва начинающій шеольникъ¹⁾).

Такое черезъ край переходящее недовольство, сталеваясь въ Гоголѣ съ не менѣе строгими требованіями, естественно породило разительно упорную работу. Последняя, безъ сомнѣнія, окупалась успѣхомъ. Въ большинствѣ случаевъ послѣ каждаго пересмотра, послѣ каждой поправки слогъ крѣпчалъ, выходилъ сильнѣй, характернѣй. Стоитъ почитать и посравнить—уже не говоримъ—первоначальную черновую редакцію съ печатной, а даже и бѣловую (напр. «Мертвыхъ Душъ» или «Женитьбы»), чтобы судить о несомнѣнномъ совершенствѣ слога, который у Гоголя въ «Мер. Д.», какъ извѣстно, мѣстами возвышается чуть не до гимна. Какъ блѣдна, напримѣръ, фраза Сабакевича въ нашемъ бѣловомъ спискѣ: «Вы все свое, какъ два да два»²⁾, которой онъ упрекаетъ Чичикова въ настойчивости—передъ замѣнившей ее въ послѣдствіи пословицей: «Затвердила сорока Якова одно про всякаго»³⁾. Не менѣе удачны оказываются даже мимоходныя стилистическія поправки въ «Женитьбѣ». Чтобы раздражить воображеніе Подколесина и расположить его къ женитьбѣ, Кочкаревъ говоритъ ему сперва такъ: «и вообрази: ты сидишь на диванѣ, и вдругъ къ тебѣ подсядетъ этакая жена, такая хорошенькая, и положить на тебя ручку...» Но послѣ чтенія съ перомъ въ рукахъ фраза измѣнилась, вышла соблазнительнѣй, пикантнѣй... «подсядетъ бабеночка хорошенькая этакая—и ручкой тебя...»⁴⁾.

Стремленіе исправлять и совершенствовать слогъ у Гоголя, можно сказать, переходило въ безконечность. Пока передъ нимъ лежала исписанная бумага, а въ рукахъ было перо или карандашъ—однимъ словомъ, пока передъ нимъ была не книга съ своими уже омертвѣлыми въ типографскихъ чернилахъ буквами, до тѣхъ поръ весь слогъ произведенія онъ находилъ несовершеннымъ, требующимъ поправокъ. Исправлялъ его даже въ корректурѣ, если держалъ ее самъ, или-же поручалъ исправлять тому, кто бралъ на себя заботу объ изданіи: Плетневу, Прокоповичу, Шевыреву, др.

Неудивительно, что эти черезчуръ усердныя ухаживанія за слогомъ становились въ концѣ концовъ излишни, переходили черезъ край, какъ-бы за предѣлъ самимъ Гоголемъ начертаннаго идеала. «Дальнѣйшія поправки (т. е. послѣ 8 разъ переписыванья и пересматриванія), пожалуй, испортятъ дѣло: что называется у

¹⁾ Соч. Гоголя. VI т. Стр. 303.

²⁾ № р. 2205.

³⁾ Соч. Гоголя. IV т. Стр. 104.

⁴⁾ № р. 2206.

живописцевъ зарисуешься»¹⁾). И Гоголь дѣйствительно зарисовывался, производя безконечныя перестановки словъ въ одной и той-же фразѣ. Такъ варьируя, на примѣръ, фразу Плюшкина на счетъ часовъ, когда старикъ въ умиленіи задумалъ было подарить ихъ Чичикову, Гоголь кончаетъ тѣмъ, что останавливается на весьма неблагозвучной и неправильной редакціи: «Лучше я оставлю *ихъ ему*... 2).

Таковъ былъ неизбежный результатъ добродѣтели, переведенной черезъ край.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Но созданіе и обработка собственно перваго тома «Мертвыхъ Душъ» на этомъ не оканчивалась. Если сравнить нашу рукопись съ печатнымъ произведеніемъ, то помимо сдѣланныхъ указаній на различіе выступаютъ *новыя вставки, новыя мѣста*, которыхъ нѣтъ въ нашей рукописи. Именно эти вставки-то и даютъ возможность усмотрѣть *четвертый*, дальнѣйшій моментъ творческой работы, принадлежащій собственно созданію «Мертвыхъ Душъ». Въ этотъ четвертый моментъ поэма снова начала расти, *расширяться*. Но это расширеніе, этотъ вторичный ростъ носить теперь уже совсѣмъ иной характеръ: поэма растетъ не на счетъ подробностей, какъ было прежде, не на счетъ новыхъ фактовъ или новыхъ лицъ. Теперешнія вставки тѣсно связаны съ душевнымъ настроеніемъ Гоголя, съ лиризмомъ души его, который начинаетъ въ немъ понемногу преобладать надъ интересомъ къ жизни. Уносясь мыслями отъ міра реального въ область абстрактныхъ, въ міръ нравственный, болѣе охваченный чувствомъ, чѣмъ занятой жизнью, фактами,—Гоголь отражаетъ этотъ моментъ своего духовнаго состоянія на поэмѣ. Она растетъ именно насчетъ этого возвышеннаго настроенія души автора.

Въ поэму вступаютъ теперь одно за другимъ такъ называемыя «лирическія мѣста».

Кто не припомнить, на примѣръ, размышленія автора насчетъ Коробочки, когда она вышла на крыльцо провожать Чичикова и ушла мыслями въ свое хозяйство³⁾? Или когда авторъ заставляетъ своими думами думать Чичикова, глядя на спину Собаке-

¹⁾ Рус. Стар. 1872 г. № 1. Стр. 124.

²⁾ Соч. Гоголя. IV т. Стр. 132.

³⁾ «Да точно ли Коробочка стоитъ такъ низко на безконечной лѣстницѣ человѣческаго совершенствованія»... (56 стр. IV т.).

вича, занятого записываніемъ умершихъ душъ ¹⁾? и т. д. Въ каждой слѣдующей главѣ число такихъ лирическихъ наростовъ увеличивается. VI глава уже ими изобилуетъ...

Къ такимъ же лирическимъ отступленіямъ по своему лирическому пафосу и одинаковой съ ними возвышенности слога, вполне можно отнести и вставленные въ этотъ послѣдній моментъ работы новыя описанія, необычайно-картинно доразвитыя сравненія; напр., описаніе имѣнія кутящаго помѣщика, вставленное въ VI-ю главу, для лучшаго отгѣненія скупоности Плюшкина; или описаніе его сада, гдѣ такъ прекрасно слились причудливыя красоты дикой природы съ нѣкогда бывшей искусственностью. Все это отличается той же торжественностью и величіемъ, какъ и указанные лирическія мѣста. Гоголь даже и читалъ эти описанія какъ-то особенно торжественно. «Никогда еще пафосъ диктовки—помню—говоритъ Анненковъ, писавшій въ Римѣ подъ диктантъ Гоголя «Мертвыя души», (никогда) не достигалъ такой высоты въ Гоголѣ, сохраняя всю художественную естественность, какъ въ этомъ мѣстѣ (т. е. при описаніи сада Плюшкина). Гоголь даже всталъ съ кресель... и сопровождалъ диктовку гордымъ, какимъ-то повелительнымъ жестомъ» ²⁾. Тѣмъ же лирическимъ отгѣнкомъ проникнуты и слѣдующія добавленія къ уже имѣвшимся прежде сравненіямъ. То были не добавленія какого-нибудь слова, фразы—нѣтъ; то были цѣлыя новыя картины или же имѣвшимся старымъ давалось совсѣмъ новое освѣщеніе, изъ-за котораго выступалъ самъ авторъ. Такъ выросло сравненіе Сабакевича съ Мишкой-медвѣдемъ или освѣтившагося лица Плюшкина съ мелькнувшимъ на мигъ на поверхности воды утопающимъ ³⁾.

¹⁾ «Родился ли ты ужъ такъ медвѣдемъ, или омедвѣдила тебя захолая жизнь...» (106 стр.).

²⁾ Анненковъ: „Восп.“, 3 стр.

³⁾ Чтобы показать эти образовавшіеся наросты въ указанныхъ сравненіяхъ, мы приведемъ въ параллель обѣ редакціи.

По рукописи.

¹⁾ Здѣсь онъ (Собакевичъ) усадилъ его (Чичикова) на кресло съ нѣкоторой даже ловкостью, какъ такой медвѣдь, который уже побывалъ въ искусствахъ рукахъ цыгана“ (№ р. 2205).

²⁾ Явленіе, подобное появленію на поверхности водъ утопающаго чело-
вѣка, который вынырнулъ и медвѣднулъ

По изданію 1857 года.

¹⁾ Здѣсь онъ усадилъ его въ кресло съ нѣкоторой даже ловкостью, какъ такой медвѣдь, который уже побывалъ въ рукахъ, *умѣетъ и перевернуться, и дѣлать разныя штуки на вопросы: „А покажи Миша, какъ бабы парятся“? или: „А какъ, Миша, малыя ребята горохъ воруютъ“?* (105 стр.)

²⁾ «Явленіе, подобное нежданному появленію на поверхности водъ утопающаго, *произведшему радостный*

Эти наросты составляютъ какъ бы послѣдній тушь художника въ созданіи поэмы. Тушь этотъ влялся не вдругъ, а постепенно въ минуты высшаго вдохновенія. «Я слышу часто чудныя минуты—говорить онъ Жуковскому—чуждой жизнью живу, внутренней, огромной, заключенной во мнѣ самомъ, и никакого блага и здоровья не взялъ бы»¹⁾. И Гоголь сильно дорожилъ этими изрѣдка набѣгавшими моментами: не взирая ни на что, ничѣмъ не стѣсняясь гдѣ бы и когда бы ни пришли они—онъ садился писать. И чтобы ни творилось тогда вокругъ—стукъ, крикъ, раздававшіеся въ сосѣдней комнатѣ разговоры,—ничто не мѣшало ему... И замѣчательно! все что не выходило изъ подъ пера въ минуты таковаго вдохновенія—смѣло, безъ колебаній ложилось на бумагу. Изъ всѣхъ лирическихъ наростовъ только одно: «Въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно-минувшаго моего дѣтства...», которымъ начинается VI глава поэмы,—только одно оно вошло въ нашу рукопись. Любопытно: какъ рѣзко отличается почеркъ этой вставки отъ всѣхъ другихъ поправокъ! Она вписана карандашомъ *безъ всякихъ поमारокъ*, замѣчательно твердымъ и яснымъ почеркомъ, вписана на мѣсто сокращеннаго разговора Чичикова съ мужикомъ, у котораго онъ спрашиваетъ дорогу къ Плюшкину.

II.

Эти возвышенныя лирическія мѣста вытѣсняють собой изъ законченнаго произведенія все, что кажется автору теперь низменно, мелочно. И сторонятся, исчезаютъ изъ поэмы всѣ штрихи и картины, отличающіяся изменностью мотивовъ и слишкомъ большой обыденностью. Исчезаютъ въ печатной редакціи сцены, какъ Чичиковъ, пробираясь по сѣнямъ Плюшкина, ударился о косякъ, прежде чѣмъ отворилъ дверь; исчезаетъ замѣчаніе насчетъ необычайной тали француженки, жившей у Плюшкина на антресоляхъ и т. п.

Возвышенный діапазонъ души Гоголя не выноситъ теперь ни рѣзкихъ словъ, ни шутливыхъ, задорныхъ рѣчей. Это особенно сказыва-

спивной еще одинъ разъ, что-бы погрузиться уже на вѣки". (№ оп. 2205).

крикъ съ толпы, обступившей берегъ. Но напрасно обрадовавшіеся братья и сестры кидаютъ съ берега веревку и ждутъ— не мелькнетъ-ли вновь сплани или утомленныя бореніемъ руки: появленіе было послѣднее. Глухо все, и еще страшнѣе и пустыньнѣе становится послѣ того затихнувшая поверхность безответной стихіи"... (127 стр).

¹⁾ Рус. Арх. 1871 г. 4—5. Стр. 945.

вается въ томъ измѣненіи, какому Гоголь подвергнулъ VIII главу поэмы. Отъ нея въ портфель Иванова сохранился одинъ листокъ, вырванный изъ бѣловой несохранившейся тетрадки. Въ печатную редакцію изъ этого листка попали какія-нибудь двѣ—три фразы, не больше. Все мѣсто, гдѣ авторъ говоритъ съ читателемъ о той смѣлости, какой онъ набрался, очутившись за границей,—выкинуто окончательно.

Но мы приведемъ его здѣсь сполна. Весь монологъ крайне любопытенъ. Онъ даетъ возможность заглянуть въ нѣкогда веселое настроеніе Гоголя; даетъ возможность подмѣтить смѣлый взглядъ на жизнь и людей, который охватилъ его—какъ мы сказали раньше—тотчасъ при въѣздѣ за границу и который онъ затѣмъ съ каждымъ годомъ терялъ и въ послѣдствіи совсѣмъ утратилъ...

«Много поэтовъ широкихъ, вѣстью глубокихъ и великихъ занимались описаніемъ убранства и костюма своихъ героевъ. Въ старину Гомеръ, позже Сервантесъ, Вальтеръ-Скотъ и Пушкинъ любили живописать туалеты. Очень знаю, что читателю хотѣлось-бы страшно видѣть, какъ Чичиковъ надѣнетъ фракъ брусничнаго цвѣта съ искрой и станетъ умываться. Но просто не хочу говорить объ этомъ. Я теперь рѣшительно безъ всякихъ чиновъ и церемоній. Было время, когда и я, не смотря на неповоротливость, глядѣлъ въ глаза, старался угадывать желанія тѣхъ, съ которыми мы привыкли быть до приторности учтивыми. А теперь, какъ унесло меня море изъ нашей просторной имперіи, все благоговѣніе, которое питалось въ душѣ къ разнымъ правителямъ канцелярій и многимъ другимъ достойнымъ людямъ, испарилось совершенно. Теперь и кланяться не умѣю. Я состарѣлся, нѣтъ той гибкости въ костяхъ, которую сохраняютъ въ своемъ хребтѣ до глубокой старости многіе дѣльные и дѣловые люди. Я упрямы, не хочу видѣть тѣхъ фізіономій, на которыя плевать, не смотря на всю ихъ декорацію, какъ бы онѣ ловко ни шаркались. Кому не говорю дружескаго «ты», тотъ не подходитъ ко мнѣ. Поэтому самому читающій меня не долженъ обижаться, если я съ нимъ запросто и скажу ему «ты». Первый пріятель автора есть его читатель. Словомъ «вы» называютъ всѣхъ подлецовъ—отправляютъ ли они должность низкихъ доносчиковъ, или-же выбрались въ люди и начинаютъ даже производить подлый родъ свой отъ древнихъ фамилій,—ихъ всѣхъ называютъ «вы». Но если разсмотрѣть это «вы» въ микроскопъ, то можно видѣть что это «вы» есть ни что другое, какъ чистая оплеуха.

«И такъ, будь лучше «ты», нежели «вы», веселый и простодушный читатель мой. Я съ тобою совершенно безъ чиновъ и, вмѣсто того, чтобы рассказывать, какъ герой нашъ одѣвался, беру

тебя за руку и веду прямо на балъ къ губернатору. Хотя, можетъ быть, тебѣ и некогда—и давно уже пора идти въ департаментъ, или ждутъ тебя на разводѣ, и бригадный командиръ распекаетъ тебя заочно; или, можетъ быть, любезный другъ, ты и самъ уже бригадный командиръ, завелся брюхомъ, величиною съ самоваръ, въ которомъ варять кадетамъ чай, и готовишься покрикивать передъ фронтомъ такъ, что будутъ дребезжать окна на площади,—не смотря на все это, беру тебя за руку и веду на балъ. Что-жь дѣлать? Таковы преимущества автора. Конечно, тебя немножко пораспекутъ. Но автору всегда лестная честь, когда за него кого-нибудь пощелкають»¹⁾...

Вся эта смѣлая, развязная, шутливая рѣчь дисгармонировала теперь съ возвышеннымъ настроеніемъ Гоголя, съ его лирическимъ пафосомъ, подъ вліяніемъ котораго проходитъ въ послѣдній разъ кисть художника по вполне—теперь даже для него самого—заключенному произведенію... Но, какъ извѣстно, поэму подправила еще болѣе взыскательная и строгая, чѣмъ самъ Гоголь, цензура. Она очистила произведеніе отъ показавшихся ей вольнодумныхъ, задирающихъ словъ, чегс-бы они ни касались, какую-бы изъ освященныхъ обычаемъ старинн сферъ ни затрогивали. Г. Скабичевскій въ своихъ интересныхъ «Очеркахъ по исторіи русской цензуры» приводитъ изъ поэмы Гоголя всѣ исправленныя цензурою мѣста²⁾. При сличеніи нашего списка съ печатнымъ, оказалось еще нѣсколько такихъ мѣстъ, которыя въ исправленномъ видѣ значительно уступаютъ въ силѣ нашей рукописной редакціи³⁾.

¹⁾ № рук. 2205.

²⁾ «От. Зап.» 1883 г. № 6.

³⁾ По рукописи.

а) «...между повелителемъ и его рабомъ произошло слѣдующій разговоръ»,—говорится въ VI главѣ про Плюшкина и Мавру. (№ р. 2205).

б) «Вотъ погоди, какъ придетъ-то страшный судъ,—*Богъ за все тебя вспыршетъ* (говоритъ Плюшкинъ Маврѣ),—*да, воровка, больно вспыршетъ. Да въ огонь-то тебя засадятъ. Вотъ какъ припекутъ-то тебя черти—такъ ты покаешься, желѣзными-то рогагами тебя припекутъ*» (№ р. 2205).

с) «Онъ (Чичиковъ) вынулъ изъ кармана бумажникъ, далъ Плюшкину двѣ красныя ассигнаціи, которыя (Плюшкинъ) и взялъ въ обѣ горсти и несъ ихъ такъ осторожно, какъ *человѣкъ благочестивый несетъ просвиру*». (№ р. 2205).

По изданію 1857 года.

а) «...и между ними произошло такъ-же разговоръ». (Стр. 128).

б) «Вотъ погоди-ка: на страшномъ судѣ черти припекутъ тебя за это желѣзными рогагами! Вотъ посмотримъ, какъ припекутъ». (Стр. 128).

с) «Тутъ-же заставилъ онъ Плюшкина написать росписку и выдалъ ему деньги, которыя тотъ принялъ въ обѣ руки и понесъ ихъ къ бюро съ такою-же осторожностью, какъ *будто-бы несъ какую-нибудь жидкость, ежеминутно боясь расплескать ее*. (Стр. 130).

То обстоятельство, что о них умалчиваетъ въ своей статьѣ г. Скабичевскій, — даетъ возможность предположить, что измѣненіе указанныхъ мѣстъ принадлежитъ не цензурѣ, а — пожалуй — и самому Гоголю, который, что называется, ужъ началъ «зарисовываться» въ своей до крайности дошедшей страсти исправлять.

Вотъ какъ неразрывно сливался въ Гоголѣ талантъ и трудъ, какъ работалъ онъ, какого неутомительнаго, долгаго, упорнаго труда стоила его поэма! Онъ работалъ надъ ней *семь лѣтъ*! Если случалось, что въ своемъ усердіи исправлять, улучшать, измѣнять, поправлять... произведеніе, онъ иногда и впадалъ въ крайность, которая, какъ извѣстно, способна всякую высокую добродѣтель обратить въ порокъ, то, во всякомъ случаѣ, нельзя не признать великаго результата отъ счастливаго соединенія въ немъ труда и таланта. Что представляла его поэма хотя-бы въ нашемъ бѣловомъ спискѣ, сравнительно съ тѣмъ, что имѣемъ теперь? Какъ ни восторгались ею тогда Аксаковы, Кирѣевскіе, Прокоповичъ, Панаевъ и другіе, она *далеко* уступала тому законченному произведенію, которое получилось послѣ дальнѣйшей работы, тому, что извѣстно теперь подъ именемъ перваго тома «Мертвыхъ душъ». Это сравненіе наглядно воспроизводитъ всю степень значенія труда даже для такого таланта, какъ Гоголь. Чѣмъ значительнѣе, чѣмъ законченнѣе представляется его произведеніе современному критику, тѣмъ, оказывается, большей усидчивости, большей работы стоило оно автору. Тоже можно сказать о каждомъ лицѣ, о любомъ разговорѣ, которые кажутся болѣе другихъ удачными.

Ничто совершенное не дается безъ труда! И никто не сомнѣвается въ его необходимости для совершеннаго въ живописи, ваяніи, музыкѣ... Но почему то до сихъ поръ не укрѣпилось въ обществѣ сознание такой необходимости труда въ области художественной литературы. Много, конечно, въ этомъ случаѣ мѣшалъ долго державшійся ложный взглядъ на личность писателя-беллетриста, поэта... Давно-ли было то время, когда въ писателѣ, видѣли чаловѣка, не подчиненнаго общимъ законамъ природы? Давно-ли говорили: «Какъ мы можемъ судить Гоголя по себѣ? Можетъ быть, у него всѣ нервы вдесятеро тоньше нашихъ и устроены какъ-нибудь вверхъ ногами? 1) Тайнственность работы писателя, сведенной къ священнодѣйствію, укрѣпляла другой ложный взглядъ, что все «прекрасное», что есть въ художественномъ произведеніи, выходитъ изъ-подъ пера талантливаго писателя *безсознательно и вполне готовымъ*.

1) Русь. 1880. № 4. Стр. 17.

Если безъ усидчиваго труда у насъ не было-бы великой поэмы «Мертвыхъ душъ», а слѣдовательно и того Гоголя, какого имѣемъ теперь, то понятно, почему лишены досуга современные таланты не даютъ ничего подобнаго «Мертвымъ душамъ» въ смыслѣ художественнаго воспроизведенія, широты и законченности. И сколько же теряемъ мы изъ произведеній нашихъ современныхъ писателей, отправляющихъ въ типографію, за отсутствіемъ свободнаго, дароваго времени, свои черновые наброски, и сколько они сами, вынужденные печальной необходимостью работать «на спѣхъ», сколько они сами должны будутъ потерять изъ своего долгодѣія и значенія среди потомства!

Е. Некрасова.

1883 г. Декабрь.

ЧѢМЪ ЖИЗНЬ КРАСНА.

Романъ Эмиля Золя.

VII.

Похоронная церемонія, связанная съ нею хлопоты, а кро-мѣ того—необходимость привести въ порядокъ кое-какія дѣла заставили Лазаря и Полину пробыть въ Канѣ цѣлыхъ два дня. Когда они тронулись въ обратный путь, простившись съ свѣжей могилой, погода рѣзко перемѣнилась:—съ моря дулъ сильный вѣтеръ. Изъ Арроманша они выѣхали подъ проливнымъ дождемъ, вѣтеръ дулъ такъ сильно, что грозилъ сорвать съ кабриолета верхъ. Полина вспоминала свою первую поѣздку, когда мадамъ Шанто привезла ее изъ Парижа: и тогда бушевала такая-же буря, бѣдная тетя запрещала ей высовываться изъ экипажа, чтобы смотрѣть на море, и ежеминутно поправляла шелковый платокъ, которымъ повязала ей горло. Лазарь также сидѣлъ, погружившись въ свои думы; здѣсь, среди этой дороги, ему чудился образъ матери, которая, бывало, съ такимъ нетерпѣніемъ слѣшила къ нему на встрѣчу каждый разъ, когда онъ возвращался домой. Однажды, въ декабрѣ, она прошла пѣшкомъ цѣлыхъ два лье, и онъ нашелъ ее сидящею вотъ здѣсь, на этой тумбѣ. Дождь лилъ не переставая. молодая дѣвушка и двоюродный братъ ея не обмѣнялись ни единымъ словомъ отъ Арроманша до самаго Бонвиля.

Впрочемъ, когда стали уже подъѣзжать къ дому, дождь прекратился; но зато вѣтеръ подулъ съ удвоенной силой; кучеру пришлось слѣзть и взять лошадь подъ уздцы. Наконецъ, повозка остановилась передъ дверью. Въ эту минуту мимо дома бѣжалъ рыбакъ Гутляръ.

— Ну, баринъ, крикнулъ онъ, — на этотъ разъ все пойдетъ къ чорту!.. Отъ вашей плотины только щепки летать.

Съ этого поворота дороги моря не было видно. Поднявъ голову, Лазарь увидѣлъ Веронику, стоявшую на террасѣ и смотрѣвшую по направленію къ морскому берегу, а съ другой стороны, спрятавшись за стѣну своего сада, изъ страха, чтобъ отъ вѣтра не распахнулись полы его рясы, выглядывалъ аббатъ Гортѣрь. Онъ перегнулся черезъ ограду и въ свою очередь закричалъ.

— Не устоять вашимъ сваямъ! Посмотрите, какъ оно ихъ крошить!

Лазарь направился къ берегу, и Полина, несмотря на ужасную погоду, тоже пошла за нимъ. У подножья обрыва, который образовалъ здѣсь скалистый берегъ, они невольно остановились, пораженные неожиданнымъ зрѣлищемъ, раскрывшимся передъ ихъ глазами. Грозный сентябрьскій приливъ наступалъ съ оглушительнымъ грохотомъ. Никто не ждалъ, что онъ приметъ такіе опасные размѣры; но сѣверный вѣтеръ, дувшій со вчерашняго дня, до такой степени его усилилъ, что громадныя волны, какъ горы, вздымались на горизонтѣ, катились къ берегу и разбивались о его скалы. Вдали море казалось еще мрачнѣе подъ черными тучами, скользившими по свинцовому небу.

— Иди домой, сказалъ Лазарь, обращаясь къ двоюродной сестрѣ. — Я только взгляну на плотину, и сейчасъ-же вернусь.

Она не отвѣтила и продолжала идти за нимъ, пока они не очутились на плоскомъ берегу моря. Здѣсь свои плотины и большой, недавно выстроенный, волноломъ выдерживали ужасный приступъ. Волны, все болѣе и болѣе громадныя, какъ тараны, ударяли въ плотину, смѣняя другъ друга; ихъ полчищамъ не было числа; за упавшимъ строемъ вставали все новые и новые, безчисленные чудовища съ зеленоватыми спинами, съ бѣлыми пѣнистыми гривами, колыхались на необозримомъ пространствѣ, съ ревомъ обгоняли другъ друга, въ бѣшеннои схваткѣ сами разлетались въ пыль и, въ видѣ бѣлой пѣны, падали въ пучину, которая, казалось, поглощала и снова уносила ее въ открытое море. Подъ каждымъ натискомъ досчатая обшивка свай трещала. У одной изъ нихъ упоры были уже оторваны, и длинная центральная балка, державшаяся только однимъ концомъ, беспомощно подбрасывалась по

прихоти волнъ, какъ мертвое туловище, у котораго всѣ члены оторваны пушечными ядрами. Двѣ другія держались лучше; отъ нихъ по временамъ отлетали только щепки. Но и онѣ уже начинали колебаться, видимо изнемогали, и съ каждою минутою какъ будто стоновались тоньше подъ усиліями обступившаго ихъ прибоя, который рѣшился побѣдить во что-бы то ни стало, и упорно отрывалъ щепку за щепкой.

— Вѣдь я говорилъ имъ, твердилъ Пруанъ, который былъ сильно навеселѣ и стоялъ, прислонившись спиною къ старой, дырявой лодкѣ,—я говорилъ, что не то будетъ, когда вѣтеръ подуетъ съ моря... Плевать онъ хочеть на всѣ эти спички, понатыканныя нашимъ барчукомъ!

Слова эти вызвали дружный хохотъ. Весь Бонвиль былъ въ сборѣ; мужчины, женщины, дѣти,—всѣ, безъ исключенія, съ восторгомъ смотрѣли, какъ волны трепали жалкіе остатки плотины. Это море, правда, точно также разбивало и уносило ихъ лачуги, но тѣмъ не менѣе внушало имъ невольное удивленіе, къ которому, вмѣстѣ со страхомъ, примѣшивалось и нѣкоторое нѣжное чувство:—они почувствовали-бы себя лично оскорбленными, если-бы первому попавшемуся выскочкѣ-барину удалось усмирить это чудовище при помощи нѣсколькихъ бревенъ и двухъ дюжинъ заклепокъ. Вотъ почему они теперь такъ волновались, такъ торжествовали, видя, какъ оно просыхаетъ, наконецъ, и съ яростнымъ ревомъ сбрасываетъ съ себя намордникъ.

— Смотри, смотри, ребята! кричалъ Гутляръ.—Вотъ-то ловко дернуло... Двухъ лапъ какъ не бывало!

Зрители перекликались между собою. Кюшъ считалъ волны.

— Теперь еще три волны,—и кончено дѣло... Разъ!.. подается! Два!.. унесло! Ахъ, подлая тварь, съ двухъ разъ покончила!.. Право, подлая тварь...

И этотъ эпитетъ, видимо, имѣлъ ласкательный характеръ. Кругомъ слышались прочувствованныя ругательства съ оттѣнкомъ нѣжности. Ребятишки принимались плясать каждый разъ, когда новая волна обрушивалась на плотину и съ одного удара подламывала сваю. Еще одна! еще одна! Ни одной не устоять, всѣ затрещать, какъ морскія блохи подъ башмакомъ ребенка. Но приливъ надвигался все больше, а между тѣмъ главный волноломъ еще стоялъ невредимый. Этого послѣд-

няго зрѣлища всѣ ждали, какъ рѣшительной битвы. Наконецъ, и въ его доски ударили первыя волны; то-то будетъ весело!

— Жаль, что нѣтъ здѣсь нашего барчука, послышался насмѣшливый голосъ Турмаля.—Онъ бы его хотъ плечомъ подперъ, чтобъ не обрушился.

Толпа зашипала; рыбаки замѣтили Лазаря и Полину. И тотъ, и другая, стояли блѣдные, взволнованные; они все слышали и молча продолжали смотрѣть на картину разрушенія. Что свалило и перешибло нѣсколько балокъ—это не бѣда; но вѣдь приливъ долженъ наростать еще въ теченіе цѣлыхъ двухъ часовъ, и деревня навѣрное пострадаетъ, если плотина не устоитъ. Лазарь привлекъ къ себѣ двоюродную сестру, обхвативъ ее за талью, чтобы хотъ немного защитить ее отъ внезапныхъ порывовъ вѣтра, который со свистомъ, какъ удары косы, проносился надъ открытымъ берегомъ. Зловѣщій мракъ спускался съ почернѣвшаго неба, волны ревѣли, а они по-прежнему неподвижно стояли въ своей траурной, похоронной одеждѣ, подъ брызгами водяной пыли, среди наполнявшаго воздухъ грохота, который становился все грознѣе и громче. Вокругъ нихъ теперь стояли рыбаки, и тоже ждали; на лицахъ еще мелькали злорадные усмѣшки, но въ глубинѣ души каждый уже не на шутку начиналъ беспокоиться.

— Не устоятъ ей долго, сказалъ Гутляръ.

Однако, плотина не подавалась. Послѣ каждаго вала, покрывавшаго ее пѣною, черныя, залитыя дегтемъ, балки и доски снова выступали среди бѣлой, клокочущей воды. Но стоило только пошатнуться первому столбу, и дѣло разрушенія пошло своимъ чередомъ; за первымъ пострадали сосѣдніе, волны отрывали кусокъ за кускомъ. За послѣднія пятьдесятъ лѣтъ старики ни разу не видали такого страшнаго волненія. Скоро зрителямъ пришлось уже отступать. Вырванныя балки ударили въ остатокъ плотины, обломки которой съ силою выбрасывались на берегъ. Наконецъ, осталась только одна, которая высилась среди волнъ, какъ вѣха, выставленная въ море на подводной скалѣ или мели. Бонвиль уже не смѣялся; женщины спѣшили унести плачущихъ дѣтей. Чудище снова овладѣвало ими, и они ждали его съ тупою покорностью,—ждали и безропотно переносили раззореніе, вѣчно грозившее имъ въ этомъ тѣсномъ сосѣдствѣ съ громаднымъ моремъ, которое кормило ихъ и убивало. Всѣ бросились въ разсыпную,

стуча деревянными башмаками, и спрятались за стѣною изъ булыжника, которая одна только и защищала хижины. Нѣкоторыя изъ свай уже подавались, въ нѣсколькихъ мѣстахъ оторвало доски, громадныя волны перекидывали свои хребты черезъ низкія стѣны. Ничто ужъ не въ силахъ было остановить ихъ напора; въ окнахъ хижины Гутляра зазвенѣли стекла, и вода, ворвавшись, затопила кухню. Тогда началась всеобщая паника; на опустѣвшемъ берегу побѣдоносно бушевало разсвирѣпѣвшее море.

— Не ходите домой, кричали Гутляру.—Ступайте къ Гонидамъ... Вся ваша сторона будетъ снесена.

Лазарь и Полина медленно ретировались, отступая передъ нагонявшими ихъ волнами. Никакая помощь не была возможна; они направлись домой, но на половинѣ подъема молодая дѣвушка остановилась, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на несчастную деревню, робко жавшуюся между грозною стѣною волнъ и крутымъ, скалистымъ берегомъ.

— Бѣдные люди! прошептала она.

Но Лазарь не могъ имъ простить ихъ насмѣшекъ. Для него эта новая неудача была слишкомъ чувствительнымъ ударомъ, истиннымъ поражениемъ. Сначала онъ отвѣтилъ на замѣчаніе дѣвушки гнѣвнымъ жестомъ, но потомъ прервалъ, наконецъ, упорное молчаніе и воскликнулъ:

— Пусть-же море спитъ въ ихъ постели, если ужъ они его такъ любятъ! Будь я проклятъ, если я теперь хоть пальцемъ пошевелю, чтобы защитить ихъ.

Вероника вышла къ нимъ на встрѣчу съ зонтикомъ, потому что дождь полилъ съ новою силою. Аббать Гортэръ что-то кричалъ имъ изъ-за своей стѣны, чего они не могли разобратъ. Эта отвратительная погода, крушеніе плотины, бѣдственное положеніе этой деревни, которую они покинули среди серьезной опасности, придавали ихъ возвращенію еще болѣе печальный характеръ. Когда они вошли въ домъ, онъ показался имъ пустымъ и холоднымъ; только вѣтеръ уныло завывалъ въ мрачныхъ комнатахъ. Шанто, дремавшій передъ каминомъ, заплакалъ при ихъ появленіи. Переодѣваться они не пошли, избѣгая ужасныхъ воспоминаній, которыя пробуждала въ нихъ лѣстница. Столъ былъ накрытъ, лампа горѣла, они тотчасъ сѣли обѣдать. Весь вечеръ прошелъ какъ-то мрачно; могучіе удары моря, отъ которыхъ дрожалъ весь

домъ, заглушали и прерывали рѣдкія фразы разговора. Подавая чай, служанка, ходившая тоже съ пасмурнымъ лицомъ, вдругъ объявила, что домъ Гутляровъ и еще пять другихъ хижинъ, уже разрушены; въ этотъ разъ море снесетъ полдеревни. Шанто, который и безъ того былъ въ отчаяніи, что такъ долго не могъ восстановить въ себѣ обычнаго душевнаго равновѣсія, велѣлъ ей замолчать: съ него довольно его собственнаго горя, онъ не желаетъ, чтобы ему рассказывали еще про чужое. Когда его уложили спать, всѣ легли, разбитые, усталые. Лазарь до утра не тушилъ свѣчи, а Полина нѣсколько разъ потихоньку отворяла свою дверь и прислушивалась; но въ опустѣвшемъ второмъ этажѣ царила теперь только мертвая тишина.

Начиная съ слѣдующаго дня, въ жизни Лазаря медленно потянулись мучительные часы, сопровождающіе смерть близкаго, дорогаго человѣка. Онъ какъ будто вдругъ очнулся послѣ обморока, послѣ паденія, отъ котораго еще ныло все тѣло. Теперь онъ все сознавалъ, все ясно помнилъ, освободившись отъ кошмара, подъ вліяніемъ котораго событія послѣдняго времени казались ему смутными видѣніями лихорадочнаго бреда. Все воскресало въ его памяти до малѣйшей подробности; онъ снова переживалъ свои страданія. Фактъ смерти, съ которымъ ему еще не приходилось близко сталкиваться, былъ здѣсь, передъ нимъ, въ лицѣ его бѣдной матери, такъ жестоко похищенной изъ ихъ среды послѣ нѣсколькихъ дней болѣзни. Весь ужасъ небытія такъ осязательно воплощался въ этомъ фактѣ: ихъ было четверо, и вдругъ образовался пробѣлъ; они остались уже троимъ, дрожать подъ невзгодами и робко жмутся другъ къ другу, чтобы хоть немного вознаградить себя за потерянную теплоту. Такъ вотъ что значить умереть! Вотъ она, эта смерть, это исчезновеніе навѣкъ, эти дрожащія руки, обвиняющія тѣнь, отъ которой осталось только смѣшанною съ ужасомъ сожалѣніе!

Онъ снова терялъ свою бѣдную мать, терялъ ежечасно, каждый разъ, когда образъ покойницы воскресалъ въ его воображеніи. Въ первое время онъ не страдалъ такъ сильно, ни въ ту минуту, когда двоюродная сестра вошла къ нему и бросилась въ его объятія, ни во время долгаго, жестокаго обряда погребенія. Онъ почувствовалъ весь ужасъ этой потери только тогда, когда вернулся въ пустой домъ. И горе его еще

болѣе обострялось угрызеніями совѣсти; онъ упрекалъ себя за то, что такъ мало плакалъ, когда не все еще было кончено, когда еще оставались частицы той, которая теперь исчезла навсегда. Мысль, что онъ недостаточно любилъ свою мать, мучила его, доводила до припадковъ отчаянныхъ рыданій. Теперь онъ постоянно думалъ о ней, образъ ея всюду его преслѣдовалъ. Поднимаясь по лѣстницѣ, онъ ожидалъ, что вотъ-вотъ она выйдетъ изъ своей комнаты и пойдетъ по корридолу своею быстрой, дробной походкою. Часто онъ оборачивался, воображая, что слышитъ ея голосъ; голова его до такой степени была наполнена этими представленіями, что, наконецъ, онъ сталъ страдать даже галлюцинаціями: ему чудился конецъ платья, мелькавшій за каждую дверь. Впрочемъ, она, повидимому, не сердилась, и даже не смотрѣла на него; это былъ прежній, знакомый образъ, тѣнь изъ области недавняго прошлаго. Ночью онъ не рѣшался тушить лампу:—чи то легкіе шаги приближались къ его постели, чи-то дыханіе скользило въ темнотѣ по его лбу. И рана, вмѣсто того, чтобы заживать, все болѣе и болѣе растравлялась; каждое воспоминаніе сопровождалось нервнымъ потрясеніемъ, отчетливымъ мимолетнымъ видѣніемъ, которое тотчасъ исчезало, оставивъ за собою ужасъ смерти.

Все въ домѣ напоминало ему о матери. Въ комнатѣ ея не замѣтно было никакой перемѣны; мебель стояла на прежнихъ мѣстахъ, на столѣ лежалъ еще наперстокъ возлѣ неоконченнаго вышиванья. На каминныхъ часахъ остановленная стрѣлка указывала семь часовъ и тридцать семь минутъ, — моментъ кончины. Когда онъ быстро поднимался по лѣстницѣ, что-то вдругъ толкало его въ эту комнату. Онъ входилъ съ тревожно бьющимся сердцемъ, и ему казалось, будто старая, знакомая мебель, — конторка, круглый столъ и, въ особенности, кровать, приняли вдругъ какой-то величественный видъ. Сквозь щели затворенныхъ ставней пробивался блѣдный полусвѣтъ, еще болѣе способствовавшій его волненію, въ то время какъ онъ цѣловалъ подушку, на которой похолодѣла голова покойницы. Однажды утромъ, входя опять въ эту комнату, онъ остановился на порогѣ, пораженный удивленіемъ: ставни были широко растворены, яркій свѣтъ врвался въ комнату, солнечные лучи золотою пеленою ложились на постель, на столахъ были разставлены цвѣты во всѣхъ банкахъ и кувшинахъ,

которыя оказались въ домѣ. Тогда онъ вспомнилъ, что сегодня рожденіе покойной матери, — день, который они, бывало, справляли каждый годъ, и о которомъ теперь не забыла его двоюродная сестра. Здѣсь были только скромные осенніе цвѣты, — астры, маргариты, розы, уже нѣсколько тронутые утренними морозами; но тѣмъ не менѣе они вносили съ собою свѣжій запахъ жизни, и какъ будто служили яркою, живою рамкою для циферблата смерти, среди котораго, повидимому, остановилось время. Это трогательное, чисто женское, вниманіе взволновало его. Онъ долго плакалъ.

Столовая, кухня, даже терраса точно также были полны воспоминаніями о матери. Мысль о ней преслѣдовала его при видѣ разныхъ мелочей, попадавшихъ ему подъ руку, ежеминутно возникала въ его головѣ, благодаря отсутствію привычныхъ, каждодневныхъ впечатлѣній. Состояніе это, наконецъ, дошло до какого-то помѣшательства; — онъ не говорилъ о немъ, и съ какою-то безпокойною стыдливостью старался сказать свои непрерывныя терзанія, эту постоянную бесѣду съ смертью. Наконецъ, онъ избѣгалъ даже произносить имя той, которая его такъ неотступно преслѣдовала, и можно было подумать, что онъ уже начинаетъ забывать ее и рѣдко о ней думаетъ, между тѣмъ какъ, въ дѣйствительности, не проходило ни единой минуты безъ того, чтобы какое-нибудь воспоминаніе не кольнуло его въ сердце. Только двоюродная сестра понимала его душевное состояніе. Тогда онъ рѣшался даже прибѣгать къ лжи: — клялся, что потушилъ лампу въ полночь, увѣрялъ, что сидитъ по ночамъ за какою-то воображаемою работою, сердился и выходилъ изъ себя, если этими отвѣтами не удовлетворялись. Его комната служила ему убѣжищемъ, сюда онъ приходилъ съ своими мрачными думами; въ этомъ уголкѣ, среди котораго онъ выросъ, ему было какъ-то легче, здѣсь его не преслѣдовалъ страхъ, какъ-бы другіе ни замѣтили его тайнаго недуга.

Въ первые дни онъ еще пытался выходить, предпринималъ длинныя прогулки; такимъ образомъ, онъ, по крайней мѣрѣ, не видѣлъ пасмурной мины Вероники и жалкой фигуры отца, безпомощно сидѣвшаго въ своемъ креслѣ и не знавшаго, чѣмъ разсѣять убійственную скуку. Но вскорѣ онъ почувствовалъ непобѣдимое отвращеніе къ прогулкамъ; внѣ дома его одолѣвала тоска, доходившая до болѣзненности.

Это море съ его вѣчнымъ, мѣрнымъ волненіемъ, этотъ приливъ, набѣгавшій на берегъ съ такою однообразною, упрямою правильностью два раза въ день, раздражали его, какъ проявленія чуждой его горю, бессмысленной, равнодушной силы, которая въ теченіе столѣтій обтачиваетъ все тѣ-же камни и никогда не оплакивала человѣческую смерть. Здѣсь все было слишкомъ громадно, слишкомъ холодно, и онъ спѣшить запереться въ своей комнатѣ, чтобы не чувствовать себя такимъ ничтожнымъ, подавленнымъ въ виду безконечнаго моря, подъ безпредѣльнымъ сводомъ неба. Только одинъ уголокъ привлекалъ его; онъ любилъ сидѣть на владбищѣ, окружавшемъ церковь. Здѣсь его матери не было, здѣсь онъ думалъ о ней безъ обычной мучительной тревоги, и успокоивался, не смотря на тотъ ужасъ, который въ обыкновенное время внушала ему близость смерти. Могилы такъ мирно спали въ густой травѣ, нѣсколько тамарисовъ раскинули свои вѣтви подъ защитою церкви; слышался только свистъ караваекъ, качавшихся на вѣткахъ подъ свѣжимъ морскимъ вѣтромъ. И онъ просиживалъ здѣсь по цѣлымъ часамъ, безъ всякаго занятія, не читая даже именъ покойниковъ, лежавшихъ подъ этими старыми плитами, на которыхъ подписи почти смылись дождемъ.

Насколько-бы ему было легче, если-бы въ немъ жила еще вѣра въ загробную жизнь, если-бы онъ могъ надѣяться, что когда-нибудь снова встрѣтитъ всѣхъ своихъ за этою черною стѣною. Но и этого утѣшенія у него не было; онъ былъ слишкомъ твердо убѣжденъ, что смерть окончательно прекращаетъ индивидуальное существованіе, расплывающееся въ широкихъ волнахъ всемірнаго, вѣчнаго жизненнаго процесса. Но рядомъ съ голосомъ разсудка слышался ожесточенный протестъ его собственнаго я, которое отказывалось такъ беслѣдно исчезнуть. Какое наслажденіе—начать новую жизнь тамъ, между звѣздами, въ другомъ мірѣ, среди родныхъ и друзей. Какъ легко было бы выносить мученія агоніи, если-бы знать, что идешь къ тѣмъ, кого любилъ, что вотъ сейчасъ ихъ снова обнимешь и заживешь вмѣстѣ съ ними безмятежною, счастливою, бессмертною жизнью. Но онъ съ мучительною ясностью понималъ милосердную ложь религій, которыя изъ состраданія скрываютъ отъ слабыхъ ужасную истину. Нѣтъ, все кончается смертію, ничто не воскресаетъ изъ нашихъ привязанностей; послѣ этой разлуки уже никогда нѣтъ свиданія. Никогда! никогда!... Это

ужасное слово мысленно уносило его въ область пустоты и вѣчнаго забвенія.

Однажды утромъ, когда Лазарь опять сидѣлъ подѣ тѣнью тамарисовъ, онъ увидѣлъ аббата Гортэра, который работалъ въ своемъ огородѣ, отдѣленномъ отъ кладбища только низенькою стѣною. Священникъ, въ старой блузѣ и деревянныхъ башмакахъ, собственноручно вскапывалъ гряду подѣ капусту; съ своимъ грубымъ лицомъ, покраснѣвшимъ отъ рѣзкаго морскаго вѣтра, съ темною, выжженною солнцемъ шеей, онъ походилъ на стараго крестьянина, сгорбившагося, пригнувшася къ бесплодной, неблагоприятной землѣ. Получая ничтожное жалованье, не пользуясь никакими побочными доходами, онъ-бы умеръ съ голода въ этомъ маленькомъ бѣдномъ приходѣ, если-бы не воздѣлывалъ кое-какихъ овощей. Скудные средства его уходили на милостыню; онъ жилъ одинъ, пользуясь услугами какой-то дѣвчонки, и нерѣдко принужденъ былъ собственноручно ставить на огонь свой супъ. Къ довершенью несчастья, земля на этой скалѣ была отвратительная, вѣтеръ сушилъ его салатъ, круглый годъ приходилось воевать съ камнями, чтобы извлечь изъ огорода нѣсколько тощихъ луковицъ. Впрочемъ, онъ все еще боялся насмѣшекъ и прятался, когда надѣвалъ свою рабочую блузу. Поэтому Лазарь намѣревался уйти, когда увидѣлъ, какъ священникъ вынулъ изъ кармана трубку, набилъ ее и закурилъ, апетитно причмокивая губами. Но аббатъ, съ наслажденіемъ выпускавшій первые клубы дыма, въ свою очередь замѣтилъ молодаго человѣка. Онъ сдѣлалъ было невольное движеніе, чтобы спрятать трубку, но тутъ же разсмѣялся и крикнулъ:

— Выпли подышать свѣжимъ воздухомъ?.. Заходите, посмотрите мой огородъ.

Когда Лазарь очутился возлѣ него, онъ весело прибавилъ:

— Что? Застали меня на мѣстѣ преступленія?.. Это единственное мое развлеченье. Бога я имъ не гнѣвлю, надѣюсь?

Онъ продолжалъ курить свою трубку, пыхтя и причмокивая, и только изрѣдка произносилъ короткія фразы. Особенно завидовалъ онъ вершмонскому священнику: у этого счастливца былъ превосходный огородъ, настоящій черноземъ, въ которомъ все росло и принималось на славу; а онъ, словно на смѣхъ, никогда не бралъ въ руки грабель. Затѣмъ аббатъ потужилъ, что вотъ уже два года сряду картофель у него ро-

дится плохо, хотя земля, казалось-бы, для него совсѣмъ подходящая.

— Надѣюсь, я вамъ не мѣшаю? сказалъ Лазарь.—Пожалуйста, продолжайте работать.

Аббатъ тотчасъ взялся за свой заступъ.

— Примусь-ка я въ самомъ дѣлѣ... Ребята скоро придутъ твердить катихизисъ, а мнѣ-бы хотѣлось вскопать сначала эту грядку.

Лазарь присѣлъ на гранитную скамейку, прислоненную къ низенькой оградѣ кладбища, и, вѣроятно, служившую когда-то надгробнымъ камнемъ. Онъ смотрѣлъ, какъ аббатъ Гортэръ воевалъ съ камнями, прислушивался къ его тоненькому—не-то дѣтскому, не-то старческому голоску, и невольно сожалѣлъ, что не можетъ превратиться въ такое-же безобидное, простодушное существо, съ пустою головою, съ безстрастнымъ сердцемъ. Въ самомъ дѣлѣ, видно, этотъ старикъ всегда обладалъ необыкновенною невинностью духа, если епархіальное начальство не сочло возможнымъ дать ему другое, болѣе выгодное, мѣсто и оставило его доживать свой вѣкъ въ этомъ жалкомъ приходѣ. Впрочемъ, онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые никогда не жалуется, и честолюбіе которыхъ удовлетворено, если у нихъ есть кусокъ хлѣба и стаканъ воды.

— А вѣдь не весело здѣсь жить, посреди этихъ крестовъ, подумалъ Лазарь вслухъ.

— Какъ невесело?

— Да, вѣчно передъ глазами смерть; она тутъ, я думаю, и по ночамъ мерещится.

Священникъ вынулъ изъ рта трубку и обстоятельно откашлялся.

— По правдѣ сказать, я никогда о ней не думаю... Всѣ мы въ руцѣ Божіей.

Онъ снова взялъ въ руки заступъ и, согнавъ его ногою въ землю, принялся копать. Вѣра предохраняла его отъ страха; онъ не шель дальше катихизиса: люди умирали и переселялись на небо; ничего не могло быть проще и утѣшительнѣе. Онъ улыбался съ упрямымъ видомъ человѣка, котораго невозможно поколебать въ его вѣрѣ; идея спасенія засѣла въ его узкомъ черепѣ и не давала въ немъ мѣста никакой сторонней мысли.

Начиная съ этого дня, Лазарь почти каждое утро захо-

диль въ садикъ священника. Онъ садился на старый камень и по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ, какъ аббатъ воздѣлывалъ свои овощи. Здѣсь тревога его стихала на время при видѣ этой слѣпой невинности, которая жила смертию и смотрѣла ей въ глаза безъ содроганія. Отчего-бы и ему, подобно этому старику, не превратиться снова въ ребенка? Въ глубинѣ его души шевелилась тайная надежда воскресить потухшую вѣру мирными бесѣдами, въ которыхъ этотъ нищій духомъ восхищаль его своимъ безмятежнымъ невѣдѣніемъ. Онъ тоже приносилъ съ собою трубку, и оба принимались курить, толкуя объ улиткахъ, поѣдающихъ салатъ, или о томъ, какъ дорожаетъ навозъ. Священникъ рѣдко говорилъ о Богѣ; какъ старый опытный проповѣдникъ, онъ выработалъ въ себѣ большую терпимость и приберегалъ религію для своего личнаго спасенія. Онъ дѣлалъ свое дѣло, а остальные были вольны думать и поступать, какъ имъ угодно. Послѣ тридцатилѣтнихъ тщетныхъ увѣщаній, онъ ограничилъ свою дѣятельность строгимъ исполненіемъ оффиціальныхъ обязанностей и практическимъ, расчетливымъ милосердіемъ крестьянина, который прежде всего не забываетъ о себѣ. Со стороны этого молодого человѣка было очень любезно навѣщать его, старика, и, не желая ни надобѣдать ему, ни бороться противъ парижскихъ идей, онъ предпочиталъ занимать его безконечными бесѣдами о своемъ огородѣ, а Лазарю, у котораго звенѣло въ ухахъ отъ этого неизсякаемаго потока бесполезныхъ словъ, казалось по временамъ, что онъ на порогѣ того сказочнаго волшебнаго міра, въ которомъ люди не знаютъ страха.

Но утро проходило, кончался день, а вечеромъ передъ Лазаремъ снова воскресали воспоминанія о смерти матери, въ душу закрадывался страхъ, и онъ не имѣлъ даже духу потушить лампу. Проснувшаяся утромъ вѣра умирала съ наступленіемъ ночи. Однажды, когда они по обыкновенію курили съ аббатомъ, сидя на скамейкѣ, послѣдній вдругъ спряталъ свою трубку, услышавъ за грушевыми деревьями звуки приближающихся шаговъ. Это была Полина, искавшая двоюроднаго брата.

— Докторъ пріѣхалъ, сказала она;— я оставила его завтракать. Ты сейчасъ придешь, не правда-ли?

Она улыбалась, замѣтивъ трубку, которая лежала на скамейкѣ, плохо прикрытая блузою священника. Послѣдній тот-

часть снова взявъ ее въ руки, засмѣявшись своимъ обычнымъ добродушнымъ смѣхомъ, который вырывался у него каждый разъ, когда его заставляли за куреніемъ.

— Какъ это глупо, сказали онъ;—могутъ подумать, что я скрываю Богъ вѣсть какое преступленье... Ну, такъ вотъ-же, я въ вашемъ присутствіи закурю свѣжую.

— А знаете, что? весело обратилась къ нему Полина;—позавтракайте-ка у насъ вмѣстѣ съ докторомъ; а эту трубку вы выкурите за десертомъ.

Священникъ пришелъ въ восторгъ отъ этого предложенія и воскликнулъ:

— Соглашаюсь съ удовольствіемъ!.. Идите впередъ, я только надѣну рясу; и трубку захвачу съ собой, честное слово!

Это былъ первый завтракъ, за которымъ въ столовой снова раздался звонкій смѣхъ. Когда подали десертъ, аббатъ Гортѣръ дѣйствительно закурилъ трубку, и это еще болѣе способствовало всеобщему веселью. Впрочемъ, онъ предавался этому удовольствію съ такимъ добродушнымъ видомъ, съ такою непринужденностью, что, уже минуто спустя, оно всѣмъ казалось вполне естественнымъ. Шанто ѣлъ много и теперь съ наслажденіемъ потягивался, освѣженный, ободренной этою струею жизни, снова ворвавшись въ однообразную тишину ихъ дома. Докторъ Казновъ рассказывалъ исторіи изъ жизни дикарей, а Полина сіяла, наслаждаясь окружавшимъ ее шумнымъ веселіемъ и надѣясь, что оно, быть можетъ, разсѣетъ мрачное настроеніе Лазаря.

Она рѣшила возобновить субботніе обѣды, которые были прерваны болѣзнию тетки. Священникъ и докторъ опять стали появляться каждую субботу, и жизнь потекла по прежнему. За обѣдомъ шутили, вдовецъ хлопалъ себя по ногамъ, заявляя, что, если бы не эта проклятая подагра, онъ готовъ бы плясать, до такой степени характеръ его еще веселъ. Только сынъ попрежнему казался какимъ-то развинченнымъ, острилъ и шутилъ съ желчною раздражительностью, или вдругъ содрогался на половинѣ какой-нибудь громкой фразы.

Въ одинъ изъ этихъ субботнихъ вечеровъ, когда общество сидѣло за жаркимъ, аббата Гортѣра позвали къ умирающему. Онъ не допилъ стакана и поспѣшно вышелъ, даже не слушая доктора, который видѣлъ больного передъ обѣдомъ и

кричалъ священнику, что онъ уже не застанетъ его въ живыхъ. Въ этотъ вечеръ аббатъ такъ мало блисталъ своими умственными способностями, что послѣ его ухода даже Шанто не могъ не замѣтить.

— Бываютъ дни, когда онъ пороку не выдумаетъ.

— Я-бы желалъ быть на его мѣстѣ, воскликнулъ Лазарь.—Онъ счастливѣе насъ.

Докторъ засмѣялся.

— Можетъ быть. Но вѣдь Матъе и Минушь тоже счастливѣе насъ... О, какъ я узнаю въ этихъ словахъ нынѣшнюю молодежь, которая вкусила отъ наукъ и расхворалась отъ того, что онѣ не уяснили ей старыхъ понятій объ абсолютѣ, веосанныхъ съ молокомъ матери. Вамъ-бы хотѣлось цѣликомъ и безъ труда найти въ наукѣ всѣ истины, въ то время какъ мы едва читаемъ ихъ по складамъ; да едва-ли, онѣ и выйдутъ когда-нибудь изъ области постоянныхъ поисковъ. Вотъ вы ихъ и отрицаете, тщетно пытаетесь снова овладѣть вѣрою и, наконецъ, кидаетесь въ пессимизмъ... Да, это болѣзнь конца нашего вѣка, и всѣ вы вывернутые на изнанку Вертеры.

Онъ воодушевлялся; это была его любимая тема. Лазарь съ своей стороны съ преувеличеннымъ ожесточеніемъ отрицалъ возможность знанія положительнаго и провозглашалъ свою вѣру въ конечное, всемірное торжество зла.

— Развѣ возможно жить, спросилъ онъ—когда почва то и дѣло колеблется подъ ногами?

Старикъ весь вспыхнулъ и воскликнулъ съ юношескою горячностью:

— Живите! Развѣ жизнь сама по себя не удовлетворяетъ человѣка? Жить и дѣйствовать значить:—наслаждаться.

Затѣмъ онъ обратился къ Полинѣ, которая слушала ихъ съ улыбкою:

— Ну вотъ, хоть-бы вы, напримѣръ;—скажите ему, какъ это вамъ удастся всегда быть довольной и веселой?

— О, что касается меня, отвѣтила она шутя,—я стараюсь забыться, чтобы не грустить, и забочусь о другихъ, чтобы убить время и терпѣливо переносить житейскія невзгоды.

Этотъ отвѣтъ, казалось, еще больше раздражилъ Лазаря; повинувшись какой-то потребности злобнаго противорѣчія, онъ

стала утверждать, что женщины необходимо придерживаться религии, дѣлала видъ, что не понимаетъ, почему его двоюродная сестра въ послѣднее время перестала исполнять религиозные обряды; а она спокойно изложила ему всѣ побудившія ее къ этому причина.

— Дѣло очень просто. Исповѣдь оскорбила меня; я увѣрена, что многія женщины чувствуютъ то-же, что чувствовала я... Кромѣ того, я неспособна вѣрить въ вещи, которыя, какъ кажется, противорѣчатъ здравому разуму; а въ такомъ случаѣ, къ чему-же лгать и прикидываться, что относишься къ нимъ серьезно?.. Впрочемъ, неизвѣстность будущаго ничуть не пугаетъ меня; я увѣрена, что оно логично и разумно, а потому, какъ мнѣ кажется, всего лучше терпѣливо ждать.

— Молчите, вонъ идетъ аббатъ, сказалъ Шанто, которому разговоръ этотъ начиналъ надоѣдать.

Больной, оказалось, умеръ; аббатъ преспокойно продолжалъ прерванный ужинъ, и въ заключеніе всѣ выпили по рюмочкѣ шартрѣзы.

Теперь Полина уже правила домою съ спокойною увѣренностью опытной хозяйки. Всѣ покупки, всѣ мелочи домашняго обихода не миновали ея глазъ, и у пояса ея бряцала связка ключей. Это совершилось вполнѣ естественно, и Вероника, повидимому, нисколько не протестовала. Впрочемъ, послѣ смерти старой барыни въ характерѣ служанки произошла какая-то странная переменна; она ходила угрюмая, пасмурная; въ ней какъ будто, мало-по-малу, снова просыпалась прежняя привязанность къ покойницѣ, между тѣмъ, какъ къ Полинѣ она все чаще стала относиться съ ворчливою недобѣрчивостью. Дѣвушка всегда старалась говорить съ нею самымъ кроткимъ тономъ, но ничто не помогало; она обижалась за каждое слово, и потомъ долго ворчала, разсуждая сама съ собою, наединѣ, въ своей кухнѣ. Когда она, такимъ образомъ, думала вслухъ, послѣ долгихъ періодовъ молчанія, въ мысляхъ ея всегда всплывало подавляющее впечатлѣніе, произведенное на нее непредвидѣнною катастрофою. Развѣ она знала, что барыня такъ скоро умереть? Если-бы знала, такъ ужь, конечно, не стала-бы говорить того, что пришлось ей высказать. Справедливость — прежде всего; нельзя убивать людей, сколько-бы у нихъ ни было

недостатковъ. Да, впрочемъ, она умываетъ руки; тѣмъ хуже для той, кто былъ истинною причиною несчастія! Но эта увѣренность не успокоивала ея; она продолжала ворчать и непрерывно должна была отбиваться отъ своихъ-же собственныхъ обвиненій въ воображаемомъ преступленіи.

— Что у тебя за страсть вѣчно портить себѣ кровь? спросила ее однажды Полина.—Мы сдѣлали все, что могли; надъ смертью человѣкъ не властенъ.

Вероника покачала головой.

— Полно-те, развѣ такъ умираютъ, ни съ того, ни съ сего?.. У барыни, разумѣется, были свои недостатки, но я никогда не забуду, что она меня еще дѣвочкой взяла къ себѣ въ домъ; я-бы отрѣзала себѣ языкъ, если-бы думала, что могла способствовать ея смерти... Лучше бросимъ этотъ разговоръ, а то онъ до добра не доведетъ.

О предполагаемомъ бракѣ ни Полина, ни Лазарь никогда не поминали ни единымъ словомъ. Шанто, возлѣ котораго молодая дѣвушка иногда усаживалась шить, чтобы хоть немного разогнать окружавшую его скуку, какъ-то рискнулъ намекнуть на свадьбу. Ему очень хотѣлось поскорѣе покончить это дѣло, тѣмъ болѣе, что главное препятствіе теперь исчезло само собою. Прежде всего имъ, конечно, руководила при этомъ потребность удержать возлѣ себя Полину, боязнь снова очутиться въ рукахъ служанки, если-бы племянница вздумала его покинуть. Полина дала ему понять, что до окончанія глубокаго траура во всякомъ случаѣ нельзя ничего рѣшить. Но не одно уваженіе къ общепринятымъ обычаямъ подсказало ей эти слова; она надѣялась, что время отвѣтитъ ей на вопросъ, который она не рѣшалась задать себѣ самой. Эта внезапная смерть, неожиданная, какъ ударъ молніи, отъ котораго ни она, ни двоюродный братъ ея еще не успѣли оправиться, на время какъ будто заставила ихъ забыть о собственныхъ ранахъ. А теперь, когда они начинали оправляться отъ ошеломившаго ихъ удара, снова обострялись прежнія страданія, и за неизгладимую потерю выступала ихъ личная драма: Луиза выгнана изъ дома, любовь и счастье разрушены, вся жизнь, быть можетъ, испорчена. Какъ-же разрѣшить всѣ эти вопросы? Любятъ-ли они другъ друга, возможенъ-ли бракъ, и благоразумно-ли желать его осуществленія? Такимъ образомъ, тянулись эти неопредѣленные отношенія, сложив-

шіяся подъ впечатлѣніемъ катастрофы, и ни тотъ, ни другая, казалось, не чувствовали особеннаго желанія поскорѣе добиться ихъ уясненія.

Впрочемъ, въ Полинѣ чувство негодованія за нанесенное ей оскорбленіе въ значительной степени поулеглось и смягчилось. Она давно уже простила и при первомъ заявленіи раскаянія со стороны Лазаря готова была протянуть ему обѣ руки. Но и при этомъ она отнюдь не руководилась злораднымъ желаніемъ непременно видѣть его въ положеніи кающагося преступника; она думала только о немъ, но не хотѣла вынуждать его на бракъ, когда онъ, быть можетъ, уже не любитъ ея. Всѣ терзавшія ее муки слились въ этомъ сомнѣніи: думаетъ-ли онъ еще о Луизѣ, или, напротивъ, забылъ о ней, чтобы всецѣло вернуться къ привязанностямъ дѣтства? Когда ей думалось, что лучше отказаться отъ Лазаря, чѣмъ сдѣлать его несчастливымъ, ея сердце, все существо ея трепетало отъ боли; она, правда, рассчитывала, что у нея хватитъ мужества на такую ужасную жертву, но надѣялась умереть послѣ этого.

Вскорѣ послѣ смерти тетки въ головѣ ея возникла великодушная мысль: — она подумала, хорошо-бы помириться съ Луизою. Шанто могъ ей написать, а она сама только прибавила-бы въ двухъ словахъ, что все забыто. Жизнь ихъ проходила такъ одиноко, такъ печально, что присутствіе этого взрослого ребенка будетъ для всѣхъ развлеченіемъ. Къ тому же, послѣ такого серьезнаго потрясенія, недавнее прошлое казалось давно, давно прошедшимъ, да и себя она уже упрекала теперь въ излишней суровости. Но всякій разъ, когда она собиралась поговорить объ этомъ дѣлѣ съ дядею, какое-то неодолимое чувство удерживало ее. Развѣ это не значило-бы рисковать будущимъ, искушать Лазаря и снова терять его? Впрочемъ, быть можетъ, она-бы и нашла въ себѣ достаточно храбрости и гордости, чтобы подвергнуть его испытанію, если-бы противъ этого не протестовалъ голосъ справедливости. Только измѣна непростительна. Да, наконецъ, неужели-же она одна не въ силахъ снова внести въ семью счастье и веселье? Къ чему звать чужую, когда она въ себѣ самой чувствуетъ такой неистощимый запасъ нѣжности и преданности? А между тѣмъ, невѣдомо для нея самой, въ ея самопожертвованіи была значительная примѣсь гордости; она ревниво оберегала свои благодѣянія; сердце ея ликовало, когда

въ ней просыпалась надежда сбѣлаться единственнымъ источникомъ счастья для семьи.

Съ тѣхъ поръ на этой цѣли сосредоточились всѣ заботы Полины. Она только и думала, только и мечтала, какъ-бы снова создать вокругъ себя счастье и довольство. Никогда еще она не обнаруживала такого невозмутимо свѣтлаго настроенія духа, такой безконечной доброты. Каждое утро она просыпалась съ улыбкой, старалась тщательно скрывать свои собственные печали, чтобы не печалить еще больше другихъ. Она спокойно пользовалась жизнью, безъ страха смотрѣла въ будущее и отличалась такимъ неизмѣнно ровнымъ характеромъ, что обезоруживала всякую попытку къ ссорѣ. Теперь она чувствовала себя превосходно, крѣпкою и здоровою, какъ молодое дерево, и радость, которую она распространяла вокругъ себя, казалась сіяніемъ, исходившимъ отъ ея здоровья. Съ восхищеніемъ встрѣчала она каждый новый день и съ удовольствіемъ принималась за тѣ-же самыя занятія, которыя наполняли предъидуцій, не ожидая ничего иного и спокойно надѣясь продолжать то-же самое завтра. Не смотря на то, что Вероника, становившаяся все мрачнѣе и капризнѣе, по-прежнему ворчала передъ своею плитою, новая жизнь выгоняла изъ дома похоронную атмосферу; взрывы прежняго смѣха будили тишину комнатъ и весело взлетали по гулкой лѣстницѣ. Но болѣе всѣхъ былъ въ восторгѣ дядя, который никогда не могъ выносить печали; онъ любилъ весело поболтать и развлечься, съ тѣхъ поръ какъ не покидалъ своего кресла. Его существованіе, собственно говоря, становилось невыносимымъ, а между тѣмъ онъ уцѣпился за него съ отчаянною энергіею несчастнаго калѣки, который хочетъ жить до послѣдней минуты, даже страдая. Каждый прожитый день былъ побѣдою, его племянница, казалось, согрѣвала весь домъ, какъ ясное, теплое солнышко, подъ лучами котораго онъ не могъ умереть.

Было, однако, у Полины и горе: Лазарь не поддавался ея утѣшеніямъ. Она съ безпокойствомъ видѣла, какъ онъ снова погружается въ свое мрачное настроеніе. Въ основаніи его тоски по матери не трудно было разглядѣть проснувшійся съ новою силою ужасъ смерти. По мѣрѣ того какъ время при-тупляло первую острую боль недавняго горя, этотъ ужасъ проявлялся все сильнѣе, разжигаемый гнетущею мыслью о наслѣдственности роковой болѣзни. Ему тоже предстояло уме-

реть отъ болѣзни сердца; увѣренность въ близости трагической кончины не покидала его ни на минуту. Онъ безпрестанно прислушивался къ теченію своей собственной жизни и доводилъ себя до такого нервнаго возбужденія, что ни одно движеніе жизненнаго механизма не ускользало отъ его напряженнаго вниманія: вотъ тяжело сокращается желудокъ, вотъ почки отдѣляютъ свою красноватую влагу, печень напоминаетъ о себѣ смутнымъ ощущеніемъ какой-то горячей тяжести. Но дѣятельность всѣхъ остальныхъ органовъ заглушалась безпкойною работою сердца, которое звенѣло, какъ назойливый благовѣсть колокола въ каждомъ членѣ его тѣла до самыхъ оконечностей пальцевъ. Стоило ему облокотиться на столъ,—сердце билось въ его локтѣ; стоило прислониться затылкомъ къ спинкѣ кресла,—сердце стучало въ затылкѣ; садился-ли онъ или ложился,—удары сердца отдавались въ бедрахъ, въ боку, въ животѣ; всегда и всюду, не умолкая, гудѣлъ этотъ колоколъ, отбивалъ, отмѣривалъ тактъ жизни, вторя скрипу быстро спускающейся часовой гири. И подъ впечатлѣніемъ такого безпрерывнаго изученія своего собственнаго тѣла ему каждую минуту казалось, что вотъ-вотъ весь механизмъ разсыпется, что органы отслужили свою службу, испортились и готовы разлетѣться въ дребезги, что сердце, разросшись до чудовищныхъ размѣровъ, само разбивало машину мощными ударами молота. Онъ уже не жилъ, а только съ ужасомъ слушалъ процессъ жизни, дрожалъ при мысли о хрупкости механизма и ожидалъ той песчинки, которой, наконецъ, будетъ достаточно, чтобы разрушить его.

Съ теченіемъ времени Лазарь все болѣе и болѣе поддавался этому непобѣдимому страху. За послѣдніе годы, каждый вечеръ, когда онъ ложился въ постель, представленіе о смерти холоднымъ дыханіемъ скользило по его лицу и леденило его тѣло. Теперь онъ уже не смѣлъ засыпать, терзаемый мыслью, что, быть можетъ, не придется проснута. Онъ ненавидѣлъ сонъ и не могъ безъ ужаса подумать о томъ чувствѣ, которое овладѣвало имъ каждый разъ, когда все существо его, обмирая, погружалось въ невѣдомую область небытія. А потомъ эти внезапныя пробужденія потрясали его еще болѣе; ему казалось, что исполинскій кулакъ хватается его за волосы, извлекаетъ изъ мрачнаго забытія и снова кидаетъ въ жизнь едва живого, еще трепещущаго отъ ужаснаго сопрікосновенія

съ невѣдомымъ міромъ. Боже мой! Боже мой! придется умереть! И никогда еще руки его не простирались въ порывѣ такого безпредѣльнаго отчаянія. Каждый вечеръ эти мученія достигали такихъ размѣровъ, что онъ предпочиталъ вовсе не ложиться въ постель. Днемъ они, напротивъ, покидали его; онъ ложился на диванъ и спокойно засыпалъ безмятежнымъ, дѣтскимъ сномъ, который, правда, подкрѣплялъ и освѣжалъ его, но зато еще болѣе портилъ ему ночь. Мало-по-малу онъ дошелъ до постоянныхъ бессонницъ, вознаграждалъ себя долгимъ послѣобѣденнымъ отдыхомъ и засыпалъ только къ утру, когда заря отгоняла отъ его изголовья мракъ ночи.

Бывали, впрочемъ, и спокойные промежутки. Иногда Лазарь проводилъ двѣ, три ночи безъ тревоги, не смущаемый посѣщеніемъ смерти. Однажды Полина нашла у него въ комнатѣ календарь, испещренный отмѣтками, сдѣланными краснымъ карандашемъ. Не понимая ихъ значенія, она стала его спрашивать:

— Скажи, пожалуйста, что это ты отмѣчаешь?.. Смотри, сколько дней подчеркнуто красными черточками!

Онъ забормоталъ въ смущеніи:

— Я ничего не отмѣчаю... Я не знаю...

Она весело продолжала:

— А я, признаться, думала, что только дѣвушки повѣряютъ календарямъ такія вещи, о которыхъ нельзя никому говорить... Если ты въ теченіе всѣхъ этихъ дней думаешь о насъ, то это съ твоей стороны очень любезно... А! у тебя есть секреты!

Но, замѣтивъ, что смущеніе его все болѣе и болѣе возрастаетъ, она сжалилась надъ нимъ и замолчала. Она видѣла, какъ по его блѣдному лицу пробѣжала знакомая ей тѣнь, признакъ тайнаго недуга, отъ котораго она была не въ силахъ исцѣлить его.

Съ нѣкотораго времени онъ, сверхъ того, удивлялъ ее новой маніей. Увѣренный въ близости смерти, онъ никогда не выходилъ изъ комнаты, не закрывалъ книги, не бралъ въ руки никакого предмета, не подумавъ при этомъ, что, вѣроятно, ему уже не придется увидѣть—ни этого предмета, ни книги, ни комнаты; и, подъ влияніемъ этой мысли, въ немъ развилась привычка безпрестанно прощаться со всею окружающею его обстановкою, болѣзненная потребность возвращаться къ каж-

дой вещи, взглянуть на нее еще разъ. Къ этому присоединялись еще какія-то странныя фантазіи:—онъ помѣшался на симметріи, отмѣривалъ три шага налѣво и три шага направо, одинаковое число разъ привасался къ стульямъ, стоявшимъ по обѣ стороны камина или двери; а въ основѣ этой церемоніи лежала суевѣрная мысль, что извѣстное число прикосновеній, напримѣръ, пять или семь, распределенныхъ извѣстнымъ образомъ, мѣшаютъ прощанью сдѣлаться окончательнымъ. Несмотря на протесты его яснаго разума, отрицавшаго все сверхъестественное, онъ съ какою-то идиотскою поворностью подчинялся всѣмъ требованіямъ этой нелѣпой религіи, которую старался скрыть, какъ постыдную болѣзнь. Разстроенная нервная система мстила пессимисту и позитивисту, утверждавшему, что вѣрить только факту и опыту. По временамъ онъ становился просто невыносимымъ.

— Что это ты толчешься на одномъ мѣстѣ? кричала ему Полина. — Вотъ уже три раза ты возвращаешься къ этому шкафу и трогаешь его ключъ... Не бойся, онъ не улетитъ.

Вечеромъ онъ по цѣлымъ часамъ возился въ столовой, уставлялъ стулья въ опредѣленномъ порядкѣ, извѣстное число разъ хлопалъ дверью, входилъ еще разъ, чтобы положить руки, сначала правую, потомъ лѣвую, на мастерское произведеніе дѣда. Она ждала его у подножія лѣстницы и обыкновенно не могла удержаться отъ смѣха.

— Въ какого маниака ты превратишься къ восьмидесяти годамъ!.. Ну скажи, пожалуйста, не глупо-ли тормозить такимъ образомъ все, что ни попадется на глаза?

Но въ концѣ концовъ она перестала шутить:—его манія начинала беспокоить ее. Однажды утромъ она увидѣла, какъ онъ семь разъ поцѣловалъ деревянную спинку кровати, на которой скончалась его мать, и это зрѣлище серьезно встрѣвожило ее; она догадывалась, какими мученіями онъ отравляетъ свое существованіе! Когда онъ блѣднѣлъ, встрѣтивъ въ газетѣ какую-нибудь фразу, въ которой говорилось о двадцатомъ столѣтіи, она смотрѣла на него съ такимъ состраданіемъ, которое заставляло его отвертываться. Онъ чувствовалъ, что она понимаетъ его, и убѣгалъ въ свою комнату, повинувшись смутной стыдливости женщины, скрывающей свою наготу. Сколько разъ онъ называлъ себя трусомъ, сколько разъ клялся, что будетъ бороться противъ своего недуга! Онъ старался

урезонить самого себя и добивался того, что спокойно смотрѣлъ въ лицо смерти; затѣмъ ему хотѣлось доказать себѣ, что она уже не страшитъ его, и, вмѣсто того, чтобы дремать въ креслѣ, онъ прямо ложился въ постель. Пускай приходитъ смерть, онъ ждетъ ея, какъ избавленія. Но тревожная стукотня сердца быстро уносила всѣ его клятвы, холодное дыханіе слова леденило его тѣло, и онъ протягивалъ руки съ обыкновеннымъ своимъ крикомъ:— Боже мой! Боже мой! Послѣ такихъ неудачныхъ попытокъ побороть манію, стыдъ и отчаяніе овладѣвали имъ съ удвоенною силою, а нѣжное состраданіе двоюродной сестры еще болѣе давило и унижало его въ собственныхъ глазахъ. Дни становились такими тяжелыми, что, просыпаясь утромъ, онъ не надѣялся дожить до вечера. Въ этой вѣчной неугомонной тревогѣ онъ давно уже утратилъ веселость, а теперь его начинала покидать даже сила.

Тѣмъ не менѣе, Полина, въ пылу самопожертвованія, надѣялась восторжествовать. Она знала сущность болѣзни и пыталась сообщить Лазарю свое мужество, заставить его полюбить жизнь. Но во всѣхъ этихъ благихъ намѣреніяхъ ее встрѣчала постоянная неудача. Прежде всего она направила свои нападенія противъ самого корня зла и принялась досаждать ему прежними шутками надъ «этою гадиною—пессимизмомъ». Что-же это такое? теперь ужъ ей приходилось служить обѣдную святому Шопенгауеру, между тѣмъ какъ онъ, подобно всѣмъ хвастунамъ—пессимистамъ, соглашается, правда, взорвать міръ, но рѣшительно отказывается подвергнуть опасности свою собственную персону! На подобныя насмѣшки онъ обыкновенно отвѣчалъ смущеннымъ смѣхомъ и, казалось, такъ страдалъ отъ нихъ, что она уже не рѣшалась продолжать эту тактику. Затѣмъ она пыталась прибѣгать къ тѣмъ утѣшеніямъ, которыми ублажаютъ дѣтей въ ихъ ребяческомъ горѣ,—сиделась создать вокругъ него свѣтлую, любящую среду, полную глубокаго мира и братскаго сочувствія. Онъ постоянно видѣлъ ее передъ собою, счастливую, свѣжую, благоухающую здоровьемъ. Въ домѣ было такъ свѣтло, такъ уютно. Ему стоило только спокойно отдаться жизни, а онъ не могъ этого сдѣлать,—окружающее счастье еще болѣе обостряло въ немъ ужасное предвкушеніе загрознаго мрака. Наконецъ, она пустилась на хитрости, мечтала опять заинтересовать его какимъ

избуди крупнымъ предпріятіемъ, въ которомъ-бы ему удалось забыться. Каждый день, каждый часъ, она изопрямлялась въ попыткахъ, все еще не теряя надежды, не смотря на неудачи; а онъ, утомленной праздностью, рѣшительно ничѣмъ не интересуясь, не способенъ былъ даже читать, и проводилъ цѣлыя дни въ своихъ терзаніяхъ.

Разъ какъ-то надежда улыбнулась Полинѣ. Они вмѣстѣ гуляли по морскому берегу, и Лазарь, проходя мимо развалинъ плотины, отъ которыхъ осталось нѣсколько бревенъ, принялся объяснять ей новую систему постройки, которая, по его словамъ, была-бы несокрушима. Вся бѣда состояла въ томъ, что стропила были не достаточно крѣпки; слѣдовало только сдѣлать ихъ вдвое толще и придать центральной балкѣ болѣе наклонное положеніе. Въ голосѣ его зазвучали прежнія энергичныя ноги, глаза загорѣлись огнемъ, и она обрадовалась, стала убѣждать его снова приняться за это дѣло. Деревня страдала, каждый сильный приливъ отрывалъ отъ нея новый клочокъ; отправившись теперь къ префекту, онъ навѣрное добьется субсидіи; впрочемъ, она сама готова дать ему эти деньги впередъ, утверждая, что почтетъ для себя честью участвовать въ такомъ добромъ дѣлѣ. Она во что бы-то ни стало хотѣла побудить его къ дѣятельности, хотя-бы ради этого пришлось пожертвовать послѣдними деньгами. Но онъ уже пожималъ плечами. Къ чему?.. и по лицу его опять скользнула знакомая тѣнь; его поразила мысль, что если онъ начнетъ эту работу, то ужъ, конечно, умретъ, не успѣвъ ее окончить. Чтобы скрыть свое смущеніе, онъ сослался на свою злобу противъ бонвильскихъ рыбаковъ.

— Чтобы я сталъ стараться для этихъ молодцовъ, которые издѣвались надо мною, когда проклятое море разрушало мою работу!.. Нѣтъ, нѣтъ, пускай-же оно доканааетъ ихъ! Довольно они посмѣялись надъ моими спичками!

Полина старалась кротко успокоить его. Вѣдь эти люди такъ несчастны! Съ тѣхъ поръ какъ приливъ разрушилъ домъ Гутляровъ, самый прочный во всей деревнѣ, и еще три хижины, принадлежавшія бѣднякамъ, нищета, казалося, достигла крайняго предѣла. Гутляръ, считавшійся когда-то первымъ богачомъ въ деревнѣ, еще устроился кое-какъ въ старомъ сараѣ, на разстояніи двадцать метровъ отъ прежняго его жилища, но другіе рыбаки, не зная, гдѣ пріютиться, по-

селились теперь подь какими-то лачугами, построенными изъ остововъ старыхъ лодокъ. Нужда пошла вопіющая; люди жили здѣсь, какъ дикари; въ невообразной тѣснотѣ; мужчины, женщины, дѣти были свалены въ одну кучу и дышали воздухомъ, отравленнымъ нечистотами и порокомъ. Милостыня, собираемая по окрестностямъ, шла на водку. Несчастные продавали все, что удалось получить въ видѣ пожертвованія, — одежду, кухонную посуду, мебель, и покупали себѣ литры убійственной кальводосской водки, благодаря которой, потомъ замертво валялись на порогахъ дверей. Одна Полина не переставала хлопотать въ ихъ пользу; священникъ отказался отъ нихъ, Шанто говорилъ, что подастъ въ отставку, не желая оставаться мэромъ стада свиней, а Лазарь, когда двоюродная сестра пыталась внушить ему состраданіе къ этому скопищу пьяницъ, осажденныхъ свирѣпымъ моремъ, повторялъ вѣчные аргументы своего отца:

— Кто ихъ вынуждаетъ оставаться на этомъ мѣстѣ? Пускай строятся гдѣ-нибудь подальше... Ну, развѣ не глупо въ самомъ дѣлѣ самому лѣзть подь волны!

Всѣ главнымъ образомъ напирала на этотъ аргументъ, сердились, упрекали въ безразсудномъ упрямствѣ. А они отгрызались, подозрительно поглядывая на совѣтчиковъ. Благо они родились здѣсь, — изъ-за чего-же имъ уходить? Нѣсколько сотъ лѣтъ ужъ стоитъ здѣсь деревня, и другаго мѣста имъ искать не приходится. Не даромъ, говаривалъ Пруанъ, когда былъ сильно выпивши: — Какъ ни вертись, а отъ чего нибудь, все равно, пропадать приходится.

Полина улыбулась и одобрительно кивала головой; счастье, по ея мнѣнію, не зависѣло ни отъ людей, ни отъ обстоятельствъ, а отъ умѣнья благоразумно примѣняться къ обстоятельствамъ и людямъ. Она хлопотала съ удвоенною энергіей, еще болѣе расширила кругъ своей благотворительности. Наконецъ, ей, къ величайшей ея радости, удалось расположить Лазаря въ пользу этой дѣятельности, возбудить въ немъ состраданіе, которое заставило его хоть на время забывать о себѣ самомъ. Каждую субботу онъ оставался съ нею, и они вдвоемъ принимали отъ четырехъ до шести часовъ ея маленькихъ деревенскихъ друзей, толпу обтрепанныхъ дѣтей, сопливыхъ мальчугановъ и вшивыхъ дѣвчонокъ, которыхъ родители посылали къ барышнямъ за милостыней.

Въ одну изъ субботъ шель дождь. Полина не могла распредѣлять свои подаванія на террасѣ, какъ это дѣлала обыкновенно, и Лазарь принесъ скамью, которую поставилъ въ кухню.

— Какъ! воскликнула Вероника, — неужели барышня намѣрена впустить сюда всю эту сволочь?.. Ну, ужъ затѣя, нечего сказать! Не удивляйтесь, если въ супъ наползетъ всякое звѣрье.

Молодая дѣвушка вошла въ эту минуту, неся мѣшокъ съ серебряными деньгами и ящикъ съ лекарствами. Она отвѣтила, смѣясь:

— Не бѣда, ты подметешь за ними. Къ тому-же на дворѣ такой сильный дождь, что ихъ, бѣдныхъ, обмоетъ до-чиста прежде, чѣмъ они дойдутъ до насъ.

И дѣйствительно, у первыхъ вошедшихъ въ кухню дѣтей лица оказались розовыя, чисто вымытыя дождемъ. Но они до такой степени взмокли, что вода ручьями струилась съ ихъ лохмотьевъ, и на каменныхъ плитахъ кухоннаго пола образовались лужи. Дурное настроеніе служанки еще усилилось, въ особенности, когда барышня приказала ей затопить каминъ, чтобы дѣти могли немного обсохнуть. Скамейку поставили передъ каминомъ, и вскорѣ на ней размѣстилась, тѣсно прижавшись другъ къ другу и дрожа отъ холода, деревенская дѣтвора, нахальная и продувная, пожирившая глазами все, что плохо лежало, — початые литры съ виномъ, остатокъ мяса, связка моркови, валявшаяся на доскѣ для рубки мяса.

— Слыханное-ли это дѣло? продолжала ворчать Вероника; — дѣти на возрастѣ; имъ бы ужъ всѣмъ пора зарабатывать себѣ хлѣбъ!.. Пожалуй, они до двадцати-пяти лѣтъ будутъ прикидываться младенцами, если вы ихъ повадите.

Наконецъ, барышня принуждена была попросить ее замолчать.

— Скоро-ли ты кончишь?.. Они не становятся сытѣе оттого, что растутъ.

Полина сѣла къ столу, разложила передъ собою деньги и подарки и уже приготовилась по очереди вызывать дѣтей, какъ вдругъ Лазарь, стоявшій возлѣ нея, воскликнулъ, замѣтивъ въ числѣ просителей сына Гутляра:

— Вѣдь я запретилъ тебѣ являться сюда, негодяй!.. Неужели твоимъ родителямъ не стыдно посылать тебя за мило-

стыней; вѣдь у нихъ еще есть чѣмъ жигъ, а кругомъ столько народу умираетъ съ голоду!

Молодой Гутляръ, худощавый парень лѣтъ пятнадцати, вытянувшійся раньше времени, съ печальнымъ, робкимъ лицомъ, принялся плакать.

— Они бьютъ меня, если я не иду; женщина ударила меня веревкой, а отецъ вытолкалъ за дверь.

Онъ засучилъ рукавъ, чтобы показать лиловое пятно, оставшееся отъ удара веревкою, завязанною въ нѣсколько узловъ.

Эта «женщина» была бывшая служанка, на которой женился его отецъ, и которая теперь истязала своего пасынка. Послѣ раззоренья, жадность ихъ еще болѣе увеличилась. Теперь они жили въ какой-то трущобѣ, вымещая свою злобу на мальчикѣ.

— Приложи ему къ локтю компрессъ изъ арники, кротко сказала Полина, обращаясь къ Лазарю.

Затѣмъ она подала мальчику пятифранковую монету.

— Отдай имъ эти деньги, чтобы они не били тебя. Если же они будутъ тебя бить, если въ слѣдующую субботу у тебя на тѣлѣ опять окажутся знаки отъ побоевъ, такъ пусть они знаютъ, что ты уже не получишь болѣе ни сантима.

На скамьѣ, остальные ребяташки, развеселившись передъ яркимъ огнемъ, который грѣлъ имъ спины, смѣялись и толкали другъ друга локтями въ бокъ. Отъ одежды ихъ клубами поднимался паръ, крупныя капли еще падали на полъ съ ихъ голыхъ ногъ. Одинъ изъ нихъ, совсѣмъ еще маленькій мальчуганъ, стащилъ сырую морковь и украдкой грызъ ее.

— Кюшъ, вставай, продолжала Полина.—Сказаль-ли ты своей матери, что я рассчитываю скоро пристроить ее въ богадѣльню для неизлечимыхъ, въ Бойэ?

Его мать, эта несчастная, покинутая женщина, которая отдавалась первому прохожему въ придорожной канавѣ, за три су, или за обрѣзокъ сала, въ июлѣ переломила себѣ ногу и съ тѣхъ поръ осталась калѣкою, причемъ однако это убожество, придававшее ей еще болѣе уродливый видъ, нисколько не ограничило запроса на ея промышель.

— Да, я говорилъ ей, отвѣтилъ мальчикъ хриплымъ голосомъ,—она не хочетъ.

Это былъ уже рослый крѣпкій парень, которому скоро должно было минуть семнадцать лѣтъ. Стоя посреди кухни

и не зная, куда дѣвать руки, онъ неуклюже переминался съ ноги на ногу.

— Какъ? она не хочетъ? воскликнулъ Лазарь!—Да и ты, видно, тоже не хочешь; вѣдь я велѣлъ тебѣ придти на этой недѣлѣ, чтобы работать у насъ въ огородѣ, а ты и не подумалъ явиться.

Мальчикъ продолжалъ переминаться съ ноги на ногу.

— Мнѣ было некогда.

Видя, что двоюродный братъ ея готовъ выйти изъ себя, Полина вмѣшалась.

— Сядь на мѣсто, мы поговоримъ потомъ. Постарайся-обдумать свой отвѣтъ, а то и я разсержусь.

Слѣдующею по очереди оказалась маленькая Гонень. Ей было тринадцать лѣтъ; изъ подъ шапки густыхъ, бѣловурыхъ волосъ, выглядывало прежнее хорошенькое, розовое личико. Не дожидаясь разспросовъ и пускаясь въ самыя беззащитныя подробности, она принялась безъ умолку тараторить, рассказала, что у ея отца параличъ распространялся на руки и на языкъ, и что теперь онъ уже только способенъ мычать, какъ животное. А Кюшъ, двоюродный братъ ея матери, бывший матросъ, бросившій свою жену, чтобы занять мѣсто хозяина за ихъ столомъ и въ ихъ постелѣ, сегодня утромъ накинудся на старика съ намѣреніемъ совсѣмъ его покончить!

— Да и мама тоже колотить его. Ночью она встаетъ въ одной рубашкѣ, вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ, и выливаетъ на отца пѣлые кувшины холодной воды, потому что онъ такъ сильно стонетъ, что мѣшаетъ имъ... Если бы вы видѣли, до чего они его довели! онъ лежитъ весь голый, барышня; вы-бы ему дали бѣлья, а то у него ссадины на всемъ тѣлѣ...

— Довольно, замолчи, сказалъ Лазарь, прерывая ее, между тѣмъ какъ Полина, видимо тронутая, приказывала Вероникѣ принести пару простынь.

Онъ находилъ, что она слишкомъ ужъ развязна для своихъ лѣтъ. По его словамъ,—хотя на ея долю, можетъ быть, и выпадало иногда, мимоходомъ, нѣсколько тумановъ,—она также, при случаѣ, надѣляла побоями отца, не говоря уже про то, что всѣ получаемыя его полаянія,—деньги, мясо, бѣлье, конечно, не доставались больному, а пропивались его женою и двоюроднымъ братомъ. Онъ строго спросилъ ее:

— Что ты дѣлала третьяго дня вечеромъ, въ лодкѣ Гут-

ляра, съ какимъ-то мужчиною, который убѣждалъ, когда я приблизился?

— Она лукаво засмѣялась.

— Это былъ не мужчина, я была съ нимъ, отвѣтила она, указывая подбородкомъ на молодого Кюша;—онъ толкнулъ меня сзади...

Лазарь опять прервалъ ее.

— Да, да, я видѣлъ, нечего сказать, въ хорошемъ ты была видѣ. Раненько начинаешь, въ тринадцать лѣтъ!

Полина положила ему руку на плечо, такъ какъ остальные дѣти, даже самые маленькіе, съ усмѣшкою смотрѣли на него широко раскрытыми отъ любопытства глазами, въ которыхъ такъ и свѣтился преждевременный порокъ. Какъ остановить разложеніе въ этой навозной кучѣ, гдѣ въ общемъ развратъ перемѣшались самцы, самки и ихъ приплодъ? Вручая дѣвочкѣ простыни и литръ вина, Полина нѣсколько времени говорила съ нею вполголоса, стараясь напугать ее относительно послѣдствій такого поведенія, отъ котораго она заболѣетъ и подурнѣетъ, не успѣвъ еще сдѣлаться настоящею женщиною. Только такими аргументами на нее и можно было подѣйствовать.

Чтобы покончить скорѣе съ этою раздачею, которая его всегда раздражала, Лазарь вызвалъ дочь Пруана.

— Твой отецъ и твоя мать вчера вечеромъ опять напились... А ты, говорятъ, была еще пьянѣ ихъ.

— О нѣтъ, баринъ, у меня болѣла голова.

Онъ поставилъ передъ нею тарелку съ шариками изъ сыраго рубленнаго мяса.

— Ышь!

У нея опять разыгралась золотуха и распаталась вся нервная система, съ приближеніемъ критическаго періода половой зрѣлости. Болѣзнь ея еще усиливалась пьянствомъ, такъ какъ она принялась пить по примѣру родителей.

Проглотивъ три шарика, она стала отказываться, скорчивъ гримасу отвращенія.

— Довольно, больше не могу.

Полина вынула изъ своего ящика стеклянку.

— Ну, хорошо, сказала она.—Если ты не съѣшь своего мяса, то не получишь и рюмки хиннаго вина.

Уставившись блестящими глазами на полную рюмку, дѣ-

вочка побѣдила отвращеніе, съѣла мясо, а потомъ выпила свою рюмку, опрокинувъ ее въ горло привычнымъ движеніемъ опытной пьяницы. Но и послѣ этого она не отходила, и въ концѣ концовъ стала просить барышню довѣрить ей сразу всю бутылку, говоря, что приходитъ каждый день слишкомъ ужъ неудобно. Она обѣщала класть эту бутылку съ собою въ постель, прятать ее подъ юбками, чтобы скрыть отъ отца и матери. Но барышня отказала наотрѣзъ.

— Какъ-же! Чтобы ты ее выпила залпомъ, не успѣвъ еще спуститься въ деревню! сказала Лазарь.—Нѣтъ, теперь ужъ не проведешь, маленькая пьянчуга!

Скамейка мало-по-малу пустѣла; дѣти по одиночкѣ покидали ее, получая деньги, хлѣбъ или мясо. Нѣкоторые изъ нихъ послѣ этого желали еще остаться, чтобы погрѣться передъ яркимъ огнемъ; но Вероника, замѣтившая, что у нея исчезла половина моркови, безжалостно выгоняла ихъ на дворъ, подъ дождь. Слыханное ли дѣло! не побрезгать даже морковью, еще не очищенную отъ земли! Скоро въ кухнѣ не осталось никого, кромѣ молодаго Кюша, который стоялъ мрачный и хмурый, въ ожиданіи наставленія барышни. Она подозвала его, долго говорила ему что-то въ полголоса, а въ концѣ концовъ все-таки вручила ему хлѣбъ и пять франковъ, которыя онъ привыкъ получать каждую субботу. Затѣмъ онъ удалился, неуклюже переваливаясь съ ноги на ногу, съ тѣмъ-же видомъ недовѣрчиваго, упрямаго животнаго, пообѣщавъ впередъ работать, но, въ сущности, нисколько не поколебавшись въ своемъ твердомъ рѣшеніи ничего не дѣлать.

Служанка, наконецъ, вздохнула свободнѣе, но въ слѣдующіе же мгновеніе воскликнула:

— Да вѣдь они еще не всѣ ушли; вотъ еще одна сидитъ въ углу!

Это была маленькая Турмалъ, дѣвчонка, уже привыкшая шататься по большимъ дорогамъ и казавшаяся крошечнымъ ребенкомъ, не смотря на свои десять лѣтъ. Только нахальство ея быстро увеличивалось съ возрастомъ. Приученная съ пеленокъ выпрашивать милостыню, напоминая тѣхъ необыкновенныхъ дѣтей, которыхъ дрессируютъ съ малыхъ лѣтъ для гимнастическихъ упражненій въ циркахъ, она научилась клянчить въ совершенствѣ и съ удивительною настойчивостью. Въ настоящую минуту она сидѣла на корточкахъ между буфе-

томъ и каминомъ, какъ будто забившись въ этотъ уголь, послѣ какой-нибудь новой продѣлки, изъ боязни быть пойманной на мѣстѣ преступления. Это показалось подозрительнымъ.

— Что ты тамъ дѣлаешь? спросила Полина.

— Грѣюсь.

Вероника тревожнымъ взглядомъ обвела кухню. И въ прежнія субботы, даже тогда, когда дѣти усаживались на террасѣ, пропадали кое-какія мелкія вещи. Но все, повидимому, было въ порядкѣ, а дѣвочка, тотчасъ вскочившая на ноги, быстро затораторила своимъ пронзительнымъ голоскомъ:

— Отецъ мой въ больницѣ, дѣдушка поранилъ себя работою, а у мамы даже платья нѣтъ; ей не въ чемъ выйти изъ дома... Сжальтесь надъ нами, добрая барышня..

— Да перестанешь-ли ты голосить, лгунья! крикнулъ Лазарь, выходя изъ себя. — Отца твоего посадили въ тюрьму за контрабанду, дѣдъ вывихнулъ себѣ руку, воруя устриць въ рокбуазскихъ садкахъ; если-же у твоей матери нѣтъ платья, такъ стало быть она ходитъ грабить въ одной рубашкѣ; на нее опять поступила жалоба; говорятъ, она задушила пять куръ у трактирщика въ Вершмонѣ.. Что ты, на смѣхъ развѣ врешь намъ всякій вздоръ про вещи, которыя мы знаемъ лучше тебя? Пойди, рассказывай свои сказки прохожимъ на большой дорогѣ!

Дѣвочка, казалось, даже не слышала его словъ, и снова начала съ привычнымъ нахальнымъ апломбомъ:

— Сжальтесь, добрая барышня, мужчины у насъ больны, а матери выйти не въ чемъ... Господь Богъ воздастъ вамъ!

— На, вотъ, возьми, бѣги домой и не лги больше, сказала Полина, подавая ей мелкую монету, чтобы положить конецъ несносному кланченью.

Дѣвочка не заставила повторять себѣ этихъ словъ два раза. Однимъ прыжкомъ она очутилась за порогомъ и съ всею скоростью своихъ короткихъ ноженоевъ пустилась бѣжать. Но въ тоже мгновеніе служанка вскрикнула:

— Господи, да никакъ барышнинъ кубокъ стоялъ на буфетѣ?.. Она стащила барышнинъ кубокъ!

Съ этими словами она выѣжала за дверь и пустилась въ погоню за воровкой. Двѣ минуты спустя она уже тащила ее за руку съ свирѣпымъ видомъ жандарма. Обыскать ее оказалось не легко; она выбивалась, царапалась, кусалась и огла-

пала воздухъ такимъ отчаяннымъ воплемъ, будто ее рѣзали или истязали. Въ карманахъ кубка не оказалось, его нашли подъ тряпкой, которая служила ей рубашкой, на голѣ дѣлѣ. Тогда она вдругъ перестала плакать и принялась нахально утверждать, что рѣшительно не знаетъ, какъ эта вещь къ ней попала, что кубокъ, вѣроятно, упалъ на нее, пока она сидѣла на землѣ.

— Вѣдь священникъ говорилъ, что она васъ когда-нибудь обокрадетъ, повторяла Вероника.—Ну, ужъ я-бы непременно послала за полиціей.

Лазарь тоже замѣтилъ, что не худо-бы упрятать ее въ тюрьму; его бѣсилъ вызывающій тонъ этой дѣвочки, шипѣвшей и извивавшейся, какъ змѣя, которой наступили на хвостъ. Такъ-бы и отхлесталъ ее по щекамъ.

— Возврати, что тебѣ дали, кричалъ онъ.—Гдѣ у тебя деньги?

Она уже поднесла было монету къ губамъ, чтобы проглотить ее, но тутъ опять вмѣшалась Полина.

— Ну, ужъ такъ и быть, оставь деньги у себя, сказала она;—только скажи дома, что это въ послѣдній разъ. Впредь я сама буду заходить къ вамъ, посмотрѣть, въ чемъ вынуждаетесь... Ступай.

Слышно было, какъ босыя ноги дѣвочки зашлепали по лужамъ, и затѣмъ настала тишина. Вероника съ сердцемъ швырнула въ сторону скамейку и, взявъ въ руки губку, наклонилась, чтобы вытереть лужи, которыя натекли съ дохмотьевъ. Нечего сказать, загадили таки они ея кухню; даже воздухъ болѣе до такой степени зараженъ присутствіемъ этой толпы оборванцевъ, что она сочла нужнымъ отворить окна и двери. Барышня, съ серьезнымъ видомъ, не говоря ни слова, завязывала свой мѣшокъ и укладывала лекарства, а баринъ, видимо раздраженный, зѣвая отъ скуки и отвращенія, отправился мыть себѣ у колодца руки.

Полина съ грустью убѣждалась, что Лазарь не особенно интересуется ея маленькими деревенскими друзьями. Если онъ и соглашался еще помогать ей по субботамъ, то это дѣлалось единственно ради того, чтобы оказать ей услугу; по собственной-же охотѣ онъ-бы этимъ дѣломъ не сталъ заниматься. Въ то время, какъ ея не отталкивали ни крайняя бѣдность, ни порокъ, его всякое некрасивое явленіе приводило въ негодованіе

и печалило. Она оставалась спокойною и веселою въ своей любви къ другимъ людямъ, а ему, напротивъ, стоило только переступить за предѣлы своего внутренняго мірка, чтобы встрѣтиться съ новыми поводами къ мрачному настроенію. Такимъ образомъ, онъ мало-по-малу дошелъ до того, что дѣйствительно сталъ страдать отъ соприкосновенія съ этими грязными ребятишками, въ которыхъ ужъ зрѣли и развивались всѣ пороки взрослыхъ людей. Эти молодые отпрыски жалкой нищеты окончательно отравляли ему жизнь; онъ покидалъ ихъ разбитый, озлобленный, съ чувствомъ ненависти и презрѣнія въ человѣческому стаду. Посвятивъ два часа добродѣлю, онъ самъ становился злымъ, начиналъ отрицать значеніе милостыни, издѣвался надъ благотворительными затѣями, кричалъ, что лучше-бы раздавить каблукъ это гнѣздо зловредныхъ насѣкомыхъ, вмѣсто того, чтобы растить и вскармливать ихъ. Полина съ удивленіемъ слушала эти злобныя изліянія и глубоко огорчалась, видя, что она съ нимъ даже чувствуетъ не одинаково.

Въ эту субботу, когда они остались одни, всѣ накипѣвшія на душѣ Лазаря мученія вырвались наружу въ одной фразѣ: — Мнѣ кажется, что я вышелъ изъ помойной ямы!

Затѣмъ онъ прибавилъ:

— Какъ возможно любить этихъ уродовъ?

— Да я люблю ихъ ради нихъ, а не ради себя, отвѣтила молодая дѣвушка.—Вѣдь ты-бы не отказался поднять на дорогѣ и приютить паршиваго щенка?

Лазарь остановилъ ее протестующимъ жестомъ.

— Сабака не человѣкъ.

— А помогать ради самой помощи, по-твоему, ничего не значить? продолжала она.—Конечно, грустно, что они не исправляются, а то-бы, можетъ быть, и нищета ихъ уменьшилась. Но когда они поѣли и обогрѣлись,—такъ съ меня и этого достаточно, я довольна; все-же хоть немного страданія поубыло... Почему ты непременно хочешь, чтобы они вознаграждали насъ за то, что мы для нихъ дѣлаемъ?

И она съ грустью прибавила:

— Бѣдный мой другъ, я вижу, что все это тебѣ надоѣло; лучше ужъ не помогай мнѣ больше... Я совѣмъ не хочу, чтобы ты понапрасну портилъ себѣ кровь и ожесточался.

Лазарь ускользалъ изъ ея рукъ, и это приводило ее въ

отчаяніе. Она начинала чувствовать свое безсиліе исцѣлить его отъ этихъ болѣзненныхъ припадковъ страха и тоски. Видя его въ такомъ нервномъ состояніи, она не могла думать, что все это—проявленія скрываеваемой имъ болѣзни, она воображала, что тоска его обусловливается чѣмъ-нибудь инымъ; въ ней просыпалась мысль о Луизѣ. Быть можетъ, онъ все еще думаетъ объ этой дѣвушкѣ, жалѣетъ о ней и тайно страдаетъ отъ того, что уже не можетъ ея видѣть. Подъ наплывомъ такихъ мыслей, она вся холодѣла и старалась снова овладѣть прежнею гордою готовностью къ самопожертвованію, опять клялась посвятить себя всецѣло счастью близкихъ ей людей.

Однажды вечеромъ у Лазаря вырвалось жестокая фраза:

— Какъ скучно, какъ одиноко здѣсь живется! сказалъ онъ, зѣвая.

Она взглянула на него. Неужели это былъ намекъ? Но задать ему этотъ вопросъ прямо она не рѣшилась. Доброта боролась въ ней съ ревностью; жизнь ея опять превращалась въ пытку.

Лазаря ожидало еще одно потрясеніе:—его старый Матѣе не на шутку хворалъ. Бѣдное животное, которому въ мартѣ минуло четырнадцать лѣтъ, все болѣе и болѣе плохо владѣло задними ногами. По временамъ онъ дотого отнимались, что онъ едва могъ ходить, и лежалъ на дворѣ, растянувшись на солнцѣ, поглядывая своими меланхолическими глазами на выходящихъ изъ дома людей. Особенно сильное впечатлѣніе производили на Лазаря эти глаза старой собаки, мутные, подернутые, какъ у слѣпнаго, легкою, синеваатою дымкою. Впрочемъ, Матѣе еще видѣлъ; онъ черезъ силу тащился къ своему хозяину, положить къ нему на колѣни свою большую голову, а затѣмъ пристально смотрѣлъ на него съ грустнымъ, осмысленнымъ выраженіемъ. Да и красота его уже отцвѣла: бѣлая, курчавая шерсть пожелтѣла, носъ, прежде черный, начиналъ бѣлѣть; онъ уже постоянно ходилъ грязный и, казалось, самъ стыдился этого; но мыть его, больнаго, стараго, уже не рѣшались. Всѣ игры его прекратились; онъ уже не валялся на спинѣ, не вертѣлся колесомъ, гоняясь за собственнымъ хвостомъ, и даже не возгорался нѣжностью къ котятамъ Минушъ, когда Вероника готовилась бросить ихъ въ море. Теперь онъ, какъ старый человѣкъ, дремалъ по цѣлымъ днямъ и съ такимъ трудомъ снова поднимался на ослабѣвшія

ноги, что часто кто-нибудь изъ домашнихъ, сжалившись, подерживалъ его, пока онъ не овладѣвалъ окончательно равновѣсіемъ.

Кровотеченія все болѣе истощали его съ каждымъ днемъ. Позвали какъ-то ветеринара, но тотъ только засмѣялся, посмотрѣвъ на Матъе. Какъ! Его обезпокоили ради этой собаки? Лучше всего—убить ее. Если стараются продлить жизнь чловѣка,—это понятно; но изъ-за чего-же заставлять напрасно страдать животное, разъ оно несомнѣнно обречено на гибель? Ветеринара выпроводили за дверь, заплативъ ему за визитъ шесть франковъ.

Однажды, —дѣло было въ субботу,—кровотеченье, которому былъ подверженъ Матъе, достигло такихъ размѣровъ, что собаку пришлось запереть въ сарай. Песъ на каждомъ шагу оставлялъ за собою слѣдъ изъ крупныхъ красныхъ капель. Докторъ Казновъ, пріѣхавшій въ этотъ день раньше обыкновеннаго, самъ вызвался взглянуть на собаку, къ которой всѣ относились, какъ къ члену семьи. Она лежала въ сараѣ, видимо, ослабѣвшая, но еще смотрѣла живымъ, сознательнымъ взглядомъ. Докторъ внимательно осмотрѣлъ ее съ тѣмъ-же серьезнымъ, задумчивымъ видомъ, который принималъ у постели больного, и, наконецъ, сказалъ:

— Такая сильная гематурія, по всей вѣроятности, обусловливается роковымъ новообразованіемъ въ почкахъ... Спасти ее невозможно. Но, быть можетъ, она проживетъ еще нѣсколько дней, если состояніе не осложнится внезапнымъ, болѣе обильнымъ кровотеченіемъ.

Благодаря отчаянному положенію Матъе, обѣдъ прошелъ какъ-то печально. Вспоминали, какъ его любила мадамъ Шанто, какъ храбро онъ трепалъ чужихъ собакъ; вспоминали подробности его молодости,—какъ онъ, бывало, вороналъ котлеты со сковороды, пожиралъ только-что снесенныя яйца. Однако, за десертомъ, когда аббатъ Гортѣръ вынулъ изъ кармана свою трубку, общество нѣсколько развеселилось. Священникъ хвастался своими грушевыми деревьями, которыя обѣщали принести въ этомъ году превосходные плоды. Шанто, несмотря на покалыванье, возвѣщавшее приближеніе новаго приступа, дропѣлъ лихую шансонетку, которую пѣвалъ въ былое время, когда ему было двадцать лѣтъ. Словомъ, вечеръ удался, какъ нельзя лучше;—даже Лазаръ развеселился.

Вдругъ, часовъ около девяти, когда уже подали чай, Полина воскликнула:

— А вотъ и нашъ бѣдный Матъе!

Дѣйствительно, Матъе, едва державшійся на своихъ ослабѣвшихъ ногахъ, окровавленный, исхудалый, проскользнулъ въ столовую. Вмѣстѣ съ тѣмъ, за дверью послышались шаги Вероники, которая гналась за нимъ съ тряпкой. Войдя въ комнату, она сказала:

— Мнѣ нужно было сходить въ сарай, а онъ тѣмъ временемъ и улизнулъ. Видно, пока не околѣетъ, не отстанетъ отъ васъ; шагу ступить нельзя, чтобы не подвернулся подъ ноги.... Ступай, ступай, нельзя тебѣ здѣсь оставаться.

• Собака съ кроткимъ, смиреннымъ видомъ, понурила свою старую, трясущуюся голову.

— Оставь его, просила Полина.

Служанка разсердилась.

— Ну ужъ нѣтъ, барышня!.. Надоѣло мнѣ подтирать за нимъ кровь. Въ послѣдніе два дня онъ мнѣ загадилъ всю кухню. Просто мочи нѣтъ... Хороша будетъ столовая, коли онъ будетъ здѣсь шататься изъ угла въ уголь... Ну, ну, поворачивайся!

— Оставь его, повторилъ Лазарь.—Иди въ кухню!

Вероника съ сердцемъ хлопнула дверью, а Матъе, будто понявъ, въ чемъ дѣло, подошелъ къ своему хозяину и положилъ голову на его колѣно. Всѣмъ хотѣлось чѣмъ-нибудь позабавить, развеселить его; наломали кусочковъ сахара, старались его раззадорить. Прежде, бывало, каждый вечеръ любимая забава состояла въ томъ, что подальше отъ Матъе, на противоположномъ концѣ стола, вляли кусокъ сахара; онъ быстро бѣжалъ туда, но тѣмъ временемъ сахаръ исчезалъ съ прежняго мѣста и появлялся на другой сторонѣ стола; такимъ образомъ собака безпрестанно бѣгала вокругъ комнаты, а сахаръ каждый разъ перескакивалъ и удалялся отъ нея, пока, наконецъ, окончательно сбитая съ толку этимъ постояннымъ надувательствомъ, она не раздражалась отчаяннымъ лаемъ. Эту игру Лазарь вздумалъ затѣять и сегодня, надѣясь внести послѣдній лучъ веселья въ печальную агонію бѣднаго животнаго. Собака помахала хвостомъ, одинъ разъ обошла вокругъ стола, но потомъ наткнулась на стулъ Полины. Она уже не

видѣла сахара и безпрестанно сбивалась съ дороги; красныя капельки крови мелкимъ дождемъ струились на полъ. Шанто уже не напѣвалъ своей пѣсенки; у каждаго сердце сжималось отъ жалости при видѣ бѣднаго, умирающаго Матѣе, который пытался тряхнуть стариною и повторить то, что продѣлывалъ когда-то прежній Матѣе, извѣстный лакомка.

— Не утомляйте его, сказалъ докторъ, — онъ и такъ ели живъ.

Священникъ, молча покуривавшій свою трубочку, тоже вставилъ свое замѣчаніе, точно желая объяснить себѣ свое собственное волненіе:

— Эти большія собаки, право, точно люди.

Въ десять часовъ, когда докторъ и священникъ удалились Лазарь, прежде чѣмъ подняться въ свою комнату, самъ пошелъ запереть Матѣе въ сарай. Онъ уложилъ его на свѣжую солому, посмотрѣлъ, есть-ли въ мискѣ вода и затѣмъ собрался уходить. Но собака съ крайнимъ усиленіемъ поднялась на ноги и потащилась за нимъ. Три раза ему пришлось укладывать ее; наконецъ, она повиновалась и, приподнявъ голову, проводила удалявшагося хозяина такимъ грустнымъ взглядомъ, что онъ не выдержалъ, вернулся еще разъ и поцѣловалъ ее. Голова несчастнаго животнаго опускалась отъ слабости, въ ввалившихся глазахъ свѣтилось послѣднее прощанье.

Наверху Лазарь до полуночи старался читать. Но спать онъ былъ не въ состояніи; мысль о Матѣе не покидала его. Ему казалось, что онъ все еще видитъ его, лежащаго на соломѣ, съ потухающимъ взглядомъ, обращеннымъ къ двери. Завтра его собаки уже не будетъ въ живыхъ. И онъ, противъ воли, ежеминутно вставалъ, прислушивался; ему безпрестанно чудилось, что Матѣе лаетъ на дворѣ; благодаря напряженному вниманію, до слуха его доносились всевозможные воображаемые звуки. Часовъ около двухъ какіе-то стоны заставили его вскочить съ постели. Кто это стонетъ? Онъ вышелъ въ корридоръ. Во всемъ домѣ было темно и тихо; изъ комнаты Полины не доносилось ни единого звука. Наконецъ, онъ не могъ уже противиться непреодолимой потребности, побуждавшей его отправиться къ своей собакѣ. Что-то съ нею теперь дѣлается? Надежда еще разъ увидѣть ее вдругъ возбудила въ

немъ лихорадочную поспѣшность; онъ наскоро надѣлъ брюки и, взявъ свѣчу, быстро спустился съ лѣстницы.

Въ сараѣ Матѣе не остался на своей соломенной подстилкѣ, а предпочелъ переползти на голую землю. Увидѣвъ хозяина, онъ даже не въ силахъ былъ приподнять головы. Лазарь поставилъ свѣчу на груду старыхъ досокъ и нагнулся, удивленный темнымъ цвѣтомъ земли; но когда онъ разглядѣлъ, что это кровь, что собака умираетъ среди огромной лужи крови, сердце его сжалось и онъ въ отчаяніи опустился на колѣни. Жизнь быстро покидала бѣднаго Матѣе; онъ слабо помахалъ хвостомъ, и въ глазахъ его блеснула искра признательности.

— Ахъ, ты мой бѣдный, старый песъ! воскликнулъ Лазарь.

Онъ говорилъ громко, обращаясь къ Матѣе, какъ къ человѣку.

— Погоди, я перенесу тебя на другое мѣсто... Нѣтъ, тебѣ больно шевельнуться... Да вѣдь ты весь вымокъ! А со мною даже губки нѣтъ! Можетъ быть ты хочешь пить?

Матѣе не сводилъ съ него глазъ. Мало-по-малу изъ груди его началъ вырываться храпъ. Лужа крови постепенно, безъ шума разрасталась, будто наполняясь изъ скрытаго источника. Отъ стоявшихъ кругомъ лѣстницъ и старыхъ, разохшихся боекъ падали длинныя тѣни; свѣча тускло освѣщала сараѣ. Послышался шелестъ соломы; это была Минушь, улегшаяся на приготовленной для Матѣе постели и потревоженная свѣтомъ.

— Хочешь пить, мой бѣдный, старый песъ? повторялъ Лазарь.

Онъ отыскалъ тряпку, окунулъ ее въ миску съ водою и приложилъ къ мордѣ умирающей собаки. Это, повидимому, было ей пріятно; ея носъ, растрескавшійся отъ лихорадки, немного похолодѣлъ. Такъ прошло съ полчаса. Лазарь не переставалъ освѣжать тряпку, не отрывая глазъ отъ печальнаго зрѣлища; грудь его сжималась отъ безграничнаго горя. Какъ возлѣ постели больного, онъ поддавался безумнымъ надеждамъ: быть можетъ, ему удастся спасти собаку этими простыми компрессами.

— Что ты? что съ тобой? сказалъ онъ вдругъ.—Никакъ ты хочешь подняться на ноги?!

Потрясаемый ознобами, Матѣ дѣйствительно силился встать. Всѣ члены его судорожно напряглись, шея раздулась отъ предсмертной икоты. Но это было уже послѣднее усиліе; онъ тотчасъ же снова спустился и прильнулъ къ колѣнямъ хозяина, отъ котораго все еще не отрывалъ глазъ, едва смотрѣвшихъ изъ подъ отяжелѣвшихъ вѣкъ. Взволнованный осмысленнымъ взглядомъ умирающаго животнаго, Лазарь уже не спускалъ его съ колѣнъ, и это большое тѣло, длинное и тяжелое, какъ тѣло взрослога человѣка, трепетало подъ его руками въ человѣческой агоніи. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Потомъ изъ тусклыхъ глазъ собаки покатались настоящія, крупныя слезы, между тѣмъ какъ языкъ ея высовывался изъ судорожно искаившейся пасти для послѣдней ласки. Она плакала и лизала ему руку.

— Мой бѣдный, старый Матѣ! воскликнулъ Лазарь, въ свою очередь разражаясь рыданіями.

Матѣ умеръ. Изъ пасти вытекло немного кровавой пѣны. Растаявшіеся на землѣ, онъ точно спалъ.

Тогда Лазарь почувствовалъ, что все около него еще разъ рушится и исчезаетъ, Теперь умерла его собака, и это вызвало въ немъ такое несоразмѣрное, преувеличенное горе, такое безграничное отчаяніе, какъ будто вмѣстѣ съ нею погибала вся его жизнь. Эта смерть пробуждала воспоминанія о другихъ потеряхъ. Не больнѣе сжималось его сердце даже тогда, когда онъ шелъ по двору, за гробомъ своей матери. Что-то органически связанное съ нею еще разъ умирало; въ эту минуту онъ терялъ ее окончательно. И передъ нимъ воскресали цѣлые мѣсяцы скрытыхъ терзаній, ночи, отравляемыя тяжелыми кошмарами, его посвщенія маленькаго кладбища, его страхъ передъ вѣчнымъ мракомъ небытія.

Послышался шумъ. Лазарь обернулся и увидѣлъ Минущъ, которая преспокойно охорашивалась на соломѣ. Но вотъ скрипнула дверь, и въ сарай вошла Полина. Она спустилась, повинувшись тому-же чувству, которое привело сюда ея двоюроднаго брата, и встревоженная въ добавокъ тѣмъ, что его комната оказалось пустою. Когда онъ увидѣлъ ее, слезы его полились съ удвоенною силою. До сихъ поръ онъ привыкъ скрывать свое горе по матери съ какою-то болѣзненною стыдливостью, но теперь даже это чувство не могло сдержать его отчаянія.

— Боже мой! Боже мой! воскликнулъ онъ;—вѣдь она такъ его любила!.. Помнишь? онъ достался ей еще щенкомъ, она сама его вскормила, и онъ ходилъ за ней по всему дому!

Затѣмъ онъ прибавилъ:

— Никого, никого уже нѣтъ около насъ; совсѣмъ-то мы одиноки!

Слезы выступили на глазахъ Полины. Она нагнулась, чтобы лучше разсмотрѣть Матье при тускломъ свѣтѣ, и даже не пыталась утѣшать Лазаря. Въ отвѣтъ на слова его она только печально махнула рукою, чувствуя себя бессильною и бесполезною.

VIII.

Въ основѣ всѣхъ терзаній Лазаря лежала скука,—тяжелая, непрерывная скука, которая вытекала изъ всего, какъ мутная вода отравленнаго источника. Онъ скучалъ отъ бездѣйствія, скучалъ за работой, скучалъ, оставшись на-единѣ съ самимъ собою, еще больше, чѣмъ въ обществѣ другихъ. Тѣмъ не менѣе, праздно существованіе начинало его мучить; онъ краснѣлъ за себя. Развѣ не позорно для человѣка его лѣтъ терять лучшее время жизни въ такой дырѣ, какъ Бонвилъ? До сихъ поръ онъ еще могъ оправдывать это различными предлогами; но теперь уже ничто его не удивляло, и онъ презиралъ себя за то, что живетъ безъ пользы на шеѣ семьи, которая и безъ того едва сводитъ концы съ концами. Ему-бы слѣдовало приняться за работу и создать состояніе для себя и для семьи; онъ когда-то далъ себѣ клятву выполнить эту задачу, а теперь оказывается ни на что неспособнымъ. Положимъ, проекты блестящаго будущаго, обширныя предпріятія, богатство, пріобрѣтенное сразу, однимъ гениальнымъ оборотомъ, и теперь еще нерѣдко занимали его фантазію; но лишь только онъ выходилъ изъ области мечтаній, въ немъ не оказывалось ни смѣлости, ни рѣшимости приняться за дѣло.

— Это не можетъ такъ продолжаться, говорилъ онъ часто Полинѣ;—мнѣ необходимо взяться за работу... Я-бы желалъ основать газету въ Канѣ.

А она каждый разъ отвѣчала ему:

— Подожди, пока кончится трауръ; вѣдь торопиться не-зачѣмъ... Подумай хорошенько, прежде чѣмъ предпринимать такое дѣло.

На самомъ-же дѣлѣ она дрожала при мысли объ этой газетѣ, несмотря на все свое желаніе пристроить его къ какой-нибудь работѣ. Новая неудача могла окончательно убить въ немъ всякую энергію; она припоминала, какъ печально оканчивались всѣ его замыслы,—музыка, медицина, заводъ. Впрочемъ, два часа спустя онъ отказывался даже написать письмо, чувствуя себя окончательно разбитымъ и усталымъ.

Опять потянулись недѣли; сильнымъ приливомъ снесло еще три дома въ Бонвилѣ. Теперь, когда Лазарю приходилось встрѣчаться съ рыбаками, они его спрашивали, намѣренъ-ли онъ опять заняться плотиною. Положимъ, съ моремъ ничего не подѣлаешь, но больно ужъ досадно видѣть, сколько даромъ пропадаетъ хорошаго лѣсу. И даже въ жалобахъ ихъ, въ томъ тонѣ, которымъ они умоляли его не оставлять деревни безъ защиты отъ яростныхъ волнъ, слышалась злорадная насмѣшка матросовъ, гордившихся убійственными трепками, которыя умѣло задавать ихъ море. А онъ мало-по-малу дошелъ до такой раздражительности, что избѣгалъ проходить по деревнѣ и не могъ равнодушно, даже издали, видѣть развалинъ.

Однажды, когда онъ входилъ къ священнику, его остановилъ Труанъ.

— Баринъ, сказалъ онъ смиреннымъ тономъ, между тѣмъ какъ въ углахъ глазъ его дрожала едва замѣтная, сдержанная усмѣшка, — я къ вамъ насчетъ этихъ бревенъ; вѣдь онѣ гниютъ тамъ, на берегу.

— Ну, такъ что-жь изъ этого?

— Если они вамъ не нужны, такъ вы-бы ихъ отдали намъ... Мы-бы ими, по крайней мѣрѣ, хоть печи стали топить.

Лазаря разбирала сдержанная злость. Онъ быстро отвѣтилъ, не успѣвъ даже обдумать своихъ словъ:

— Это невозможно; на слѣдующей недѣлѣ плотники снова примутся за работу.

Начиная съ этого дня, въ деревнѣ опять поднялись толки. Стало быть опять пойдетъ потѣха; молодой Шанто упорствуётъ и не хочетъ бросить своей затѣи. Прошло двѣ недѣли, при каждой встрѣчѣ рыбаки спрашивали его, неужели онъ все еще не нашелъ работниковъ. Наконецъ, онъ дѣйствительно рѣшилъ заняться плотиною, уступая вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденіямъ двоюродной сестры, которая предпочитала, чтобы онъ работалъ тутъ-же, везлѣ нея. Но онъ взялся за дѣло безъ увле-

ченія, побуждаемый только озлобленіемъ противъ моря, съ которымъ на этотъ разъ навѣрное рассчитывалъ справиться. Теперь оно ужъ будетъ подползать къ Бонвилю и лизать береговой булыжникъ, какъ укрощенный, покорный звѣрь.

И Лазарь опять принялся чертить планы. Онъ вычислилъ новые углы сопротивленія и удвоилъ толщину стропилъ. Не смотря на это, расходы предвидѣлись небольшіе. Можно было воспользоваться бѣльшею частью стараго лѣса. Плотникъ представилъ смѣту, не превышавшую четырехъ тысячъ франковъ. Въ виду незначительности этой суммы, Лазарь согласился взять ее въ долгъ у Полины, будучи увѣренъ, что безъ труда добьется субсидіи отъ генеральнаго совѣта. Къ тому-же это была единственная возможность покрыть предъидущія затраты, такъ какъ совѣтъ, разумѣется, не выдастъ ни единого су, пока плотина будетъ представлять собою развалину. Это послѣднее соображеніе нѣсколько подогрѣло его энергію, и работа пошла довольно живо. Да и помимо этого хлопотъ у него было не мало; онъ каждую недѣлю ѣздилъ въ Канъ, чтобы повидаваться съ префектомъ и съ наиболѣе вліятельными членами совѣта. На плотинѣ укрѣпляли послѣднія перекладки, приколачивали послѣднія доски, когда онъ добился, наконецъ, чтобы въ Бонвилъ былъ присланъ инженеръ, послѣ доклада котораго вопросъ о субсидіи тотчасъ-же долженъ былъ рѣшиться въ совѣтѣ. Инженеръ провелъ въ Бонвилѣ цѣлый день. Онъ оказался премилымъ господиномъ и съ удовольствіемъ согласился позавтракать въ домѣ Шанто послѣ прогулки по морскому берегу; никто изъ домашнихъ не спрашивалъ его мнѣнія, не желая вліять на его рѣшеніе; но за столомъ онъ былъ такъ любезенъ съ Полиной, что даже она увѣровала, наконецъ, въ успѣхъ дѣла. Можно себѣ по этому представить, до какой степени двѣ недѣли спустя весь домъ былъ пораженъ и разочарованъ извѣстіями, которыя привезъ Лазарь, вернувшись изъ Кана. Онъ задыхался отъ гнѣва. Оказывалось, что этотъ франтикъ-инженеръ представилъ такой докладъ, что хуже и вообразить себѣ трудно. О, разумѣется, въ докладѣ его не было ни одного невѣжливаго, рѣзкаго слова, но зато онъ осмѣялъ каждое бревно, каждую сваю въ выраженіяхъ, изобиловавшихъ техническими терминами. Впрочемъ, ничего иного и ожидать нельзя было; эти господа не допускаютъ, чтобы безъ ихъ вмѣшательства возможно было произвести какую-бы-то ни было

официальную постройку, хотя-бы дѣло шло о сооруженіи ящика для кроликовъ. Но хуже всего то, что генеральный совѣтъ, выслушавъ этотъ докладъ, не счелъ возможнымъ удовлетворить просьбу о субсидіи.

Этотъ неожиданный ударъ послужилъ для Лазаря новымъ источникомъ разочарованія и отчаянія. Плотина была готова, онъ клялся, что она выдержитъ напоръ самыхъ сильныхъ приливовъ, и что въ концѣ концовъ весь корпусъ инженеровъ взбѣсится отъ зависти; но вѣдь отъ этого деньги, затраченныя сестрой, не вернуться; онъ горько упрекалъ себя за то, что склонилъ ее принять участіе въ этомъ раззорительномъ предпріятіи. А она, побѣдивъ свои инстинкты бережливости, напротивъ, брала на себя полную отвѣтственность за все, напоминала ему, что сама заставила его принять ея деньги; это просто было доброе дѣло; она дала-бы даже больше, чтобы спасти несчастную деревню. Тѣмъ не менѣе, когда плотникъ представилъ свой счетъ, она не могла не обнаружить горестнаго изумленія: четыре тысячи, фигурировавшія на предварительной смѣтѣ, разрослись почти до восьми тысячъ. Въ сложности она бросила около двадцати тысячъ франковъ на эти жалкія сваи, которыя сомнетъ и опрокинетъ первая-же буря.

Къ этому времени отъ всего состоянія Полины осталось не болѣе сорока тысячъ франковъ. Эта сумма представляла собою годовую ренту въ двѣ тысячи франковъ, то-есть ровно столько, сколько было необходимо для нея лично, при самой скромной жизни, еслибы она когда-нибудь очутилась на уличной мостовой, одинокая и безпомощная. Деньги малопомалу разошлись у нея въ этомъ домѣ, гдѣ ей до самаго послѣдняго времени приходилось расплачиваться за все. Поэтому она теперь рѣшилась слѣдить за малѣйшими расходами съ строгой бережливостью опытной, благоразумной хозяйки. Шанто не получали даже прежнихъ трехсотъ франковъ въ мѣсяць, такъ какъ послѣ смерти матери нѣкоторыя процентныя бумаги оказались проданными, хотя никто рѣшительно не зналъ, куда ушли полученные за нихъ деньги. Присоединяя свою собственную ренту къ ихъ доходамъ, Полина имѣла въ мѣсяць всего на всего какихъ нибудь четыреста франковъ, а хозяйство требовало не малыхъ расходовъ, и приходилось совершать чудеса изворотливости и экономіи, чтобы спасти

тѣ деньги, которыя предназначались для милостыни. Съ прошлой зимы попечительство доктора Казнова прекратилось, Полина достигла совершеннолѣтія и вполнѣ располагала своею личностью и своимъ состояніемъ. Положимъ, докторъ и раньше ни въ чемъ ни стѣснялъ ея, такъ какъ не желалъ даже, чтобы она обращалась къ нему за совѣтомъ; формально его миссія прекратилась уже нѣсколькими недѣлями раньше, когда обѣ стороны официально заявили объ этомъ другъ другу; но ей казалось, что только теперь она окончательно созрѣла, пользуется полною свободою и вполнѣ преобразилась въ женщину, почувствовавъ себя хозяйкою дома, которой никому не приходится отдавать отчетъ. Дядя просилъ ее распорядиться всѣмъ и никогда съ нимъ не совѣтоваться, Лазарь тоже ненавидѣлъ всякіе денежныя расчеты. Такимъ образомъ, она безконтрольно одна вѣдала общую казну, замѣстивъ свою тегку и обнаруживъ при этомъ такую практичность, которая нерѣдко приводила въ изумленіе обоихъ мужчинъ. Только Вероника находила, что барышня порядочная-таки скареда: какъ хочешь, такъ и управляйся, а каждую субботу больше одного фунта масла не отпускается!

Дни смѣнялись обычной чередою съ однообразной правильностью. Этотъ порядокъ, эти неизмѣнныя, вѣчно повторяющіяся привычныя занятія, въ которыхъ, по мнѣнію Полины, и заключалось счастье, только усиливали скуку, терзавшую Лазаря. Никогда еще его не преслѣдовала по всему дому такая грызущая тоска, какъ теперь, когда въ каждой комнатѣ царила та сонная атмосфера невозмутимаго, улыбающагося мира, которою умѣла окружать себя его двоюродная сестра. Окончаніе работъ на морскомъ берегу было для него истиннымъ спасеніемъ, такъ какъ всякая забота тяготила его; а между тѣмъ, едва вернувшись къ прежней праздности, онъ уже опять томился скукою и стыдомъ. Каждое утро въ головѣ его снова возникали новые проекты; мысль о журналѣ ужъ казалась ему недостойною вниманія; онъ негодовалъ на свою бѣдность, которая не позволяла ему спокойно заняться какимъ нибудь обширнымъ литературнымъ или историческимъ трудомъ;—и, наконецъ, рѣшилъ, что лучше всего сдѣлаться учителемъ, сдавъ экзаменъ, если нужно, чтобы такимъ образомъ обезпечить себѣ извѣстный заработокъ, а свободное время посвятить литературной дѣятельности. Между Полиною и имъ,

повидимому, сохранились только прежнія товарищескія отношенія, привязанность, основанная по привычкѣ и заставлявшая его смотрѣть на нее, какъ на сестру. Удовлетворяясь этою родственною фамиллярностью, онъ никогда уже не упоминалъ о свадьбѣ.—потому ли, что совершенно забылъ о ней, или, быть можетъ, считая бесполезнымъ о ней говорить, какъ о вопросѣ, давно рѣшенномъ. Она также избѣгала касаться этой темы, будучи увѣрена, что онъ согласится съ перваго же слова. А между тѣмъ послѣдніе остатки того страстнаго желанія, которое влекло къ ней когда-то Лазаря, потухали въ немъ съ каждымъ днемъ; она это чувствовала, не понимая, что только равнодушіемъ его и объяснялось полное ея бесиліе разсѣять его тоску.

Однажды вечеромъ, въ сумерки, она поднялась въ его комнату, звать его къ обѣду, и при этомъ замѣтила, какъ онъ при ея появленіи спряталъ какой-то предметъ, который она не успѣла разсмотрѣть.

— Что это такое? спросила ова, смѣясь. — Стихи къ моимъ именинамъ?

— О, нѣтъ—пробормоталъ онъ, видимо смутившись;—такъ, пустяки...

Это была старая, забытая Луизою перчатка, которую онъ нашель за грудой книгъ. Перчатка, изъ саксонской кожи, сохранила свой сильный, характеристическій запахъ, смягченный нѣжнымъ благоуханіемъ геліотропа, любимыхъ духовъ молодой дѣвушки. Крайне чувствительный къ запахамъ, глубоко взволнованный этимъ смѣшеніемъ цвѣтка и живымъ тѣломъ, онъ такъ и замеръ на мѣстѣ, прижавъ къ губамъ перчатку, отдавшись сладострастнымъ воспоминаніямъ.

Начиная съ этого дня, среди пустоты, которую оставила въ его душѣ смерть матери, все болѣе разгоралось страстное желаніе обладать Луизой. Чувство это, конечно, никогда совершенно не угасало въ немъ и раньше; но оно дремало подъ его горемъ, и теперь достаточно было появленія этого предмета, чтобы образъ Луизы воскресъ передъ нимъ, какъ живой,—чтобы его снова обдало теплою струею ея дыханія. Оставаясь наединѣ, онъ бралъ перчатку, упивался ея благоуханіемъ, цѣловалъ ее, и воображалъ, что опять держитъ въ своихъ объятіяхъ Луизу, жадно прильнувъ губами къ ея шеѣ. Первое возбужденіе, въ которомъ онъ находился, благодаря

долгой праздности, еще болѣе способствовало этимъ пароксизмамъ чувственнаго опьяненія. Это были настоящія сладострастныя оргіи; онъ выходилъ изъ нихъ разбитый, недовольный собою, но тѣмъ не менѣе постоянно къ нимъ возвращался, увлекаемый роковою страстью, съ которою уже не въ силахъ былъ совладать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сдѣлался еще мрачнѣе, и часто даже былъ рѣзокъ съ двоюродною сестрою, какъ будто она-же былъ виновата въ его несчастной страсти. Она не возбуждала въ немъ никакихъ чувственныхъ желаній, и иногда, среди веселаго, спокойнаго разговора съ нею, онъ убѣгалъ, чтобы предаться своему пороку, запереться у себя въ комнатѣ и погрузиться въ жгучее воспоминаніе о Луизѣ. А потомъ онъ спускался, исполненный отвращенія къ жизни.

Словомъ, онъ до такой степени измѣнился, что Полина, съ наступленіемъ ночи, отдавалась самому горькому отчаянію. Днемъ она еще крѣпилась, хлопотала по хозяйству, которымъ правила по прежнему со свойственною ей кроткою твердостью. Но вечеромъ и для нея наступала возможность подумать о своемъ горѣ. Обычное мужество покидало ее и, заперевъ за собой дверь своей комнаты, она плакала, какъ безпомощный ребенокъ. Она утратила послѣднюю надежду, вся доброта ея оказывалась безсильною. Неужели-же мало одной беззавѣтной преданности? Неужели можно любить человѣка, и все-таки быть причиною его несчастія? Во всякомъ случаѣ, она видѣла, что онъ несчастливъ, и, быть можетъ, по ея винѣ. А потомъ въ глубинѣ ея сомнѣній зародилась тревожная мысль о соперницѣ. Она долго успокаивала себя, объясняя это мрачное настроеніе свѣжестью семейнаго горя, но въ послѣднее время мысль о Луизѣ снова начинала мучить ее,—та самая мысль, которая мелькнула передъ нею на другой-же день послѣ смерти мадамъ Шанто. Тогда она отогнала ее отъ себя съ гордою довѣрчивостью любящей природы, но теперь это подозрѣніе снова воскресало каждый вечеръ и терзало ее наболѣвшее сердце.

Приступы отчаянія повторялись съ правильностью лихорадочныхъ пароксизмовъ. Едва успѣвъ поставить на столъ подсвѣчникъ, она въ изнеможеніи садилась на край своей постели, не имѣя даже силы снять съ себя платье. Веселое настроеніе, которое она старалась искусственно поддерживать въ себѣ съ самаго утра, порядокъ и терпѣніе, кото-

рымъ она не измѣняла за цѣлый день, давили ее, какъ слипкомъ тяжелая одежда. Этотъ день, подобно прежнимъ днямъ, подобно будущимъ, прошелъ среди отчаянной скуки, которою Лазарь заразилъ весь дѣнь. Къ чему она старается быть веселой, если ей не удастся согрѣть и освѣтить лучомъ солнца этотъ родной, любимый уголокъ? Въ ушахъ ея снова звучали жестокія слова Лазаря:—они живутъ слишкомъ одиноко,—и виновата въ этомъ ея ревность, оттолкнувшая постороннихъ людей. Она не произносила имени Луизы, она не хотѣла думать о ней, а между тѣмъ передъ глазами ея проходила граціозная фигура дѣвушки, которая умѣла привлекать Лазаря своими томными, кокетливыми манерами, веселить его однимъ шелестомъ своихъ юбокъ. И ей долго не удавалось отогнать отъ себя ихъ образы. По этой дѣвушкѣ онъ навѣрное и скучалъ теперь; чтобы исцѣлить его, стоило-бы только съѣздить за нею. Каждый вечеръ, когда Полина поднималась въ свою комнату и опускалась на постель, ее преслѣдовало то-же видѣніе, терзала мысль, что счастье дома, быть можетъ, находится въ рукахъ соперницы.

Самолюбіе ея не могло примириться съ такимъ исходомъ. Ей становилось душно, она вскакивала съ постели и растворяла окно. Здѣсь, передъ безпредѣльнымъ мракомъ ночи, она стояла по цѣлымъ часамъ, прислушиваясь къ стону могучаго моря, которое своимъ рѣзкимъ дыханіемъ освѣжало ея пылающую грудь. Нѣтъ, никогда она не унизится до того, чтобы позволить ей вернуться. Развѣ она не застала ихъ другъ у друга въ объятіяхъ? Развѣ это была не низость,—измѣнить ей здѣсь, въ сосѣдней комнатѣ, въ этомъ домѣ, который она считала своимъ? Такая мерзость не заслуживаетъ прощенья! Свести ихъ снова значить сдѣлаться ихъ сообщницей. Ревнивая злоба все болѣе разгаралась въ ней подъ вліяніемъ тѣхъ сценъ, которыя рисовало ей воображеніе; спрятавъ лицо въ обнаженныхъ рукахъ своихъ, прижавшись губами къ своему собственному горячему тѣлу, она старалась затушить рыданія. Такъ тянулись нѣчные часы; вѣтеръ скользилъ по ея шеѣ, трепалъ ей волосы и не могъ потушить пламеннаго гнѣва, отъ котораго кровь клокотала въ ея жилахъ. Но даже въ такія минуты крайняго озлобленія въ душѣ ея глухо, неужержимо продолжалась борьба между добротою и страстью. Какой-то кроткій голосъ, точно принадлежавшій посторон-

нему человѣку, нашептывалъ ей о сладости милосердія, о счастьѣ, испытываемомъ человѣкомъ, который жертвуетъ собою для другихъ. Она пыталась заглушить этотъ голосъ: такое самоотверженіе, доходившее до малодушной трусости, было, наконецъ, глупо, безразсудно; а между тѣмъ она всетаки его слушала и въ концѣ концовъ оказывалась уже ни въ силахъ бороться съ нимъ. Мало-по-малу она узнавала въ немъ свой собственный голосъ; она сама уже принималась убѣждать себя: что за бѣда, если на ея долю выпадетъ страданіе,— лишь-бы тѣ, кого она любитъ, были счастливы. Она рыдала уже рѣже и тише, слушая, какъ изъ глубины мрака надвигался приливъ,—изнеможенная, больная, но все еще не побѣжденная.

Въ одну изъ такихъ ночей, она наконецъ легла, проплававъ долго у окна. Лишь только она загасила свѣчку и очутилась въ темнотѣ съ широко раскрытыми глазами, въ ней внезапно созрѣло рѣшеніе: завтра она первымъ дѣломъ заставить дядю написать Луизѣ и пригласить ее на мѣсяцъ въ Бонвиль. Теперь это рѣшеніе казалось ей такимъ естественнымъ и легкимъ. Ей было стыдно, что до сихъ поръ она выказывала такъ мало мужества; если нужно, она готова пожертвовать жизнью. Послѣ этого она тотчасъ заснула глубокимъ, спокойнымъ сномъ, и давно уже ей не удавалось такъ хорошо отдохнуть, какъ въ эту ночь. Но на другой день, спустившись къ завтраку, очутившись между дядею и двоюроднымъ братомъ, за семейнымъ столомъ, на которомъ видѣлись слѣды отъ ихъ чашекъ, стоявшихъ всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, она почувствовала, что мужество покидаетъ ее.

— Ты не ѣшь? сказалъ Шанто.—Что съ тобой?

— Ничего, отвѣтила она. — Напротивъ, я отлично выспалась.

Одинъ видъ Лазаря вызвалъ въ ней прежнюю борьбу. Онъ молча ѣлъ, уже утомленный этимъ новымъ, едва начинавшимся днемъ, и она чувствовала себя не въ силахъ уступить его другой. Мысль, что другая овладѣетъ имъ, станетъ утѣшать его своими поцѣлуйми, была для нея невыносима. Когда онъ вышелъ, она однако рѣшила выполнить свое намѣреніе.

— Что, твои руки сегодня очень болятъ? спросила она дядю.

Онъ взглянулъ на свои обезображенные, исковерканные

пальцы и съ трудомъ пошевелилъ ими, чтобы испытать степень ихъ гибкости.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ.—Правая рука какъ будто даже свободно сгибается... Если придетъ священникъ, мы съиграемъ съ нимъ партію.

Помолчавъ немного, онъ прибавилъ:

— Зачѣмъ ты это спрашиваешь?

Полина, вѣроятно, рассчитывала, что онъ окажется не въ состояніи писать. Покраснѣвъ отъ стыда, она рѣшила отложить письмо до завтра, и въ замѣшательствѣ пробормотала:

— Ахъ, Боже мой, такъ, чтобы знать.

Начиная съ этого дня, она уже не знала покоя. Въ своей комнатѣ, наплакавшись до-сыта, она въ концѣ концовъ побѣждала всѣ сомнѣнія и клялась, что на слѣдующее-же утро продиктуетъ дядѣ письмо. Но лишь только она возвращалась къ своей обычной жизни, въ общество тѣхъ, кто былъ ей такъ дорогъ, силы покидали ее. Ее волновали самыя ничтожныя мелочи: хлѣбъ, который она рѣзала для двоюроднаго брата, его башмаки, которые она приказывала служанкѣ вычистить, весь банальный процессъ повседневной, семейной жизни. А между тѣмъ они могли-бы быть такъ счастливы около роднаго очага, не измѣняя старымъ привычкамъ. Къ чему призывать въ ихъ среду чужого человѣка? Къ чему нарушать эту интимность, въ которой они прожили столько лѣтъ? И при одной мысли, что настанетъ день, когда уже не она будетъ разрѣзать здѣсь хлѣбъ и заботиться объ одеждѣ, ее душило отчаяніе, она чувствовала, какъ рушится все будущее счастье, рисовавшееся въ ея мечтахъ. Эти постоянныя терзанія, сопровождавшія малѣйшее изъ ея хозяйственныхъ занятій, положительно отравляли ей цѣлыя дни.

— Чего-же недостаетъ намъ, наконецъ? говорила она иногда громко;—мы любимъ другъ друга, и все-таки не счастливы... Наша привязанность вызываетъ вокругъ насъ только несчастье.

Вѣчно ломала она себѣ голову надъ этимъ вопросомъ. Быть можетъ, это зависитъ отъ того, что они не сходятся съ двоюроднымъ братомъ характерами. Вѣдь она готова была подчиниться ему, отказаться отъ всякой личной воли; но это почти никогда не удавалось ей, разсудокъ увлекалъ ее, и она не могла не требовать такихъ вещей, которыя казались ей

благоразумными. Часто терпѣніе ея истощалось; они дулись другъ на друга. Она желала-бы смѣяться, потопить всѣ свои тревоги весельемъ, но уже не въ силахъ была сдѣлать это, и кончала тѣмъ, что сама раздражалась.

— Хороши. нечего сказать! повторяла Вероника съ утра до вечера.—Всего-то васъ трое, такъ и то готовы съѣсть другъ друга... Покойная барыня хоть и не покладиста была, но зато при ея жизни не грызлись по цѣлымъ днямъ.

• Шанто тоже испытывалъ на себѣ результаты этого постепеннаго исчезновенія привязанности.—исчезновенія, которое, повидимому, ничѣмъ нельзя было объяснить. Когда у него дѣлался приступъ, онъ, по словамъ служанки, ревѣлъ пуще прежняго. А затѣмъ начинались капризы, вспышки необузданнаго гнѣва, потребность безпрестанно помыкать кѣмъ-нибудь, кого-нибудь пилить. Домъ буквально превращался въ какой-то адъ.

Наконецъ, въ періодъ послѣднихъ припадковъ ревности, дѣвушка уже прямо спросила себя, имѣетъ-ли она право требовать, чтобы Лазарь подумалъ и о ея счастіи. Вѣдь она прежде всего хотѣла, чтобы онъ самъ былъ счастливъ, хотя-бы даже цѣною ея слезъ. Зачѣмъ-же въ такомъ случаѣ держать его взаперти, обречь его на одиночество, отъ котораго онъ видимо страдаетъ? Онъ навѣрное еще любитъ ее; онъ вернется къ ней, когда лучше оцѣнитъ ее, когда сравнитъ ее съ другою. Во всякомъ случаѣ, она должна позволить ему выбрать. Это требованіе казалось ей справедливымъ, а идея справедливости, попрежнему, была въ ней жива и всеильна.

Каждые три мѣсяца Полина отправлялась въ Канъ за процентами съ ихъ общаго капитала. Она уѣзжала утромъ и возвращалась вечеромъ, выполнивъ длинную программу, которая составлялась въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; и заключала въ себѣ всевозможныя мелкія покупки и другія важныя для хозяйства комиссіи. Въ этомъ году, въ іюньскую поѣздку, ее тщетно ждали къ обѣду вплоть до девяти часовъ вечера. Шанто не на шутку встревожился и послалъ Лазаря къ ней на встрѣчу, на большую дорогу, опасаясь, не случилось-ли какого-нибудь несчастія. Но Вероника съ самымъ спокойнымъ видомъ утверждала, что они напрасно только беспокоятся; барышня навѣрное запоздала и рѣшилась остаться ночевать,

чтобы окончить всѣ свои дѣла. Въ эту ночь всѣ спали въ Бонвилѣ очень дурно, а на другое утро, тотчасъ послѣ завтрака, опять начались прежніе страхи и опасенія. Около полудня, видя, что отецъ сидитъ, какъ на иголкахъ, Лазарь рѣшилъ отправиться въ Арроманшъ, но въ ту-же минуту служанка, которую высылали на большую дорогу, появилась и крикнула:

— Вотъ и барышня!

Шанто потребовалъ, чтобы кресло его выкатили на террасу. Здѣсь отецъ съ сыномъ стали дожидать Полину, пока Вероника подробно докладывала о результатахъ своихъ наблюдений.

— Она ѣдетъ въ берлинѣ дади Маливуара... Я издали узнала барышню по ея креповымъ лентамъ. Только, странное дѣло, мнѣ показалось, что съ нею ѣдетъ еще кто-то... Какъ эта кляча тихо ползеть!

Наконецъ, повозка остановилась передъ дверью. Лазарь приблизился и уже раскрылъ ротъ, чтобы обратиться съ вопросомъ къ Полинѣ, которая съ легкостью выскочила на землю, и вдругъ остановился, какъ вкопанный: вслѣдъ за нею изъ экипажа выскакивала другая дѣвушка, въ лиловомъ шелковомъ платьѣ съ безчисленными свѣтлыми полосками. Обѣ смѣялись и, казалось, были въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ былъ до такой степени пораженъ, что вернулся къ отцу и сказалъ:

— Она привезла Луизу.

— Луизу! Вотъ прекрасная мысль! воскликнулъ Шанто.

И когда онъ рядомъ очутились передъ ними, — одна еще въ глубокомъ траурѣ, а другая въ своемъ веселенькомъ лѣтнемъ платьѣ, — онъ продолжалъ, въ восторгѣ отъ такого неожиданнаго развлечения:

— Вотъ какъ? значить, помирились?.. Знаете, я въ сущности никогда хорошенько не могъ понять... Ну, сознайтесь, — вѣдь глупо было ссориться? А тебѣ, Луизочка, не стыдно было дуться на него даже тогда, когда насъ постигло такое горе?... Вѣдь теперь все кончено, не правда-ли?

Обѣ дѣвушки стояли неподвижно, видимо смущенныя. Онѣ покраснѣли и избѣгали смотрѣть другъ другу въ глаза. Луиза поцѣловала Шанто, стараясь скрыть свое замѣшательство. Но онъ настаивалъ, чтобы ему рассказали, какъ все это случилось.

— Стало быть вы гдѣ-нибудь встрѣтились?

Тогда она обернулась къ своей подругѣ, со слезами умиленія на глазахъ.

— Нѣтъ, Полина сама отправилась къ моему отцу; а я въ это время какъ разъ возвращалась домой. Не браните ее за то, что она осталась ночевать; я не хотѣла отпускать ее... Зная, что телеграфная линія доходитъ только до Арроманша, мы рѣшили, что телеграфировать не стоитъ, такъ какъ телеграмма получится, вѣроятно, не равьше нашего прибытія... Вы на меня не сердитесь?

Она еще разъ поцѣловала Шанто, съ прежними ухватками ласковой кошечки, а онъ больше уже не спрашивалъ: когда вещи клонились къ его удовольствію, онъ ничего не умѣлъ возразить противъ нихъ.

— А съ Лазаремъ ты и не здороваешься? сказалъ онъ.

Лазарь стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи и принужденно улыбался. Замѣчаніе отца окончательно его смутило, тѣмъ болѣе, что и Луиза снова покраснѣла, и, повидимому, не намѣревалась подходить къ нему. Зачѣмъ она очутилась здѣсь? Зачѣмъ благородная сестра его привезла эту соперницу, которую недавно такъ безжалостно выгнала изъ дома? Онъ не могъ прійти въ себя отъ изумленія.

— Поцѣлуй ее, Лазарь; видишь, она не рѣшается, кротко сказала Полина.

Она стояла въ своемъ траурномъ нарядѣ, очень блѣдная, но съ покойнымъ лицомъ и ясными глазами. Она смотрѣла на обоихъ съ материнскою нѣжностью, съ тѣмъ серьезнымъ видомъ, который всегда принимала въ важные моменты ихъ домашней жизни, и только слегка улыбнулась, когда онъ коснулся своими губами обѣихъ щекъ молодой дѣвушки.

Но у Вероники, смотрѣвшей на эту сцену, даже руки опустились; она вернулась въ свою кухню, задыхаясь отъ негодованія, и тоже рѣшительно ничего не понимала. Барышня просто помѣшалась на своей добротѣ. Мало ей, видно, заманивать въ домъ всѣхъ этихъ вшивыхъ деревенскихъ дѣвчонокъ, теперь вздумала привозить Лазарю любовницъ! Ну, ужъ начнутся-же теперь дѣла въ домѣ! Наворчавшись до сыта надъ своею плитою, служанка снова вышла на крыльцо и крикнула:

— Завтракъ-то ужъ цѣлый часъ дожидается... Картофель весь сгорѣлъ.

Всѣ ѣли съ большимъ аппетитомъ, но одинъ Шанто смѣялся отъ души, не замѣчая смущенія, не покидавшаго остальныхъ. Они всѣ относились другъ къ другу съ нѣжною предупредительностью, но въ глубинѣ души у каждого, повидимому, было не совсѣмъ покойно, какъ послѣ серьезныхъ ссоръ, когда люди простили другъ другу, но все таки не въ силахъ забыть неизгладимыхъ оскорбленій. Остатокъ дня былъ употребленъ на то, чтобы устроить помѣщеніе для пріѣзжей. Она опять поселилась въ своей прежней комнатѣ, въ первомъ этажѣ, и если-бы вечеромъ мадамъ Шанто свою быструю, дробною походкою спустилась въ столовую, то можно было-бы подумать, что воскресло все прошлое.

Чувство неловкости во взаимныхъ отношеніяхъ продолжалось еще съ недѣлю. Лазарь, не рѣшавшійся разспрашивать Полину, все еще не могъ объяснить ея странный поступокъ, который казался ему какой-то безразсудной фантазіей; мысль, что дѣло идетъ о жертвѣ, что ему просто и великодушно предоставлено право выбирать, — разумѣется, и въ голову ему не приходила. Да онъ и самъ, впрочемъ, даже въ минуты страстныхъ желаній, волновавшихъ его праздное существованіе, никогда не думалъ жениться на Луизѣ. Какъ бы то ни было, когда они всѣ трое очутились вмѣстѣ, каждый оказался въ ложномъ положеніи, и всѣмъ было не по себѣ. Разговоры прерывались длинными, молчаливыми промежутками, извѣстныя фразы застывали на губахъ, потому что говорившимъ казалось, что въ нихъ заключается тотъ или другой невольный намекъ. Полина, удивленная этимъ неожиданнымъ результатомъ, принуждена была смѣяться еще громче, казаться еще болѣе веселою, чтобы воскресить прежнее безпечно-радужное настроеніе. Впрочемъ, въ первое время она испытала глубокую радость, ей показалось, что Лазарь къ ней возвращается. Присутствіе Луизы какъ будто отрезвило его, онъ почти избѣгалъ ея, не любилъ оставаться съ нею наединѣ, возмущаясь при одной мысли о возможности еще разъ обмануть довѣріе двоюродной сестры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ старался проводить большую часть времени съ Полиною, разбираемый какою-то лихорадочною нѣжностью, съ умиленіемъ провозглашая, что она лучшая изъ женщинъ, святая, которой онъ не достоинъ. Она была без-

конечно счастлива и наслаждалась своею побѣдой, видя, какъ нелюбезенъ онъ съ Луизою. Къ концу первой недѣли она даже стала упрекать его.

— Зачѣмъ ты убѣгаешь, когда я съ нею?... Это меня пугаетъ. Вѣдь не затѣмъ-же она пріѣхала къ намъ, чтобы мы отъ нея отворачивались.

Лазарь отвѣтилъ неопредѣленнымъ жестомъ. Тогда, въ первый и единственный разъ, она позволила себѣ коснуться сущности ихъ отношеній.

— Я только для того и привезла ее, чтобы доказать тебѣ, что все давно забыто. Мнѣ хотѣлось окончательно изгладить послѣдніе слѣды этого тяжелаго сна,— и они исчезли навсегда... Ты видишь, я уже ничего не боюсь теперь, я вѣрю тебѣ.

Онъ бросился къ ней и крѣпко, крѣпко ее обнялъ.

Начиная съ этой минуты, въ общихъ отношеніяхъ установилась свободная интимность. Лазарь, повидимому, уже не скучалъ. вмѣстѣ того, чтобы сидѣть дикаремъ, запершись въ своей комнатѣ, терзаясь скукою и одиночествомъ, онъ придумывалъ игры, предлагалъ прогулки, съ которыхъ всѣ возвращались, словно опьяненные свѣжимъ воздухомъ. Въ это-то время Луиза незамѣтно и овладѣла имъ снова. Онъ начиналъ привыкать къ ея обществу, рѣшался предлагать ей руку, опять наслаждался этимъ возбуждающимъ благоуханіемъ, которымъ былъ пропитанъ малѣйшій зубчикъ ея кружевъ. Сначала онъ еще боролся, хотѣлъ опять избѣгать ея, почувствовавъ первые признаки опьяненія. Но двоюродная сестра кричала ему, чтобы онъ поддержалъ Луизу на скалистомъ берегу, когда имъ приходилось перебираться черезъ ручей; сама она смѣло перепрыгивала, какъ мальчикъ, между тѣмъ какъ Луиза, слегка вскрикнувъ, какъ подстрѣленный жаворонокъ, спасалась въ объятія молодого человѣка. Затѣмъ, на возвратномъ пути, онъ ее поддерживалъ, и снова пошли заигрыванье, перешептыванье и подавленный смѣхъ. Полина все еще не тревожилась, сохраняла свой бодрый видъ, не понимая, что, благодаря этой самостоятельности, этому пренебреженію къ посторонней помощи, и грозило рухнуть ея собственное счастье. Здоровый запахъ ея рабочихъ рукъ никому не кружилъ головы. Со смѣлою, покойною увѣренностью она заставляла ихъ идти впереди, подъ руку, какъ будто желая этимъ доказать имъ свое довѣріе.

Впрочемъ, ни тотъ, ни другая ни въ какомъ случаѣ не обманули-бы ея. Хотя Лазарь и наслаждался невольно этимъ опьяненіемъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не переставалъ бороться, дѣлая надъ собою усиліе, и старался высказывать больше нѣжности по отношенію къ Полинѣ. Онъ просто съ наслажденіемъ поддавался этому щекотанію его чувственности, но вмѣстѣ съ тѣмъ клялся, что теперь дѣло во всякомъ случаѣ ограничится дозволенными шутками и невиннымъ заигрываньемъ. Съ какой стати онъ сталъ-бы себѣ отказывать въ этомъ удовольствіи, разъ онъ рѣшилъ не измѣнять долгу честнаго человѣка? Луиза еще больше мучилась сомнѣніями; не то, чтобы она обвиняла себя въ кокетствѣ, она была ласкова по натурѣ и отдавалась, сама того не подозрѣвая, въ каждомъ жестѣ, въ каждомъ дыханіи; но она, дѣйствительно, шагу-бы не ступила и не произнесла-бы ни единого слова, если-бы знала, что то или другое непріятно Полинѣ. Великодушіе послѣдней тронуло ее до слезъ;—она хотѣла доказать, что достойна ея прощенія, и относилась къ ней съ тѣмъ безграничнымъ, чисто женскимъ обожаніемъ, которое выражается клятвами, поцѣлуями и всякаго рода страстными ласками. Поэтому она безпрестанно слѣдила за Полиною, и лишь только ей казалось, что по лицу ея пробѣгала тѣнь, она бросала Лазаря и брала подъ руку пріятельницу, досадуя на себя за минутное увлеченіе. Затѣмъ она старалась развеселить Полину, не отходила отъ нея, и даже дѣлала видъ, что дуется на Лазаря. Никогда она не казалась такою привлекательною какъ теперь, подъ вліяніемъ этого непрерывнаго возбужденія, этой потребности нравиться, которая увлекала и вслѣдъ за тѣмъ огорчала ее; она наполняла весь домъ шелестомъ своихъ юбокъ, своимъ ласковымъ, кошачьимъ лепетомъ.

Мало-по-малу прежнія мучительныя сомнѣнія одолѣли Полину. Ея надежда, ея минутное торжество еще болѣе усиливали горечь разочарованія. И это были уже не прежніе бурные припадки ревности, которые на одинъ часъ приводили ее въ бѣшенство; это было постоянное гнетущее чувство, какъ будто на нее упала какая-то масса, которая съ каждою минутою все болѣе давила ее своею тяжестью. Теперь уже она не видѣла впереди никакой надежды, никакого спасенія; ея несчастіе достигло, наконецъ, послѣдняго предѣла. И вмѣстѣ съ тѣмъ она ни въ чемъ не могла упрекнуть ихъ, оба

были съ нею до крайности ласковы и предупредительны, боролись противъ страсти, которая влекла ихъ другъ къ другу; но именно отъ этой ласки, отъ этой предупредительности, она болѣе всего и страдала; ей все стало ясно, съ тѣхъ поръ какъ они, повидимому, съ общаго согласія, старались падить ее, скрывая свою любовь. Состраданіе этихъ двухъ любовниковъ дѣлалось для нея невыносимымъ. Развѣ не краснорѣчивѣе всякихъ словъ были эти поспѣшныя перешептыванья, когда она на минуту оставляла ихъ вдвоемъ, внезапное молчаніе при ея появленіи, преувеличенно нѣжные поцѣлуи Луизы, робкія, смущенныя ласки Лазаря? Ей было-бы легче, если-бы они на самомъ дѣлѣ обманывали ее, скрываясь отъ нея и прячась по угламъ; а теперь ихъ старанія соблюсти всѣ внѣшнія приличія, ихъ искупательныя ласки только обезоруживали ее, отнимали у нея волю и энергію отвоевать свое счастье. Въ тотъ день, когда она привезла сюда свою соперницу, у нея было твердое намѣреніе бороться противъ нея, если-бы это оказалось нужнымъ; но что-же могла она предпринять противъ этихъ дѣтей, которые и сами были огорчены тѣмъ, что такъ любятъ другъ друга? Во всемъ этомъ виновата была только она одна. Зачѣмъ она не вышла за Лазаря, не заботясь о томъ, что до нѣкоторой степени насилуетъ его? Но нѣтъ, даже теперь, несмотря на мучившія ее сожалѣнія, она съ негодованіемъ отвергала даже мысль о возможности располагать его волею, требовать отъ него исполненія обѣщанія, о которомъ онъ, безъ сомнѣнія, давно уже сожалѣетъ. Хотя-бы это стоило ей жизни, она-бы все-таки отказалась отъ него, если онъ любитъ другую.

А между тѣмъ Полина по-прежнему исполняла роль матери среди своего маленькаго мірка, ухаживала за Шанто, здоровье котораго опять расклеилось, принуждена была во многомъ замѣщать Веронику, которая начинала сильно грѣшить противъ чистоплотности, не говоря уже о Лазарѣ и Луизѣ. Полина дѣлала видъ, что относится къ нимъ, какъ къ избалованнымъ, рѣзвымъ дѣтямъ, чтобы имѣть возможность съ улыбкою смотрѣть на ихъ проказы. Она такъ хорошо умѣла разыгрывать свою роль, что смѣялась даже громче ихъ, своимъ задушевымъ звонкимъ смѣхомъ, отъ котораго, казалось, такъ и вѣяло здоровьемъ и бодрою вѣрою въ жизнь. И раскаты этого смѣха разносились по всему дому, какъ

чистые металлическіе звуки рожка. Съ утра до вечера она поглощена была кипучею дѣятельностью, отказывалась сопровождать дѣтей на прогулкахъ, подъ предлогомъ радикальной уборки комнатъ, стирки или приготовленія разныхъ вареній и солений. Но Лазарь болѣе всѣхъ обращалъ на себя вниманіе своимъ шумнымъ всеельемъ: онъ громко свисталъ, бѣгалъ по лѣстницамъ, хлопалъ дверями, находилъ, что дни слишкомъ коротки и тянутся слишкомъ спокойно. Хотя онъ по-прежнему ничего не дѣлалъ, овладѣвшая имъ новая страсть, казалось, поглощала все время и всѣ силы его. Онъ еще разъ мысленно завоевывалъ міръ, и каждый день, за обѣдомъ, строилъ новые, необыкновенные проекты относительно будущаго. Мысль о литературной дѣятельности уже успѣла опротивѣть ему; онъ признавался, что бросилъ приготовленія къ экзамену, который хотѣлъ было держать, чтобы начать педагогическую карьеру. Въ теченіе долгаго времени онъ запирался въ своей комнатѣ подъ этимъ предлогомъ, въ такомъ апатичномъ настроеніи, что не раскрывалъ даже ни одной книги. Зато теперь онъ, не стѣсняясь, смѣялся надъ этою глупостью: ну, развѣ не бессмысленно было-бы связать себя на всю жизнь по рукамъ и по ногамъ, чтобы впослѣдствіи писать романы и драмы? Нѣтъ! политика, — вотъ настоящее его призваніе. Его планъ уже намѣченъ: онъ нѣсколько знакомъ съ депутатомъ отъ Кана; онъ поѣдетъ съ нимъ въ Парижъ, гдѣ будетъ состоять при немъ въ должности секретаря, и здѣсь, въ нѣсколько мѣсяцевъ, карьера его будетъ обезпечена. Имперія нуждается въ интеллигентныхъ силахъ. Когда Полина, встревоженная этимъ, слишкомъ уже смѣлымъ полетомъ фантазіи, старалась нѣсколько успокоить его лихорадочное возбужденіе, совѣтуя на первое время удовольствоваться какимъ-нибудь скромнымъ, но обезпеченнымъ, мѣстомъ, онъ громко протестовалъ противъ ея боязливаго благоразумія и въ шутку называлъ ее «бабушкой». Во всемъ домѣ по-прежнему стояло преувеличенно шумное веселье, подъ которымъ чувствовалось присутствіе какого нибудь скрытнаго горя.

Однажды, когда Лазарь и Луиза одни отправились въ Вершмонъ, Полинѣ понадобился рецептъ какого-то состава, посредствомъ котораго можно было сообщить старому бархату прежнюю свѣжесть. Она поднялась въ комнату двоюроднаго брата и стала рыться въ его большомъ шкафѣ; ей по-

мнилось, что рецептъ этотъ, записанный на клочкѣ бумаги, былъ вложенъ въ одну изъ его книгъ. Здѣсь, между книгами и брошюрами, она открыла старую перчатку своей подружки, перчатку, которая такъ часто доводила его до отчаянія, до чувственныхъ галлюцинацій. Это открытіе было для нея лучомъ свѣта, она узнала тотъ самый предметъ, который онъ спряталъ съ такимъ замѣшательствомъ, когда она однажды вечеромъ неожиданно вошла къ нему, чтобы позвать его обѣдать. Она опустилась на стулъ, окончательно убитая этимъ новымъ ударомъ. Боже мой! Такъ стало бытъ онъ мечталъ объ этой дѣвушкѣ даже прежде, чѣмъ она успѣла пріѣхать, онъ мысленно жилъ съ нею, онъ осыпалъ эту перчатку поцѣлуями, потому что запахъ ея напоминалъ ему о Луизѣ. Грудь ея судорожно заколыхалась отъ тяжелыхъ рыданій, а глаза сквозь слезы неподвижно смотрѣли на перчатку, которую она не выпускала изъ дрожащихъ рукъ.

— Ну, что-же, барышня, нашли? послышался съ лѣстницы громкій голосъ Вероники, которая тоже шла наверхъ. — Увѣрю васъ, самое лучшее—потереть его кусочкомъ кожи отъ сала...

Она вошла и сначала не поняла въ чемъ дѣло, увидѣвъ Полину въ слезахъ надъ какою-то старою перчаткою. Но обведя подозрительнымъ взглядомъ комнату, и понюхавъ воздухъ, она догадалась о причинѣ ея отчаянія.

— Ну, конечно! воскликнула она тѣмъ грубымъ тономъ, который все болѣе и болѣе усвоивала себѣ въ послѣднее время.— Нечего вамъ и удивляться, что такъ случилось... Я давно вамъ пророчила это. Вы ихъ свели,—вотъ они и забавляются... Къ тому же, знаете, барыня, видно, была права; эта кошечка—лучше васъ умѣетъ его раззорить.

Она покачала головой и мрачно прибавила, обращаясь уже къ самой себѣ:

— Да, барыня умѣла разгадывать людей, несмотря на свои недостатки... Я и теперь еще не всегда могу помириться съ мыслью, что она умерла.

Вечеромъ, вернувшись въ свою комнату, затворивъ за собою дверь и поставивъ на комодъ свѣчу, Полина, какъ въ былое время, опустилась на край своей постели и твердила себѣ, что Лазарю лучше всего жениться на Луизѣ. Въ теченіе цѣлаго дня въ головѣ у нея стояло какое-то смутное

жужжаніе, мѣшавшее ей собраться съ мыслями, и только теперь, въ этотъ поздній, ночной часъ, когда она могла, наконецъ, отдаться своему горю безъ свидѣтелей, въ ней окончательно созрѣла эта мысль. Слѣдовало женить его на Луизѣ; эти слова звучали въ ней, какъ приказаніе, какъ голосъ разсудка и справедливости, который она не въ силахъ была заглушить. На мгновеніе она даже съ ужасомъ обернулась, не смотря на всю свою храбрость, вообразивъ, что за спиной ея раздался голосъ тетки, которая приказывала ей повиноваться. Наконецъ, она бросилась на постель, не раздѣваясь, и уткнула голову въ подушки, чтобы заглушить свои рыданія. Уступить его другой, знать, что другая держитъ его въ своихъ объятіяхъ, отказаться отъ него навсегда, безъ надежды овладѣть имъ когда-нибудь снова! Нѣтъ, на такую жертву у нея не хватитъ мужества; она предпочитаетъ продолжать свое прежнее жалкое существованіе; пусть же онъ не достается никому,—ни ей, ни этой дѣвушкѣ; пусть онъ самъ истомится ожиданіемъ! Долго она металась въ припадкѣ бѣшенности, подъ вліяніемъ которой въ воображеніи ея проносились безобразныя, чувственные видѣнія. Первое, непосредственное движеніе страсти всегда овладѣвало ею съ неудержимою силою, которой не могли сломить ни года, ни голосъ разсудка. Припадокъ окончился полнѣйшимъ изнеможеніемъ; физически она была побѣждена.

Лежа на спинѣ, не находя достаточно силъ, чтобы раздѣться, Полина начала разсуждать уже спокойнѣе. Ей удалось убѣдить себя, что Луиза болѣе ея способна осчастливить Лазаря. Да развѣ и теперь этотъ слабый ласковый ребенокъ не разогналъ его скуку? Видно, ему и нужно было такую жену, которая вѣчно висѣла-бы у него на шеѣ, прогоняя своими поцѣлуями мрачныя мысли и ужасъ смерти. И Полина старалась унизить себя въ своихъ собственныхъ глазахъ, находила, что она слишкомъ холодна, что въ ней нѣтъ вовсе той любовной граціи, которая должна быть свойственна всякой женщинѣ, что одной добротой невозможно удовлетворить молодаго человѣка. Сверхъ того, другое соображеніе убѣдило ее уже окончательно. Денежныя дѣла ея были далеко не въ блестящемъ положеніи, а проекты будущаго, которые строить ей двоюродный братъ, потребуютъ большихъ денегъ. Неужели она обречетъ его на жизнь, полную заботъ и стѣс-

неній, на ту жизнь, которой теперь желала семья и отъ которой онъ, видимо, такъ страдалъ? Это было-бы невыносимое существованіе, полное вѣчныхъ сожалѣній, раздражительной горечи неудовлетвореннаго самолюбія. Она принесла-бы ему вмѣсто приданнаго, невеселую перспективу нищеты, а богатая Луиза откроетъ ему доступъ къ широкой карьерѣ, о которой онъ только и мечтаетъ. Поговаривали, что отецъ молодой дѣвушки уже держитъ наготовѣ мѣсто для будущаго зятя; вѣроятно, рѣчь шла о мѣстѣ въ какомъ-нибудь банкѣ, и хотя Лазарь довольно презрительно отзывался о людяхъ изъ финансоваго міра, — тѣмъ не менѣе дѣло это могло устроиться какъ нельзя лучше. Она не могла долѣе медлить; теперь ей казалось, что она поступила-бы нечестно, если-бы не способствовала ихъ браку. Въ тишинѣ безсонной ночи бракъ этотъ представлялся ей естественною и необходимою развязкою, которую она обязана была устроить, если не желала утратить своего уваженія къ себѣ самой.

Въ этой борьбѣ прошла цѣлая ночь. Когда стало свѣтать, Полина, наконецъ, раздѣлась. Она совершенно успокоилась и отдыхала, лежа въ постели, хотя и не могла заснуть. Никогда еще она не чувствовала себя такъ легко, никогда не испытывала такого возвышеннаго, безкорыстнаго удовлетворенья. Теперь все было кончено, она перерѣзала всѣ узлы эгоизма, привязывавшія ее къ жизни, и ни на что, ни на кого болѣе не надѣялась; въ глубинѣ души ея шевелилось сладостное чувство торжествующаго самопожертвованія. Она не находила въ себѣ даже прежней непобѣдимой потребности на себѣ одной сосредоточить все счастье, всѣ привязанности близкихъ ей людей; эта потребность въ настоящую минуту казалась ей только послѣднимъ убѣжищемъ ея ревниваго эгоизма. Она разсталась, наконецъ, со своею гордою мечтою и мирилась съ мыслью, что семья ея будетъ счастлива помимо нея. Это была высшая степень любви, проявлявшаяся въ готовности забыть о себѣ, отдать все, не думая, что даешь достаточно, любить вполнѣ безкорыстно, радоваться счастьемъ, котораго не создавалъ и не раздѣлишь. Солнце всходило, когда она заснула, наконецъ, глубокимъ сномъ.

Въ этотъ день Полина спустилась очень поздно. Просыпаясь, она съ радостью почувствовала, что рѣшенія ея такъ-же ясны и тверды, какъ наканунѣ. Затѣмъ ей пришло въ го-

лову, что она забыла подумать еще объ одномъ, очень существенномъ, вопросѣ, а именно о томъ, куда она дѣнется сама, когда очутится въ новыхъ условіяхъ. У нея хватало мужества, чтобы устраивать бракъ Лазаря и Луизы, но никогда она не рѣшится жить вмѣстѣ съ ними и быть свидѣтельницею ихъ счастья; всякая преданность имѣетъ свои границы; она боялась возвращенія прежнихъ приступовъ ревности, боялась, что когда-нибудь не вытерпитъ и вызоветъ страшную сцену, которая ее же и убьетъ. Да, впрочемъ, развѣ не достаточно того, что она дѣлаетъ? У кого хватить жестокости обречь ее на эту бесплодную муку? Словомъ, рѣшеніе ея моментально было принято, твердо и безповоротно: она уѣдетъ, покинетъ этотъ домъ, полный тревожныхъ воспоминаній. Это значило измѣнить всю свою жизнь,—но тѣмъ не менѣе она не колебалась.

За завтракомъ она, по обыкновенію, казалась спокойною и веселою. Даже при видѣ Лазаря и Луизы, которые сидѣли рядомъ, шушукаясь и хихикая, спокойствіе не измѣнило ей, только сердце вдругъ похолодѣло. Вспомнивъ, что сегодня суббота, она уговорила ихъ предпринять большую прогулку, чтобы имѣть возможность безъ свидѣтелей поговорить съ докторомъ Казновомъ, когда онъ пріѣдетъ. Они удалились, а Полина, изъ предосторожности, пошла даже дожидаться доктора на большой дорогѣ. Увидѣвъ ее, онъ, конечно, захотѣлъ, чтобы она сѣла въ кабриолетъ и доѣхала вмѣстѣ съ нимъ до дома; но она попросила его слѣзть, и они потихоньку пошли пѣшкомъ, между тѣмъ какъ Мартынъ, на разстояніи ста метровъ отъ нихъ, ѣхалъ съ пустымъ кабриолетомъ.

Полина въ короткихъ словахъ и въ самыхъ простыхъ выраженіяхъ рассказывала ему все, что было у нея на душѣ,—свое намѣреніе женить Лазаря на Луизѣ, свое рѣшеніе покинуть ихъ домъ. Эта исповѣдь казалась ей необходимою; она не хотѣла дѣйствовать сгоряча, подъ первымъ впечатлѣніемъ, а старый докторъ былъ единственнымъ человѣкомъ, которому она могла довѣриться.

Казновъ вдругъ остановился по срединѣ дороги и обнялъ ее своими длинными, костлявыми руками. Онъ весь дрожалъ отъ волненія, крѣпко поцѣловалъ ее въ голову и сталъ говорить ей «ты».

— Ты права, голубушка... Я очень, очень радъ, потому

что дѣло могло кончиться гораздо хуже. Вѣдь я ужь цѣлые мѣсяцы терзаюсь, глядя на тебя; каждый разъ я увѣждалъ отъ васъ самъ не свой, потому что чувствовалъ, до какой степени ты несчастлива... Ну, ужь нечего сказать, обобрали тебя эти добрые люди: сначала высосали деньги, а потомъ и сердце...

Молодая дѣвушка попыталась прервать его.

— О, нѣтъ, не говорите этого, умоляю васъ... Вы несправедливы къ нимъ.

— Можетъ быть; но это не помѣшаетъ мнѣ порадоваться за тебя. Такъ, такъ, подари своего Лазаря Луизѣ; подарокъ не Богъ знаетъ какой драгоценный... О, разумѣется, онъ пріятный и полонъ самыхъ превосходныхъ намѣреній; но я предпочитаю, чтобы Луиза была съ нимъ несчастлива, а не ты. Этихъ молодчиковъ, которымъ вездѣ и отъ всего скучно, не легко выносить въ жизни, даже на такихъ крѣпкихъ плечахъ, какъ твои. Ужь лучше я-бы пожелалъ тебѣ въ мужа какаго-нибудь мясника,—да, да, именно мясника, да веселаго, который-бы безъ умолку смѣялся день и ночь.

Видя, что на глазахъ у нея навертываются слезы, онъ прибавилъ:

— Ну, хорошо, хорошо! не буду; я и забылъ, что ты его любишь. Такъ поцѣлуй же меня еще разъ; ты у меня смѣлая, разсудительная дѣвушка... А этотъ дуракъ и не понимаетъ!

Онъ взялъ ее подъ руку и крѣпко прижалъ къ себѣ. Они пошли по направленію къ дому и спокойно продолжали разговаривать. Разумѣется, она хорошо дѣлаетъ, что рѣшается покинуть Бонвилъ; и онъ беретъ найти ей приличное занятіе. Да вотъ, кстати, въ Сень-Ло у него есть богатая родственница, которой нужна компаньонка. Полинѣ тамъ будетъ очень хорошо, тѣмъ болѣе, что эта старуха, у которой своихъ дѣтей нѣтъ, можетъ привязаться къ ней и, со временемъ, даже усыновить ее. На этомъ пока и порѣшили, онъ обѣщалъ черезъ три дня сообщить ей рѣшительный отвѣтъ, а пока они условились никому не говорить о ея намѣреніи покинуть домъ дяди. Она боялась, чтобы на это рѣшеніе не посмотрѣли, какъ на своего рода угрозу; ей хотѣлось повѣнчать ихъ, а потомъ, безъ шума, удалиться, когда присутствие ея сдѣлается бесполезнымъ.

Три дня спустя Полина получила письмо отъ доктора; въ Сень-Ло ее готовы были принять, лишь только она освободи-

дится. Въ тотъ-же день, пока Лазарь куда-то отлучался, она позвала Луизу и отправилась съ нею въ глубину огорода. Здѣсь онѣ усѣлись на старой лавочкѣ, въ тѣни тамариса. Съ другой стороны, поверхъ низенькой каменной ограды, не видно было ничего, кромѣ моря и неба, сливавшихся въ одно безпредѣльное, голубое поле, перерѣзанное на горизонтѣ длинной, прямой линіей.

— Дорогая моя, сказала Полина, обращаясь къ своей подругѣ съ нѣжнымъ видомъ заботливой матери, — поговоримъ откровенно, какъ двѣ сестры... Вѣдь ты меня любишь немного?..

— Еще-бы! сказала Луиза, обнимая ея талью.

— Ну, а если любишь, — зачѣмъ-же ты не хочешь мнѣ довѣрить всѣхъ своихъ мыслей?.. Отчего ты секретничаешь со мною?

— У меня нѣтъ секретовъ.

— Есть, я знаю; вспомни-ка хорошенько... Открой мнѣ свое сердце.

Обѣ такъ пристально, такъ близко смотрѣли другъ на друга, что чувствовали на своихъ лицахъ теплую струю дыханія. Но у одной изъ нихъ глаза мало-по-малу стали опускаться отъ смущенія подъ яснымъ взглядомъ другой. Молчаніе становилось тяжелымъ.

— Скажи мнѣ все. Откровеннымъ разговоромъ многое можно уладить, а скрытность до добра не доведетъ... Не правда-ли? Вѣдь не было хорошо-бы, если-бъ дѣло опять дошло у насъ до ссоры, о которой мы обѣ такъ сожалѣли?

Наконецъ, Луиза не выдержала и разразилась отчаянными рыданіями. Она судорожно обхватила талью Полины, прильнула головою къ ея плечу и лепетала сквозь слезы:

— О, зачѣмъ ты опять заговорила объ этомъ? Вѣдь мы общались никогда, никогда не поминать того, что тогда случилось!.. Лучше прогони меня опять, вмѣсто того, чтобы такъ мучить меня.

Тщетно Полина старалась ее успокоить.

— Нѣтъ, нѣтъ, я понимаю... Ты меня все еще подозрѣваешь. Зачѣмъ ты говоришь мнѣ про какіе-то секреты? У меня нѣтъ секретовъ; я только и думаю о томъ, чтобы не дать тебѣ повода къ упрекамъ. Чѣмъ-же я виновата, если ты все-таки безпокоишься? Я слѣжу за каждымъ своимъ движеніемъ, даже

сдерживаю смѣхъ, хотя никто этого не замѣчаетъ... А если ты мнѣ не вѣришь, такъ я уйду, уйду сейчасъ-же.

Онѣ были однѣ среди окружавшаго ихъ обширнаго пространства. Огородъ, выжженный западнымъ вѣтромъ, тянулся у ихъ ногъ, какъ клочекъ неспаханнаго поля, а далѣе безконечною пеленою растилалось неподвижное море.

— Да слушай-же! воскликнула Полина; — вѣдь я ни въ чемъ тебя не упрекаю; — напротивъ, мнѣ хочется успокоить тебя.

Схвативъ ее за плечи и заставивъ поднять голову, он кротко сказала ей, какъ мать, обращающаяся съ вопросомъ къ дочери:

— Ты любишь Лазаря?.. И онъ тебя тоже любить, я знаю.

Волна крови прихлынула къ лицу Луизы; она затряслась еще сильнѣе, ей хотѣлось вырваться и убѣжать.

— Боже мой! видно, я совсѣмъ не умѣю говорить, если ты до сихъ поръ не поняла меня! Неужели ты думаешь, что я стала-бы начинать такой разговоръ только ради того, чтобы мучить тебя?.. Вы любите другъ друга, не правда-ли? Ну вотъ, я и хочу васъ соединить; очень просто.

Луиза совсѣмъ оторопѣла и перестала выбиваться изъ рукъ Полины. Отъ безграничнаго изумленія слезы ея вдругъ изсыкли; она словно окаменѣла; руки ея бессильно повисли, какъ плети.

— Какъ? Ты, ты это говоришь?

— Да, моя дорогая. Вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ я начала серьезно испытывать себя, въ особенности ночью, въ бессонные часы, когда въ умѣ все такъ ясно... И я убѣдилась, что не чувствую къ Лазарю ничего, кромѣ дружбы. Развѣ ты сама этого не замѣчаешь? Между нами простыя товарищескія отношенія, какія бываютъ между двумя мужчинами; въ насъ нѣтъ этихъ страстныхъ порывовъ, этого увлеченія, какъ у влюбленныхъ...

Она подыскивала фразы, стараясь придать своей лжи правдоподобный характеръ. Но соперница все смотрѣла на нее тѣмъ-же пристальнымъ взглядомъ, какъ будто разгадавъ скрытый смыслъ ея словъ.

— Зачѣмъ ты лжешь? прошептала она, наконецъ. — Развѣ ты способна разлюбить, когда полюбишь?

Полина смутилась.

— Ну, да не все-ли равно? Вы любите другъ друга, и

вполнѣ естественно, чтобы онъ на тебѣ женился... А я... я съ нимъ вмѣстѣ росла, вмѣстѣ воспитывалась, и останусь для него сестрою. Мы такъ долго ждали, что успѣли одуматься... Да и кромѣ того есть еще много другихъ причинъ...

Она сознавала, что теряетъ почву и начинаетъ путаться. оборвала на полусловѣ и продолжала въ порывѣ откровенности:

— Дорогая моя, пожалуйста, предоставь мнѣ устроить вашу судьбу! Вѣдь если я хочу, чтобы онъ былъ твоимъ мужемъ, такъ это потому, что желаю его счастья, потому, что только ты способна осчастливить его. Что-же тутъ дурного? Развѣ ты сама не поступила-бы такъ на моемъ мѣстѣ?.. Нѣтъ, послушай,—поговоримъ спокойно. Хочешь участвовать въ разговорѣ? Хочешь—сговоримся вмѣстѣ и заставимъ его быть счастливымъ? Даже если онъ вздумаетъ сердиться, если вообразить, что обязанъ мнѣ чѣмъ-нибудь, ты должна помочь мнѣ убѣдить его, потому что онъ любитъ тебя, потому что нужна ему ты... Прошу тебя, будь моей сообщницей, уговоримся хорошенько, пока его нѣтъ.

Но Луиза чувствовала, какъ она вся трепещетъ, сколько душевной муки дрожить въ ея мольбѣ, и воскликнула въ послѣднемъ порывѣ протестующаго чувства.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не согласна!... Это было-бы преступленіемъ съ нашей стороны. Ты все еще любишь его, я это чувствую, и сама не знаешь, какое-бы себѣ еще придумать новое мученіе... Вмѣсто того, чтобы помогать тебѣ, я все скажу ему, какъ только онъ прійдетъ...

Но Полина крѣпко обхватила ее обѣими руками и помѣшала ей продолжать, прижавъ къ своей груди ея голову.

— Замолчи, злое дитя!.. Это необходимо; подумаемъ о немъ.

Снова воцарилось молчаніе; онѣ сидѣли обнявшись. Луиза, выбившись изъ силъ, уже уступала; слезы снова подступили къ ея глазамъ, но это были уже сладкія, тихія слезы, медленно катившіяся по ея щекамъ. Не говоря ни слова, она по временамъ сжимала подругу въ своихъ объятіяхъ, какъ будто не находя ничего болѣе краснорѣчиваго для выраженія своей благодарности. Она чувствовала себя такою ничтожною въ сравненіи съ нею; Полина казалась ей такою возвышенною страдальцею, что она не рѣшалась даже поднять глазъ, боясь встрѣтить ея взглядъ. Впрочемъ, нѣсколько ми-

нуть спуста она рѣшилась, закинула голову съ смущенною улыбкою, потомъ протянула губы и молча поцѣловала ее. Въ небѣ не видно было ни одного облачка, ни одна волна не нарушала ровной синевы необъятнаго моря. Кругомъ было такъ тихо, такъ ясно, и онѣ долго просидѣли еще, погружившись въ свои думы и давно переставъ говорить.

Когда Лазарь вернулся, Полина отправилась вслѣдъ за нимъ въ его комнату, въ ту самую любимую, большую комнату, гдѣ они вмѣстѣ росли. Она хотѣла въ тотъ-же день совсѣмъ порѣшить это дѣло. Съ нимъ она заговорила прямо, безъ всякихъ вступлений. Комната была полна предметами, напоминавшими о прошломъ: на фортепьяно стояла модель плотины, на столѣ валялись сушеные водоросли, лежали кипы нотъ и научныхъ книгъ.

— Лазарь, сказала она, — мнѣ нужно переговорить съ тобою о серьезныхъ вещахъ.

Онѣ былъ видимо удивленъ и подошелъ къ ней.

— Что случилось?.. Развѣ состояніе отца беспокоитъ тебя?

— Нѣтъ, слушай... Нужно-же, наконецъ, коснуться этого вопроса; молчаніемъ мы дѣлу не поможемъ. Ты помнишь, тета задумала повѣнчать насъ; мы долго говорили объ этомъ проектѣ, но вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ не касаемся его ни единымъ словомъ. Знаешь? Мнѣ кажется, что теперь было-бы благоразумнѣе отказаться отъ него.

Лазарь поблѣднѣлъ, но не далъ ей кончить и громко воскликнулъ:

— Это что еще за новости?.. Развѣ ты не жена мнѣ? Пойдемъ, если хочешь, завтра-же къ аббату и покончимъ это дѣло... И ты называешь это серьезными вещами?

Она отвѣтила своимъ спокойнымъ голосомъ:

— Да, они очень серьезны; не даромъ ты сердисься... Я повторяю тебѣ; вопросъ этотъ нужно спокойно обсудить. Конечно, мы съ тобою старые товарищи, но мнѣ сильно сдаетъ ся что на влюбленныхъ мы похожи очень мало. Къ чему настаивать дальше на осуществленіи этого плана, который не принесетъ, быть можетъ, счастья ни мнѣ, ни тебѣ?

Тогда Лазарь накинулся на нее съ цѣлымъ потокомъ безсвязныхъ, отрывочныхъ фразъ. Видно, ей непремѣнно захотѣлось съ нимъ поссориться? Вѣдь не можетъ-же онѣ въ самомъ дѣлѣ цѣлый день висѣть у нея на шеѣ? Если бракъ ихъ

откладывался съ мѣсяца на мѣсяць, то онъ въ этомъ, ей извѣстно, нисколько не виноватъ. Точно также несправедливо съ ея стороны упрекать его въ томъ, что онъ не любитъ ея. Онъ такъ пламенно любилъ ее здѣсь, въ этой самой комнатѣ, что, бывало, не смѣлъ притронуться къ ней пальцемъ, боясь забыться и зайти слишкомъ далеко. При этомъ воспоминаніи прошлаго щеки Полины вспыхнули румянцемъ; онъ былъ правъ. Она помнила эту короткую вспышку страсти, это жгучее дыханіе, которое она почувствовала на себѣ въ то время. Но какъ далеки были эти часы сладкаго трепета, и какую холодную братскую дружбу выказывалъ онъ ей теперь! Она отвѣтила ему печально:

— Мой бѣдный другъ, если-бы ты меня дѣйствительно любилъ, то не сталъ-бы такъ многословно защищаться; или уже давно былъ-бы въ моихъ объятіяхъ, разрыдался-бы и сумѣлъ убѣдить меня болѣе краснорѣчивыми доводами.

Онъ поблѣднѣлъ еще больше и съ неопредѣленнымъ, протестующимъ жестомъ опустился на стулъ.

— Нѣтъ, продолжала она, — ты уже меня не любишь, это ясно... Что дѣлать? Видно, мы не созданы другъ для друга. Пока мы по цѣлымъ днямъ сидѣли, запершись въ этой комнатѣ, ты поневолѣ думалъ обо мнѣ, а потомъ я надобла тебѣ, потому что во мнѣ нѣтъ ничего такого, что-бы тебя привлекало.

Онъ заметался на своемъ стулѣ въ послѣднемъ порывѣ безсильнаго раздраженія и воскликнулъ:

— Скажи мнѣ, наконецъ, чего ты отъ меня хочешь? Что все это значить? Я преспокойно возвращаюсь домой, иду къ себѣ въ комнату, чтобы переменить брюки, а ты вдругъ ни съ того, ни съ сего, накидываешься на меня и начинаешь цѣлую исторію... Я уже не люблю тебя, мы не созданы другъ для друга, я не долженъ жениться на тебѣ!.. Еще разъ спрашиваю тебя, — что все это значить?

Полина подошла къ нему, и медленно, съ разстановкою сказала:

— Это значить, что ты любишь другую, и что я совѣтую тебѣ жениться на ней.

Въ первое мгновеніе Лазарь онѣмѣлъ, а потомъ счелъ нужнымъ отдѣлаться насмѣшками. Прекрасно! опять начались прежнія сцены; подъ вліяніемъ ревности она опять готова на

всякіе скандалы. Видно, она только тогда и спокойна, когда онъ скучаетъ въ полномъ одиночествѣ. Полина слушала его съ видомъ глубокаго горя; вдругъ она положила ему на плечи свои дрожащія руки, и все, что давило ей сердце, вырвалось въ невольномъ крикѣ.

— О другъ мой, неужели ты думаешь, что мнѣ пріятно мучить тебя?... Развѣ ты не понимаешь, что я хлопочу о твоёмъ-же счастіи, что я готова пожертвовать всѣмъ ради того, чтобы доставить тебѣ хоть часъ наслажденія. Вѣдь ты любишь Луизу, не правда-ли? Ну, вотъ я и совѣтую тебѣ жениться на ней... Пойми-же наконецъ, я уже ни на что не претендую, я просто дарю ее тебѣ.

Онъ смотрѣлъ на нее съ величайшимъ недоумѣніемъ. Въ этой нервной, неустойчивой натурѣ самыя противоположныя душевныя движенія смѣнялись при малѣйшемъ потрясеніи.

Вѣки его задрожали, онъ разразился рыданіями.

— О, замолчи! Я подлець!... Да, я презираю себя за все, что происходитъ въ этомъ домѣ уже въ теченіе многихъ лѣтъ... Я твой должникъ, не отрицай этого! Мы отняли у тебя деньги, я расшвырялъ ихъ, какъ безумецъ, а теперь опустился даже до того, что ты возвращаешь мнѣ мое слово, какъ милостыню, изъ сожалѣнія, какъ человѣку, утратившему мужество и честь.

— Лазарь! Лазарь!—шептала она въ ужасѣ.

Онъ въ бѣшенствѣ вскочилъ и принялся ходить по комнатѣ, колотя себя кулаками въ грудь.

— Оставь меня! Я-бы пустилъ себѣ пулю въ лобъ, если-бы имѣлъ мужество поступить по справедливости... Развѣ не тебя мнѣ слѣдовало любить? Развѣ не возмутительно, что я вдругъ погнался за другою, вѣроятно, потому, что она предназначалась не для меня, потому, что она не такъ добра, не такъ здорова, какъ ты?.. Когда человѣкъ доходитъ до такихъ вещей, имъ, навѣрное, руководитъ какое-нибудь грязное побужденіе... Ты видишь, я ничего не скрываю и не стараюсь оправдываться... Нѣтъ, ни за что не приму я твоей жертвы; я самъ удалю изъ этого дома Луизу и уѣду въ Америку, чтобы никогда, никогда болѣе не встрѣчаться ни съ нею, ни съ тобой.

Она долго старалась успокоить, уговорить его. Неужели онъ не можетъ хоть разъ взглянуть на жизнь трезво? Развѣ онъ не видитъ, что она говоритъ съ нимъ спокойно, обдумавъ

и взвѣсивъ напередъ каждое слово? Этотъ бракъ былъ-бы выгоденъ для всѣхъ. Вѣдь если она говорить о немъ теперь такъ спокойно, такъ это потому, что мысль эта не только уже не огорчаетъ, а даже привлекаетъ ее. Но, увлекшись своимъ желаніемъ убѣдить его, она имѣла неосторожность намекнуть на богатство Луизы и упомянуть, что его будущій тестъ на другой-же день послѣ свадьбы найдетъ ему выгодное мѣсто.

— Этого еще не доставало! воскликнулъ онъ, снова закипая негодованіемъ.—Теперь ты ужь готова продать меня! Лучше прямо скажи, что я долженъ бросить тебя, послѣ того какъ растратилъ твои деньги, и—въ довершеніе подлости—жениться на богатой дѣвушкѣ... Нѣтъ, нѣтъ, все это слишкомъ грязно. Никогда! понимаешь?—Никогда!

Полина, выбившись изъ силъ, перестала умолять его. Наступило молчаніе. Лазарь едва могъ держаться на ногахъ и снова опустился на стулъ, а она медленно расхаживала по обширной комнатѣ, останавливаясь на каждомъ шагѣ, и, при видѣ всѣхъ этихъ давно знакомыхъ предметовъ,—при видѣ стола, на которомъ видны были слѣды ея локтей, при видѣ шкафа, гдѣ еще хранились ея дѣтскія игрушки, при видѣ каждой валявшейся здѣсь мелочи въ ея сердце закрадывалась надежда, которая, противъ ея воли, мало-по-малу овладѣвала всѣмъ ея существомъ. Что, если онъ дѣйствительно настолько еще любитъ ее, чтобы отказаться отъ другой? Но вѣдь она знала, какъ быстро улечиваются его прекрасные, великодушные порывы. Нѣтъ, всякая надежда была-бы съ ея стороны малодушіемъ; она боялась поддаться искушенію въ минуту слабости.

— Обдумай мон слова, сказала она наконецъ, останавливаясь перель нимъ.—Я не хочу пока продолжать этотъ разговоръ, тяжелый для насъ обоихъ... Завтра, я увѣрена, ты взглянешь на дѣло благоразумнѣе.

Но на слѣдующій день всѣ чувствовали какую-то тяжелую неловкость. Въ домѣ снова воцарилось прежнее печальное, мрачное настроеніе. Луиза ходила съ заплаканными глазами, Лазарь бѣгалъ ея, и по цѣльнымъ часамъ сидѣлъ, запершись, въ своей комнатѣ. Впрочемъ, въ теченіе слѣдующихъ дней эта неловкость мало-по-малу разсѣялась, и снова начались и прежній смѣхъ, и прежнее шушуканье, и нѣжныя рукопожа-

тія. Полина ждала, и, вопреки голосу разсудка, мучилась безумными надеждами.

Всѣ прежнія страданія казались ей ничтожными въ сравненіи съ этою ужасною неизвѣстностью. Наконецъ, однажды вечеромъ, спускаясь въ кухню, за свѣчкой, она наткнулась на Лазаря и Луизу, которые цѣловались въ корридорѣ. Молодая дѣвушка убѣжала съ громкимъ смѣхомъ, а онъ, ободренный темнотою, обнялъ Полину и съ братскою нѣжностью звонко поцѣловалъ ее въ обѣ щеки.

— Я обдумалъ, прошенталь онъ.— Ты добрая, благоразумная... Но я все-таки люблю тебя; я люблю тебя такъ, какъ любилъ покойную маму.

У нея хватило силы спокойно отвѣтить:

— Ну, и прекрасно. Я очень рада.

Боясь обморока, она не рѣшилась войти въ кухню, такъ какъ чувствовала, что страшно поблѣднѣла, судя по холоду, охватившему ее лицо. Она безъ свѣчи вернулась въ свою комнату, сказавъ, что забыла тамъ что-то. Когда она очутилась, наконецъ, наединѣ, ей показалось, что вотъ-вотъ она умретъ, задохнувшись, не находя даже слезъ для облегченія своего горя. Боже мой! Что она ему сдѣлала? Зачѣмъ онъ такъ жестоко растравляетъ ея рану? Развѣ онъ не могъ согласиться на ея предложеніе тотчасъ, въ тотъ день, когда она была готова выдержать ударъ, не разслабляя ея тщетно надеждою? Теперь жертва удваивалась, она теряла его во второй разъ, и эта потеря была тѣмъ ужаснѣе, что она уже надѣялась на иной исходъ. Боже мой, вѣдь она готова на жертву; но развѣ не жестоко такъ мучить ее!

Дѣло было быстро улажено. Вероника разинула ротъ отъ удивленія и объявила, что послѣ смерти барыни въ домѣ все пошло навыворотъ. Но больше всѣхъ былъ пораженъ этою новостью Шанто. Въ обыкновенное время онъ ни о чемъ не заботился, на всякое предложеніе одобрительно кивалъ головою, окончательно замкнувшись въ своемъ эгоизмѣ въ тѣ рѣдкія минуты, которыя удавалось проводить безъ страданія; но теперь онъ даже заплакалъ, когда Полина сама передала ему эту новость. Онъ смотрѣлъ на нее и сквозь слезы бормоталъ запутанныя признанія и оправданія: все это случилось не по его винѣ; если-бы отъ него зависѣло, онъ-бы тогда иначе распорядился, какъ относительно денегъ, такъ и относительно

брака; но вѣдь она знаетъ, что онъ постоянно боленъ. Полина поцѣловала его и покаялась, что она-же сама, послѣ благоразумнаго размышленія, побудила Лазаря жениться на Луизѣ. Въ первую минуту онъ не рѣшился вѣрить и нѣсколько времени твердилъ, щуря глаза, еще омраченные остаткомъ печали:

— Серьезно? серьезно?

Но, видя, что она улыбается, онъ быстро утѣшился, и даже совсѣмъ повеселѣлъ. На душѣ у него стало легче; вся эта исторія давно уже тревожила его; онъ только не рѣшался заговорить о ней. Луизочку онъ поцѣловалъ въ обѣ щеки, а вечеромъ, за десертомъ, даже настолько разошелся, что пропѣлъ веселую пѣсню. Впрочемъ, передъ тѣмъ, какъ отправиться спать, онъ еще разъ заволновался.

— Вѣдь ты останешься съ нами? спросилъ онъ Полину.

Она колебалась въ теченіе секунды, и сказала, краснѣя отъ вынужденной лжи:

— О, да, конечно.

Цѣлый мѣсяць ушелъ на разныя формальности. Тибобье, отецъ Луизы, тотчасъ согласился отдать свою дочь за Лазаря, который былъ его крестникомъ. У нихъ вышло разногласіе только за два дня до свадьбы, когда Лазарь рѣшительно отказался занять мѣсто директора въ одномъ парижскомъ страховомъ обществѣ, въ которомъ банкиръ былъ самымъ крупнымъ акціонеромъ. Онъ рассчитывалъ прожить еще годъ или два въ Бонвилѣ, написать тамъ романъ, образцовое произведеніе, а потомъ уже завоевать Парижъ. Впрочемъ, Тибобье ограничился тѣмъ, что пожалъ плечами и дружески назвалъ его упрямымъ фантазеромъ.

Свадьбу намѣревались справить въ Канѣ. Последнія двѣ недѣли прошли въ непрепрывныхъ хлопотахъ, приготовленіяхъ и развѣздахъ. Полина старалась забыться, сопровождала Луизу и возвращалась разбитая. Въ виду того, что Шанто не могъ отлучиться изъ Бонвиля, она должна была обѣщать присутствовать при церемоніи въ качествѣ единственной представительницы семьи. Со страхомъ ждала она приближенія этого дня. Наканунѣ было рѣшено, что она не останется ночевать въ Канѣ, ей казалось, страданія ея стихнуть, если она уснетъ дома, въ своей комнатѣ, подъ ублаживающій ропотъ моря. Она настаивала на этомъ

подъ тѣмъ предлогомъ, что ее беспокоитъ здоровье дяди, что она не хочетъ покидать его на такой долгій срокъ. Напрасно онъ самъ уговаривалъ ее провести въ Канѣ нѣсколько дней: развѣ онъ боленъ? Напротивъ, возбужденный мыслью о свадьбѣ, о вкусномъ обѣдѣ, на которомъ ему нельзя присутствовать, онъ вполне рассчитывалъ добиться отъ Вероники какого-нибудь запрещеннаго блюда, велѣтъ ей, напримѣръ, приготовить куропатку съ трюфелями, чего ему никогда не приходилось ѣсть, не поплатившись за свою безхарактерность приступомъ подагры. Но дѣвушка стояла на своемъ, и во что бы то ни стало хотѣла вернуться въ тотъ-же вечеръ; вмѣстѣ съ тѣмъ она рассчитывала, что такимъ образомъ ей удобнѣе будетъ на свободѣ уложить на другой депъ чемоданъ и исчезнуть.

Шель мелкій дождь, часы пробили полночь, когда старый берлинъ дяди Маливуара привезъ Полину домой послѣ свадьбы. Она вся дрожала въ своемъ бѣломъ шелковомъ платьѣ, сверхъ котораго была накинута только небольшая шаль, лицо ея было очень блѣдно, а руки горѣли. Въ кухнѣ она нашла Веронику, которая дожидалась ея и успѣла крѣпко заснуть, свѣсивъ голову на столъ; свѣча, горѣвшая высокимъ пламенемъ, заставила Полину прищурить глаза; сегодня они казались чернѣе обыкновеннаго, какъ будто набрались ночнаго мрака, среди котораго ни разу не закрылись отъ самаго Арроманша. Отъ сонной кухарки она не могла добиться ничего, кромѣ нѣсколькихъ отрывочныхъ фразъ: баринъ велъ себя не хорошо, теперь онъ спитъ, никто не приходилъ. Наконецъ, она взяла свѣчу и пошла къ себѣ на верхъ, объятая холодомъ пустаго дома, безконечною тоскою этого мрачнаго безмолвія, которое давило ее, какъ тяжелое бремя.

Поднявшись во второй этажъ, она поспѣшно направилась къ своей комнатѣ, какъ вдругъ непреодолимое побужденіе, которому она сама удивилась, заставило ее отворить дверь Лазаря. Она приподняла свѣчу, чтобы лучше видѣть, какъ будто комната казалась ей наполненною дымомъ. Ни въ чемъ не замѣтно было перемѣны; вся мебель стояла на прежнихъ мѣстахъ; а между тѣмъ сердце ея сжималось тяжелымъ чувствомъ, какъ неизгладимой бѣды, невольнымъ страхомъ, точно она стояла въ комнатѣ мертвеца. Медленно направилась она на середину комнаты, подошла къ столу, по-

смотрѣла на чернильницу, на перо, на валявшуюся тутъ-же начатую страницу, -- и вышла. Все было кончено; дверь хлопнулась и скрыла за собою гулкую пустоту этой комнаты.

Но и у себя она встрѣтила тотъ же страхъ передъ тѣмъ-то невѣдомымъ, неуловимымъ. Неужели это ея комната, съ голубыми розами на обояхъ, съ узкою желѣзною кроватью подъ кисейнымъ пологомъ? А между тѣмъ вѣдь она прожила здѣсь столько лѣтъ. Не выпуская изъ рукъ свѣчи, она, несмотря на свою обычную храбрость, осмотрѣла всѣ углы, раздвинула занавѣски, заглянула подъ кровать, за комодъ. Все существо ея было глубоко потрясено, она ходила въ какомъ-то полуснѣ и съ невольнымъ ужасомъ останавливалась передъ каждымъ предметомъ. Никогда-бы она не повѣрила, чтобы съ этого потолка, на которомъ ей было знакомо каждое пятнышко, могъ спускаться на нее такой гнетущій страхъ; и въ эту минуту она сожалѣла, что не осталась почевать въ Канѣ; теперь этотъ пустой домъ, населенный толпой воспоминаній, до такой степени холодный и мрачный въ эту бурную ночь, казался ей еще страшнѣе. Ложиться въ постель ей ни за что не хотѣлось. Она сѣла, не снимая даже шляпы, и нѣсколько минутъ неподвижно просидѣла, пристально глядя на ослѣпившее ее пламя свѣчи. Вдругъ она съ удивленіемъ очнулась. Зачѣмъ она сидитъ здѣсь, между тѣмъ какъ невыносимый шумъ въ головѣ мѣшаетъ ей даже думать? Уже часъ, ей будетъ лучше въ постели. Она стала раздвѣваться, машинально двигая усталыми, горячими руками.

Среди этого разгрома, всколебавшаго ея жизнь, однако еще сохранялась потребность порядка. Она старательно убрала шляпу, взглянула, не пострадали-ли ботинки. Платье ея уже висѣло, сложенное на вѣнскіе стулья; на ней не оставалось ничего, кромѣ юбки и рубашки, какъ вдругъ взглядъ ея остановился на ея дѣвственной груди. Мало-по-малу щеки ея покрылись горячимъ румянцемъ. Въ ея смутномъ сознаніи поднимались и яснѣе выступали новые образы. Она видѣла ихъ обоихъ, тамъ, въ этой комнатѣ, въ которую сегодня утромъ сама отнесла букетъ цвѣтовъ. Молодая уже лежала въ постели, а онъ входилъ и приближался къ ней съ нѣжнымъ взволнованнымъ смѣхомъ. Порывистымъ движеніемъ Полина спустила юбку, сбросила рубашку, и, совсѣмъ уже нагая, продолжала

смотря на себя. Такъ стало бытъ не для нея эта жатва любви? Видно, никогда не дожидаться ей брачной ночи. Скользнувъ по груди, упругой, какъ роскошная почка розы, взгляды ея спустился на широкія бедра, на животъ, въ которомъ дремала могучая производительная сила. А между тѣмъ, вѣдь она созрѣла для любви; молодая жизнь трепетала во всѣхъ ея членахъ, какъ цвѣтокъ распускалась въ тайныхъ складкахъ ея тѣла, которое благоухало, какъ букетъ, въ ожиданіи плодотворнаго объятія. Но нѣтъ, не она, а другая, тамъ, въ глубинѣ этой комнаты, блаженствовала въ объятіяхъ мужа, котораго сама она ждала столько лѣтъ...

Она нагнулась еще больше... И, при видѣ этой бесполезно отцвѣтающей жизни, отчаяніе ея достигло послѣднихъ предѣловъ... Никогда она не будетъ женщиной и состарится бесплодной дѣвственницей!

И снова ею овладѣла ревность при видѣ картинъ, которыя рисовала возбужденная фантазія. Она хотѣла жить, жить полною жизнью, плодить жизнь, которую такъ любила! Къ чему существовать, если не можешь отдаться всѣмъ существомъ? Она снова видѣла ихъ обоихъ, и безумное желаніе растерзать свое нагое тѣло заставило ее вглядомъ искать ножицъ. Отчего не изрѣзать эту грудь, не раздробить эти бедра, не распороть животъ, не выпустить до послѣдней капли эту кровь? Вѣдь она красивѣе, сильнѣе этой худощавой, бѣлокурой дѣвушки, а между тѣмъ онъ выбралъ не ее! Никогда она не узнаетъ его, ничто въ ней уже не будетъ его ждать—ни руки, ни бедра, ни губы. Все это никому уже не нужно, и можетъ быть брошено, какъ соръ, какъ бесполезная тряпка! Неужели-же они теперь вмѣстѣ, между тѣмъ какъ она, одинокая, дрожить отъ лихорадки въ этомъ холодномъ домѣ?

Вдругъ она бросилась плашмя на постель, судорожно обхватила подушку, стала кусать ее, чтобы заглушить рыданія, и, прижавшись къ матрасу, силилась задавить въ себѣ возмущившіеся чувственные инстинкты. Дрожь пробѣгала по всему ея тѣлу, отъ затылка до самыхъ пятокъ. Тщетно вѣки ея сжимались, тщетно она старалась не видѣть; чудовищныя сцены по-прежнему проносились передъ нею въ темнотѣ. Что дѣлать? Выколоть себѣ глаза, и все-таки видѣть, видѣть постоянно, вѣчно?!

Минуты проходили, и она уже не сознавала ничего, кромѣ

безпредѣльности своихъ мукъ. Она вскочила въ ужасѣ. Кто-то засмѣялся здѣсь, возлѣ нея, въ этой комнатѣ. Нѣтъ, комната была пуста; только свѣчка догорѣла почти до конца, такъ что на ней лопнуло стеклышко. А что, если все-таки кто нибудь ее видѣлъ? Этотъ воображаемый смѣхъ все еще холодною дрожью пробѣгалъ по ея кожѣ, какъ наглая ласка. Неужели это она лежитъ здѣсь, совсѣмъ нагая? Чувство стыда вдругъ охватило ее, она скрестила надъ грудью руки, чтобы не видѣть своей собственной наготы. Наконецъ, быстро накинувъ ночную рубашку, она забилась подъ одѣяло по самый подбородокъ, потушила свѣчу, съежилась и замерла, подавленная стыдомъ.

Утромъ Полина уложила свой чемоданъ, но долго не рѣшалась объявить о своемъ рѣшеніи дядѣ. Вечеромъ, однако, необходимо было предупредить его, потому что на слѣдующій день докторъ Казновъ долженъ былъ пріѣхать за нею, чтобы отвезти къ своей родственницѣ. Когда дядя понялъ, наконецъ, въ чемъ дѣло, онъ, въ порывѣ безумнаго отчаянія, поднялъ свои жалкія немощныя руки, какъ будто пытаясь удержать племянницу, и сталъ умолять ее остаться. Нѣтъ, она никогда не сдѣлаетъ этого, не покинетъ его; это равносильно убійству, онъ-бы не вынесъ такого удара. Потомъ, видя, что она не колеблется, и понявъ причину ея упорства, онъ рѣшился покаяться ей, что наканунѣ ѣлъ куропатку и уже чувствуетъ въ сочленіяхъ легкое покалыванье. Это была старая вѣчная исторія, обыкновенная борьба, которая всегда кончалась поражениемъ. Ёсть или не ёсть? Страдать или не страдать? и онъ ѣлъ, будучи увѣренъ, что поплатится страданіемъ, наслаждаясь и вмѣстѣ съ тѣмъ уже предвкушая будущія муки. Но зато она, быть можетъ, не рѣшится покинуть его посреди приступа.

Дѣйствительно, около шести часовъ утра, Вероника пошла доложить барышнѣ, что баринъ опять вопить въ своей комнатѣ. Она была въ отвратительномъ настроеніи духа и кричала на весь домъ, что, если барышня уѣдетъ, такъ и она тоже наостритъ лыжи, такъ какъ не намѣрена ухаживать за такимъ безрасуднымъ старикомъ. Полина еще разъ принуждена была превратиться въ сидѣлку. Когда докторъ за нею пріѣхалъ, она указала ему на больнаго, который, торжествуя, вопилъ громче обыкновеннаго и кричалъ ей, чтобы она уѣз-

ждала, если ужъ въ ней нѣтъ никакой жалости. Такимъ образомъ дѣло опять затянулось.

Каждый день Полина со страхомъ ждала пріѣзда Лазаря и Луизы, которые должны были поселиться въ своей новой комнатѣ, предназначавшейся прежде для друзей и приготовленной для молодыхъ тотчасъ послѣ свадьбы. Но они медлили въ Канѣ; Лазарь писалъ, что собираетъ кое-какія наблюденія въ мірѣ финансистовъ, прежде чѣмъ уединиться въ Бонвилѣ и начать свой большой романъ, въ которомъ онъ намѣревался высказать всю правду объ этихъ аферистахъ. Но однажды утромъ онъ вдругъ явился одинъ, безъ жены, и преспокойно объявилъ, что хочетъ поселиться съ нею въ Парижѣ:—тестъ уговорилъ его; онъ принялъ мѣсто въ страховомъ обществѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что тамъ у него будетъ еще больше матерьяла для наблюдений, ну, а впослѣдствіи онъ увидитъ... впослѣдствіи можно будетъ и опять приняться за литературу.

Когда Лазарь наполнилъ два ящика съ разными вещами, которыя необходимо было взять съ собою, и уѣхалъ въ берлинѣ дяди Маливуара вмѣстѣ съ своею поклажею, Полина вернулась въ домъ взбудораженная, не находя въ себѣ прежней рѣшимости. Шанто, который еще далеко не совсѣмъ оправился, спросилъ ее:

— Ты остаешься, надѣюсь? Подожди хоть до тѣхъ поръ, пока похоронишь меня!

Она не хотѣла отвѣчать тотчасъ. Чемоданъ все еще лежалъ въ ея комнатѣ совсѣмъ готовый; она смотрѣла на него по цѣлымъ часамъ. Имѣетъ-ли она право покинуть дядю теперь, когда оказывается, что Лазарь съ женою переселяются въ Парижъ? Положимъ, она не особенно довѣряла рѣшеніямъ двоюроднаго брата; но вѣдь если они опять пріѣдутъ, она всегда будетъ имѣть возможность уйти. А когда Казновъ, выйдя, наконецъ, изъ терпѣнія, объявилъ ей, что она теряетъ превосходное мѣсто, чтобы губить свою молодость у людей, которые эксплуатируютъ ее съ дѣтства,—она тутъ-же рѣшилась остаться.

— Уѣзжай!—твердилъ ей теперь Шанто. Если тебя ожидаютъ выгодное мѣсто и счастливая жизнь, я, конечно, не могу тебя заставить возиться съ такимъ старымъ калѣвкой, какъ я... Уѣзжай!

Однажды утромъ она отвѣтила:

— Нѣтъ, дядя, я остаюсь.

Докторъ, присутствующій при этомъ разговорѣ, вышелъ, поднявъ руки къ небу.

— Эта дѣвочка просто невозможна! Они облѣпили ее, какъ осы! Никогда въ жизни ей отсюда не выбраться!

Переводъ А. Москвина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛОНДОНСКАЯ ГОЛЫТЬБА.

Очерки.

Гектора Франса.

Въ январьскомъ № «Дѣла» уже былъ данъ отчетъ объ этой интересной книгѣ. Теперь мы предлагаемъ изъ нея въ извлеченіи мѣста, наиболѣе удачныя и яркія по исполненію или-же, на нашъ взглядъ, заслуживающія, по содержанію своему, вниманія русскихъ читателей.

Гекторъ Франсъ, какъ чистокровный парижанинъ, имѣеть— что называется—зубъ противъ «цѣломудреннаго Альбіона» за его лицемѣрные возгласы о скандалѣ и развратѣ, составляющихъ будто-бы отличительную черту французской жизни вообще и парижскихъ бульваровъ въ особенности. Это обстоятельство заставляетъ его сосредоточивать чрезмѣрно свое вниманіе на лондонскомъ распутствѣ, превышающемъ самыми своими размѣрами и своею безцеремонностью все существующее въ этомъ родѣ въ другихъ европейскихъ городахъ и имѣющемъ свои, чисто мѣстныя черты невѣроятнаго животнаго отупѣнія и невыразимой безотрадности. Картины этого рода по необходимости однообразны. Намъ казалось, что частое ихъ повтореніе могло-бы только утомить вниманіе русскаго читателя совершенно напрасно или даже во вредъ яркости впечатлѣнія. А потому мы рѣшили нѣкоторые очерки выпустить вовсе, другіе значительно сократить, иногда соединяя подъ однимъ общимъ заглавіемъ наиболѣе выдающіяся мѣста изъ двухъ или трехъ однородныхъ по содержанію разсказовъ. Происходящія отъ этого пробѣлы и швы приходилось уже заглаживать, такъ сказать, нашими собственными средствами.

I.

Лондонъ.

Только что начались осенніе туманы, а уже зима одѣваетъ своимъ траурнымъ покровомъ чудовищный городъ, щедро разсы-

ная на своемъ пути ревматизмы и тоску. Солнце чуть свѣтитсѣ блѣднымъ желтоватымъ пятномъ. Виситъ туманъ, пропитанный сажеемъ восьмисотъ тысячъ трубъ и дыханіемъ шести миллионвъ легкихъ.

Люди, съ дѣловымъ видомъ, густой толпою, молчаливо спуютъ по грязнымъ улицамъ; громадныя кареты, наполненныя словно призраками, катятся безшумно по торцовымъ мостовымъ; кучера кричатъ на прохожихъ охрипшими голосами, а на перекресткахъ блѣдныя гномы предлагаютъ газеты, провозглашая жалобнымъ пискомъ ихъ названія.

Медленные удары большого колокола Св. Павла бьютъ полдень, и, пока другія цѣреви вторятъ ему на разные тоны, зажигаются длинные ряды газовыхъ рожковъ; но они не въ силахъ побороть тьму.

Настало царство сплина, и скоро въ дворцахъ Гайдъ-Парка и въ логовищахъ Дрюри-Лэна раздадутся пистолетныя выстрѣлы и хрипѣныя повѣсившихся, а по вечерамъ Темза будетъ прибывать къ сводамъ «Лондонскаго моста» тѣла утопленниковъ *).

Сквозь оконныя скважины, сквозь щели дверей скользитъ туманъ, окутывая своимъ саваномъ и огни, и сердца.

Полдень и тьма! Что-же будетъ ночью? Вотъ сплнзъ, вотъ онъ.

И скачущій лордъ обводитъ тусклымъ взоромъ стѣны своей комнаты, отыскивая покрѣпче гвоздь, чтобы прикрѣпить къ нему веревку.

Но что значить сплинъ,—недугъ богачей, демонъ дворцовъ.— въ сравненіи съ другимъ ужаснымъ гостемъ, посѣщающимъ трущобы и чердаки и называющимся—голодъ?

Нищета, голодъ, развратъ, преступленіе—вотъ заколдованный кругъ, сжимающій бѣдняка со всѣхъ сторонъ,—безвыходная пропасть, откуда прокаженные общественнаго ада, какъ проклятыя души Данта, напрасно стали-бы взывать о состраданіи и помощи. Да они и не взываютъ. Къ чему? Ихъ мольбы все равно остались-бы безъ отвѣта. Они знаютъ это и молчатъ.

Ожесточенные и мрачныя, они безмолвно проходятъ, мелькая грязными пятнами въ разряженной толпѣ сытыхъ и довольныхъ; смрадными своими лохмотьями они задѣваютъ пиджаки и сюртуки прохожихъ джентльменовъ, самодовольныхъ и чопорныхъ. Джентльменъ гадливо отворачивается отъ блѣднаго, изможеннаго лица нищаго, оберегая свое платье. О, зачѣмъ только пускаютъ на улицу этихъ мерзавцевъ! Одинъ видъ голода возмущаетъ его сы-

*) Въ теченіи пяти лѣтъ, съ 1877 по 81 г., было найдено въ Темзѣ 1,886 труповъ („Pall Mall Gazette“, 6. I, 1882).

тое брюхо; нищета оскорбляет его *респектабельность*. Милостивно онъ не подастъ никогда; на это существуютъ благотворительныя заведенія; онъ платитъ тяжелые налоги въ пользу бѣдныхъ. Зачѣмъ же не идутъ они въ рабочій домъ? И бѣднякъ идетъ съ поникшею головою, проходя, какъ проклятіе, среди роскоши наибогатѣйшаго въ мірѣ города.

Послѣдуемъ-же за нимъ; проводимъ его въ тѣ мрачныя улицы, темныя закоулки, смрадные логовища, куда надежда не проникаетъ никогда; спустимся въ трущобы, гдѣ голодь, притаившись въ раздумьи, одичалымъ взоромъ смотритъ на зарожденіе улыбающагося ему преступленія. Приближимся къ притонамъ, гдѣ развратъ вербуетъ межъ десятилѣтнихъ дѣтей армію жертвъ, чтобы вечеромъ, вдоль рѣшотокъ парковъ, предать ихъ скотской похоти приличныхъ джентльменовъ стыдливаго Альбіона.

II.

Цѣломудренный Альбіонъ.

Говорятъ, — въ дѣлѣ самовосхваленія всѣ націи стоятъ одна другой. При этомъ, очевидно, не принимается въ расчетъ Джонъ-Буль, котораго патріотическое преклоненіе передъ собою далеко переходитъ за геркулесовы столбы повальнаго самодовольства и наглости.

Онъ носится съ собою и щеголяетъ своимъ заносчивымъ самообольщеніемъ по цѣлому міру, считая его весь своимъ исключительнымъ достояніемъ. Чтобы доказать Европѣ эту неоспоримую истину, онъ захватываетъ порою лакомый кусокъ то тамъ, то сямъ, въ Азіи или Африкѣ, гдѣ вздумается ему, т. е. тамъ, куда манитъ его купцовъ заманчивая вѣроятность скорой наживы. Вездѣ онъ бушуетъ, какъ пьяный матросъ, и едва почуветъ, что другой на его мѣстѣ былъ-бы неправъ, тотчасъ поднимаетъ крикъ, будто его обидѣли.

Убѣжденный въ несомнѣнномъ громадномъ превосходствѣ старой Англіи, онъ расталкиваетъ джыми своими локтями толпы другихъ народовъ, встрѣчающихся ему по пути, не давая себѣ даже труда скрывать свое величайшее презрѣніе къ «варварамъ».

Памятники чужой исторіи и красоты континентальной природы онъ считаетъ за зрѣлища, предназначенныя единственно для утѣхи его празднаго любопытства и для кипсековъ его миссъ... Онъ смотритъ на иностранныя столицы какъ на гостиницы, построенныя для его удобства и дающія ему возможность вкушать сладость всякихъ запретныхъ плодовъ. Здѣсь онъ, безъ стыда, предается оргіямъ, отъ которыхъ *респектабельность* заставляетъ его воздерживаться «at home», дома. Но стоитъ ему снова ощутить подъ

своею ногою священную почву царственного острова, онъ снова облекается въ непроницаемую броню своей респектабельности, становится по-прежнему неприступенъ, гордъ и невозмутимъ. Въ первой англійской пристани онъ уже тщательно стягиваетъ со своихъ ногъ прахъ нечестивыхъ Вавилоновъ, по улицамъ которыхъ онъ только-что безцеремонно разгуливалъ.

«Благородный царскій престолъ, самодержавный островъ, обиталище Марса, второй Эдемъ, полу-рай, крѣпость, воздвигнутая природой противъ вѣшней заразы, колыбель великаго народа, драгоценный камень, защищенный серебрянымъ моремъ отъ низкой зависти менѣе счастливо одаренныхъ сосѣдей, мѣсто благодатное. священная земля, возлюбленное отечество, первѣйшая между всѣми націями, Англія, призванная къ порабоженію всего міра!»...

Смѣшонъ подѣ часъ бываетъ Джонъ-Булль, неуклюжею ногою стоящій, какъ на пьедесталѣ, на своемъ царственномъ островѣ, въ гордой позѣ свободнаго, но вѣрноподданнаго вассала королевы, во владѣніяхъ которой солнце не заходитъ. Смѣшонъ онъ въ своемъ ошейникѣ изъ туго накрахмальной добродѣтели... Смѣйтесь, господа,—но въ мѣру, потому-что онъ во многихъ отношеніяхъ несомнѣнно выше насъ цѣлою головою.

Нельзя, проживъ съ нимъ нѣкоторое время, не признать, что онъ, и физически, и нравственно, одаренъ многими такими существенными качествами, которыхъ намъ самимъ недостаетъ.

Качества эти только отчасти даны ему природою; главнымъ же образомъ онъ самъ даетъ ихъ себѣ воспитаніемъ. Его порода—крѣпче, настойчивѣе, смѣлѣе нашей. Его воспитаніе—здоровѣе и разумнѣе—въ школѣ и въ семьѣ, въ физическомъ какъ въ нравственномъ, особливо-же—въ общественномъ отношеніи.

Отдадимъ ему эту честь, чтобы тѣмъ свободнѣе и безжалостнѣе сокрушить его картонную броню приличія и нравственности...

„Я вѣщи вижу въ ихъ настоящемъ видѣ“.

Байронъ.

Запачканная юбка подѣ шелковымъ платьемъ, изодранное платье, прикрытое бархатнымъ манто, и подозрительная блѣдность лица, закрашенная яркими румянами,—таковы лондонскія прелестницы.

Позоръ, какъ и величіе, имѣетъ свои приливы и отливы.

«Барышни», обладательницы очаровательныхъ виллъ, окаймляющихъ зеленыя аллеи *Primrose Hill*'я и *Saint-John's Wood*'а, нерѣже, чѣмъ и ихъ болѣе злополучныя сестры, знакомятся, въ случаѣ болѣзни, съ нищетою и кончаютъ дни свои на госпитальной койкѣ.

«Достижшія» превращаются въ честныхъ женщинъ. Чуть только волосы ихъ начинаютъ сѣдѣть, онѣ спѣшатъ остановить свой вы-

борь на одной изъ двадцати или тридцати религіозныхъ сектъ, процвѣтающихъ въ благочестивомъ Альбіонѣ; заплативши за мѣсто въ церкви, онѣ покупаютъ свидѣтельство добродѣтели.

Таковъ удѣлъ немногихъ избранницъ; громадное большинство тонетъ въ пропасти, общей всѣмъ несчастнымъ. Многія изъ нихъ въ ней-же и родились, въ ней созрѣли, не зная ни одной изъ радостей человѣческаго существованія: темень былъ каждый ихъ день, и каждая ихъ ночь была полна терзаній. Нѣтъ покоя этимъ прокаженнымъ обитательницамъ закоулковъ, куда свѣтъ солнца не проникаетъ никогда. Теннисонъ говорилъ: «Вся жизнь—то свѣтъ, то тѣнь», но это онъ говорилъ не про нихъ: ихъ жизнь, отъ колыбели до гробовой доски,—одни непроглядныя потемки.

Въ двухъ шагахъ отъ наибогатѣйшихъ дворцовъ и роскошныхъ улицъ копошится, какъ червь въ навозѣ, возмутительная нищета. Десять милліоновъ англичанъ проходятъ мимо нея ежегодно, не замѣчая ея; правда, они очень упорно отворачиваютъ отъ нея свои взоры. Въ этихъ зловонныхъ ульяхъ безъ меда копошатся больныя женщины да дѣти; мужчинъ почти не видно: они отправились... куда?—Богъ вѣсть, за поживой.

Каждое утро эти труппные закоулки выбрасываютъ до ста тысячъ своихъ жильцевъ на площади и улицы Лондона, на поиски за сомнительной добычею. Слишкомъ многіе возвращаются съ тѣмъ-же, съ чѣмъ ушли, т. е. съ пустымъ карманомъ и съ пустымъ брюхомъ. Многіе не возвращаются совсѣмъ, а пропадаютъ безъ вѣсти *). Полиція ежегодно ловитъ болѣе 200,000 бездомныхъ бродягъ, въ томъ числѣ тысячъ двадцать дѣтей.

Голодная мать ждетъ до послѣдней крайности. Когда истощилось терпѣніе, когда ея желудокъ изнылъ отъ голода, она говоритъ дочерямъ: «Идите!» Онѣ идутъ и ищутъ, пока не найдутъ хлѣба.

Въ безконечно длинныя вечера, отверженный городъ, на воротахъ котораго красовалось-бы дантовское *lasciate ogni speranza*,—еслибы у него были ворота,—выбрасываетъ безконечныя вереницы одичалыхъ, ожесточенныхъ существъ; полисмены безцеремонными толчками усиливаются отразить эту мутную волну, грозящую запрудить всѣ улицы. Женщины, дѣвушки, дѣти забиваются въ темныя проходы и переулки и жадно слѣдятъ за уличнымъ свѣтомъ и движеніемъ.

Бѣда тому, кто, самъ не принадлежа къ этому отверженному

*) Лондонская статистика за 1880 г. показываетъ только 101 случай голодной смерти; изъ нихъ 46 женщинъ и 25 дѣтей. При этомъ, случаи хроническаго умиранія съ нужды и голода не приняты, конечно, въ расчетъ. Ихъ невозможно исчислить никакая статистика.

міру, осмѣлятся забраться сюда: его разорвутъ на клочки. Эти волчицы бросятся на него съ звѣрскимъ остервенѣніемъ. Не страсть возбуждаетъ ихъ, а голодъ. Еще пуще—жажда.

Джину! Джину! Дайте его, чтобы утопить мысль и обмануть пустоту желудка; дайте его, чтобы заглушить нестерпимыя муки холода, паразитовъ, грязи, вони!

Боже, какъ легко не пьянствовать тѣмъ, у кого есть накрытый столъ, теплая постель и свой уголь! Но какъ-же быть тому, у кого нѣтъ ничего подобнаго?

А черезъ улицу яркими огнями сіяетъ гостепріимный храмъ «спиртнаго бога»; тамъ тепло и уютно. За сверкающей хрусталью и бронзою стойкою продаются нѣсколько минутъ забвенія и нѣсколько часовъ сна! «Хвала тебѣ *джин!*!»—восклицалъ когда-то Теофиль Готье,—«будь благословенъ ты, на зло филантропической болтовнѣ и лицемерію обществъ трезвости, за ту минутную отраду, которую ты доставляешь вѣчнымъ страдальцамъ».

При видѣ логовищъ, въ которыхъ, скученные какъ сельди, нищія растутъ и размножаются, гуманныя мечты исчезаютъ и отъ смрадныхъ, промзглыхъ стѣнъ вѣетъ безотрадными прогрессіями Мальтуса.

Цѣлыя столѣтія нищеты и разврата наложили печать на обезображенныя лица и отравили кровь. При малѣйшемъ возбужденіи страстей, нравственная грязь общественныхъ нечистотъ выступаетъ на нихъ во всемъ безобразіи вѣковыхъ неправдъ и насилія.

Въ большихъ, уже женственныхъ глазахъ шести или семилѣтнихъ дѣвочекъ сверкаютъ искры порока и сладострастія. Цѣломудренная и свободная Англія возмущается нашимъ бульварнымъ развратомъ и, на своемъ библейскомъ жаргонѣ, клеймитъ современный Парижъ именами Содомы и Вавилона. Но эти дѣвочки, бродящія ночью по улицамъ, скверамъ, паркамъ и садамъ,—эти дѣти, спасающіяся отъ голодной смерти возбужденіемъ нечистыхъ страстей чопорныхъ купцовъ или расфранченныхъ прикащиковъ, составляютъ спеціальность Лондона. Впрочемъ, не Лондона только, но и всѣхъ англійскихъ промышленныхъ городовъ. Въ настоящее время Ливерпульскія улицы, даже самыя фешіонэбелныя, запружены такими блуждающими подростками. Несчастная Ирландія шлетъ туда избытокъ своего населенія. Боснія, въ лохмотьяхъ являются ирландскія дѣвочки отъ шести и до четырнадцати лѣтъ и проходятъ тамъ предварительную школу разврата. Это—подготовительный классъ къ трущобамъ столицы, составляющимъ всеобщую надежду и цѣль. И тѣ, которыя однажды попали туда, погибаютъ уже навсегда для зеленаго Эрина.

III.

Нѣскольکو цифръ.

Воровство, проституція, самоубійство—вотъ роковой треугольникъ въ которомъ всю жизнь мечется дочь бѣдняка. У каждаго угла ее ожидаетъ паденіе, а въ серединѣ—*юлодь* слѣдитъ за нею жадными глазами.

А работа?

Работы нѣтъ; на сто тысячъ должностей имѣются двѣсти тысячъ кандидатовъ. Четыреста тысячъ молодыхъ рукъ протягиваются съ мольбой о работѣ, о правѣ на честный заработокъ. Являются только молодыя; старыхъ не принимаютъ: ихъ глаза ослабѣли отъ слезъ, онѣ портятъ работу, а главное—хозяева и прикащики не могутъ ухаживать за ними. Надо молодыхъ, но и ихъ слишкомъ, слишкомъ много. Вездѣ избытокъ рабочихъ рукъ, вездѣ избытокъ голодныхъ ртовъ! А заработки, возбуждающіе такую зависть, не превышаютъ нѣсколькихъ шиллинговъ въ недѣлю,—сумма едва достаточная для обезпеченія убогаго ложа и куска хлѣба за тяжелый, часто смертельный трудъ! *).

— Мать и сестра умерли надъ этой работой, говорила мнѣ работница на фабрикѣ дѣтскаго платья.—Швейная машина убійственна. Столяры и кирпичники счастливѣе насъ: у нихъ только руки заняты,—у насъ-же работаютъ и ноги, и руки, а глаза безостановочно слѣдятъ за иглой. Въ то-же время голова трещитъ отъ стука пятидесяти колесъ; вены такъ распухаютъ, что мы принуждены перевязывать себѣ кисть руки. Я начала съ тринадцати лѣтъ; теперь мнѣ ихъ восемнадцать; быть можетъ, я протяну еще пять-шесть лѣтъ...

— А потомъ?

— Ну, потомъ... потомъ...

И это одна изъ избранныхъ. Согнувшись въ три погибели надъ адскимъ двигателемъ, она можетъ десятичасовымъ трудомъ добывать до двухъ шиллинговъ. Впрочемъ, за вычетомъ нерабочихъ дней, и она выручаетъ не болѣе пятнадцати рублей въ мѣсяцъ.

На митингѣ, въ одномъ изъ богатыхъ приходоѡ, куда собралось до тысячи модистокъ, швей и бѣлошвейекъ, президентъ поставилъ вопросъ:

— Сколько изъ васъ заработали по восьми шиллинговъ за прошлую недѣлю?

Отвѣта не послѣдовало.

*) Наприм., въ Oldbury, въ „Черной странѣ“, производятся работы, отъ которыхъ кожа дѣлается зеленою, зубы—синими, волосы сдѣвуютъ, и появляется пляска св. Вита, „какъ будто въ жилахъ течетъ расплавленное олово“ Фосфоръ такъ отравляетъ работниковъ, что они заживо сгниваютъ.

— Сколько получили по семи шиллинговъ?

Тоже молчаніе.

— Сколько по шести шиллинговъ?

Пять женщинъ подняли руку. Тринадцать заработали по пяти шиллинговъ; двадцать восемь — по четыре; съ сотню — по три; около двухсотъ-пятидесяти — по два и по одному; а остальные — ничего! И это было въ началѣ зимы... Несчастныя вездѣ получали одинъ отвѣтъ:

— У насъ работницъ больше чѣмъ надо; приходите въ другой разъ.

Въ другой разъ! Когда-же? Когда-же, наконецъ?!

А между тѣмъ надо жить, надо ѣсть, одѣваться, платить за конуру.

Что-же дѣлать?

Спросите это у 250,000 лондонскихъ проституттокъ!

Да, двѣсти-пятьдесятъ тысячъ, — мы повторяемъ эту цифру, которая, во всякомъ случаѣ, скорѣе ниже, чѣмъ выше дѣйствительной. Двѣсти-пятьдесятъ тысячъ — почти четвертая часть всѣхъ зрѣлыхъ женщинъ и дѣвушекъ чудовищнаго города; да кромѣ того, маленькія дѣвочки, добывающія кусокъ хлѣба этимъ ремесломъ, статистикою не считаются!

И это въ столицѣ легендарной страны пуританства, чтенія Библии, проповѣдей и безчисленныхъ церквей!

Двѣсти-пятьдесятъ тысячъ жертвъ живой цивилизаціи и лицемернаго общества! Жертвы эти преданы съ дѣтства разврату и пороку; онѣ увлечены и брошены въ роковое колесо, кружащееся среди богатства и веселья, раздавливающее совѣсть и тѣло, превращая ихъ въ человѣческія лохмотья, все болѣе и болѣе погрязающія въ тинѣ общественной неправды.

Нищета, эта великая укротительница людей, все пригнула, разбила, раздавила; она убила всѣ привязанности и изсушила даже материнское сердце.

— Не надо-ли вамъ дѣвочку, джентльменъ?

Джентльменъ оборачивается. Голосъ тихій и мягкій, говорящая женщина имѣетъ честный видъ; она чисто одѣта въ темное платье и въ черную вдовью шляпу съ бѣлымъ крепомъ. На лѣвой рукѣ она несетъ двухлѣтнюю дѣвочку; другая, лѣтъ десяти, держится за правую. Женщина сильно утомлена на видъ и повторяетъ жалобнымъ голосомъ:

— Дѣвочку, джентльменъ?

— Что вамъ надо?

— Она все умѣетъ дѣлать; она очень проворна; она будетъ прибирать вашу комнату и наливать чай...

— Баагодарю васъ, мнѣ не надо прислуги; я ищю—модель.

— Модель! Ахъ, возьмите ее! Она прекрасно сложена; отецъ ея былъ одинъ изъ наикрасивѣйшихъ конногвардейцевъ ея величества. Вы не смотрите, что она такъ худа; вы ее будете кормить каждый день и увидите, какъ она скоро поправится. Она будетъ слушаться васъ во всемъ. Не такъ-ли, Дженни? Ты все будешь дѣлать, что прикажетъ джентльмэнъ?

— Да, мама.

— Джентльмэнъ, послушайте: если это для рисованія ангеловъ и амуровъ, у меня есть другія дѣвочки, моложе и толще...

Но джентльмэнъ продолжаетъ свой путь, уже болѣе не оборачиваясь, и заботливая маменька обращается къ другому...

IV.

Крипли и Бумъ.

Когда я вошелъ, пари уже были въ полномъ разгарѣ. Шиллинги и полу-соверѣны появлялись изъ кармановъ грубыхъ работниковъ, а въ рукахъ воровъ блестяло золото при свѣтѣ двухъ газовыхъ рожковъ.

— Пять шиллинговъ за Крипли.

— Два фунта за Крипли.

— Пять фунтовъ за Бума.

— Десять!

— Двадцать!

Двадцать фунтовъ стерлинговъ. Итого около двухсотъ рублей. Выше этого не пошли; но, принимая во вниманіе прорванные штаны и засаленные воротники посѣтителей, и эта цифра была внушительна. Эти оборванцы швыряли золотыя гинеи какъ мѣдныя гроши.

За то-же, правда, и программа была соблазнительная:

Крипли и Бум! Навѣрное, кровь потечетъ; потечетъ алая жидкость, эссенція жизни, при видѣ которой дрожь пробѣгаетъ по спинѣ нервныхъ женщинъ и чувствительныхъ мужчинъ.

Однако, женщинъ было мало: всего пять-шесть, все молоденькія, почти дѣвочки, приведенныя любовниками. За то мужчинъ было такое множество, что приходилось чуть не задыхаться въ низкой залѣ одного изъ питейныхъ заведеній *Wapping's*.

Въ срединѣ было оставлено пустое мѣсто, не болѣе десяти квадратныхъ шаговъ: это—*арена*.

Публика была все избранная. Два колосса стояли у дверей, выпуская посѣтителей съ большимъ разборомъ. Я могъ проскользнуть, благодаря покровительству «старога брата», которому за меня ручался самый знаменитый боксеръ, Джемми Шау, одинъ изъ

высокоуважаемыхъ авторитетовъ этого общества. Дѣло происходило въ одной изъ подпольныхъ тавернъ глухой и зловѣщей улицы близъ Темзы, мрачныя, сонныя волны которой заглушали всякій шумъ. Заведеніе пользовалось очень сомнительною репутаціею, побуждавшею блюстителей порядка не заглядывать туда безъ надобности..

Всѣ ставки поставлены. Часы бьютъ восемь. Вниманіе зрителей напрягается до крайняго предѣла; въ залѣ мгновенно водворяется мертвая тишина, нарушаемая только хриплымъ дыханіемъ пьяницъ. Здѣсь мы не въ Парижѣ, и если сказано *восемь* часовъ, то это не означаетъ половины девятаго. Въ Англіи неизвѣстна даже «академическая четверть часа», придуманная зѣваками и лѣбтяями. При послѣднемъ ударѣ часовъ дверь открывается, и зала оглашается бѣшеннымъ рукоплесканіемъ въ честь входящаго бойца:

— Крипли! Крипли!

Огромная масса голаго тѣла подвигается, раскачиваясь, какъ маятникъ, въ обѣ стороны. Съ перваго взгляда я не могъ отдать себѣ отчета, что за человѣкоподобное существо появилось передо мною. Ростомъ оно было не выше трехъ футовъ. Я думалъ, было, что это тотъ карликъ Врумми, котораго Джемсъ Гринвудъ, авторъ «Маленькаго оборвыша», открылъ, лѣтъ шесть-семь тому назадъ, въ одной изъ тавернъ *Hanley*'я. Только когда онъ выползъ на средину и когда свѣтъ ярко озарилъ его, я могъ убѣдиться, что мнимый карликъ этотъ былъ пересѣченный пополамъ великанъ, съ ногами, отрѣзанными по самое туловище.

Это фантастически-чудовищное существо быстро ползло на своемъ сѣдалищѣ, вдѣтомъ въ кожаный мѣшокъ до самаго пояса, и опираясь, какъ чимпанзе, на мощныя, циклопскія руки. Впрочемъ, голова его скорѣе напоминала бульдога, чѣмъ обезьяну. Низкій, убѣгающій назадъ лобъ, короткій носъ, громадный ротъ и большіе, круглые, влажные глаза, какъ-будто плававшіе въ потухшихъ впадинахъ подъ густыми бровями.

Поклоняся публикѣ, онъ сталъ у одного изъ двухъ столбовъ, крѣпко придѣланныхъ на аренѣ. Къ столбу было прикрѣплено желѣзное кольцо съ гимнастическимъ поясомъ; Крипли надѣлъ этотъ поясъ на себя и, такимъ образомъ, очутился прикованнымъ къ столбу.

Всѣ мускулы выступали на его геркулесовомъ туловищѣ, и тѣмъ отчетливѣе, что волосы на груди и на лицѣ, за исключеніемъ щетинистыхъ усовъ, были тщательно выбриты. Грудь была исполосована длинными бѣлыми и красными шрамами, а руки съ непомятно выдающимися двуглавыми мышцами были страшно изо-

драны, какъ будто побывали между зубчатыхъ колесъ могучей шестерни. На лѣвой рукѣ недоставало двухъ пальцевъ.

Крипли прислонился съ столбу, натеръ себѣ тѣло горстью песка и затѣмъ, желая улыбнуться, показалъ зубы, какъ-бы собирался укусить. Эта звѣрская улыбка, этотъ безконечно грустный взглядъ, это туловище безъ ногъ, испещренное сѣтью странныхъ шрамовъ,—ясно говорили о многихъ трагическихъ происшествіяхъ.

Отвратительный и въ то же время—герой, прекрасный и презрѣнный, звѣрь и человѣкъ,—въ дикихъ зеленоватыхъ глазахъ его читались ужасныя драмы и мелькали какъ будто тѣни утопленниковъ. Когда Гринвудъ описалъ кровавое побоище карлика Брумми съ Физикомъ, его обвинили во лжи, и общественное негодованіе обрушилось на смѣлаго обличителя, обвиненнаго, будто-бы въ диффамациі доблестной Англіи. Возможности такихъ сценъ въ XIX столѣтіи, въ просвѣщенномъ Лондонѣ, не хотѣлъ вѣрить никто...

Зрѣлище не менѣе возмутительное и кровавое готово было совершиться теперь передъ моими глазами.

Хриплый глосъ, выходявшій словно изъ подполья, произнесъ:
— Я готовъ, джентльмены; можно начинать.

Эти слова были сказаны безногимъ человѣкомъ, и тотчасъ-же послышались быстрые шаги, прерывающееся дыханіе и глухое ворчаніе какаго-то звѣря. Вотъ онъ!

Поднялся страшный шумъ и дикій смѣхъ, прерываемый ликующими возгласами:

— Бумъ! Бумъ! Бумъ!

На сцену явился второй боецъ.

Налегая изо всѣхъ силъ на желѣзную цѣпь, онъ чуть не валилъ съ ногъ своего хозяина хотя тотъ былъ и здоровенный дѣтина. Наконецъ, показалась громадная голова бульдога со страшною разинутою пастью. Песъ обошелъ вдругъ арены, привѣтствуемый неистовыми рукоплесканіями, и былъ привязанъ хозяиномъ къ другому столбу, противъ Крипли, на разстояніи двухъ ярдовъ.

Мускуламъ Крипли могла-бы позавидовать ломовая лошадь; но собака обладала бычачимъ сложеніемъ: она была ростомъ нѣсколько выше самаго Крипли. Пасть за пасть, собака не уступала человѣку. На обоихъ читались тѣ-же пороки, тѣ-же низменные инстинкты. Главное-же ихъ сходство заключалось въ одинаковой степени звѣрства.

Пока цѣпь прикрѣпляли къ желѣзному крюку столба, песъ глухо залаялъ на изувѣченнаго гиганта, который, въ отвѣтъ ему, разинулъ пасть. Это вызвало взрывъ хохота въ толпѣ и еще болѣе восторженные крики:

— Бумъ! Бумъ! Бумъ! Здорово, старина!

Распорядитель зрѣлища не безъ труда могъ добиться молчанія.

Крики эти видимо раздражали калѣку: собаку привѣтствовали сочувственнѣе, чѣмъ его! Въ немъ закипѣла законная зависть: въ борьбѣ сочувствіе публики составляетъ важное преимущество. Пока кричали и шумѣли, раззадоренная собака, съ пѣной у рта, тянула цѣпь и бѣшено лаяла: она чужла свѣжее мясо, горячую кровь. У разъяреннаго человѣка пѣна тоже выступила у рта.

Наконецъ, толпа смолкла.

Криппли сталъ въ позицію боксера; правая рука наготовѣ для удара, а лѣвая выдвинута впередъ. Страшные кулаки противъ грозныхъ клыковъ; клыки подлинно были грозные, а кулаки-страшные. Распорядитель подалъ сигналъ: «Начинайте»!

Хозяинъ, державшій собаку за ошейникъ выпустилъ ее, но ея прыжокъ былъ такъ силенъ, что туго натянутая цѣпь отбросила назадъ бульдога. Бумъ бросился опять. Послышалось хрустѣніе раздробляемой кости: подъ кулакомъ калѣки трещала челюсть пса.

Оба были привязаны къ своимъ столбамъ; человѣкъ не могъ отступить, а собака не могла переступить длину цѣпи. Все было рассчитано по строгой справедливости: кулаки бойца могли достать собаку, а собачьи клыки могли рвать ему грудь и руки. «Fair play!»—дѣло на чистоту,—все было исполнено по правиламъ! Многіе выражали, однако, неудовольствіе: они хотѣли, чтобы оба бойца были натравлены другъ на друга безъ всякихъ преградъ и цѣпей...

Второй ударъ повалилъ собаку на-земь. Она вскочила со страшнымъ рычаніемъ и снова ринулась впередъ. Теперь-то и началась настоящая свалка.

Никакое описаніе не можетъ передать всего ужаса этого безобразнаго состязанія калѣки съ бульдогомъ.

— Молодцы! молодцы оба! Еще! еще! Таеъ, таеъ, кусай! Ай, да Криппли! Бумъ, Бумъ! Ура!

Кровь лилась ручьемъ: собачья на человѣка, а человѣческая—на собаку.

Это длилось, мнѣ казалось, цѣлую вѣчность!

Пробило четверть девятаго. Толпа неистово кричала:

— Бумъ! Бумъ! Бумъ! Криппли!

Три раза Бумъ и одинъ разъ Криппли:—очевидно, что, изъ двухъ тварей, четвероногая возбуждала больше сочувствія въ публикѣ: она оказывалась сильнѣе...

— Бумъ, кусь, кусь! не выпускай его! Бей, Криппли! Бей!

И Криппли билъ; его правая рука, какъ кузнечный молотъ, поднималась и опускалась надъ живой наковальней, видимо распухавшей.

А песь впился зубами въ кисть лѣвой руки и грызъ ее тѣмъ упорнѣе, чѣмъ сильнѣе Крипли молотилъ по его головѣ.

— Хорошенько его, Бумъ! благородный звѣрь! Усь, усь, усь! Бей его, Крипли! Ура, Бумъ!

Внѣ себя, въ припадкѣ бѣшеной злобы, Крипли все билъ, да билъ: по головѣ, по глазамъ, по ушамъ, по носу, по пасти! Но бульдогъ все крѣпче стискивалъ страшные зубы. Кровь брызгала подъ каждымъ ударомъ кулака и лилась широкой струей изъ прокусанной руки Крипли. Гигантъ, бывшій въ началѣ побоища очень краснымъ, начиналъ уже блѣднѣть; потъ лилъ съ него ручьями. Онъ попытался усиленными ударами раздробить черепъ бульдога, но какъ изъ мѣди отлитая собачья кость не поддавалась.

— Глазъ, другъ мой, глазъ! раздался вдругъ женскій голосъ.

Прехорошенькая вѣдьма, лѣтъ двадцати, съ выраженіемъ страха и бѣшенства на красивомъ, блѣдномъ лицѣ, живописно отхѣняе-момъ распущенными волосами, бросилась на арену, расталкивая локтями удивленную толпу.

Голосъ ея прерывался отъ волненія; она все повторяла:

— Джонни, дорогой мой,—глазъ! глазъ!

Чего она хотѣла? Что надо было сдѣлать съ глазомъ бульдога, и безъ того уже почти ослѣпленнаго частыми ударами богатыр-скаго кулака?

Крипли понялъ; судорожною рукою схватилъ онъ лобъ собаки и нѣсколько мгновеній какъ будто ощупывалъ его большимъ паль-цемъ... Внезапно песь выпустилъ его руку и жалобно завылъ. За-тѣмъ, высунувъ кровавый языкъ и разинувъ пасть, онъ завертѣлся, стараясь схватить свой глазъ, оказавшійся висящимъ на обрван-ленной мордѣ.

Поднялся неописанный гвалтъ.

— Позоръ! позоръ! Нѣтъ, это не честный бой! кричали обор-ванцы.

А невозмутимый побѣдитель, тѣмъ временемъ, заливалъ кирпич-ный полъ потоками алой крови, струившейся изъ истерзанной руки...

V.

Хозяйство маленькаго Дика.

Маленькій Дикъ родился неизвѣстно гдѣ и отъ неизвѣстныхъ родителей. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнитъ, будучи еще ма-ленькимъ, совсѣмъ маленькимъ, онъ спалъ на ступеняхъ подъѣз-довъ, между кустарниками парковъ или подъ сводами мостовъ. Во снѣ его постоянно беспокоилъ кошмаръ: передъ его глазами

являлась высокая фигура полицейскаго. Тогда маленькій Дикъ вскакивалъ, какъ встрепанный, и пускался бѣжать со всѣхъ ногъ, пока мрачный силуэтъ не исчезалъ въ ночной темнотѣ.

Бездомный нищій не можетъ спать одинъ; ему необходимо найти товарища: пока одинъ спитъ, другой—сторожить. Кромѣ того, вдвоемъ теплѣе. Дикъ нашелъ себѣ товарища; прижавшись другъ къ другу, они взаимно согрѣвались, и каждый поочереды сторожилъ, широко открывая глаза и усиленно настораживая уши. По десяти разъ въ ночь тотъ, который наблюдалъ, толкалъ, другого:

— Вставай, вставай,—Бобби *) идетъ!

И оба пускались по темнымъ закоулкамъ, какъ бѣглецы каторжники. Спать на улицѣ, не имѣя квартиры, составляетъ преступленіе. Надо идти, идти безъ конца, подъ опасеніемъ тюрьмы. Дѣти-же, еще болѣе взрослыхъ, питаютъ къ заключенію непреодолимый страхъ. Потому-то Дикъ и его маленькій другъ поспѣшно удирали и только тогда успокоивались, когда не слышали за собою шаговъ страшнаго полицейскаго. Тогда, почти задыхаясь отъ усиленнаго движенія, они опускались въ какой нибудь темный уголокъ, изнемогая отъ усталости, и вновь впадали въ безпокойный сонъ, боязливо вслушиваясь въ ночную тишину.

Если спать представлялось труднымъ дѣломъ, то ѣсть являлось задачею почти-что неразрѣшимую. Впрочемъ, голодные желудки одарены богатою изобрѣтательностью и не изнѣжены, какъ тѣ, которые привыкли наполняться правильно.

Въ уличной грязи валяются разные объѣдки. Нерашильные школяры роняютъ хлѣбъ у подъѣздовъ школъ; иногда, гдѣ нибудь на подоконникѣ или на стѣнкѣ сквера, лежитъ, завернутый въ газету, кусокъ прокисшаго и засохшаго мяса или хлѣбная корка, положенные тутъ для бѣдняковъ сострадательными и сытыми обывателями; кромѣ того, во время сильныхъ жаровъ, когда у рыбныхъ торговцевъ товаръ начинаетъ отдавать запахомъ сыра,—для голытьбы настаютъ дни лукулловскихъ пиршествъ. Купецъ, съ утра обмывающій свою рыбу водою, убѣждается къ вечеру, что грѣхи ея не омоешь и въ семи водахъ; тогда онъ рѣшается избавиться отъ нея во что-бы-то ни стало. Бѣдняки очень хорошо это знаютъ, и, выстроившись въ рядъ на противоположномъ тротуарѣ, они съ тоскливымъ вниманіемъ ждутъ благопріятной минуты...

Ихъ тутъ человекъ двадцать, тридцать, а то и сорокъ,—молдыхъ, старыхъ, мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Они легко теряютъ

*) Уменьшительное отъ *Робертъ*;— кличка эта дана полицменамъ вслѣдствіе того, что лондонская полиція была переорганизована *Робертъ Лилемъ*.

терпѣніе, такъ какъ каждая лишняя секунда увеличиваетъ число голодныхъ ртовъ и слѣдовательно уменьшаетъ порцію каждаго!

Наконецъ, сигналъ поданъ! Оборванная толпа бросается и мгновенно очищаетъ лотки, покрытые отвратительнымъ, зловоннымъ товаромъ. Купецъ-же и его прикащики заговариваютъ съ этими обжорами, ругаютъ ихъ, приходятъ въ отчаяніе отъ пропажи товара, но на самомъ дѣлѣ гордятся своею щедростью.

Лавка очищена, и каждый уходитъ, унося домой доставшуюся ему добычу. Такимъ образомъ иногда и на долю маленькаго Дика перепали лакомые куски; онъ былъ такъ тонокъ и малъ, что ему удавалось незамѣтно проскользнуть между взрослыхъ и неожиданно очутиться, хотя и избитому, но одному изъ первыхъ, у самаго лотка. Затѣмъ онъ скорѣе убирался прочь, зажигалъ гдѣ-нибудь въ углу двѣ-три газеты, поднятыя на улицѣ, и жарилъ свою рыбу.

Но эти празднества рѣдки. Иногда бѣдному маленькому Дику случалось сильно проголодаться. Тогда онъ отправлялся на берегъ Темзы во время отлива, когда слой грязи выступаетъ изъ подъ воды, и умолялъ извозчиковъ бросить ему пенни; а когда брошенный джоею рукою пенни глубоко тонуть въ воющую тинѣ, онъ погружалъ туда свои крошечныя руки по самыя плечи и побѣдоносно распѣвалъ, когда ему удавалось розыскать маленькую монету.

У Дика были честолюбивые замыслы: онъ мечталъ сдѣлаться продавцемъ спичекъ. Это даетъ хорошій заработокъ, но ему никогда не удавалось собрать капиталъ въ шесть пенсовъ, необходимый для первоначальнаго обзаведенія: онъ обладалъ необузданною прозорливостью, и какъ-только ему перепалъ хоть одинъ пенсъ, онъ стремительно бѣжалъ въ булочную. Дикъ часто укорялъ себя за жадность и обжорство; но преодолѣть ихъ было выше его силъ. Кромѣ того, существовало еще другое затрудненіе: куда-бы онъ пряталъ на ночь непроданный товаръ, если ему самому приходились ночевать въ разныхъ углахъ?

Немудрено, что въ одиннадцать лѣтъ маленькому Дику можно было дать ихъ всего восемь; щеки у него ввалились, а подъ глазами видѣлись темные круги.—«У, сволочь, щенокъ!» говоритъ при встрѣчѣ съ нимъ толстый Джонъ-Булль,—«тюремныя косточки, добыча висѣлицы!» Но эти дерзости мало трогали нашего маленькаго героя. Скоро и въ его жизни блеснулъ солнечный лучъ, и, въ первый разъ, его дѣтское сердечко переполнилось надеждою.

Онъ обзавелся «женою»; у него есть ремесло! Онъ избралъ центромъ своей промышленной дѣятельности старую Кентскую дорогу, по которой ежеминутно снуютъ omnibusы изъ Лондона въ

Гринвичъ и обратно. Онъ вертится колесомъ мимо каретъ, и почти ни одна не проѣзжаетъ безъ того, чтобы ему не бросили за это нѣсколькихъ пенсовъ.

Тогда,—такъ-какъ онъ все-же сильно голодаетъ и не довѣряетъ самому себѣ,—онъ несетъ деньги восьмилѣтней дѣвочкѣ, которая продаетъ цвѣты пьянымъ господамъ, выходящимъ изъ питейныхъ домовъ.

Эта дѣвочка—жена Дика. Она заботливо вытираетъ ему вспотѣвшую рожицу угломъ своего фартука и ласково приговариваетъ: «Какъ тебѣ жарко, бѣдный мой Дикъ! Смотри, не простудись, голубчикъ!»

Она слѣдитъ за нимъ глазами; она имъ гордится, глубокоувѣренная что, Дикъ лучше всѣхъ другихъ своихъ сверстниковъ умѣетъ вертѣться колесомъ.

Я видѣлъ хозяйство маленькаго Дика. Это темная дыра для угля, подъ лѣстницей; старуха отдаетъ имъ ее за шесть пенсовъ въ недѣлю, подъ условіемъ, чтобы они никогда не зажигали огня. Постели не имѣется, но что за важность! Ни Дикъ, ни подруга его не привыкли къ такой роскоши; обрывокъ стараго ковра, найденный въ кучѣ сора, замѣняетъ имъ ее съ большимъ удобствомъ. Маленькая Дженни провела цѣлый день за чисткой и мытьемъ этого ковра. Она завѣсила грязныя стѣны чулана газетными иллюстраціями, подобранными то тамъ, то сямъ; она купила крошечное зеркальце, газъ и кувшинъ.

Ночью, когда весь домъ уже спитъ они, не стѣсняясь условіемъ, зажигаютъ огарокъ, и, прижавшись другъ къ другу подъ лохмотьями, оба широко раскрываютъ глаза и удивленно осматриваются,—они счастливы.

Покинутые всѣми, они сумѣли создать себѣ *home*, за который платятъ: они *у себя*,—они могутъ спокойно спать; одинъ изъ двухъ не принужденъ сторожить, а другого не приходится толкать и внезапно будить тревожнымъ крикомъ:—«Вставай, вставай, идетъ Бобби!»

VI.

Дѣло Фанни Клэреджъ.

— Крайне безнравственное дѣло! говоритъ предсѣдатель полицейскаго судилища.

Но его мнѣніе мало интересуеть Фанни. Это—женщина уже немолодая, и красота ея, если она и была когда-нибудь красивой, давно исчезла. Однако, несмотря на ея сорокъ лѣтъ, она нашла таки цѣнителя, не побрезгавшаго ею. Этотъ любитель перерзлыхъ плодовъ самъ не юноша—ему сорокъ-пять лѣтъ, и можно-бы

было предположить, что эти почтенные года, въ соединеніи съ ремесломъ дамскаго башмачника, придадутъ ему должную солидность и основательность. По процессу оказывается, что цѣнитель перерзѣлой красоты отдаетъ, однако, предпочтеніе еще нераспустившимся бутонамъ. Случилось на грѣхъ, что коварный обольститель повелъ къ вѣнцу дочь имъ-же покинутой любовницы, да еще какъ разъ на слѣдующій день послѣ того, какъ она подарила его младенцемъ!

Выраженіе «повелъ къ вѣнцу» не больше какъ метафора, потому что дѣло ограничилось простымъ заявленіемъ въ «Registrar Office», гдѣ одновременно записываются браки, рожденія и смертные случаи.

Но добрая Фанни Клэреджъ не мститъ измѣннику, очутившемуся ея-же собственнымъ зятемъ. Она привлекаетъ его къ суду единственно затѣмъ, чтобы обезпечить содержаніе прижитаго съ нимъ новорожденнаго.

На судѣ она не безъ гордости прижимаетъ малютку къ своей полной груди, какъ живое доказательство своей правоты.

— Да, повторяетъ предсѣдатель, — дѣло крайне безнравственное. Введите г-жу Брюсъ (молодую жену башмачника).

Всѣ взоры съ любопытствомъ устремляются на дверь, въ которую вводятъ свидѣтелей. Появляется громадная шляпа а la Rubens, съ необыкновеннымъ страусовымъ перомъ; подъ шляпой оказывается крошечное существо, съ черными волосами и глазами, худое и блѣдное; оно тихо подвигается съ опущенными глазами.

— Что это за дѣвочка? спрашиваетъ судья. — Полисмень, развѣ вы не слышали? Я велѣлъ ввести перваго свидѣтеля, г-жу Брюсъ.

— Она самая и есть, осмѣлюсь доложить вашей милости.

Судья вытираетъ свои очки и, тщательно прежняго укрѣпивъ ихъ на носу, зорко осматриваетъ свидѣтельницу.

— Приблизьтесь... Сколько вамъ лѣтъ?

Дѣтскій голосъ лепечетъ невнятные слова.

— Говорите громче.

— Четырнадцать лѣтъ, сэръ.

Четырнадцать лѣтъ!.. Не можетъ быть!.. Это ребенокъ, блѣдный, худенькій, жалкій въ своей безпомощной миловидности!

Публика въ изумленіи. Повивальная бабка, сидящая позади меня, божится, что она прибавляетъ себѣ по крайней мѣрѣ цѣлый годъ, а завсегдатай изъ сосѣдняго кабака увѣряетъ, что всего мѣсяцевъ пять—шесть тому назадъ она приходила за джиномъ для матери съ куклою на рукахъ.

— Когда-же вамъ минуло четырнадцать лѣтъ?

— Мѣсяць тому назадъ.

«Дѣло» № 3, 1884 г. I.

— А когда вы вышли замужъ?

— Въ прошломъ мѣсяцѣ.

— Гдѣ-же вы добыли священника, согласившагося васъ обвѣнчать?

— Никакого священника не было, вмѣшивается защитникъ.— Бракъ былъ заключенъ въ Registrar Office, на основаніи словъ ея матери, объявившей, что дочери ея минуло семнадцать лѣтъ.

— Истица, приблизьтесь.

Фанни Клэреджъ подходитъ, набожно цѣлуетъ Библию, поданную ей полисменомъ, и клянется говорить правду, всю правду и одну только правду. Она солидная матрона надлежащей полноты, въ таковой-же шляпѣ, какъ и дочь, но, вмѣсто страусова пера, на ея «Рубенсѣ» сидитъ сизая райская птица.

— Вся безнравственность этого дѣла, ваша милость, тараторить она,—заключается въ лживости и лицемеріи этого человѣка, лишеннаго всякихъ принциповъ. Давай онъ мнѣ только двѣ кроны въ недѣлю на пропитаніе этой бѣдной, невинной крошки, я-бы не стала беспокоить его. Надо вамъ сказать, сэръ, что всегда найдутся люди, сующіе свой носъ въ чужія дѣла. И вотъ, нѣкоторые изъ нихъ, узнавши, что г-нъ Брюсъ долженъ жениться на моей дочери, написали въ Registrar Office, донося, будто-бы она несовершеннолѣтняя, и будто я, мать невѣсты, имѣю ребенка отъ жениха. Тогда, такъ-какъ мою бѣдную голубку не хотѣли вѣнчать, я и объявила, что ей семнадцать лѣтъ и что мой ребенокъ не отъ Брюса. И вотъ, въ награду за мою доброту, этотъ господинъ отказывается отъ содержанія собственнаго сына, основываясь на моемъ-же заявленіи.

— Вы, значить, признаете, что имѣете сына отъ собственнаго зятя?

— Мой зять! Боже праведный! Да онъ-же не былъ имъ тогда! Вѣдь онъ женился на милой моей дѣвочкѣ только два мѣсяца послѣ моихъ родовъ!

— Брюсъ, признаете-ли вы себя отцомъ этого ребенка?

Брюсъ, котораго показаніе тещи видимо очень забавляетъ, встаетъ со скамьи:

— Это трудно сказать, ваша милость. Вникните хорошенько въ мое положеніе: вѣдь я отставной королевскій драгунъ, да притомъ еще съ пенсіей, а потому не удивительно, что, въ сосѣдствѣ, всѣ вдовы и дѣвицы бѣгали за мной. Г-жа Клэреджъ—одно слово—вдова и уже двадцать лѣтъ ищетъ себѣ новаго мужа; она и сообразила, что я какъ разъ подходящая партія для нее. Вотъ она и привязалась ко мнѣ, какъ оводъ къ лошади; мнѣ-же она очень

скоро опротивѣла своею ужасною безнравственностью. Ну, я и взялъ за себя ея дочь. Чего-же ей еще отъ меня надо?

— Содержанія твоего-же ребенка, негодяй! восклицаетъ г-жа Клэреджъ.

— И вамъ не совѣстно было жениться на дочери, послѣ того, какъ вы-же увеличили семью ея матери? спрашиваетъ судья.

— Ну ужь, сэръ! Кто только не прирацалъ ея семьи! Спросите-ка ее, сколько у нея незаконныхъ дѣтей! Гнусная тварь! Спросите только, изъ любознательности.

— Да этотъ-то ребенокъ вашъ или нѣтъ?

— Сама-же она объявила въ Registrar Office, что я тутъ не при чемъ.

— О, низкій лжець! кричитъ г-жа Клэреджъ:—ты знаешь, что я это сдѣлала, чтобы ты могъ жениться на дочери моей! Вѣдь я также объявила, будто ей семнадцать лѣтъ, а развѣ это правда? Развѣ ей точно семнадцать лѣтъ, чудовище! Ей, этой бѣдной, израненной голубкѣ!..

— Что вы можете сказать на это, Брюсъ?

— Я могу сказать, сэръ, что краснѣю за подобную тещу. Да, по-истинѣ, краснѣю!

Другіе свидѣтели показали, что г-жа Клэреджъ, будучи уже беременной, представляла имъ г-на Брюса какъ своего мужа и отца будущаго ребенка, и что они были не мало удивлены, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, узнавъ о его бракѣ съ дочерью.

— Г-жа Брюсъ, какимъ образомъ вы вошли въ сношенія съ этимъ человѣкомъ? допрашиваетъ судья.

Новобрачная отвѣчаетъ мягкимъ, робкимъ голоскомъ;

— Когда мама собралась рожать,—а у насъ вѣдь всего одна кровать,—она послала меня къ Брюсу.

— Развѣ у него было двѣ кровати?

— Нѣтъ, у него комната одна и кровать тоже одна. Онъ уступилъ мнѣ половину и затѣмъ сказалъ мнѣ, что любить меня гораздо больше, чѣмъ маму, потому что она слишкомъ толста и стара. Къ тому-же,—что у нея непорядочныя манеры, такъ что она не можетъ быть женою бывшаго королевскаго драгуна. Я оставалась съ нимъ три мѣсяца, пока мнѣ не минуло четырнадцати лѣтъ; тогда онъ на мнѣ женился.

— Правда-ли, что мужъ вашъ въ то-же время отецъ ребенка вашей матери?

— О, да, конечно, ваша милость! Онъ жилъ съ ней больше шести мѣсяцевъ.

Дѣло кончено. Г-нъ Брюсъ приговоренъ къ уплатѣ пяти шил-

лингвъ въ недѣлю на содержаніе незаконнаго маленькаго Брюса, пока ему не исполнится шестнадцать лѣтъ.

Г-жа Фанни Клэреджъ хлопаётъ въ ладоши и побѣдоносно выходитъ изъ суда, бросая вызывающій взглядъ на приунывшаго зятя. При выходѣ, она встрѣчается носъ къ носу со своей дочерью и, безъ всякаго предисловія, влѣпляетъ ей двѣ звучныя пощечины, приговаривая: «для передачи мужу твоему».

Маленькая женщина храбро даетъ отпоръ. Она далеко не такъ мягка и застѣнчива, какъ это можно было предположить, и горе отставному драгуну! Она его не пощадитъ, какъ не шадитъ теперь сизокрылую райскую птицу, еще такъ недавно красовавшуюся на маменькиномъ «Рубенсѣ», а теперь позорно валяющуюся въ уличной грязи.

Страусовое перо скоро слѣдуетъ за нею. Свалка въ полномъ разгарѣ; шляпы, ленты, волосы летятъ клочьями, прежде чѣмъ отставной драгунъ успѣваетъ разнять расходившихся бабъ и высвободить дочь изъ когтей маменьки.

Вскорѣ они исчезаютъ за угломъ; онъ ведетъ свою супругу за руку, бранитъ ее и, вѣроятно, грозитъ ее высѣчь, какъ гадкаго, непослушнаго ребенка.

VII.

Дѣтскія игры.

(Натуралистическій театр).

Джемсъ Гринвудъ рассказывалъ недавно, что, будучи загнанъ дождемъ въ одинъ изъ крытыхъ переулковъ *Drury Lane*'а, онъ видѣлъ тамъ представленіе, интереснѣе всѣхъ знаменитѣйшихъ драмъ, представляемыхъ на сценахъ лучшихъ театровъ этого, по преимуществу театральнаго, лондонскаго квартала.

Заломъ служитъ узкій, сырой дворъ, а сценою — полуразвалившійся сарай, куда сваливался соръ изъ сосѣднихъ домовъ. Труппа состояла изъ пяти добровольцевъ-артистовъ: двухъ маленькихъ мальчиковъ и двухъ дѣвочекъ, семи и десяти лѣтъ. Пятый, восьми или девятилѣтній ребенокъ, исполнялъ въ этомъ представленіи, конечно безсознательно, одну изъ главныхъ ролей. По костюмамъ, состоящимъ изъ отрепьевъ и лохмотьевъ, легко было признать, что дѣйствующія лица принадлежали къ тому многочисленному полчищу «*уличныхъ арабовъ*», которое выставляетъ ежегодно ужасающій свою численностью контингентъ населенія исправительныхъ домовъ и вертеповъ тайной проституціи. Сквозь безчисленныя дыры одежды виднѣлись худенькіе, тощіе дѣтскіе члены; на изможденныхъ лицахъ читалась, лучше чѣмъ въ книгѣ, повѣсть

долгихъ ночей безъ сна, безконечныхъ дней безъ куска хлѣба.

Зрителями были сами-же актеры,—безкорыстные художники, игравшіе единственно для собственнаго удовольствія, изъ любви къ искусству.

Разыгрываемая ими трагикомедія была правдивымъ повтореніемъ той дѣйствительности, въ которой они копошились всю жизнь,—дѣйствительности, съ зубовнымъ срежетомъ и съ буйнымъ смѣхомъ, со всѣми лохмотьями и пороками нищеты и съ неисчислимымъ количествомъ ребятишекъ, неизбѣжно кипащихъ во всякомъ бѣдномъ кварталѣ большихъ городовъ.

По странному совпаденію, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого полуразвалившагося сарая, въ раззолоченной и ярко освѣщенной заглѣ театра *Adelphi*, давалась въ тотъ-же день неменѣе натуралистическая драма, заимствованная лондонскимъ поставщикомъ, Чарльзомъ Ридомъ, изъ «Assommoir'a» Эмиля Золя и озаглавленная: «*Drink*» (спиртные напитки).

— Давайте-же играть, говоритъ хриповатымъ голосомъ старшій мальчикъ, хорошенкій блондинъ. Его босыя ноги, дрянныя штанишки, чуть придерживаемыя веревочкою вмѣсто пояса, обтрепанный и засаленный скюртукъ, шитый на взрослога челоуѣка, такъ что рукава пришлось разрѣзать пополамъ для нынѣшняго его обладателя, отсутствіе рубашки и грязь, покрывающая мальчугана съ ногъ до головы,—все это вмѣстѣ составляетъ такъ удачно принаровленный къ его роли костюмъ, какъ не придумалъ-бы гениальнѣйшій режиссеръ натуралистическаго театра.

Старшая дѣвочка, брюнетка съ живыми умными глазами, садится на кучу сора въ темномъ углу сарая. Она держитъ ребенка на рукахъ и убаюкиваетъ его, напѣвая обычную здѣсь колыбельную пѣсенку:

Въ казначействѣ самъ король
Денегки считаетъ;
Королева съ медомъ хлѣбъ
Въ спальнѣ уплетаетъ...

Сколько разъ слышала она эту самую пѣсенку отъ матери, поджидавшей пьянаго отца и напрасно старавшейся усыпить малютку, надрывавшагося отъ крика, потому что изъ изсякшей груди ему не удавалось извлечь ни капли молока! Для большей яркости, дѣвочка распустила волосы, наполовину закрыла ими свое лицо, чтобы придать себѣ видъ печали, и, повязавъ голову передникомъ, продолжала пѣть:

Хлѣбецъ съ медомъ ѣстъ она
Толстыми ломтями,
Или сахаръ погрызетъ
Вѣлыми зубами.

Ей самой такъ хотѣлось-бы съѣсть большой ломоть вкуснаго хлѣба съ медомъ и погрызть, хоть немножко, бѣлаго сахара. Она умолкаетъ въ задумчивости. Въ воображеніи ея живо рисуется образъ молодой, пышной, толстощекой королевы въ пурпурной мантии и золотомъ вѣнцѣ, наполняющей свой алый ротикъ вкусными ломтиками. Ея глаза разбѣгаются при видѣ тѣхъ воображаемыхъ, полныхъ гинейми мѣшковъ, которые король развязываетъ и завязываетъ въ сосѣдней комнатѣ... Но ребенокъ кричить, и она продолжаетъ:

А вухарка ихъ въ саду
Ишь бѣлье стираетъ...

— Что ты, дура, расшлася тутъ надъ своимъ проклятымъ отродьемъ! Чортъ-бы побралъ васъ обоихъ! Я прихожу съ работы безъ гроша; отъ голода животъ подвело. Давай скорѣе ѣсть, а главное—выпить принеси, скотина!

При звукахъ этого грубаго голоса, произносящаго хорошо ей знакомыя изъ дѣйствительности слова, дѣвочка мгновенно забываетъ фантастическіе образы, навѣянные дѣтскою пѣсенкою. Она мгновенно входитъ въ свою роль и крикливо возражаетъ:

— Пить тебѣ?! Прорва! Вѣдь ты и такъ уже пьянѣ свины Давидовой. Цѣлую недѣлю ты ни гроша не принесъ домой, а теперь я-же тебѣ пить давай!

Старшій мальчикъ, играющій роль пьяницы, обращается къ двумъ остальнымъ дѣтямъ:

— Помните-же: вы будете сосѣди. Когда Лиззи станетъ кричать: «Караулъ! Разбой!» вы сейчасъ-же бѣгите; только не раньше—поняли?

— А кто-же будетъ *полисменъ*? спрашиваетъ младшая дѣвочка.

— Да вы-же и *полисменами* будете, глупые. Вы прибѣжите какъ сосѣди. Потомъ сосѣди побѣгутъ за полицією, а сами уже не вернуться. Ну, вы-же и будете полисмены. А ты, Лиззи, сиди у камина и дрожи: тебѣ страшно холодно и голодно. Что-же это бѣби не кричить? Ущипни его, чтобы онъ кричалъ.

— Нѣтъ, ужъ бѣби щипать я не буду.

— Ну, такъ пой-же, по крайней мѣрѣ.

Дѣвочка запѣла дрожащимъ голосомъ:

Холодъ, голодъ; не идетъ
Что-то мой мужчина.
А придетъ онъ—все пропьетъ
И меня-же избьетъ,
Пьяная скотина...

Старшій мальчикъ, игравшій главную роль и выбѣжавшій-было

изъ сарая, вернулся, приведя въ возможный беспорядокъ свои руки, заливчато заломивъ шапку на бекрень и засунувъ руки въ карманы. Онъ въ совершенствѣ подражалъ походеу пьянаго, икалъ, спотыкался и писалъ мыслете. Потомъ, уставившись съ видомъ бессмысленной злобы противъ маленькой Лиззи, онъ проговорилъ:

— А ты еще не спишь... сволочь!

— Не сплю? окрысилась ты на него, входя съ такимъ-же совершенствомъ въ свою роль;—стала-бы я ложиться, когда не успеешь соменуть глазъ, какъ изволь подниматься, раздѣвать и укладывать тебя, грязное животное! Ты-бы лучше спросилъ, ѣла-ли я сегодня, былъ-ли уголь въ каминѣ? Нѣтъ! ему и горюшка мало. Заглянеть домой только тогда, когда прокутить послѣднюю копѣйку съ такими-же подлыми пропойцами, какъ и самъ. Хоть-бы рюмочку *джину* принесъ жепѣ или полпинты пива!

— Пива! Неси мнѣ цѣлую пинту—смерть хочется пить.

— А деньги?

— Деньги! съ усмѣшкою мычить пьяница:—поищи хорошенъко въ своемъ карманѣ, авось найдутся. Провлятая баба! Ты, вѣдь, вѣчно норовишь припрятать отъ меня что-нибудь.

Съ совершенствомъ опытной актрисы, дѣвочка вскочила съ мѣста, уперлась руками въ бока и, грозно наступая на пьяницу, отчитала ему, что довольно съ него и того, что самъ онъ зарабатываетъ на фабрикѣ, а что своихъ крупицъ, зарабатываемыхъ стирею бѣлья у сосѣдей, она ужъ не отдастъ, а то хоть сейчасъ пропадай съ голоду.

— А-га! Такъ у тебя есть деньги! Я такъ и зналъ! прорычалъ главный актеръ и, бросивъ свою трубку и шапку, засучивъ рукава, онъ схватилъ ее, говоря: «ну, будетъ у насъ потѣха!» Однимъ толчкомъ онъ повалилъ дѣвочку на кучу сора и грубо сталъ ее обыскивать.

Лиззи, не спуская съ рукъ младенца и выдѣлывая гимнастическія чудеса, чтобы предохранить его отъ толчковъ и ударовъ, отчаянно сопротивлялась. Она царапала ему лицо, вцѣплялась въ волосы... Между ними завязалась страшнѣйшая драка, прерываемая возгласами:

— Вотъ тебѣ! съѣшь это, сволочь! Что, вкусно? Такъ вотъ еще!... и т. п.

— Караулъ! Разбой! завопила Лиззи.

Два другіе актера съ живымъ участіемъ слѣдили за безобразною картиною. Услыша условныя слова, они, въ свою очередь, выступили на сцену въ роли сосѣдей, разбуженныхъ отчаянными криками отъ сладкаго сна.

Мальчикъ, игравшій пьяницу, обратился въ нимъ будто въ припадѣхъ крайняго бѣшенства:

— Вы чего явились? Вамъ что за дѣло? Вотъ я научу васъ совать свои дурацкіе носы въ чужія дѣла...

И онъ неистово махалъ надъ ихъ головами воображаемыми щипцами отъ камина. Испуганные сосѣди стремительно убѣгають. Но тотчасъ-же двое младшихъ ребятишекъ, стуча изо всѣхъ силъ босыми ногами по плитамъ мощенаго двора, являются въ роли полисменовъ.

— У васъ опять буйство? говорятъ они, стараясь придать своимъ голосамъ соотвѣтственную этой должности сановитость. — Мы предупреждали васъ, что это вамъ не пройдетъ даромъ. Теперь — маршъ въ кутузку, мигомъ!

Лиззи бросается къ ихъ ногамъ, умоляетъ ихъ не уводить ея мужа: онъ такой добрый, пока не пьянъ. Она сама во всемъ виновата.

Блюстители порядка стоятъ въ недоумѣніи. Дѣвочка, обшаривъ свои юбки, вытаскиваетъ пуговицу, играющую роль шестипенсовой монеты: лондонская голытьба считаетъ ее за талисманъ, обладающій волшебнымъ смягчительнымъ дѣйствиємъ на нравы Бобби.

И дѣйствительно, грозныя лица представителей порядка и власти озаряются благодушными улыбками. Актеры, изображавшіе полисменовъ, мгновенно превращаются въ сосѣдей, явившихся поздравить супруговъ съ благополучнымъ исходомъ этого дѣла.

Во имя *бэби*, котораго Лиззи не спустила съ рукъ во все это время и который реветъ благимъ матомъ, немало содѣйствуя тѣмъ бессознательно натуралистическому эффекту представленія, они умоляютъ пьяницу обнять сейчасъ-же свою жену. Онъ исполняетъ это съ большимъ удовольствіемъ, объявляя сосѣдямъ, что сокровища, подобнаго его дорогой половинѣ, не сыскать въ цѣломъ Лондонѣ, тогда какъ самъ онъ — въ сущности пьяная скотина. Онъ даже упраскиваетъ сосѣдей надѣть ему на шею камень и бросить въ Темзу, чтобы избавить его отъ непріятнаго утружденія продѣлать это самому.

Разцѣптывая при этихъ словахъ Лиззи снова находить въ своихъ юбкахъ уже знакомую намъ пуговицу, играющую роль шестипенсовой монеты, предназначенной на этотъ разъ на покупку не полисменской совѣсти, а цѣлой кружки портера.

Розыскавъ въ кучѣ сора половину устричной раковины, ребятишки передаютъ ее изъ рукъ въ руки, дѣлая видъ, будто съ наслажденіемъ попиваютъ изъ нея одуряющую темно-бурую влагу.

Н. К.

РУФИНА КАЗДОВА.

Романъ въ 3-ти частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА XIV.

Судьба отнеслась къ Евлампову сначала ласково. Обстоятельства складывались такъ, что, по мнѣнію всѣхъ, онъ неминуемо долженъ былъ сдѣлать блестящую карьеру въ жизни. «Вашъ сынъ въ сорочкѣ родился!» говаривали не безъ зависти его матери.

Дѣйствительно, было чему позавидовать. Сынъ бѣдныхъ родителей, онъ попалъ, благодаря счастливой случайности, въ домъ графини Подольской, и воспитывался наравнѣ съ молодымъ графомъ. Графиня, женщина избалованная, пустая, но не злая, относилась къ нему добродушно или, лучше сказать, вовсе никакъ къ нему не относилась. Она обращала на него ровно столько-же вниманія, сколько и на своего сына. Отецъ Евлампова состоялъ управляющимъ при графскомъ домѣ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ и въ наше время безслѣдно исчезнувшихъ человѣческихъ индивидуумовъ, которые полагаютъ за величайшее счастье и честь служить высшимъ міра сего. Интересы графскаго дома онъ принималъ ближе къ сердцу, чѣмъ свои собственные, и умеръ, оставивъ семью безъ всякихъ средствъ къ существованію. Какъ ни была легкомысленна графиня, она, однако, понимала, что въ лицѣ Евлампова потеряла беззавѣтно-преданнаго, вѣрнаго человѣка. Въ ея маленькомъ сердцѣ теплилось нѣчто въ родѣ благодарности. Узнавъ о безвыходномъ положеніи вдовы, она, подъ впечатлѣніемъ минуты, вызвалась взять старшаго ея сына на воспитаніе. Такимъ образомъ, юный Евламповъ не

ожиданно сдѣлался товарищемъ по ученію молодаго графа. Здѣсь-же, въ графскомъ домѣ, онъ впервые познакомился съ Зуевымъ. Какъ Зуевы, такъ и Подольскіе жили въ то время въ Москвѣ. Тѣсная, восторженная дружба скоро сблизила Юрія Зуева съ Павломъ Евлампьевымъ. Блестящій, вѣтренный, но преисполненный великодушныхъ порывовъ и гуманныхъ стремленій, баричъ пришелся по душѣ ярому ненавистнику барства. Евлампьевъ полюбилъ его за доброе сердце и чистую душу, какъ онъ выражался. Зуевъ не только полюбилъ Евлампьева, онъ благоговѣлъ передъ нимъ. Нервный, впечатлительный какъ женщина, онъ легко подчинялся чужому авторитету. Евлампьевъ имѣлъ на него безграничное вліяніе. Онъ заставилъ его любить и ненавидѣть то, что самъ любилъ и ненавидѣлъ. Зуевъ готовъ былъ ожесточиться противъ людей и людской несправедливости, еслибъ ожесточеніе было сродно его кроткой, незлобивой душѣ.

Любовь Евлампьева къ сестрѣ Зуева, Клавдіи, еще болѣе сблизила друзей. Живая, красивая, умная дѣвушка безгранично властвовала надъ обоими молодыми людьми. Зуевъ былъ всецѣло преданъ своей юной сестрѣ. Фетишистъ по натурѣ, онъ возводилъ привязанности свои въ безусловное поклоненіе. Клавдія снисходительно позволяла брату обожать себя, потѣшалась надъ страстной любовью къ ней Евлампьева, и, обманувъ всѣ ожиданія, вышла за молодаго графа Подольскаго, «полюбіишее ничтожество» по мнѣнію Зуева и самой Клавдіи. «Злое, самолюбивое ничтожество», прибавлялъ Евлампьевъ, глубоко ненавидѣвшій товарища по ученю. Клавдія пожимала плечами и смѣялась.

— Въ семьѣ нѣтъ равныхъ, говорила она открыто.— Одинъ властвуетъ, другой подчиняется. Я предпочитаю властвовать. Ваше «злое, самолюбивое ничтожество», обратилась она разъ съ задирающимъ смѣхомъ къ Евлампьеву, — дасть мнѣ, во-первыхъ, блестящее положеніе. Не витая въ мірѣ фантазій и грезъ, подобно вамъ и Юрію, я этимъ не брезгаю. Во-вторыхъ, «ничтожество» не будетъ посягать на мою свободу, какъ... какъ вы, еслибы я вздумала влюбиться въ васъ!..

И она была такъ хороша, говоря эти, жесткія до цинизма, слова, что они будто утратили и жесткость и цинизмъ, и вызвали въ Евлампьевѣ не ненависть къ ней, а боль за утраченное счастье.

Графъ получилъ назначеніе за-границей. Молодые уѣхали. Между Клавдіей и Евлампьевымъ временно порвались всякія сношенія. Дружба его съ Зуевымъ продолжалась. Подчиняясь все болѣе и болѣе вліянію друга, будущій владѣлецъ богатыхъ вотчинъ сталъ горячимъ противникомъ помѣщичьяго строя своего времени. Онъ открыто высказывалъ намѣреніе освободить тѣ 3,000 душъ, которыя по праву наслѣдства должны были перейти къ нему. Намѣреніе безумное и преступное въ глазахъ его отца и родственниковъ. Онъ имѣлъ неосторожность часто, по примѣру Евлампьева, приводить слова Мефистофеля:

«Vom Rechte, das mit uns geboren ist,
«Von dem ist leider nie die Frage!..» ¹⁾

и пространно разсуждать по поводу смысла этихъ словъ. Разсужденія не выходили изъ области неопредѣленныхъ мечтаній и платоническаго желанія грандіозныхъ преобразованій къ лучшему въ человѣческихъ отношеніяхъ; тѣмъ не менѣе, люди его круга, за свободный складъ мыслей, считали его челоуѣкомъ опаснымъ, вольнодумцемъ, жирондистомъ. Последняя кличка дана ему была, вѣроятно, въ противоположность Евлампьеву, котораго Зуевы и ихъ родственники презрительно называли якобинцемъ, голоштанникомъ.

Повредить Евлампьеву по службѣ не представлялось возможности. Онъ не служилъ. Окончивъ годы ученья, онъ добровольно взялъ на себя веденіе запутанныхъ дѣлъ графини, въ отплату за оказанное ему благодареніе. Онъ работалъ безвозмездно, работалъ усердно. Графиня спокойно пользовалась его трудомъ, въ наивномъ предположеніи, что ея благоволеніе служить достаточнымъ вознагражденіемъ для благодарнаго воспитанника. Она и не подозрѣвала, какую ненависть, какое отвращеніе внушалъ Евлампьеву каждый одушевленный и неодушевленный предметъ въ графскомъ домѣ, и съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ онъ окончанія имъ самимъ себѣ положеннаго срока его добросовѣстной и далеко не легкой службы. Срокъ этотъ еще не истекъ, когда отцу Зуева удалось, наконецъ, убѣдить графиню, что присутствіе въ ея домѣ явнаго якобинца, «un sans-culotte enragé», компрометируетъ ее при дворѣ. Графиня, хотя и неохотно, согласи-

¹⁾ О правѣ, съ нами родившемся, никогда, къ сожалѣнію, нѣтъ рѣчи.

лась удалить Евлампьева. Ему поручили надзоръ за однимъ отдаленнымъ имѣніемъ и приказали немедленно отправиться въ путь. Евлампьевъ повиновался. По возвращеніи изъ добровольной ссылки, онъ уже не засталъ своего друга. Пріятели встрѣтились много лѣтъ спустя. Евлампьевъ измѣнился мало: поубавилась вѣра въ собственные силы, но основныя убѣжденія остались тѣ-же. Они видѣлись рѣдко, а при свиданіяхъ тщательно избѣгали касаться жгучихъ вопросовъ.

Тѣмъ неожиданнѣе было для Евлампьева выраженное Зуевымъ желаніе остаться съ нимъ наединѣ.

Лишь только дверь за Ловагинымъ закрылась, онъ придвинулъ кресло и сѣлъ напротивъ больного. Высокая спинка защищала его отъ разгорѣвшихся дровъ. Не безъ тревоги ожидалъ онъ разговора съ Зуевымъ. Онъ заранѣе уговаривалъ себя сдерживаться и не волновать больного противорѣчіями. Ему пришлось, однако, долго ждать. Зуевъ закрылъ глаза и молчалъ. Утомленный ожиданіемъ, Евлампьевъ, незамѣтно для самого себя, отвелъ глаза отъ блѣднаго, изнуреннаго лица Зуева и остановилъ ихъ на завѣшанной картинѣ. Мысли его тотчасъ-же приняли другой оборотъ и унесли его далеко изъ душнаго кабинета. Въ его памяти возникла пышная гостиная, въ которой нѣкогда висѣлъ этотъ портретъ, окруженный тепличными растеніями, и говоръ, и смѣхъ. и онъ самъ въ нарядной толпѣ графскихъ прихлебателей; и ему слышались собственные мѣткія, злая словечки, которыми онъ тѣшилъ очаровательную хозяйку этой гостиной и больно мстилъ ея гостямъ за худо скрытое пренебреженіе къ нему, проходимцу.

Зуевъ раскрылъ глаза и нѣсколько минутъ пытливо глядѣлъ на него; онъ не замѣчалъ его взгляда.

— Помнишь, Павелъ, наше послѣднее свиданіе? промолвилъ Зуевъ.

При первыхъ звукахъ его слабого голоса, Евлампьевъ поспѣшно повернулъ къ нему голову, но предложенный вопросъ такъ не вязался съ направленіемъ, принятымъ его мыслями, что онъ не понялъ его.

— Какое свиданіе? спросилъ онъ.

— Наше послѣднее свиданіе, повторилъ Зуевъ.

Евлампьевъ пожалъ плечами.

— Не понимаю, о какомъ свиданіи ты говоришь.

Зуевъ нетерпѣливо шевельнулъ рукой.

— Тогда... давно... Прощальная вечеринка въ квартирѣ твоей матери, помнишь? съ усиленіемъ пояснилъ онъ.

— Эво-на! Какія времена вспомнилъ! съ изумленіемъ вскрикнулъ Евлампьевъ.— Чего ихъ вспоминать! Была юность, прошла юность. Погибли счастье, и любовь, и вѣра, и надежда. Позади—могилы; въ настоящемъ пусто; въ будущемъ—нирвана.

Онъ коротко разсмѣялся.

— Мы тогда ошибались, проговорилъ Зуевъ.

— Эхъ, Юрій! съ сожалѣніемъ произнесъ Евлампьевъ.

— Мы ошибались, настойчиво повторилъ Зуевъ.

Онъ выпрямился въ креслѣ. На впалыхъ щекахъ выступилъ двумя пятнами яркій румянецъ. Евлампьевъ молчалъ.

— Что скрывалось подъ нашими планами облагодѣлствования рода человѣческаго? Суетное тщеславіе.

Евлампьевъ хотѣлъ заговорить, но Зуевъ жестомъ остановилъ его.

— Твоя рѣчь впереди, рѣзко проговорилъ онъ.— Что принесло тебѣ твое ненавистничество? Дало оно тебѣ счастье, миръ, покой душевный? Нѣтъ. Дало оно счастье другимъ? Нѣтъ.

— Зачѣмъ это, Юрій? мягко замѣтилъ Евлампьевъ,—зачѣмъ касаться...

— Зачѣмъ? страстно перебилъ его Зуевъ.— Затѣмъ, что ты и въ другихъ вселяешь свою двойственность, свою бесплодную нравственную тревогу. Затѣмъ, что я умираю, а ты остаешься, и твое вліяніе остается...

— Мое вліяніе тебѣ кажется такимъ опаснымъ, иронически промолвилъ Евлампьевъ.— Успокойся, ни мое, ни твое существованіе ни на іоту не измѣнятъ міровыхъ законовъ.

— Не ради тебя заговорилъ я сегодня, продолжалъ Зуевъ, упорно преслѣдуя свою мысль;— ложный стыдъ не дозволить тебѣ отказаться отъ старыхъ заблужденій... Убѣждать я тебя не берусь...

Голосъ его прервался; онъ остановился. Евлампьевъ съ тревогой слѣдилъ за его усиливающимся волненіемъ, стараясь, но напрасно, уловить истинный смыслъ его словъ.

— Не говори Юрій, кротко произнесъ онъ,—тебѣ вредно.

Но Зуевъ снова нетерпѣливымъ жестомъ остановилъ его.

— Не мѣшай мнѣ говорить, произнесъ онъ почти гнѣвно.—

Въ молодости у меня было двѣ привязанности: Клавдія, да ты. Клавдія...

— Не осуждай того, чего ты понять не можешь, прервалъ его Евлампьевъ.

— Я не хочу осуждать, но примириться съ ней не могу. Я велѣлъ поставить здѣсь ея портретъ... Черты ея вызвали во мнѣ отвращеніе... Это больно, очень больно... Хотѣлось-бы все и всѣхъ простить...

— Неумолимая безпощадность безстрастныхъ людей, нехотя промолвилъ Евлампьевъ.— Она представлялась тебѣ безплотнымъ существомъ, символомъ женскихъ добродѣтелей. Виновата-ли она, что ты строилъ иллюзіи на головныхъ представленіяхъ? Она была женщина, то-есть существо чувственное, себялюбивое и тщеславное. Красота вложила ей въ руки могущественное орудіе власти. Она имъ пользовалась...

Зуевъ нетерпѣливо слушалъ его.

— А извѣстно-ли тебѣ, что она была несчастна? спросилъ Евлампьевъ.

— Да, она мнѣ писала.

— Она тебѣ писала? съ жаромъ спросилъ Евлампьевъ.

— Да, сухо подтвердилъ Зуевъ.

Движеніемъ головы онъ прекратилъ дальнѣйшіе разспросы и продолжалъ:

— Клавдія и ты—единственные привязанности молодости. Она... ты знаешь, что она сдѣлала съ этой привязанностью! Но ты жилъ неотлучно во мнѣ. Я вѣрилъ, что въ силу нашего духовнаго сродства, ты переживаешь всѣ тѣ фазисы развитія, какіе я переживалъ, а когда во мнѣ совершился тотъ великій переворотъ, благодаря которому я прозрѣлъ и все во мнѣ улеглось, успокоилось, умиротворилось, я съ радостью думалъ, что этотъ переворотъ коснулся и тебя. Я жестоко ошибся. Мы встрѣтились чужими.

Зуевъ замолкъ; голосъ его, перешедшій въ прерывистый шопотъ, отказался служить ему. Евлампьевъ напрягалъ слухъ, чтобы слышать каждое слово. Онъ глядѣлъ мягко, спокойно на больного. Непривычное серьезное выраженіе и кроткій печальный взглядъ придавали совсѣмъ иной характеръ его широкому лицу съ крупными, словно изъ бронзы вылитыми чертами, и мощному лбу, обрамленному сѣдыми кудрями. Природа одарила его выдающеюся наружностью; жизнь исказила ее.

— Мы встрѣтились не только чужими, началъ Зуевъ послѣ непродолжительнаго молчанія,—мы встрѣтились врагами, потому что, когда люди избѣгаютъ другъ друга, они—враги. Ты шелъ рука объ руку съ выросшимъ, чуждымъ мнѣ поколѣніемъ; я въ вашемъ интеллигентномъ обществѣ очутился одинъ, болѣе одинъ, чѣмъ былъ тамъ... Сперва прїѣздъ мой возбудилъ общее любопытство. Ко мнѣ кинулись въ ожиданіи услышать блестящую теорію міровыхъ преобразованій, а я изъ своего заточенія привезъ старую евангельскую истину: «Давайте Кесарево Кесарю, а Божье—Богу». Отъ меня отошли съ улыбкой сожалѣнія. Ту-же улыбку я уловилъ и на твоемъ лицѣ. Минута была горькая... Горьше я, пожалуй, и не переживалъ ничего...

Зуевъ въ изнеможеніи опустилъ голову на подушку; онъ задыхался.

— Оставимъ этотъ разговоръ, Юрій, все такъ-же крѣтко замѣтилъ Евлампьевъ, взявъ его за руку.

Зуевъ отрицательно покачалъ головой. Онъ поборолъ свою слабость и, упорно преслѣдуя поглощавшую его мысль, снова заговорилъ:

— Да, горьше я ничего не переживалъ... Но Господу угодно было послать мнѣ утѣшеніе тамъ, гдѣ я его не ожидалъ найти. Въ семьѣ сестры моей, Настасьи Петровны... Не въ лицѣ самой Настасьи Петровны... Ее, какъ прежде, такъ и теперь, поглощаютъ однѣ мелочи жизни... не въ лицѣ Арсеня—онъ всецѣло находится подъ твоимъ вліяніемъ,—но въ лицѣ Руфи, моей племянницы и дочери моей духовной. Среди людей невѣрующихъ, суетныхъ, крѣпла, безъ всякой поддержки извнѣ, ея чистая, вѣрующая душа. Этотъ ребенокъ вознаградилъ меня сторицею за все прошлое. Ея привязанность, ея довѣріе освѣщали, отогрѣвали мою неприглядную жизнь. И мать, и братъ относятся къ ней снисходительно, свысока, какъ къ милой, доброй дѣвочкѣ—не больше. Они не понимаютъ ее, они не могутъ понять. Суетные, тщеславные, они не могутъ уразумѣть такую духовную высоту! Жить съ ней подъ одной кровлей, видѣть ее такъ близко и не чувствовать благоговѣнія, умиленія передъ такой чистотой—значить не понимать, значить...

Зуевъ запнулся. Самъ того не замѣчая, онъ говорилъ съ несвойственнымъ ему жаромъ; голосъ его, передъ тѣмъ сла-

бый, глухой, звучалъ громко. Евлампьевъ съ возрастающимъ вниманіемъ слушалъ его. Интересъ, возбужденный словами Зуева, былъ настолько великъ, что онъ подался впередъ и впился глазами въ воодушевленное лицо Зуева. Это движеніе и, еще болѣе, пыливый взглядъ, въ которомъ, сквозь напряженно-серьезное выраженіе, просвѣчивалась обычная усмѣшка, заставили Зуева запнуться среди горячаго панегирика племянницѣ. Онъ мелькомъ, недовѣрчиво посмотрѣлъ на Евлампьева и продолжалъ болѣе сдержанно:

— Да, значить не умѣть цѣнить и понимать. — Онъ овладѣлъ волненіемъ и заговорилъ еще сдержаннѣе и хладнокровнѣе:

— Я полюбилъ ее какъ дочь. Мнѣ хотѣлось-бы видѣть ее счастливой, спокойной. По моему крайнему разумѣнью, душевный покой только въ моемъ и ея міросозерцаніи. Я старался укрѣпить ее въ ея вѣрованьяхъ. Усилія мои не пропали даромъ. Но дни мои сочтены... Она останется одна. Устоитъ-ли она противъ совѣтчиковъ, которые явятся къ ней съ намѣреніемъ навязать свои модныя мнѣнія, свое невѣріе? Они явятся, это вѣрно! Они уже явились! Она такъ хороша, такъ миловидна; въ ней столько прелести! Кому-же изъ этихъ пресловутыхъ совѣтчиковъ не лестно воздѣйствовать на нее путемъ обращенія! Вотъ хоть-бы этотъ самый господинъ Ловагинъ ..

Зуевъ внезапно горько засмѣялся.

— Фарисей! лицемеръ! Будь эта дѣвушка менѣе красива, никому-бы изъ васъ и въ голову не пришло развивать ее!.. Однако, я отклонился... Не о немъ, не о нихъ рѣчь... Еще нѣсколько лѣтъ, и я могъ-бы поручиться за нее! Но Боже мой милостивый! она вѣдь еще ребенокъ! Модные доводы могутъ ослѣпить ее, тревога проникнетъ въ ея безмятежную душу... Она будетъ несчастна.

Голосъ его зазвенѣлъ. Онъ съ усиленіемъ выпрямился.

— Могу-ли я рассчитывать на то, что ты, по крайней мѣрѣ, не будешь причиной ея внутренняго разлада? Могу-ли я надѣяться, что ты не подойдешь къ ней съ намѣреніемъ пробудить въ ней мысль, какъ вы тамъ выражаетесь? Можешь-ли ты обѣщать мнѣ, во имя нашей прошлой дружбы, что ты употребишь свое вліяніе на Арсеня—она, къ сожалѣнію, горячо любитъ его—съ тѣмъ, чтобы онъ предоставилъ ее самой

себѣ? Я больше ничего не требую, ничего не желаю. Общай мнѣ исполнить мою просьбу. Я умру спокойнѣе.

Онъ сжалъ руку Евлампьева въ своихъ горячихъ рукахъ и съ мольбой глядѣлъ на него.

— Ты можешь быть покоенъ въ томъ, что касается меня, возразилъ мягко Евлампьевъ.—Я раньше не проникалъ въ душу Руфины Михайловны, я и теперь не имѣю намѣренія въ нее проникать. Душа ея для меня закрытая книга. Она, ты знаешь, не долюбливаетъ меня. Но...

Здѣсь, помимо его воли, словно злой духъ проснулся въ немъ. Онъ чуть-чуть прищурилъ глазъ; усмѣшка скользнула по его губамъ.

— Но одно-ли родительское чувство заставило тебя высказать такую просьбу?

Много-бы далъ онъ, чтобы вернуть этотъ неосторожный вопросъ. Мертвенная блѣдность распространилась по лицу Зуева; глаза потухли; дрожь пробѣжала по губамъ и плечамъ его. Онъ захватилъ въ руку край одѣяла и, нервно комкая его дрожащими пальцами, пробормоталъ:

— Я тебя не понимаю.

— Я хотѣлъ сказать, поспѣшно заговорилъ Евлампьевъ, стараясь сгладить произведенное имъ впечатлѣнiе,—не обуеваемъ-ли ты тоже страстью проповѣдничества? не руководить-ли твоими словами столько-же отецъ, сколько и проповѣдникъ?

— Не знаю, можетъ быть, вяло возразилъ Зуевъ.—Каждый полагаетъ, что стоитъ на вѣрномъ пути. Я думаю только о душевномъ покоѣ Руфи.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, заторопился отвѣтить Евлампьевъ.

Зуевъ изподлобья кинулъ на него неувѣренный, почти робкiй взглядъ и въ изнеможенiи опустилъ голову на подушку.

— Такъ ты общаешься, промолвилъ онъ, закрывая глаза.

— Общаю. Вотъ тебѣ рука моя.

Зуевъ слабо пожалъ ему руку и тотчасъ-же выпустилъ ее. Разговоръ болѣе не возобновлялся.

XV.

Каздоевъ проснулся поздно. Смутно вставали въ его отяжелѣвшей головѣ отрывчатая воспоминанiя о пережитой ночи.

Тщетно пытался онъ припомнить подробности прогулки по пустыннымъ улицамъ съ Марьей Даниловной. Подробности исчезали; оставалось одно неясное ощущеніе чего-то неприятнаго, ненужнаго, лишняго, что могло-бы и не быть. Въ спальнѣ отъ опущенныхъ тяжелыхъ драпировокъ было почти темно. Онъ лѣниво, не подымая головы, протянулъ руку за папирсою, пошарилъ около себя на ночномъ столикѣ и зажегъ спичку. Это ничтожное и, само по себѣ, безразличное дѣйствіе разсѣяло туманъ въ его головѣ. Передъ нимъ ясно, отчетливо всталъ образъ маленькой дѣвушки, разгорѣвшіеся отъ вѣтра щеки и глаза, которые заставили его, помимо воли, сдѣлать вопросъ, оставшійся безъ отвѣта.

Портьера на дверяхъ зашуршала. Ее отдернули, и въ ворвавшейся полосѣ свѣта появилась Настасья Петровна. Именно въ эту минуту Арсеню особенно не хотѣлось видѣть мать и еще менѣе говорить съ нею. Она приблизилась къ его постели.

— Я сейчасъ встану, маман! успѣшилъ онъ сказать. — Должно быть я сильно проспалъ.

— Тебѣ письмо, промолвила Настасья Петровна. — Принесли давно. Я боялась тебя разбудить. Ты поздно вернулся?

— Очень поздно. Уходите, мамочка. Я сію минуту встану.

Онъ поцѣловалъ ей руку. Настасья Петровна неохотно ушла.

— Письмо отъ Горошанскихъ, сказала она уже въ дверяхъ.

Арсеній промолчалъ, но лишь только мать вышла изъ комнаты, онъ успѣшилъ отдернуть драпировку отъ окна. Письмо было отъ Мани. Оно состояло всего изъ слѣдующихъ словъ:

«Согласитесь, что вчерашняя вьюга сдѣлала насъ несвоевременно сантиментальными?!»

„М. Б.“

Арсеній съ минуту продержалъ передъ глазами эту лаконическую записку, все съизнова перечитывая немногословныя двѣ строчки и внимательно разсматривая почеркъ. Почеркъ былъ нервный, неровный, дѣтскій. Арсеній бросилъ записку на столъ.

— Знаетъ-ли она сама, чего хочетъ! подумалъ онъ, принимаясь одѣваться.

Онъ шагаль изъ угла въ уголъ съ озабоченнымъ лицомъ, на ходу вытирая вымытую шею. Но чѣмъ яснѣе вставали пе-

редь нимъ обстоятельства предыдущаго вечера, тѣмъ свѣтлѣе становилось его лицо.

— Положительно такъ лучше! произнесъ онъ почти вслухъ, бросая полотенце на стулъ.— Въ какое безвыходное положеніе сталь-бы я относительно Николая, еслибы она отвѣтила на мой неосторожный вопросъ! думалъ Арсеній, стоя передъ зеркаломъ и дѣлая тщетныя усилія, чтобы завязать галстухъ.

Такъ какъ мысли его не были сосредоточены на этомъ дѣйствіи, то пальцы совершали произвольныя нецѣлесообразныя движенія.

— Прелестная дѣвушка!.. Чудакъ Евлампьевъ! Помѣшался на мнѣ о Цирцѣ!.. Она наивная дѣвочка, которая, какъ ребенокъ, отгадется своимъ впечатлѣніямъ.

Въ зеркалѣ мелькнули глаза, полузакрытые загадочные глаза; они только мелькнули; кровь бросилась Арсеню въ голову. Онъ съ досадою отвернулся отъ зеркала, пробормотавъ:

— Пустяки! Она—ребенокъ!

Галстухъ остался незавязаннымъ.

— Сама не знаетъ, чего хочетъ, повторилъ онъ уже съ легкимъ раздраженіемъ, не безъ труда всовывая руки въ рукава сюртука.

Драпировка зашуршала.

— Кто тамъ? Сейчасъ! нетерпѣливо крикнулъ Арсеній.

Онъ поспѣшно натянулъ сюртукъ. Голова горничной просунулась въ дверь.

— Арсеній Михайловичъ, васъ спрашиваютъ, проговорила она.

— Кто спрашиваетъ?

— Господинъ Юхнеровъ.

— Кто?

Горничная повторила фамилію. На лицѣ Арсеня выразилось недоумѣніе.

— Попросите въ кабинетъ; я сейчасъ выйду.

Горничная скрылась.

— Кто этотъ Юхнеровъ? размышлялъ Арсеній, входя нѣсколько минутъ спустя въ кабинетъ.

При его появленіи, съ кресла около письменнаго стола поднялся человекъ лѣтъ тридцати, роста выше средняго, худощавый, одѣтый весь въ черное. Блестящіе черные волосы крупными, частыми завитками покрывали небольшую сравни-

тельно съ ростомъ голову; черная-же кудрявая борода густо окаймляла блѣдное лицо, изрытое глубокими цреждевременными морщинами. Морщины эти пересѣкали мѣшкообразными складками углы широкаго носа и дожились вдоль выдавагося впередъ рта съ толстыми, плотными губами. Лицевой уголь этого некрасиваго, неправильнаго, старообразнаго лица сильно напоминалъ лицевой уголь обезьяны; приподнятыя выгнутой спиной плечи и длинныя, тощія руки съ длинными-же остро-конечными пальцами еще болѣе усиливали это сходство.

— Докторъ Яковъ Яковлевичъ Юхнеровъ, произнесъ незнакомецъ пріятнымъ мягкимъ голосомъ; въ выговорѣ его слышалось еврейское произношеніе.—Познакомился съ господиномъ Маляренко во Флоренціи. Просилъ передать вамъ это письмо.

Онъ подалъ Каздоеву запечатанный конвертъ. Арсеній, пригласивъ гостя сѣсть, распечаталъ конвертъ. Юхнеровъ не послѣдовалъ его приглашенію. Онъ продолжалъ стоять, слегка опираясь о столъ рукой. Его умные темные глаза внимательно всматривались изъ подъ значительно развитыхъ надбровныхъ костей въ лицо Арсенья. Чтеніе объемистаго письма потребовало нѣкотораго времени. Переворачивая страницу, Арсеній мелькомъ, съ живымъ любопытствомъ взглянулъ на гостя. Глаза его встрѣтились съ пристальнымъ взглядомъ Юхнерова. Арсеній заторопился окончить чтеніе.

— Маляренко предвидѣлъ, что письмо его васъ смутитъ, заговорилъ Юхнеровъ, когда Каздоевъ положилъ сложенное письмо на столъ.

— Не то, чтобы оно меня смутило, но, признаюсь, я его не совсѣмъ понялъ. Садитесь, пожалуйста.

Юхнеровъ сѣлъ. Арсеній помѣстился напротивъ него.

— Само собою разумѣется, я успѣлъ только вскользь пробѣжать письмо, проговорилъ Каздоевъ, очевидно затрудняясь въ присканіи выраженій.—Мнѣ оно показалось туманнымъ. Вамъ извѣстно его содержаніе?

Юхнеровъ наклонилъ голову въ знакъ согласія.

— Маляренко—прелестнѣйшій человекъ, продолжалъ Каздоевъ.—Это чудесное сердце, чистая дѣтская душа! Но вамъ, по всей вѣроятности, не безызвѣстно, что онъ легко увлекается. Его посланіе—Каздоевъ притронулся рукой къ письму—преисполнено болѣе восклицательными знаками, чѣмъ точно

стью выражений. Мнѣ кажется, онъ писалъ подъ вліяніемъ сильнаго афекта.

— Вы не ошибаетесь, сказалъ Юхеровъ. — Маляренко самъ сознаеть, что его письмо неубѣдительно; потому-то онъ и поручилъ мнѣ передать его лично.

Арсеній съ любопытствомъ, не лишѣннымъ нѣкотораго недовѣрія, смотрѣлъ на Юхерова.

— Вы сказали, продолжалъ Юхеровъ, — что у Маляренко чистая, дѣтская душа. Очень удачное опредѣленіе. У него чистая, дѣтская душа. Такіе люди обладаютъ замѣчательнымъ чутьемъ. Маляренко вамъ безгранично преданъ. Это побудило меня согласиться на его просьбу пояснить непонятное въ его письмѣ. Можете вы удѣлить мнѣ часъ времени?

— Съ удовольствіемъ, если вы только позволите мнѣ распорядиться, чтобы намъ принесли сюда кофе. Я еще не завтракалаъ.

Каздоевъ, не дожидаясь отвѣта, вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся въ сопровожденіи горничной, которая несла на подносѣ кофейникъ и чашки. Поставивъ подносъ на столъ, горничная немедленно удалилась.

— Я распорядился, чтобы никто больше сюда не входилъ, сказалъ Арсеній, разливая кофе по чашкамъ.

Юхеровъ принялъ чашку кофе изъ рукъ Арсенья, поставилъ ее около себя, но не притронулся къ ней.

— Вы не курите? спросилъ Арсеній, придвигая къ нему папиросницу.

— Нѣтъ, не курю.

Они помолчали.

Арсеній заговорилъ о Флоренціи. Пристальный взглядъ Юхерова начиналъ ему докучать. Юхеровъ отвѣчалъ на всѣ замѣчанія изысканно вѣжливо, но коротко. Самъ разговора онъ не начиналъ. Очевидно, онъ ждалъ, пока Арсеній окончитъ кофепитіе. Арсеній это понялъ. Онъ поспѣшилъ проглотить кофе и, закуривъ папиросу, промолвилъ:

— Я къ вашимъ услугамъ.

— Имѣете-ли вы чтонибудь противъ того, чтобы я вамъ рассказалъ свою біографію? спросилъ Юхеровъ.

Арсеній изумился. Такое предложеніе со стороны совершенно посторонняго человѣка показалось ему по меньшей

мѣръ забавнымъ. Онъ не могъ удержать мимолетной улыбки.
— Ничего не имѣю противъ, возразилъ онъ.

Отъ Юхнерова не ускользнула улыбка, вызванная его предложениемъ; это его не смутило.

— Вы сейчасъ поймете, почему я васъ занимаю своею личностью, спокойно произнесъ онъ.—Я—еврей по отцу и матери. Отецъ мой занимался торговлей. Ему не везло. Мы жили въ крайней бѣдности. Тѣмъ не менѣе, меня тоже готовили къ торговлѣ и, для начала, отдали въ лавочку одного знакомаго купца. Черезъ два года я убѣжалъ изъ родительскаго дома. Мнѣ было тринадцать лѣтъ. Бѣгствомъ моимъ руководило непреодолимое желаніе учиться. Я зналъ еврейскую грамоту и, кромѣ того, умѣлъ кое-какъ читать по-русски. Чему нибудь другому никто въ мѣстечкѣ, гдѣ мы жили, не могъ меня научить. Случайно я попалъ на источникъ знаній, давшій направленіе всей моей жизни. Хозяева часто посылали меня съ порученіями къ ключницѣ помѣщика, которому принадлежало мѣстечко. Помѣщикъ никогда въ немъ не жилъ. Домъ стоялъ заколоченнымъ. Однажды ключницѣ понадобилось что-то на чердакѣ барскаго дома; я отъ нечего дѣлать послѣдовалъ за ней. Въ одномъ углу чердака я увидѣлъ груду книгъ. Съ этой минуты началось мое блаженство и мое страданье. Ключница позволила мнѣ унести одну книжку. Мало-по-малу я перечиталъ все, что было русскаго въ чердачной грудѣ книгъ, перечиталъ, несмотря на жестокую порку, задаваемую мнѣ отцомъ за нерадивое отношеніе, изъ-за книгъ, къ торговому дѣлу, перечиталъ, несмотря на строгое запрещеніе ключницы появляться вблизи помѣщичьяго дома. Я ухитрился пробираться на завѣтный чердакъ тайкомъ, ухитрился вынимать слуховое окно, пролѣзть въ него и, въ случаѣ опасности, прятаться на самомъ-же чердакѣ отъ чужихъ глазъ. Больше еще. Не находя на чердакѣ ни одной непрочитанной мною книги, я проникъ въ домъ и набрелъ на два шкафа съ книгами. Страсть къ чтенію, къ знанью вообще, распалалась все болѣе и болѣе. Мелочная лавочка стала мнѣ ненавистна; жестокіе побои отца грозили мнѣ увѣчьемъ. Я никогда не покидалъ мѣстечка, но слышалъ о губернскомъ городѣ. Онъ отстоялъ верстъ на 150 отъ мѣстечка. Я не задумался направиться туда, въ смутной надеждѣ попасть въ какую-нибудь школу. Съ двугривеннымъ въ карманѣ

пустился я въ путь... Разсказывать подробности моего странствованія по незнакомымъ дорогамъ и моего прибытія, въ концѣ концовъ, въ городъ—не стану. Короче сказать, послѣ двухмѣсячныхъ скитаній, лишеній и бѣдствій, въ числѣ которыхъ надо упомянуть недѣльное пребываніе въ острогѣ за бродяжничество, я попалъ, наконецъ, въ городское двухклассное училище, сначала въ видѣ помощника сторожа, а затѣмъ, благодаря стараньямъ учителя,—на правахъ ученика. Благодаря тому-же учителю, мнѣ удалось поступить въ мѣстную гимназію... Оттуда до университета одинъ шагъ. Пути образованія были передо мной открыты. Вся дальнѣйшая борьба за существованье не можетъ васъ интересовать. Я остановился такъ долго на моихъ дѣтскихъ годахъ, чтобы фактами доказать вамъ присутствіе во мнѣ нѣкоторой дозы энергіи и упорства...

Арсеній слушалъ съ возрастающимъ вниманіемъ. Юхнеровъ велъ свой разсказъ совершенно спокойно. Онъ точно исполнялъ взятый на себя долгъ, выговаривалъ слова отчетливо, ровнымъ, безстрастнымъ голосомъ. Глаза его съ тѣмъ-же выраженьемъ ума и пытливости были устремлены на Каздова.

— Это фактическая, вещественная сторона, продолжалъ онъ.—Теперь перейду къ сторонѣ невещественной. Но прежде всего, позвольте предложить вамъ одинъ вопросъ. Допускаете вы перевороты въ частной жизни, перевороты духовные, нравственные?

— Я васъ совсѣмъ не понимаю, промолвилъ Арсеній.

— Напримѣръ, въ родѣ того переворота, что совершилъ Христосъ въ сердцахъ человѣческихъ?

— Для такого переворота требуется непосредственность; въ наше время анализъ убилъ ее.

Юхнеровъ положилъ руку на письмо Маляренко.

— Я понимаю, что вы хотите сказать. Но кто-же послѣдуетъ за Маляренко и ему подобными?

— Устами младенца истина глаголетъ, серьезно замѣтилъ Юхнеровъ.

— Вѣрно. Но чтобы внимать этой истинѣ, надо самому обладать младенческимъ сердцемъ. Мы-же слишкомъ стары. Нашъ вѣкъ былъ свидѣтелемъ крушенія не одной свѣтлой утопіи.

— Это не исключаетъ возможности народненія новой теоріи, могущей найти жизненное примѣненіе.

— Вы знаете такую теорію? спросилъ Арсеній.

При этомъ вопросѣ впервые оживилось лицо Юхнерова; глаза его загорѣлись. Рука поднялась было для жеста, но онъ тотчасъ-же опустилъ ее, вложилъ тонкіе пальцы обѣихъ рукъ въ обшлага рукавовъ, какъ-бы принуждая себя къ неподвижности, и сдержанно заговорилъ. Голосъ его, однако, звучалъ теплѣе прежняго, повременамъ въ немъ прорывались неровные, звѣнящіе звуки.

— Знаю-ли я такую теорію? переспросилъ онъ.—Позвольте мнѣ встать. Я слишкомъ долго сидѣлъ. Я не люблю сидѣть.

Юхнеровъ всталъ. Имъ овладѣвала нервность, которой, очевидно, онъ не имѣлъ силъ долѣе сдерживать. Не вынимая рукъ изъ обшлаговъ рукавовъ, онъ маленькими шажками прошелся разъ, другой по комнатѣ и снова остановился передъ Каздоевымъ. Арсеній съ живѣйшимъ любопытствомъ слѣдилъ за нимъ.

— Тамъ, на чердакѣ, гдѣ я украдкой поглощалъ книжный хламъ, тамъ уже во мнѣ возникло убѣжденіе, что людямъ хорошо извѣстно только одно чувство—злоба. Я родился въ нищетѣ, я росъ въ нищетѣ, я продолжалъ многіе годы бороться съ нею. При такой обстановкѣ, окруженный людьми, ведущими ту-же ожесточенную борьбу съ жизнью, приходишь въ столкновеіе съ неприкрашенной человѣческой натурой. Когда всѣ помышленья направлены на то, чтобы сберечь свой кусокъ отъ посягательства ближняго, или на то, чтобы вырвать кусокъ изо рта ближняго, то нѣтъ времени и охоты прикрашивать свои побужденія. Натура человѣка является во всей наготѣ и, надо сказать, нагота эта непривлекательна.

— Непривлекательна, согласился Арсеній.

— Но было время, когда человѣкъ, теперь маленькій, пресмыкающійся, совершалъ подвиги самопожертвованія и достигалъ высокаго нравственнаго развитія.

— Это было въ тѣ эпохи, когда вѣра въ созданную имъ религію находилась на своемъ кульминаціонномъ пунктѣ. Вѣра охладѣвала—человѣкъ впадалъ въ ничтожество. Еще надо сказать, что величія достигали отдѣльныя личности; инстинкты же массы сдерживались суевѣріемъ. Когда суевѣріе подкашивалось—инстинкты пробуждались съ новой силой.

Юхнеровъ выслушалъ внимательно; судорожное подергиванье лица показывало, однако, что это вниманіе стоило ему труда; губы невольно разжимались, чтобы заговорить; онъ пересилилъ себя, прислонился спиной къ стѣнѣ и дослушалъ Арсеня до конца.

— Инстинкты пробуждались съ новой силой, подтвердилъ онъ тономъ, какимъ говорить о непреложномъ фактѣ. — Масса, впрочемъ, и теперь находить удовлетвореніе этимъ инстинктамъ, или противувѣсь имъ — въ сектанствѣ, — по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи. Она находить такъ или иначе выходъ. А образованный человѣкъ? вы, ваши друзья и другіе, которымъ имя тоже легіонъ? въ чемъ они, въ чемъ вы находите выходъ?..

Юхнеровъ стиснулъ руками спинку кресла и отодвинулся отъ стѣны. Плечи его и руки слегка вздрагивали. Лицо еще болѣе поблѣднѣло; разгорѣвшіеся глаза, устремленные на Арсеня, приняли неподвижное выраженье.

— Да, гдѣ вы находите выходъ? повторилъ онъ, возвышая голосъ. — Вы, образованные люди, вы — парія на русской землѣ. Загляните въ свое внутреннее я! Что вы тамъ увидите? Одиѣ нестройныя развалины прежняго, не вашего, а предковъ вашихъ міросозерцанія! Есть-ли въ васъ отпоръ внѣшнимъ условіямъ жизни? Ваше спокойствіе, ваше внѣшнее довольство — самообманъ, не больше! Вы слабы и безпомощны, и боитесь сознаться въ этомъ. Вы выскочили далеко за предѣлы того темнаго круга, въ которомъ находится масса. Она осталась тамъ, во тьмѣ, а васъ окружаетъ свѣтъ. Но она муча своею сплоченностью, а вы? вы блуждаете озаренные свѣтомъ знанія, разрозненные, одинокіе, съ лишнимъ балластомъ унаслѣдованныхъ вѣрованій на плечахъ, который только отягощаетъ ваши движенія, котораго сбросить вы не въ силахъ, больше, которое сбросить вы боитесь, потому что, сбросивъ эти ветхія лохмотья прошлаго, вамъ нечѣмъ будетъ прикрыть свою наготу.

Юхнеровъ поборолъ нервную дрожь, но рука все еще стискивала спинку кресла. Выразительными жестами подчеркивалъ онъ слова, а голосъ, согрѣтый внутреннимъ чувствомъ, звучный и мягкій, придавалъ особое обаяніе его словамъ. Холодное любопытство Каздова смѣнилось болѣе горячимъ ин-

тересомъ. Онъ подался впередъ и слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ.

— При такомъ безотрадномъ духовномъ строе, продолжалъ Юхнеровъ, — нѣтъ противовѣса нарастающей въ усиленной степени злобѣ, враждѣ и ненависти, и выходъ изъ заколдованнаго круга противорѣчій и недоразумѣній представляетъ только союзъ единомыслящихъ людей, поставившихъ себѣ задачей отрѣшиться отъ рамокъ общественной жизни, въ которыя заключили свое потомство наши предки.

— Коммуна, прошепталъ Арсеній.

— Если хотите — коммуна, но коммуна безъ политическихъ цѣлей, не въ видѣ соединенія людей болѣе или менѣе праздныхъ, коммуна въ деревнѣ, въ необъятныхъ російскихъ пустошахъ, на новой непочатой почвѣ, съ земледѣльческимъ трудомъ въ основѣ, коммуна по образцу лучшихъ сектъ, которыя, сживаясь, по внѣшнему, съ застарѣлыми формами обществъ и внѣшне подчиняясь имъ, внутренне преслѣдуютъ цѣли, обновляющія исподволь весь существующій строй общества.

За тяжелой драпировкой, отдѣляющей спальню отъ кабинета, послышался шорохъ. Ни Юхнеровъ, ни Арсеній не обратили на него вниманія.

— Братства первыхъ христіанъ, продолжалъ Юхнеровъ, — подточили языческій міръ. Онъ рухнулъ подъ незамѣтнымъ для правящихъ классовъ давленіемъ гонимыхъ, преслѣдуемыхъ пѣнеровъ христіанства. Фактъ этотъ не одиночно стоитъ въ исторіи человечества. Не было еще примѣра, чтобы рутиня, инерція могли противостоять напору свѣжихъ нравственныхъ силъ, если только люди, обладающіе такими силами, не преслѣдовали временныхъ, касающихся только преобразованія внѣшняго строя, цѣлей. Политическая неурядица — временное зло, которое само собой разсѣется, если свѣжая мысль одухотворитъ нравы и религію...

За портьерой снова раздавался шорохъ. Арсеній обернулся. На порогѣ стояла высокая, полная дѣвушка. Придерживая одной рукой наполовину раздвинутую драпировку, а другую прижимая къ груди, она всѣмъ корпусомъ подавалась впередъ. Широко раскрытые глаза ея съ жаднымъ вниманіемъ впились въ лицо Юхнерова.

— Что тебѣ, Руфи? сухо спросилъ Арсеній.

Дѣвушка быстро обернулась къ нему. Горячая краска замѣшательства разлилась по всему лицу ея до самыхъ корней густыхъ, темныхъ волосъ, обвивавшихъ двумя толстыми косами небольшую голову.

— Извини меня, заговорила она нетвердымъ голосомъ.— Мнѣ надо было тебѣ сказать... Я не хотѣла помѣшать... Я...

Она робко, почти съ мольбой взглянула на Арсенья. Въ глазахъ ея блеснули слезы.

Каздоевъ сжалился надъ ея смущеніемъ. Онъ поспѣшилъ подойти къ ней.

— Войди, Руфи, сказалъ онъ ласково, взявъ ея за руку.— Сестра моя, Руфина Михайловна. Докторъ Юхнеровъ.

Юхнеровъ почтительно поклонился. При появленіи дѣвушки, оживленіе его исчезло, глаза потухли, лицо приняло холодное выраженіе, но выраженіе это смягчилось, когда, поднявъ послѣ низкаго поклона голову, онъ встрѣтилъ робкій, какъ-бы молящій о прощеніи, дѣтски-довѣрчивый взглядъ Руфи.

— Я вижу по смущенію сестры, что она сдѣлалась невольнымъ слушателемъ нашей бесѣды, заговорилъ съ улыбкой Арсеній.—Но вы можете быть увѣрены, Яковъ Яковлевичъ,— это самый неболтливый слушатель въ мірѣ.

Руфи снова вспыхнула.

— Что-же ты хотѣла сказать мнѣ, дѣвочка? продолжалъ Арсеній, обнявъ сестру за талію.

Въ его обращеніи съ сестрой явно проглядывало чувство превосходства и снисходительнаго покровительства.

— Дядя очень боленъ, очень боленъ, повторила Руфи, пытаясь говорить твердо.— Ловагинъ сказалъ мнѣ это.

— Ловагинъ былъ у дяди?

— Да, съ Евлампьевымъ. Дядя проситъ тебя и меня немедленно пріѣхать къ нему...

— Я васъ долѣе не буду задерживать, промолвилъ Юхнеровъ.—Я остаюсь въ Петербургѣ нѣкоторое время...

— Очень радъ буду чаще съ вами встрѣчаться. Намъ необходимо еще потолковать, искренно замѣтилъ Арсеній.—Гдѣ вы остановились?

Юхнеровъ подаль ему свою карточку съ написаннымъ на ней адресомъ.

— Маляренко былъ-бы крайне счастливъ, еслибы Руфинѣ

Михайловнѣ угодно было прочесть его письмо, уже уходя сказалъ онъ, неожиданно обращаясь къ Руфи.

Глаза дѣвушки засвѣтились радостью.

— Вы думаете? съ изумленіемъ спросилъ Арсеній.

Предложеніе это, повидимому, ему не понравилось.

— Я въ этомъ увѣренъ, твердо сказалъ Юхнеровъ.

— Правда, они вѣдь большіе пріатели, небрежно промолвилъ Арсеній, съ улыбкой взглядывая на сестру. — Изволь, Руфи. Сегодня-же вечеромъ ты получишь письмо Малайренко.

Руфи не возражала. Къ немалому удивленію брата, она приблизилась къ Юхнерову и протянула ему руку. Юхнеровъ почтительно пожалъ ее.

Арсеній проводилъ гостя въ переднюю.

— Тебѣ понравился Юхнеровъ? спросилъ онъ сестру, возвращаясь въ кабинетъ.

— Да, просто отвѣтила Руфи.

— Умный, кажется, человекъ. Странно, что при умѣ онъ преслѣдуетъ утопіи. Впрочемъ, на то онъ и еврей.

Руфи вопросительно взглянула на брата, но промолчала.

ГЛАВА XVI.

Ловагинъ рассчитывалъ обѣдать въ первый день Рождества у Каздоевыхъ. Болѣзнь Зуева разстроила этотъ планъ. Руфи и Арсеній отправились къ дядѣ. Настасья Петровна тоже намѣревалась позднѣе навѣстить брата, но предварительно заперлась въ своей комнатѣ. Тайственная записка, переданная ею утромъ сыну, вызвала ревнивыя предчувствія, а такія предчувствія всегда увѣнчивались жестокой головной болью.

Ловагинъ, отобѣдавъ въ кухмистерской, вернулся домой. Уже стемнѣло. Въ кухнѣ Анфиса угощала чаемъ двухъ сосѣдокъ. Метцеля не было дома.

— По крайней мѣрѣ выплось, утѣшилъ себя Ловагинъ.

Онъ легъ, но спать не могъ. Непривычное тоскливое состояніе овладѣвало имъ. Повалявшись на постели въ тщетной надеждѣ заснуть, онъ всталъ.

— Раскись! выругалъ онъ себя мысленно. — Примусь-ка я за работу.

Онъ сѣлъ къ письменному столу, поставилъ передъ собой лампу, придвинулъ наполовину исписанный листъ бумаги,

толстый словарь, и сталъ переводить многотомное ученое нѣмецкое сочиненіе. Работа шла туго, вяло. Напряженно проработавъ часа полтора, Ловагинъ положилъ перо на чернильницу и закурилъ папиросу. Мысли его тотчасъ-же приняли направленіе, не имѣвшее ничего общаго съ лежавшимъ на столѣ ученымъ сочиненіемъ. Передъ нимъ очутилась толстая, мелко-исписанная тетрадь. Онъ раскрылъ ее, взялъ перо и поправилъ двѣ строфы въ неоконченномъ стихотвореніи. Поправивъ, онъ положилъ перо обратно на чернильцу и началъ разсѣянно перелистывать тетрадь. Въ ней проза перемѣшивалась со стихами. Послѣдніе преобладали. Тетрадь эта служила для набросковъ различныхъ афоризмовъ, воспоминаній, размышленій. Наброски писались въ досужее время и, очевидно, имъ не придавалось значенія, такъ какъ тутъ-же между ними попадались ариѳметическія выкладки, каррикатурные рисунки, чертежи. Постороннему человѣку разобратъся въ этомъ хламѣ было-бы трудно.

На одной изъ первыхъ, уже пожелтѣвшихъ отъ времени страницъ тетради Ловагинъ остановился дольше. То былъ набросокъ въ прозѣ. Онъ занималъ нѣсколько страницъ. Съ снисходительной улыбкой, съ какой старшіе прочитываютъ первыя попытки сочинительства юноши, приступилъ онъ къ чтенію этого наброска, давно не попадавапшагося ему въ руки, почти забытаго имъ. Но по мѣрѣ того, какъ онъ перелистывалъ исписанныя неровнымъ почеркомъ страницы, лицо его принимало серьезное, грустно-мягкое выраженіе. Онъ читалъ:

«*Встрѣча*, августъ 185* года».

«Сегодня въ первый разъ былъ я у Каздовыхъ. Они живутъ на дачѣ, на Черной Рѣчкѣ. Арсенья не было дома. Горничная предложила мнѣ, въ ожиданіи его, погулять по саду. Славный садъ; напомнилъ мнѣ садъ Филипповки. Чудныя липы...»

Ловагинъ пропустилъ нѣсколько строкъ описанія, слишкомъ длиннаго по его мнѣнію, и читалъ дальше.

...«Ходилъ я, ходилъ по этому саду—ни души! Солнце жгло невыносимо. Даже въ тѣни не было прохлады. Жара истомила меня; мнѣ захотѣлось спать; я легъ подъ липу, въ траву. Такъ было тихо, что ни одинъ листъ не шевелился; птицы не щебетали. Я началъ уже дремать, или, скорѣе, уже задремалъ, когда внезапный шорохъ разбудилъ меня. По до-

рожкѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, проходила дѣвочка лѣтъ четырнадцати; она шла такъ быстро, что не замѣтила меня. Стволъ липы, впрочемъ, скрывалъ меня частью отъ глазъ. Едва успѣлъ я взглянуть на круглое, раскраснѣвшееся, заплаканное лицо, какъ она уже прошла мимо. Я приподнялся на локоть и посмотрѣлъ ей вслѣдъ. Она была въ простомъ ситцевомъ короткомъ платьѣ; двѣ толстыя темныя косы спускались по спинѣ ниже пояса.

— Лота! крикнула дѣвочка на ходу.—Лота, гдѣ ты?

Въ ея голосѣ слышалась мольба. Все оставалось по-прежнему тихо. Дѣвочка остановилась, посмотрѣла направо, налево, нырнула какъ птица въ чащу деревьевъ и исчезла. Черезъ минуту, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ меня, раздались громкія, отчаянныя рыданія. Я не утерпѣлъ и подкрался къ чащѣ, откуда доносились рыданія. Раздвинуть вѣтви кустовъ и заглянуть въ глубь чащи я не рѣшился, но слышать могъ все до послѣдняго слова.

— Лота! прости меня! голубушка, прости! твердила, всхлипывая дѣвочка.

— Что мнѣ прощать тебя, Руфи, возразилъ со сдержанной строгостью старушечій голосъ.—Богъ съ тобой!

— Нѣтъ, Лота, не говори такъ! Ради Бога, не говори такъ! промолвила дѣвочка, съ отчаяніемъ.

Рыданія усилились. Отвѣта не послѣдовало; слышались только всхлипыванья.

— Ну, полно, перестань, не плачь такъ, Руфичка! заговорилъ гораздо мягче старушечій голосъ.

Рыданья продолжались.

— Полно! перестань! нельзя такъ плакать! уже тревожно продолжала старушка.—Ты заболѣешь! успокойся! потомъ поговоримъ!

— Что говорить! Я такая гадкая! всхлипывая и съ полнѣйшей безнадежностью возразила дѣвочка.

— Ну, ужь не такая гадкая. Ты у меня, напротивъ, хорошая, очень хорошая дѣвочка, успокоивала старушка,—только черезъ-чуръ вспылчивая.

— Ахъ, не говори, Лота, не говори! съ новымъ взрывомъ отчаянія вскрикнула дѣвочка.

Старушка не продолжала.

— Перестань! не плачь!...Mein Goldkindchen! mein Schatz-

chen! ¹⁾, моя Руфичка! шептала она, сопровождая каждое ласкательное слово поцѣлуемъ.

Дѣвочка успокоилась. Рыданія стихли. Старушка тоже умолкла. Я хотѣлъ удалиться, но дѣвочка заговорила и, какъ мнѣ ни совѣстно было подслушивать, я остался въ своей засадѣ. Непонятное любопытство приковывало меня къ мѣсту.

— Знаешь, Лота, что ужасно! начала дѣвочка. Голосъ ея звенѣлъ и дрожалъ какъ натянутая струна. Въ немъ слышались еще слезы.—Знаешь, мнѣ кажется, я никогда не исправлюсь. Постой, не перебивай. Помнишь, что я тебѣ вчера рассказывала? Помнишь?

— Ты что-то рассказывала изъ англійской книжки, неувѣренно возразила Лота.

— Что-то! съ досадой повторила дѣвочка.—Я тебѣ рассказывала о Христѣ!

— Да, помню. Ты говорила, что нашими худыми дѣлами или мыслями мы все равно, что вторично распинаемъ Христа...

— Вотъ, вотъ! съ жаромъ заговорила дѣвочка.—Ты понимаешь теперь, каково мнѣ! Вчера говорила, а сегодня... На языкѣ, значить, одно, на дѣлѣ другое...—Голосъ ея задрожалъ.—А ты говоришь, я не гадкая, укоризненно прибавила она.

Лота не возражала.

— Все бы ничего, еслибы ты была терпѣливѣе съ мамой, немного погода осторожно вернула она.

Дѣвочка молчала

— Что-жъ тутъ такого, что она заглянула въ ящикъ твоего стола. Она хочетъ пріучить тебя къ порядку.

Дѣвочка продолжала молчать.

— А ты вдругъ, ни съ того, ни съ сего, вышвырнула все изъ ящика на столъ, наговорила кучу глупостей, крикнула на меня, когда я вступилась за маму, и вылетѣла изъ комнаты, такъ что стѣны задрожали.

Старушка на минуту смолкла; ни малѣйшаго возраженія не послѣдовало на ея слова.

— Конечно, отъ Настасьи Петровны мнѣ сильно досталось, грустно продолжала она.—Она говоритъ, я потворствую твоимъ дурнымъ наклонностямъ.

¹⁾ ...Мое золотое дитятко, мое сокровище.

— Лота! прошептала виноватымъ голосомъ дѣвочка.

— Да, да, знаю, поспѣшила прибавить Лота. Голосъ ея зазвучалъ безграничной нѣжностью.— Ты ужь безъ того наказана. Не будемъ говорить. Только, Руфичка, я право не понимаю. Мама тебя такъ любить, и ты ее любишь. Тебѣ слѣдовало-бы уступать...

— Ненавижу, когда у меня въ ящичкахъ шарятъ, пробормотала дѣвочка.

— Шарятъ!.. Родная мать! Нельзя такъ говорить!..

— У меня нѣтъ секретовъ, продолжала твердо Руфи.— Я все готова показать. Что мнѣ скрывать?

— Нечего, увѣренно подтвердила Лота.

— Зачѣмъ-же всегда подозрѣваютъ, не вѣрятъ, шарятъ, ищутъ, съ горечью произнесла Руфи.

— Она любить порядокъ, неуѣренно вставила Лота...

Дѣвочка промолчала.

— Тебя сильно бранила мама? спросила она.— Бѣдная Лота! Все-то тебѣ за меня достается.

Раздались поцѣлуи.

— Тебя зовутъ! сказала вдругъ Руфи.

Дѣйствительно, въ саду кто-то звалъ:

— Шарлота Францовна! Шарлота Францовна!

— Иди! промолвила дѣвочка.— Я останусь здѣсь.

Я едва успѣлъ броситься за широкій стволъ старой липы, какъ изъ чащи на дорогу вышла пожилая женщина, очень высокая, очень худая, въ сѣромъ холстинковомъ платьѣ съ пелериной, изъ-подъ которой съ боку свѣшивалась на толстомъ шнуркѣ большая связка ключей. Батистовый бѣлый чепецъ съ туго накрахмаленными широкими завязками обрамлялъ длинное, поблекшее, некрасивое, но безконечно-доброе лицо съ припухшими и покраснѣвшими отъ частыхъ слезъ глазами. Побрякивая на ходу ключами, она мелкими торопливыми шажками прошла мимо меня и, повернувъ въ аллею, ведущую къ дому, исчезла изъ глазъ.

Я вышелъ изъ засады на дорожку и прошелъ мимо чащи деревьевъ, гдѣ, по моему соображенію, должна была находиться бесѣдка. Никакой бесѣдки, однако, не оказывалось. Тщетно всматривался я въ густо разросшіеся кустарники сирени и жимолости, позади которыхъ тѣсною стѣною высились роскошныя липы; вѣтви кустовъ такъ плотно сдвигались и це-

реплетались, что сквозь ихъ естественную преграду невозможно было проникнуть. Я упорно продолжалъ свои поиски, шагая взадъ и впередъ мимо завѣтной чащи. Самъ не знаю почему, мнѣ такъ хотѣлось проникнуть къ дѣвочкѣ, рыданья и горячія слова которой я случайно подслушалъ. Наконецъ, мои поиски увѣнчались успѣхомъ. Я замѣтилъ узенькую, протоптанную въ травѣ тропинку и пошелъ по ней, осторожно раздвигая вѣтви кустарниковъ. Тропинка привела меня къ группѣ липъ. Онѣ стояли полукругомъ, образуя естественный зеленолиственный шатерь. Здѣсь, на дерновой скамейкѣ, сидѣла Руфи. Она облокотилась о низенькій круглый столъ, вбитый прямо въ землю, и, подпирая обѣими руками голову, задумчиво глядѣла передъ собою. При моемъ неожиданномъ появленіи, она не вздрогнула, не смутилась; глаза ея широко раскрылись и съ наивнымъ изумленіемъ остановились на мнѣ.

Я пробормоталъ первыя попавшіяся слова и назвалъ себя. Руфи встала.

— Арсеній, вѣроятно, вернется къ обѣду, застѣнчиво произнесла она.

На лицѣ ея еще не исчезли слѣды слезъ; щеки немного поблѣднѣли и вѣки опухли. Она, казалось, вдругъ поняла это и, вся зардѣвшись, нерѣшительно стояла передо мной, очевидно не зная, что со мною дѣлать. Признаюсь, я тоже сконфузился.

— Какъ у васъ тутъ хорошо! сказалъ я, чтобы нарушить нелѣпное молчаніе. — Я случайно набрелъ сюда...

Руфи подняла на меня свои большіе глаза; я не рискнулъ гдѣть дальше.

— Можеть вы хотите сѣсть? робко предложила она.

Мы сѣли на дерновую скамью.

— Это ваша работа? спросилъ я по возможности развязно, указывая на недовязанный чулокъ, лежавшій на столѣ.

Руфи улыбнулась. Улыбка сдѣлала ее еще миловиднѣе.

— О, нѣтъ; это работа Лоты.

— Шарлоты Францовны?

Руфи съ изумленіемъ взглянула на меня.

— Вы съ ней знакомы? спросила она.

— Нѣтъ. Я слышалъ, кто-то звалъ въ саду Шарлоту Францовну, послѣ чего мимо меня прошла особа въ сѣромъ

платьѣ и бѣломъ чепцѣ,—я подумалъ, что Шарлота Францовна и особа въ сѣромъ платьѣ—одна и та-же личность.

— Да, это она, промолвила Руфи и замолкла.

Разговоръ не клеился. Онъ то совсѣмъ прекращался, то ограничивался вопросами съ моей стороны и наикратчайшими отвѣтами со стороны Руфи. Но вотъ, она внезапно оживилась. Шаловливая улыбка освѣтила ея лицо.

— Лота! шепнула она.—Она испугается, когда васъ увидитъ. Тихе! Не двигайтесь.

Она положила руку на мой рукавъ, какъ-бы приглашая меня сидѣть смирно. Въ кустахъ слышалось звяканье ключей. Лота медленно двигалась по тропинкѣ. Шаги ея замедлялись небольшимъ подносомъ, который она несла въ рукахъ. На подносѣ стояла хрустальная кружка съ водою и блюдечко съ вареньемъ. Боясь расплескать воду, Лота не отрывала глазъ отъ кружки. Мы не шевелились. Руфи, прикусивъ нижнюю губу, задерживала дыханіе и смѣхъ.

— Вотъ, Руфичка, твое любимое варенье, произнесла Лота, приближаясь къ столу.

Она подняла голову и чуть не выронила подносъ изъ рукъ.

— *Iesus, Maria und Josef!* вскрикнула она.—Кто это?

Руфи разразилась смѣхомъ. Я тоже невольно разсмѣялся. Лота машинально поставила подносъ на столъ и продолжала растерянно глядѣть на насъ, что еще усилило веселость Руфи. Она захлопала въ ладоши.

— Испугалась, Лота, испугалась! крикнула она.

Лота нахмурилась.

— Вѣчно глупости! проворчала она сердито.

Руфи кинулась ее цѣловать.

— Не сердись, Лота, живо заговорила она.—Если-бы ты только знала, какъ забавно было видѣть, какъ ты идешь и ничего не подозрѣваешь!..

Новый взрывъ хохота не далъ ей договорить; я усердно вторилъ ей. Лота не могла удержать улыбку. Она попыталась, однако, отстранить отъ себя дѣвочку, но Руфи снова звонко поцѣловала ее.

— Голубушка, не сердись, ласково просила она.—Это Ловагинъ. Знаешь? Другъ Арсеня?.. Онъ намъ еще вчера говорилъ про него. Помнишь, онъ еще такъ его расхваливалъ?

Такимъ образомъ я узналъ, что Каздоевъ не только говорилъ обо мнѣ, но еще и расхваливалъ. Смѣхъ преобразилъ Руфи; застѣнчивость ея исчезла какъ дымъ.

— Ну, ну, хорошо... хохотушка! полусердито, полушутливо замѣтила Лота. — Пусти, ты меня еще задушишь. Что подумаетъ о тебѣ господинъ Ловагинъ. Скажетъ, рфу! Неблаговоспитанная дѣвочка!

Руфи, закусивъ губу, взглянула сбоку на меня. Она хотѣла сдѣлать серьезную фізіономію и... снова расхохоталась. Я тоже разсмѣялся. Лота махнула рукой.

— Пошла! Не удержишь теперь! промолвила она и, пораженная нашимъ смѣхомъ, наконецъ сама разсмѣялась.

Руфи запрыгала отъ радости. Смѣхъ Лоты прекратился, однако, раньше нашего.

— Хорошо, что вы къ намъ зашли, радушно обратилась она ко мнѣ.—Арсеній будетъ очень радъ. Вотъ, вмѣсто того, чтобы попусту хототать, ты-бы гостя хоть вареньемъ угостила, сказала она Руфи.—Вода холодная, со льдомъ.

Руфи, сдерживая смѣхъ, придвинула ко мнѣ блюдечко, доверху наполненное вишневымъ вареньемъ, и запотѣвшую кружку съ водой.

— Какъ жаль! вскрикнула она съ забавнымъ сокрушеніемъ.—Только одна ложечка.

— Ты останешься безъ варенья! лукаво промолвила Лота.—Вотъ тебѣ и наказанье за то, что надо мной, старухой, смѣялась.

— Нѣтъ, не останусь! задорно произнесла Руфи, и, прежде чѣмъ Лота могла оказать какое-либо сопротивленіе, выхватила изъ чулка длинную вязальную иглу.

— Берите ложечку, сказала она мнѣ; —я буду вотъ этимъ выбирать ягодки. Сокъ, такъ и быть, уступлю вамъ.

Она подсѣла ко мнѣ. Лота протестовала.

— *Es schickt sich nicht!* ¹⁾ вполголоса замѣтила она.

— Воду мы будемъ пить изъ одной кружки, не слушая продолжала Руфи.—Что-жь тутъ такого, Лота? Вѣдь это другъ Арсенья!

Послѣдній доводъ, кажется, убѣдилъ Лоту. Она сѣла на противоположный край скамьи и съ добродушной улыбкой

¹⁾ Неприлично.

смотрѣла, какъ мы уписывали варенье. Руфи очень ловко выбирала вишенки и громко смѣялась, когда ей удавалось сразу нанизать три, четыре ягодки на иглу Кружка переходила отъ меня къ ней. Руфи отмѣчала ногтемъ на наружной сторонѣ стекла, сколько мнѣ дозволялось выпить и, если ей казалось, что я перешелъ условленную черту, со смѣхомъ отнимала у меня кружку. Варенье и смѣхъ окончательно сблизили насъ. Мы болтали, какъ старые знакомые.

— Хотите, я покажу вамъ садъ? предложила Руфи, когда на блюдечкѣ не осталось ни одной капли варенья.—Вы еще не знаете, какой у насъ садъ! А какая купальня! Подите съ Арсеньемъ купаться. Вы увидите, какъ хорошо. Вы умѣете плавать? Я тоже умѣю. И на спинѣ, и на боку, по всякому. Лота, я покажу ему тепличку. Это моя тепличка. Я сама подрѣзываю растенья, поливаю, пересаживаю; конечно, садовникъ помогаетъ. Теперь у меня тамъ есть персики; вотъ какіе!

Руфи съ сіяющей улыбкой показала обѣими руками величину персика.

— Идемъ! сказала она и выбѣжала на тропинку.

Я послѣдовалъ за ней.

— Руфи! позвала ее вдругъ Лота.

Руфи оглянулась. Лота головой поманила ее къ себѣ. Дѣвочка неохотно подошла къ старушкѣ. Я остался на мѣстѣ. Лота, взявъ дѣвочку за руку, сказала ей что-то вполголоса. Руфи не отвѣчала.

... — Мама спрашивала, услышалъ я.

Руфи низко наклонила голову и продолжала молчать.

— Извинись, Руфичка, упрасивала Лота.

Руфи отрицательно покачала головой. Лота наклонилась къ ней и до шопота понизила голосъ. Я ничего не могъ слышать, но замѣтилъ, что Руфи сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Такъ-то ты исполняешь свое намѣреніе не, огорчать Спасителя, укоризненно произнесла Лота, возвышая голосъ.

Руфи еще ниже опустила голову.

— Иди, Руфичка, уговаривала Лота, нѣжно цѣлуя дѣвочку.

— Когда вернешься, ты покажешь, что хотѣла показать господину Ловагину, а господинъ Ловагинъ посидитъ пока со мною. Пожалуйте, господинъ Ловагинъ, суетливо обратилась ко мнѣ

старушка. — Руфичка сейчас придет... Мама ее звала... Она сейчас...

И Лота легонько толкнула Руфи, как-бы понуждая ее идти. Руфи не двигалась съ мѣста.

— Руфичка! съ мольбой прошептала Лота и потянулась поцѣловать дѣвочку.

Руфи отклонилась отъ поцѣлуя, круто повернулась и рѣшительными шагами прошла мимо меня. Сіяющая улыбка исчезла съ ея поблѣднѣвшаго лица; не то строптивое, не то жалобное выраженіе крѣпко сжало ей губы.

Лота и я остались одни. Старушка старалась занять меня разговоромъ, но, признаюсь, хотя разговоръ и вертѣлся исключительно около Руфи — Лота, кажется, не надышется на свою любимицу — мнѣ безъ Руфи было скучновато. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я ея появленія. Она не возвращалась. Лота начала беспокоиться.

— Что это Руфи пропала? озабоченно замѣтила она.

-- Кто-то идетъ! живо сказала я.

— Это не она; не ея шаги. Это, можетъ, Арсеній.

Дѣйствительно, то былъ Арсеній. Онъ увелъ меня въ свою комнату. Руфи я увидѣлъ только за обѣдомъ. Она сидѣла около матери, серьезная, молчаливая, и скрылась, лишь только мы встали изъ-за стола.

Мы встрѣтились уже вечеромъ. Арсеній предложилъ проводить меня на лодкѣ до ближайшей пароходной пристани. Съ этимъ намѣреніемъ мы отправились къ рѣчкѣ. Въ ту минуту, какъ мы подошли къ лодкѣ, Руфи — свѣжая, розовая — вышла изъ купальни вмѣстѣ съ своей неразлучной Лотой. Она съ свѣтлой улыбкой подала мнѣ на прощанье руку.

— Вы скоро къ намъ прѣдете? спросила она.

— Скоро. У васъ тутъ чудесно. Тепличку покажете?

— Покажу. Только прѣзжайте скорѣй, а то не одного персика не останется.

Мы крѣпко пожали другъ другу руки. Арсеній позвалъ меня. Я поспѣшилъ въ лодку. Руфи, вся залитая алымъ закатомъ, смотрѣла на насъ съ берега.

— Прѣзжайте! крикнула она еще разъ.

— Какая у тебя прелестная сестра! невольно сказалъ я Арсенью, когда старая свѣсившаяся надъ водой ивы скрыли отъ насъ Руфи.

— Совсѣмъ еще дѣтка, небрежно замѣтилъ онъ.

Я не возражалъ, но образъ «дѣтки», какъ выразился Арсеній, неотступно сопутствовалъ мнѣ на возвратномъ пути домой. Мнѣ слышались то горькія рыданія, то заразительный смѣхъ, и миловидное лицо, то лучезарнае, то орошенное слезами, мелькало передо мной. Я предчувствую, что встрѣча съ этой дѣвочкой не пройдетъ мнѣ даромъ»...

Глава XVII.

Какъ живо всталъ въ воспоминаніи Ловагина тотъ жаркій іюньскій день, и садъ, и дерновая скамья подъ пахучей листвою могучихъ липъ, и дѣвочка съ большими доврчивыми глазами... такъ живо, что ему какъ-бы слышится глухое жужжанье пчелъ надъ головою, горячій воздухъ обвѣваетъ ему лицо, медовый запахъ каши врывается вдругъ въ комнату, а въ ушахъ звенить, дрожить смѣхъ «дѣтки». Вотъ она наклоняется надъ вареньемъ, почти прижимается къ нему. онъ чувствуетъ на щекѣ своей свѣжее дыханіе, глядитъ въ чистые, радостью искрящіеся глаза, и прежнее чувство мира, покоя, молодой надежды проникаетъ ему въ душу, и слезы, невольныя слезы подступаютъ къ глазамъ...

Ловагинъ очнулся. Жгучая боль сдавила ему сердце.

— А ты-бы могъ! шепчетъ ему тайный голосъ.

Ловагинъ вскочилъ; отпихнутое ногой кресло съ шумомъ откатилось отъ стола.

— Разсантиментальничался не въ пору, выбранилъ онъ себя мысленно.

— А ты-бы могъ! точно дразнить его тотъ-же голосъ.

Ловагинъ рѣшительно идетъ въ кухню и проситъ Анфису поставить самоваръ. Но ни переходъ изъ комнаты въ кухню, ни краткая бесѣда съ Анфисой о томъ, какую булку купить къ чаю—сдобную или простую,—ни обратное возвращеніе въ свою комнату и новая попытка засѣсть за работу не успокоиваютъ разгоряченное воображеніе; оно продолжаетъ вызывать свѣтлыя, радужныя картины прошлаго.

— Лѣшенька, вы спите? раздался внезапно за его спиною женскій голосъ.

Ловагинъ обернулся. За его кресломъ стояла женщина лѣтъ двадцати-пяти, тощая, узкоплечая, худая, въ черномъ

шерстяномъ платьѣ, опоясанномъ кожанымъ кушакомъ съ металлической пряжкой. Платье это, гладкое, узкое, безъ складокъ, напоминало своимъ покроемъ чехоль дождеваго зонтика. Изъ подъ надѣтой ухарски на бекрень гарибальдѣйской шапочки съ торчащимъ вверхъ перомъ падали на шею коротко остриженные волосы. Большіе черные, великолѣпные глаза скрашивали некрасивыя черты выпуктаго лица съ поблекшими губами.

— Какъ вы сюда вошли? спросилъ Ловагинъ. Голосъ его звучалъ непривѣтливо.

— Черезъ дверь, полагаю, рѣзко возразила гостя. — Что ты на меня такъ смотришь? Сдѣлай одолженіе, не пронизывай меня своими холодными взглядами. Я не тайкомъ вошла, я позвонила, обидчиво прибавила она.

— Виноватъ, Франциска Леонтьевна, я не слыхалъ звонка.

— Франциска Леонтьевна! язвительно повторила гостя. — Прибавьте, кстати, если ужъ мы стоимъ на такой вѣжливой ногѣ: М-ме Замбицкая, очень радъ васъ видѣть!.. Позолотите пиллюю; авось, легче проглотчу!

Сквозь горечь этихъ словъ слышалась затаенная боль. Ловагинъ поморщился, но произнесъ привѣтливѣе прежняго:

— Полно язвить, Франя. Ты меня застала въ расплохъ; я заработался...

Онъ запнулся. Жгучіе глаза Франи впились ему въ лицо.

— Садись, довольно радушно сказалъ Ловагинъ. — Сейчасъ чай подадутъ.

Выраженіе лица Замбицкой прояснилось. Ловкимъ движеніемъ руки сбросивъ на столъ съ головы шапочку, она сѣла напротивъ Ловагина, заложила нога-на-ногу, вынула изъ кармана старую рваную табачницу и начала быстро крутить папиросу. Ловагинъ положилъ тетрадь съ замітками въ столъ.

— Собственно я зашла за тобой, заговорила Замбицкая.

— За мной?

— У меня сегодня собираются. Я думала, письменное приглашеніе тебя не заставитъ прійти.

Ловагинъ молчалъ.

— Я предпочла явиться сама. Ты прійдешь?

— Зачѣмъ?

Глаза Франи загорѣлись.

— Странный вопросъ, вскрикнула она.—Ты у меня давно не былъ.

— Давно; кажется, мѣсяца полтора.

— Да, мѣсяць слишкомъ, то-есть цѣлая вѣчность! горячо вскрикнула она.

— Ты меня удивляешь, Франя. Въ послѣднее наше свиданіе было рѣшено...

— Слова, сказанныя въ минуту вспыльчивости, не имѣютъ значенія, стремительно перебила она его.

— Ты ошибаешься, приписывая мое рѣшеніе вспыльчивости, осторожно началъ Ловагинъ, но Франя снова перебила его.

— Болѣе мѣсяца я не давала о себѣ знать, заговорила она.—Я хотѣла дать тебѣ время успокоиться. Что мнѣ стоило прожить столько времени безъ тебя! Сколько вечеро́въ я проводила тамъ, на улицѣ, подъ твоимъ окномъ, если въ немъ видѣлся свѣтъ! Какихъ усилій мнѣ стоило не подняться по лѣстницѣ, и какъ часто поднималась, бралась за ручку и, одумавшись, съ отчаяніемъ спускалась съ лѣстницы. Я боялась холодной встрѣчи, душу леденящихъ взглядо́въ. Я ждала—ты вернешься, сжалишься, придешь...

Франя вдругъ опустила на колѣни.

— Я не могу жить безъ тебя! Мучай меня, терзай меня, только дай мнѣ жить около тебя!..

Ловагинъ вскочилъ, какъ ужаленный. Отвращеніе, негодованіе, гнѣвъ изобразились на его молодомъ лицѣ и придали несвойственную жесткость, безпощадность его чертамъ.

— Встаньте, проговорилъ онъ глухо. — Какъ вамъ не стыдно.

Замбицкая содрогнулась при жесткомъ звукѣ его голоса, но не встала и, простирая къ нему руки, заговорила еще страсти́е прежняго.

— Не встану, пока не выпрошу прощенья, не встану, пока ты не отмѣнишь свой ужасный приговоръ, равносильный смерти... Убей меня, застрѣли какъ собаку... Смерть отъ руки твоей блаженство!..

Подавленный крикъ бѣшенства вырвался изъ груди Ловагина. Онъ приблизился къ колѣнопреклоненной женщинѣ, схватилъ ее за руку повыше локтя и проговорилъ измѣнившимся голосомъ:

— Вы сейчас-же встанете!

До боли сжавъ ей руку, онъ принудилъ ее встать. Его грубость, причиненная имъ физическая боль не оскорбили ее. Она покорно, съ выраженьемъ обожанія, глядѣла ему въ глаза.

— Мученье, насиліе— все перенесу съ радостью, только не холодъ, не равнодушіе, прошептала она.

Ловагинъ отвернулся.

— Вамъ нравятся мелодрамы, проговорилъ онъ жестко.— Для васъ волненія, сцены, нервы—жизнь! Для меня—все это ненавистно, и я не понимаю, какъ вы, женщина умная, женщина порядочная, подвергаете себя добровольно униженіямъ. Наши отношенія такъ ясны, такъ опредѣленны, что сцены, казалось-бы, немислимы между нами, какъ онѣ, вообще, немислимы между чужими людьми.

— Чужими! съ горечью повторила Франия.

— Да, чужими. Это опредѣленіе вполнѣ точное.

Франия не отвѣчала. Ловагинъ не смотрѣлъ на нее. Онъ стоялъ у стола и судорожно мялъ пальцами резинку. На нѣсколько минутъ воцарилось молчаніе. Неподвижность Франии заставила Ловагина оглянуться. Она сидѣла на прежнемъ мѣстѣ и тихо плакала; полные слезъ глаза любовно глядѣли на Ловагина. Жалость проникла ему въ сердце. Онъ могъ быть беспощаднымъ къ взрывамъ женской необузданности, но тихое, безсловесное страданіе пробуждало мягкую женственную сторону его натуры. Изъ чувства самосохраненія онъ предпочелъ-бы, однако, тихимъ слезамъ Франии ея вспылчивость и страстность, хорошо понимая, что жалость затягиваетъ ненавистныя ему отношенія. Онъ опасался заговорить и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавалъ, что молчанье, быстрѣе словъ, сковываетъ ту цѣпь, которую онъ всѣми силами души хотѣлъ-бы разорвать. Любви здѣсь не было. Онъ никогда не любилъ Франию. Случай свелъ ихъ. Порядочность съ его стороны и сумасшедшая страсть съ ея—тѣсно связали обоихъ.

А слезы все струились по щекамъ Франии. Прекрасные глаза съ тѣмъ-же выраженіемъ преданности и мольбы слѣдили за каждымъ движеніемъ Ловагина. Онъ приблизился къ ней.

— Франия, я былъ грубъ; прости меня, мягко заговорилъ онъ, взявъ ее за руку.

Прикосновеніе къ холодной костлявой рукѣ вызвало въ немъ, по обыкновенію, непріятное ощущеніе. Франя обхватила обѣими руками его руку; лучъ счастья блеснулъ въ ея глазахъ. Холодъ пробѣжалъ по спинѣ Ловагина; онъ чувствовалъ, что въ немъ снова пробуждается жесткость. Онъ пересилилъ себя.

— Франя, пойми, надо разстаться, бережно промолвилъ онъ.

— Нѣтъ! Нѣтъ! пылко прошептала она, страстно прижимаясь губами къ его рукѣ.

Ловагинъ отшатнулся.

— Не цѣлуй мнѣ руки! Ты знаешь, я терпѣть не могу этихъ рабскихъ поцѣлуевъ! вскрикнулъ онъ съ негодованіемъ.

Франя безропотно выпустила его руку. Въ глазахъ ея не угасъ лучъ счастья и надежды. Ловагинъ начиналъ терять самообладаніе.

— Неужели тебѣ пріятно ставить меня въ положеніе палача! вскрикнулъ онъ съ отчаяніемъ. — Я не люблю тебя, я никогда не любилъ. Ни одну минуту, ни одну секунду я не любилъ тебя.

Франя молчала. Выраженіе недоувѣрія промелькнуло въ ея глазахъ.

— Слыхала-ли ты отъ меня когда-нибудь это слово? рѣзко спросилъ онъ.

Губы ея дрогнули, но она молчала.

— И не могла никогда слышать! съ ожесточеніемъ продолжалъ онъ. — И не услышишь никогда. Я любилъ и люблю другую.

Послѣднія слова сорвались у него помимо воли. Онъ тотчасъ-же почувствовалъ облегченіе. — «Теперь кончено!» промелькнуло у него въ головѣ, — «навсегда кончено!»

Франя не пошевелилась. Синеватая блѣдность распространилась по ея лицу.

— Ты видишь, намъ надо разойтись, снова мягко заговорилъ Ловагинъ.

— И ты давно любишь? спросила она беззвучнымъ голосомъ.

— Давно; съ тѣхъ поръ, какъ началъ помнить себя.

— Слѣдовательно, и тогда, когда...

Она не договорила. Ловагинъ вспыхнулъ.

— Ты сама знаешь, какъ это случилось, тихо сказалъ онъ.

— Да, да, ты былъ пьянъ, съ страннымъ спокойствіемъ промолвила она.

Краска стыда ярче подступила къ корнямъ волосъ Ловагина. Онъ отвернулся.

— Съ подобными женщинами, какъ я, иначе и не поступаютъ, медленно, съ разстановкой продолжала она. — Ихъ берутъ и бросаютъ какъ вещь, какъ ветошку...

— Ты знаешь, я тебя не бралъ...

— Ты хочешь сказать, я сама кинулась тебѣ на шею. Это правда. Я сама, я сама! Ты меня не хотѣлъ... Ты отъ меня отворачивался...

— Неужели мы не можемъ разстаться дружески, просто? перебилъ ее Ловагинъ. — Неужели необходимы обвиненія, оправданія и всѣ эти горькія слова?

Франя покачала головой; глаза ея потухли.

— Что-жь, давай Богъ! какъ-то бессмысленно произнесла она и встала. — Прощайте, Алексѣй Дмитріевичъ. Простите, что навязывалась вамъ съ своей любовью. Думала, глупая, что такая любовь все превозможетъ. И камень вода протачиваетъ. Я многого не требовала, гдѣ ужъ!

Нехорошая улыбка искривила ея губы.

— Желаю вамъ всего лучшаго. А меня и младенца вашего не поминайте лихомъ.

Она повернулась къ двери. У Ловагина руки опустились.

— Что такое? что ты сказала? порывисто спросилъ онъ.

Замбицкая съ злорадствомъ взглянула на его разстроенное лицо.

— Вы одинъ не замѣчаете того, что мнѣ теперь уже не легко скрывать отъ постороннихъ глазъ.

Ловагинъ растерянно окинулъ взглядомъ ея фигуру, и ему впервые бросилась въ глаза несвойственная ея сухощавому сложенію округлость талии.

— Я почувствовала движеніе ребенка въ тотъ день, когда вы категорически объявили, что желаете разойтись со мной. Гордость помѣшала мнѣ удержать васъ около себя намекомъ на это обстоятельство. Я хотѣла вернуть васъ иначе... Я сдѣлала попытку... и вотъ...

Холодный потъ выступилъ на вискахъ Ловагина. Ему ка-

залось, вся комната, всѣ предметы закружились передъ его глазами. Цѣпь замкнулась. Мимолетная встрѣча ложилась тяжелымъ ярмомъ на его жизнь.

Злорадное выраженіе исчезло съ лица Франи. Она робко, со страхомъ смотрѣла на него. Тяжело дыша отошелъ Ловагинъ къ столу и снова повернулся къ ней спиной.

— Мое положеніе не налагаетъ на тебя никакихъ обязательствъ, заговорила она нерѣшительно. — Ты былъ и есть свободенъ... Я не съ тѣмъ сказала...

Она запнулась. Слова остановились у нея въ горлѣ. Ловагинъ не отвѣчалъ. Едва-ли онъ слышалъ ее.

— Я могу работать... Мнѣ предлагаютъ мѣсто... когда окончу курсъ... Я могу прокормить и себя, и его...

Она снова замолкла и прислонилась къ косяку двери.

— Мнѣ не то нужно, продолжала она, понижая голосъ. — Я не знаю, какъ мнѣ жить безъ тебя!

И это говорила Франя, дерзкая, заносчивая Франя — милѣйшій изъ милѣйшихъ студентовъ въ юбкѣ, какъ ее прозвала учащаяся молодежь, — горячая проповѣдница свободной любви, всегдашняя порицательница всякихъ узъ, и нравственныхъ, и сердечныхъ, и другихъ! Пять лѣтъ передъ тѣмъ она примчалась съ одной землячкой въ Петербургъ изъ захолустья, вся проникнутая жаждой ученья, новой жизни, новыхъ людей, и съ головой окунулась въ нарождающееся движеніе. Она бѣгала на лекціи анатоміи и ботаники, увлекалась Прудономъ и Писаревымъ, записалась на курсы акушерства, руководила дешевой кухмистерской, участвовала во всѣхъ студенческихъ пирушкахъ. Оправдывая легкое сближеніе мужчины и женщины, она, до встрѣчи съ Ловагинымъ, ни съ кѣмъ не сближалась.

Съ нимъ она встрѣтилась за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ. Она о немъ слышала: ей хотѣлось познакомиться съ нимъ. Ихъ познакомили. Первые встрѣчи были мимолетны. Ловагинъ избѣгалъ Замбицкую; она ему не нравилась. Послѣ одной студенческой пирушки, гдѣ было сказано много горячихъ словъ, много выпито вина, много пропѣто за душу хватающихъ пѣсенъ, — пѣсенъ болѣе опьяняющихъ, чѣмъ вино, — Замбицкая просила Ловагина проводить ее домой. Она жила одна въ меблированной комнатѣ. Здѣсь послѣдовало бурное, безумное объясненіе съ ея стороны. Онъ что-то возражалъ, о

чемъ-то разсуждалъ, но страсть заразительна. Дальше онъ ничего не помнилъ.

Объ этой-то роковой минутѣ и думалъ съ горечью, смѣшанной съ отвращеніемъ, Ловагинъ, стоя у стола спиной къ Франѣ, а Франя, прислонившись къ косяку, продолжала смотрѣть на него. Она знала, что ей не нужно здѣсь оставаться, и не имѣла силъ уйти. Любовь и горе сломили въ ней и волю, и задоръ.

— Прощай, робко проговорила она наконецъ. Голосъ ея звучалъ нѣжно, мягко. Ловагинъ вздрогнулъ и поспѣшилъ обернуться.

— Ты хочешь уходить; а чай? машинально замѣтилъ онъ.

— Пора; поздно ужъ; меня тамъ ждутъ, такъ-же машинально отвѣтила она.

Ловагинъ ее не удерживалъ. Франя повернулась и вышла.

— Въ передней, вѣроятно, темно; я тебѣ посвѣчу, сказала ей вслѣдъ Ловагинъ.

Онъ взялъ лампу и послѣдовалъ за Франей въ переднюю. Здѣсь онъ подаль ей шубку и завязалъ головной платокъ.

— Извини, я не могу тебя проводить, сказалъ онъ вѣжливо. — Возьми извозчика. Завтра утромъ я буду у тебя.

Онъ не подаль ей руки на прощанье, и она не рѣшилась протянуть ему свою. Они безмолвно расстались.

ГЛАВА XVIII.

Прошло два дня послѣ вечеринки у Метцеля; женихъ съ невѣстой не видались. Отсутствіе Николая, казалось, Маню не тревожило. Она по-прежнему была весела, по-прежнему шутила съ Горошанскимъ во время сеансовъ. Легкая простуда служила ей предлогомъ не выходить изъ дома и чаще запирается въ своей комнатѣ.

— Вѣроятно, и у него насморкъ, возразила она шутивно, когда Наташа выразила удивленіе по поводу исчезновенія Николая. — Неужели намъ необходимо давать знать другъ другу о такомъ важномъ событіи.

— Странно, что и Каздоевъ исчезъ, краснѣя, вполголоса замѣтила Наташа.

— Предположите, что и онъ простудился, со смѣхомъ отвѣчала Маня. — Такое совпаденіе возможно. У Метцеля было страшно жарко.

Наташа недовѣрчиво покачала головой, однако, не сочла удобнымъ высказывать свои сомнѣнія.

— Они поссорились, тревожно заявила она мужу на другой день послѣ этого разговора.

— А тебѣ-то что до того? равнодушно произнесъ Горошанскій.

Наташа вспыхнула.

— Моя хата съ краю, ничего не знаю, проговорила она съ негодованіемъ. — Какой ты эгоистъ, Гриня.

Горошанскій забавно приподвѣлъ брови и утвердительно мотнулъ головой.

— Слыхали мы это, сказали онъ, выдавливая изъ свинцовой трубочки краску на палитру. — Помирятся! Тѣмъ лучше, если поссорились до свадьбы. Радоваться этому надо, а ты волнуешься. Кто изъ насъ эгоистъ?

— Неужто я?!..

— Несомнѣнно ты... Тебѣ хочется этой свадьбы, тебѣ кажется, лучше ничего нельзя придумать, вотъ ты и досадуешь на препятствія, а по-моему, если эта свадьба разстроится, то слѣдуетъ сказать: слава-те, Господи!

— Что ты, Гриня? съ испугомъ вскрикнула Наташа.

— Вѣрно говорю, Наталья Ивановна! А впрочемъ, ни тебѣ, ни мнѣ не слѣдъ въ это дѣло мѣшаться.

Наташа задумалась.

— Что призадумалась, зоренька ясная! пошутилъ Горошанскій и потянулъ жену легонько за ушко; Наташа не улыбнулась. — Погоди корчить грустную рожицу. Не безпокойся, Сигицынъ явится, не выдержитъ... Не выдержитъ, говорю я тебѣ! Вотъ увидишь!

Какъ-бы въ подтвержденіе этихъ словъ, въ передней раздался звонокъ и послышался голосъ Сигицына:

— Дома Марья Даниловна?

Горошанскій хлопнулъ себя по лбу.

— Каковъ мудрецъ твой мужъ! шепнулъ онъ Наташѣ.

Наташа расхохоталась.

— Да, да! Вотъ какъ ваша сестра нашего брата скручиваетъ! Чего смѣешься? Правду говорю!

Горошанскій полугнѣвно, полусмѣясь началъ быстро растирать краски.

Николай, между тѣмъ, тихо постучался въ дверь Мани.

— Войдите, сказала она.

Онъ вошелъ. Маня, закутанная въ пуховый оренбургскій бѣлый платокъ, сидѣла поджавъ подъ себя ноги въ креслѣ. Ничѣмъ несдерживаемые распущенные волосы смѣшивали свои тонкія, почти бѣлыя пряди съ бѣлымъ пухомъ платка, и вся она, бѣленькая, нѣжненькая, какъ Снѣгурка, казалась въ своей полулежащей позѣ совсѣмъ ребенкомъ.

— Вы больны? спросилъ съ безпокойствомъ Николай.

— О, пустяки. Насморкъ. Вы, вѣроятно, тоже были больны?

Она дружески протянула ему руку.

— Серьезно, я не больна, продолжала она, отвѣчая на его тревожный взглядъ. — Вотъ у васъ нехорошій видъ.

Николай болѣзненно усмѣхнулся.

— Я провелъ невесело эти дни.

Маня съ любопытствомъ глядѣла на его осунувшееся, пожелтѣвшее лицо.

— Да--а! протянула она. — Что-нибудь случилось?

Она повела плечами какъ-бы отъ холода и запрятала бѣлыя маленькія ручки съ узкими острыми ноготками подъ платокъ.

Николай покраснѣлъ. Его безмятежное спокойствіе выставило въ невыгодномъ свѣтѣ его страданія. Какими невыносимыми они ему казались еще за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ! А можетъ быть, они были лишнія или, по меньшей мѣрѣ, преувеличены. Николай помѣстился на стулѣ противъ Мани.

— Вы на меня не сердитесь? произнесъ онъ нерѣшительно.

— Я? За что? Развѣ вы провинились?

Николай въ смущеніи потерялъ одну руку о другую. Онъ чувствовалъ себя, нѣкоторымъ образомъ, мальчишкой передъ своей смѣющейся, беззаботной, такъ хорошо собой владѣющей невѣстой.

— За то, что я васъ, такъ сказать, бросилъ ночью одну на улицѣ и ушелъ домой, возразилъ онъ, стараясь говорить развязно и дѣлая, не безъ тайнаго удовольствія, удареніе на словѣ «бросилъ».

— Я была не одна. Вы меня оставили съ Каздовымъ.

— Съ моей стороны было все-таки неприлично...

— Напрасно вы такъ думаете. Вы были не въ духѣ или утомлены. Ничего тутъ неприличнаго не было.

Маня съ веселой улыбкой глядѣла ему въ глаза. Николай тоже попытался удержать блѣдную улыбку на своемъ усталомъ, измученномъ лицѣ.

— Тѣмъ лучше, сказалъ онъ довольно бойко. — Я радъ, что не провинился въ вашихъ глазахъ. Хорошо вы погуляли?

Онъ спросилъ равнодушно; ему казалось, что и лицо его хранило совершенное равнодушіе. Онъ только закусилъ верхнюю губу, чтобы скрыть предательское вздрагиваніе темныхъ усиковъ. Вздрагиванье это не ускользнуло отъ Мани. Огоньки забѣгали въ ея глазахъ.

— Прелестно! съ увѣренностью возразила она.

Николай сильнѣе прикусилъ губу и занялся разсматриваньемъ своей цѣпочки.

— А! произнесъ онъ.—Несмотря на погоду.

«Зачѣмъ она меня мучаетъ?» подумалъ онъ, чувствуя злорадный взглядъ Мани.

— Погода была отличная! отвѣтила Маня;—такая именно, какую я люблю. На Адмиралтейской площади вихрь чуть не унесъ насъ въ гиперборейскія страны. Во всякомъ случаѣ, шапкъ Каздоева грозила серьезная опасность.

— Вы зашли такъ далеко? съ усиліемъ спросилъ Николай.

— Да; мнѣ захотѣлось пройтись по набережной.

Николай далѣе не разспрашивалъ. Подавивъ вздохъ, онъ обвелъ глазами комнату.

— У васъ тутъ не тепло. Зачѣмъ вы не скажете затопить.

Онъ всталъ и прикоснулся рукой къ печкѣ.

— Совсѣмъ холодная; вы еще болѣе простудитесь.

Маня не отвѣчала. Лицо ея дрожало отъ внутренняго смѣха. Николай обернулся къ ней. Его небольшіе, темные, кроткіе глаза грустно взглянули на нее.

— Зачѣмъ вы надо мной потѣшаетесь? тихо произнесъ онъ.

Маня чуть-чуть смутилась. Тонкія, мягкія, почти женственныя черты его молодого, симпатичнаго лица выражали такую неподдѣльную мольбу о пощадѣ, что ей стало жаль его. Огоньки исчезли въ ея глазахъ, но лицо продолжало смѣяться.

— Пойдите сюда, сказала она повелительно.

Онъ подошелъ.

— Садитесь здѣсь. Ближе, ближе!

Она заставила его придвинуть стулъ тѣсно къ креслу, слегка привстала и, вдругъ обвивъ ему руками голову, крѣпко поцѣловала его въ губы. Николай вскрикнулъ. Прежде, чѣмъ она могла опомниться, онъ приподнял маленькую фигурку и мигомъ пересадилъ ее съ кресла къ себѣ на колѣни. Впервые Маня почувствовала безотчетный страхъ. Она откинула назадъ голову, но не пыталась уклониться отъ горячихъ поцѣлуевъ, сыпавшихся на ея губы, глаза, волосы. Николай былъ неузнаваемъ. Лицо его, за минуту передъ тѣмъ унылое, печальное, дышало страстью и энергіей. Маня зажмурила глаза; при каждомъ поцѣлуѣ она вздрагивала; на блѣдныхъ губахъ блуждала улыбка, отъ которой у Николая закружилась голова.

— Маня, шепталъ онъ страстно, — ты меня любишь? Да, любишь! Взгляни на меня, взгляни; я хочу!..

Маня повиновалась и полуоткрыла глаза; мутные, почти бѣлые зрачки на мгновение мелькнули изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ и снова скрылись. Николай весь задрожалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, прошепталъ онъ. — Это было-бы подло.

Онъ поспѣшно, бережно пересадилъ маленькую дѣвушку на кресло и отошелъ на противоположный конецъ комнаты. На комодѣ стоялъ графинъ съ водой; онъ налилъ полный стаканъ и залпомъ выпилъ его. Вода его отрезвила, но сердце продолжало безумно колотиться въ груди, и въ вискахъ стучала кровь. Сжимая обѣими руками голову, онъ облокотился о комодъ и оставался нѣсколько минутъ неподвижнымъ.

Маня сидѣла въ креслѣ въ томъ положеніи, въ какомъ онъ ее посадилъ. Улыбка исчезла съ ея лица, губы сжались, брови сдвинулись. Она чувствовала смущеніе, и притомъ какое-то неясное раздраженіе подымалось въ ней противъ Николая. Она сама не могла-бы сказать, почему ей было стыдно, и почему поблѣднѣвшее лицо ея вспыхнуло какъ зарево, когда Николай, пересиливъ волненіе, приблизился къ ней. Она сбоку кинула на него быстрый взглядъ; глаза ея успѣли уже потемнѣть, и снова забѣгаль въ нихъ злой огонекъ. Расширенные, блестящіе глаза Николая свѣтились, напротивъ, нѣжностью и счастьемъ.

— Какъ ты хороша! восторженно вскрикнулъ онъ, опускаясь передъ нею на колѣни.— Какъ идетъ къ тебѣ этотъ румянецъ! Прелесть моя! тихо прошепталь онъ, прижимаясь губами къ ся колѣнямъ.

Маня пошевелинулась. Она простыла, и его нѣжности усиливали въ ней досаду. Она, однако, ничего не сказала; только плотнѣе завернулась въ платокъ. Этого движенія было достаточно, чтобы заставить Николая подняться съ колѣнъ. Потокъ нѣжныхъ словъ, готовый вырваться у него изъ души, замеръ на языкѣ. Но охватившее его чувство радости было такъ сильно, что онъ не могъ сразу его утратить. Съ свѣтлой улыбкой на губахъ онъ сѣлъ на стулъ, хотѣлъ заговорить и не нашель подходящихъ словъ. Онъ придвинулся къ Манѣ и, молча, не глядя на нее, сталъ перебирать бахрому пуховаго платка, въ который она была закутана. Ему хотѣлось-бы ласкать, цѣловать ея руки, но руки она запрятала подъ платокъ; потребовать ихъ онъ не смѣлъ. Его минутная власть надъ нею исчезла, и съ робкой, трогательной улыбкой онъ гладилъ надѣтую на ней вещь, косвенно прикасаясь къ ней самой, и тѣмъ какъ-бы удовлетворяя неопределимую потребность ласкать маленькую строптивую дѣвушку.

Маня продолжала хмурить брови. Бережнныя, нѣжныя ласки Николая она находила всегда приторными, а теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, онѣ казались ей непріятными. Она потянула къ себѣ платокъ. Николай тотчасъ-же выпустилъ его и выпрямился.

— Я совсѣмъ дуракъ, Маня, сказалъ онъ съ виноватой улыбкой.— Двухъ словъ связать не умѣю.

Маня опять не отвѣчала. Николай покраснѣлъ. Его радостное настроеніе разсѣвалось какъ дымъ.

— Я заходилъ сейчасъ на нашу квартиру, заговорилъ онъ неувѣренно — Тамъ все готово. Дѣвушка, которую рекомендовала Марфа, кажется, очень расторопная и совсѣмъ приличная.

— Вы не видѣли Каздоева? небрежно спросила Маня.

Брови Николая дрогнули. Ему чужалось въ этомъ вопросѣ желаніе кольнуть его.

«Опять начинается мучить», подумалось ему.

— Нѣтъ, произнесъ онъ довольно спокойно и, помолчавъ немного, въ свою очередь спросилъ:

— Онъ не заходилъ къ вамъ?

Маня отрицательно покачала головой. Взглядъ ея сѣрыхъ глазъ напоминалъ взглядъ кошки, слѣдящей за мышенкомъ. Оживленіе исчезло съ лица Николая.

— Вы злая, тихо сказалъ онъ и всталъ.

Манѣ снова стало жаль его. Она живо вскочила на ноги.

— Поѣдемъ на нашу квартиру, поспѣшно заговорила она.

— Я хочу взглянуть, переставить, если что нужно.

— Не знаю, полезно-ли вамъ выходить? замѣтилъ Николай, повеселѣвъ. — Погода довольно скверная.

— Ничего, я закутаюсь.

Маня подобрала свои прелестные волосы и двумя, тремя шпильками укрѣпила ихъ на головѣ передъ зеркаломъ. Николай засмотрѣлся на ея граціозныя движенія. Она поймала его восторженный взглядъ въ зеркалѣ, и, съ кокетливой усмѣшкой поворачивая голову, мяла и свертывала пушистые, разсыпчатые волосы. Николай не утерпѣлъ и захотѣлъ ее поцѣловать, но Маня отскочила, какъ котенокъ, отъ него, со смѣхомъ объявивъ:

— На сегодня будетъ.

Николай не огорчился. Онъ былъ радъ, что она смѣется, радъ, что она съ нимъ ласкова.

Нанятая имъ квартира состояла изъ четырехъ комнатъ и кухни. Они провозились въ ней часа три, бѣгали, суетились какъ дѣти, переставляя по нѣскольку разъ стулья и столы съ одного мѣста на другое, восхищались каждымъ подсвѣчникомъ, каждой кастрюлей. Маня все хвалила. Послѣ раззолоченныхъ, пышныхъ, чопорныхъ хорошъ родительскаго дома, ей нравились, какъ новинка, маленькія чистенькія комнаты. Переставляя мебель, она старалась размѣстить ее въ наибольшемъ безпорядкѣ.

— Такъ ничто не напоминаетъ нашъ московскій домъ, говорила она весело. — Тамъ все на-вѣки приклеено къ мѣсту. Я-бы хотѣла здѣсь наткаться на каждомъ шагу на какой-нибудь стулъ, поставленный ни съ того, ни съ сего по серединѣ комнаты. Ненавижу въ струнку вытянутой мебели. Но что-бы сказала мама!

Она расхохоталась до слезъ. Своей перестановкой она дѣйствительно произвела нѣкоторый хаосъ, и Дуня, ея новая горничная, помогавшая ей въ этомъ трудѣ, неодобрительно

покачивала головой, но Николай находилъ все прекраснымъ.

— Черезъ два дня мы поселимся здѣсь, сказалъ онъ, когда они вышли изъ квартиры на лѣстницу.

Онъ сжалъ ее руку въ своей и, наклонясь къ ней, прошепталъ:

— Наконецъ-то мы будемъ одни, вдвоемъ! И никого, никого между нами не будетъ! Я только тогда буду покоенъ. Мнѣ все кажется, что нѣтъ-нѣтъ, и счастье ускользнетъ изъ рукъ.

Маня сбѣжала съ лѣстницы. Она не отвѣтила, но ласково ему улыбнулась, и свѣтлое настроеніе Николая укрѣпилось. Этотъ день, послѣ краткой, временной разлуки, будто сблизилъ ихъ. До самаго вечера Маня продолжала обращаться съ Николаемъ кротко, ласково. Во всѣхъ ея движеніяхъ проявлялась какая-то особенная мягкая грація и нѣга. Порой она задумывалась, разсѣянная улыбка блуждала на губахъ, полузакрытые глаза глядѣли томно. Чье-нибудь замѣчаніе, вопросъ—приводили ее въ себя, и она снова начинала шутить, и шутки ея были милыя, добрыя, и въ голосѣ не слышалось обычной сухости. Она вся казалась умиленною, размягченной. Николай находилъ, что онъ еще никогда не былъ такъ счастливъ.

Глава XIX.

У Варвары Ильинишны Ловагиной—музыкальный раутъ. Въ большомъ залѣ собралось отборное общество Роскошные туалеты дамъ, блестящіе мундиры, звѣзды, аксельбанты сверкаютъ при яркомъ освѣщеніи сотни свѣчей. Тонкіе ароматы духовъ разливаются въ нагрѣтомъ воздухѣ; шелестъ матерій, сдержанный шопотъ примѣшиваются къ музыкальнымъ звукамъ. Легкими вѣжливыми аплодисментами встрѣчаютъ и провожаютъ мужчины приглашенныхъ артистовъ. «Charmant! délicieux» ¹⁾ процѣживаются сквозь зубы дамы. Безстрастное вниманіе общества холодить артистовъ. Ни пѣвица, ни баритонъ, ни даже теноръ не въ состояніи разсѣять чопорность свѣтской публики. Но вотъ, къ роялю приближается знаменитый пѣанистъ. Шепотъ проносится среди дамъ; одушевленные аплодисменты потрясаютъ стѣны зала. Артистъ благодарить

¹⁾ «Прелестно! очаровательно».

небрежнымъ наклономъ головы, садится. Въ первыхъ рядахъ слушателей замѣчается движеніе; дамы оправляютъ платья и придвигаютъ кресла ближе къ роялю... Раздается аккордъ; все замираетъ. Затаивъ дыханіе, слушаютъ дамы; десятки, сотни томныхъ, влюбленныхъ женскихъ глазъ устремлены на выразительное лицо артиста; умилыныя улыбки порхаютъ на разжатыхъ устахъ; подавленный вздохъ вырывается изъ груди.

— *Divin! il est divin!* ¹⁾ шепчетъ худая дама съ очень обнаженной шеей.

— О, oui! лепечетъ другая и кидаетъ взоръ полный обожанія на пьяниста.

Онъ кончилъ; дамы окружаютъ его. Изъ-за сверкающихъ бѣлизной обнаженныхъ плечъ и рукъ виднѣется только голова «божественнаго». Отвѣчая полуснисходительной, полупрезрительной усмѣшкой на восторженный шопотъ и лепетъ, онъ протискивается сквозь живую изгородь женскихъ тѣлъ, и усталой, развалистой походкой направляется къ Варварѣ Ильинишнѣ. Она вѣеромъ указала ему пустое кресло около себя.

— Садитесь, балованное дитя, замѣтила она смѣясь. — Женщины васъ убьютъ своею любовью.

Артистъ провелъ рукой по воздуху, выражая этимъ жестомъ и равнодушіе, и скуку.

— Вы лучше ихъ всѣхъ, сказалъ онъ лѣниво съ той дерзкой непринужденностью, которая свойственна людямъ вполне увѣреннымъ въ общей къ нимъ снисходительности.

Варвара Ильинишна легонько ударила его по рукѣ вѣеромъ.

— Лъстець! И мои сѣдины не внушаютъ ему почтенія!

Она не безъ оттѣнка кокетства указала на свои сѣдые волосы, прикрытые стариннымъ бѣлымъ кружевомъ. Въ черномъ бархатномъ платьѣ съ закрытымъ воротомъ она рѣзко выдѣлялась строгостью туалета отъ бьющихъ въ глаза нарядовъ прочихъ дамъ.

— Я себя спрашиваю, продолжалъ артистъ, одобрительно оглядывая ее съ ногъ до головы, — почему онѣ не берутъ съ васъ примѣръ. Я не говорю о молодыхъ... Но другія... Pourquoi ne portent-elles pas dignement leur âge? ²⁾

— Вы думаете, это такъ легко?.. Однако, на меня навѣр-

¹⁾ Божественно! онъ божественъ!

²⁾ Отчего онѣ не держатъ себя прилично своему возрасту?

ное претендуютъ за то, что я васъ удерживаю около себя. Видите, графиня уже идетъ къ намъ.

Она указала глазами на худощавую даму съ обнаженной шеей, назвавшую артиста «le divin».

— Sauvez moi! ¹⁾ прошепталъ съ неподдѣльнымъ испугомъ «божественный»

— Нѣтъ, нѣтъ! Subissez les suites ²⁾, les послѣдствія общаго къ вамъ обожанія. Бѣдненькій! Его слишкомъ любятъ.

Варвара Ильинишна встала и сдѣлала два шага навстрѣчу графинѣ.

— Уступаю вамъ свое мѣсто, chère et aimable comtesse ³⁾. Я не хочу злоупотреблять правами хозяйки дома и держать весь вечеръ около себя нашего общаго баловня

Привѣтливо улыбалась, она удалилась.

Музыкальная часть вечера между тѣмъ кончилась. Офиціанты, ловко шмыгая между стульями, разносили на огромныхъ серебряныхъ подносахъ мороженое и прохладительные напитки. Въ столовой былъ устроенъ роскошный буфетъ. Варвара Ильинишна, не выходя изъ роли внимательной хозяйки дома и все время поддерживая разговоръ то съ тѣмъ, то съ другимъ, повременамъ зорко окидывала взглядомъ залъ, какъ бы кого-то высматривая. Толпа гостей рѣдѣла; одни тѣснились въ дверяхъ буфета, другіе расположились въ голубой гостиной. Многіе разѣхались

У одной изъ колоннъ зала стоялъ очень высокій, очень толстый господинъ во фракѣ со шляпой claque подъ мышкой. Огромную лысую голову его, посаженную на короткой жирной шеѣ, поддерживалъ весьма почтенныхъ размѣровъ туго накрахмаленный воротникъ рубахи, вокругъ котораго узенькой ленточкой вился бѣлый галстучекъ. Бѣлое, лишенное бороды и усовъ лицо съ отеками одутловатыми щеками и отвислой нижней губой имѣло совершенно безстрастное выраженіе. Маленькіе свѣтлые глазки сонливо поглядывали вокругъ. Мимо колонны прошелъ офиціантъ съ мороженымъ. Толстый господинъ остановилъ его, внимательно оглядѣлъ поднось, выбралъ стаканчикъ съ пуншъ-glacé, прислонился спиной къ колоннѣ

¹⁾ Спасите меня!

²⁾ Несите на себя послѣдствія...

³⁾ Милая, любезная графиня.

и, не выпуская изъ рукъ своего *claque*, не спѣша, съ разстановкой, смакуя каждый положенный въ ротъ замороженный кусочекъ, ѣлъ пуншъ. Жиденькій французъ, секретарь посольства, быстро жестикулируя, что-то живо ему рассказывалъ. Толстый господинъ апатично слушалъ, ограничиваясь иногда односложными замѣчаніями. Замѣчанія эти выслушивались французомъ почти съ благоговѣніемъ. Вдругъ французъ замолкъ и поспѣшно покинулъ своего собесѣдника. Толстый господинъ оторвалъ глаза отъ полупорожняго стаканчика съ пуншемъ. Къ колоннѣ приближалась Варвара Ильинишна, и къ ней-то навстрѣчу ринулся французъ.

Варвара Ильинишна остановилась, любезно съ нимъ поговорила, затѣмъ взглянула на толстаго господина и сказала:

— Валерьянъ Павловичъ, я васъ ищу.

Валерьянъ Павловичъ, по фамиліи Кореневъ, а по чину тайный совѣтникъ, съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на остатки пунша, поискалъ глазами куда-бы поставить стаканчикъ и, оставивъ его просто на стулѣ, подошелъ къ Ловагиной. Она взяла его подъ руку.

— Скажите пожалуйста, баронъ, спросилъ одинъ генералъ изъ молодыхъ, провожая взоромъ удаляющуюся подъ руку съ Кореневымъ черную фигуру Варвары Ильинишны, — вы, кажется, ее знали съ молодости. Была она хороша?

Баронъ, худощавый, гладко выбритый, съ пингвинообразнымъ лицомъ и во фракѣ со звѣздой, солидно отвѣтилъ:

— Никогда; худа какъ щепка. Одни глаза.

— *Mais elle est très bien maintenant* ¹⁾.

— Да, къ старости она похорошѣла.

— *Je me demande* ²⁾, почему она не вышла замужъ?

— Почему!.. А честолюбіе?

— Одно другому не мѣшаетъ. Она могла сдѣлать блестящую партію. *Avec sa fortune* ³⁾.

— *On visait trop haut!* ⁴⁾ замѣтилъ баронъ, и лицо его приняло птичье выраженіе.

Глаза генерала заблестѣли.

¹⁾ Однако, она теперь очень представительна.

²⁾ Я себя спрашиваю.

³⁾ Съ ея состояніемъ.

⁴⁾ Мѣтили слишкомъ высоко!

— А... а! такъ это правда! Я что-то слышалъ... Но это было такъ давно... Расскажите, mon bon...

Генераль, прижимая къ себѣ локоть барона, отвелъ его въ оконную нишу. Баронъ понизилъ голосъ. Вѣроятно, рассказъ его принадлежалъ къ разряду *histoires salées* ¹⁾, потому что вокругъ глазъ генерала образовались мелкія складки; онъ, поджимая губы, кивалъ головой и повременамъ прерывалъ барона восклицаніями:

— Ah, elle est forte, bien forte! ²⁾ Я не зналъ. . Ахъ, это очень интересно...

— Вы понимаете, закончилъ баронъ, — послѣ этого ей совѣтовали уѣхать за-границу... Она жила въ Парижѣ, въ Ницѣ нѣсколько лѣтъ... *sous prétexte* ³⁾ разстроеннаго здоровья... Вернулась и повела дѣло иначе. *C'était une autre femme* ⁴⁾. Неузнаваема... *L'enchanteresse d'autrefois a surnagé avec d'autres atours, d'autres allures!*.. ⁵⁾ Но на этотъ разъ неуязвима! *Adieu amours, adieu plaisirs!* ⁶⁾ Мантия добродѣтели и ненасытное властолюбіе... Да, да, это ея единственная страсть. Друзья-пріятели напрасно ищутъ, вотъ уже двадцать лѣтъ, *quelques petits péchés mignons*... *Rien! Et nini, c'est fini!*.. ⁷⁾ Монахиня не можетъ вести болѣе строгую жизнь.

— *Elle est forte, très forte!* ⁸⁾ повторилъ генераль.

— *Ce qui est fort* ⁹⁾, это ея послѣдняя исторія съ племянникомъ.

— Кстати, отчего его здѣсь нѣтъ?

— *Ah voilà! On l'a mis à la porte* ¹⁰⁾.

— *Ah bah!* ¹¹⁾ изумился генераль.

Круглые глаза барона еще болѣе округлились и на плоскомъ лицѣ его тоже выразилось изумленіе.

— Вы этого не знали?

¹⁾ Деусмысленныхъ исторій.

²⁾ А, она умна, очень умна!

³⁾ ...подъ предлогомъ.

⁴⁾ Это была другая женщина.

⁵⁾ Очаровательница прежнихъ лѣтъ всплыла съ новыми прелестями, съ новыми приемами!.

⁶⁾ Прощай любовь, прощайте наслажденія!

⁷⁾ Какіхъ-нибудь самыхъ маленькихъ грѣшковъ... Ничего! Конечно.

⁸⁾ Она умна, очень умна!

⁹⁾ Что умно...

¹⁰⁾ Въ томъ-то и дѣло! Его выгнали.

¹¹⁾ Ну вотъ!

— Ничего не зналъ. Онъ меня, вообще, мало интересовалъ. Пустой мальчишка, повѣса!.. Пописываетъ какія-то статейки, которыхъ я, впрочемъ, не читалъ.

— Я ихъ читалъ. У него есть слогъ. Il ne manque pas de talent!.. ¹⁾ но нѣтъ основы; понимаете, нѣтъ основы! Варвара Ильинишна возлагала на него большія надежды. Entre nous ²⁾, она, кажется, мечтала достигнуть черезъ него еще большей вліятельности. Вы его видѣли... Могъ-ли онъ оправдать такія надежды? Разумѣется нѣтъ, Въ послѣднее время отношенія ихъ были натянуты. Ходили слухи, что онъ влопался.. *regardez-moi l'expression*, ³⁾ въ какую-то скверную исторію... Говорятъ, Варвара Ильинишна получила анонимное письмо... *Bref, elle l'a mis à la porte* ⁴⁾.

— Одобряю, вполне одобряю, въ жаромъ произнесъ генералъ.

— Такое беспощадное отношеніе къ ближайшему родственнику, котораго она любила, какъ сына, послужило ей въ пользу. Ея вліяніе, можно сказать, теперь неограничено. Всѣ въ ней заискивають.

— Удивительный характеръ! восторженно воскликнулъ генералъ. — Вотъ женщина!

— Ея дружба цѣнится на вѣсь золота, значительно замѣтилъ баронъ. — За то, не поздоровится тому, кто навлечетъ на себя ея недоброжелательство, продолжалъ онъ съ тонкой улыбкой. — *Vous savez, je suis un peu observateur!* ⁵⁾ Варвара Ильинишна *est une femme à fortes passions!* ⁶⁾ Такія женщины обоюдоострыя оружія, *des armes à double tranchant* ⁷⁾.

Баронъ медленно повелъ головой сверху внизъ и серьезно прибавилъ:

— *A bon entendeur salut!* ⁸⁾

Генералъ серьезно посмотрѣлъ на него, тоже повелъ головой сверху внизъ, но ничего не сказалъ.

Во время этого разговора, Варвара Ильинишна вошла съ

¹⁾ Онъ не лишень дарованія...

²⁾ Между нами.

³⁾ ...извините за выраженіе.

⁴⁾ Словомъ, она его выгнала.

⁵⁾ Вы знаете, я до нѣкоторой степени наблюдателень.

⁶⁾ Женщина съ сильными страстями.

⁷⁾ Обоюдоострое оружіе.

⁸⁾ Наматывайте себѣ на усъ!

Кореневымъ въ желтый будуаръ, мягко освѣщенный скрытыми въ цвѣтахъ лампами. Въ будуарѣ никого не было. Варвара Ильинишна остановилась около роскошной группы камелій.

— Узнаете? спросила она ласково.—Это изъ вашей оранжереи. Довольны вы ихъ состояніемъ? Хорошо онѣ будутъ цвѣсти?

Сонные глазки Коренева нѣсколько оживились. Онѣ имѣли пристрастіе къ цвѣтамъ вообще и къ камеліямъ въ особенности. Его оранжереи пользовались нѣкоторою извѣстностью. Въ отвѣтъ на вопросъ Варвары Ильинишны онѣ внимательно оглядѣли блестящіе листья камелій, оцупалъ бѣлыми, пухлыми пальцами степень влажности земли, и медленно, густымъ басомъ, произнесъ нѣсколько практическихъ указаній объ уходѣ за камеліями. Варвара Ильинишна терпѣливо выслушала скучное для нее объясненіе. На цвѣты она смотрѣла, какъ на необходимое украшеніе комнатъ; для ухода за ними у нее имѣлся садовникъ.

— Мерси за совѣтъ. Я приму его къ свѣдѣнію, промолвила она.—Кстати, вы не забыли мою маленькую просьбу? спросила она равнодушно.

Глазки Коренева приняли снова сонливое выраженіе.

— Я вашихъ просьбъ никогда не забываю, возразилъ онѣ, не безъ труда вынимая изъ бокового кармана сложенный въ четверо листъ почтовой бумаги и передавая его Варварѣ Ильинишнѣ.

— Эта... эта нелѣпая газета перестала существовать? осторожно спросила она, нагибаясь надъ цвѣтами.—Полюбуйтесь на эту розу, Валерьянъ Павловичъ; неправда ли, она чудо какъ хороша!

— Да, хороша, согласился онѣ,—это Clara Sylvain.

— Кажется. Въ молодости я-бы сорвала еѣ для васъ, съ меланхолической улыбкой произнесла Варвара Ильинишка,—но розы изъ рукъ старухи—точно румяна на щекахъ покойника.

— Quelle horreur! ¹⁾ почти съ негодованіемъ произнесъ Кореневъ.—Можно ли дѣлать такіа сравненія.

— Если васъ не страшитъ le ridicule... ²⁾

Варвара Ильинишна подала ему розу. Кореневъ при-

¹⁾ Какой ужасъ!

²⁾ Нелѣпость...

близилъ ея руку къ своимъ толстымъ губамъ, почтительно-нѣжно поцѣловалъ кончики ея пальцевъ и не безъ гордости вдѣлъ розу въ петличку фрака, ловко минуя колючіе шипы. Варвара Ильинишна помогла ему укрѣпить цвѣтокъ.

— Мы отвлеклись, заговорила она.— Удивительно, какъ долго въ челоуѣкѣ держится ребячество... А впрочемъ, злые язвы, пожалуй, скажутъ, что мы уже близки къ тому возрасту, когда наступаетъ второе дѣтство...

— Все относительно. Юность души... началъ было Кореневъ, пожевавъ губами.

— Это правда, перебила его Варвара Ильинишна, — все относительно, но... Я опять отвлекаюсь. О чемъ это я васъ спрашивала?

— Кажется объ интересующей васъ газетѣ.

— О, интересующей! *C'est trop dire!* ¹⁾ Просто любопытство. Я слышала, будто кто-то изъ нашихъ писалъ въ ней или еѣ поощрять.

Пустяки! замѣтилъ Кореневъ съ улыбкой сожалѣнія. — Взгляните сами; ни одного имени! Незвѣстные, темные люди.

Варвара Ильинишна развернула списокъ и внимательно пробѣжала его.

— Вы видите, какъ велика моя къ вамъ преданность, безстрастно сказалъ Кореневъ, принимая обратно изъ рукъ Варвары Ильинишны сложенную бумагу.— *Je vous ai confié un secret d'état* ²⁾. Какое еще надо доказательство, что я весь вашъ.

— Никакого не надо. Я въ васъ никогда не сомнѣвалась, съ чувствомъ произнесла Варвара Ильинишна и протянула ему руку.

Кореневъ снова поднесъ ее къ своему лицу и снова напечатлѣлъ на ней почтительно-нѣжный поцѣлуй.

— И какъ это я могла повѣрить такому вздору! весело заговорила Варвара Ильинишна.

Кореневъ вложилъ сложенную бумагу обратно въ боковой карманъ.

— Васъ поразила пикантность слуха, возразилъ онъ снисходительно. — Одинъ изъ нашихъ — сторонникъ «Топора»! Кто

¹⁾ Это слишкомъ сильно сказано.

²⁾ Я вамъ довѣрялъ государственную тайну.

такой! Кто онъ! On remuerait le monde entier pour le savoir... ¹). Видно и умнѣйшая изъ умнѣйшихъ женщинъ въ любопытствѣ не уступитъ праматери Евѣ.

По отвислымъ губамъ Коренева скользнула вялая усмѣшка.

— Торжествуйте, торжествуйте! Не всегда на вашей улицѣ такой праздникъ, смѣясь отвѣтила Ловагина.—Однако, мое отсутствіе вѣрно уже замѣчено. Хорошо, что наши сѣдины насъ гарантируютъ отъ эпиграммъ. Вашу руку, добрый Валерьянъ Павловичъ.

Кореневъ не снѣша предложилъ ей руку.

— Вы найдете, что я злоупотребляю вашей снисходительностью къ женской слабости, начала она, опираясь на его руку.—У меня еще есть для васъ одинъ вопросъ.

— Приказывайте...

— Нѣтъ, нѣтъ, это только вопросъ, а не просьба. Вы, которому все извѣстно...

Кореневъ отрицательно повелъ головой сначала направо, потомъ налево.

— Не отпирайтесь... Что вы знаете о моемъ escervellé de neveu? ²).

Кореневъ сбоку посмотрѣлъ на нее.

— Вы за него опасаетесь? спросилъ онъ.

— Онъ такой вѣтренный... Дурное общество...

— Вы правы. Дурное общество, c'est très pernicieux ³) для молодыхъ людей. Положитесь на меня... Мы за нимъ будемъ слѣдить, и ради его дорогой тетюшки не будемъ къ нему строги.

Варвара Ильинишна взглянула на него. Сонные глазки Коренева казались сонливѣе обыкновеннаго.

— Vieux regard! ⁴) подумала она.—Никогда не отвѣтить прямо... Слѣдить! развѣ за нимъ уже слѣдятъ? за Ловагинымъ!

— Мерси, сказала она громко, обращая взоръ благодарности на своего собесѣдника.

Кореневъ пожевалъ нижней губой. Они вышли изъ будара.

Часъ спустя, всѣ огни въ домѣ погасли. Мракъ и тишина

¹) Весь свѣтъ можно перевернуть, чтобы узнать...

²) Вѣтренномъ племянникѣ.

³) Это очень вредно.

⁴) Старая лисица!

замѣнили недавній шумъ и говоръ. Только въ спальнѣ, передъ круглыми стѣнными часами теплилась ночная лампочка изъ краснаго хрустала. Красноватый свѣтъ освѣщаль бѣлую колѣнопреклоненную фигуру Варвары Ильинишны. Она молилась передъ распятіемъ, сложивъ блѣдныя руки на налоѣ и опираясь на нихъ головой. Тишина спальни не нарушалась даже тиканьемъ часовъ; безмолвно подвигалась минутная стрѣлка. Прошло съ полчаса времени. Дверь уборной неслышно повернулась на петляхъ, пропустила молодую женщину въ сѣромъ платьѣ, и такъ-же неслышно закрылась. Женщина мелькомъ взглянула на налоѣ, скользнула, какъ тѣнь, къ ближайшему креслу и сѣла. Она держала въ рукахъ объемистую книгу. Варвара Ильинишна продолжала молиться. Прошло еще съ добрыхъ четверть часа. Женщина въ сѣромъ ни однимъ движеніемъ не выдавала своего присутствія. При слабомъ красноватомъ освѣщеніи ночной лампы она имѣла видъ призрака. Склонивъ голову на грудь и сжимая руками книгу, она сидѣла неподвижно. Глаза ея остановились на одномъ изъ квадратовъ бархатнаго ковра и, казалось, все ея вниманіе было сосредоточено на этомъ квадратѣ.

— Оленька, ты здѣсь? спросила вдругъ Варвара Ильинишна.

— Здѣсь, едва слышно отвѣтила женщина и снова, какъ тѣнь, скользнула по ковру къ алькову.

Варвара Ильинишна поднялась съ колѣнъ, сбросила на руки Оленькѣ широкой бѣлой пеньюаръ и легла въ постель. Оленька безшумно подкатила къ кровати низенькій складной столикъ съ лежавшею на ней пачкой газетъ и письменными принадлежностями, зажгла двѣ стеариновыя свѣчи съ шелковыми щитами, придвинула къ столику стулъ и сѣла. Свѣтъ, заслоненный отъ глазъ Варвары Ильинишны щитами, падалъ прямо на круглое лицо Оленьки. Лицо это, съ мелкими, ничтожными чертами, безкровное, безцвѣтное, съ безцвѣтными же бровями и рѣсницами, отличалось главнымъ образомъ отсутствіемъ выраженія. Оно было такъ безжизненно, что скорѣе походило на гипсовую, снятую съ мертвеца, маску, чѣмъ на живое человѣческое лицо. Жидкіе и тоже безцвѣтные волосы были собраны въ незамысловатый узелокъ на макушкѣ. Маленькія, широкія руки, съ короткими точно обрубленными пальцами и плоскими бѣловатыми ногтями привычнымъ движеніемъ развернули одну изъ газетъ.

День Варвары Ильинишны былъ такъ наполненъ свѣтскими и придворными обязанностями, что въ ея распоряженіи оставались только ночные часы, большую часть которыхъ она и употребляла для чтенія и обширной переписки.

Оленька, незаконная дочь отца Алексѣя Ловагина и одной швеи, жившей нѣкогда въ домѣ Ловагиной, осталась шести лѣтъ круглой сиротой. Варвара Ильинишна, по желанію покойнаго брата, приютила ее, помѣстила въ пансіонъ и, по окончаніи годовъ ученья, оставила при себѣ въ качествѣ секретаря и лектриссы. Должность эту Оленька, или иначе Ольга Максимовна Цвистъ (по фамиліи мужа ея матери), исполняла уже нѣсколько лѣтъ съ неизмѣнной аккуратностью. Она такъ примѣнилась къ привычкамъ Варвары Ильинишны, что по малѣйшему движенію угадывала ея желанія и, съ свойственною ей автоматичностью, немедленно, не дожидаясь словеснаго указанія, исполняла ихъ.

Развернувъ газету, Оленька начала читать телеграммы. Но не успѣла она прочесть нѣсколькихъ словъ, какъ Варвара Ильинишна подняла руку. Оленька тотчасъ-же опустила газету.

— Пиши, приказала отрывисто Варвара Ильинишна.

Оленька придвинула къ себѣ бюваръ малиноваго бархата съ серебряными застежками, раскрыла его и положила передъ собою листъ веленевои бумаги. Варвара Ильинишна диктовала по французски,

«Святой отецъ, я узнала изъ достовѣрныхъ источниковъ, что наши опасенія были напрасны. Мнѣ показывали списокъ лицъ. Имена все незнакомыя. Каюсь, сердце у меня дрогнуло. Я готова была уступить, готова была смѣнить гнѣвъ на милость. Но молитва и сознаніе, что Вы меня не одобрите, помогли мнѣ побороть минутную слабость. Не легко вырвать съ корнемъ семнадцатилѣтнюю привязанность. Помогите мнѣ, благочестивый другъ, Вашими совѣтами, поддержите меня въ борьбѣ съ самой собою и съ непокорнымъ сердцемъ моимъ. Въ этомъ суетномъ мірѣ я остаюсь одинока. Только Вы и религія наполняете всю безотрадную пустоту моей жизни. Вы не разъ утверждали, что различіе вѣроисповѣданій не можетъ служить между нами преградой, а теперь, когда я лишилась опоры моей старости...»

Здѣсь Варвара Ильинишна немного задумалась.

«...Ваше ученье стало мнѣ еще ближе», продолжала она, «и кто знаетъ! Нѣтъ! Этого нельзя выразить въ письмѣ! Но знайте, что я съ большей чѣмъ когда либо надеждой стремлюсь къ Вамъ, къ моему учителю, въ высокое призваніе котораго я вѣрю, и жажду всей истомленной душой моей Вашихъ утѣшеній и совѣтовъ.

Глубокопреданная Вамъ духовная дочь Ваша

Варвара Ловагина».

Оленька встала и подала исписанное четкимъ, красивымъ почеркомъ письмо. Варвара Ильинишна пробѣжала его.

— Хорошо, положи въ бюваръ, произнесла она.

До четырехъ часовъ ночи продолжалось ровное, отчетливое чтеніе Оленьки. Она перечитала модныя въ то время «Московскія Вѣдомости», перешла къ «Journal de St. Petersburg» и закончила «Indépendance Belge». Варвара Ильинишна иногда останавливала ее и приказывала отмѣтить въ записной книжкѣ какой-нибудь заинтересовавшій ее фактъ изъ политической или художественной иностранной жизни.

Отмѣтки эти помогали Варварѣ Ильинишнѣ на слѣдующій день поддерживать оживленный разговоръ въ своемъ салонѣ.

Въ четыре часа Варвара Ильинишна почувствовала утомленіе. Оленька безшумно отодвинула столъ на его прежнее мѣсто, погасила свѣчи и, тѣнью проскользнувъ черезъ всю спальню, исчезла.

Глава XX.

Не безъ нѣкотораго смущенія ожидалъ Каздоевъ встрѣчи съ Маней послѣ памятной для него ночной прогулки. Они свидѣлись въ день свадьбы. Маня привѣтствовала его очень дружелюбно, но такъ просто, спокойно, что смущеніе Арсенья должно было неминуемо исчезнуть. И записка, и маленький эпизодъ на лѣстницѣ точно вылетѣли у нее изъ головы.

«А я-то терзался!» подумалъ онъ не безъ ироніи надъ самимъ собой.— «Они, кажется, въ наилучшихъ отношеніяхъ. Можетъ «то» сблизило ихъ. Тѣмъ лучше! Я радъ, что косвенно помогъ ихъ сближенію».

Увѣренный въ своей искренности, Каздоевъ горячо пожалъ руку счастливому товарищу, когда обрядъ вѣнчанья

былъ совершенъ. Николай тоже искренно отвѣчалъ на это пожатіе. Сіяющая, какъ-бы преображенная наружность его доказывала безъ словъ, что онъ всѣмъ существомъ сознаетъ, чувствуетъ выпавшее на его долю счастье.

За свадебнымъ ужиномъ, устроеннымъ въ мастерской Горошанскаго, царствовало полнѣйшее веселье. Гости слѣдовали за тостами, пѣсня за пѣсней; лица разругались; глаза горѣли; всѣ говорили, никто не слушалъ. Одинъ Евлампьевъ не принималъ участія въ общемъ гамѣ. Онъ сидѣлъ въ сторонѣ, угрюмо выпивая одну рюмку водки за другой.

— Павелъ Ивановичъ, со смѣхомъ обратилась къ нему Маня,—мы всѣ шумимъ, поемъ, дурачимся; вы одинъ молчите! Или вамъ не весело? Вы даже насъ не поздравили!

Евлампьевъ поднялъ на нее глаза; вѣки покраснѣли отъ изрядно выпитой водки, но взглядъ былъ осмысленный, серьезный.

— Веселитесь, дѣточки! просто промолвилъ онъ.

Дружный хохотъ встрѣтилъ это наивное привѣтствіе. Евлампьевъ даже не улыбнулся. Онъ обвелъ глазами молодыхъ смѣющихся лица, и снова взоръ его остановился на Манѣ. Она смѣялась вмѣстѣ съ остальными.

— Чокнемтесь! сказала она, протягивая бокалъ черезъ столъ Евлампьеву.

— Чокнемтесь! согласился онъ.

Они чокнулись.

— Пожелайте намъ что-нибудь! настаивала Маня.

Евлампьевъ подумалъ и всталъ. Ноги несовсѣмъ твердо держали его; онъ покачнулся, но тотчасъ-же совладалъ съ собой.

— Желаю вамъ, заговорилъ онъ, опираясь, для твердости, руками о столъ,—и вамъ—онъ взглянулъ на сіяющаго Николая—такъ-же весело отпраздновать первую годовщину вашей свадьбы.

— И только! замѣтила разочарованнымъ голосомъ Маня.

— Вамъ этого мало! Годъ счастливой жизни—мало!.. Эхъ, эхъ! неопытные вы ребята!

Онъ съ сожалѣніемъ покачалъ головой. Всѣ снова расхохотались. Маня вскочила.

— Что это за желаніе! вскрикнула она.—Въ наше время не личное счастье главное! Не семья, не очагъ, какъ вы тамъ

выражаетесь. Мы соединились—она схватила Николая за руку—как товарищи, какъ граждане, чтобы вмѣстѣ идти противъ теченія, чтобы вмѣстѣ бороться съ рутинной, съ затхлыми преданіями, отжившими понятіями прежняго поколѣнія. Мы не хотимъ идти въ стадѣ, не хотимъ навязанныхъ намъ пастуховъ, хотимъ жить по-своему, любить по своему, дѣйствовать по своему, и вотъ, чтобы это хотѣнье не оставалось только въ области теоріи, пожелайте намъ крѣпости, силы, бодрости...

Взрывъ восторженныхъ аплодисментовъ прервалъ рѣчь Мани. Николай съ восхищеніемъ смотрѣлъ на свою хорошенькую невѣсту. Восхищеніе это раздѣлялось всѣми присутствующими. Никогда еще Маня не достигала такого успѣха. Съ торжествующей улыбкой обернулась она къ Евлампьеву. Онъ грузно опустился на стулъ и снова уставился въ рюмку. Маня сдѣлала повелительный жестъ. Всѣ умолкли.

— Павелъ Ивановичъ, я жду отъ васъ другаго пожеланія, сказала она звенящимъ, отъ охватившаго ее опьяненія голосомъ.

— Она очаровательна! подумалъ Каздоевъ, впиваясь глазами въ ея заалѣвшееся и дѣйствительно прелестное въ эту минуту лицо.

То-же самое подумали, за немногими исключеніями, всѣ участвующіе въ этомъ пирѣ товарищи Сигицына.

Евлампьевъ посмотрѣлъ на нее; взоръ его мелькомъ остановился на Каздоевъ; Арсеній не отрывалъ глазъ отъ Мани.

— Цирцея! чуть было не сорвалось съ языка Павла Ивановича, но вслухъ онъ только проговорилъ:

— Я старикъ, а вы молоды, Марья Даниловна. Вамъ просто говорить такія прекрасныя слова. Я-же могу только повторить высказанное мною желаніе и сказать еще разъ: веселитесь, дѣточки!

Ропотъ неудовольствія пронесся съ одного конца стола на другой. Уклончивый отвѣтъ Евлампьева не понравился возбужденной молодежи; онъ набрасывалъ тѣнь на пылкое краснорѣчіе очаровательной дѣвушки. Евлампьевъ усмѣхнулся.

— Не правится, замѣтилъ онъ.—Хорошо, я скажу другое.

Онъ опять сдѣлалъ маленькое усиліе и всталъ.

— Просите и дастся вамъ, стучите и отворится, проговорилъ онъ громко.—А я вамъ вотъ что скажу...

Онъ снова обвелъ глазами молодыхъ людей, изъ которыхъ

многіе были его воспитанниками; на лицѣ его мелькнуло не-уловимое выраженіе грусти.

— Бойтесь словъ, продолжалъ онъ, — отъ нихъ пьянѣешь, какъ отъ вина, и испаряются они также какъ вино. Правда, съ точки зрѣнія человѣческаго благополучія — это еще не главное зло; даже благонамѣренные люди такому испаренію поражаются; дескать все головѣ легче... Но есть словечки, государи вы мои, есть словечки отвѣтственные! Они гнутъ жизнь въ бараній рогъ, человѣку вздохнуть не даютъ. У иного, покрѣпче, отъ этихъ словечекъ будто крылья вырастаютъ, у другихъ, послабѣе, — руки, ноги обламываются. Да-съ, бываетъ то, бываетъ и другое! Что кому дано! Последнее чаще случается... Первое, то-есть выросшія крылья, пожалуй даже относится къ области аллегорій!.. А искалѣченными людьми міръ усѣянъ, аки поле битвы усѣяно человѣческими костями. Такъ-съ. Желаю вамъ, вамъ — молодымъ, вамъ — нашимъ естественнымъ наслѣдникамъ, вамъ — будущимъ учителямъ слѣдующаго по стопамъ вашимъ поколѣнія, вынести тяжесть, налагаемую отвѣтственными словечками, вынести не обезсилѣвъ подъ бременемъ, неискалѣченными, неизвѣрившимися. И исполать вамъ будетъ!.. Я кончилъ.

Евламповъ сѣлъ. Всѣ молчали. Не то смущеніе, не то недовольство овладѣло всѣми.

— *Memento mori!* вполголоса произнесъ Метцель.

— Я пью за исполненіе этого желанія, и вмѣстѣ за здравіе нашего дорогаго учителя, которому мы такъ много обязаны! горячо вскрикнулъ Ловагинъ.

— Ура! искренно подхватила молодежь, и всѣ за Ловагинымъ потянулись чокаться съ Евламповымъ.

Веселье возстановилось. Но Евламповъ по-прежнему не принималъ въ немъ участія и по-прежнему выпивалъ рюмку за рюмкой. Онъ начиналъ пьянѣть; говоръ и смѣхъ сливались въ его ухахъ въ одинъ неясный гулъ. Точно рой пчелъ жужжалъ надъ его головой. Онъ уже раза два отмахнулся отъ воображаемыхъ пчелъ, когда кто-то до боли стиснулъ ему плечо. Евламповъ поднялъ голову. Каздоевъ стоялъ за его стуломъ.

— Что? Я пьянъ? отяжелѣвшимъ языкомъ спросилъ Евламповъ.

Арсеній принудилъ его встать и, поддерживая подъ руку, вывелъ изъ мастерской.

— Дядя умираетъ, сказалъ онъ громко.

Евламповъ встрепенулся; сознание мелькнуло въ ослобившихъ глазахъ.

— За мной прислали; ѣдемъ!

— Да, да, пробормоталъ. Евламповъ, дѣлая усиліе, чтобы отрезвиться.—Сейчасъ... Сюда воды.

Онъ указалъ на голову. Арсеній повелъ его въ кухню и вылилъ ему на голову полведра ледяной воды.

Евламповъ нѣсколько отрезвился.

— Ѣдемъ, произнесъ онъ, выжавъ о первое попавшееся кухонное полотенце мокрые волосы.

Они вышли. У воротъ стоялъ присланный Настасьей Петровой челоуѣкъ и извоицки сани. Арсеній и Евламповъ помѣстились въ сани, челоуѣкъ—бокѣмъ на облучкѣ рядомъ съ извоицкомъ. Никто не говорилъ, только извоицкъ, въ надеждѣ получить на водку, усердно поощрялъ чмоканьемъ лохматую лошаденку.

Въ гостинной Зуева, слабо освѣщенной двумя стеариновыми свѣчами, Настасья Петровна шепотомъ разговаривала съ докторомъ.

— Онъ хотѣлъ остаться наединѣ съ Руфи, сообщила она сыну.

Арсеній вопросительно взглянулъ на доктора, краснощекое нѣмца съ брюшкомъ. Докторъ развелъ руками.

— Плохо, произнесъ онъ тоже вполголоса. — Медицина насуетъ! Aber weg weiss *). Надо до конца надѣяться.

Арсеній сѣлъ около матери. Она шепотомъ начала передавать ему подробности наступившаго внезапно кризиса. Евламповъ отошелъ въ самый темный уголъ гостиной и сѣлъ поодаль отъ всѣхъ.

Между тѣмъ, Зуевъ лежалъ на креслѣ въ кабинетѣ. Онъ рѣшительно отказался лечь въ постель. Два высокіе, поставленные за кресломъ на колоннахъ орѣховаго дерева, подсвѣчника съ нѣсколькими свѣчами заливали яркимъ свѣтомъ всю комнату. Больной не выносилъ мрака. Въ печкѣ, по обыкновенію, горѣли дрова. Въ граненомъ стаканѣ на кругломъ столикѣ все еще стояли розы, но поблекшія головки поникли, и слабый аромат заглушался сильнымъ запахомъ

*) Но кто знаетъ!

мускуса. Высокая спинка кресла набрасывала полутѣнь на бѣлыя подушки и прислоненную къ нимъ голову Зуева, но не заслоняла свѣта отъ лица Руфи. Дѣвушка, на колѣняхъ передъ дядей, держала его влажную, холодную руку въ своей рукѣ и тревожно глядѣла ему въ лицо.

— Не надо такъ много говорить, дядя, нѣжно говорила она.— Докторъ запретилъ.

— Къ чему теперь запрещенье. Не все-ли равно! возразилъ безнадежно больной слабымъ, едва слышнымъ голосомъ.

— Богъ милостивъ! Можетъ вы еще поправитесь.

— Нѣтъ, Богъ ко мнѣ не милостивъ! съ горечью произнесъ Зуевъ.

— О, дядя! съ мягкимъ укоромъ остановила его Руфи.

— Нѣтъ, не милостивъ! тихо, почти про себя повторилъ Зуевъ.

Руфи поднесла его руку къ губамъ и поцѣловала. Ея чистые, дѣтски-довѣрчивые глаза съ любовью смотрѣли на него и какъ-бы молили не произносить такихъ невѣрующихъ словъ. Зуевъ высвободилъ свою руку, выпрямился, положилъ обѣ руки на плечи дѣвушки и, слегка пригнувъ ея станъ къ себѣ, долго смотрѣлъ ей въ лицо. Выраженіе мольбы въ глазахъ Руфи замѣнилось безпокойствомъ; она не понимала испытующаго, жгучаго взгляда Зуева. Онъ, казалось ей, никогда прежде такъ не смотрѣлъ на нее.

— Что съ нимъ! Ему хуже! думала она со страхомъ.

И она попыталась отстраниться, но руки его тяжело лежали у нее на плечахъ.

— Дядя, скажите что-нибудь! робко произнесла она.

Зуевъ не отвѣчалъ. Въ расширенныхъ, тревожныхъ глазахъ Руфи блеснули слезы.

— Послать тебя мнѣ!.. когда отнято все... и молодость и силы, и здоровье! это жестоко! съ горечью, хриплымъ голосомъ вдругъ заговорилъ Зуевъ.

Руфи сдѣлала новую попытку снять съ плечъ своихъ руки дяди. Онъ откинулся на подушки; блѣдныя, безсильныя руки, какъ плети, упали ему на колѣни. Въ тоскѣ заметался онъ въ креслѣ. Руфи хотѣла-было встать.

— Не зови ихъ, лихорадочно произнесъ Зуевъ, понявъ ея движеніе.— Никого не надо... Одна ты... ты...

Безсвязно пробормоталъ онъ еще нѣсколько словъ, кото-

рыхъ Руфи не могла разобрать. Она не шевелилась, боясь малѣйшимъ движеніемъ встревожить больного. Онъ продолжалъ говорить, но до напряженного слуха Руфи долетали только отрывочные, отдѣльные слоги. Пальцы его беспокойно задвигались по одѣялу, покрывавшему ему ноги. Руфи осторожно положила на нихъ свою руку.

— На голову .. на голову... Огонь... горить, прохрипѣлъ больной.

Руфи встала, подошла сбоку къ дядѣ и, обхвативъ ему голову обѣими руками, прижалась губами къ его лбу. Тоскливое метанье прекратилось.

— Дѣвочка моя! чуть слышно прошепталъ Зуевъ.

Руфи еще крѣпче прижалась къ нему губами и вдругъ залилась слезами. Слезы обильно заструились по лицу больного и будто освѣжили, облегчили его. Улыбка счастья на мгновеніе озарила страдальческія черты.

— Такъ ты меня любишь? тихо спросилъ онъ.

— О, дядя, дядя! развѣ вы это не знаете? вскрикнула Руфи.

Обвивая руками голову его и скрывъ омоченное слезами лицо въ подушки, къ которымъ прислонялся Зуевъ, она продолжала горько плакать. Зуевъ лежалъ спокойно. Онъ не пытался остановить слезъ дѣвушки.

— Дѣвочка моя! шепталъ онъ иногда съ кроткой, мягкой улыбкой.

Мало-по-малу Руфи успокоилась; она подняла голову, отерла слезы и, продолжая обвивать руками голову дяди, присѣла на ручку его кресла. Губы ея все еще вздрагивали и дыханіе прерывалось вздохами.

Наступило долгое молчаніе.

— Руфи, заговорилъ тихо больной, — Руфи, когда я умру, ты... будешь помнить меня?

Руфи не могла говорить; она только крѣпче прижалась къ нему.

— Тамъ, въ столѣ, мой дневникъ... для тебя... для одной тебя... Читай... Не забывай... Господи, прости, что я думаю о земномъ...

Онъ остановился, но вскорѣ прерывающимся отъ волненія и слабости голосомъ продолжалъ:

— Руфи!.. Руфи! Я... великій грѣшникъ!..

— Вы дядя? недовѣрчиво прошептала Руфи.

— Да, да!.. Я... Я лгаль...

Руфи взглянула на него.

— Господь сказалъ—не сотвори себѣ кумира... а я преступилъ эту заповѣдь... Вотъ ужъ четыре года я поклоняюсь не Богу, не единому Богу... Четыре года я не знаю покоя... Помнишь тотъ день, когда я впервые увидѣлъ тебя? Тебѣ было шестнадцать лѣтъ...

Онъ бредить, подумала Руфи, со страхомъ замѣчая возрастающее волненіе дяди.

— Ты.. подошла ко мнѣ и посмотрѣла на меня... прямо, прямо въ глаза посмотрѣла... Помнишь?

— Помню, тихо произнесла Руфи,—я была такъ счастлива, что вы пріѣхали...

— Да, и это счастье... эту готовность любить... я прочиталъ въ твоихъ глазахъ... и за тотъ взглядъ я отдалъ тебѣ всю душу... Руфи, Руфи! понимаешь-ли ты, что значить... всю душу отдать!?..

Волненіе Зуева все росло, а съ нимъ вмѣстѣ росла тревога Руфи. Блѣдная и холодная, слушала она прерывистыя слова Зуева.

— Съ тѣхъ поръ я не знаю покоя... Ты полюбила меня, полюбила... какъ отца... О, какъ сладко и какъ горько было сознаніе, что я для тебя отецъ!.. Отецъ! это такъ близко, но это не все... нѣтъ, не все... Могъ прійти другой и быть ближе, гораздо ближе, и взять тебя у меня, давъ тебѣ только частичку себя, а я отдалъ всю душу... Пойди сюда, я хочу видѣть тебя... Темно, поправь свѣчи...

Руфи спустилась съ ручки кресла и съ ужасомъ глядѣла на дядю. Свѣчи разливали по-прежнему яркій свѣтъ.

Зуевъ выпрямился; зрачки его неестественно расширились.

— Руфи! произнесъ онъ громко, звучно.—Помни мое ученіе... Помни его... Оно— истина... Ихъ ученіе ложь... Помни, никто не будетъ тебя такъ любить, какъ я... Никто!... никто!... ник...!

Силы измѣнили Зуеву; онъ потерялъ сознаніе.

На слѣдующій день его не стало.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Симеорополь.
Май 1883 г.

Е. Ардовъ.

СЕКТАНТЫ МИНУСИНСКАГО ОКРУГА *).

Если мы взглянемъ на Минусинскій округъ съ высоты птичьяго полета, то намъ представится громадный, почти правильный квадратъ въ 105,775 кв. вер.; весь изрѣзанный рѣками и рѣченками, которыя всѣ покажутся похожими на вѣтви одного ствола—Енисея, этой главной водной артеріи, которая, пересѣкая вдоль, отъ сѣвера къ югу, весь Минусинскій округъ, дѣлитъ его на двѣ не равныя части, протекая ближе къ западной сторонѣ и удаляясь отъ восточной. Минусинскій округъ—страна болѣе горная, чѣмъ степная: степи занимаютъ не болѣе $\frac{1}{4}$ всего пространства и лежатъ преимущественно на западѣ лѣвой стороны Енисея, откуда тянутся, начиная съ сѣверной границы до д. Означенной, на югѣ, т. е. до того мѣста, гдѣ громадная рѣка эта вырывается изъ Саянскихъ горъ. Какъ географическое положеніе Минусинскаго округа, такъ и благопріятный климатъ, за который не совсѣмъ, впрочемъ, справедливо называютъ округъ Сибирской Италіей, несомнѣнно способствовали наплыву сюда самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Округъ представляетъ всѣ условія какъ для мирной торговли и земледѣльческѣй дѣятельности, такъ и для всевозможнѣйшихъ укрывательствъ.

И дѣйствительно, на 58,338 человекѣ православнаго населенія Минусинскаго округа **) приходится 3,002 чел. сектантовъ, т. е. болѣе 5%; такое количество тѣмъ удивительнѣе, что сектанты въ Минусинскомъ округѣ появились всего лишь въ началѣ 50-хъ годовъ этого столѣтія и то въ незначительномъ количествѣ, а главный наплывъ былъ въ началѣ 60-хъ, т. е. не болѣе 20—25 лѣтъ тому назадъ. Когда въ самомъ началѣ 50 хъ годовъ появился въ Минусинскомъ округѣ первый старообрядецъ, Василій

*) Минусинскій округъ, Енисейской губ., лежитъ между 52°—55° с. ш. и 90°—95° в. д. приблизительно.

**) Всего въ Минусинскомъ округѣ насел.: 81,383, но отсюда нужно исключить—22,545 ивродцевъ, 400 ссыльн. поляковъ, 100 латышей, не считая цыганъ, число которыхъ незначительно.

Авт.

Спорышевъ, то положеніе его было таково, что онъ не признавался въ своей вѣрѣ и старался во всемъ подражать православнымъ, чтобы его не заподозрили въ ереси; въ настоящее-же время сектанты имѣются въ слѣдующихъ селахъ и деревняхъ: въ Тесинской вол. сектанты проживаютъ въ деревняхъ—Муриной, Большой Инѣ, Таскиной, Большой Ничѣ, Старыхъ Канышахъ, Казанско-Богородской, Инишетѣ, Терехтѣ, Бѣломъ-Ярѣ, Дятловѣ, Ирбинѣ, Богуртакѣ, Кочубарѣ, Верхнемъ и Нижнемъ, Жарлыкѣ, Шилоболиной, Каратузѣ, Курганчикѣ и Черештыкѣ.

Абаканская волость; сектанты проживаютъ: въ Нов. Канышахъ, Салбѣ, Екатерининской, Нов. Идрѣ, Байтакѣ, Мигнѣ и Метиховѣ.

Шушенская волость; сектанты проживаютъ: въ Юдиной (Субботиной) Усѣ, Григорьевской, въ Алтайскомъ форпостѣ, Салбѣ и самой Шущѣ.

Новосельская волость; сектанты проживаютъ: въ самомъ с. Новоселовскомъ, въ с. Мал. Минуса, которое принадлежитъ гор. Минусинску, какъ-бы предмѣстье его, хотя лежитъ отъ Минусинска въ 5 верстахъ. Кромѣ того, болѣе преслѣдуемые секты обитаютъ въ дебряхъ и непроходимыхъ тайгахъ Минусинскаго округа, въ южной части котораго и до сихъ поръ не имѣется дорогъ, такъ что къ границамъ Монголіи можно пробраться только верхомъ, и то людямъ знающимъ путь, или по р. Енисею, на бичевѣ, но и это очень затруднительно, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берега Енисея такъ скалисты, что нѣтъ возможности тянуть лодку возлѣ берега.

Насколько мы могли собрать свѣдѣнія, сектанты въ Минусинскомъ округѣ распредѣляются такимъ-образомъ:

Молоканъ—1041 чел., старообрядцевъ 816 чел. (непріемлющихъ «Окружнаго, Посланія»), приѣмлющихъ «Окружное Посланіе» 8 чел., еедоровскихъ (мѣстное названіе) 350 чел., бѣгуновъ 200 чел., скопцовъ 30 чел., духовныхъ христіанъ 1 чел., поморянъ 50 чел., изъ нихъ 25 еедосѣвцевъ, 5 филипповцевъ, остальные поморяне; численниковъ (мѣстное названіе) 6 чел., усинскихъ (мѣстное назв.) 300 чел., пустынниковъ Козырскихъ 200 *). Всего

*) Не можемъ не привести здѣсь оофициальныхъ свѣдѣній о расколѣ въ Енисейской губ., которыя можно найти въ книгѣ «Списокъ населенныхъ мѣстъ Енисейск. губ. СПб. 1864.» Изъ раскольниковъ, болѣе другихъ распространена секта *дужоборцевъ*, извѣстная въ Сибири подъ именемъ *молоканъ* или *субботниковъ* (?). Общая цифра всѣхъ раскольниковъ въ 1861 г. (т. е. во всей Енисейск. губ.) простиралась по оофициальнымъ свѣдѣніямъ 1.735 (сравните нашу цифру для одного Минусинскаго округа), об. пола, т. е. составляла 0,58% всего народонаселенія, изъ нихъ 60,43% обитаютъ въ Минусинскомъ округѣ. Насколько намъ извѣстно, оофициальныя свѣдѣнія не подвинулась впередъ.

выходить 3,002 человекъ, но мы не признаемъ эту цифру абсолютно вѣрною, такъ какъ, напримѣръ, о бѣгунахъ и другихъ вполне нелегальныхъ, если такъ можно выразиться, сектахъ нѣтъ возможности собрать свѣдѣній.

I.

Въ 1853 г. изъ Пермской губ. пріѣхалъ добровольно въ Минусинскій округъ крестьянинъ Федоръ Петровичъ Кирьяновъ. Пріѣхалъ онъ сюда еще молодымъ человекомъ, поселился въ деревнѣ Салбѣ. Абаканской волости, и скоро сдѣлался центромъ всѣхъ бродившихъ, яко овцы. «истинныхъ христіанъ»; впоследствии, какъ мы увидимъ ниже, деревня Салба, благодаря Федору Петровичу, превратилась въ священное для старообрядцевъ его согласія мѣсто. Мирно и спокойно проживалъ Кирьяновъ, пользуясь почетомъ и уваженіемъ своихъ духовныхъ братьевъ, для которыхъ онъ былъ неоспоримымъ авторитетомъ, судьей, совѣтникомъ и защитникомъ отъ всякихъ бѣдъ и несогласій; но такое мирное житіе продолжалось не долго: въ началѣ 60-хъ годовъ въ Минусинскій округъ начали прибывать самые разнообразныя сектанты; его паства соприкасалась такимъ образомъ съ другими элементами, а отсюда, какъ извѣстно, недалеко и до колебанія основъ, недалеко до умаленія авторитета его, Федора Петровича Кирьянова, ученость котораго, прибавимъ, была не велика. Если онъ и сдѣлался руководителемъ паствы, то благодаря тому лишь обстоятельству, что паства стояла на болѣе низкомъ, чѣмъ онъ, уровнѣ развитія и къ тому-же не обладала ни энергіею, ни знаніемъ свѣта, чѣмъ вполне обладалъ Федоръ Петровичъ, не говоря уже о грамотности. Опасенія его оправдались, хотя и не сейчасъ.

Сначала въ Минусинскомъ округѣ появился Иванъ Афанасьевичъ со своими духовными овцами, о которомъ мы ниже будемъ говорить подробно; но Иванъ Афанасьевичъ не тревожилъ Федора Петровича: очень скоро онъ вышелъ со своею братіею изъ предѣловъ владѣній Кирьянова и потянулся на югъ, къ Монгольской границѣ; Федоръ Петровичъ успокоился, хотя и не надолго, такъ какъ въ скоромъ времени въ Минусинскій округъ нахлынули опасныя для него враги, старообрядцы, поповцы, народъ начитанный и къ тому-же мало отличающійся по взглядамъ отъ Федоровской паствы, уже получившей названіе отъ мѣстныхъ жителей по имени своего главы. Поповцы, старообрядцы и поморцы, появившіеся изъ губерній Пермской, Оренбургской, Вятской и Самарской, откуда они вышли въ началѣ 60-хъ годовъ, по случаю малоземелья, неурожаевъ, преслѣдованія духовныхъ и граж-

данскихъ властей, сразу заняли, благодаря начитанности, въ Минусинскомъ округѣ очень видное мѣсто и образовали новыя поселенія, а отчасти поселились у старожиловъ, которые приняли ихъ въ свои общества. Кирьяновъ призадумался не на шутку; паства его насторожила уши, появились пропагандисты «поповскіе», а руководители ихъ стояли несравненно выше Федора Петровича. Но сложа руки сидѣть было нельзя, нужно было дѣйствовать. И вотъ, закипѣла жизнь, началась первая борьба между еедоровскими и австрійскими или гуслицкими, какъ были названы пришедшіе поповцы. Въ виду важной роли, какую играютъ «австрійскіе» въ Минусинскомъ округѣ, а также подавляющее количество ихъ, сравнительно съ другими сектами, кромѣ мѣлоканъ, заставляетъ насъ вкратцѣ изложить исторію основанія Бѣлокриницкой обители въ Буковинѣ *), причемъ не можемъ не замѣтить, что положеніе, какое заняли наши старообрядцы въ Австріи, гуманное къ нимъ отношеніе и великая честь, оказанная первоизбранному ихъ митрополиту Амвросію, заставляетъ ихъ гордиться званіемъ «австрійскихъ». Бѣжавшіе поклонники старой вѣры до 1783 г. имѣли своимъ мѣстожителемъ Турцію, гдѣ поселились по ту сторону Дуная, близъ Чернаго моря **). Немного ранѣе 1783 года рыбакамъ старовѣрамъ удалось спасти австрійскаго посланника отъ смерти (на него напали турецкіе разбойники), за что австрійскій посланникъ хотѣлъ отблагодарить ихъ деньгами, но старообрядцы не согласились, говоря, что спасти жизнь ближнему—обязанность каждого христианина. Удивленный такимъ человѣколюбіемъ, австрійскій посланникъ обратился къ нимъ съ вопросомъ, кто они, и когда узналъ, что его спасители—русскіе, гонимые исключительно «за вѣру», то общалъ выхлопотать имъ у своего правительства право свободного проживания въ Австріи. Старообрядцы скоро убѣдились, что посоль не совралъ, такъ какъ посланнымъ отъ старообрядцевъ двумъ депутатамъ—Александрю Алексѣеву и Никифору Ларионову, 9 дек. 1783 г., дана была Высочайшая привиллегія отъ императора Іосифа II. Вотъ она. «Мы, Іосифъ Второй, Божією милостію избранный римскій императоръ, всегдашній умножатель имперіи

*) См. документы, касающіеся условія съ заграничнымъ митрополитомъ Амвросіемъ, изъ Старообряд. церк. исторіи инока Бѣлокриницкаго Павла Васильева. У Субботина (Истор. Бѣлокриницкой іерархіи) объ этомъ рассказано нѣсколько иначе, но „австрійцы“ болѣе доверяютъ Павлу Васильеву, почему мы руководствуемся его сочиненіемъ.

***) Передаемъ рассказанное самими „австрійскими“, которые ссылаются на Павла Васильева.

король въ Германіи, въ Іерусалимѣ, Венгріи, Богеміи, Далмаціи, Кроаціи, Галиціи», и проч. и проч.

«Даемъ Мы, посредствомъ сего нашего своеручно подписаннаго указа пришедшимъ двумъ депутатамъ, а именно: Александру Алексѣеву и Никифору Иларіонову ветхаго закона, въ нашу столицу Вѣну посланнымъ съ поручною просьбою къ намъ отъ живущаго при Черномъ морѣ общества, дабы онымъ позволить перейти въ наши земли съ ихъ фамиліями и маестностями, слѣдующее увѣреніе, будучи въ надеждѣ, что вышепомянутыя общества, по ихъ пришествіи въ будущія жилища въ нашихъ земляхъ во всемъ поступать будутъ такъ, какъ наши собственные подданные: 1) позволяемъ мы совершенно полность закона онымъ ихъ дѣтямъ, потомкамъ и духовенства; 2) освобождаемъ мы оныхъ на 20 лѣтъ отъ всѣхъ податей; 3) даемъ мы онымъ освобожденіе отъ воинской повинности; 4) по прошествіи вышеупомянутыхъ 20 лѣтъ, наложимъ мы на нихъ равныя подати, какія и наши подданные платятъ, соответствующія будущему ихъ имѣнію. Во увѣреніе и подтвержденіе сего подписали мы своеручно и приложили нашу тайную печать. Дано въ нашей столицѣ Вѣнѣ 9 дня октября въ 1783 годѣ.» Іосифъ. «Андрей Графъ Галикъ, Императорскій Королевскій Фельдмаршалъ. По указу Его Императорскаго Величества Людвигъ Тиркенгельмъ, Императорскій Королевскій Совѣтникъ».

Хитрые, политически-благоразумные Габсбурги сразу счумѣли расположить къ себѣ случайныхъ подданныхъ и пріобрѣсти полезныхъ людей. Русскіе люди немедленно кинулись въ свободную страну, подъ предводительствомъ первѣйшаго изъ нихъ старовѣра Иларіона Петровича, взявши съ собою, согласно первому пункту выше приведенной привилегіи, 12 иноковъ, съ игуменомъ ихъ Симеономъ, перешли отъ Чернаго моря въ австрійскія владѣнія и поселились въ предѣлахъ Буковины, на государственныхъ земляхъ: мірскіе старовѣры въ урочищѣ Варницы, при бѣломъ источникѣ, котораго вода имѣетъ совершенно бѣлый цвѣтъ, почему и селеніе ихъ названо Бѣлая Криница; монахи-же построили себѣ монастырь на разстояніи четверти мили отъ Бѣлой Криницы, на полѣ, не далеко отъ казеннаго лѣса, въ урочищѣ Терновки и жили здѣсь лѣтъ 20-ть, но, благодаря частымъ нападеніямъ на этотъ монастырь, монахи перебравшись въ Бѣлую Криницу, гдѣ и были приняты Иларіономъ Петровичемъ, а въ 1818 году имъ была дарована подъ монастырь земля по духовному завѣщанію, въ вѣчное владѣніе. Вотъ исторія бѣлокриницкой обители, благодаря кото-

рой очень значительная часть старообрядцевъ называются бѣлокриницкими или австрійскими.

Невѣзя не сказать нѣсколькихъ словъ и о первомъ митрополитѣ Амвросіѣ *), который былъ причиною раздѣленія нашего раскола и водворенія въ немъ большихъ несогласій.

Какъ извѣстно, расколъ у насъ произошелъ при Никонѣ. Старовѣры стараются избѣгать всего послѣ-никоновскаго, всякое священнодѣйствіе, совершаемое «по-новому», «по-никоновски», есть еретическое, негодное; изъ-за этого происходили всѣ гоненія, изъ-за этого страдали, умирали; и вдругъ былъ избранъ митрополитомъ *какой-то грекъ-обманецъ*, Амвросій! Да еще избранъ «вторымъ чиномъ», т. е. онъ только проклялъ ереси и былъ помазанъ *мѣромъ*, а не переkreщенъ вновь.

«Соборное дѣяніе» или разсужденіе задунайскихъ старообрядцевъ о принятіи въ старообрядство Амвросія, **), а равно и самый процессъ избранія въ 1846 г. Амвросія дѣлаютъ понятнымъ раздѣленіе оедоровцевъ и австрійскихъ.

Мы не будемъ излагать подробно пренія по случаю избранія Амвросія, такъ какъ это заняло-бы слишкомъ много мѣста, тѣмъ болѣе, что мельчайшія подробности объ избраніи можно найти въ сочиненіи К. Н. Николаева, на которое мы уже ссылались. Скажемъ только, что соборъ, разсуждая очень долго, перечитывалъ всевозможнѣйшія книги и избралъ митрополита Амвросія вторымъ чиномъ, что и породило, главнымъ образомъ, разногласіе въ расколѣ, о чемъ мы скоро узнаемъ, когда будемъ говорить о причинѣ раздора Кириянова съ «австрійскими», ибо «сіи второго чина еретицы второй разъ не переkreщаются, но точію, проклявши ереси, помазуются святымъ мѣромъ и приемяются; аще же отъ нихъ хиротописани, во всемъ чину да пребываетъ».

Послѣ избранія соборомъ митрополита было «веселіе велие», но это нисколько не помогло, такъ какъ истинные христіане въ Амвросіѣ видѣли еретика. Избраніе митрополита въ Австріи произвело большой переполохъ среди раскольниковъ, посѣяло вражду, которая имѣетъ мѣсто и въ Минусинскомъ округѣ.

Но врежде чѣмъ мы скажемъ о ней, пояснимъ еще, почему поповцы Минусинскаго округа называются «гуслицкими». Гуслицкими они называются отъ посада Гуслицы, Московской губерніи, Богородицкаго уѣзда, который считается центромъ «австрійскихъ», такъ какъ тамъ проживаетъ руководящая «австрійскими» духовная власть, принявшая посвященіе отъ Амвросія.

*) Изъ вопроса о происхожденіи австрійской іерархіи происходили большіе споры между сектантами Минус. окр.

**) См. «Очеркъ исторіи поповщины съ 1846 г.» К. Н. Николаева.

Начало усиленной дѣятельности Ѳедора Петровича Кирьянова относится къ тому именно моменту начала 60-хъ годовъ, когда въ Минусинскій округъ явился старообрядческій священникъ о. Симеонъ *), рукоположенный отъ епископа Савватія тобольскаго. Кирьяновъ, увидѣвъ, что дѣло начато «австрійскими» серьезно, что организація ихъ сильна, первымъ дѣломъ устраиваетъ модельню въ Салбѣ, чтобы іерархіи противопоставить іерархію, и начинаетъ вести слѣдующую усиленную пропаганду, всѣми силами стараясь не упустить ни одной овцы изъ своего стада: «пріѣхавшій къ австрійцамъ отецъ Симеонъ—еретикъ, истинные христіане священникомъ считать его не могутъ, потому что онъ рукоположенъ австрійскою іерархіею, которая отступила отъ вѣры отцовъ: Амвросій грекъ—еретикъ принятъ былъ по ошибкѣ вторымъ чиномъ, тогда какъ его нужно было принять, какъ обливанца, первымъ чиномъ, нужно было крестить» и т. д.

Но Кирьяновъ не ограничивается огражденіемъ пасты отъ «австрійскихъ», онъ предвидитъ возможность перехода «единого изъ малыхъ сихъ» въ православіе, а потому говоритъ: «грекороссійская господствующая церковь *только помазуетъ мромъ, а не креститъ*, значитъ признаетъ латинское, обливательное крещеніе, а посему, хотя сами и крестятъ, троекратнымъ погруженіемъ въ воду,—есть на самомъ дѣлѣ латинствующіе еретики, почему и хиротонія отъ нихъ принимаема быть не можетъ».—Но гдѣ-же выходъ, когда и самъ Кирьяновъ и паства его не отрицаютъ необходимости іерархіи, необходимости имѣть духовнаго пастыря? Ѳедоръ Петровичъ очень убѣдительно утѣшаетъ овецъ своихъ духовныхъ такимъ образомъ: «истинное священство было только до Никона, во время Іосифа, патріарха московскаго; паства его, Кирьянова, должна глубоко вѣрить Христу, связавшему церкви: «врата ада не одолѣютъ ю»; несмотря на всѣ преслѣдованія Никона, въ какой-нибудь части свѣта остались люди духовные, посвященные непосредственно преемниками Іосифа; если у нихъ, Ѳедоровцевъ, въ настоящее время и нѣтъ священника, то за вѣру и непоколебимое желаніе имѣть истиннаго пастыря, за долговременное ожиданіе имъ будетъ когда-нибудь данъ истинный, настоящій священникъ, а не еретикъ».

Что-же дѣлать теперь, покуда нѣтъ священника? И на это у Ѳедора Петровича есть, по его мнѣнію, довольно удовлетворительный отвѣтъ: «хиротонія (посвященіе) преемственно отъ высшихъ духовныхъ лицъ къ низшимъ, отъ этихъ послѣднихъ къ простымъ смертнымъ,

*) Въ 1879 г. прибылъ другой священникъ, рукоположенный въ Москвѣ отъ епископа Іосифа нижегородскаго.

къ народу; за невозможностью общепринятаго посвященія достаточно словеснаго дозволенія, чтобы исполнять всѣ необходимыя таинства для спасенія души». И Кирьяновъ самъ вѣнчаетъ, читая молебень Богородицѣ, а потомъ родительскимъ благословеніемъ закрѣпляетъ брачный союзъ; онъ самъ крестить, погружая троекратно въ воду «во имя Отца и Сына и Святаго Духа», но безъ постриженія и мѣропомазанія; таинства Евхаристіи у него нѣтъ, но за вѣру въ оное паства его получаетъ эту благодать невидимо за трапезнымъ вкушеніемъ простаго хлѣба. Ученіе Ѳеодоровцевъ заслуживаетъ вниманія во многихъ отношеніяхъ, хотя у нихъ есть, на примѣръ, и такое правило: Ѳеодоровцы, «ядшіе и пившіе съ иновѣрными», даже изъ иновѣрческаго сосуда, отлучаются отъ церкви и принимаются обратно не иначе, какъ послѣ проклятія ересей. Ѳеодоровцы называются также еще *часовенными*, отъ *часовни*. До воцаренія Николая Павловича, какъ проповѣдуетъ Ѳеодоръ Петровичъ, у предковъ ихъ были бѣлые священники, посвященные преемниками Иосифа; были *часовни*, гдѣ священники совершали богослуженіе. Николай Павловичъ все это уничтожилъ. Но Ѳеодоровцы, желая доказать свои симпатіи къ истинной церкви, называютъ себя *часовенными*, т. е. людьми, предки которыхъ имѣли *часовни*, имѣли свою церковь, а если теперь и не имѣютъ, то въ силу постигшаго ихъ горя, вслѣдствіе жестокихъ гоненій. Прибавимъ ко всему этому, что Ѳеодоръ Петровичъ самъ отправляетъ въ своей молельнѣ богослуженіе: вечерню, утреню, часы.

Кирьяновъ интересная личность; за тридцать лѣтъ своего пребыванія въ Минусинскомъ округѣ (теперь ему 60 лѣтъ), имѣя многочисленныхъ и несравненно болѣе его начитанныхъ враговъ, онъ до послѣдняго времени удержалъ почти всю свою паству; только недавно отъ него отдѣлился донской казакъ Ястребовъ съ немалымъ числомъ Ѳеодоровцевъ. А враги у него таковы, что съ ними надо потягаться, и самые важныя — «австрійцы», которые имѣютъ очень и очень выдающихся личностей въ числѣ своихъ представителей *).

Главные наставники «австрійскихъ» или «гуслицкихъ» въ Минусинскомъ округѣ — братья Пуговкины, изъ которыхъ Исаакъ и Елисей Михайловичи, лишенные по суду правъ состоянія, были сосланы въ самую глубь Сибири **), и потомъ переѣхали въ Минусинскій округъ. Пуговкины — бывшіе крестьяне деревни Завольной, Богородскаго уѣзда. Когда они прибыли въ Минусинскій округъ, за ними вскорѣ пріѣхали и ихъ семья. Къ Исааку Пуговкину, между

*) Ученіе поповцевъ или старообрядцевъ такъ извѣстно и такъ мало отличается отъ православнаго, что мы не будемъ говорить объ ихъ догматахъ.

**) За поддѣлку фальшивыхъ ассигнацій.

прочимъ, прѣхали и три сына, рожденные еще въ Гуслицахъ (одинъ изъ нихъ, Иванъ Пуговкинъ, писалъ интересныя статьи въ газетахъ *). Семейство это обладаетъ великолѣпною коллекціею старообрядческихъ книгъ и отличается замѣчательною начитанностью не только книгъ, касающихся ихъ вѣры, но и книгъ вообще; они выписываютъ газеты, читаютъ періодическіе журналы и получаютъ даже издающійся въ Галиціи ихъ органъ «Старообрядецъ», который исключительно занимается старообрядческимъ вопросомъ въ Россіи.

Прибыли Пуговкины тоже въ 60-хъ годахъ въ Минусинскій округъ и съ тѣхъ поръ дѣятельность ихъ не останавливается ни на одну минуту: они ведутъ споры, собираютъ соборы, защищаютъ своихъ, обезпечиваютъ іерархію, устраиваютъ молитвенные дома, словомъ возбуждаютъ всеобщую энергію и заставляютъ другихъ сектантовъ быть на сторожѣ, дабы члены ихъ не перешли въ старообрядчество.—Первыя столкновенія «австрійскихъ» произошли, конечно, съ Ѳедоровскими, какъ потому, что они малымъ, по мнѣнію «австрійскихъ», отличаются отъ гуслицкихъ, слѣдовательно скорѣе могутъ быть *склонены въ поповщину*, такъ и потому, что гуслицкіе и Ѳедоровскіе, поселившись въ однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ, нерѣдко имѣли общіе житейскіе интересы. Другія секты слишкомъ отличаются отъ Ѳедоровскихъ и гуслицкихъ, чтобы связываться съ ними, хотя и онѣ не избѣжали столкновенія съ Пуговкиными, т. е. съ «австрійскими», которые въ рядахъ своихъ, кромѣ Пуговкиныхъ *), имѣли и такихъ людей, какъ дѣятельный Прохоръ Медвѣдевъ, какъ инокъ Виталий, отдѣлившійся отъ «австрійскихъ» послѣ «окружнаго посланія». И такъ, повторяемъ. жизнь закинула въ Минусинскомъ округѣ съ прибытіемъ «австрійскихъ», которые немедленно разузнали обо всѣхъ проживающихъ въ Минусинскомъ округѣ сектантахъ, а также и о лицахъ не твердыхъ въ православіи, къ каковымъ принадлежатъ всѣ гонимые бродяги, поселенцы, не имѣющіе защиты люди. Нѣтъ ничего удивительнаго, что изъ ихъ среды «ловцы человѣковъ» имѣютъ не малый уловъ.

Но скорѣе и въ средѣ «австрійскихъ» произошелъ ужасный

*) См. его обширныя статьи въ «Моск. Тел.» № 269, 81 г. — «Русск. Вѣд.» № 210, 81 г. и т. д.

*) Въ статьѣ нашей «Изъ жизни черниговскихъ раскольниковъ» («Недѣля» № 27, 79 г.) мы очень плохо отзывались о старообрядцахъ и безпоповцахъ Новозыбковского уѣзда; такой отзывъ основывался на очень низкой ступени умственнаго развитія новозыбковскихъ старообрядцевъ. Не то минусинскіе: мы не можемъ не удивиться ихъ высокой степени умственнаго развитія, далеко превышающей степень развитія окружающей среды.

переполохъ, заставившій ихъ на нѣкоторое время углубиться въ собственные дѣла; переполохъ этотъ относится къ 1867 году, когда до этого отдаленнаго края дошло извѣстiе о знаменитомъ «Окружномъ посланiи, *) написанномъ въ 1862 году и только въ 1867 году сдѣлавшимся извѣстнымъ въ Минусинскомъ округѣ.

«Окружное Посланiе» имѣло цѣлью сблизить старообръзовъ съ православною церковью. Въ 1867 году, проживающіе въ Минусинскомъ округѣ «австрійскіе» получили изъ Павловскаго посада Московской губерніи отъ Пуговкина «братское увѣщаніе»: «не принимать новоизданную старообрядческими епископами тетрадку: «Окружное посланіе», со приемиющими это посланіе общенія не имѣть, причемъ была приложена копія съ соборнаго постановленія объ этомъ, состоявшагося въ с Слободищахъ (Гуслицы). Австрійцы минусинскіе взбудоражились, началась дѣятельная переписка съ Гуслицею, Москвою и, наконецъ, отъ Минусинскаго округа была избрана депутація изъ старообрядцевъ, которая и отправилась на Ирбитскую ярмарку для свиданія и переговоровъ съ старообрядческими купцами Банкетовымъ и Свѣшниковымъ. Съ этихъ поръ начинается непрерывный обмѣнъ мыслей и постоянное сношеніе минусинскихъ старообрядцевъ съ Гуслицею, Москвою, Австрією и т. д., такъ точно, какъ еедоровцы завели сношенія съ екатеринбургскими безпоповцами.

Минусинскіе депутаты получили отъ Банкетова и Свѣшникова такіе совѣты: «положиться вполне на своихъ епископовъ, «Окружное Посланіе» принимать и не провѣрять изложеннаго въ немъ ученія, какъ ученія богословскаго, и положиться во всемъ на Бога и совѣтъ епископовъ, тщательно провѣрившихъ «Окружное Посланіе» и желающихъ спасти всѣхъ здравомыслящихъ христіанъ».

Депутація возвратилась въ Минусинскій округъ; отвѣты Банкетова и Свѣшникова взволновали старообрядцевъ и привели къ собору въ д. Казанско-Богородской въ 1873 году. Соборъ былъ бурный **), многочисленный; послѣ долгихъ преній, 8 человекъ, во главѣ съ инокомъ Виталиемъ, о которомъ мы упоминали, пристали къ «Окружному Посланію», а остальные постановили: «не принимать «Окружнаго Посланія», какъ ученія не терпящаго провѣрки, считающаго себя непогрѣшимымъ, не молиться на ектеняхъ за «окружника» архіепископа Антонія» ***).

*) «Окр. Посл.» изложено въ сочиненіи г. Николаева, на которое мы уже ссылались.

**) Главные пункты, возмущившіе старообрядцевъ въ «Окружномъ Посланіи» были: а) признаніе Іисуса вмѣсто Іесуса, какъ пишется у старообрядцевъ; б) четвероконечный крестъ и с) латинскіе опресноки.

***) Сначала поклонниковъ «Окружнаго Посланія» было много, въ томъ

Мы сказали раньше, что совѣщанія по поводу «Окружнаго Посланія» завязали связи и сношенія минусинскихъ старообрядцевъ съ Европейскою Россією. Дѣйствительно, съ этого времени минусинскіе старообрядцы все чаще и чаще ѣздятъ въ Россію, ведутъ громадную переписку; въ 1874 году, по ходатайству Пуговкина, для минусинскихъ старообрядцевъ рукоположенъ священникъ о. Николай; рукоположенъ онъ московскимъ епископомъ Антоніемъ, не признававшимъ «Окружнаго Посланія»; о. Николай, проживъ здѣсь до 79 года, уѣхалъ на родину, въ Гуслицы, а на его мѣсто пріѣхалъ о. Максимъ, рукоположенный епископомъ Иосифомъ; о. Максима въ Минусинскій округъ привозить уже одинъ изъ сыновей Пуговкина, Иванъ Исааковичъ, о которомъ мы упоминали; къ этому-же времени относятся дѣятельныя сношенія минусинскихъ старообрядцевъ съ Кореневскимъ монастыремъ (Ольгопольскаго уѣзда) и вліятельными старообрядцами Москвы, Нижняго, Саратова и другихъ мѣстъ Россіи, а также и съ Австрією.

Выдѣленіе изъ среды «австрійскихъ» 8 человекъ не произвело на нихъ особеннаго впечатлѣнія и они успокоились; имъ было жалъ только дѣятельнаго о. Виталія, который какъ *окружникъ*, выступилъ на новое поприще и весьма усердно преслѣдовалъ свои идеалы, такъ что скоро пострадалъ за устройство молитвенныхъ домовъ. «Австрійцы» опять начинаютъ полную энергіи жизнь, которая была причиною втораго собора въ 1879 году, гдѣ уже велись диспуты съ бѣгунами. Но объ этомъ послѣ, а теперь обратимся къ другимъ сектамъ, которыя болѣе подходятъ къ старообрядческому согласію.

Мы уже упоминали, что въ послѣднее время отъ Федора Петровича Кирьянова отдѣлился донской казакъ Ястребовъ. Этотъ послѣдній, отдѣлившись, не образовалъ новой секты; разрывъ произошелъ скорѣе вслѣдствіе личныхъ препирательствъ, хотя у Ястребова нашлось, повидимому, достаточно мотивовъ для объясненія причины неудовольствія. Дѣло въ томъ, что Ястребовъ и совращенные имъ требовали у Кирьянова, чтобы этотъ послѣдній отправилъ депутацію на Донъ для приглашенія оттуда къ нимъ священника, хотя бы какого нибудь (бѣло-поповскаго или туль-

---

числѣ нѣкій крестьянинъ Дмитрій Сонинъ, бывший правою рукою Виталія, но этотъ послѣдній своею неосторожностью уменьшилъ число *окружниковъ*, О. Виталій въ частномъ разговорѣ, говоря объ „Окружномъ Посланіи“, восхвалялъ господствующую православную церковь и книги, исправленныя Никономъ. Благодаря этому, *окружники*, кромѣ 8 человекъ, проклинали о. Виталія и опять перешли въ лагерь „австрійскихъ“, а Дмитрій Сонинъ, со словъ о. Виталія, и самую австрійскую іерархію заподозрилъ въ уніи и сдѣлался рынымъ бѣгуномъ и укравателемъ извѣстныхъ бѣгуновъ Никиты и Феодосія.

скаго). Ѳеодоръ Петровичъ, конечно, не могъ, на это согласиться, объясняя возможность принятія въ свою среду священнослужителя недостойнаго этого сана, или, что очень возможно, какого-нибудь еретика. Можно предполагать, что Кирьяновъ въ душѣ, быть можетъ, совсѣмъ не признаетъ іерархіи; да къ тому же, при такомъ страстномъ желаніи священника, этотъ послѣдній сразу могъ-бы приобрѣсти въ паствѣ большое вліяніе сначала на ту часть «Ѳеодоровцевъ», которая жаждетъ пастыря, а потомъ и на всѣхъ; при такихъ условіяхъ, для поддержанія авторитета, пришлось бы прибѣгать во-первыхъ,—къ извѣстнымъ уловкамъ, а во вторыхъ, и основа ученія Кирьянова не дозволяетъ брать священника наугадъ, безъ особенной благодати, безъ несомнѣнныхъ доказательствъ, что данное лицо посвящено преемниками Юсифа, патріарха московскаго. Словомъ, Кирьяновъ не согласился и не могъ согласиться, а чтобы донской казакъ много не разсуждалъ и не волновалъ умовъ—Кирьяновъ отлучилъ Ястребова отъ своего «толка», будучи увѣренъ, что такое дѣйствіе окарнаетъ крылья Ястребову, что дѣло обойдется отсѣченіемъ одного негоднаго члена, для спасенія всего Ѳеодоровскаго міра.

Но Кирьяновъ ошибся; Ястребовъ ушелъ, но ушелъ съ нѣсколькими семействами, и среди Ѳеодоровцевъ образовался расколъ: сдѣлалось два папы, причемъ Ястребовъ тотчасъ же наложилъ на свою паству дань въ видѣ взносовъ, во-первыхъ, для отправленія денегъ на Донъ, а, во вторыхъ, въ видѣ платы за необходимыя требы, какъ на примѣръ: погребеніе заочное и т. п. Словомъ, Ястребовъ ничего новаго не прибавилъ къ мировоззрѣнію Ѳеодоровцевъ, а такъ какъ пастыря у *ястребовцевъ* нѣтъ и до сихъ поръ, то они ничѣмъ отъ «Ѳеодоровцевъ» не отличаются.

Теперь мы скажемъ нѣсколько словъ о той общезвѣстной сектѣ которая проявилась въ первыя времена раскола въ Россіи; она зародилась въ той древней колоніи вольнаго Новгорода-Великаго, боярскія фамиліи котораго боролись съ Москвою за областную свободу; мы говоримъ о Поморской области, которая играетъ теперь выдающуюся роль въ исторіи русскаго раскола и о той сектѣ, о которой говорилъ уже Игнатій, митрополитъ Тобольскій: «начали быть во всемъ противны не только хулами св. церкви, но и благочестиваго царя не захотѣли признать своимъ государемъ». Дѣло идетъ о сектѣ поморцевъ, которая также имѣетъ своихъ представителей въ Минусинскомъ округѣ. Какъ и другія секты, она имѣетъ своихъ наставниковъ въ здѣсь, въ лицѣ крестьянъ-переселенцевъ, Ивана Васильева, Ивана Семенова и Кузьмы Елизарова. Поморская секта уже на первыхъ порахъ своего существованія претерпѣла расколъ, возникшій вслѣдствіе отрицанія

поморцами брака, что вскорѣ оказалось нераціональнымъ. Въ средѣ ихъ появился нѣкій Василій Емельяновъ, пропаганда котораго очень быстро привилась въ сердцахъ поморянъ, такъ какъ почва для идей, проповѣдуемыхъ Емельяновымъ, давно была готова. Василій Емельяновъ ратовалъ противъ стараго аскетизма и признавалъ бракъ какъ необходимѣйшее удовлетвореніе требованій природы; за бракъ были многіе, и вскорѣ изъ поморянъ выдѣлилась секта еедосѣвцевъ, не хотѣвшихъ принять ученія Емельянова, оставаясь солидарною во всѣхъ другихъ отношеніяхъ съ поморцами. Но и въ такомъ видѣ поморское согласіе оставалось недолго: скоро, именно послѣ смерти Петра I, поморцы стали молиться за царя, а еедосѣвцы, если и не такъ радикально отступили отъ прежнихъ вѣрованій, все-же перестали считать преемниковъ Петра I антихристами, какъ это было прежде, и были близки къ тому, чтобы пойти по стопамъ поморцевъ. Въ такія-то критическія минуты состоянія древняго благочестія выдѣлилась изъ среды поморцевъ вторая секта филипповцевъ, строгихъ аскетовъ, проклявшихъ снова все, имѣющее какое-либо отношеніе къ православію, начиная отъ православнаго народа и кончая правительствомъ.

Въ Минусинскомъ округѣ есть представители всѣхъ этихъ сектъ, причемъ главный наставникъ чистыхъ поморянъ, т. е. брачующихся и молящихся за царя, здѣсь нѣкій глубокой старецъ Авваумъ, который имѣетъ дѣтей отъ двухъ женъ.

Поморцы имѣютъ самое большое число послѣдователей, сравнительно съ еедосѣвцами и филипповцами, первыхъ больше чѣмъ филипповцевъ. Послѣдніе имѣютъ очень ограниченное число членовъ въ Минусинскомъ округѣ, и, несмотря на это, между ними за послѣднее время произошелъ еще расколъ: часть признала необходимымъ молиться за царя, отрицая бракъ, т. е., повидимому, перешла къ еедосѣвцамъ. Въ молитвахъ своихъ за царя, отдѣлившіеся отъ секты филипповцевъ замѣнили слово «самодержавный», словомъ «благовѣрный». Какъ поморцы, такъ еедосѣвцы и филипповцы, представляютъ по нашему мнѣнію, одни лишь варіаціи великаго безповощинскаго согласія, секты имѣющей цѣлыя милліоны представителей, секты общеизвѣстной, но не представляющей особаго интереса, въ силу значительной дозы мистицизма, входящаго въ основу ея ученія и поклоненія буквѣ, чего не замѣчается въ сектахъ рационалистическихъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, хотя послѣднихъ несравненно менѣе въ Минусинскомъ округѣ.

II.

Образованіе секты бѣгуновъ или странниковъ довольно инче-

ресно: она образовалась вслѣдствіе льготъ, данныхъ раскольникамъ въ царствованіе императрицы Екатерины *), благодаря чему даже такіе фанатики, какъ филипповцы, которые, во время извѣстной комиссіи Самарина, сожгли себя цѣлымъ скитомъ на глазахъ этого послѣдняго, даже они постарались доказать свою преданность и, по возможности, желали какъ можно менѣе отдѣляться отъ православной церкви. Основателемъ секты бѣгуновъ былъ нѣкій Евѣимій, происхожденіе котораго почти неизвѣстно; сначала онъ сошелся съ филипповцами, но эти аскеты показали ему ненадежными членами древняго благочестія. Встрѣтившись впоследствии съ нѣкимъ Іоанномъ, который странствовалъ не отдыхая почти, Евѣимій попросилъ, чтобы онъ крестилъ его; Іоаннъ отказался и предложилъ Евѣимію крестить самого себя. Послѣдній крестилъ себя и съ тѣхъ поръ отдѣлился отъ раскольниковъ и сталъ проповѣдывать свое ученіе. Энергія Евѣимія поразительна: онъ проповѣдуетъ, пишетъ, набираетъ сообщниковъ и, наконецъ, излагаетъ кратко свое ученіе: 1) принимая въ странство изъ православія и другихъ раскольничьихъ толковъ, нужно перекрещивать вновь; 2) отношеніе бѣгуновъ къ власти должно быть таково: спасется лишь не поворившійся мучителю (всякая власть), достоинъ таится и бѣгати или съ нимъ (антихристомъ) на брань вступити.

Наша задача писать исключительно о минусинскихъ секантахъ, потому мы въ кратцѣ только излагаемъ исторію *бѣгуновъ*, поскольку она относится къ бѣгунамъ Минусинскаго округа. Послѣ жизни, богатой приключеніями, Евѣимій умеръ 20 іюля 1792 года, и въ этотъ день странники служатъ панихиду за упокой души его. Вотъ ученіе секты «странниковъ» или «бѣгуновъ», какъ оно изложено въ «Цвѣтницѣ» сочиненія Евѣимія: а) Царь Алексѣй Михайловичъ были первымъ рогомъ двурожнаго звѣря; б) послѣднимъ рогомъ былъ сынъ его Петръ, который уничтожилъ всѣ остатки благочестивыхъ обычаевъ; с) царь Петръ—антихристъ, чему доказательствомъ можетъ служить число звѣриное 666, заключающееся въ словѣ и (м) ператоръ **). $I=10=p=80 - e=5 - p=100 - a=1 - t=300 - o=70 - p=100; 10+5+100+1+300+70+100=666$. д) Петръ самый ужасный бѣсъ и всѣ ему повинующіеся заклеены печатью антихриста; е) власть вообще—икона сатаны; ф) чтобы избѣжать вліянія иконы сатаны,

*) См. подробное о семъ изложеніе въ «В. Евр.» 1872 г. «Странники или бѣгуны», соч. Розова.

**) М пропущено тенденціозно: не вышло бы 666, что необходимо для доказательства.

надо спастись бѣгствомъ и скрываться; g) желающимъ странствовать, необходимо новое крещеніе; h) одинъ только странникъ христовъ человекъ, всѣ остальные никоніане поганцы; раскольники другихъ сектъ — еретики; i) каждый странникъ есть вселенскій учитель, апостоль, k) отрицаніе полное собственности, идея коммунизма. Въ другихъ сочиненіяхъ Евѳимія проводятся тѣ-же взгляды, причемъ, для наглядности, Евѳимій въ 1784 году составилъ «Лицевой апокалипсисъ» съ картинками, на которыхъ антихристъ изображенъ съ короною, какъ символомъ власти; тамъ-же нарисованы лжепророки, какъ подчиненные царя; антихриста окружаютъ слуги въ видѣ военныхъ и гражданскихъ чиновъ.

Изъ выдающихся послѣдователей Евѳимія, которые, собственно говоря, и распространили секту, извѣстны: Ирина Ѳеодоровна, спутница Евѳимія, дѣятельность которой началась въ Софѣлахъ Ярославской губерніи, въ этомъ гнѣздѣ бѣгуновъ. Крестьянинъ Петръ Крайневъ, по перебрещеніи Севастьянъ, который подорвалъ идею отрицанія собственности, дозволивъ брать въ странничество съ собою деньги, съ условіемъ помогать странникамъ; Михаилъ Ѳеодоровъ Чагрынъ, умнѣйшій изъ бѣгуновъ и, наконецъ, Яковъ Яковлевъ, противникъ Крайнева, который интереснѣе всѣхъ, такъ какъ онъ, Яковлевъ, бросилъ первыя сѣмена странничества въ Сибири. Пойманный съ другими бродягами въ Устюженскихъ лѣсахъ, Новгородской губерніи, уже 60 лѣтнимъ старикомъ, Яковлевъ, совмѣстно съ другими, болѣе упорными бродягами, рѣшеніемъ комитета министровъ былъ присужденъ (1813) къ наказанію вѣнцомъ и ссылке на каторгу въ Нерчинскъ. Яковлева провожали многіе странники до Костромы, причемъ на дорогѣ велись разсужденія о вѣрѣ; а въ Сибири, на всемъ громадномъ пути отъ Урала до Нерчинска, Яковлевъ велъ дѣятельную пропаганду своего ученія; онъ можетъ считаться отцомъ странничества въ Сибири. Послѣ Яковлева не мало представителей страннической секты было сослано въ Сибирь, гдѣ они уже во многихъ мѣстахъ находили готовую почву для своей дѣятельности. Напримѣръ: нѣкая Доминика, просидѣвшая около четырехъ лѣтъ въ Тобольскомъ острогѣ, освобожденная, по ходатайству одного богатаго купца, и поселившаяся въ кельѣ, въ Кійской волости, Томской губерніи, нашла здѣсь многихъ послѣдователей софѣловскаго ученія и т. д.

Бѣгуны въ Минусинскомъ округѣ носятъ различныя названія, какъ по мѣсту жительства, такъ и по нѣкоторымъ отбѣнкамъ въ ученіи; здѣсь есть бѣгуны сушинскіе, можарскіе, диберкульскіе и, такъ-называемые, *козырскіе пустынники*. Всѣ они живутъ въ дремучей горной тайгѣ, въ непроходимыхъ дебряхъ юга Минусин-

скаго округа и избѣгаютъ начальства. Основа ученія у всѣхъ странниковъ Минусинскаго округа одна и таже, т. е. во всемъ согласная съ ученіемъ Евфимія, съ которымъ мы уже познакомили читателя, но въ деталяхъ они расходятся: сушинскіе съ можарскими и диберкульскими въ очень немногомъ, а козырскіе пустынники представляютъ оригинальную вариацию.

Сушинскіе бѣгуны, прибывшіе въ Минусинскій округъ изъ лѣсовъ Оренбургской губерніи въ концѣ 60-хъ годовъ, признають таинство крещенія по установленію апостольской церкви, хотя крещеніе и разнообразное, т. е. какъ придется, смотря по обстоятельствамъ, но только при крещеніи необходима слѣдующая обрядность, у крещаемого спрашиваютъ: отрицаешься ли отъ служенія антихристу? Крещаемый обязанъ отвѣтить: отрицаюся *).

Что касается бѣгуновъ можарскихъ и диберкульскихъ, появившихся тоже изъ лѣсовъ Оренбургской губерніи и представлявшихъ съ сушинскими прежде одно согласіе, то они отрицають всѣ таинства, не признають никакого богослуженія, кромѣ моленія по лѣстовкѣ, и говорятъ, что кадить ладономъ и возжигать восковыя свѣчи теперъ уже поздно, ибо съ появленіемъ антихриста все угасло.

При этомъ мы не можемъ не рассказать слѣдующаго курьеза, происшедшаго позапрошлую зимою (1881 г.). Одинъ изъ бѣгуновъ можарскихъ, ивѣій Зиновій, явился въ мѣстное минусинское полицейское управленіе и попросилъ вызвать полицейскаго надзирателя. Когда этотъ послѣдній явился и спросилъ Зиновія, что ему нужно, Зиновій отвѣтилъ: «Я пришелъ обличить тебя, служитель антихриста!» — Ты кто такой? спрашиваетъ удивленный служитель антихриста. — «Я рабъ Христовъ, дерзко отвѣчаетъ Зиновій; — я пришелъ изъ пустыни обличать антихриста и слугъ его». Само собою, «раба Христова» засадили въ острогъ, гдѣ онъ сидитъ и по сіе время за невиданную дерзость обличать полицейскихъ.

Пустынники козырскіе сами себѣ названія не даютъ, такъ что вышеприведенное наименованіе есть мѣстное, по мѣсту жительства этихъ бѣгуновъ; явились они въ Минусинскій округъ изъ Кунгурскихъ лѣсовъ Пермской губерніи; какъ можарскіе и диберкульскіе

*) Въ характеристикѣ бѣгуновъ Минусинскаго округа можно прибавить еще чрезвычайно характерное явленіе: всѣ они почитаютъ за грѣхъ носить одежду фабричнаго производства, изъ какого бы то ни было матеріала; они носятъ исключительно холщевую одежду ручнаго тканья: нижнее бѣлье и рубаха—бѣлые, верхнее платье—одворядки—холщевое же, выкрашенное въ синій цвѣтъ.

бѣгуны, они также отрицають возженіе свѣчей и куреніе ладаномъ; таинствъ не признають; имѣють одно только Распятіе и молятся ему по лѣстовѣѣ; бракъ отвергають, мяса не ѣдятъ; женщины живутъ въ отдѣльныхъ келіяхъ; козырскіе пустынники имѣють наставника изъ донскихъ казаковъ, который изображаетъ новаго Моисея, уведшаго людей въ пустыню отъ соблазна антихриста *).

У другихъ бѣгуновъ есть свои учителя, изъ которыхъ особенно замѣчательны: Никита, Θεодосій, Иванъ Николаевъ и Аввакумъ Тимофѣевъ; послѣдній знаменитъ особенно какъ укрыватель бѣгуновъ.

Раньше мы сказали уже, что, съ появленіемъ «австрійскихъ» въ Минусинскомъ округѣ, здѣсь закипѣла жизнь среди сектантовъ, благодаря тому обстоятельству, что австрійскіе повели обширную пропаганду, всѣхъ вызывали на споръ, вооружившись начитанностью и вѣрою въ свою непогрѣшимость. Такой образъ дѣйствія «австрійскихъ» былъ причиною небывалаго событія, произведшаго фуроръ среди всѣхъ сектъ въ Минусинскомъ округѣ: въ 1879 г. былъ созванъ второй соборъ въ томъ-же знаменитомъ селѣ Казанско-Богородскомъ, гдѣ было уже собраніе въ 1873 году по поводу «Окружнаго посланія». На соборъ этотъ съѣхались представители ученій *австрійскаго* и *странническаго*, чтобы доказать чья вѣра справедливѣе, собралось народу болѣе 100 человекъ, причемъ было немало и женщинъ. Обстановка собора была торжественная: въ обширной крестьянской избѣ стоялъ въ углу столъ, заваленный книгами и документами; за столомъ сидѣли убѣленные сѣдинами старцы; въ избѣ и сѣняхъ стоялъ народъ; тишина была невозмутимая; всѣ ожидали начала засѣданія. Вотъ встаетъ старецъ Аввакумъ Тимофѣевъ Даниловъ, столпъ странническаго ученія, и обращается къ Исааку Михайлову Пуговкину, столпу «австрійскому»: «Именемъ божіимъ прошу тебя, говоритъ Аввакумъ; — потрудиться на пользу истины христіанской и разъяснить нѣкоторые вопросы, которые сдѣлались камнемъ преткновенія и соблазномъ для многихъ христіанъ; вопросы сіи суть: 1) Истинно-ли происхождение австрійской, бѣлокриницкой іерархіи? 2) Пребываетъ-ли нынѣ на землѣ святая христова церковь и ея семь таинствъ? 3) Въ кѣихъ лѣтахъ, по священному писанію, должно сбыться пришествіе антихриста? 4) Явятся-ли во плоти, предъ вторымъ пришествіемъ христовымъ, пророки Ілія,

*) Часть можарскихъ бѣгуновъ, подъ предводительствомъ одного изъ наставниковъ, недавно пыталась проникнуть внутрь Монголіи, чтобы тамъ поселиться и избѣжать преслѣдованія антихриста, но были изгнаны оттуда сойотами.

Енохъ и апостолъ Іоаннъ Богословъ? 5) Что подъ печатію антихриста должно разумѣть: имянное-ли изображеніе цифрами 666 или что другое? 6) Можно-ли принимать въ лоно истинной христіанской церкви простыхъ лицъ безъ повторенія крещенія и священниковъ отъ никончанъ безъ повторенія хиротоніи?

Исаакъ Пуговкинъ поручаетъ начетчикамъ Елисею Пуговкину и Прохору Медвѣдеву отвѣтить:

1) Что они, «австрійскіе», готовы трудиться на разъясненіе душеспасительной истины и, по мѣрѣ силъ и возможности, уяснить темныя мѣста для людей сердечно желающихъ найти истину. 2) Но такъ какъ они, пріемлющіе священство, «австрійскіе», имѣютъ въ настоящее время дѣло съ представителями общества, отрицающаго самое существованіе церкви и ея таинствъ, вопреки обѣщанію Спасителя, что «церковь пребудетъ до конца» и что «врата ада не одолѣютъ ю», то 3) если они, странники, желаютъ вести душеспасительныя бесѣды о вѣрѣ, пусть поставятъ первый вопросъ вторымъ, а второй первымъ.

На такое перемѣщеніе странники не согласились, и со стороны ихъ явились оппоненты въ лицѣ Никиты, Θεодосія и Ивана Николаева, которые старались доказать, что вопросъ о происхожденіи австрійской іерархіи важнѣе, чѣмъ вопросъ о существованіи церкви на землѣ. Однако, большинство изъ секты *блгуновъ* согласились на перестановку вопросовъ и просили своихъ представителей продолжать засѣданіе.

Начались пренія, пренія бурныя, съ указаніемъ источниковъ, съ чтеніемъ печатныхъ книгъ и рукописей. Наконецъ, появилась тетрадь, направленная прямо уже противъ австрійской іерархіи, при чемъ говорилось, что въ тетради этой помѣщена выписка изъ древняго старопечатнаго откровенія Іоанна Богослова съ толкованіями отцовъ церкви «о появленіи антихристовой прелести, австрійской іерархіи передъ концомъ міра». Это не могло не взорвать австрійскихъ, такъ какъ, кромѣ оскорбительнаго текста, въ тетради была иллюстрація для нагляднаго униженія австрійской іерархіи. На картинѣ нарисованъ былъ бѣлый конь, со всадникомъ, который былъ отътъ въ святительскія одежды и имѣлъ въ рукѣ мечъ; въ одномъ углу картины нарисованъ Іоаннъ Богословъ, отвратившій лицо свое отъ бѣлаго коня со всадникомъ; а въ другомъ изображена толпа людей съ сумками за плечами и палками въ рукахъ. Надъ головою всадника надпись: «австрійскій попъ», а внизу подъ бѣлымъ конемъ: «Бѣлая Криница». Объясненіе: «всадникъ—австрійскій попъ; бѣлый конь—Бѣлая Криница; мечъ—священное писаніе, которымъ они завоевали слѣдующую за нимъ толпу съ сумками и палками; Іоаннъ

Богословъ, изображающій истинныхъ христіанъ, съ негодованіемъ отворачивается отъ этой антихристовой прелести».

Тетрадь эту предъявилъ одинъ изъ странническихъ начетчиковъ, Никита, чтобы доказать неправильность австрійской іерархіи; поднялся ужасный споръ; у Никиты потребовали объясненія. Никита отвѣтилъ, что тетрадь вся согласна съ подлинникомъ; но когда потребовали подлинникъ, Никита сказалъ, что съ собою его у него нѣтъ, что подлинникъ въ Россіи и что онъ самъ списывалъ и все провѣрилъ съ точностью.

Но тутъ, передаютъ «австрійскіе», произошелъ скандалъ, такъ какъ одинъ изъ бѣгуновъ заявилъ *будто-бы*, что Никита писалъ тетрадь у него въ домѣ. Сконфуженный Никита заявилъ, что онъ не подготовленъ къ собору и проситъ отложить соборъ до другого дня и завтра докажетъ. Соборъ на другой день состоялся, но безъ Никиты: онъ уѣхалъ изъ Казанско-Богородской въ тайгу.

Соборъ началъ по порядку разбирать поставленные вопросы, но покончилъ ничѣмъ, такъ какъ ни *австрійскіе*, ни *странники* не могли согласиться ни на одномъ пунктѣ.

III.

Продолжая далѣе изслѣдовать гористо таежную часть Минусинскаго округа, мы вслѣдъ за *бѣгунами* наткнемся на такъ называемыхъ *усинскихъ староверовъ*, получившихъ названіе отъ р. Уса, по которой они поселились. Врядъ-ли можно отыскать болѣе безлюдную, дикую мѣстность, какъ та, куда удалились *усинскіе староверы*. Двѣ деревни, основанныя ими—Верхне и Нижне-Усинскія—отстоятъ всего въ 50 вер. отъ Монгольской границы.

Читатель не забылъ, вѣроятно, того Ивана Аванасьевича, о которомъ мы говорили выше, какъ о первомъ, смутившемъ покоя Федора Петровича? Біографія этого основателя секты «усинскихъ» старообрядцевъ, которые многимъ отличаются отъ старообрядцевъ обыкновенныхъ и представляютъ изъ себя секту, выработавшую догматы свои уже здѣсь, въ Минусинскомъ округѣ, по истинѣ замѣчательна.

Иванъ Аванасьевичъ, бывшій помѣщичій крестьянинъ Нижегородской губерніи, былъ отданъ помѣщикомъ въ солдаты, скоро сдѣлался дезертиромъ, потомъ—атаманомъ шайки разбойниковъ; въ этой послѣдней роли онъ назывался Омою, и имя Оомы въ свое время прогремѣло по Волгѣ. Но вотъ шайка разбита и энергія Оомы нашла другой выходъ, выходъ блестящій: онъ дѣлается основателемъ секты, названіе которой приведено выше.

Не таковъ былъ человекъ Оома, чтобы опустить руки, мало

того—онъ могъ примириться только съ ролью начальника, главы. Но какъ это сдѣлать? Собрать новую шайку? Опять разгуливать по широкой Волгѣ и выжидать богатой добычи? Не тѣ времена! Всюду начальство, нигдѣ не скроешься отъ него. Помириться съ жизнію обыкновеннаго человѣка? Покаяться, явиться предъ лицо начальства и идти на каторгу? Какая глупость! Такъ разсуждалъ Оома, думая, куда-бы дѣтъ ему свою силу, къ какому-бы занятію приложить ее? Онъ отправляется въ среду старообрядцевъ и сразу поражаетъ ихъ своею подвижническою жизнію. Никто такъ строго не соблюдаетъ постовъ, какъ Оома, никто такъ пунктуально не исполняетъ всѣхъ обрядовъ. Да развѣ и могъ быть Оома обыкновеннымъ старообрядцемъ? Нѣтъ, онъ начинаетъ укорять блюстителей древняго благочестія въ любви къ міру, ему начинаютъ сниться сны, онъ слышитъ гласъ «скоро-скоро судъ при дверяхъ естъ!» «Вотъ онъ истинный христіанинъ! вотъ блюститель святой вѣры!» говоритъ толпа, увлекаемая Оомою; послѣ этого Оомѣ немного нужно было, чтобы массы устремились на тотъ путь, на который онъ укажетъ.

Оома указываетъ на Сибирь, какъ на страну, гдѣ легче всего можно спастись, и толпы, идуть за Оомою преимущественно изъ Оребургской губерніи. Какъ только духовное воинство Оомы вступило на сибирскую почву, Оома почувствовалъ, что онъ здѣсь все, онъ отбираетъ у послѣдователей паспорта ихъ и выдаетъ имъ свои, гдѣ эти послѣдніе имѣли уже имена и прозвища, данныя имъ главою; онъ изолируетъ паству свою такимъ образомъ отъ міра и дѣлаетъ ихъ странниками съ полнымъ подчиненіемъ его авторитету. На первыхъ порахъ Оома и приверженцы его селятся въ Томской губерніи, но здѣсь не видно еще строгой организаціи, здѣсь Оома не излагаетъ своихъ догматовъ, не систематизируетъ ученія: Томская губернія слишкомъ не изолирована отъ чуждыхъ вліяній, это чуть не Европейская Россія, не ровень часъ и авторитетъ Оомы рухнетъ, надо поискать лучшаго мѣста...

Но гдѣ-же лучше, гдѣ безопаснѣе юга Минусинскаго округа? Трудно добраться туда, нѣтъ ни дорогъ, ни тропъ; нужна большая вѣра, собачья привязанность толпы, чтобы она пошла добровольно въ такія дебри. Но Оома слишкомъ вѣрилъ въ свой авторитетъ, чтобы отказаться отъ своего плана; онъ предлагаетъ паствѣ своей перекочевать въ Минусинскій округъ, къ монгольской границѣ, куда-бы воронъ ни чьи кости не занесъ, и всѣ безпрекословно соглашаются...

«Я—Иванъ Аѳанасьевичъ, а не Оома, объявляетъ Оома послѣдователямъ своимъ, когда они углубились въ глушь, въ горную тайгу:—но Иванъ Аѳанасьевичъ я для васъ при чужихъ; лю-

дахъ, при еретикахъ, безъ нихъ-же всѣ вы называйте меня *отцомъ*, я *отецъ* вашъ».

Невозможно описать, какія препятствія пришлось преодолѣть Ивану Аванасьевичу и шедшими за нимъ: голодъ, холодъ, нужду, непроходимые пути; нѣтъ ничего удивительнаго, если Иванъ Аванасьевичъ скоро сравнилъ себя съ Моисеемъ, ведущимъ въ пустыню своего Израиля. Не скоро странники достигли р. Уса и необитаемыхъ странъ, по которымъ онъ протекаетъ; уже выбравши мѣсто для поселенія, «усинцы» долго еще не могли избавиться отъ нужды, которая преслѣдовала ихъ на каждомъ шагу; другимъ, обыкновеннымъ людямъ, въ тущобахъ этихъ грозила-бы смерть неминуемая, но «усинцы» повели борьбу со стихіями съ поразительною энергіею и вышли побѣдителями; только очень незначительная часть, извѣрившись въ возможность побѣды, отдѣлилась отъ Ивана Аванасьевича, остальные скоро уже пожинали плоды своихъ трудовъ: образовались два большихъ селенія, выстроена деревянная церковь. Теперь можно уже было заняться дѣлами вѣры, дать просторъ умственной жизни, которая была задушена подъ бременемъ обыденныхъ нуждъ; въ молельѣ устраивается для Ивана Аванасьевича отдѣльная комната, гдѣ онъ возлагаетъ на кровати во время богослуженія, которое отправляютъ «установками», посвященные «отцомъ»; отъ времени до времени, лежа на кровати, Иванъ Аванасьевичъ произноситъ: «Господи Иисусе! и за молитвы отецъ нашихъ». Стоя Иванъ Аванасьевичъ молится только 5-го января, въ день водосвятія, которое совершаетъ самъ; воду эту потомъ пьеть вся паства и водѣ этой приписываются цѣлебныя свойства. Далеко-далеко жили «усинцы», а не миновалъ ихъ чиновникъ, забрался онъ и въ эти дебри и чуть было не сравнивалъ усинскія селенія съ землей,—но Богъ милостивъ—туча пронеслась, а грозы не было; ходоки-же, посланные въ Иркутскъ, выхлопотали право жизни для своей братіи въ основанныхъ ими селеніяхъ, при чемъ селенія эти были причислены къ шушинской волости. Счастливы усинцы, поселились такъ далеко, что даже сибирскіе администраторы признали за усинскими селеніями стратегическое значеніе: усинцы расположились въ монгольскихъ предѣлахъ! Съ этого момента Иванъ Аванасьевичъ начинаетъ, наконецъ, излагать свое ученіе: 1) Онъ—духовный отецъ, непогрѣшимый авторитетъ и безапелляціонная власть для усинцевъ. 2) Не повинующіеся ему отлучаются отъ толка и изолируются отъ прочихъ вѣрующихъ. 3) Истребленіе еретиковъ, сѣющихъ плевелы среди усинцевъ. 4) Кающіеся принимаются обратно, съ условіемъ полного признанія ученія Ивана Аванасьевича и проклятія ересей.

Установивши такимъ образомъ свое ученіе, Иванъ Аѳанасійчъ послалъ отъ себя проповѣдниковъ и не мало людей присоединилось къ его сектѣ. За убійство еретиковъ Иванъ Аѳанасійчъ съ главными сообщниками попалъ въ красноярскій тюремный замокъ, гдѣ и умеръ 70-ти-лѣтнимъ старикомъ, не дождавшись приговора. Во время сидѣнія, его постоянно посѣщали «усинцы», а среди паствы произошли неурядицы, благодаря тому обстоятельству, что сначала Иванъ Аѳанасійчъ посвятилъ на свое мѣсто нѣкоего Ведерникова, а потомъ Лазаря Иванова. Этотъ послѣдній, возвратившись изъ Красноярска, въ усинскія села, объявилъ себя «истиннымъ отцомъ», отлучилъ всѣхъ посвященныхъ Ведерниковымъ, назначилъ своихъ и правилъ усинцами до послѣдняго времени *). Лазарь, повидимому, еще болѣе подробно изложилъ ученіе Ивана Аѳанасіяча, а быть можетъ прибавилъ кое-что и свое: 1) бракъ—законъ, когда брачующіеся сходятся по любви и согласію; 2) молитвы—вещь излишняя; 3) супруги могутъ расходиться и вступать въ новые браки по личному желанію.

Лазарь ничего не отрицалъ изъ ученія Ивана Аѳанасіяча **). Между «австрійскими» и «усинскими» также происходили столкновенія, которыя, по словамъ «австрійскихъ», окончились будто бы отдѣленіемъ извѣстной части «усинскихъ» отъ Лазаря, причѣмъ отдѣлившіеся избрали себѣ другого главу.

Теперь мы обратимся къ чрезвычайно интересной сектѣ, образовавшейся, повидимому, тоже уже въ Минусинскомъ округѣ. Секта эта называется мѣстными жителями—«численники». Къ несчастію, мы не могли собрать подробныхъ свѣдѣній объ этой сектѣ и должны ограничиться, до болѣе удобнаго времени, только отрывочными свѣдѣніями. Опредѣлить количество численниковъ чрезвычайно трудно, такъ что выставленное нами количество далеко, быть можетъ, не соответствуетъ дѣйствительной цифрѣ. Всѣ численники пришли въ Минусинскій округъ изъ иркутскихъ солеваренныхъ заводовъ, гдѣ они отбыли сроки каторги; нѣкоторые изъ нихъ появились въ 1877 году, другіе въ 1881 г. Очень можетъ быть, что основу ученія они почерпнули еще на пути въ каторгу или въ самой каторгѣ, но систематизи-

*) Недавно онъ умеръ, и у усинцевъ есть уже новый глава, который вѣроятно еще что-нибудь прибавитъ къ ихъ ученію, пользуясь неограниченнымъ правомъ.

**) Таинство Евхаристіи состояло у Ивана Аѳанасіяча въ простомъ вкушеніи хлѣба, который пекъ самъ «отецъ», принимавая въ него нѣсколько крошекъ сухарей, доставшихся Ивану Аѳанасіичу отъ благочестивыхъ иргизскихъ священниковъ, какъ онъ говорилъ. Испеченный хлѣбъ онъ крошилъ и раздавалъ вѣрующимъ. Лазарь дѣлалъ тоже.

ровано оно несомнѣнно здѣсь; мы заключаемъ это изъ того, что одинъ изъ недавно прибывшихъ численниковъ говоритъ, что свое ученіе онъ принялъ отъ одного каторжника, шедшаго съ нимъ въ одной партіи; но ученіе это имѣетъ мало отношенія къ ученію численниковъ и совершенно сходно съ ученіемъ бѣгуновъ: такое-же крещеніе вновь, причемъ разскащикъ, какъ и Евфимій, крестилъ самъ себя по совѣту каторжника; тотъ-же антихристъ, играющій главную роль въ ученіи, и т. д. Не то минусинскіе численники, мѣстное названіе которыхъ произошло «отъ того, что у нихъ числа не сходятся съ нашими»; такъ, напримѣръ, въ силу какихъ-то вычисленій, воскресенье наше приходится у нихъ въ среду которую они и празднуютъ *), четвергъ у нихъ соответствуетъ нашему понедѣльнику, а въ воскресенье, соответствующее нашему четвергу, они работаютъ.

Теперь изложимъ ихъ ученіе: 1) Времена пророческія окончились; 2) судъ Божій уже былъ; антихристъ уже сверженъ въ преисподнюю; 3) церковь уже вознесена на небо; 4) праведники уже на небѣ; 5) теперь нужно заботиться только о благѣ на землѣ, о житейской нравственности, а о небѣ помышлять нечего: тамъ все уже устроено и туда никто не попадетъ; 6) совершенное отрицаніе властей, какъ препятствія счастью на землѣ.

Прибавимъ къ этому, что численники, какъ и бѣгуны, никакихъ паспортовъ и видовъ не признаютъ, а если нужно куда отлучиться, то и другое дѣлаютъ сами; женщины живутъ у нихъ въ отдѣльныхъ домахъ, матери не указываютъ дѣтямъ ихъ отцовъ: численники говорятъ, что дѣти есть принадлежность всего общества, зачѣмъ имъ знать, кто произвелъ ихъ на свѣтъ; они не говорятъ иначе, какъ *наши дѣти*. Самое ученіе этой секты не дозволяетъ членамъ ея распространяться съ каждымъ встрѣчнымъ, почему ученіе ихъ извѣстно только по слухамъ, какъ говорятъ мѣстные жители, сталкивавшіеся съ численниками. Мы, впрочемъ, получили свѣдѣнія изъ болѣе достовѣрныхъ источниковъ, хотя считаемъ ихъ далеко не полными и постараемся пополнить въ будущемъ. Слишкомъ отличаясь отъ остальныхъ сектантовъ Минусинскаго округа, численники мало имѣютъ съ ними столкновеній, почему ихъ ученіе, подробности о внутренней жизни менѣе извѣстны сравнительно съ другими сектами, о которыхъ мы говорили.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о скопцахъ, которые въ противоположность большинству другихъ сектантовъ, переселявшихся добровольно, сосланы въ Минусинскій округъ около 59-ти лѣтъ

*) Т. е. попросту отдыхаютъ: праздниковъ у нихъ нѣтъ.

тому назадъ. Скопческая секта здѣсь не прививается, не увеличивается, вся ихъ дѣятельность ограничивается только тѣмъ, что они стараются «ссылаемыхъ въ Сибирь скопцовъ привлекать въ Минусинской округъ»), для чего ѣздятъ въ Томскъ и часто выхлопатываютъ оставить «братьевъ по духу» въ Минусинскомъ округѣ.

Скопцы замѣчательны, какъ первые аклиматизаторы культурныхъ растений въ Минусинскомъ округѣ, о чемъ мы будемъ говорить ниже, выясняя, что сдѣлали сектанты для Минусинскаго округа, какъ первые культурные пионеры.

Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ сектъ, въ Минусинскомъ округѣ есть одинъ штундистъ**), ученіе котораго ничѣмъ не отличается отъ ученія штундистовъ на Югѣ Россіи, съ которымъ читатели вѣроятно уже познакомились, благодаря значительному количеству матеріаловъ, собранныхъ о штундистахъ въ разныхъ газетахъ и журналахъ***). Всего одинъ представитель штундизма заставляетъ насъ ограничиться только сообщеніемъ факта пребыванія штундиста въ Минусинскомъ округѣ, котораго мѣстные жители называютъ «духовнымъ христіаниномъ».

Потомъ имѣется одинъ послѣдователь спасовскаго согласія, ученіе котораго заключается главнымъ образомъ въ надеждѣ спасенія отъ Спаса, т. е. Иисуса Христа; онъ признаетъ необходимость совершенія таинствъ по правиламъ древней до-никоновской церкви, хотя, въ виду того обстоятельства, что до-никоновское духовенство уничтожено, спасовцы допускаютъ возможность исполнять таинства — кромѣ исповѣди и причащенія — и въ церкви православной. По совершеніи таинствъ и обрядовъ въ православной церкви, настоятель ихъ налагаетъ на спасовцевъ постъ и эпитимию и этимъ, по ихъ мнѣнію, уничтожаетъ всѣ прибавки антихриста къ древнему благочестію. Передъ смертью спасовцы обращаются исключительно къ одному своему наставнику.

Послѣднее ученіе раздѣлялъ въ Минусинскомъ округѣ и одинъ еще умершій уже человекъ, кромѣ спасовца. Этотъ умершій къ спасовскому ученію прибавлялъ еще свое ученіе, заключавшееся

*) Въ самомъ Минусинскѣ есть одинъ проповѣдникъ скопчества, который называетъ себя „ангеломъ“ и твердо вѣруетъ въ непогрѣшимость скопческаго ученія; о другихъ мы не слыхали.

**) Не могли узнать, какъ онъ попалъ сюда: сосланъ-ли, пришелъ-ли добровольно или изъ мѣстныхъ учителей, принявшихъ штундизмъ, что возможно, такъ какъ помянутый штундистъ почитаетъ какого-то штундиста, проживающаго въ Красноярскѣ.

Ает.

***) См. между прочимъ „Рационализмъ на югѣ Россіи“. „Отеч. Записки“ 878 г.

въ томъ, что онъ считалъ еретикомъ всякаго, кто не носитъ деревяннаго креста, схожаго по формѣ съ крестомъ; какой прикладываютъ къ освященнымъ хлѣбамъ; деревянный крестъ долженъ быть потому, что Спасъ распятъ на деревянномъ крестѣ.

Человѣкъ этотъ умеръ, не оставивъ послѣдователей, мѣстные жители называли его «Немолякою».

IV.

Молоканамъ мы посвящаемъ отдѣльную главу, чего вполне заслуживаетъ эта интереснѣйшая секта, которую здѣсь, на официальномъ языкѣ, называютъ и духоборцами, и молоканами, и субботниками. Это невѣдѣніе со стороны мѣстной бюрократіи, которой не мѣшало-бы знать, что между духоборцами и молоканами мало сходства, что между этими послѣдними и субботниками—также значительное различіе; но объ этомъ послѣ, а теперь скажемъ, что молокане (субботники или іудействующіе и чистые молокане или воскресники) появились въ Минусинскомъ округѣ въ началѣ 50-хъ годовъ. Всѣ они, въ противоположность раньше описываемымъ сектамъ, ссыльные; посланы за вѣру въ Сибирь въ царствованіе Николая Павловича и сначала были поселены возлѣ города Красноярска, въ с. Заледеевскомъ; потомъ, благодаря ходатайствамъ, были переселены въ Минусинскій округъ, въ Шушенскую волость *), гдѣ и образовали громадную деревню Іюдина, которая также называется Сосы по имени рѣки, протекающей въ этой деревнѣ, а также Молоканы. Первое и послѣднее названія произошли отъ названія секты: іудействующая (іюдина) и молокане (Молоканы).—Всѣ молокане и субботники были когда-то помѣщичьи крестьяне губерній Воронежской, Саратовской и Самарской; нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, что, переселившись въ Сибирь, гдѣ они почувствовали себя несравнено свободнѣе, съ удвоенною энергіею взялись они за привычный крестьянскій трудъ и скоро на пустынныхъ берегахъ Абокала и Сосы, среди дикихъ инородцевъ, какъ изъ земли, выросла прекрасная большая деревня съ благоденствующимъ населеніемъ. Не было крестьянина, у котораго было-бы менѣе 30 штукъ рогатаго скота, столько-же лошадей, не говоря уже о домашней птицѣ; дѣвственные поля,

*) Въ «Мысли» (февраль 1881 г. «Что такое нашъ расколъ». Стр. 225). Шушенская волость называется Шунинская, а Минусинскій округъ—Мензелинскій. И то и другое, конечно, невѣрно и доказываетъ только малое знакомство съ Сибирью вообще, и съ Минусинскимъ округомъ въ особенности.

на которыхъ съ начала существованія міра ничего не росло, покрылись культурными растеніями, возлѣ каждого дома и вокругъ села зазеленѣли огороды съ невиданными доселѣ овощами. И все это, несмотря на то, что молокане были поставлены въ несравненно худшія условія, чѣмъ коренное населеніе Минусинскаго округа: сибиряки имѣютъ право разрабатывать земли сколько угодно, а лѣсъ хоть пали; молокане же, поселенные среди инородцевъ, получили только по 8 десятинъ на душу. Закипѣла жизнь въ этой недавней пустынѣ, потянулись по р. Енисею плоты, нагруженные хлѣбомъ и овощами, появились торныя дороги къ золотымъ приискамъ, гдѣ былъ главный сбытъ произведеній молоканъ и главный заработокъ; но и этимъ не ограничились молокане *): они начали сплавлять плоды усиленныхъ трудовъ своихъ на сѣверъ по Енисею, что для нихъ было не легко, такъ какъ молокане не имѣютъ права выѣзжать за границу Минусинскаго округа: приходилось имѣть столкновеніе съ чиновникомъ, а кому неизвѣстно, какъ это пріятно.. Домъ у каждого молоканина былъ, какъ говорится, полная чаша. Этому много способствовало еще очень важное обстоятельство въ жизни воскресниковъ (а не субботниковъ), а именно — пріѣздъ къ нимъ извѣстнаго Михаила Михайловича (?) Попова **), который сначала былъ сосланъ на Кавказъ, устроилъ тамъ секту «Общихъ», за то былъ сосланъ въ Сибирь и попалъ въ Минусинскій округъ, именно въ д. Юдино ***). Здѣсь энергично повелъ онъ пропаганду своихъ идей, благодаря чему нѣкоторое время у воскресниковъ былъ совершенно коммунальный строй: общезитія, совмѣстная обработка земли, равномерный дѣлежъ продуктовъ, денегъ и имущества. Но Поповъ почему-то долго въ Юдиной не прожилъ и уѣхалъ опять на Кавказъ ****), гдѣ и умеръ; уѣзжая, Поповъ роздалъ все свое громадное имущество и деньги молоканамъ, оставивъ самую небольшую сумму, необходимую для путешествія на Кавказъ; въ 1867 году, т. е. съ отъѣздомъ Попова, рухнулъ и созданный имъ строй. Случилось такъ, что съ отбытіемъ Михаила Михайловича на малоканъ посыпались различныя несчастія: неурожаи, падежи

*) Вездѣ, гдѣ мы говорили о молоканахъ, подразумѣваемъ и іудействующихихъ.

***) Юзовъ называетъ его Максимомъ Поповымъ, а минусинскіе молокане Инокентіемъ. Да тотъ-ли это? спрашиваю я, что секту «общихъ» на Кавказѣ устроилъ. — Конечно тотъ, отвѣчалъ увѣренно молоканинъ; — онъ намъ все рассказывалъ, какъ съ Кавказа пріѣхалъ.

***) Юдино въ 130 вер. отъ Минусинска.

****) Послѣ его отъѣзда въ д. Юдиной остались два его сына, которые также вскорѣ умерли.

скота и т. д.; все это вмѣстѣ взятое сильно отразилось на хозяйствѣ молоканъ, и теперь они живутъ, хотя и несравненно богаче коренныхъ сибиряковъ, но бѣднѣе, чѣмъ жили лѣтъ 10—15 тому назадъ; хлѣба они, положимъ, не покупали еще ни разу, до голоду очень далеко, а посѣти ихъ урожайной годъ, они совѣмъ оправятся; однако теперь имъ живется хуже прежняго; это и было, быть можетъ, причиною того, что въ Юдиной вдругъ выросло цѣлѣхъ 6 кабаковъ *), чего прежде не допустили-бы.

Деревня Юдино скоро была причислена къ Шушенской волости, при чемъ молокане сохранили право все сельское начальство выбирать изъ своей среды, т. е. старшинъ, кандидатѣвъ и даже писарей, такъ какъ для всѣхъ молоканъ грамотность обязательна; хотя въ Юдиной школы и нѣтъ, но родители сами очень усердно обучаютъ своихъ дѣтей. Молокане почти невѣдаютъ о существованіи другихъ сектъ, споровъ ни съ кѣмъ не ведутъ, соборовъ не собираютъ: живутъ мирно, покойно и твердо держатся своей вѣры, такъ что за 30 лѣтъ пребыванія ихъ въ Сибири не было еще ни одного случая отпаденія отъ нихъ, между тѣмъ, какъ въ другихъ сектахъ это происходитъ сплошь и рядомъ. Только разъ жизнь молоканъ была выведена изъ своей обыкновенной колеи, когда томскій архіерей пригласилъ молоканскихъ старцевъ для диспута и увѣщаній. Неохотно поѣхали старцы изъ своего Юдина, но возвратились назадъ еще болѣе твердыми въ своей вѣрѣ.

Теперь, прежде чѣмъ скажемъ объ ученіи молоканъ, сообщимъ о замѣчательномъ совпаденіи, которое читатель увидитъ ниже. Собирая свѣдѣнія о сектантахъ Минусинскаго округа, я уже успѣлъ познакомиться и поговорить съ «австрійскими», «еодоровскими» и другими сектантами; недоставало только знакомства съ молоканами, а такъ какъ они живутъ далеко отъ Минусинска, то я чуть было не потерялъ надежду разузнать о молоканахъ Минусинскаго округа, какъ вдругъ представился счастливый случай познакомиться съ молоканами. Въ ожиданіи такого знакомства, хотѣлось воспроизвести въ памяти подробности ученія молоканъ, для чего я хотѣлъ прочитать «Воспоминаніе о молоканахъ» Костомарова. Но молокане пришли раньше и я такимъ образомъ долженъ былъ говорить съ ними безъ предварительной подготовки. Каково-же было мое удивленіе, когда, взявъ на другой день соч. Костомарова

*) 6 кабаковъ въ селѣ для Сибири это такой minimum, который трудно вообразить; въ сибирскихъ деревняхъ и селахъ можно свободно предполагать кабака на каждые три дома—такого пьянства нѣтъ на всемъ земномъ шарѣ, какъ въ Сибири, такъ что 6 кабаковъ на 1000 человекъ—капля въ морѣ.

я убѣдился, что нетолько никакого нѣтъ различія между молоканами, съ которыми имѣлъ дѣло Костомаровъ и молоканами Минусинскаго округа, но даже случилось такое совпаденіе, что мнѣ молокане изложили свое ученіе въ такомъ порядкѣ, какъ оно изложено у Костомарова *). Сейчасъ-же помянутую статью я даль прочитатъ молоканамъ и, по прочтеніи ими, между нами произошелъ такой разговоръ:

— Этотъ самый Костомаровъ не былъ въ Іудиноу? спросили они меня.

— Нѣтъ, не былъ, отвѣчалъ я.

— А онъ самъ не молоканинъ?

— Нѣтъ.

— Эка штука! ужъ такъ вѣрно, такъ вѣрно—словно жилъ въ Іудиноу, и говорить, что это онъ описываетъ тѣхъ молоканъ, съ которыми случайно познакомился.

— Да пишеть то онъ такъ, да мы думали, что онъ это замываетъ для начальства...

Іудействующихъ или субботниковъ въ Іудиноу несравненно больше воскресниковъ или молоканъ, этихъ послѣднихъ не болѣе $\frac{1}{4}$ всего числа. Вотъ въ чемъ состоитъ ученіе субботниковъ: 1) Храмъ, церковь нужно понимать духовно, въ смыслѣ созиданія храма Богу добрыми дѣлами. 2) Священная и единственно авторитетная книга—ветхій завѣтъ, при чемъ все написанное въ немъ необходимо исполнять, не исключая и ветхо-завѣтной пасхи съ закланіемъ агнца, а также: не работать въ субботу, совершать обрѣзаніе, не ѣсть того, что запрещено Моисеемъ и т. д. 3) Субботники—новый израиль: еврей-израиль старый и находится въ изгнаніи. 4) Талмудъ—нелѣпая, недостойная книга. 5) Многое, написанное въ ветхомъ завѣтѣ, нужно понимать духовно. 6) «Пророчества»—важѣйшая изъ книгъ священнаго писанія. 7) Отрицаніе Троицы. 8) Иисусъ Христосъ не Богъ, а пророкъ... не выше Исаи, Іереми и другихъ. 9) Духъ Святой это тоже не Богъ, а символъ ума, мудрости, благодати. 10) Хотя книга новаго завѣта и достойна уваженія, но въ ней много выдумокъ, добавленій, а многое необходимо понимать духовно. 11) Иконы и другія вещественныя изображенія невещественнаго—идолопоклонство. 12) Буквоѣдство евреевъ доводитъ ихъ до того, что подъ Мессією они подразумѣваютъ явленіе земнаго царя, который явится, чтобы устроить для нихъ царство, гдѣ они будутъ кататься, какъ сыръ въ маслѣ; подъ прішествіемъ же Мессіи нужно подразумѣвать во-

*) См. «В. Е.» «Воспоминаніе о молоканахъ» Костомарова.

двореніе правды на землѣ, царство духа, разума, а не какое-то государство на теперешній манеръ; самъ мессія долженъ быть мужъ ученый, который водворитъ на земномъ шарѣ ветхозавѣтную вѣру.

Переходя затѣмъ къ ученію воскресниковъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на рационализмъ этой секты. Духъ свободомыслія проникаетъ все ученіе молоканъ. Собственно говоря, они, въ противоположность субботникамъ, признаютъ новый завѣтъ, но какъ признаютъ? Его узнать нельзя, слушая разсужденія молоканъ. Самый протестантизмъ кажется дѣтскимъ ученіемъ въ сравненіи съ ученіемъ молоканъ. Но приступимъ къ изложенію самаго ученія:

1) Вся обрядовая сторона совершенно отрицается молоканами; «молиться можно вездѣ», говорятъ они. 2) Иконы отрицаются. 3) Храмъ, въ видѣ зданія, существовать не долженъ; въ этомъ отношеніи молокане сходятся съ субботниками, отрицая, какъ и первые, священниковъ; молокане въ этомъ случаѣ ссылаются на апостола Павла, который «всѣхъ называлъ священниками». «Церковь — это общество, говорятъ они, устрояющее жизнь на началахъ правды, равенства, свободы и любви къ ближнему». 4) Отрицаніе всѣхъ таинствъ.

Нужно излагать весь Новый Завѣтъ, чтобы дать хотя приближительное понятіе, какъ его толкуютъ *молокане*. Они, напримѣръ, преслѣдуютъ въ ученіи Христа только главную идею, т. е. любовь къ ближнему, возможность счастья на землѣ для людей.

Повторяемъ, просторъ толкованіямъ данъ безграничный; мы увѣрены, что еслибы молокане сегодня-же нашли, что Новый Завѣтъ грѣшитъ противъ истины, какою она имъ представляется, они навѣрное-бы бросили его и послѣдовали за тѣмъ ученіемъ, которое показалось-бы имъ стоящимъ ближе къ истинѣ.

Субботники и *воскресники*, живя въ одной деревнѣ, споровъ не ведутъ, хотя близко и не сходятся; въ богослуженіи у нихъ замѣчается различіе: *субботники*, собираясь въ избу для молитвы, всѣ имѣютъ у себя книги и каждый читаетъ про себя или-же громко поетъ какой-нибудь стихъ, а вслѣдъ за нимъ поютъ, если желаютъ, и всѣ; желающіе могутъ говорить рѣчи на тему какого-нибудь текста изъ «Пророчествъ» или изъ книги ветхаго завѣта. У *воскресниковъ* библія имѣется у одного какого-нибудь старца, который и читаетъ ее вслухъ, говоритъ рѣчи и т. д. *Субботники* собираются по субботамъ; *воскресники* по воскресеньямъ. Для молитвы имѣются особыя избы, ничѣмъ не отличающіяся отъ другихъ крестьянскихъ избъ: никакихъ украшеній, иконъ или чего-либо подобнаго не имѣется: стоятъ скамейки, стулья, столы и только; *субботники* исполняютъ посты по ветхому завѣту; *воскрес-*

ники постятся скорѣе съ гигиеническою цѣлью. Не имѣя опредѣленныхъ постовъ, они постятся каждый, какъ ему вздумается. приче́мъ постъ не заключается только въ томъ, что наѣдаются постныхъ кулебякъ, рыбы и т. д.; молокане въ дни поста ѣдятъ ту-же пищу, что и въ скоромные дни, съ тѣмъ лишь различіемъ, что ѣдятъ меньше и рѣже, разъ въ сутки; постъ продолжается смотря по желанію.

Какъ *субботники*, такъ и *молокане* признають полную вѣротерпимость; у нихъ нѣтъ никакихъ суевѣрій, и предрасудковъ. Какъ у *субботниковъ*, такъ и у *молоканъ* царствуетъ полнѣйшая умѣренность; всѣ они живутъ въ довольствѣ, не отказывая себѣ въ необходимой здоровой пищѣ, но роскошь отрицають, стараясь «лучше хорошо жить встѣмъ, чѣмъ роскошно нѣкоторымъ»; избытокъ въ деньгахъ, имуществѣ и продуктахъ отдають болящимъ, неимущимъ и преслѣдуемымъ всякаго рода, хотя-бы они были и не изъ ихъ секты; преслѣдуемые всегда находятъ у *молоканъ* пріютъ.

Свободу толкованія Священнаго Писанія *молокане* распространяють и въ толкованіи на государственный строй: они не отрицають властей, коль скоро онѣ существуютъ, но не признають ихъ за непогрѣшимый авторитетъ, критикуютъ ихъ дѣйствія и т. д. *Молокане*, какъ и всѣ жители Минусинскаго округа отбываютъ всѣ повинности, платятъ подати; при поступленіи въ солдаты или какъ свидѣтели на судѣ они не присягаютъ, а даютъ только росписку.

И *иудействующіе* и *молокане* въ большинствѣ занимаются земледѣліемъ и только нѣкоторые торговлею; и тѣ и другіе очень любознательны, по степени развитія стоятъ не ниже «австрійскихъ» и, какъ и эти послѣдніе, выписываютъ газеты, читають журналы и имѣють небольшіе бібліотеки изъ разныхъ книгъ.

V.

До сихъ поръ мы говорили исключительно о духовной жизни сектантовъ, объ ихъ ученіяхъ, взглядахъ, столкновеніяхъ между собою, и т. д., словомъ, насколько могли нарисовали картину духовной жизни диссидентовъ Минусинскаго округа. Но знаніе только этой стороны не можетъ дать достаточнаго ознакомленія съ этими людьми. Каково ихъ экономическое положеніе? Грамотность? и т. п.

И здѣсь, въ Минусинскомъ округѣ, мы видимъ, что и въ экономическомъ, и въ умственномъ, и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ сектанты превосходятъ окружающую среду. Ся-

биряки многого не имѣли до появленія сектантовъ; они проявлялись только самыми элементарными предметами, для удовлетворенія своихъ ежедневныхъ потребностей, не помышляя, и не вѣдая даже объ улучшеніи чего-либо, объ акклиматизаціи болѣе лучшихъ растений, объ улучшеніи хозяйства и т. д. Въмѣстѣ съ «австрійскими» поморцами и молочанами, въ Минусинскомъ округѣ появилась пшеница-бѣлотурка, о существованіи которой сибиряки и не слыхивали. Съ появленіемъ-же сектантовъ начинается правильная торговля, сношеніе съ Европейской Россіей; на рынкѣ появляются новые продукты, возрастаютъ потребности, идутъ дѣятельныя сношенія между селами и деревнями всего округа, благодаря поселенію сектантовъ въ различныхъ пунктахъ; сектанты забираются въ такія дебри, куда прежде никто и не заглядывалъ; весь округъ изрѣзывается неофициальными дорогами; необходимость отстаивать свою вѣру, свои взгляды и убѣжденія заставляютъ сектантовъ, всѣхъ, безъ различія согласій, учиться грамотѣ, и мы видали, что большинство изъ нихъ умѣетъ читать и писать; грамотность и даже начитанность особенно замѣтны у австрійскихъ и молочанъ, изъ которыхъ многіе, какъ мы раньше сказали, выписываютъ газеты и журналы, интересуясь всѣмъ безъ исключенія, не говоря уже о томъ, что они имѣютъ всѣ книги, касающіяся ихъ вѣры. Вотъ какія газеты и журналы намъ приходилось видѣть у сектантовъ: «Русскія Вѣдомости», «Русскій Курьеръ», «Газету Гатцука», «Голосъ», «Живописное Обзорѣніе», «Отечественныя Записки», «Русскую Мысль», «Дѣло», соч. Мордовцева особенно популярень его «Великій Расколъ», соч. Костомарова, соч. Субботина (Исторія бѣлокриницкой іерархіи), соч. Масальскаго («Стрѣльцы»), соч. Николаева, соч. Павла Васильева, «Мысль», «Три челобитныя справщика Савватія, Саввы Романова», «Монахи Соловецкаго Монастыря», соч. Есипова («Раскольничьи дѣла XVIII столѣт.») и т. д., не говоря уже о соч. Гоголя, Некрасова и другихъ.

И. Б.

ВОРОВКА.

Очеркъ Чіамполи.

(Съ италіанскаго).

I.

Мужъ эмигрировалъ въ Америку, потому что дома, на родинѣ, невозможно было найти работы и прокормить семью. Жена осталась дома, осталась безъ башмаковъ, безъ рубашки, почти безъ куска хлѣба.

Вынимая изъ ушей жены золотыя приданья сережки и снимая съ ея пальца золотое обручальное кольцо, мужъ говорилъ:

— Черезъ мѣсяцъ или черезъ два я заработаю денегъ и куплю тебѣ другія, лучше этихъ!

Но серегъ и кольца не хватило. Онъ продалъ постели, кухонную посуду, столъ, шкафы и сундуки. Слѣпой могъ-бы въ опустѣлой избѣ хлѣбъ молотить; не за что было задѣть.

Наконецъ, въ сырой ноябрскій день, когда листья и снѣгъ падали на землю, онъ ушелъ. Ушелъ онъ веселый; въ глазахъ и въ сердцѣ свѣтилась надежда. Оборванные дѣти обнимали его колѣни, блѣдная жена вѣриво прижимала его къ своей груди, но удержать его ни дѣти, ни жена не могли. Онъ простился съ ними, не проронивъ слезы, и на послѣднемъ поворотѣ дороги не подумалъ даже помахать имъ платкомъ; надо думать, его одолевало нетерпѣнье добраться поскорѣй до корабля, который долженъ былъ увести его далеко, далеко. Онъ ни о чемъ не думалъ, а можетъ быть старался ни о чемъ не думать. Въ кабацкѣ «Золотой вѣтки», верстахъ въ четырехъ отъ роднаго села, онъ выпилъ, много выпилъ,

жадно, крупными глотками, и опять зашагаль, ни разу не взглянув назадъ. Ему все казалось, что обернись онъ, такъ увидить какъ на него еще глядятъ, какъ жена стоитъ на обрывѣ горы и своими исхудалыми руками протягиваетъ къ нему послѣдняго, пятого ребенка, увидить, какъ четверо малютокъ плачуть, прячась въ юбку матери.

Жена дѣйствительно тамъ еще стояла, глядя какъ онъ удалялся по большой дорогѣ, вытянувшейся далеко и пропадавшей во влажномъ туманѣ долины. Губы ея посинѣли; она крѣпко сжимала зубы; ея сухіе воспаленные глаза видѣли, какъ фигура мужа становилась все меньше и меньше, потомъ обратилась въ черную точку, потомъ совсѣмъ затерялась въ угрюмой дали.

Тогда она вернулась домой, въ свою хижину, состоявшую изъ двухъ холодныхъ пустыхъ комнатокъ. Сквозь разбитыя и заклеенныя масляной бумагой стекла оконъ врывались порывы вѣтра и просачивался холодный туманъ. Дѣти плакали. Она порывисто выдвинула ящикъ хромоногаго стола, достала ломоть хлѣба и подала его старшему ребенку.

— Ышьте!

Покуда дѣти жадно дѣлили между собой кусокъ хлѣба, она сѣла на соломенникъ, лежавшій на полу, и стала кормить младшаго своей сухой, обвисшей грудью. Ея черные глаза, полные отчаянія, уставились на полъ. Теперь она осталась одна, безъ ничего, даже безъ надежды скоро умереть, даже безъ своего стараго отца, который умеръ съ горя, когда она, противъ его воли, вышла замужъ за своего сокровище-муженька. И ей вспоминалось время, когда отецъ, вѣтошникъ, умѣлъ кормить и себя и дочь; когда она, одна она, царствовала въ своемъ бѣдномъ, но не знавшемъ голода домишкѣ. Какъ, бывало, она радовалась, каждый вечеръ, когда старикъ, обойдя тридцать, а иногда и больше сосѣднихъ деревушекъ, возвращался домой со своихъ дневныхъ странствій. Иногда онъ ей приносилъ подарки: когда платокъ, когда бусы. Она цѣловала отца; она такъ любила, такъ ласкала его. Но наступилъ день—о какой день! Она никогда его не забудетъ—день, который лишилъ ее душевнаго спокойствія.

Пеппе, сынъ тетки Лизы, вернулся домой, отслуживъ свой солдатскій срокъ. Пеппе былъ стрѣлокъ темнокудрый, сильный, плутоватый, развеселый. Какъ и за что она его полю-

била, она и сама не знаетъ. Можетъ быть именно потому, что всѣ его бранили. Можетъ быть потому, что она разъ вечеромъ подобрала его совсѣмъ пьянаго, валявшагося передъ ея домомъ, подобрала, помогла встать и усадила на гладкомъ камнѣ, на которомъ сама просиживала обыкновенно въ теплые лѣтніе сумерки. Онъ, однажды ночью, когда отца не было дома, разговаривалъ съ ней подъ окномъ. Въ другой разъ, они сошлись на крылечкѣ; онъ обѣщаль бросить пить, бросить карты, сдѣлаться хорошимъ, добрымъ парнемъ, какого лучше не надо. И въ самомъ дѣлѣ сдѣлался хорошимъ парнемъ.

Лѣтомъ, въ полуденный жаръ, когда вся деревня работала въ полѣ, онъ попалъ въ ея комнатку, прохладную и ласково темную отъ притворенныхъ ставень. Они говорили любовныя рѣчи; онъ точно вдругъ обезумѣлъ: обнялъ ее, задушилъ поцѣлуями, крѣпко-крѣпко прижалъ къ своему сердцу, и она стала принадлежать ему. Съ тѣхъ поръ она не знала ни минуты покоя. Она не смѣла приласкаться къ отцу и не имѣла духу разорвать связь съ милымъ; она боялась одного, любила другого; ей-бы хотѣлось, чтобы они жили вмѣстѣ дружно, какъ отецъ съ сыномъ, а между тѣмъ они ненавидѣли другъ друга. Они, какъ волки, готовы были растерзать другъ друга.

О, ужась! Ей пришлось сознаться, что она скоро будетъ матерью. Отецъ презиралъ Пеппе, готовъ былъ утопить его въ каплѣ воды. Но возврата не было.

Свадьбу съиграли тихомолкомъ: не зажигали огней, не пекли пироговъ. Отецъ взвалилъ себѣ на плечи мѣшокъ съ тряпками и ушелъ изъ дому, а Пеппе пошелъ съ пріятелями въ кабакъ. Она осталась одна со своими слезами: какъ она только всего сердца не выплакала! Подруги не приходили ее поздравлять, чествовать деревенскими пѣснями и забавами. Сосѣдки обращались съ ней не такъ, какъ прежде. Она чувствовала себя покинутой, одинокой; матери у ней не было, и никто на свѣтѣ ее не любилъ. Даже онъ, ея Пеппе, оставялъ ее. — «Вино лучше бабы, сталъ онъ поговаривать; — въ кабакъ веселѣе, чѣмъ дома». Время усилило горе отца; усилило и пороки Пеппе. И ея мученья выросли. Отецъ умеръ; мужъ теперь уѣхалъ въ Америку, она осталась одна; ей приходилось биться съ жизнью, кормить пятерыхъ дѣтей. Ужъ

такъ ведется на свѣтѣ, что у кого хлѣба нѣтъ, у того есть дѣти, требующія хлѣба.

Да, Америка! Не мало народу уходило туда, не мало и возвращалось съ пустой сумой, съ болѣзнью и нуждой оттуда. Но Пеппе и слышать этого не хотѣлъ, когда его отговаривали. Онъ самъ зналъ; онъ одинъ знаетъ. Вотъ уже увидятъ, когда онъ вернется; тогда онъ на чистыя денежки всю деревню скупить; только-бы не мѣшали ему теперь изъ этой деревни выбраться.

Ну и выбрался. «Что я теперь буду дѣлать?» спрашивала себя бѣдная женщина, сидя на соломенникѣ, съ хилымъ младенцемъ на рукахъ, сосавшимъ тощую грудь. А остальные ребятишки тоже жались къ ней, словно хотѣли укрыться отъ холода, врывавшагося сквозь разбитыя окна.

Всю ночь она проплакала; дѣти лежали около бѣдныхъ, съ темными кругами подъ глазами, но спали по-дѣтски—крѣпко. Она не потушила лампадки; ей было страшно. Иногда, глядя на ребятишекъ, ей казалось, что они умерли; она хотѣла ихъ разбудить; склонялась къ нимъ прислушивалась къ ихъ дыханію, трогала ихъ головки и груди. Это ее нѣсколько успокоивало, но плакать она не переставала.

Прошли три дня, три долгихъ мучительныхъ дня. Хлѣбъ еще былъ, потому что отъ распродажи вещей у нее осталось нѣсколько грошей.

Ея страданье было глубоко, но безмолвно. Она давно привыкла болѣть душой, но отъ этого новаго горя она словно отупѣла совсѣмъ. Видомъ она напоминала болѣзненную дѣвушку: худощавая, тонкая, съ оливковымъ цвѣтомъ лица, съ широко раскрытыми черными задумчивыми глазами. А вмѣстѣ съ тѣмъ, слабая и измученная, она боролась съ жизнью, какъ цѣлый десятокъ мужчинъ. Иногда подъ оливковымъ оттѣнкомъ ея щекъ разливался слабый румянецъ; глаза ея тогда ярко блистали сквозь слезы, блистали чѣмъ-то угрожающимъ и смѣлымъ; бѣдныя губы складывались въ горькую улыбку, и по всему ея существу пробѣгала дрожь, словно ее прохватывалъ холодный нагорный вѣтеръ.

На четвертый день она встала съ мучительнымъ сознаниемъ, что для дѣтей хлѣба больше нѣтъ.

Ночью выпалъ снѣгъ. Его бѣдный отблескъ проникъ въ избушку съ утреннимъ свѣтомъ.

относилась со священнымъ ужасомъ. Сначала она колебалась. Потомъ наотрѣвъ отказалась подписаться. Господинъ видимо былъ недоволенъ; сопровождавшій его старикашка подталкивалъ ее локтемъ и уговаривалъ. И документъ, наконецъ, былъ подписанъ.

Но когда пришлось разставаться съ дѣтьми, дѣло оказалось еще затруднительнѣе. За ними пріѣхали вечеромъ, когда стемнѣло; мать ихъ обнимала, плакала и ни за что не хотѣла отпустить.

— Ну, ладно. Морите ихъ голодомъ! Ваши дѣти.

Женщина, сдѣлавъ надъ собой невѣроятное усиліе, сказала: «возьмите». И зарыдала.

— Ахъ, голодь, голодь! вздыхалъ на другой день приходскій попъ, обращаясь къ своей служанкѣ и разрѣзая свиную котлету.—Чего съ голоду люди не дѣлаютъ. Слышала ты? Марія-то двухъ своихъ дѣтей продала этому шарлатану, что ребятъ посылаетъ въ Америку по улицамъ на волынкахъ да на бубнахъ играть, кувыряться...

— Господи Іисусе Христе, экая мать, подумаешь! Волчица, а не мать!

II.

Двадцать, да еще двадцать будетъ сорокъ. Сорокъ франковъ. Кладъ вѣдь это. Во всю свою жизнь Марія не видывала столько денегъ. Она аккуратно сложила бумажки, завернула ихъ въ уголь платка, уголь покрѣпче завязала и спрятала его въ свой соломенникъ. А сама все думала о дѣтяхъ, которыхъ увезли далеко, очень далеко. За-то они не будутъ мерзнуть, не будутъ голодать, будутъ играть съ другими ребятами, будутъ вспоминать маму. Конечно, будутъ вспоминать. «А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я схожу ихъ провѣдать; то-то будутъ рады. Что-же? И лучше, что я ихъ отдала».

Она примирилась. Но примиреніе было обманчиво; бѣдная женщина сама себя обманывала: горе все больше и больше раздѣдало кровавую рану на ея сердцѣ. По цѣлымъ часамъ она оставалась неподвижна, мрачна, сидѣла, устремивъ глаза въ одну точку, и думала о мужѣ. Грудного младенца она кормила машинально; оставшіяся дѣти словно не существовали для нея.

Между тѣмъ въ деревнѣ шли толки.

— Марія продала двухъ дѣтей! Повѣсить ее за это мало!

У деревенскихъ бабъ только и разговору было объ этомъ звѣрскомъ поступкѣ; черезъ мѣсяцъ, Богъ знаетъ, чего только на нее не напели. Когда въ воскресенье она приходила въ церковь, отъ нее сторонились, какъ отъ проваженной, и разглядывали ее издали: «какое, дескать, у ней лицо теперь стало». Сосѣдки перестали съ ней здороваться. Ребятишки указывали на нее пальцами и спрашивали матерей: «это та, что дѣтей продала?» Священникъ за обѣдней сказалъ проповѣдь объ испорченности современныхъ нравовъ и въ особенности о матеряхъ, которыя продаютъ свою плоть и кровь. Какая-то ужасная пустыня, одиночество разрастались кругомъ Маріи; ей такъ была необходима поддержка, доброе слово, а между тѣмъ она чувствовала, какъ почва уходитъ у нея изъ подъ ногъ. Она не понимала за что и почему? Всѣ съ ней обращались дурно, но никто ей ничего не объяснялъ. Она думала, что ее презираютъ, какъ покинутую мужемъ жену; она молчала, а сердце ея обливалось кровью.

Разъ къ ней зашелъ хозяинъ кабака и показалъ счетъ, по которому ея мужъ оставался ему долженъ нѣсколько франковъ.

— Я знаю, что ты нынче при деньгахъ, сказалъ онъ, неприятно усмѣхаясь.

Ни слова не говоря, она заплатила долгъ мужа. Въ тотъ же день появился хозяинъ домишка, въ которомъ она жила.

— Или заплатите, или выбирайтесь вонъ! грубо кричалъ онъ и махалъ палкой, словно хотѣлъ ее побить.

И она, тоже не говоря ни слова, заплатила, что слѣдовало.

Сорокъ франковъ исчезли; ихъ, словно туманъ, вѣтромъ разнесло. Опять наступили дни жестокой нужды: черные дни, долгіе, безнадежные. Свѣтъ божій темнѣлъ у бѣдной передъ глазами, и небо словно мракомъ одѣвало землю. А ребятишки дрожали отъ холоду. Когда старшій мальчуганъ сажалъ себѣ на колѣни грудного братишку, она глядѣла въ окно, на окружающій широкій, безмолвный деревенскій просторъ. Она закрывала глаза и ей становилось страшно отъ охватывавшаго ея безмолвія: точно она погружалась въ темную глубокую

пропасть. Въ такія минуты даже жалобный плачь дѣтей почти что оживлялъ, ободрялъ ее.

Однажды, глядя въ окно, она увидала, какъ какой-то крестьянинъ спускался съ горы и тащилъ на спинѣ огромную связку топлива. Улыбка скользнула по ея губамъ, она взглянула на дѣтей, дрожавшихъ отъ холода; на очагѣ не было ни щепки, ни уголька. Марія взяла на руки грудного ребенка, сунула ему въ ротъ грудь и сказала старшенькому:

— Ты за братомъ сьумѣешь приглядѣть, повуда я пойду за дровами?

— Присмотрю, мама.

— Не будете плакать?..

— Не будемъ.

Покормивъ младенца, она положила его на соломенникъ и вышла на улицу. Морозный воздухъ рѣзалъ ей лице; снѣгъ ледянилъ ноги. Порывы начинающейся метели охватывали ее со всѣхъ сторонъ. Она шла, не останавливаясь, по направленію къ лѣсу.

Домой она вернулась вся промокшая, но за то принесла огромную вязанку сухихъ прутьевъ и тотчасъ-же развела славный, веселый огонь. Даже сама повеселѣла, глядя на радостныя личики ребятишекъ.

Приближалось Рождество, которое и богатый, и бѣдный старается провести весело, а ей не отъ кула было корки хлѣба достать. Пойти собирать, собирать милостыню?.. Нѣтъ, ужъ лучше руки себѣ грызть. Да и кто еще захочетъ помочь ей? Она дѣтей продала; она звѣрь женщина; еще спасибо, что деревенскіе люди камнями ее не побили. Ужъ по деревнѣ про нее пустили слухъ, будто до замужества она удавила двухъ своихъ младенцевъ.

Надвигалась ночь рождественскаго сочельника. Ни у матери, ни у дѣтей съ утра маковой росинки во рту не было. А съ сосѣднихъ домовъ долеталъ запахъ приготовляемыхъ къ празднику лакомыхъ яствъ. Дѣтки дремали передъ потухающимъ очагомъ. Слезы текли по лицу бѣдной женщины; она вытирала ихъ своими красными руками. Она о чемъ-то раздумывала: покачала головой, встала и вышла на улицу, осторожно притворивъ за собой дверь.

Ночь была темная. Въ домахъ слышался звонъ посуды; на улицѣ свистѣлъ сѣверный вѣтеръ. Она приблизилась къ воро-

тамъ какого-то сарайчика; блеснулъ свѣтъ и потомъ словно потухъ. Марія проворно отбѣжала и спряталась за живую изгородь около домика, въ которомъ всѣ собирались праздновать Рождество. Черезъ нѣсколько минутъ вспыхнуло сѣно въ сарайчикѣ. Изъ дому выбѣжалъ хозяинъ, за нимъ всѣ домашніе; они спѣшили потушить пожаръ, звали сосѣдей на помощь. Марія, осторожно крадучись, выбралась изъ за-изгороди и проникла въ оставленный хозяевами домъ. Какъ волкъ кинулась она къ столу, захватила все, что могла: хлѣбъ, рыбу, бутылку вина, вышла опять на улицу, и, никѣмъ не замѣченная, исчезла, во мракѣ.

— Господи, прости меня, шептала она, когда, едва дыша, не чувствуя ногъ подъ собою, вернулась домой и опустилась на земь.— Не умирать-же дѣтямъ съ голоду.

Съ тѣхъ поръ для нее началась новая жизнь. Никто ей не помогъ, она сама должна была помогать себѣ. Мысль о дѣтяхъ заглушила въ ней голосъ совѣсти. Но покоя она не знала ни минуты. Она трепетала при каждомъ шагѣ, при каждомъ движеніи. Чувство страха усиливалось при каждомъ новомъ воровствѣ. Она пресмыкалась какъ змѣя, подстерегала какъ кошка. Бывали минуты, когда воровство доставляло ей радость; она любовалась видомъ накормленныхъ и напоенныхъ дѣтей, веселыхъ, румяныхъ. Она ухитрилась отлично воровать куръ и много ихъ переворовала.

Однажды, придя на исповѣдь къ старому сельскому попу, она долго говорила ему о своихъ вымышленныхъ грѣхахъ, скрывая настоящіе, и подмѣтивъ, что священникъ задремалъ, слушая ее, она стащила потихоньку лежавшую около него серебряную табакерку. Изъ сараевъ у сосѣдей исчезали охапки сѣна и соломы, съ дворовъ—топливо. На деревьяхъ рѣдѣли плоды. Разъ утромъ замѣтили, что замокъ, висѣвшій у калитки огорода, принадлежавшаго аптекарю, былъ сорванъ.

Въ деревнѣ, конечно, шли толки объ этихъ покражахъ. Мѣстный судья о нихъ узналъ, и въ одинъ изъ рѣдкихъ моментовъ, когда судья вспоминалъ о Ѳемидѣ, которой служилъ, онъ сказалъ мѣстному полицейскому начальнику, жандармскому бригадиру, а бригадиръ шепнулъ, что слѣдуетъ, своимъ подчиненнымъ карабинерамъ. Но воры не даромъ воры. На другой-же день у самаго бригадира пропали штаны, которые

онъ, вымывъ, повѣсилъ просушить на солнышко. У судьи-же пропаль плащъ. Впрочемъ, говорятъ, что судья самъ потерялъ его, возвращаясь домой изъ гостей больно навеселѣ. Эти двѣ пропажи надѣлали большого шума, и, «по слухамъ», заподозрили и захватили трехъ парней-гулякъ.

Разъ какъ-то въ полѣ, недалеко отъ деревни, расположился на ночлегъ таборъ кочующихъ цыганъ. Марія, возвращаясь домой, съ собранными въ лѣсу прутьями завидѣла костры и приблизилась къ шатрамъ. Женщины встрѣтили ее улыбкой своихъ янтарно-дрѣтныхъ лицъ, сверкнули бѣлыми зубами и горячими глазами; мужчины дали ей мѣсто около огня. Цыганка взяла ее руку и, глядя на нее бархатистыми глазами, промолвила:

— Ты теперь бѣдна, а скоро разбогатѣешь.

Марія горько улыбнулась.

Черный, какъ уголь цыганъ, пододвинулся къ ней поближе и завелъ съ ней долгій разговоръ.

Когда она вернулась домой, дѣти сидѣли около огня. Она взяла на руки груднаго, сѣла на соломенникъ и заплакала. Относительно она теперь не нуждалась. Дѣти не мерзли и не голодали, но сердце ея ни минуты не знало покоя: она дрожала отъ пороха листьевъ. День проходилъ въ страхѣ, ночь безъ сна.

Въ этотъ вечеръ ей было невыносимо тяжело. Она вспоминала о «проданныхъ» дѣтяхъ! А что если ихъ мучаютъ; что если они и голодны, и холодны? Ей казалось, что она слышитъ стоны и дѣтскій плачъ: «Мама! Мама!» И звучали у нея въ ухахъ слова сосѣдки:

— Живодерка ты этакая, дѣтей родныхъ продала!

Всѣ дѣтки этой сосѣдки были съ матерью; она ихъ ласкала, цѣловала, къ груди прижимала. А что если-бы и у нея, у этой сосѣдки, украли дѣтей?

Дрожь пробирала Марію; она сама себя не помнила. Она машинально хотѣла за что-то схватиться руками, за что-то, ускользавшее отъ нея.

Въ полночь кто-то легонько стукнулъ къ ней въ дверь; затѣмъ показалась черная фигура цыгана. Она взглянула на спящихъ дѣтей, потушила огонь и вышла изъ дому тихо, неслышно, какъ тѣнь.

На другой день сосѣдка Маріи съ распущенными воло-

сами бѣгала по всему селу и отчаянными криками призывала своихъ дѣтей. Ночью украли ихъ. Карабинеры-же, подъ предводительствомъ судебного слѣдователя, явились въ домъ известнаго скряги дона Лента, у котораго воры знатно поживились, предварительно увязавъ жалкаго стариченка, какъ копченую колбасу, и засунувъ ему въ ротъ платокъ, чтобы онъ не кричалъ.

Цыгане-же еще на разсвѣтѣ сняли свои шатры; ихъ таборъ ушолъ; его и слѣдъ простылъ.

Марія, стоя на порогѣ своего дома, глядѣла, какъ сосѣдка бѣгала взадъ и впередъ по всѣмъ закоулкамъ села, вся покрытая уличной грязью; юбки у ней волочились по грязи; она выла и причитала, словно въ ней бѣсъ поселился.

— Дѣти мои! дѣти! Не видаль-ли кто моихъ дѣтей? Отдайте-же мнѣ моихъ ребятъ!

И Марія, глядя на сосѣдку, ощущала какую-то дикую радость. Вѣдь и она тоже потеряла своихъ дѣтей. Она ихъ довѣрила незнакому человеку и не знала теперь даже живы они или нѣтъ. Отчего никто не могъ понять ея глубокаго, нѣмого страданья? Отчего ее оскорбляли, говоря, что она прѣдала дѣтей? Теперь, видя бѣшеное отчаяніе другой матери, Марія холодно наблюдала за ней и испытывала какое-то горькое успокоеніе. Другая мать сходила съ ума отъ горя, которая она сама умѣла скрывать въ глубинѣ своего сердца. Марія наслаждалась чувствомъ отраднаго мщенія. И вдругъ эта несчастная, пробѣгая мимо Маріи, подошла къ ней, обняла ее, прижалась къ ея плечу увлажненнымъ слезами лицомъ и сказала ей голосомъ, прерывающимся отъ рыданій:

— Нѣтъ, Марія... Ты не могла продать дѣтей. Нельзя дѣтей продать. Прости ты меня. Согрѣшила я передъ тобой.

Марія была такъ этимъ поражена, что чуть было не созналась ей во всемъ и не навела ее на слѣдъ цыганъ. Но она удержалась, промолчала; очень ужъ сладко сознавать, что чужое сердце мучится тѣмъ-же горемъ, какъ и твое собственное.

Между тѣмъ необычайно смѣлое воровство привело въ смятеніе все село. По ночамъ всѣ хозяева выпускали своихъ сторожевыхъ собакъ, плотно запирали ставни; приставляли къ дверямъ крѣпкіе запоры. Карабинеры прогуливались по улицѣ

отъ захода до восхода солнца. Мѣстная провинціальная газетка обращала особенное вниманіе правительства на положеніе этого села. Мѣстный депутат собирался сдѣлать въ парламентѣ запросъ правительству. Всѣмъ повсюду мерещились воры и разбойники. Родственники и друзья подозрительно, изъ подлобья, слѣдили другъ за другомъ. Судебный слѣдователь изъ кожи лѣзъ, но ничего не могъ открыть. Скрыга Лента горько оплакивалъ украденныя у него триста скуди. Въ пылу своихъ разговоровъ, кумушки позабывали даже гнущаться Маріей; она стала появляться между ними и вмѣстѣ съ другими иногда обсуждала причины общаго бѣдствія. Она стала смѣлѣе. До того смѣла, что однажды повѣдала сосѣдкамъ о только что полученномъ отъ мужа изъ Америки письмѣ «со вложеніемъ»; онъ ей прислалъ цѣлыя 100 франковъ. Этакая великая страна эта Америка, подумаешь! А тоже не хвалили эту Америку; говорили, что туда не надо ѣхать. А видите: на повѣрку выходитъ, что онъ изъ Америки досталъ деньги домой прислать. Нѣкоторые изъ поселянъ стали поговаривать, что весной и сами туда отправятся. Были такіе смѣлчаки, что и женъ и дѣтей собирались туда забрать съ собой. Никто теперь и не думалъ ни въ чемъ упрекать Марію, потому что жила она скромно, но далеко лучше прежняго: дѣтки стали бѣлыя да румяныя, и въ дому у ней было чисто. Что мудренаго! Мужъ трудился въ потѣ лица своего и изъ богатой стороны посылъ ей деньги. Марія была женщина осторожная и лишняго не болтала. Когда она откормила и выходила старшаго мальчишечку, она отдала его въ ученіе къ мѣстному цирюльнику. Мальчику было тогда 7 лѣтъ только. Оно и хорошо; пусть съ раннихъ лѣтъ приучается себѣ кусокъ хлѣба добывать. Она и сама себѣ работы искала повсюду; особенно усердно просила она жену слѣдователя доставить ей какую ни на есть работу.

Однажды, когда Марія, съ младшимъ ребенкомъ на рукахъ, разговаривала съ этой доброй барыней, барыня внимательно глядѣла на ея грудь и какъ будто чему-то вдругъ очень удивилась. Марія замѣтила это; тоже себѣ на груди поглядѣла, но ничего не замѣтила особеннаго, только запонки не хватало на рубашкѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ барыня вышла въ другую комнату и вскорѣ вернулась въ сопровожденіи мужа.

— Да, да, дѣйствительно странно, вскользь замѣтилъ онъ женѣ, тоже внимательно устремивъ глаза на грудь Маріи.

Она поблѣднѣла, и стала было прощаться, чтобы идти домой, но слѣдователь удержалъ ее.

— Нѣтъ, ужь ты тутъ покуда побудь, Марія, ласково сказалъ онъ ей, — мнѣ надо отлучиться на часокъ; жена одна останется. Ты посиди покуда, ей не такъ скучно будетъ.

Марія вспыхнула; никогда слѣдователь не обращался съ ней такъ благосклонно. Эта любезность ее встревожила; еще пуще захотѣлось ей уйти домой, но, не смѣя ослушаться барина, она должна была остаться. Барыня усадила ее около камина; сѣла сама. Онѣ обѣ пытались продолжать прерванный разговоръ, но разговоръ не вязался. Хозяйка по временамъ какъ-то беспокойно взглядывала на дверь; Марія сидѣла, какъ на иголкахъ. Ее мучило какое-то тоскливое предчувствіе, но она старалась скрыть свою тревогу. Черезъ часъ безъ малаго возвратился слѣдователь; онъ былъ взволнованъ; войдя въ комнату, онъ плотно приперъ за собою дверь, но слышно было, что за дверью стояло нѣсколько человѣкъ. Онъ подошелъ близко къ Маріи и, взглядываясь въ ея глаза, сказалъ:

— Вора открыли теперь. Воръ—ты!

Марія пошатнулась и помертвѣла.

— Эта запонка, видишь, была украдена у Ленто; у него другая осталась. А эта, краденая, была у тебя. Ты ее потеряла... А затѣмъ, отвѣчай, откуда у тебя всѣ эти деньги взялись?

И слѣдователь показалъ ей горсть золота.

— Мой мужъ, залепетала, было, женщина...

— Неправда! прикрикнулъ слѣдователь.

— Да какое это такое золото? рѣшилась она спросить...

— А такое, что мы у тебя въ комнатѣ нашли; въ соломинникѣ было спрятано. Вотъ какое.

Марія упала въ ноги слѣдователю.

Карabinieri, стоявшіе за дверью, подхватили ее подъ руки и вывели на улицу. Приходилось пробиваться сквозь толпу, которая хотѣла воровку на мелкіе кусочки разорвать. Около самой тюрьмы, изъ-за угла переулка, выбѣжала ей навстрѣчу

та несчастная мать, у которой украли дѣтей; какъ волчица кинулась она къ ней, съ сжатыми кулаками.

— Отдай мнѣ ихъ! Отдай мнѣ дѣтей! бѣшено кричала мать.

Марія крѣпко прижимала къ себѣ своего ребенка, горько улыбулась и вошла въ тюрьму.

ВЪ КАПИЩѢ ЗОЛОТОГО ТЕЛЬЦА.

Очеркъ.

I.

На большомъ домѣ, съ вывѣсками разныхъ спекулятивныхъ учреждений, явилась новая вывѣска: «Пшенично-кукурузный земельный банкъ», а у воротъ—большая рука въ манжетѣ, палецъ которой указывалъ на широкую лѣстницу въ бельэтажъ.

Въ высокихъ, свѣтлыхъ комнатахъ новорожденный банкъ начиналъ свои операціи. Въ приѣмной, за дорогими письменными столами, сидѣлъ секретарь съ тремя помощниками.

Секретарь, Илюдоръ Алексѣевичъ Плисковъ, брюнетъ за тридцать лѣтъ, имѣлъ такой мрачный, сердитый видъ, что иной заемщикъ, пришедшій за справками, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ его столу, поворачивался и шелъ къ кому-нибудь изъ помощниковъ, казавшихся подобрѣе.

Россійская судьба, которая такъ зло шутитъ надъ людьми, размѣщая ихъ не по своимъ мѣстамъ, посадила Плискова въ банкъ, между тѣмъ какъ его настоящее мѣсто—въ редакціи издававшейся въ городѣ газеты. Но ужъ таково свойство русской жизни, что въ этой редакціи работали гешефтъ-махеры, готовые по заказу писать передовицы въ какомъ угодно духѣ, а въ банкѣ сидѣлъ Плисковъ, жаждавшій литературной работы.

Черный грекъ Димитраки, съ маленькими глазками, съ перомъ за ухомъ, въ лѣнливой позѣ развалился въ креслѣ и слушалъ, какъ юноша съ пухлыми щеками, съ глазами на выкатѣ, полушепотомъ рассказывалъ ему что-то, безпрѣстанно поглядывая на двери, за которыми было засѣданіе правленія банка.

— Врете, Шварцъ!.. сказалъ наконецъ Димитраки и вынулъ перо изъ-за уха.

— Честное, благородное слово!..

— Все равно врете!

— Ну, какъ хотите, вѣрьте или не вѣрьте!.. обидчиво сказалъ Шварцъ и съ громомъ раскрылъ свой «исходящій» въ толстомъ красивомъ переплетѣ.

Третій помощникъ, Степановъ, представлялъ превосходный оригиналъ для статуи чиновника. Съ безпокойно бѣгающими глазками, онъ сидѣлъ въ глубокомысленной позѣ, съ перомъ въ рукѣ, приложивъ указательный палецъ къ лбу, — потомъ вдругъ, отчеканивая каждое слово, произнесъ, обратившись къ секретарю:

— Илюдоръ Алексѣевичъ, позвольте освѣдомиться, не обезпокою-ли я васъ однимъ вопросомъ?

— Нѣтъ... отвѣтилъ секретарь, точно проснувшись.

Онъ сидѣлъ въ креслѣ бокомъ, свѣсивъ ноги черезъ его ручку, глубоко погружившись въ какія-то думы.

— Вы изволили написать, продолжалъ Степановъ, — «господину агенту»... Позвольте узнать, не изволили ли вы нечаянно пропустить слова «его высокоблагородію»?

— Нѣтъ. Зачѣмъ-же это? Я держусь правила — какъ можно больше сокращать работу переписчиковъ.

— Да!.. Я понимаю... Но ежели господинъ агентъ усмотритъ въ этомъ неуважительное отношеніе къ себѣ со стороны правленія банка?

— А вы думаете, что онъ очень глупъ?

Шварцъ и Димитраки засмѣялись. Глазки Степанова забѣгали еще быстрѣе, лицо сдѣлалось комично серьезнымъ.

— Я не имѣю чести знать господина агента, произнесъ онъ, — но, прослуживъ въ правительственномъ мѣстѣ десять лѣтъ, я имѣю смѣлость полагать, что титулъ «его высокоблагородію» есть необходимая вѣжливость въ бумагахъ, долговременною практикою установленная.

Въ это время дверь изъ правленія быстро отворилась, и изъ нея выглянулъ худощавый господинъ. Сквозь зубы онъ произнесъ какую-то фразу и нервнымъ движеніемъ опять хлопнулъ дверь.

На лицѣ Шварца нарисовалось недоумѣніе: онъ старался понять смыслъ, очевидно, какого-то приказанія.

— Вы не разслышали, что онъ сказалъ? спросилъ онъ Димитраки.

Тотъ отрицательно пожалъ плечами.

— Угадай, а не то я тебя пожру, произнесъ Степановъ.

— Чортъ его знаетъ! Илюдоръ Алексѣевичъ, я пойду, его спрошу.

— Какъ хотите... Я не пошелъ-бы, отвѣтилъ Плисковъ.

— Нельзя, разсердится...

Шварцъ пріотворилъ дверь въ правленіе и робко сказалъ:

— Мы не разслышали, что вы приказали.

— Еще-бы вы слышали! раздалось въ кабинетѣ, — развѣ вы дѣломъ заняты?.. Гдѣ-же были ваши уши, господинъ Шварцъ? На улицѣ? Въ театрѣ? На бульварѣ?.. Гдѣ угодно, только не въ банкѣ! Позовите предсѣдателя оцѣночной коммисіи. Слышали?

— Слышалъ... отвѣтилъ Шварцъ, какъ гимназистъ говорить учителю «понялъ», и побѣжалъ въ другую комнату.

— Чортъ знаетъ что такое! ворчалъ онъ, вернувшись къ своему столу:—опять онъ не въ духѣ... Его вѣжливо спрашиваешь, а онъ кричитъ, точно я его лакей.

— Что вамъ за охота къ нему соваться? замѣтилъ секретарь.

Въ комнату вошелъ старикъ, съ бѣлыми волосами, съ выбритымъ улыбающимся лицомъ. Это былъ предсѣдатель оцѣночной коммисіи, Сергій Сергѣевичъ Грачъ. Сдѣлавъ книксенъ и пославъ рукой воздушный поцѣлуй всѣмъ присутствующимъ, онъ потянулъ въ себя воздухъ и сказалъ:

— А что, господа, дамочками не пахнетъ?

— Нѣтъ дамочекъ, многоуважаемый Сергій Сергѣевичъ, отвѣтилъ Димитраки.

Старикъ состроилъ шутовское серьезное лицо, вытянулъ руки по швамъ и промаршировалъ въ правленіе.

Тамъ, за большимъ столомъ, сидѣло тріо: посрединѣ—маленькій, добродушнаго вида старичекъ Апфель, маститый боецъ на бранномъ полѣ спекуляціи; рядомъ сидѣли члены правленія—Хризанфъ, тоже старикъ, плотный, широкой кости, и высокій, нервный Басинскій.

Этотъ совѣтъ только что обсудилъ предложенный Апфелемъ планъ кампаніи, имѣвшій цѣлью устранить препятствіе, заключавшееся въ конкуренціи двухъ старыхъ банковъ. Всѣ трое

курили. Басинскій былъ уже въ хорошемъ настроеніи духа и встрѣтилъ Грача съ радушной улыбкой.

— А я думалъ, что у васъ какая-нибудь хорошенькая заемщица, сказалъ старикъ, подавая всѣмъ руку.

— Эхъ вы, бабникъ!.. сказалъ Хризанфъ.

— А вы нѣтъ?

— Гдѣ ужъ мнѣ, старику...

— Знаю я васъ, знаю...

— Будутъ и бабы, Сергѣй Сергѣевичъ, погодите, произнесъ Басинскій, — а теперь о дѣлѣ потолкуемъ.

— Присядьте, Сергѣй Сергѣевичъ, пригласилъ Апфель. — намъ надо побесѣдовать насчетъ оцѣнокъ... Извольте видѣть: мы имѣемъ двухъ конкурентовъ... На первыхъ порахъ въ публикѣ можетъ быть предубѣжденіе противъ нашего банка, какъ новаго... Мы его должны разсѣять. Мы полагаемъ въ первый годъ выдать ссудъ на пятнадцать милліоновъ.

Глаза Грача выразили сомнѣніе.

— Дай Богъ! сказалъ онъ, — но мудрено, мнѣ кажется, на такую сумму.

— О, нѣтъ! Это вовсе не мудрено, покойно возразилъ Апфель; — мы не будемъ скупиться при опредѣленіи размѣра ссуды. Будемъ выдавать всѣ 60 процентовъ оцѣночной суммы.

Грачъ старался проникнуть въ смыслъ этого плана, но еще не понималъ его.

— Двѣ-три ссуды, продолжалъ предсѣдатель правленія, — покажутъ публикѣ, что у насъ заемщикъ получить больше, чѣмъ въ другихъ банкахъ. Вы, съ своей стороны, не должны быть скупы при оцѣнкѣ имуществъ. Понимаете, Сергѣй Сергѣевичъ?

— Конечно, но развѣ это будетъ выгодно для банка?

Апфель усмѣхнулся, какъ учитель надъ наивнымъ вопросомъ хорошаго ученика, не сразу понявшаго задачу.

— Весьма выгодно, Сергѣй Сергѣевичъ. Такимъ образомъ мы сразу устранимъ конкурентовъ. Къ намъ бросится масса заемщиковъ, перейдутъ и изъ тѣхъ банковъ. Мы выпустимъ закладныхъ листовъ на 15 милліоновъ — это вѣдь недурной фундаментъ — и въ первый годъ дадимъ блестящій дивидендъ. Что касается убытковъ, которые вы имѣете въ виду отъ прѣдажи имуществъ, имѣющихъ остаться за банкомъ, то въ общемъ итогѣ они не будутъ убытками, такъ какъ съ помощію

ихъ мы завоюемъ сразу командующую позицію среди другихъ банковъ.

— Геніальный планъ!.. сказалъ Грачъ.

— Такъ вотъ, Сергѣй Сергѣевичъ, вступился Басинскій,— вы, значить, того... насчетъ оцѣнокъ... Вамъ сегодня будетъ передано нѣсколько заявленій... Вы поспѣшите оцѣнкой и не скупитесь. Послѣзавтра засѣданіе, мы назначимъ ссуды, а въ субботу и выдадимъ.

— Будьте покойны. А еще ничего не прикажете? спаясничаль Грачъ.

— Ничего, Сергѣй Сергѣевичъ, шутливо отвѣтилъ Хризанфъ,— приходите ухаживать за заемщиками.

— Всенепремѣнно.

— Ну, а мнѣ пора на биржу, сказалъ Апфель, взглянувъ на часы, и со всѣми попрощался.

— Мое очарованіе!.. сказалъ Грачъ, уморительно подмигнувъ лѣвымъ глазомъ, и съ комичнымъ поклономъ вышелъ изъ правленія.

Въ приѣмной явился Басинскій.

— Переданы дѣла въ оцѣночную комиссію? обратился онъ къ секретарю.

— Уже.

— Въ субботу мы начнемъ выдачу ссудъ. Составьте объявленіе. Оно должно быть въ газетѣ въ пятницу. Ужъ вы пожалуста вечеромъ зайдите. Дѣла очень много.

— Все будетъ сдѣлано, отвѣтилъ секретарь.

Басинскій прошелъ въ бухгалтерію. Тамъ пощелкивали счеты, и нѣсколько человѣкъ, кто стоя, кто сидя на высокихъ табуреткахъ, писали цифры въ толстыхъ разграфленныхъ книгахъ.

Поговоривъ съ бухгалтеромъ, Басинскій заглянулъ въ кассу, гдѣ за рѣшеткой, передъ окошечкомъ, сидѣлъ кассиръ и читалъ газету; онъ отложилъ ее при входѣ Басинскаго, ожидая приказанія, но тотъ только поглядѣлъ на желѣзную кассу, щелкнулъ по ней пальцемъ и ушелъ въ комнату, гдѣ сидѣли переписчики.

— Навѣрное «Ниву» читають, подумалъ онъ и хотѣлъ распечь, но всѣ четыре переписчика, нагнувшись надъ бумагой, усердно работали, и Басинскій ушелъ въ правленіе.

Ровно въ три часа секретарь закрылъ свою папку съ бумагами и сталъ запираеть столъ.

— Басинскій разсердится, что васъ нѣтъ, сказалъ Шварцъ.

— Срокъ службы кончился, я хочу обѣдать, отвѣтилъ Плисковъ и ушелъ.

II.

— Сегодня и вы въ три часа не уйдете, сказалъ Шварцъ Плискову въ субботу, кладя на его столъ стопку дѣлъ, — это все сегодняшнія ссуды.

— Придется посидѣть, проговорилъ секретарь.

Басинскій орломъ влетѣлъ въ пріемную, подалъ руку Плискову и кивнулъ головой остальнымъ служащимъ.

— Все готово у васъ? спросилъ онъ секретаря.

— Все.

— Ну, а вы, Шварцъ, смотрите, чтобы я васъ сегодня въ чемъ-нибудь не замѣтилъ.

— Что-же я такого сдѣлалъ, Николай Петровичъ?

— То-то!..

Басинскій затворилъ за собой дверь въ правленіе.

Въ пріемную вошла довольно робкая фигура худенькаго еврея; поклонившись всѣмъ общимъ поклономъ, онъ какъ-то бочкомъ пробрался къ секретарю.

— Много будетъ выдачь? спросилъ онъ таинственнымъ полупшепотомъ.

— Много.

— Господинъ секретарь, я васъ буду просить... я маклеръ... я вамъ буду благодаренъ.

— Что-же вамъ угодно?

— Порекомендуйте меня, господинъ секретарь... продать закладные листы.

— Если заемщики будутъ спрашивать маклера, я скажу, что вы здѣсь.

— Благодарю васъ, господинъ секретарь...

Но въ тонѣ этихъ словъ было слышно, что маклеръ не удовлетворенъ.

Въ эту минуту стремительно вылетѣлъ Басинскій; маклеръ поклонился ему съ нѣкоторымъ подобострастіемъ.

— Вы кто такой?

— Отъ конторы Гельдіуса... маклеръ...

— Какой курсъ?

— Девяносто съ четвертью, господинъ директоръ.

— Банкъ имѣеть порученіе купить по девяносто съ половиной. Слышали?

— Невозможно, господинъ директоръ, проговорилъ опечаленный маклеръ.

— Съ половиной...

— Я съвзжу къ Гельдіусу... если онъ согласится...

— Съ половиной! перебилъ его Басинскій и исчезъ за дверью.

Начали собираться первые заемщики банка, а черезъ часъ въ залѣ былъ полный разгаръ спекулятивнаго культа.

Столъ секретаря окружился стульями, на которыхъ возсѣдали заемщики. Большинство, не читая, подписывало красные листы обязательствъ по ссудѣ, торопясь пройти всю процедуру формалистики.

— Однако, этотъ параграфъ стѣснителенъ, замѣтилъ одинъ заемщикъ. — Это выходитъ, какъ-будто банкъ будетъ хозяинъ дома, а не я.

— Если будете вносить платежи аккуратно, банку не придется хозяйничать въ вашемъ имуществѣ, отвѣтилъ секретарь.

— Такъ-то такъ... ну а все-таки какъ-будто стѣснительно.

И медлительный на соображенія господинъ сидѣлъ съ перомъ въ рукѣ, какъ-бы раздумывая, подписывать или не подписывать. Онъ напоминалъ тѣхъ любителей поторговаться, которые, зайдя въ магазинъ «безъ запроса» и зная, что торговаться бесполезно, все-таки поторгуются хоть немножко.

Секретарь обратился къ другому заемщику.

— Вамъ не угодно-ли подписать?

— А позвольте васъ спросить: я получу наличными деньгами 15,000?

— Нѣтъ, закладными листами.

— Это какъ-же?.. Значить, если ихъ продать, то сколько будетъ?

— Курсъ девяносто съ половиной.

— Я полагаю, что 15,000 деньгами. Какъ-же такъ вдругъ листами?

— Но вѣдь вамъ должно быть извѣстно, что банкъ выдаетъ закладные листы.

— Мало-ли что! Устава вашего я не читалъ; времени у меня на это нѣтъ. А позвольте узнать, какъ-же проценты? Неужто съ 15,000?

— Да.

— Ну, скажите, развѣ это справедливо? Я не получу 15,000, а проценты берутъ съ 15,000!

— Опять-таки повторяю, что вамъ долженъ быть извѣстенъ уставъ банка.

— А я вамъ повторяю, что не читалъ. И какая-же тутъ справедливость? Ежели берете проценты съ 15,000, то и пожалуйста 15,000 наличными.

— Извините. Вы задерживаете другихъ. Если вамъ не выгодно, не берите ссуду. Не угодно-ли вамъ подписать? обратился секретарь къ дамѣ.

— Не можетъ-ли кто другой подписать за меня?

— Безъ довѣренности нельзя.

— Ахъ, Боже мой! Какъ это досадно!

— Но почему вы сами не желаете?

Дама слегка покраснѣла.

— У меня почеркъ не совсѣмъ красивый и я не могу скоро писать.

— Это ничего. Мойсей Михайловичъ, потрудитесь продиктовать что надо.

— Пожалуйста, пригласилъ даму Шварцъ и поставилъ ей стулъ у своего стола.

Слѣдующій заемщикъ былъ «батюшка» въ фіолетовой расѣ, съ широкимъ лицомъ киргизскаго типа; онъ подписалъ обязательство безъ всякихъ затрудненій и только спросилъ:

— Позвольте освѣдомиться, получу-ли я копію съ сего обязательства?

— Получите.

Подписавшему обязательство выдавался такъ-называемый исполнительный журналъ, съ надписью секретаря «выдать ссуду»; заемщикъ шелъ съ этимъ журналомъ въ бухгалтерію, гдѣ дѣлался расчетъ и писались ордера въ кассу.

Дальше слѣдовали домовладѣльцы-аферисты, обрадовавшіеся случаю получить подѣ дома хорошей кушъ. Они предвидѣли уже, что банкъ дастъ имъ «заработать» на куплѣ-продажѣ и залогѣ домовъ, и подписывали обязательства,

не читая, только прося секретаря поскорѣ выдать разрѣшеніе заложить домъ по второй закладной.

Слѣдующая заемщица была дама въ шелковомъ платьѣ со шлейфомъ, набѣленная и раздушенная, одна изъ тѣхъ устарѣвшихъ кокетокъ, какихъ можно встрѣтить въ уѣздныхъ городахъ. Улыбаясь, она подписала обязательство, но когда получила исполнительный журналъ, пріемная огласилась плаксивымъ восклицаніемъ:

— Это что-же такое, господинъ секретарь!? Вы написали, чтобы съ меня удержать 2000.

— Вашъ долгъ по частной закладной купцу Бычкову.

— Но я вовсе не хочу ему платить... Мнѣ вся ссуда нужна. Это невозможно! Вы притѣсняете!

— По уставу банка, при выдачѣ ссуды, имущество должно быть очищено отъ всѣхъ долговъ, показанныхъ въ залоговомъ свидѣтельствѣ.

— Я ничего этого не знаю! Я не согласна на эту удержку.

— Въ такомъ случаѣ ссуда не можетъ быть выдана.

— Но это очевидное притѣсненіе!... Я буду жаловаться на васъ правленію.

— Вотъ здѣсь правленіе. Не угодно-ли обратиться къ нему, отвѣчалъ секретарь.

Барыня, немного припрыгивая, пошла-было къ дверямъ, потомъ вдругъ вернулась къ столу секретаря и умоляющимъ тономъ произнесла:

— Скажите пожалуйста, за что вы меня хотите обидѣть? Плисковъ усмѣхнулся.

— Но вѣдь я уже вамъ объяснилъ, что это не моя фантазія, а уставъ банка. Старшій нотаріусъ показалъ въ залоговомъ свидѣтельствѣ вашъ долгъ по закладной, и онъ долженъ быть удержанъ.

— За чѣмъ-же онъ показалъ? Вѣдь онъ мой хорошій знакомый—и вдругъ такую гадость!

— Но онъ по закону обязанъ показать долгъ.

— Ахъ, что вы мнѣго ворите?! Какой тамъ законъ! Просто теперь нѣтъ никакого уваженія къ дамамъ.

Состоявшій на очереди благообразный грекъ наконецъ потерялъ терпѣніе.

— Господинъ секретарь, позвольте мнѣ получить ссуду.

— Что-же я буду дѣлать!.. воскликнула заемщица тѣмъ

тономъ, какой является у манерныхъ дамъ предъ глуповатыми мужьями, какъ предисловіе къ паденію въ обморокъ.

Она сѣла и подперла рукой голову.

Димитраки подошелъ къ секретарю и шепнулъ ему:

— Я позову Сергѣя Сергѣевича,—онъ ее рекомендовалъ, пускай и возится съ ней.

Черезъ минуту вошелъ Грачъ, перекосивъ ротъ комичной улыбкой.

— Голубчикъ, Сергѣй Сергѣевичъ! вскричала дама,—помогите мнѣ! Меня тутъ такъ притѣсняють! Скажите, что мнѣ дѣлать!

— А мы вотъ присядемъ въ сторонку и толкомъ поговоримъ. Вы надолго изволили прѣхать?

— Да вотъ хотѣла сегодня-же съ вечернимъ поѣздомъ домой. Какъ-же уѣдешь съ такимъ несправедливымъ банкомъ!

Она начала болтать и кокетничать со старикомъ, потомъ вдругъ спохватилась, вспомнила о ссудѣ.

— Сергѣй Сергѣевичъ, голубчикъ!.. Какъ-же мнѣ быть?

— Да ужъ не иначе, какъ Иліодоръ Алексѣевичъ сказалъ.

— А если я пойду въ правленіе?

— То-же самое скажутъ. Попробуйте, если желаете убѣдиться.

Дама сдѣлала серьезное, оскорбленное лицо и вошла въ правленіе. Черезъ минуту тамъ раздались женскіе вопли.

— Это невозможно! Я вдова, оттого вы и притѣсняете... Я не умѣю защитить себя. Если-бы на моемъ мѣстѣ былъ адвокатъ, вы не удержали-бы съ него этого долга по закладной.

— Адвокатъ и просить-бы объ этомъ не сталъ,—онъ прочиталъ-бы уставъ, сказалъ Басинскій.

— Ахъ, что вы мнѣ говорите! То уставъ, то законъ... Я знаю, что все можно сдѣлать и безъ устава, и безъ закона...

— Сударыня, правительство вамъ объявило... началъ Хризанфъ.

— Какое правительство!?

Старикъ немного сконфузился отъ своей обмолвки: онъ нерѣдко—вмѣсто «правленіе»—говорилъ «правительство».

— Правленіе всѣмъ объявило, что это невозможно, повторилъ онъ.

— Возможно! Только вы не хотите... Въ такомъ случаѣ я не возьму ссуды.

— Скажите секретарю, онъ вамъ выдасть документы.

Дама вылетѣла изъ правленія разсерженная, шлейфъ съ платья завязъ въ двери, и она чуть не оборвала его.

— Возвратите мнѣ документы, сказала она секретарю съ запальчивостью.

— Извольте; потрудитесь вотъ здѣсь расписаться въ полученіи.

— И отдайте мнѣ деньги, которыя я внесла при заявленіи.

— По правиламъ банка, четверть процента съ суммы, назначенной въ ссуду, не возвращается,—это идетъ на расходы по оцѣнкѣ.

— Ужь я и не знаю что это такое! Это возмутительное насиліе!.. Я напечатаю въ газетахъ.

— Это тоже правило, которое должно быть вамъ извѣстно.

— Мнѣ нѣтъ дѣла ни до какихъ правилъ!..

На набѣленныхъ щекахъ ея стали проступать красныя пятна. Она опять побѣжала въ правленіе.

— Господа! Мнѣ не возвращаютъ моихъ денегъ! произнесла она трагическимъ тономъ.

— Секретарь, вѣроятно, объяснилъ вамъ, что это правило банка...

— Но что-же изъ этого?.. Я не могу сорить деньгами!.. Это невозможно! Я не уйду отсюда!.. Это обида, насиліе!.. И все оттого, что я женщина!..

Она сѣла и угрожала заплакать. Басинскій вышелъ къ секретарю.

— Сколько взяли съ этой взбалмошной бабы за оцѣнку? спросилъ онъ.

— Двѣнадцать рублей.

— Выдайте ей, въ видѣ исключенія. Надо какъ-нибудь отъ нея отдѣлаться.

Увидѣвъ улыбающагося Грача, Басинскій сказалъ ему:

— Спасибо, Сергѣй Сергѣевичъ... Вы все такихъ заемщицъ будете рекомендовать?

— Сохрани Богъ! А впрочемъ, что-же она? Здѣсь только немножко не достааетъ.

Старикъ покрутилъ пальцемъ по лбу, пожалъ плечами и уморительно растопырилъ руки. Дама вышла изъ кабинета правленія.

— Вамъ разрѣшено возвратитъ всё деньги, сказалъ ей

секретарь,—пожалуйте въ бухгалтерію, тамъ вамъ напишуть ордеръ.

— Не торопитесь... Я еще подумаю. Я въ понедѣльникъ опять приду и, можетъ быть, возьму ссуду. До свиданія.

Она ушла, шумя шлейфомъ.

— Н-ну, барынька!.. Терпѣніе вамъ надо имѣть, связалъ Шварцъ секретарю.

Одинъ изъ заемщиковъ, съ ордеромъ въ рукѣ, подошелъ къ Плискову; лицо его сіяло предвкушеніемъ кутежа.

— Господинъ секретарь, позвольте васъ просить вечеркомъ спрыснуть ссуду.

— Благодарю; я не свободенъ вечеромъ.

— Какая жалость! Въ такомъ случаѣ, позвольте васъ угостить обѣдомъ.

— Устану, захочется домой отдохнуть.

— Ахъ, какой-же вы!.. Ну, въ такомъ случаѣ, душевно васъ благодарю. Ей-Богу, думалъ, что вы меня съ недѣлю проводите: я вѣдь знаю порядки вообще.

Маклеръ подскочилъ къ сіяющему землевладѣльцу.

— Не угодно-ли вамъ продать закладные листы?

— Конечно, угодно! А какой курсъ?

— Девяносто съ четвертью

— Не дешево-ли?

— Ей-Богу, нѣтъ!

— Ну, хорошо-хорошо!.. Только поскорѣе.

— Пожалуйте въ кассу, тамъ сейчасъ и рассчитаемся.

Въ залѣ было жарко; солнышко такъ и падало въ зеркальныя стекла оконъ, закрытыхъ по случаю сильнаго вѣтра; запахъ чеснока, которымъ позавтракалъ кто-то изъ публики, перемѣшивался съ пачулями и ароматомъ дорогой ситары.

Всюду кипѣла работа: усердно строчили и щелкали косточками счетовъ; въ кассѣ шелестили новые закладные листы и сторублевки; въ корридорѣ шли сдѣлки заемщиковъ съ зайцами и съ кредиторами, явившимися за полученіемъ своихъ долговъ изъ ссуды; въ глазахъ горѣлъ болѣе или менѣе ярко огонекъ наживы и придавалъ лицамъ выраженіе хищности.

Молодцовато, съ сознаниемъ своей силы, проходили черезъ залу получившіе крупную сумму; маклера подобострастно поглядывали на ихъ высокоподнятыя головы, лѣвили ихъ взгляды, угадывали желаніе закурить папиросу и подсказывали съ

зажженной спичкой; нѣкоторые заемщики имѣли глубокомысленныя фізіономіи, изображавшія процессъ провѣрки бухгалтерскаго разчета по ссудѣ. Вотъ пронеслась человѣкообразная акула, недовольная и безъ того огромною ссудой; въ уголкѣ жаловался на обиду старикъ-закладчикъ, трясясь головой и руками,—ему, будто-бы, слѣдовало еще 2 рубля процентовъ, а онъ ошибся и не дополучилъ. Культъ золотого тельца увлекалъ всѣхъ, и на лицахъ служащихъ и даже сторожей было видно оживленіе.

Только около пяти часовъ пріемная опустѣла.

— Выдали 508,000!.. съ торжествомъ произнесъ Димитраки.

— Для начала недурно!.. сказалъ Степановъ съ улыбкой.

Это торжество и улыбка выражали надежду на прибавку жалованья.

III.

На другой день, въ девять часовъ, всѣ служащіе были на своихъ мѣстахъ. Секретарь наскоро просмотрѣлъ газеты и сталъ готовить новыя ссуды.

— Опять Новинская! объявилъ Димитраки, взглянувъ въ окно.

— Экземпляръ экстраординарнаго свойства! отчеканилъ Степановъ.

— А вы знаете, господа, она раззорившаяся помѣщица; кутила ой-ой какая!.. сказалъ Шварцъ.

— Откуда вы это узнали? недовѣрчиво спросилъ Димитраки, любившій ловить Шварца.

— Конечно, знаю!.. Ея мужъ былъ генераль.

— Вотъ и неправда! Всего только коллежскій совѣтникъ.

— Честное, благородное слово—генераль! Дивизіей командовалъ.

— Такъ на-те-же, читайте: «Вдова коллежскаго совѣтника...»

Димитраки съ торжествомъ положилъ передъ Шварцемъ залоговое свидѣтельство, но Шварцъ ни на мгновение не смутился.

— Значить, это однофамилица, сказалъ онъ,—а я навѣрное знаю, что мужъ Новинской былъ генераль.

— Т-съ, она идетъ!.. произнесъ Димитраки.

Она вошла, въ палевомъ платьѣ, улыбающаяся, и подала руку Плискову.

— Вы на меня не сердитесь, господинъ секретарь?

— Нисколько. Какъ-же вы рѣшили насчетъ ссуды?

Новинская громко вздохнула, усаживаясь на подставленный ей Шварцемъ стулъ, потомъ отвѣтила:

— Возьму... Нечего дѣлать, если вы такой недобрый.

— Двѣ тысячи будутъ удержаны.

— Что-же дѣлать!.. Мнѣ деньги ужасно нужны. Тутъ въ магазинахъ такъ все дорого, что просто ужасъ; а между тѣмъ, невозможно не купить!.. И деньги пухомъ летятъ.

Новинская подписала все, не читая, и понесла ордеръ въ кассу, улыбаясь, сопровождаемая бѣлобрысымъ маклеромъ, купившимъ ея закладные листы.

Въ залу вошелъ человѣчекъ низенькаго роста съ большимъ лбомъ и начальственнымъ видомъ.

Едва онъ затворилъ за собой дверь въ правленіе, Степановъ спросилъ Димитраки:

— Кто сей, какъ надо полагать, сановникъ?

— Дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Александровичъ Недобѣльскій, отчеканилъ живой адресъ-календарь банка, Димитраки.

Недобѣльскій былъ типичный русскій гешефтъ-махеръ, который и съ евреемъ могъ-бы помѣряться въ своемъ искусствѣ. Онъ бросался на все, что обѣщало хорошую и быструю наживу и имѣлъ удивительное гешефтъ-махерское чутье. Отъ своего прародителя, Павла Ивановича Чичикова, онъ наслѣдовалъ способность всѣхъ очаровывать и одурачивать. Его политика передъ выборами городского головы была безукоризненно цѣлесообразна. Мелкихъ избирателей онъ вербовалъ дешевымъ угощеніемъ, — эти избиратели, видящіе, не безъ основанія, одну только «проформу» въ своихъ избирательныхъ правахъ, охотно продаютъ свой голосъ за чечевичную похлебку. Избирателямъ перваго разряда онъ тоже давалъ угощеніе, но ужъ не дешевое, а обѣдъ или ужинъ съ гастрономическими деликатесами и шампанскимъ. Людей либеральныхъ онъ очаровывалъ такимъ крайнимъ либерализмомъ, что у нихъ просто слюнки текли, и они, конечно, отдавали ему свои голоса; людей коммерческихъ онъ увлекалъ на свою сторону перспек-

тивой всяческаго покровительства всяческимъ гешефтамъ, а администрацію плѣнялъ консервативными убѣжденіями.

Такимъ образомъ, люди діаметрально противоположныхъ взглядовъ являлись на выборы съ единодушнымъ желаніемъ имѣть городскимъ головой Недобѣльскаго.

Его дѣятельность была очень разнообразна: то онъ бралъ подрядъ, то сдавалъ его за крупную взятку,—по этой части онъ даже и за границей прославился; то вдругъ являлся горячимъ патріотомъ, изумивъ даже евреевъ гешефтомъ съ водкой для войскъ; вспоминалъ о «бѣдныхъ солдатикахъ» и отправлялъ на Шипку вагоны съ махоркой. Наконецъ, замѣтивъ, что по сезону не надо быть литераторомъ, чтобы явиться въ литературу, онъ развязно взялся за перо и обогатилъ своимъ сочиненіемъ ту литературу, къ которой принадлежатъ разныя «вѣрнѣйшія средства». Недобѣльскій издалъ рецептъ для спасенія Россіи отъ нигилистовъ, и такъ его написалъ, чтобы всѣмъ, не исключая и нигилистовъ, хоть чѣмъ-нибудь да понравиться. Онъ желалъ привлечь къ себѣ всѣ сердца, и нашлись наивные рецензенты, которые серьезно разбирали рецептъ Недобѣльскаго, не разобравъ того, что это была гешефтъ-махерская штука, сводившая всѣ совѣты избавиться отъ нигилистовъ къ тому, что необходимо оказать покровительство крупнымъ гешефтъ-махерскимъ предпріятіямъ.

Какъ только банкъ выдалъ первыя ссуды, Недобѣльскій почуялъ хорошую аферу и не замедлялъ явиться въ правленіе. Тамъ его приняли съ почетомъ, и онъ запѣлъ соловьемъ. Сначала разливался насчетъ «благой мысли» учредителей «оказать истинное благодѣяніе краю», потомъ объявилъ, что считаетъ своимъ долгомъ сдѣлаться кліентомъ банка и, наконецъ, высказалъ надежду:

— Надѣюсь, господа, что вы меня не обидите, не покуситесь ссудой...

— Мы для васъ сдѣлаемъ все, и возможное и невозможное, сказалъ Апфель, пріятно улыбаясь.

— Значить, дѣло за заголовымъ свидѣтельствомъ? отвѣтилъ Недобѣльскій съ не менѣе пріятной улыбкой.

— Только.

— Ну, такъ я лечу хлопотать! До пріятнѣйшаго свиданія.

Изъ правленія Недобѣльскій зашелъ въ оцѣночную комиссію—попросить Грача насчетъ оцѣнки.

— Не обидьте, Сергѣй Сергѣевичъ, шутилъ онъ,—я чело-
вѣкъ маленькій, меня легко обидѣть.

— Зачѣмъ обижать, ваше превосходительство.

Недобѣльскій вспомнилъ, что Грачъ любитъ скандалезные
анекдоты.

— Ахъ, да, Сергѣй Сергѣевичъ! воскликнулъ онъ,—позвольте
вамъ рассказать.

Понизивъ нѣсколько голосъ, онъ разсказалъ что-то такое
забористое, что вся оцѣночная комиссія захохотала; пере-
писчики изъ сосѣдней комнаты явились на этотъ гомерическій
смѣхъ; Грачъ чуть не задохнулся отъ восторга.

Недобѣльскій сдѣлалъ серьезное дѣловое лицо и сказалъ:

— Ну, до свиданія, Сергѣй Сергѣевичъ! Я, значить, на
васъ надѣюсь, какъ на бога.

— Будьте покойны, отвѣчалъ Грачъ и опять фыркнулъ
отъ смѣха.

Въ правленіе быстро прошелъ черный господинъ, у кото-
раго въ лицѣ и въ манерахъ проглядывало какое-то непосѣд-
ство, точно онъ постоянно куда-то торопился. Это былъ Чи-
риковъ, старшій нотаріусъ мѣстнаго окружного суда.

— Егоръ Егоровичъ, коллежскій совѣтникъ, пояснилъ
служащимъ Димитраки.

Апфель и Басинскій встрѣтили Чирикова съ той изыскан-
ной любезностью, которую дѣльцы оказываютъ нужному чи-
новнику. Хризанфъ даже уступалъ ему свое кресло, но послѣ
короткаго пререканія, напоминавшаго споръ Собакевича съ
Чичиковымъ о томъ, кому первому пройти въ дверь, Чириковъ
убѣдилъ Хризанфа остаться въ креслѣ, а самъ сѣлъ на стулъ.

Чириковъ желалъ имѣть свою долю въ барышахъ банка и
пріѣхалъ съ единственной цѣлью заявить объ этомъ желаніи.

Онъ началъ съ выраженія восторга по поводу вчерашняго
представленія оперетки, потомъ сообщилъ, что только что при-
везены свѣжія устрицы и что новый поваръ въ клубѣ истин-
ный художникъ и дѣлаетъ божественныя котлеты, наконецъ,
приступилъ къ дѣлу.

— Вашъ банкъ счастливецъ!.. Его будущность блестящая...
Весь городъ будетъ въ залогъ... Меня просто завалили про-
шеніями о выдачѣ залоговыхъ свидѣтельствъ.

— Пріятно слышать пріятныя рѣчи, сказалъ Басинскій.
Хризанфъ осклабился отъ удовольствія.

— Сегодня поступило ко мнѣ, ни болѣе ни менѣе, какъ двадцать-восемь прошеній!.. Да еще здѣсь, на лѣстницѣ, встрѣтилъ Недобѣльскаго; хочеть заложить у васъ пять домовъ и два имѣнія. Просить, чтобы ему чуть не въ двадцать-четыре часа выдать залоговыя свидѣтельства! Такой, право, чудакъ! Точно это все равно, что два короля въ пикетъ сыграть.

— Мыhalbемся, сказалъ Апфель, — что вы ускорите по возможности всю процедуру справокъ для выдачи залоговыхъ свидѣтельствъ.

— О, конечно!.. Само собой разумѣтся!.. Я приказалъ, чтобы всѣ эти прошенія имѣли экстренный ходъ... Я понимаю, что такое кредитъ... Промедлилъ часъ—потерялъ сотню рублей, проиѣшквалъ день—пропала цѣлая тысяча... Я понимаю!.. Я только предвижу одно препятствіе: физическую невозможность удовлетворять вашихъ кліентовъ такъ скоро, какъ это было-бы желательнo мнѣ и вамъ. У меня такой незначительный штатъ служащихъ.

— Это вѣдь можно уладить, сказалъ Басинскій.

— Какимъ образомъ?.. Ходатайствовать объ увеличеніи числа служащихъ въ нотаріатъ?.. Я это сдѣлаю, но вѣдь сколько времени это займетъ, если даже предположить, что мое ходатайство будетъ уважено.

— О, нѣтъ!.. возразилъ Басинскій съ лукавой умишкой, — мы будемъ просить васъ о наймѣ служащаго, который-бы исключительно занимался залоговыми свидѣтельствами для нашего банка.

Чириковъ постарался сдѣлать серьезную мину.

— Да, это идея!.. Это возможно... очень возможно!..

— Если этому служащему назначить рублей сто въ мѣсяцъ? Какъ вы полагаете, этого достаточно?

— Извольте видѣть: дѣла будетъ чрезвычайно много... Это разъ... Меня буквально заваливаютъ прошеніями... Во-вторыхъ, справки должны быть быстрыя и точныя; въ-третьихъ, необходимо знаніе законовъ, слѣдовательно, не всякому можно поручить это серьезное дѣло. Согласитесь съ тѣмъ, что согласованіе точности и быстроты задача нелегкая.

— Совершенно справедливо, сказалъ Апфель, — мы можемъ ассигновать двѣ тысячи въ годъ.

Чириковъ немного помолчалъ, какъ-бы соображая, удовлетворяютъ-ли двѣ тысячи того мнимаго служащаго, за котораго

онъ самъ будетъ получать жалованье, и, быстро выгнавъ двѣ струи табачнаго дыма, сказалъ:

— Двухъ тысячъ, я полагаю, достаточно... Постараюсь все это уладить:

— Пожалуйста, произнесъ Апфель.

— Будьте покойны!.. Экстренный ходъ всѣмъ залоговымъ свидѣтельствамъ для вашего банка... Кредитъ и канцелярская медленность несовмѣстимы... Я понимаю!

Онъ вскочилъ со стула и суетливо сталъ всѣмъ подавать руку.

— Ъду на службу! Недобѣльскій ждетъ... Пять домовъ, два имѣнія!..

Онъ убѣжалъ, мигая повеселѣвшими глазами.

— Необходимо подмазать и другихъ старшихъ нотариусовъ, сказалъ Басинскій.

— Конечно, согласился Апфель,—мы это поручимъ нашимъ агентамъ.

— Многолько двѣ тысячи, замѣтилъ Хризанфъ.

— На это нельзя скупиться, улыбаясь отвѣтилъ Апфель,—если-бы онъ и три тысячи захотѣлъ — и то надо было-бы дать.

— Первый взяточникъ въ городѣ, сказалъ Шварцъ, когда Чириковъ прошелъ черезъ приемную.

— Позвольте вамъ замѣтить, заговорилъ Степановъ,—что взяточникъ есть слово несовременное, такъ сказать археологическое, равно какъ и слово мздоимецъ.

— Какъ ни называйте, перебилъ его Шварцъ,—а двадцать тышенокъ загребаешь.

— Двадцать, не двадцать, а десять, пожалуй, что будетъ, замѣтилъ Димитраки.

— А я вамъ говорю: двадцать.

— Мало-ли что вы говорите.

Начался споръ, но въ это время дверь изъ правленія приотворилась и въ ней всталъ Басинскій.

— Господинъ Шварцъ, какъ зовутъ этого?.. Чортъ его знаетъ...

Онъ щелкнулъ пальцемъ и сдѣлалъ жестъ недоумѣнія... То, что онъ забылъ чью-то фамилію и что Шварцъ не догадывался, уже разсердило его.

— Вы должны были видѣть...

— Я не знаю, Николай Петровичъ, про кого вы говорите.

— Вы ничего не знаете!.. Вы умѣете только разговаривать. Господинъ Димитраки, помните?.. Генераль съ дамой... Онъ вчера приходилъ.

— Генераль-маіоръ Иванъ Аполинаріевичъ Басъ.

— Вѣрно-ли это?

— Ужь повѣрьте, что я не ошибаюсь.

— Вотъ видите, господинъ Шварцъ... Другіе знаютъ, а вы... Поѣзжайте сейчасъ-же, и чтобы къ тремъ часамъ здѣсь былъ генераль Басъ.

Каламбуръ остался незамѣченнымъ.

— Но гдѣ-же онъ живетъ, Николай Петровичъ?

— Онъ меня спрашиваетъ!.. У васъ есть адресная книга. Чего-же вы зѣвали? Это будущій заемщикъ банка, и вы должны были записать его адресъ.

— Почему-же я зналъ?

— Ну что вы мнѣ вздоръ рассказываете!.. Однимъ словомъ, отыщите его и скажите, что я его прошу пожаловать сюда къ тремъ часамъ.

Дверь захлопнулась.

— Что это за свинство! Только и слышишь, что дерзости, сказалъ Шварцъ, сильно разобиженный.

— Зачѣмъ вы ему спускаете дерзости? сказалъ Плисковъ;— вы себя дурно поставили тѣмъ, что сразу не оборвали его.

— Да, попробуй это сдѣлать, такъ и съ мѣста слетишь.

— А вотъ бухгалтеръ оборвалъ его, такъ онъ и сталъсь нимъ вѣжливо обращаться.

— То бухгалтеръ... Онъ и вамъ тоже дерзостей не говорить.

— Потому что знаетъ, что я ихъ не буду выслушивать.

— Поѣзжайте-же за генераломъ, сказалъ Димитраки.

— Куда я къ чорту поѣду?..

— Въ адресномъ столѣ, я полагаю, можно узнать, посоветовалъ Степановъ.

— Да онъ пріѣзжій!.. съ досадой перебилъ его Шварцъ.

— По гостинницамъ прогуляйтесь; возьмите прогоны и поѣзжайте, говорилъ Димитраки, усмѣхаясь.

— Чортъ-бы его взялъ, и этотъ банкъ, и этого генерала!.. Илюдоръ Алексѣевичъ, позвольте на ѣзду.

Плисковъ вынулъ деньги и записалъ ихъ въ расходную книжку.

Шварцу посчастливилось: послѣ неудачныхъ справокъ въ двухъ гостинницахъ, онъ встрѣтилъ генерала на улицѣ и привезъ его въ банкъ.

IV.

Агентомъ банка для Виноградской губерніи былъ назначенъ нѣкто Моисей Елисеѣвичъ Червонный. Правленіе остановило свой выборъ на этомъ маленькомъ толстякѣ съ узенькими плутоватыми глазками, потому что онъ былъ родной человѣчекъ учредителемъ банка, родной не по крови, а по духу—онъ былъ закаленный дѣлецъ и мастеръ на всѣ руки.

Червоннаго просили изысканно-вѣжливымъ письмомъ «оказати содѣйствіе дѣлу развитія земельного кредита принятіемъ на себя труда по опѣнкѣ имѣній Виноградской губерніи». Въ концѣ письма было упомянуто, что размѣръ вознагражденія агенту опредѣленъ въ четверть процента съ суммы ссудъ, которыя будутъ выданы по его опѣнкѣ.

Червонный презрительно усмѣхнулся, прочитавъ объ этой четверти процента, но вообще письмо произвело на него очень пріятное впечатлѣніе.

— Можно будетъ заработать, подумалъ онъ и немедленно отвѣтилъ не менѣе вѣжливымъ письмомъ: благодарилъ «за честь» и выражалъ готовность «не жалѣть трудовъ для сильной помощи правленію банка въ его благодѣтельномъ для всего края предпріятіи».

Въ отвѣтъ на это письмо, онъ получилъ инструкцію, бланки описей, уставъ банка и письмо Апфеля о томъ, что правленіе, въ видахъ привлеченія заемщиковъ, желало-бы не слишкомъ строгихъ оцѣнокъ.

— Не будемъ строги, не будемъ!.. весело сказалъ Червонный.

Онъ напечаталъ соблазнительныя рекламы, разослалъ ихъ всѣмъ землевладѣльцамъ губерніи и всюду сталъ пропагандировать банкъ.

Заемщики не замедлили; онъ вербовалъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Однажды въ клубѣ, за одинокимъ столикомъ, ужиналъ зем-

левладѣлецъ Сбитневъ, постоянно проигрывавшій въ карты. Онъ былъ мраченъ: его только что обыграли.

Червонный подсѣлъ къ Сбитневу и съ живѣйшимъ участіемъ спросилъ:

— Вѣроятно, вамъ опять не повезло?

Онъ зналъ, что разговоромъ на эту тему Сбитневъ любитъ отводить душу послѣ проигрыша.

— То-есть, такъ не везетъ, что и сказать нельзя! воскликнулъ Сбитневъ;—ей богу, еще не было на свѣтѣ игрока, которому-бы такъ не везло, какъ мнѣ! Вообразите: ставлю фигуры—бьютъ, ставлю три съ боку—бьютъ, выбираю поле—бьютъ!.. Все бьютъ!.. То есть, я вамъ скажу: не идетъ карта, хоть тресни.

— Полосы бываютъ въ игрѣ, замѣтилъ Червонный:—иногда долго не везетъ, а потомъ вдругъ повалить счастье.

— Это для другихъ бываютъ полосы, возразилъ Сбитневъ съ ожесточеніемъ,—а меня бьютъ и бьютъ и плакать не велятъ. Вотъ и сейчасъ вздули, какъ сидорову козу! Знаете-ли, Мойсей Елисеѣвичъ, вы очень кстати подошли. Посоветуйте, голубчикъ, какъ-бы извернуться насчетъ финансовъ... Я тогда вздую этихъ господъ (онъ кивнулъ головой въ игорную комнату). Въ самомъ дѣлѣ, должна-же когда-нибудь карта пойти, по теоріи вѣроятностей должна пойти.

— Можеть быть хотите заложить имѣніе въ банкъ? спросилъ Червонный.

— Песковое?! Какое-же это имѣніе!.. Я удивляюсь, какъ это отцу было не совѣстно оставить въ наслѣдство такую дрянь. Десять лѣтъ я его продаю,—никто не хочетъ купить. Банкъ его тоже не возьметъ.

— Позвольте, остановилъ его Червонный,—вамъ извѣстно чте я агентъ Пшенично-кукурузнаго банка?

— Ну такъ что-же?..

— А то, что я ваше имѣніе достаточно знаю. Вы очень ошибаетесь. Имѣніе довольно хорошее.

— Степь... песокъ... пустыня аравійская!

— Позвольте, говорю вамъ, позвольте, перебилъ его Червонный и для большей внушительности взялъ своего собесѣдника за пуговицу сюртука;—повѣрьте, я поопытѣе васъ и серьезно говорю, что вы не знаете настоящей цѣны вашего имѣнія.

Сбитневъ смотрѣлъ въ его глаза, недоумѣвая.

— Такъ вы полагаете, произнесъ онъ, что банкъ приметъ мое Песковое?

— Непремѣнно. И выдасть въ ссуду больше, чѣмъ вы ожидаете.

— Это вы серьезно?

— Совершенно серьезно.

Глаза Сбитнева загорѣлись.

— Ахъ, чортъ возми! вскричалъ онъ,—да вы меня просто оживляете!. Человѣкъ!. Бутылку шампаней!. Ну, а сколько, напримеръ, можно получить изъ банка?

— Объ этомъ мы поговоримъ завтра. Приѣзжайте ко мнѣ утромъ, потолкуемъ. А пока скажу только, что вы останетесь довольны.

— Ей-богу, оживаю!. Ожилъ, совсѣмъ ожилъ!. И вздую-же я ихъ всѣхъ, какъ получу ссуду!.

Червонный выпилъ два бокала шампанскаго и удраля, оставивъ Сбитнева съ радужными мечтаніями допивать бутылку.

— А что, если-бы десять тыщенокъ дали! мечталъ онъ.— Да гдѣ дать!. Вреть этотъ шельмецъ Червонный!. Дрянъ имѣніе!. Какую нибудь хитрую штуку выдумалъ, еврейская душа..

На другой день Сбитневъ явился къ агенту, когда тотъ только что всталъ и пилъ чай. Гостю тоже подали стаканъ чаю, и Червонный приступилъ къ дѣлу.

— Ну, какъ вы полагаете, сколько можете получить въ ссуду подъ ваше имѣніе?

— А право не знаю.. Вѣдь десять тысячъ не дадутъ?

Онъ робко произнесъ эту цифру.

— Г-мъ!. Десять тысячъ!. Однако, вы совершенно не знаете своего имѣнія. Вы можете подъ него получить тридцать тысячъ.

— Невозможно!. Вы шутите!. вскричалъ Сбитневъ.

— Я не шучу, а дѣло дѣлаю, серьезно произнесъ Червонный.— Желаете вы получить эту сумму?

— Всеконечно!. И отблагодарю васъ достойнымъ образомъ!.

— Это ужъ само собой.. Дружба дружбой, а дѣло дѣломъ..

И вы получите, и я заработаю.. Но я дешево съ васъ не возьму.

— Я на все согласенъ, Моисей Елисеѣвичъ!

— Прекрасно. Вы мнѣ заплатите тоже тридцать тысячъ.

— Конечно, вы хотите сказать—три тысячи?

— Я сказалъ то, что хотѣлъ: тридцать тысячъ.

Сбитневъ наивно расхохотался.

— Чудакъ-же вы!. Сколько тогда на мою долю останется?

— Вамъ останется тоже тридцать тысячъ.

— Но какъ-же это? Не позабыль-же я вычитанія!

Червонный усмѣхнулся и сказалъ:

— Вотъ вамъ и задача!. Да гдѣ вамъ догадаться.. Не буду я васъ понапрасну мучить. Банкъ выдастъ шестьдесятъ тысячъ: тридцать вамъ и тридцать мнѣ.. Поняли?

Сбитневъ выпучилъ на агента глаза.

— И это тоже не шутка? проговорилъ онъ.

— Какія тутъ шутки!. разсердился Червонный:—развѣ я дитя, что-ли? Я предлагаю вамъ хорошо заработать, а не хотите, не надо.

— Не сердитесь, Моисей Елисеѣвичь!. Я на все согласенъ!. Но я рѣшительно не могу понять, какъ это банкъ выдастъ такую сумму...

— И не надо понимать, коли не понимаете. Вы желаете получить тридцать тысячъ, и вы ихъ получите. И больше ничего. Хлопочите о залоговомъ свидѣтельствѣ, а какъ доставите его мнѣ, черезъ мѣсяцъ и денежки получите.

Сбитневъ былъ очарованъ; его мечты оказались блѣдными передъ дѣйствительностью.

— А еще надо помалчивать, продолжалъ Червонный,—и кромѣ того нужно оформить ваше согласіе уплатить мнѣ 30,000 если банкъ выдастъ 60,000. Я, разумѣется, вамъ вѣрю, но въ дѣлѣ нужна аккуратность.

— Конечно! Сдѣлаемъ все, что надо.

Они отправились къ нотаріусу оформливать сдѣлку.

Недѣли черезъ три залоговое свидѣтельство было получено. Червонный взялъ печатный бланкъ для описи имѣнія, выставилъ въ немъ количество десятинъ, границы имѣнія и другія свѣдѣнія, потомъ немножко подумалъ,—лукавая улыбка осветила его лицо, и перо весело побѣжало по бумагѣ. Скоро опись имѣнія была готова, но это не была сухая опись, это было картинное, поэтическое описаніе.

Червонный съ авторскимъ наслажденіемъ прочиталъ слѣдующее:

«Имѣніе Песковое, вопреки своему названію, находится въ чрезвычайно счастливыхъ условіяхъ: черезъ него протекаетъ рѣчка, почему-то не показанная на планѣ; между тѣмъ луга, заливаемые ею весной, даютъ превосходное сѣно. Почва земли

— Такъ вы полагаете, произнесъ онъ, что бантъ приметь мое Песковое?

— Непремѣнно. И выдасть въ ссуду больше, чѣмъ вы ожидаете.

— Это вы серьезно?

— Совершенно серьезно.

Глаза Сбитнева загорѣлись.

— Ахъ, чортъ возми! вскричалъ онъ, — да вы меня просто оживляете!. Человѣкъ!. Бутылку шампаней!. Ну, а сколько, на примѣръ, можно получить изъ банка?

— Объ этомъ мы поговоримъ завтра. Приѣзжайте ко мнѣ утромъ, потолкуемъ. А пова скажу только, что вы останетесь довольны.

— Ей-богу, оживаю!. Ожилъ, совсѣмъ ожилъ!. И вздую-же я ихъ всѣхъ, какъ получу ссуду!.

Червонный выпилъ два бокала шампанскаго и удралъ, оставивъ Сбитнева съ радужными мечтаніями допивать бутылку.

— А что, если-бы десять тышенокъ дали! мечталъ онъ.— Да гдѣ дать!. Вреть этотъ шельмецъ Червонный!. Дрянъ имѣніе!. Какую нибудь хитрую штуку выдумалъ, еврейская душа..

На другой день Сбитневъ явился къ агенту, когда тотъ только что всталъ и пилъ чай. Гостю тоже подали стаканъ чаю, и Червонный приступилъ къ дѣлу.

— Ну, какъ вы полагаете, сколько можете получить въ ссуду подъ ваше имѣніе?

— А право не знаю.. Вѣдь десять тысячъ не дадутъ? Онъ робко произнесъ эту цифру.

— Г-мъ!. Десять тысячъ!. Однако, вы совершенно не знаете своего имѣнія. Вы можете подъ него получить тридцать тысячъ.

— Невозможно!. Вы шутите!. вскричалъ Сбитневъ.

— Я не шучу, а дѣло дѣлаю, серьезно произнесъ Червонный.— Желаете вы получить эту сумму?

— Всеконечно!. И отблагодарю васъ достойнымъ образомъ.

— Это ужъ само собой.. Дружба дружбой, а дѣло дѣломъ. И вы получите, и я заработаю.. Но я дешево съ васъ не вѣрю.

— Я на все согласенъ, Мойсей Елисеѣвич!

— Прекрасно. Вы мнѣ заплатите тоже тридцать тысячъ.

— Конечно, вы хотите сказать—три тысячи?

— Я сказалъ то, что хотѣлъ: тридцать тысячъ.

Сбитневъ наивно расхохотался.

— Чудак-то ты!
— Вамъ слышно
— Но какъ-то

Червонный

— Вотъ какъ

я васъ повидать
тридцать намъ

Сбитневъ

— И это

— Какія тутъ

дита, что-ли? И
тите, не знаю.

— Не сердитесь

Но я рѣшилъ
кую сумму...

— И не надо

получить тридцать
чего. Хлопоты
его мнѣ, черезъ

Сбитневъ

передъ дѣйствительн

— А еще надо

кромѣ того нужна
если банкъ
дѣлѣ нужна

— Конечно

Они отдаютъ

Недѣля

Червонный

вилъ въ

свѣдѣнія

тила его

имѣнія

картина

Че

дуюш

С

чре

рѣ

НЕ

ТЬ.

Біографія,
1883.

и въ концѣ со-
въ столько лѣтъ.
евскій.

то нравствен-
и входить въ
а, хотя впол-
ность такой

Достоевскій
еть никакой

но оно не
вно полный
олнѣ совре-
вють обще-

и поставили
а интереса.

ду наиболѣе
юду вносятъ
ь о произве-

буждать его
еть—значитъ
его произве-

большую частію черноземная, только близъ южной границы имѣнія попадаются узкія полосы песку. Помѣщичья усадьба состоитъ изъ прекраснаго дома о 17 комнатахъ, со службами, и при немъ фруктовый садъ на 10 десятинахъ. Самъ владѣлецъ постоянно живетъ въ имѣніи, всей душой преданъ сельскому хозяйству, заводитъ машины и вообще ведетъ хозяйство на рациональныхъ началахъ. Залогъ имѣнія онъ дѣлаетъ именно съ цѣлью расширенія своихъ хозяйственныхъ операцій. Имѣніе ожидаетъ блестящая будущность, когда вблизи его пройдетъ вѣтвь желѣзной дороги, о которой начинаютъ поговаривать; но это обстоятельство, конечно, мною не принято во вниманіе при опредѣленіи стоимости имѣнія, и я оцѣниваю его только въ сто тысячъ рублей, при чемъ ходатайствую о выдачѣ въ ссуду полностью 60 процентовъ съ этой суммы.

Банкъ назначилъ 60,000, которые и подѣлили пополамъ Червонный и Сбитневъ.

Черезъ полгода штука агента должна была открыться: Сбитневъ и не думалъ вносить платежи банку, а на совѣтъ Червоннаго заплатить хоть за одно полугодіе, расхохотался и сказалъ:

— Что я за дуракъ!. Пускай банкъ продаетъ.

Червонный самъ заплатилъ проценты: ему было невыгодно такое скорое разоблаченіе его продѣлки, потому что онъ рассчитывалъ еще что-нибудь заработать съ банка.

Ивановичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ТАЛАНТЛИВЫЙ НЕУДАЧНИКЪ.

Полное собраніе сочиненій Ф. М. Достоевскаго. Томъ *первый*. Біографія, письма и замѣтки изъ записной книжки. Спб. 1883.

Литераторъ пишетъ тридцать лѣтъ и въ концѣ со-
всѣмъ не знаетъ, для чего онъ писалъ столько лѣтъ.

Достоевскій.

I.

Настоящая замѣтка имѣетъ въ виду исключительно нравствен-
ную личность Достоевскаго. Мы совсѣмъ не намѣрены входить въ
критическій разборъ произведеній покойнаго романиста, хотя впол-
нѣ, разумѣется, признаемъ всю важность и плодотворность такой
задачи. Направленіе, на горячее служеніе которому Достоевскій
отдалъ большую часть своей дѣятельности, не имѣетъ никакой
будущности, — въ этомъ мы убѣждены непоколебимо; но оно не
умерло, оно живетъ и вліяетъ. Вотъ почему возможно полный
анализъ идей Достоевскаго мы признали-бы теперь вполнѣ совре-
меннымъ, главнымъ образомъ тѣхъ идей, которыя имѣютъ обще-
ственный, а не только этическій характеръ.

Но и въ тѣхъ тѣсныхъ рамкахъ, въ которыя мы поставили
свою задачу, она, сдается намъ, все-таки не лишена интереса.
Дѣло въ томъ, что Достоевскій принадлежитъ къ числу наиболѣе
субъективныхъ писателей, т. е. такихъ, которые повсюду вносятъ
свою личность, свою мысль, свою страсть. Говорить о произве-
деніяхъ Достоевскаго — значитъ, въ то-же время, обсуждать его
личность и, наоборотъ, характеризовать его личность — значитъ
(правда, въ гораздо меньшей мѣрѣ) характеризовать его произве-

денія, предрѣшать а ргіогі общественное и литературное значеніе ихъ. О Достоевскомъ мало сказать, что онъ былъ искрененъ. Искренній, *только* искренній писатель, при всей полнотѣ и горячности убѣжденія, все-таки не теряетъ самообладанія, не утрачиваетъ надъ собою контроля и того чувства мѣры, которое не позволяетъ искренности переходить — сначала въ надоедливую экспансивность, а затѣмъ и прямо въ какую-то нравственную распушенность и даже неряшливость. А Достоевскій всегда писалъ точно въ горячкѣ, не взвѣсивая словъ, не стѣсняясь никакими условіями, не заключая себя ни въ какія границы. Онъ заботился не о читателѣ, не объ его умственныхъ потребностяхъ и интересахъ, а лишь о томъ, чтобы какъ-нибудь высказать то, что накопѣло на *его* сердцѣ, чѣмъ изболѣлась *его* душа. Его девизомъ было «что въ печи, то на столъ мечи», и, какъ извѣстный поварь, онъ не ручался за вкусъ, а ручался лишь за то, что горячо будетъ. Каковы ваши вкусы и даже просто есть-ли у васъ аппетитъ — ему не было никакого дѣла. Ему, огромному литературному таланту, не было дѣла даже до поэзіи, до поэтическихъ сторонъ жизни, напримѣръ, до природы: во всѣхъ многочисленныхъ романахъ и повѣстяхъ Достоевскаго мы не можемъ припомнить ни единого описанія картинъ и красотъ природы — фактъ, по истинѣ, замѣчательный и почти исключительный. (Между современными замѣчательными писателями той-же характерной чертой отличается г. Успенскій). Достоевскаго интересовалъ только человекъ, и не просто человекъ, не обыкновенный человекъ, а какой-то исключительный, больной, странный, чудной, — человекъ, во всемъ похожій на самого Достоевскаго. Проза Достоевскаго — одна сплошная лирика, въ которую авторъ внесъ и свои слезы, и свою желчь, и свою кровь. Нѣтъ, кажется, у Достоевскаго такого, сколько-нибудь значительнаго персонажа *), въ котораго онъ не вложилъ-бы частицы своей души, той или другой, высокой или низменной, черты своего собственного я. Тома Опискинъ («Село Степанчиково»), князь Мышкинъ («Идіотъ») циникъ Карамазовъ — отецъ и аскетъ Карамазовъ — сынъ (младшій), Ваня — герой «Униженныхъ и оскорбленныхъ» и герой «Записокъ изъ подполья», старецъ Зосима и Свидригайловъ — всѣ эти и еще множество другихъ, повидимому, ничего общаго между собою неимѣющихъ, лицъ и характеровъ могутъ похвалиться тѣмъ, что въ ихъ великихъ и малыхъ, чистыхъ и нечистыхъ сердцахъ, отражается, «какъ солнце въ малой каплѣ

*) Знаменитыя „Записки изъ мертваго дома“ стоятъ совершенно особнякомъ въ ряду другихъ произведеній Достоевскаго. Это, въ полномъ смыслѣ слова, гениальное произведение есть въ то-же время продуктъ чистаго реализма съ весьма слабымъ участіемъ субъективнаго элемента.

водъ», оригинальный, сложный и странный образъ ихъ общаго творца. Какъ художникъ, Достоевскій крайне неровенъ; неровенъ онъ и какъ человѣкъ. Онъ болѣе чѣмъ кто-либо другой могъ-бы характеризовать себя знаменитымъ стихомъ:

Я царь, я рабъ, я червь, я богъ!

Еще Гоголь, если не ошибаемся, высказалъ замѣчаніе, что писателю нельзя навязывать качества и свойства изображенныхъ имъ лицъ. Вотъ мысль, которая, при всей своей кажущейся справедливости, рѣшительно не годится въ критику, и въ особенности по отношенію къ такимъ, до односторонности субъективнымъ, писателямъ, какъ Достоевскій. Не даромъ говорятъ французы, что *c'est le ton qui fait la musique*, и хороша была-бы та критика, которая не сумѣла-бы опредѣлить и угадать, по крайней мѣрѣ, отношеній художника къ его типамъ и характерамъ! Не въ томъ дѣло, съ любовью или съ ненавистью относится художникъ къ тѣмъ или другимъ своимъ персонажамъ, а въ томъ, относится-ли онъ къ нимъ спокойно или съ тою страстностью, которая свидѣтельствуетъ о присутствіи личнаго элемента, о томъ, что художникъ своими изображениями затрогиваетъ свои собственные сердечныя струны, ворошитъ свою собственную душу. У Достоевскаго эта страстность доходила до какой-то мучительности, до нервнаго раздраженія, до болѣзни. За чужое дѣло люди такъ не волнуются. Такъ любить можно только свою святыню и такъ негодовать и злобствовать можно не на отвлеченную идею порока, а на порокъ, ненавистное присутствіе котораго мы ощущаемъ въ самихъ себѣ, и тѣмъ болѣзненнѣе, чѣмъ смѣлѣе его бичуемъ и караемъ. Есть же вѣдь предѣлъ художническому проникновенію въ вещи, художнической проникательности. Если вы рассказываете намъ о такихъ человѣческихъ уклоненіяхъ отъ нормы, о которыхъ мы, обыкновенные люди, до сихъ поръ даже не подозрѣвали, и рассказываете съ поразительною правдою и силою изображенія—вы простите намъ догадку, что эта правда далась вамъ не однимъ только путемъ «безсознательнаго» воспріятія. Самообвиненіе всегда бываетъ горьче и язвительнѣе обвиненія, точно также какъ самозащита всегда болѣе горяча, если не всегда болѣе убѣдительно, нежели защита. Если это соображеніе справедливо относительно простыхъ смертныхъ, то почему его нельзя примѣнить хотя бы даже и къ величайшимъ художникамъ?

Читатель, надѣмся, понимаетъ нашу мысль и, стало быть, понимаетъ, почему мы утверждаемъ, что для того, кто хочетъ составить себѣ опредѣленное понятіе о сложной и глубокой личности Достоевскаго, необходимо имѣть въ виду не біографіи только этого писателя, не его отношенія къ близкимъ людямъ, не внѣш-

ніе факты его жизни, а непременно всю совокупность его работъ. Если жизнь Достоевскаго, т. е. его внѣшняя судьба, отчасти объясняетъ собою исторію развитія его духа, то еще гораздо болѣе многіе крупныя факты его біографіи объясняются единственно оригинальнымъ и причудливымъ складомъ его ума, таланта и всей его духовной организаціи, проявленія которыхъ можно искать только въ его произведеніяхъ. Приведемъ примѣръ, который хорошо пояснитъ нашу мысль. Въ письмахъ Достоевскаго, напечатанныхъ въ этомъ томѣ его «сочиненій», каждаго читателя поражаетъ прежде всего одна яркая черта: это вѣчная, кака-то странная и судорожная погоня Достоевскаго за «презрѣннымъ металломъ». Прочтите *любое* письмо Достоевскаго, и вы въ каждомъ изъ нихъ встрѣтите или жалобы вообще на тяжкую нужду, или просьбу хлопотать о выдачѣ ему изъ какой-нибудь редакціи аванса, или извѣщенія по поводу неаккуратности въ уплатѣ какого-нибудь долга, или завистливыя соображенія о томъ, что богачу—Тургеневу платятъ по столько-то съ листа, а ему, бѣдняку—Достоевскому, по столько-то, гораздо меньше, и т. п. Все-бы это еще куда ни шло, но отчаянный, страстный тонъ всѣхъ этихъ просьбъ и жалобъ, тонъ какихъ-то смертныхъ моленій и заклинаній, производитъ самое гнетущее впечатлѣніе. Чтобы повончить здѣсь съ этой сторонной дѣла, приведемъ (почти наудачу) отрывокъ изъ одного письма Достоевскаго къ г. Майкову, его близкому другу.

„...если Кашпиревъ согласенъ будетъ исполнить мою просьбу о деньгахъ, то пусть вышлетъ первые 75 руб. сейчасъ, не медля ни мало. Написалъ ему, что прибѣгаю ко всей деликатности его ума и сердца, чтобы онъ не обидѣлся за настойчивость о присылкѣ *сейчасъ и не медля ни мало*, но пусть вынужетъ и пойметъ, *что для меня время и срокъ помощи чуть не важнѣе самихъ денегъ*. Ибо равнымъ образомъ его прошу: что если онъ не заблагоразсудитъ помочь мнѣ и откажетъ, то всетаки пусть сейчасъ-же извѣститъ меня объ отказѣ, *не медля ни мало*. (Курсивъ вездѣ принадлежитъ самому Достоевскому). Написалъ при этомъ, что для этого извѣщенія объ отказѣ достаточно для меня будетъ получить хоть двѣ строчки рукою секретаря его редакціи, но только *сейчасъ*, для того, чтобы я могъ скорѣе принять *последнія мѣры* и не ждать праздно возможности присылки денегъ (тутъ я еще второй разъ въ письмѣ къ Кашпиреву солгалъ по поводу этихъ *последнихъ мѣръ*, объясняя ему, что я принужденъ буду сейчасъ-же продать послѣднія и необходимаѣйшія вещи, и за вещь, стоящую 100 талеровъ, взять 20, что, конечно, принужденъ буду сдѣлать, для спасенія жизни трехъ существъ, если онъ *замедлитъ* отвѣтомъ, хотя-бы и удовлетворительнымъ. Что я чрезъ недѣлю стану продавать послѣднія вещи, если не получу денегъ, то это правда полная, ибо иначе никакъ нельзя; но солгалъ я въ томъ, что буду продавать сто-рублевныя вещи. Двѣ-три сторублевныя вещи, у насъ бывшія, уже давнымъ давно, сейчасъ-же по приѣздѣ въ Дрезденъ, заложены и дѣйствительно по оцѣнкѣ высто 100 рублей—двадцать. Но теперь придется продать бѣлье, пальто и пожалуй сюртукъ; ибо, хоть и напишу Каткову, но всетаки *раньше мѣсяца* оттуда денегъ не будетъ, хотя и будутъ навѣрно). Изложивъ вамъ содержа-

нѣ письма къ Кашпиреву, излагаю мою личную, особенную и чрезвычайную просьбу къ вамъ; пособите по-христіански, дружески и по-товарищески! Не потяготитесь! Послѣдній разъ утруждаю васъ. Просьба-же въ слѣдующемъ:

Такъ какъ Страховъ писалъ мнѣ, что вы довольно близко знакомы съ Кашпиревымъ, то съѣздите сейчасъ по полученіи этого письма и не отлагая къ Кашпиреву и попросите его, чтобъ онъ исполнилъ мою просьбу о *немедленномъ ответѣ*. Главное, чтобъ былъ *немедленный ответъ*. Ну вотъ и вся моя просьба къ вамъ. Но поймите, дорогой другъ, до какой степени она важна для меня теперь въ моемъ положеніи“ (207).

Сами видите, что это такое: это вопль погибающаго, это крикъ утопающаго, что-то отчаянное и ужасное. Такихъ писемъ, въ такомъ именно тонѣ,—цѣлая масса. Если-бы игра стоила свѣчъ, было-бы вовсе не трудно доказать, что заработокъ Достоевскаго былъ болѣе чѣмъ достаточенъ, чтобы избавить его отъ тисковъ *такой* нужды и отъ этого назойливаго нытья и приставанья къ своимъ друзьямъ о помощи. Въ чемъ-же дѣло? На первый взглядъ тутъ возможны два предположенія, объясняющія этотъ странный и печальный фактъ постоянного попрошайничества Достоевскаго. Можно допустить, во-первыхъ, что знаменитый романистъ нашъ былъ своего рода Гарпагономъ или Плюшкинымъ, который просто не могъ видѣть денегъ въ чужихъ рукахъ безъ того, чтобы не попытаться, такъ или иначе, овладѣть ими, хоть только на время, на нѣсколько дней, на нѣсколько часовъ. Но можно сдѣлать и другое предположеніе, не менѣе правдоподобное, хотя и совершенно противоположнаго характера, именно, что Достоевскій принадлежалъ къ числу тѣхъ «божьихъ людей», которыя совсѣмъ не знаютъ деньгамъ цѣны и вѣчно нуждаются, какъ бы ни были велики ихъ заработокъ или доходъ *).

Оба эти объясненія правдоподобны и оба они въ настоящемъ случаѣ никуда не годятся, какъ это доказывается фактами изъ біографіи Достоевскаго. Что онъ не былъ Плюшкинымъ,—это доказывается хотя-бы тѣмъ, что, послѣ смерти своего брата, онъ принялъ его долги на себя, къ чему писанный законъ нисколько его не обязывалъ. Что онъ не былъ безребренникомъ,—это видно изъ его безпрестанныхъ оханій о томъ, что ему несправедливо мало платятъ, изъ его сѣтованій на своего издателя, Стелловскаго, изъ его ежеминутныхъ, мелкихъ, копѣчныхъ расчетовъ и пр. Если-бы мы довольствовались только тѣмъ матеріаломъ, который заклю-

*) Замѣтимъ здѣсь кстати, что біографы и почитатели Достоевскаго именно такимъ образомъ, т. е. его безалаберностью въ денежныхъ дѣлахъ, объясняютъ его хроническое безденежье, при чемъ, однако-же, сами говорятъ, что близкіе къ Достоевскому люди взяли, наконецъ, въ свои руки его дѣла, и жалобы Достоевскаго все-таки не прекратились, даже усилились. Объ этихъ курьезныхъ біографіяхъ будетъ еще, впрочемъ, рѣчь впереди.

чается въ биографическихъ данныхъ о Достоевскомъ, намъ такъ-бы и пришлось остаться въ недоумѣніи передъ этимъ фактомъ, имѣющимъ два объясненія, одинаковыхъ по правдоподобию, но далеко не одинаковыхъ съ точки зрѣнія ихъ значенія для характеристики нравственной личности нашего романиста. Но тутъ является на помощь намъ Достоевскій—художникъ и однимъ удачнымъ образомъ объясняетъ все дѣло. Вспомнимъ, напр., Прохарчина. Это человѣкъ, который жаденъ до денегъ какъ Плюшкинъ, но который тѣмъ не менѣе вовсе не Плюшкинъ, любящій деньги ради самихъ денегъ. Прохарчинъ—мнителенъ, боязливъ, подозрителенъ, недоувѣрчивъ,—пуще всего мнителенъ. Жизнь представляется ему сдѣвленіемъ случайностей, и непремѣнно несчастныхъ, въ людяхъ онъ подозрѣваетъ враговъ, которые спятъ и видятъ, какъ-бы устроить ему какую-нибудь каверзу. Его мучитъ сознаніе своей необезпеченности. «Сегодня нуженъ, завтра нуженъ, а тамъ и не нуженъ», со страхомъ говоритъ онъ, и призракъ созданной его больнымъ воображеніемъ бѣды принимаетъ уже реальныя формы.

Достоевскій, конечно, не Прохарчинъ, но прохарчинства въ немъ было очень даже достаточно. Развѣ письмо, отрывокъ изъ котораго мы привели, не чистѣйшее прохарчинство? Высокоталантливый писатель, въ полномъ разцвѣтѣ своихъ силъ, пользующійся огромной популярностью, боится пропасть съ голоду («для спасенія жизни трехъ существъ») вмѣстѣ со своимъ семействомъ! Мы не оспариваемъ искренности этихъ опасеній Достоевскаго, напротивъ, мы на ней настаиваемъ. Этотъ смертельный страхъ рядомъ съ пустѣйшею причиною, вызывающею его—въ этомъ именно и состоитъ сущность прохарчинства, съ такою глубиною изображеннаго Достоевскимъ. Мнительность по отношенію къ людямъ и вещамъ, доходящая до болѣзни, до маніи, такъ или эдакъ, здѣсь или тамъ, но непремѣнно найдетъ себѣ пищу, и если-бы Достоевскій былъ вполне обезпеченный человѣкомъ—измѣнился-бы только объектъ его опасеній, а самыя эти опасенія сохранили-бы всю свою силу. Съ тою-же трѣвогою, съ такимъ-же отчаяніемъ онъ сталъ-бы писать своимъ друзьямъ, напр., о близкой своей смерти по поводу вскочившаго у него на лицѣ какого-нибудь прыща.

Въ маньячествѣ, въ болѣзненности душевной лежитъ ключъ къ разгадкѣ какъ личности Достоевскаго, такъ и его произведеній, переполненныхъ всевозможными маньяками. Смѣемъ думать, что это объясненіе наше не только правильнѣе вообще, но и выгоднѣе по отношенію къ самому Достоевскому, нежели завѣренія его друзей и почитателей, что ихъ кумиръ былъ не только вполне нормальнымъ, здоровымъ, но и образцовымъ человѣкомъ. Наше

объясненіе снимаетъ съ Достоевскаго значительную дозу отвѣтственности какъ въ нравственномъ такъ и въ умственномъ отношеніи, хотя-бы въ приведенномъ только что примѣрѣ. Представьте, что эти непрерывныя (всѣ письма Достоевскаго ими переполнены) слезныя, унижительныя мольбы о помощи идутъ со стороны вполне нормальнаго и здороваго человѣка: что подумаете вы о немъ? Вы подумаете — и будете правы — что этотъ человѣкъ лишенъ всякаго чувства достоинства; что у него нѣтъ элементарной деликатности, которая даже истинно нуждающагося человѣка воздерживаетъ отъ размазыванья и раскрашиванья своихъ несчастій; что онъ, наконецъ, недалеко ушелъ отъ тѣхъ, «благородныхъ чеазковъ» съ подозрительно наружною и съ сивушнымъ букетомъ, которые останавливаютъ на улицѣ всѣхъ прилично одѣтыхъ людей. Хорошую, нечего сказать, услугу оказываютъ Достоевскому гг. Миллеръ и Страховъ, выставляя его какъ образецъ нравственнаго совершенства! Мы будемъ справедливы, снисходительны къ Достоевскому. Мы будемъ помнить, что передъ нами душевно больной человѣкъ, къ которому нельзя примѣнять обычныхъ нормъ.

II.

Обращаясь къ біографамъ Достоевскаго — гг. Миллеру и Страхову, мы предупреждаемъ читателя, что дѣлаемъ это не ради напраснаго препирательства съ этими господами, а ради самого Достоевскаго и его нравственныхъ интересовъ. Дѣло извѣстное, услужливый другъ, въ родѣ г. Миллера, бываетъ опаснѣе врага, и если-бы читатель усвоилъ себѣ взглядъ почтеннаго профессора на Достоевскаго, послѣднему пришло-бы очень плохо. Г. Миллеръ безусловно благоговѣетъ передъ личностью Достоевскаго и, какъ всякій такой слѣпой поклонникъ, рѣшительно не понимаетъ своего идола. Да и какъ-же иначе? Пониманіе достигается путемъ критическаго отношенія, а развѣ идолопоклонство совмѣстимо съ критикой? Съ первыхъ-же шаговъ, на первой-же страницѣ, г. Миллеръ, мимоходомъ и, невольно, но совершенно точно опредѣляетъ свой взглядъ на задачу біографа вообще и, въ частности, на свою роль по отношенію къ памяти Достоевскаго. Г. Миллеръ говоритъ: «романами Достоевскаго, какъ источникомъ для его біографіи, можно пользоваться только съ величайшею осторожностью. Такая осторожность соблюдена далеко не вездѣ въ рѣчи о Достоевскомъ пр. Булича, призвавшаго за автобіографическій матеріалъ даже «Записки изъ подполья». Ясное дѣло, что почтенный профессоръ смотритъ на біографію, какъ на формулярный списокъ, только, разумѣется, болѣе подробный и обстоятельный. Когда человѣкъ

родился, когда женился, когда умеръ—вотъ что называется биографіей. А какъ онъ думалъ, какъ онъ дѣйствовалъ и что чувствовалъ—это уже вопросъ иной, выходящій изъ предѣловъ задачи біографа. Сообразно съ этимъ своимъ взглядомъ, г. Миллеръ не считаетъ напраснымъ дѣломъ поломать голову надъ великой важности вопросомъ, гдѣ именно, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, юноша—Достоевскій простудилъ себѣ горло (см. стр. 28), но даже не пытается характеризовать нравственную личность своего божка: онъ только благоговѣть. Съ одной стороны, это, конечно, прекрасно и дѣлаетъ честь добросовѣстности г. Миллера. Если Господь обидѣлъ человѣка способностями и надѣлилъ его только аккуратностью, онъ поступить хорошо, если, не берясь не за свое дѣло, погрузится въ исчисленіе насморковъ и кашлей, схваченныхъ тою или другою знаменитостью. Но совѣтъ ужъ не прекрасно то, что г. Миллеръ часто измѣняетъ себѣ и высказываетъ мнѣнія и сужденія, которыя, какъ и всякое мнѣніе, должны быть чѣмъ-нибудь мотивированы, какъ-нибудь обоснованы. Г. Миллеръ считаетъ это очевидно лишнимъ дѣломъ. Онъ говоритъ, напримеръ: «уроки «народной правды» начались для Достоевскаго еще въ дѣтствѣ и слѣды ихъ не простывали и во время тѣхъ увлеченій, которыя довели его до Сибири. Острогъ только послужилъ для него *высшимъ курсомъ* «народной правды» (136). На чемъ основывается это любопытное мнѣніе? Исключительно на томъ, что «точно такъ-же смотрѣлъ на свою судьбу самъ Достоевскій» (127). Для г. Миллера этого резона, разумѣется, достаточно, но достаточно-ли его для того, кто согласенъ уважать великій художественный талантъ Достоевскаго, но вовсе не согласенъ считать знаменитаго романиста непогрѣшимымъ? Въ томъ-то и комизмъ положенія: г. Миллеръ предполагаетъ непременно и въ читателѣ та-кого-же правовѣрнаго поклонника Достоевскаго, каковымъ онъ является самъ, и соответственнымъ языкомъ и говоритъ съ нимъ, соответственныя чувства и предполагаетъ въ немъ: «учитель сказалъ», какъ средневѣковъ схоластикъ, говорить г. Миллеръ и совершенно успокоивается, а читателю смѣшно.

Въ другомъ мѣстѣ г. Миллеръ приводитъ отрывокъ изъ одного юношескаго письма Достоевскаго, отрывокъ, дѣлающій честь уму и чувству молодого писателя. «Не унывай духомъ, братъ! пишетъ Достоевскій.—Просвѣтлѣетъ время. Видишь-ли, чѣмъ больше въ насъ самихъ духа и внутренняго содержанія, тѣмъ краше нашъ уголь и жизнь... Я много думаю о тебѣ. Но Боже! Какъ много отвратительныхъ, подло-ограниченныхъ, сѣдобродныхъ мудрецовъ, знатоконъ-фарисеевъ жизни, *гордищихся* опытностью, т. е. своею безличностью (ибо всѣ въ одну мѣрку сточены), негодныхъ, которые

вѣчно проповѣдуютъ довольство судьбой, вѣру во что-то, ограниченіе въ жизни и довольство своимъ мѣстомъ, довольство, похожее на монастырское истязанія и ограниченіе, и съ неистощимою мелкою злобою осуждающихъ сильную, горячую душу, не выносящую ихъ пошлаго дневного распisanія и календаря жизненнаго. Подлецы они со своимъ водевильнымъ земнымъ счастьемъ! Подлецы они!» Читателю, измученному чтеніемъ писемъ, переполненныхъ мольбами о вспомоствованіи, просто отрадно остановиться на этомъ оазисѣ, пріятно выслушать эту горячую, благородную юношескую рѣчь. Но г. Миллеръ ужъ тутъ какъ тутъ. Памятуя, что авторъ «Карамазовыхъ» ничего не имѣлъ противъ «монастырскаго истязанія», г. Миллеръ хмуро замѣчаетъ: «судя по приведеннымъ строкамъ письма, надо думать, что Бѣлинскій возимѣлъ тогда рѣшительное вліяніе на человѣка» (72). Г. Миллеръ воображаетъ, что онъ дѣло сдѣлалъ, услугу оказалъ Достоевскому, очистивши его отъ подозрѣнія въ «отрицаніи» и взваливъ всю вину на Бѣлинскаго, а читателю опять смѣшно на почтеннаго профессора, на усерднаго не по разуму друга.

Г. Страховъ — другой біографъ Достоевскаго—не столь простодушенъ, какъ г. Миллеръ, и избралъ себѣ другую тактику и даже другую цѣль. Онъ тоже, разумѣется, благоговѣетъ передъ Достоевскимъ, но, воскуривая ему фиміамъ, онъ заботится не столько о свосмъ умершемъ другѣ, сколько о возвеличеніи и прославленіи того общаго умственнаго направленія, представителемъ котораго, по мнѣнію г. Страхова, служитъ Достоевскій. Въ принципѣ противъ этой тактики ровно ничего нельзя сказать. Напротивъ, это прекрасно, что г. Страховъ, говоря о мертвомъ другѣ, не забываетъ того живого дѣла, которому онъ служитъ и судьба котораго, конечно, важнѣе, нежели чья-бы то ни было личная судьба. Равнымъ образомъ, мы совершенно понимаемъ ту гордость и то удовольствіе, съ какими человѣкъ, защищающій любимое дѣло, можетъ указать на свою солидарность съ людьми выдающихся талантовъ, большихъ заслугъ, огромной популярности. Но чрезмѣрное усердіе и на этотъ разъ явилось помѣхою. Г. Страховъ на первыхъ-же порахъ заявляетъ, что «дѣятельность Ѳедора Михайловича шла въ разрѣзъ съ общимъ петербургскимъ настроеніемъ и преимущественно онъ, силою таланта и жаромъ проповѣди, далъ значительный успѣхъ другому настроенію, болѣе широкому, русскому, а не петербургскому» (170). На этой точкѣ зрѣнія г. Страховъ остается до конца. Онъ постоянно и категорически называетъ Достоевскаго «представителемъ» направленія, очевидно, не подозрѣвая даже возможности другого взгляда, напр., того, по которому Достоевскій выходитъ не представителемъ, а *жертвою*

этого пресловутаго «русскаго» направленія. Происходить это отъ того, что, въ качествѣ крѣпко убѣжденнаго человѣка, г. Страховъ не усматриваетъ никакихъ изъясновъ въ этомъ «направленіи», а самого Достоевскаго—что вполне логично—считаетъ образцомъ здравого смысла. Съ этой иллюзіей г. Страхову слѣдовало-бы разстаться. Крупный и яркій талантъ, помимо всякаго направленія и даже содержанія, непременно добьется успѣха. Но успѣхъ таланта еще не есть торжество идеи. Между тѣмъ, г. Страховъ доходитъ до того, что даже оваціи, сдѣланныя Достоевскому на пушкинскомъ празднествѣ, относить не къ нему, а къ кружку такъ называемыхъ «почвенниковъ», блаженной памяти. Онъ говоритъ: «мнѣ вспомнился весь нашъ лит. ратурный кружокъ, «Русское Слово» (1859), «Время», «Эпоха», «Заря», «Гражданинъ»... Это были кучки людей, всегда придававшихъ литературному художеству высокое значеніе и потому видѣвшихъ въ Пушкинѣ свое главное свѣтило. Никто лучше Аполлона Григорьева не писалъ о Пушкинѣ, и никакіе другіе кружки не были больше преданы литературѣ. Къ этимъ кружкамъ примыкалъ Ѳедоръ Михайловичъ, въ иныхъ изъ нихъ былъ руководителемъ и когда-то далъ этому направленію особое названіе *почвенниковъ*... Вотъ какое направленіе, думалось мнѣ, одержало верхъ на пушкинскомъ праздникѣ. Если тутъ Ѳедоръ Михайловичъ побѣдилъ западниковъ и превзошелъ славянофиловъ, то, конечно, только въ силу того широкаго взгляда, который избѣгаетъ нѣкоторыхъ крайностей тѣхъ и другихъ, который хотя отвергаетъ безусловное преклоненіе передъ Западомъ, но не столько чуждается его духовной жизни, какъ исключительное славянофильство, и видитъ и въ современной нашей умственной жизни больше здороваго содержанія, чѣмъ успѣвали находить славянофилы. И такъ, то, что случилось, было естественно и неизбѣжно. На пушкинскомъ торжествѣ должна была одержать верхъ та партія, которая во все продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ питала и исповѣдывала поклоненіе Пушкину, а Достоевскій, самый важный и дѣятельный представитель этой партіи, долженъ былъ получить вѣнокъ первенства, какъ то, что ему принадлежало по всеѣмъ правамъ и заслугамъ» (313). Само собою разумѣется, что въ торжественныхъ похоронахъ Достоевскаго г. Страховъ усматриваетъ еще болѣе яркое свидѣтельство въ пользу «русской» или «почвенной» партіи. Едва-ли нужно доказывать, что все эти претензіи смѣшны до послѣдней степени. Ни прежде, ни теперь прославляемая г. Страховымъ партія не возбуждала ничего, кромѣ ироніи или недоумѣнія. Какъ прежде, такъ и теперь ученіе этой партіи представляетъ собою—выражаясь словами Достоевскаго—

«напльвъ странныхъ и безпокойныхъ словъ и безпорядочно восторженныхъ мыслей, какъ-бы толкающихся въ какой-то суматохѣ и перескакивающихъ одна черезъ другую». Но г. Страховъ идетъ дальше. Онъ ириципляетъ къ хвосту Достоевскаго не только свой кружокъ, но и свою собственную персону, которую рекомендуетъ (это въ чужой-то биографіи!) въ такихъ трогательныхъ выраженіяхъ: «съ дѣтства я былъ воспитанъ въ чувствахъ безграничнаго патріотизма; я росъ въ дали отъ столицъ, и Россія всегда являлась мнѣ странною, исполненною великихъ силъ, окруженною несравненною славою, первою странною въ мірѣ, такъ что я въ точномъ смыслѣ слова благодарилъ Бога за то, что родился русскимъ. Поэтому я долго потомъ не могъ даже вполнѣ понимать явленій и мыслей, противорѣчившихъ этимъ чувствамъ; когда-же я, наконецъ, сталъ убѣждаться въ презрѣніи къ намъ Европы, въ томъ, что она видитъ въ насъ народъ полуварварскій, и что намъ не только трудно, а просто невозможно заставить ее думать иначе, то это открытіе было мнѣ невыразимо больно, и боль эта отзывается и до сегодня. Но я никогда и не думалъ отказываться отъ своего патріотизма и предпочесть родной землѣ и ея духу—духъ какой-бы то ни было страны» (248). Къ чему все это, скажите пожалуйста? Все дѣло въ томъ, что какъ пр. Миллеръ, такъ и г. Страховъ являются не биографами, а какими-то имянинниками, которые очень весело празднуютъ на чужой счетъ свой домашній праздникъ. На *чужой счетъ*, говоримъ мы, потому что та сила таланта, та страстность слова, та глубина анализа—всѣ тѣ свойства, которыя доставили Достоевскому вліяніе и популярность, составляютъ его личное достояніе, а не достояніе какого-нибудь «кружка». Не содержаніемъ, а страстностью своей проповѣди увлекалъ Достоевскій. Онъ именно увлекалъ, а не убѣждалъ, поэтически грезилъ, а не мыслилъ, волновалъ, а не поучалъ. Г. Страховъ двадцать лѣтъ развиваетъ идеи, которыя были и идеями Достоевскаго, и между тѣмъ—гдѣ его слушатели? Аполлонъ Григорьевъ—оракулъ «кружка»—отпугивалъ читателей однимъ своимъ именемъ, одною своею подписью. Могло-ли бы это быть, если бы идеи «кружка» обладали дѣйствительною силою и жизненностью? Истина въ особенныхъ украшеніяхъ не нуждается. Ея обаятельность заключается не въ красивости, а въ ея соотвѣтствіи съ насущными потребностями жизни и времени.

III.

Мы назвали Достоевскаго «неудачникомъ». Повидимому, это названіе меньше всего идетъ къ человѣку, прожившему свой вѣкъ хотя и не безъ тяжелыхъ испытаній, но, въ общемъ результатъ,

съ рѣшительнымъ перевѣсомъ отрадныхъ впечатлѣній надъ печальными. Еще болѣе странно считать неудачникомъ писателя, который сразу завоевалъ себѣ громкій успѣхъ, до послѣднихъ дней своей жизни сохранилъ всю энергію своего дарованія и популярности котораго постоянно увеличивалась и расширялась. Гдѣ-же тутъ неудача? Съ формальной стороны ея дѣйствительно нѣтъ. Но вѣдь задача всякаго настоящаго, т. е. убѣжденнаго писателя состоитъ не въ томъ, чтобы заставить себя слушать, а, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы убѣдить, не въ томъ, чтобы завоевать сердца, а въ томъ, чтобы покорить умы. Съ этой точки зрѣнія необходимо признать, что дѣятельность Достоевскаго потерпѣла у насъ полнѣйшее фіаско. Это не мнѣніе наше—это фактъ, на который указывалъ самъ Достоевскій. По свидѣтельству г. Майкова, Достоевскій, «послѣ кликовъ, рукоплесканій и вѣнковъ, которыми удостоивали его на публичныхъ чтеніяхъ, говаривалъ: да, да, все это хорошо, да все-таки главнаго не понимаютъ». Въ другомъ случаѣ Достоевскій воскликнулъ: «многіе насъ понимаютъ? Все, моль, это квась! Шовинизмъ! Мистицизмъ! Искусство для искусства!»

Большей неудачи и представить, кажется, себѣ нельзя. «Литераторъ пишетъ тридцать лѣтъ и въ концѣ совсѣмъ не знаетъ для чего онъ писалъ столько лѣтъ»—эти шутивно-ироническія слова Достоевскаго (взятія нами эпиграфомъ) примѣняются къ нему цѣликомъ и уже безъ всякихъ шутокъ. Мы не думаемъ сказать, что дѣятельность Достоевскаго не принесла никакихъ результатовъ: крупная сила не можетъ пройти совершенно безслѣдно. Но результаты эти были не тѣ, какихъ желалъ Достоевскій. Достоевскій, желая *направить* нашу мысль, на самомъ дѣлѣ только *будилъ* ее, а это два дѣла существенно между собою различныя. По самой натурѣ своей Достоевскій былъ не мыслителемъ, а исключительно художникомъ; не пропагандистомъ, а агитаторомъ; не проповѣдникомъ, а, если угодно, какимъ-то пророкомъ, который «сердца волнуетъ, мучитъ, какъ своенравный чародѣй». Это поэтъ, которому во что-бы-то ни стало хотѣлось быть политикомъ. Онъ не понималъ самъ себя, и послѣ этого что-же удивительнаго, что его не понимали другіе. Нельзя представить себѣ такой сложной и разносторонней идеи, которую трудно было-бы выяснить въ теченіи цѣлыхъ десятковъ лѣтъ при пособіи огромнаго литературнаго таланта, никогда не ослабѣвавшей энергіи и страсти. Между тѣмъ Достоевскому, какъ мы видѣли, подъ самый конецъ жизни приходилось сознаваться, что «все-таки главнаго не понимаютъ». И такого пониманія дѣйствительно не было, какъ нѣтъ и теперь. Кто виноватъ въ этомъ? Оставляя въ сторонѣ всякія пиртійныя при-

страстія, вдумываясь въ проповѣдь Достоевскаго съ полною серьезностью и искренностью, мы убѣждены все-таки, что каждый читатель, привышій къ сколько-нибудь отчетливому мышленію, остановится передъ Достоевскимъ съ недоумѣніемъ. «Найди себя въ себѣ», «смирись, гордый человѣкъ», «будьте русскими людьми», «найдите Христа», «преклонитесь передъ народной правдой»—все это довольно эффектные темы для лирика, все это красивые образы, звучные афоризмы, но все это совѣмъ не идеи. Идея допускаетъ развитіе, допускаетъ практическое приложеніе, а что дѣлать съ требованіями Достоевскаго? Ну, какъ, въ самомъ дѣлѣ, приступить къ отыскиванію «себя въ себѣ» или къ усмиренію своей гордости, допуская даже, что вы совершенно увѣровали въ важность этихъ задачъ? Съ другой стороны, развитіе этихъ «идей» самимъ Достоевскимъ дѣйствительно приводило его въ сферѣ политики—къ шовинизму и къ идеализаціи національнаго кваса, въ сферѣ нравственности—къ мистицизму, въ сферѣ творчества—къ теоріи искусства для искусства. «Новое слово» Достоевскаго оказывалось постоянно только подновленнымъ, а въ сущности очень старымъ словомъ. Никакія «обстоятельства» не могли помѣшать высказаться Достоевскому съ какою угодно полнотою. Въ этомъ отношеніи онъ былъ поставленъ, благодаря счастливой мысли изданія своего «Дневника», въ такія условія, которыя давали просторъ самой причудливой оригинальности и эксцентричности. И Достоевскій пользовался этимъ просторомъ широко. Ежемѣсячно, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ являлся передъ нами въ видѣ какого-то вдохновеннаго Петра Аміенскаго, который всѣхъ насъ увлекалъ своимъ горячимъ призывомъ къ покаянію и къ подвигу, воспламенялъ наши надежды, укрѣплялъ нашу готовность на самопожертвованіе и т. д.—и послѣ всего этого, какъ самъ проповѣдникъ такъ и мы, его слушатели, спокойно отправлялись по своимъ домамъ, даже не разсуждая о походѣ. Драма разрѣшалась водевилемъ, и вмѣсто крестопосцевъ являлись Репетиловы, которые «шумѣли», не болѣе того. Опять-таки спрашивается: кто былъ виноватъ въ этомъ? Въ чемъ заключается причина этой колоссальной неудачи, этой полнѣйшей немощи горячей, талантливой, усердной и настойчивой проповѣди?

Отвѣтъ на это надо искать, во-первыхъ, въ личныхъ свойствахъ самого проповѣдника, во-вторыхъ, въ содержаніи его проповѣди, въ свойствахъ вдохновлявшей его идеи. Вдумываясь въ «письма», помещенныя въ этомъ томѣ, отыскивая въ нихъ нравственныя черты ихъ автора, читатель мало-по-малу возстановляетъ передъ собою образъ, въ которомъ, откровенно говоря, слышимъ мало симпатичнаго. Это образъ человѣка самолюбиваго до самообожанія, человѣка съ

натурой деспотической и сухой, съ сердцемъ безжалостнымъ и черствымъ, съ умомъ оригинальнымъ и смѣлымъ, но узкимъ и одностороннимъ до послѣдней степени. Пора, наконецъ, сказать это безъ экивоковъ и почтительныхъ или снисходительныхъ оговорокъ. Отнимите у Достоевскаго его блестящій талантъ—и онъ останется нищимъ духомъ въ полномъ смѣслѣ слова. Это человѣколюбець, за которымъ скрывается человѣконенавистничество. Это пророкъ, въ которомъ вы разсмотрите только искуснаго ратора; это мученикъ и въ то же время инквизиторъ; это проповѣдникъ смиренія, обуянный самой сумасшедшей гордостью; это послѣдователь Христа, но не того Христа, который говорилъ: «прійдите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и я успокою васъ», а какого-то другого, грознаго и карающаго, какъ еврейскій Іегова.

Въ Достоевскомъ нужно отдѣлать то, что было въ его природѣ органическимъ, стихійнымъ элементомъ, отъ того, что въ послѣдствіи привилось къ нему жизнью и обстоятельствами. Юношескія письма Достоевскаго, какъ они ни малочисленны, оказываютъ въ этомъ случаѣ большую услугу. Самоуниженіе и самолюбіе, отсутствіе настоящаго чувства при необыкновенной восторженности внѣшней формы, искусственность энтузіазма—всѣ эти черты, отличавшія Достоевскаго постоянно, ярко связываются и въ этихъ письмахъ. Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ писемъ семнадцатилѣтняго Достоевскаго къ своему брату.

«Не знаю, стихнуть-ли когда мои грустные идеи? Одно только состоянье и дано въ удѣлъ человѣку: атмосфера души его состоитъ изъ слиянья неба съ землею; какое-же противозаконное дитя человѣкъ; законъ духовной природы нарушенъ... Мнѣ кажется, что міръ нашъ—частилище духовъ небесныхъ, огуманенныхъ грѣшиною мыслию. Мнѣ кажется, міръ принялъ значеніе отрицательное и изъ высокой, изящной духовности вышла сатира. Попадись въ эту картину лице, не раздѣляющее ни эффекта, ни мысли съ цѣлымъ, словомъ—совсѣмъ постороннее лицо, что-жь выйдетъ? Картина испорчена и существовать не можетъ. Но видѣть одну жестокую оболочку, подъ которой томится вселенная, знать что одного взрыва воли достаточно разбить ее и слиться съ вѣчностью, знать, и быть какъ послѣднее изъ созданий... Ужасно! Какъ малодушенъ человѣкъ! Гамлетъ! Гамлетъ! Когда я вспомню эти бурныя, дикія рѣчи, въ которыхъ звучитъ стenanье оцѣпенѣлаго міра, тогда ни грустный ропотъ, ни укоръ не сжимаютъ груди моей... душа такъ подавлена горемъ, что боится понять его, чтобы не растерзать себя. Разъ Паскаль сказалъ фразу: кто протестуетъ противъ философіи, тотъ самъ философия. Жалкая философія!»

Въ другомъ письмѣ Достоевскій такимъ ваясловатымъ манеромъ выражаетъ свою любовь къ брату:

«Благодарю тебя отъ души, добрый братъ мой, за твое милое письмо. Нѣтъ, я не таковъ какъ ты; ты не повѣришь, какой сладостный трепетъ сердца ощущаю я, когда приносятъ мнѣ письмо отъ тебя; и я изобрѣлъ для себя новаго рода наслажденіе—престранное—томить себя. Возьму твое письмо, пе-

ревертываю вѣсколько минутъ въ рукахъ, щупаю его, полновѣсно-ли оно, и насмотрѣвшись, налюбовавшись на запечатанный конвертъ, кладу его въ карманъ. Ты не повѣришь, что за сладострастное состоянье души, чувствъ и сердца! И такимъ образомъ яду иногда съ четверть часа; наконецъ, съ жадностью нападаю на пакетъ, рву печать и пожираю твои строки, твои милыя строки! О, чего не перечувствуетъ сердце, читая ихъ! Сколько ощущеній толпятся въ душѣ, и милыхъ и неприятныхъ, и сладкихъ и горькихъ; да, братъ милый, и неприятныхъ и горькихъ; ты не повѣришь какъ горько, когда не разберуть, не поймутъ тебя, поставить все совершенно въ другомъ видѣ, совершенно не такъ, какъ хотѣлъ сказать, но въ другомъ, безобразномъ видѣ. Прочитавъ твое послѣднее письмо, я былъ un engagé, потому что не былъ съ тобою вмѣстѣ: лучшія изъ мечтаній сердца, священнѣйшія изъ правилъ, данныхъ мнѣ опытомъ, тяжкимъ, многотруднымъ опытомъ, исковерканы, изуродованы, выставлены въ презаблкомъ видѣ.

Литературные споры съ братомъ онъ ведетъ въ такомъ тонѣ:

«Теперь о Корнелъ? Послушай, братъ. Я не знаю, какъ говорить съ тобою; кажется à la Иванъ Никитичъ: «гороху навѣвшихъ». Нѣтъ, не повѣрю, братъ. Ты не читалъ его и оттого такъ промахнулся. Да знаешь-ли, что онъ по гигантскимъ характерамъ, духу романтизма,—почти Шекспиръ. Бѣднѣй! У тебя одинъ отпоръ: «классическая форма». Бѣднякъ! Да знаешь-ли, что Корнелъ появился только 50 лѣтъ послѣ жалкаго, безталаннаго горемики Jodel'я, съ его пасквильною Клеопатрою, послѣ Тредьяковскаго Ronsard'a и послѣ холоднаго римскаго Malherb'a, почти его современника. Гдѣ-же ему было выдумать форму плана! Да читалъ-ли ты его «Сиппа». Предъ этимъ божественнымъ очеркомъ, очеркомъ Октавія, предъ которыми... Карлъ Моръ, Фисеко, Тель, Донъ-Карлосъ. Шекспиру честь принесло-бы это. Бѣднякъ!»

Мы не имѣемъ ни малѣйшей охоты, что называется, «придираться» къ Достоевскому. Было-бы смѣшно и странно ставить шестнадцатилѣтнему мальчику въ серьезную вину его резонерство, его напыщенность и надутость. Равнымъ образомъ, если въ тѣхъ-же письмахъ къ брату Достоевскій выражаетъ калигуловское желаніе «раздавить весь міръ за одинъ разъ», никто, разумѣется, не приметъ его словъ въ серьезную сторону. Но самодовольно-фатовскій тонъ этихъ писемъ въ самомъ дѣлѣ непривлекателенъ до нельзя. Самолюбивый мальчишка только о томъ и думаетъ, чтобы блеснуть «высокими» мыслями и «глубокими» чувствами. Сколько дѣланности и фальши, сколько рисовки хотя-бы въ этомъ расписываньи Достоевскимъ тѣхъ необыкновенныхъ чувствъ, съ какими онъ будто-бы читаетъ письма брата! Сколько комизма—но не веселаго, а печальнаго и неприятнаго—въ этомъ пресерьезнѣйшемъ и самодовольнѣйшемъ указаніи шестнадцатилѣтняго молокососа на «священнѣйшія изъ правилъ», приобрѣтенныхъ имъ «опытомъ, тяжкимъ, многотруднымъ опытомъ» —жалъ что не сказано «многолѣтнимъ» опытомъ! Мальчикъ, воображающій себя какимъ-то Манфредомъ, только смѣшенъ и не возбуждаетъ ничего кромѣ, можетъ быть, желанія выдрать его хорошенько за уши... Но маль-

чикъ, который, полимизируя о «матеряхъ важныхъ» съ роднымъ братомъ, заботится пуще всего о томъ, чтобы уколоть и унижить его (говорить «наѣвшись гороху» «бѣднякъ» и прочія «полемическія красоты»), а себѣ придать видъ совершеннаго знатока въ предметъ — такой мальчикъ дурно рекомендуетъ себя уже не со стороны благовоспитанности только, а со стороны характера и сердца.

Черезъ нѣсколько лѣтъ появилась первая повѣсть Достоевскаго «Вѣдныя люди». Повѣсть, какъ извѣстно, имѣла огромный успѣхъ, котораго дѣйствительно заслуживала. Вотъ въ какой формѣ и въ какомъ тонѣ увѣдомляетъ Достоевскій своего брата объ этомъ успѣхѣ:

„Ну, братъ, никогда, я думаю, слава моя не дойдетъ до такой апогея, какъ теперь. Всюду почтеніе неимоверное, любопытство насчетъ меня страшное. Я познакомился съ бездной народу самаго порядочнаго. Князь Одоевскій проситъ меня осчастливить его своимъ посѣщеніемъ, а графъ С. рветъ на себѣ волосы отъ отчаянія. Панаевъ объявилъ ему, что есть талантъ, который ихъ всѣхъ въ грязь втопчетъ. С. обвѣгалъ всѣхъ и, зашедши къ Краевскому, вдругъ спросилъ его: Кто этотъ Достоевскій? Гдѣ мнѣ *достать Достоевскаго*? Краевскій, который никому въ усь не дуетъ и рѣжетъ всѣхъ на пропалую, отвѣчаетъ ему, что Достоевскій не захочетъ вамъ сдѣлать чести осчастливить васъ своимъ посѣщеніемъ. Оно и дѣйствительно такъ: аристократишка теперь становится на ходули и думаетъ, что уничтожить меня величіемъ своей ласки. Всѣ меня принимаютъ, какъ чудо. Я не могу даже раскрыть рта, чтобы во всѣхъ углахъ не повторяли, что Достоевскій то-то сказалъ, Достоевскій то-то хочетъ дѣлать. Вѣлискій любить меня какъ нельзя болѣе. У меня бездна идей; и нельзя мнѣ рассказать что набудь изъ нихъ хоть Тургеневу и. п., чтобы наавтра почти во всѣхъ углахъ Петербурга не знала, что Достоевскій пишетъ вотъ то-то и то-то. Ну, братъ, если-бы я сталъ исчислять тебѣ всѣ успѣхи мои, то бумагѣ не нашлось-бы столько. Я думаю, что у меня будутъ деньги“.

Самъ Хлестаковъ не написалъ-бы лучше дупѣ — Тряпичкину. Мы очень хорошо понимаемъ, что у молодого писателя, сразу попавшаго чуть не въ знаменитости, естественно должна была закружиться голова отъ той высоты положенія, на которой онъ вдругъ очутился. Но худо то, что у даровитаго юноши *такъ* или *только такъ* закружилась голова. Худо то, что блестящій успѣхъ его затронулъ въ немъ только *такія* струны, далъ пищу *только* его тщеславію, самолюбію, самомнѣнію и не вызвалъ въ немъ болѣе благородныхъ чувствъ и намѣреній. Исчисляя «всѣ успѣхи свои», Достоевскій забываетъ о лучшемъ и чистѣйшемъ изъ нихъ: о завоеванной отнынѣ возможности вліять на общество, о гуманномъ вліяніи своей повѣсти на читающую публику, о «бѣдныхъ людяхъ», нашедшихъ въ литературѣ горячаго себѣ адвоката, о торжествѣ тѣхъ идей, которыя были-же сколько-нибудь дороги молодому писателю, писавшему свою первую повѣсть, по его соб-

ственному признанію, «со слезами». И кому-же было-бы все это высказать, какъ не брату, съ которымъ привыкъ дѣлиться чувствами и мыслями? Но ничего подобнаго не имѣется ни въ этомъ, ни даже въ послѣдующихъ письмахъ, когда, казалось-бы, мутное броженіе тщеславныхъ чувствъ должно было угомониться. Черезъ годъ послѣ этого письма Достоевскій пишетъ брату; между прочимъ: «скажу тебѣ, что я имѣлъ неприятность окончательно поссориться съ «Современникомъ» въ лицѣ Некрасова. Онъ досадуетъ на то, что я все-таки даю повѣсти Краевскому, которому я долженъ, и что я не хотѣлъ публично объявить, что не принадлежу къ «Отечест. Запискамъ». Отчаявшись получить отъ меня въ скоромъ времени повѣсть, надѣлалъ мнѣ грубостей и неосторожно потребовалъ денегъ. Я его поймалъ на словѣ и общалъ заемнымъ письмомъ выдать ему сумму къ 15-му декабря. Мнѣ хочется, чтобы сами пришли ко мнѣ. Когда я разругалъ Некрасова въ пухъ, онъ только что сѣменилъ и отдѣлывался какъ жидъ, у котораго крадутъ деньги. Однимъ словомъ, грязная исторія. Теперь они выпускаютъ, что я зараженъ самолюбіемъ, возмечталъ о себѣ и передаюсь Краевскому за тѣмъ, что Майковъ хвалитъ меня. Некрасовъ-же меня собирается ругать. Что-же касается до Бѣлинскаго, то это такой слабый человѣкъ, что даже въ литературныхъ мнѣніяхъ у него пять пятницъ на недѣлѣ». И въ другомъ письмѣ: «пишу я съ рвеніемъ. Мнѣ все кажется, что я завелъ процессъ со всею нашею литературою, журналами и критиками, и тремя частями романа моего въ «Отечеств. Записокъ» и устанавливаю и за этотъ годъ мое первенство на зло недоброжелателямъ моимъ. Краевскій повѣсилъ носъ. Онъ почти цогибаеть. «Современникъ» же выступаетъ блистательно. У нихъ уже завязалась перестрѣлка».

Какъ видите, опять таки ничего, кромѣ дрызгъ и самолюбивыхъ мечтаній о «первенствѣ» въ литературѣ, да объ редакторскихъ ухаживаніяхъ, не волнуетъ Достоевскаго. Посмотрите на этого «молодого» писателя,—кажется, ничего, кромѣ хорошаго заработка да щекотаній самолюбія въ своей литературной карьерѣ онъ не видитъ и не цѣнитъ. А высшіе духовные интересы, а возможность общенія съ читателемъ, а эта, быть можетъ, сотни сячная аудиторія, которая прислушивается къ вашему слову? Да вѣдь чѣмъ-же красна и привлекательна литературная дѣятельность, какъ не этою завидною привилегіею писателя вліять своею мыслью, своимъ словомъ на толпу, этимъ постояннымъ пребываніемъ въ чистой сферѣ идей, этой, наконецъ, возможностью болѣе или менѣе отрѣшиться отъ деморализирующихъ мелочей и дрызгъ жизни? Но не до того было Достоевскому. Ему лишь-бы какъ

нибудь подкузьмить Некрасова, да припереть на стѣнѣ г. Краевского, да, Боже сохрани, не дать себя засловить другимъ молодымъ писателемъ—Герцену и Гончарову. (См. письмо отъ 1 Апрѣля 1846 г.) Это ли еще не мелочность!

Но вѣдь рѣчь идетъ, однако-же, не о какомъ нибудь литературномъ ремесленникѣ или литературномъ карьеристѣ, а о писателѣ, вызывавшемъ слезы у читателей, о писателѣ, юношеское произведеніе котораго проникнуто самою горячею любовью къ человѣчеству, написано со страстью, съ искренностью, съ увлеченіемъ. Какъ согласить все это? Какъ связать и помирить этотъ юношескій идеализмъ съ этою сухостью и узкостью личнаго чувства? Но все дѣло въ томъ, что Достоевскій былъ только талантъ и нисколько не характеръ и даже не умъ. Лучше всѣхъ это объяснить намъ самъ Достоевскій, устами своего Зосимы, который рассказываетъ про одного своего знакомаго: «я, говорю, люблю человѣчество, но дивлюсь на себя самого: чѣмъ больше я люблю человѣчество вообще, тѣмъ меньше я люблю людей въ частности, то есть порознь, какъ отдѣльныхъ лицъ. Въ мечтахъ я нерѣдко, говорю, доходилъ до страстныхъ помысловъ о служеніи человѣчеству и, можетъ быть, дѣйствительно пошелъ-бы на крестъ за людей, еслибы это вдругъ какъ нибудь потребовалось, а между тѣмъ и двухъ дней не въ состояніи прожить ни съ кѣмъ въ одной комнатѣ, о чемъ знаю изъ опыта. Чуть онъ близко отъ меня, и вотъ ужъ его личность давить мое самолюбіе и стѣсняетъ мою свободу. Въ однѣ сутки я могу даже лучшаго человѣка возненавидѣть: одного за то, что онъ долго ѣсть за обѣдомъ, другого за то, что у него насморкъ и онъ непрерывно сморкается. Я, говорю, становлюсь врагомъ людей, чуть-чуть лишь тѣ ко мнѣ прикоснутся. За то всегда такъ происходило, что чѣмъ болѣе я ненавидѣлъ людей въ частности, тѣмъ пламеннѣе становилась любовь моя къ человѣчеству вообще».

Такова именно была и любовь Достоевскаго. Онъ искренно плакалъ, описывая страданія «бѣдныхъ людей», а, проплакавшись, столь же искренно погружался въ тревоги и заботы по поводу выѣденнаго яйца. Высшіе нравственные и умственные интересы не были его обычною стихіею. Онъ вступалъ въ эту область не иначе, какъ съ перомъ въ рукахъ, т. е. удалившись отъ реальныхъ вещей и реальной жизни въ сферу типовъ, образовъ и всякихъ вообще отвлеченій и обобщеній. Это очень обыкновенная исторія крупныхъ художественныхъ талантовъ, не подвигаемыхъ сильнымъ характеромъ, не регулируемыхъ сильнымъ умомъ.

По отношенію собственно къ Достоевскому эти соображенія представляются намъ особенно важными потому, что могутъ, ка-

жется, объяснить его странныя отношенія къ народу. Достоевскій былъ, какъ извѣстно, большимъ патріотомъ и народолюбомъ. Тотъ-же Достоевскій не щадилъ ѣдкихъ словъ, когда говорилъ о людяхъ, мечтавшихъ о возвышеніи уровня умственнаго и матерьяльнаго развитія народа. Не то чтобы онъ оспаривалъ практическую цѣлесообразность предлагавшихся мѣръ—до такихъ «мелочей» онъ никогда ни снисходилъ—онъ просто находилъ, что никакой такой помощи нашему народу не нужно, что онъ «все знаетъ», что ему слѣдуетъ знать, и имѣть все, что ему нужно имѣть. Съ нашей точки зрѣнія эта иллюзія легко объяснима. Достоевскій любилъ или страдалъ не тѣмъ Иванамъ и Петрамъ, совокупность которыхъ и составляетъ «народъ»,—онъ любилъ отвлеченіе, идею народа, представлявшагося ему въ видѣ какого-то Власа, который скорбитъ не о томъ, что у него послѣдняя лошаденка пала и недоимки заплатить нечѣмъ, а скорбитъ о своихъ грѣхахъ. Образъ народа Достоевскій создалъ себѣ по своему образу и подобию и съ завидною самоувѣренностію говорилъ: «я знаю народъ».

Мы подходимъ теперь къ самому важному и рѣшительному событію въ жизни Достоевскаго—къ его ссылкѣ на каторгу. Намъ нѣтъ надобности касаться здѣсь фактической стороны этого событія. Намъ нужно только прослѣдить, какъ ссылка отозвалась на всемъ душевномъ складѣ Достоевскаго, по тѣмъ—мимоходомъ сказать очень незначительнымъ—документамъ, которые имѣются въ книгѣ. Мы уже видѣли, что біографы Достоевскаго находятъ, что ссылка была для него обновленіемъ, баней пакибытія—или какъ тамъ у нихъ говорится. Точно такъ-же смотрѣлъ и Достоевскій, который (по разсказу г. Майкова), на чье-то замѣчаніе, что его ссылка была дѣломъ несправедливымъ, горячо возразилъ: «нѣтъ, справедливое. Насъ-бы осудилъ русскій народъ. Это я почувствовалъ тамъ только, въ каторгѣ. И почему вы знаете,—можетъ быть тамъ, на верху, т. е. Самому Высшему, нужно было меня привести въ каторгу, чтобъ я тамъ что-нибудь узналъ, т. е. узналъ самое главное, безъ чего нельзя жить, иначе люди съѣдятъ другъ друга, съ ихъ матеріальнымъ развитіемъ; ну-съ, и чтобы это самое главное я вынесъ отсюда, потому что оно пока скрывается только въ народѣ, хоть онъ гадокъ, воръ, убійца, пьяница; такъ чтобъ я вынесъ это оттуда и другимъ сообщилъ, и чтобъ другіе (хоть не всѣ, хоть очень немногіе) лучше стали хоть на крошечку—хоть частичку-бы приняли, хоть-бы поняли, что въ бездну стремятся, и этого, довольно. И этого ужъ много. И изъ-за этого стоило пойти на каторгу».

Объясненіе, какъ видите, чисто мистическаго свойства. Его нужно или цѣликомъ принять, или цѣликомъ отвергнуть. Это пусть

будетъ какъ угодно читателю. Достоевскому такъ и не удалось никогда разъяснить, какую собственно пользу принесла ему каторга не въ смыслѣ исполненія воли Провидѣнія, а въ смыслѣ житейской школы. Какова была эта школа—это очень хорошо видно изъ письма Достоевскаго, которое онъ послалъ брату уже по выходѣ изъ каторги. «Вотъ уже скоро 10 мѣсяцевъ, пишетъ Достоевскій, какъ я вышелъ изъ каторги и началъ мою новую жизнь. А тѣ 4 года считаю я за время, въ которое я былъ похороненъ живой и закрытъ въ гробу. Что за ужасное было это время, не въ силахъ я рассказать тебѣ, другъ мой. Это было страданіе невыразимое, безконечное, потому что всякій часъ, всякая минута тяготѣла какъ камень у меня на душѣ. Во всѣ 4 года не было мгновенія, въ которое-бы я не чувствовалъ, что я въ каторгѣ. Но что рассказывать! Даже если-бы я написалъ къ тебѣ 100 листовъ, то и тогда ты не имѣлъ-бы понятія о тогдашней жизни моей. Это нужно по крайней мѣрѣ видѣть самому,—я уже не говорю испытать. Но это время прошло и теперь оно сзади меня, какъ тяжелый сонъ, такъ-же какъ выходъ изъ каторги представлялся мнѣ прежде, какъ свѣтлое пробужденіе и воскресеніе въ новую жизнь».

Не мы, разумѣется, будемъ отрицать воспитательное значеніе для человѣка суровыхъ уроковъ жизни. Но есть-же вѣдь предѣлы человѣческой выносливости. Гимнастика и строгій режимъ укрѣпляютъ физическое здоровье, но было-бы очень удивительно, если-бы выдержавшій пытку человѣкъ сталъ утверждать, что она увеличила его силы. Самъ Достоевскій сравниваетъ свое положеніе на каторгѣ съ положеніемъ заживо погребеннаго: есть ли какая нибудь возможность вообразить, чтобы такое положеніе могло поспособствовать нравственному просвѣтленію человѣка? Достоевскій говоритъ, что онъ вынесъ изъ каторги знаніе и пониманіе народа,—мнѣніе, опять-таки основанное на чистѣйшемъ недоразумѣніи. Знать народъ—значитъ прежде всего знать его жизнь, его бытъ и условія этого быта: а развѣ бытъ каторжниковъ, въ какомъ угодно отношеніи, одинаковъ съ условіями народнаго быта? Безъ сомнѣнія, нѣтъ худа безъ добра, и каторга, вѣроятно, чему нибудь научила Достоевскаго. Но, во всякомъ случаѣ четыре года «тяжелого сна», о которомъ и вспоминать страшно,—слишкомъ дорогая цѣна за такой опытъ.

«Каторга еще никого не исправляла», замѣтилъ Достоевскій по одному поводу въ своемъ «Дневникѣ». Только одного себя исключалъ онъ изъ этого общаго правила. Впрочемъ, показанія его на этотъ счетъ, какъ уже и видѣлъ читатель отчасти, крайне сбивчивы. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ (1872 г.) онъ пи-

писать, напр.: «вы любили меня и возились со мною, съ большимъ душевною болѣзнью (вѣдь я теперь сознаю это) до моей поѣздки въ Сибирь, гдѣ я вылечился» (курсивъ въ подлинникѣ). Въ другомъ письмѣ, написанномъ вскорѣ послѣ своего освобожденія, Достоевскій пишетъ: «одно то хорошо, что мы какъ люди не измѣнились. Я за себя отвѣчаю». «Какъ разобраться въ этой путаницѣ? «Вылечился» отъ душевной болѣзни и въ то-же время «не измѣнился», какъ человѣкъ; каторга была «тяжелымъ сномъ» и въ то-же время на каторгу «стоило идти».

Фактъ тотъ, что пребываніе на каторгѣ дѣйствительно произвело переломъ въ настроеніи и направленіи убѣжденій Достоевскаго. Въ одномъ изъ заграничныхъ своихъ писемъ (1868 г.) Достоевскій, съ негодованіемъ сообщая о томъ, что онъ подозрѣвается въ политической неблагонадежности, восклицаетъ: «каково-же вынести человѣку чистому, патріоту, предавшемуся имъ до измѣны своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, каково вынести подозрѣніе въ какихъ-нибудь сношеніяхъ съ какими-нибудь поличисками или съ «Колоколомъ». Руки отваливаются невольно служить имъ. Кого они не просмотрѣли у насъ изъ виновныхъ, а Достоевскаго подозрѣваютъ!» Послѣ этого нетрудно уже примирить кажущееся противорѣчіе объясненія Достоевскаго. Какъ человѣкъ, онъ дѣйствительно нисколько не «измѣнился» на каторгѣ или, если измѣнился, то исключительно лишь въ смыслѣ расширенія и усиленія тѣхъ его свойствъ, которыя отличали его до ссылки. Простая подозрительность къ людямъ и хотя огромное, но все таки не неестественное самолюбіе и самомнѣніе достигли степени настоящей маніи: прежнія претевзіи на «первенство» въ литературѣ смѣнились уже претензіями на пророчество. «Душевная болѣзнь», отъ которой «вылечила» Достоевскаго Сибирь—это, очевидно, его прежнее направленіе, то направленіе, благодаря которому онъ могъ дружить съ Бѣлинскимъ, возставалъ противъ меттерниховской политики, мечталъ о социальныхъ реформахъ и пр. Каторга была для Достоевскаго «тяжелымъ сномъ», «гробомъ», но именно, благодаря этимъ своимъ высокимъ достоинствамъ, она смогла сообщить Достоевскому то «смиреніе», проповѣдникомъ котораго онъ и явился немедленно. Ясно, что на каторгу «стоило идти».

Нужно замѣтить, однако-же, что каторга только подготовила въ Достоевскомъ тотъ душевный матерьялъ, который былъ необходимъ для его «возрожденія», «обновленія», «выздоровленія» и пр. и пр., самая-же разработка этого матерьяла была уже дѣломъ времени и обстоятельствъ. Въ романѣ «Униженные и оскорбленные» и въ «Запискахъ изъ мертваго дома», двухъ большихъ произведеніяхъ, написанныхъ Достоевскимъ вскорѣ послѣ возвращенія «Дьяло» № 3, 1883 г. I.

нія изъ Сибири, нельзя подмѣтить даже слѣдовъ того «просвѣтленія», которое вполнѣ такъ блистательно выразилось въ «Бѣсахъ», «Братьяхъ Карамазовыхъ», «Дневникѣ писателя», «Идиотѣ» и т. д. Только постепенно Достоевскій дошелъ до той степени «смиренія», на которой человѣкъ даже свою ссылку на каторгу называетъ благодушно «поѣздкою въ Сибирь» (см. выше письмо).

«Просвѣтленный» Достоевскій очень хорошо обрисовывается собственными многочисленными письмами, относящимися къ этому послѣднему и главному періоду его дѣятельности. Въ этихъ письмахъ, адресованныхъ большею частью къ не менѣе «просвѣтленному» г. Страхову, Достоевскій высказывается уже очень рѣшительно, говоритъ какъ власть имѣющій и даже прямо заявляетъ о своей пророческой мисси. Такъ въ письмѣ къ г. Майкову онъ пишетъ:

«Совершенно другія я понятія имѣю о дѣйствительности и реализмѣ, чѣмъ вы реалисты и критики. Мой идеализмъ реальнѣе ихнаго. Господи! поразсказать толково то, что мы всѣ, русскіе, пережили въ послѣдніа 10 лѣтъ въ нашемъ духовномъ развитіи, да развѣ не закричать реалисты, что это фантазія! А между тѣмъ, это истинный, настоящій реализмъ! Это-то и есть реализмъ, только глубже, а у нихъ мелко плаваешь. Ну, не ничтоженъ-ли Любимъ Торцовъ въ сущности, а въдѣ это все, что только идеальнаго позволилъ себѣ ихъ реализмъ. Глубокъ реализмъ, нечѣго сказать! Ихнимъ реализмомъ сотой доли реальныхъ, дѣйствительно случившихся фактовъ не объяснишь. А мы нашимъ идеализмомъ пророчили даже факты. Случалось. Голубчиной, не смѣйтесь надъ моимъ самолюбіемъ; но я какъ Павелъ: «Меня не хвалить, такъ я самъ буду хвалиться».

Въ письмѣ къ г. Страхову Достоевскій, говоря о журналѣ «Заря» (существовалъ нѣкогда такой журналецъ) и заявляя, что, по его мнѣнію, «изъ ежемѣсячныхъ журналовъ нѣтъ ни одного съ такимъ точнымъ направленіемъ», такимъ образомъ формулируетъ свою и своихъ единомышленниковъ задачу: «указать въ полной силѣ окончательную сущность русскаго призванія, которая состоитъ въ разоблаченіи передъ міромъ *русскаго* Христа, міру *не-отдомаго* и котораго начало заключается въ нашемъ родномъ православіи». Въ другомъ письмѣ, утѣпая г. Страхова въ его литературныхъ несчастіяхъ и неуспѣхахъ, на которые тотъ, очевидно, слезно жаловался, Достоевскій говоритъ:

«Добролюбовъ и Писаревъ имѣли уснѣхъ именно потому, что, въ сущности, отвергли литературу,—цѣлую область человѣческаго духа. Но потакать этому невозможно и продолжать критическую дѣятельность все-таки должно. У васъ была, въ одной изъ вашихъ брошюръ, одна великолѣпная мысль и, главное, первый разъ въ литературѣ высказанная,—это: что всякій, чуть-чуть значительный и дѣйствительный талантъ—всегда кончалъ тѣмъ, что обращался къ національному чувству, становился народнымъ, славянофильскимъ. Посмотрите

на Герцена: сколько тоски и потребности поворотить на этот-же путь и невозможность изъ-за скверныхъ свойствъ личности. Но этого мало: этотъ законъ поворота къ національному можно прослѣдить не въ однихъ повѣхъ и литературныхъ дѣтеляхъ, но и во всѣхъ другихъ дѣтеляхъ. Такъ что, наконецъ, можно-бы вывести даже другой законъ: если человѣкъ талантливъ дѣйствительно, то онъ, изъ вывѣтрившагося слоя будетъ стараться вернуться къ народу, если-же дѣйствительно таланта нѣтъ, то не только останется въ вывѣтрившемся слоѣ, но еще экспатрируется, перейдетъ въ католичество и проч. и проч... Бѣлинскій, (котораго вы до сихъ поръ еще цѣните) именно былъ немогъ и безсиленъ талантишкомъ, а потому и прожлялъ Россію и принесъ ей сознательно столько вреда (о Бѣлинскомъ еще много будетъ сказано впоследствии, вотъ увидите). Но дѣло въ томъ, что эта мысль была до того сильна, что непремѣнно должна быть развита особо, специально. Напишите статью на эту именно тему, развейте ее специально и помѣстите въ «Бесѣдѣ».

Для полноты характеристики, приведемъ еще отзывъ Достоевскаго о Бѣлинскомъ, бывшемъ когда-то его учителемъ и другомъ:

«Я обругалъ Бѣлинскаго болѣе какъ явленіе русской жизни, нежели лицо. Это было самое смрадное, тупое и позорное явленіе русской жизни. Одно извиненіе—въ неизбежности этого явленія. И увѣрю васъ,—что Бѣлинскій помирился-бы теперь на такой мысли: «А вѣдь это оттого не удалось кому-нѣ, что она все-таки прежде всего была французская, т. е. сохраняла въ себѣ зародышъ національности. А потому надо прискаты такой народъ, въ которомъ нѣтъ ни капли національности и который способенъ бить, какъ я, по щекамъ свою мать (Россію)». И съ пѣной у рта бросился-бы вновь писать поганья статьи свои, позоря Россію, отрицающая великихъ ея (Пушкина),—чтобы окончательно сдѣлать Россію *вакантною* націею, способною стать во главѣ общечеловѣческаго дѣла. Иезуитизмъ и ложь нашихъ передовыхъ двигателей онъ принялъ-бы со счастьемъ. Но вотъ что еще: Вы никогда его не знали, а я зналъ и видѣлъ, и теперь осмыслилъ вполне. Этотъ человѣкъ ругалъ мнѣ....., и между тѣмъ никогда онъ не былъ способенъ самъ себя и всѣхъ двигателей всего міра сопоставить со Христомъ для сравненія. Онъ не могъ замѣтить того, сколько въ немъ и въ нихъ мелкаго самолюбія, злобы, нетерпѣнія, раздражительности, подлости, а главное—самолюбія. Онъ не сказалъ себѣ никогда: что-же мы поставимъ вмѣсто него? Неужели себя, тогда какъ мы такъ гадки? Нѣтъ, онъ никогда не задумался надъ тѣмъ, что онъ самъ гадокъ; онъ былъ доволенъ собой въ высшей степени, и это была уже личная, смрадная, позорная тупость—Вы говорите, онъ былъ талантливъ. Совсѣмъ нѣтъ».

Кажется, достаточно. Комментарій мы избѣгали, да едва-ли они и не излишни. Можно замѣтить только, что ненависть Достоевскаго къ Бѣлинскому вполне понятна. Дѣйствительно, и въ нравственномъ отношеніи и въ идейномъ направленіи Бѣлинскій является антиподомъ Достоевскаго. Самое развитіе ихъ совершалось по совершенно обратнымъ путямъ: отправной пунктъ Бѣлинскаго былъ конечнымъ пунктомъ Достоевскаго и, наоборотъ, идеалы и возрѣнія, усвоенные Бѣлинскимъ во второй періодъ его дѣятельности были идеалами Достоевскаго только въ самомъ началѣ его литературной карьеры. Авторъ «Бородинской годовщины»—близнецъ

автора «Дневника писателя», точно также, какъ авторъ письма къ Гоголю—свой человекъ автору «Бѣдныхъ людей». Какъ Бѣлинскій такъ и Достоевскій дошли «до измѣны своимъ прежнимъ убѣжденіямъ» и послѣ этой измѣны очутились въ враждебныхъ другъ другу лагеряхъ. Достоевскій не даромъ упрасивалъ г. Страхова «развить мысль», что у насъ въ литературѣ «люди съ талантомъ» «изъ вывѣтрившагося слоя стараются воротиться къ народу»: въ этомъ случаѣ онъ говорилъ про domo sua. Бѣда только въ томъ, что онъ не точно выражался. Надо было сказать: многіе талантливые люди у насъ—я, Достоевскій, въ томъ числѣ—кончали тѣмъ, что отъ идеаловъ и идей цивилизаціи обращались къ суевѣріямъ и предрасудкамъ темной, неразвитой мистической мысли. Гоголь и его всѣмъ извѣстная судьба можетъ служить наилучшимъ образцомъ такого печальнаго поворота.

Подводя итоги, мы должны повторить то, что уже не разъ говорили о Достоевскомъ: это былъ не характеръ и не умъ, а исключительно талантъ. Живучесть и выносливость этого таланта были настолько велики, что онъ сохранилъ весь свой блескъ даже послѣ многолѣтняго пребыванія въ «гробу». Но самъ обладатель этого таланта былъ раздавленъ тяжестью своего несчастія. Тяжелыя испытанія, при «скверныхъ свойствахъ личности» (пользуемся выраженіемъ Достоевскаго), приводятъ человекъ не къ обновленію, а къ окончательной деморализаціи. Съ другой стороны, славянофильскія ученія, какъ система какого-то политическаго мистицизма, способны окончательно замутить сознаніе человекъ, нравственно предрасположеннаго увѣрять въ нихъ. Оттого то мы и связали выше, что Достоевскій былъ не представителемъ, а жертвою славянофильскаго направленія. Онъ не внесъ въ его теоретическія стороны ничего, но отдалъ ему весь свой талантъ.

О «пророчествѣ», объ «апостольствѣ» Достоевскаго можно говорить только для красоты слога. Пророкъ, предрекающій гибель гнилому западу, возбуждаетъ не страхъ, а состраданіе. Апостоль, проповѣдующій «Православнаго Христа» можетъ быть основателемъ какой-нибудь секты, но не можетъ быть предметомъ публицистической полемики или критическаго анализа. Мы знаемъ православіе, знаемъ христіанство, но не знаемъ Христа, принадлежащаго исключительно одной какой-нибудь церкви. Всѣ деклараціи Достоевскаго на эту тему врядъ-ли кого убѣдятъ или разубѣдятъ, и оттого-то мы и назвали его «неудачникомъ», хотя и «талантливымъ».

М. А.

Новости иностранной литературы.

Недоразумѣнія съ реализмомъ во французской критикѣ: переписка Густава Флобера съ Жоржъ-Зандъ и новый этюдъ Гюи де-Мопассана (*Lettres de Flaubert à Georges Sand, précédés d'une étude par Guy de Maupassant*); статья объ этой перепискѣ Брюнэттера (въ *Revue des deux Mondes* 11-го февр.).—Л. Дэпрэ: «Натуралистическая эволюція» (*d'Evolution Naturaliste*, par Louis Desprez; Парижъ, 1884 г.)

«Съ разрѣшенія начальства... имѣемъ честь извѣстить почтеннѣйшую публику о прибытіи въ городъ N* никогда невиданной труппы, состоящей изъ ста-пятидесяти-шести персонажей, изъ коихъ восемьдесятъ-четыре лошади, верблюдовъ два и семеро сыновей знаменитѣйшихъ антиподовъ въ Европѣ»... Нелѣпая эта афиша, которую мнѣ удалось, лѣтъ двадцать тому назадъ, читать на улицахъ одного изъ самыхъ многочисленныхъ городовъ нашего, тогда еще благодатнаго, юга, невольно припоминается мнѣ каждый разъ, когда заходитъ рѣчь о пресловутой натуралистической школѣ французской беллетристики. Есть въ ней такихъ выдающихся два верблюда, какъ Гюставъ Флоберъ и Эмиль Зола, въ числѣ восьмидесяти четырехъ ея лошадей попадаются такіе ретивые и чистокровные жеребцы, какъ братья Гонкуры; оказываются въ наличности также и всякіе гг. Гюйсмансы (Huysmans), Энники, Алексисы и т. п., состоящіе, очевидно, въ очень тѣсномъ сродствѣ со «знаменитѣйшими изъ европейскихъ антиподовъ». Всѣ они вмѣстѣ, дѣйствительно, представляютъ собою «никогда еще невиданную труппу», имѣющую свою спеціальностью нещадно обогащать своими произведеніями издательскую фирму Шаркантье и приводить въ ярость сторожевыхъ псовъ, оберегающихъ благочиніе французской беллетристики. Но въ какихъ отношеніяхъ эта блестящая, далеко не бѣдная художественными дарованіями группа удачливыхъ артистовъ состоитъ съ какимъ-бы то-ни было сознательнымъ литературнымъ направленіемъ вообще, и въ частности—съ тѣмъ художественнымъ реализмомъ, который,—какъ это давно уже признано и за границею, и у насъ,—представляетъ собою не-

сомнѣнно самое зрѣлое и самое живучее изъ всѣхъ художественныхъ направленій новѣйшаго времени?

Интересный этотъ вопросъ, такъ много уже породившій недоразумѣній, то до грусти комичныхъ, то печальныхъ до смѣшного, — поднять снова съ большимъ жаромъ въ текущей французской литературѣ, по поводу недавно умершаго Густава Флобера, который, по праву, въ настоящую минуту можетъ считаться героемъ дня. Трудно найти хоть одинъ парижскій журналъ или газету начала текущаго года, въ которомъ, или въ которой памяти Флобера и обсужденію его литературнаго значенія не было-бы посвящено нѣсколькихъ замѣтокъ или статей, разбирающихъ крупную фигуру такъ недавно сошедшаго со сцены творца «Мадамъ Бовари», что называется — по косточкамъ, со всевозможныхъ точекъ зрѣнія и съ роскошью біографическихъ подробностей, способною въ значительной степени затемнить то, очень основное, но все-же живое и опредѣленное впечатлѣніе, которое оставилъ по себѣ этотъ талантливый романистъ, сходя въ могилу.

Флоберъ былъ дѣятелемъ очень виднымъ въ рядахъ популярнѣйшихъ французскихъ беллетристовъ новѣйшаго времени; а потому нисколько неудивительно, что пишущая и читающая Франція, почти тотчасъ по его смерти, чувствуетъ потребность подвести итоги его дѣятельности, провѣрить приговоры, уже прежде произнесенные надъ нимъ съ различныхъ, часто діаметрально противоположныхъ, точекъ зрѣнія, опредѣлить, наконецъ, то мѣсто, которое, по праву, принадлежитъ ему въ рядахъ новой беллетристической школы, далеко еще неосвященной всеобщимъ признаніемъ и одобреніемъ провозглашаемыхъ ею принциповъ, но тѣмъ не менѣе очень сильно приковывающей къ себѣ вниманіе читающей публики. Нѣкоторые изъ видныхъ и крайне популярныхъ писателей этой школы называютъ Густава Флобера своимъ учителемъ: такъ напримѣръ, Гюи-де-Мопассанъ, котораго превосходный рассказъ «Пышка» (Boule de Suif) (извѣстенъ читателямъ «Дѣла» по хорошему переводу. Другіе, — въ ихъ числѣ и «самъ» Золя, — менѣе Мопассана вдохновляясь непосредственно примѣрами и уроками автора «Мадамъ Бовари», — считаютъ его, однако-же, послѣ Бальзака, первымъ основателемъ реалистическаго или натуралистическаго романа во Франціи. При такихъ условіяхъ, это литературное воскресеніе Флобера вскорѣ послѣ его смерти представляется явленіемъ вполне нормальнымъ и ненуждающимся въ особенныхъ поясненій. Дѣло, однако, не обошлось безъ нѣкотораго внѣшняго толчка, придавшаго этимъ толкамъ о Флоберѣ нѣкоторый интересъ пикантности и скандала, до которыхъ такъ падеа парижская бульварная публика.

Извѣстный гарибальдѣйскій волонтеръ шестидесятихъ годовъ и панегиристъ парижской полицейской префектуры въ семидесятихъ—Максимъ Дюканъ (Maxime tucamp), прозванный за свое политическое бродяжничество Максимомъ *de tous les camps*, (т. е. всѣхъ лагерей), состоявшій съ Флоберомъ въ близкихъ пріятельскихъ отношеніяхъ, издалъ недавно свои «Литературныя воспоминанія», въ которыхъ передъ читателемъ мелькаютъ болѣе или менѣе всѣ литературныя знамености послѣдняго тридцатилѣтія; но мелькаютъ, конечно, въ качествѣ только планетъ, тяготящихся вокругъ одного лучезарнаго солнца—самого Максима. Въ этихъ запискахъ съ особенною яркостью было поставлено на видъ, что лучшими мѣстами своей «Мадамъ Бовари», т. е. самага капитальнаго своего произведенія, Флоберъ обязанъ мудрымъ совѣтамъ—проницательной критикѣ своего гарибальдѣйски-префектурнаго пріятели. Между тѣмъ Гюи де-Мопассанъ, работавшій въ это время надъ біографіею своего покойнаго маэстро (появившейся въ *Revue politique et littéraire* 19-го и 26-го янв. текущаго года), нашелъ въ бумагахъ Флобера собственноручное письмо Максима Дюкана, по поводу «Мадамъ Бовари», доказывающее несомнѣнно, будто-бы руководитель Флобера раздѣлялъ взгляды на этотъ замѣчательный и строго реалистическій романъ самой близорукой и прѣсной буржуазной критики, что онъ, точно, давалъ автору его совѣты, но совѣты, напоминающіе довольно живо приговоръ длинноухаго цѣнителя надъ пѣньемъ соловья.—«Какъ жаль, что незнакомъ ты съ нашимъ пѣтухомъ, а то-бъ ты болѣ навострился, когда-бы у него немного поучился!» — Письмо, какъ и слѣдовало ожидать, было тотчасъ-же обнародовано, а такъ какъ Максимъ Дюканъ нигдѣ, кромѣ префектуры, не возбуждаетъ въ себѣ особенно теплаго сочувствія, то скандальчикъ этотъ и былъ тотчасъ же подхваченъ не безъ ехидства бульварною прессою и раздуть ею до размѣровъ «событія». Вопросъ о Флоберѣ, крайне современный самъ по себѣ, былъ такимъ образомъ еще настойчивѣе выдвинутъ на очередь. Издатель Шарпантье, т. е. антрепренеръ «никогда невиданной доселѣ труппы», очень ловко воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы выпустить въ свѣтъ отдѣльнымъ томикомъ переписку Флобера съ Жоржъ-Зандъ, уже появлявшуюся въ концѣ прошлаго года по частямъ въ «Nouvelle Revue» г-жи Жюльетъ Адамъ. Переписка эта носить самый интимный характеръ и, несомнѣнно, вовсе не предназначалась для печати: это, какъ извѣстно, придаетъ такого рода изданіямъ совершенно особый интересъ въ глазахъ своего рода любителей. Въ помощь коммерческимъ соображеніямъ издателя Шарпантье, чопорная критика *Revue des deux Mondes*, устами присяжнаго своего чревоуѣщателя,

Брюнэтъера, нашла почему-то нужнымъ возмутиться безцеремонностью, съ которою Флобера выводили передъ публику въ томъ непричесанномъ и неприглаженномъ видѣ, въ которомъ самъ онъ передъ нею никогда не выступалъ. Этого одного было-бы уже за глаза достаточно, чтобы обезпечить томику переписки Флобера съ Жоржъ-Зандъ очень завидный съ спекуляторской точки зрѣнія успѣхъ. Изданіе имѣетъ, дѣйствительно, слишкомъ очевидный спекуляторскій характеръ. Письма не только не были сколько-нибудь тщательно пересмотрѣны и освобождены отъ совершенно ненужнаго клама, но они даже и разсортированы какъ-то ужъ слишкомъ впопыхахъ и помѣчены совершенно фантастическими числами: такъ наприм., на одну записку Ж. Зондъ, писанную въ 1873 г., отвѣтъ Флобера отнесенъ къ 1877 г. и попадаетъ на глаза читателю только уже тогда, когда онъ совсѣмъ успѣлъ забыть, о чемъ именно идетъ дѣло между переписывающимися. Это тѣмъ болѣе неудобно, что вся переписка имѣетъ характеръ разговора, часто даже очень оживленнаго, и страстнаго спора двухъ приверженцевъ діаметрально противоположныхъ воззрѣній: послѣдней могики романтизма сороковыхъ годовъ, съ одной стороны, и съ верховнымъ жрецомъ—если не съ основателемъ натуралистической секты—съ другой. Нечего и говорить, что письма не снабжены даже и тѣми—казалось бы, крайне необходимыми,—примѣчаніями, безъ которыхъ многія изъ нихъ становятся совершенно непонятными, по крайней мѣрѣ для насъ, незнакомыхъ съ закулисными подробностями и мелкими дразгами парижской кружковой жизни этого времени. Въмѣсто всякаго предисловія, перепечатанъ уже помянутый выше «этюдь» Гюи де-Мопассана о Флоберѣ, несомнѣнно принадлежащій къ лучшимъ произведеніямъ этого моднаго теперь архи-натуралиста, но грѣшащій всѣми недостатками его обычной манеры, т. е. рисующій довольно яркую, обывовенно слишкомъ испещренную подробностями, картину внѣшняго Флобера, съ его густыми и длинными волосами, съ мужиковатою, дюжею фигурою, одѣтою въ широкій балахонъ и шаровары, видъ которыхъ долженъ былъ приводить въ ужасъ cadaго бульварнаго портнаго. Мастерски, въ немногихъ штрихахъ, рассказаны привычки и образъ жизни автора «Мадамъ Бовари»; не забыты мебель и бездѣлушки, украшавшія кабинетъ его норманской деревушки; живописно очерчены силуэты обычныхъ посѣтителей знаменитаго пустынноика, въ числѣ которыхъ блистаютъ почти всѣ громкія литературныя имена, не выключая и И. С. Тургенева... Совершенно пропущено только одно: внутренняя физиономія Флобера, его теоретическіе взгляды на искусство и на жизнь, однимъ словомъ—весь тотъ умственный и нравственный синтезъ,

который въ дѣйствительности спланивалъ въ одно живое органическое цѣлое всѣ безконечныя разношерстныя подробности, которыхъ мы уже множество знаемъ изъ разныхъ источниковъ про нашего героя.

Любителямъ до литературныхъ сплетенъ пришлось, вѣроятно, съ томикомъ издателя Шарпанье потерпѣть немалое разочарованіе. Захваченный врасплохъ, въ полномъ неглиже, Флобэръ оказывается такимъ добрымъ, немелочнымъ и незадорнымъ человекомъ, которые и сами не подаютъ поводовъ къ пикантнымъ скандалчиствамъ, и не собираютъ таковыхъ про своихъ пріятелей и друзей. Рѣзкій въ своихъ приговорахъ, особливо когда они касаются литературныхъ воззрѣній и темъ, самъ разслабившій себя мрачнымъ мизантропомъ на весь міръ, — въ закулисной жизни своей Флобэръ былъ совершенно чуждъ того мелочно-задорнаго, стародѣвичьяго элемента, который такъ сильно развитъ въ большей части его литературныхъ собратій и который такъ художественно воплощенъ Альфонсомъ Додэ въ образъ классическаго неудачника Даржантона (въ романѣ *Jaek*) и во множествѣ другихъ... Но зато, при всѣхъ вышепомянутыхъ своихъ погрѣшностяхъ, переписка Флобера съ Ж.-Зандъ представляетъ не малый интересъ значительно болѣе чистаго и высшаго порядка. Томикъ этотъ, несомнѣнно, пополняетъ тотъ искусственный пробѣлъ, который оставленъ всѣми хвалителями и хулителями Флобера, и позволяетъ намъ до известной степени ориентироваться въ области тѣхъ воззрѣній, которыми отчасти руководился, но главнѣйшимъ образомъ, хотѣлъ постоянно руководиться этотъ основатель натуралистической беллетристики во Франціи. Съ такимъ писателемъ, какъ авторъ «*Мадамъ Бавари*», который критическихъ статей не писалъ, о себѣ и своихъ принципахъ въ своихъ романахъ не говорилъ и не оставилъ по себѣ никакой исповѣди, никакого литературнаго завѣщанія, — этого одного было-бы уже очень много. Но «*Переписка*» даетъ намъ нѣчто большее, а именно: оцѣнку этихъ воззрѣній Флобера, — а слѣдовательно и всей школы, признающей его болѣе или менѣе своимъ основателемъ, своимъ вождемъ, — очень крупною писательницею того, отжившаго свой вѣкъ направленія, на смѣну котораго являются гг. Флобэръ, Золя, Гонкуры, Мопассанъ и др., ихъ же имена ты, Господи, вѣси.

Благодаря критикѣ шестидесятихъ годовъ, у насъ съ реализмомъ невозможны теперь уже никакія недоразумѣнія. У насъ, «даже и не бывшему въ семинаріи», давнымъ-давно известно, что реализмъ значитъ подчиненіе искусства требованіямъ дѣйствительности; иначе говоря, пріуроченіе художественныхъ образовъ и формъ къ вопросамъ и задачамъ, волнующимъ въ данное время

наши умы. Такое опредѣленіе, очевидно, основано не на технической сторонѣ дѣла, а слѣдовательно и не грѣшить формализмомъ, ни неумѣстною subtilностью; а непосредственно идетъ въ самой сути вопроса. Мы противопоставляемъ реализму не классицизмъ, — который невольно будить въ нашихъ воспоминаніяхъ строфы Кантемира или Тредьяковскаго, — ни романтизмъ, — о которомъ у насъ давно не идетъ вовсе никакой рѣчи; — мы противопоставляемъ ему теорію «искусства для искусства», т. е. всякое безцѣльное самоублаженіе художественною техникою писателей и читателей, все равно, будетъ-ли это самоублаженіе техникою классическою, романтическою или натуралистическою. Если писателю нѣтъ никакого дѣла до дѣйствительной жизни съ ея головоломными задачами, съ ея всепоглощающими вопросами, съ ея неумолимою и непрестанною борьбою, то и жизни не можетъ быть никакого дѣла до него. Находить-ли онъ самоуслаженіе въ воспѣваніи небесной лазури и розъ, амурничающихъ съ соловьями, или капустныхъ кустовъ и копошащихся въ гниломъ сырѣ червей, — это вопросы, интересные только для него самого. быть-можетъ для его задуманныхъ друзей, да немногихъ спеціалистовъ-психологовъ, для которыхъ всякія явленія нашего внутренняго міра могутъ быть интересны, какъ сырой матерьялъ.

Нашу реалистическую критику нерѣдко обвиняютъ, будто она вовсе упраздняетъ всякое искусство и всякую эстетику. Это совершенно несправедливо: она только отводитъ вопросы художественной техники на тотъ второй планъ, который свойственъ имъ по самой сущности дѣла. Если художественное произведеніе не затрагиваетъ ни одного изъ сколько-нибудь существенныхъ нашихъ жизненныхъ интересовъ, то кому-же охота знать: хорошо, или дурно оно исполнено? Мало-ли существуетъ на свѣтѣ такъ-называемыхъ «невинныхъ» времяпрепровожденій, въ родѣ, напр., бильярдной или шахматной игры, катанья на конькахъ, сладкихъ пирожковъ, и т. п. Даже серьезный человѣкъ можетъ посвящать такимъ забавамъ свои «потерянные» минуты; но дѣлать ихъ предметомъ глубокомысленныхъ обсужденій могутъ только тѣ, у кого всѣ минуты въ жизни «потеряныя», у котораго нѣтъ никакого поглощающаго его интереса за душою. Художество чисто эстетическое, — т. е. то искусство для искусства, которое одно только и противопоставляется у насъ искусству реалистическому, имѣетъ, конечно, свои извѣстныя правила, требуетъ извѣстныхъ дарованій, снаровки, умѣлости, и т. д. Но вѣдь точно также и искусство печь вкусныя сладкія пирожки дается не всякому, никакая реалистическая критика ничего противъ того не имѣетъ, чтобы для любителей и спеціалистовъ выходила поваренная книга,

и имъ подобныя руководства всякихъ невинныхъ времяпрепровожденій и имъ подобныхъ забавъ; но только она, по праву, считаетъ ихъ совершенно неподвѣдомственными той жизненной, дѣловой сферѣ, въ которой она должна неизбѣжно вращаться, подъ опасеніемъ самой превратиться въ одно изъ тѣхъ безвредныхъ, но и бесполезныхъ времяпрепровожденій, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. Совершенно другое дѣло, если литературное, или, вообще, художественное произведеніе реалистично, т. е. если оно затрогиваетъ собою тотъ или другой существенный, житейскій интересъ. Тогда для реалистической критики становится далеко не безразлично: хорошо или дурно оно исполнено? — Произведеніе, превосходное по мысли, но исполненное неумѣло, небрежно или бездарно, естественно будетъ имѣть на читателей вліяніе очень не полное; часто рискуетъ быть вовсе непринятымъ или непонятымъ, или даже и вовсе быть перетолкованнымъ веривъ и вкось. Тогда реалистическая критика считаетъ своею первѣйшею обязанностью отрѣшить привлекательное и интересное содержаніе такихъ произведеній отъ погрѣшностей исполненія; а для этого ей приходится подходить и къ технической сторонѣ искусства, которою самъ критикъ можетъ не владѣть съ виртуозностью, требуемою отъ мастера, но основные законы и требованія которой ему должны быть извѣстны вполне основательно. Самый суровый и нетерпимый изъ нашихъ реалистическихъ критиковъ, — Добролюбовъ, нерѣдко преподавалъ цѣлыя уроки художественной техники нѣкоторымъ изъ нашихъ писателей, при несомнѣнной интересности содержанія грѣшившихъ небрежностью или неумѣлостью исполненія.

Реалистическая критика не указываетъ и не заказываетъ искусству никакихъ предметовъ и никакихъ приемовъ. По ея мнѣнію, все, возбуждающее интересъ въ жизни, какъ-бы ни было оно возвышенно или низменно, можетъ быть предметомъ художественнаго воспроизведенія. Только по недоразумѣнію или по недомыслію можно утверждать, будто реализмъ осуждаетъ искусство вращаться во всякихъ нечистотахъ и низменностяхъ. И. С. Тургеневъ замѣстивалъ своихъ героевъ далеко не изъ поддонковъ нашей общественной среды, но тѣмъ не менѣе стяжалъ себѣ славу крупнаго реалистическаго художника на всю Европу. Всеволодъ Крестовскій воспроизведеніемъ самыхъ мрачныхъ петербургскихъ трущобъ не сумѣлъ подняться однакожь до высоты реалистической полезности самого дюжиннаго разбора. Точно также неосновательно предположеніе, будто реализмъ изгоняетъ изъ художественной области всякій широкій полетъ или порывъ и любитъ одно только терпѣливое раскапываніе затрогиваемаго имъ предмета. Реалистически-художественно всякое изображеніе, пере-

дающее съ должною яркостью и правдивостью истинный смыслъ явленій, но какимъ путемъ достигаетъ художникъ желанной цѣли:— достаточно-ли ему для этого однимъ орлинымъ взоромъ окинуть во всей его совокупности затронутый имъ предметъ, или-же онъ долженъ близоруко разсматривать его по частямъ подъ увеличительнымъ стекломъ?—это вопросы дарованія, темперамента и вкусовъ самого художника. Не менѣе несправедливо и то положеніе, будто реализмъ ограничиваетъ сферу художественнаго творчества только тою будничною дѣйствительностью, которою мы окружены со всѣхъ сторонъ на самомъ дѣлѣ. Гоголь въ своемъ «Носѣ» или Щедринъ въ своихъ сказкахъ фантазируютъ не хуже Александра Дюма старшаго. Это, однако-же, не заставляетъ насъ смотрѣть на эти ихъ произведенія, какъ на промахи или какъ на пятно на общемъ натуралистическомъ фонѣ ихъ литературной дѣятельности. Конечно, только очень крупный талантъ можетъ, добровольно упуская изъ подъ ногу солидную почву насущной дѣйствительности, не порвать живой связи съ этою дѣйствительностью и въ своемъ фантастическомъ полетѣ еще лучше уловить ея реалистическій смыслъ: для средней-же руки художника впору воплотить этотъ смыслъ только въ такихъ формахъ, которыя онъ уже находитъ готовыми въ окружающей его дѣйствительности.

Давно уже было замѣчено, что въ натурахъ неразвитыхъ,—въ дѣтяхъ или въ дикаряхъ, на примѣръ, —воображеніе отличается необычайною чуткостью. По малѣйшему намеку, оно начинаетъ дѣйствовать съ такою интенсивностью, для которой соображенію болѣе зрѣлаго человѣка нуженъ несравненно болѣе могучій импульсъ. Ребенокъ очень охотно будетъ возиться какъ съ существомъ, совершенно подобнымъ ему, съ самою безобразною фигурою, кое-какъ сдѣланною изъ тряпокъ и имѣющею очень отдаленное сходство съ фигурою человѣка. Если-же эта безобразная кукла одѣта въ пестрые ласкутки, пересыпана блестками, то эстетическое наслажденіе счастливаго обладателя доходитъ до высшаго своего предѣла. Но, по мѣрѣ того, какъ въ этомъ ребенкѣ болѣе будетъ развиваться наблюдательность и критическія способности, воображеніе его перестаетъ отзываться на такой первобытный импульсъ: онъ играетъ только съ куклами, изображающими несравненно вѣрнѣе внѣшній обликъ человѣка. Это такое повсемѣстное явленіе, съ которымъ приходится считаться искусству и всякой критикѣ, и имъ обуславливается всемірная эволюція художественнаго творчества по всевозможнымъ отраслямъ, начиная съ самыхъ низменныхъ, хотя бы только кулинарныхъ его ступеней и кончая возвышенными сферами живописнаго или литературнаго реализма. Воображеніе самыхъ развитыхъ нашихъ предковъ четырнадцатаго

столѣтія безъ малѣйшаго усилія принимало за мадоннъ тѣ дѣтски-наивныя фигуры, которыя оскорбляютъ нашъ взглядъ своимъ несомнѣннымъ сходствомъ съ сухими селедками, а не съ очаровательными женскими фигурами. Художнику, обращающему къ публикѣ этого. возраста, нѣтъ никакой надобности,—да и въ голову не придетъ,—тратить талантъ и время на приданіе своимъ изображеніямъ той правдивости, которая, все равно, не была-бы замѣчена цѣнителями. Для него гораздо важнѣе ярко раскрасить и раззолотить предлагаемыя имъ публикѣ изображенія: это самый вѣрный способъ достигнуть того, чтобы взрослые дѣти обратили на нихъ свое вниманіе. Для того-же, чтобы дать этому вниманію то направленіе, которое художникъ имѣетъ въ виду, передъ нимъ имѣется одинъ только путь: оттѣнить свое намѣреніе съ возможною яркостью и рѣзкостью, не стѣсняясь тѣмъ, что изъ этого неминуемо должно произойти вопіющее нарушеніе правдивости самаго изображенія. Что нужды, что св. Варвара, нарисованная какимъ нибудь пре-рафаэлистомъ, не имѣетъ въ себѣ ни одной черты, напоминающей правильное анатомическое строеніе человѣческаго тѣла: зрители отъ этого только болѣе сосредоточатъ свое вниманіе на той сторонѣ изображенія, которая и для художника составляетъ главную его суть, и они тѣмъ безраздѣльнѣе настроятся на требуемый діапазонъ неземнаго, мистическаго благочестія... Въ литературѣ этихъ возрастовъ мы видимъ совершенно тотъ-же пріемъ: герои всѣхъ романтическихъ легентъ и поэмъ—чудовищныя одно-сторонности, преувеличенія, раскрашенныя съ поразительною яркостью и пестротой, не заявляющія нималѣйшаго притязанія быть похожими на людей, которые живутъ и движутся въ дѣйствительности.—Параллельно съ развитіемъ наблюдательности и критики въ публикѣ, художественные образы начинаютъ болѣе и болѣе совершенствоваться въ смыслѣ правдивости и нагляднаго воспроизведенія дѣйствительности; техника искусства становится съ тѣмъ вмѣстѣ труднѣе и сложнѣе. Постоянно притупляющіеся вкусы и все болѣе подчиняемое анализу воображеніе теряютъ, наконецъ, способность возбуждаться такими изображеніями, которыя, хотя-бы въ малѣйшихъ подробностяхъ, оскорбляютъ ея чуткую мѣрку правдивости и возможности живыхъ явленій. Искусство достигаетъ тогда верха совершенства съ точки зрѣнія придавать куклѣ внѣшность живого ребенка, клочекъ раскрашеннаго полотна поддѣлывать подъ дѣйствительную природу, и т. п.—Слѣдуетъ-ли изъ этого, что въ искусствѣ воцарится безраздѣльный *реализмъ* въ установленномъ нашею критикою шестидесятихъ годовъ смыслѣ этого слова?

Очевидно, нѣтъ: въ результатѣ получится несомнѣнный *нату-*

реализмъ, т. е. доведенное до совершенства умѣнье воспроизводить, въ книгѣ или на полотнѣ, внѣшнюю сторону дѣйствительно существующихъ, или, по крайней мѣрѣ, возможныхъ въ дѣйствительности, явленій. Но безукоризненная, фотографическая вѣрность изображенія внѣшнихъ формъ не заключаетъ еще въ себѣ ни малѣйшаго ручательства за то, что съ такою-же точно вѣрностью переданъ и внутренній смыслъ изображенныхъ явленій; не ручается даже, наконецъ, что въ изображеніи есть хоть какой-бы-то ни было смыслъ. Совершенно наоборотъ: чрезвычайное усложненіе техники искусства вполнѣ естественно приводитъ часто къ тому, что художникъ совершенно забываетъ про всякій внутренній смыслъ явленій вообще, сосредоточивая всю свою душу на то, чтобы побѣдить многочисленныя трудности взятаго имъ на себя дѣла: Натурализмъ такимъ образомъ можетъ благополучно процвѣтать не только безъ всякаго реализма, но даже прямо въ ущербъ реализму: классическая и романтическая техника, сравнительно съ натуралистическою, были чрезвычайно легки; а потому, при господствѣ ихъ, меньше было возможности преобладать въ искусствѣ такимъ творцамъ, которые вполнѣ бессодержательны, но до оптическаго обмана вѣрное изображеніе внѣшнихъ формъ считаютъ совершенно удовлетворительною и законною цѣлью художественнаго произведенія. Реализмъ-же неизбѣжно включаетъ въ себѣ натурализмъ, потому что съ новѣйшею зрѣлою публикою нѣтъ возможности говорить устарѣлымъ языкомъ отдаленныхъ намековъ, противуестественныхъ односторонностей и ярко раскрашенныхъ призраковъ и преувеличеній...

Что-же представляетъ изъ себя та французская беллетристическая школа, которой основателемъ второй руки считается Густавъ Флоберъ? Отвѣтитъ на этотъ вопросъ въ немногихъ словахъ очень нелегко прежде всего потому, что передъ нами является вовсе не школа, «а доселѣ еще невиданная артистическая группа», въ которой чуть не издательскою властью барнума Шарпантье собраны въ одно разношерстое цѣлое субъекты, столь мало однородные какъ верблюды, арабскій конь и «знаменитѣйшіе антиподы въ Европѣ». Сами гг. «артисты» этого направленія, безъ строгаго разбора, величаютъ себѣ то реалистами, то натуралистами, какъ будто и не подозрѣвая, что слова эти вовсе не тождественны. Точнѣе говоря, они готовы считаться только натуралистами, но вовсе не думаютъ признавать этимъ, что имъ, точно недостаетъ того существеннаго «нѣчто», прибавкою котораго къ натурализму этотъ послѣдній только и можетъ быть поднять на степень реалистическаго искусства, но безъ котораго онъ неизбѣжно остается одною изъ разнообразныхъ формъ безцѣльнаго

самоублаженія, формою очень модною, очень трудною, очень искусственною, но все-же не имѣющею никакихъ точекъ соприкосновения съ сферою вѣдѣнья реалистической критики. Дѣло въ томъ, что уже за нѣсколько лѣтъ до появленія въ свѣтъ «Рюгонъ-Макаровъ» и даже «Мадамъ Бовари», горсть молодыхъ писателей въ Парижѣ додумалась до того, что реализмъ представляетъ собою единственный видъ художественности, стоящій на высотѣ нравственнаго и умственнаго развитія нашего времени. Небогатая ни дарованіями, ни деньгами, эта литературная партія основала журнальчикъ, озаглавленный l'Art réaliste, скоро окончившій свое существованіе въ бесплодной борьбѣ съ равнодушіемъ публики. Это равнодушіе вовсе не служитъ доказательствомъ тому, будто принципы реалистическаго искусства не по душѣ или не по плечу французской публикѣ. Appetitъ голоднаго человѣка не удовлетворяется чтеніемъ menu самого гастрономическаго обѣда; такъ точно и художественный appetitъ публики остался не удовлетворенъ предлагаемыми ему рецептами, по которымъ должны были изготовляться вкусныя и сытныя духовныя яства для его насыщенія. Группа-же «Art réaliste» была слишкомъ безцвѣтна съ точки зрѣнія художественныхъ дарованій, чтобы самой приняться за изготовление рекомендуемыхъ ею блюдъ. Такимъ образомъ, до появленія на сценѣ Флобера и Золя; названіе реалистовъ было уже нѣсколько скомпрометировано на парижскомъ литературномъ рынкѣ. Компрометирующимъ въ глазахъ обновителей новѣйшаго французскаго романа казался не столько матерьяльный неуспѣхъ реалистическаго журнала, сколько то обстоятельство, что парижскіе реалисты выставили на своемъ знамени слово: *утилитаризмъ*, съ которымъ авторы «Мадамъ Бавари» и «Рюгонъ-Макаровъ» способны помириться еще менѣе, чѣмъ идеалисты изъ академіи. Только одинъ Эдмондъ Гонкуръ, послѣ смерти младшаго своего брата и неизмѣннаго сотрудника, въ предисловіи къ извѣстному и у насъ своему роману: «La fille Elisa», рѣшился высказать безъ обиняковъ, что искусство, даже и натуралистическое, можетъ быть осмысленнымъ и живымъ дѣломъ только тогда, когда оно подчиняется и служитъ общественнымъ цѣлямъ.

Когда появился въ свѣтъ первый томъ «Рюгонъ-Макаровъ» Эмиля Золя, съ котораго собственно и начинается натуралистическая знаменитость этого талантливаго романиста, то у насъ было полное основаніе предполагать, будто во французской беллетристикѣ, подъ знаменемъ натурализма, ведется та-же самая борьба, которая у насъ уже одержала верхъ, и въ искусствѣ, и въ критикѣ, подъ знаменемъ реализма. Этому не мало способствовало еще и то, что враждебная обновленію критика обрушивала

на парижскихъ новаторовъ тѣ-же самые ржавые громы, которые у насъ сыпались на реалистовъ изо всѣхъ угловъ, гдѣ пахло затхлостью и застоємъ. Очень скоро, правда, начались очень существенныя недоумѣнія, такъ-какъ появленіе новыхъ романовъ того-же автора производило какое-то перемежающееся, смѣшанное впечатлѣніе. То дарилъ онъ насъ превосходнымъ реалистическимъ произведеніемъ (наприм. «Парижское Брюхо»), но сильно попорченнымъ совершенно ненужною ультра-натуралистическою трухою; то скучнымъ пережевываніемъ безцѣльнаго натурализма (въ родѣ «Pot Bouille»); то наконецъ какимъ-нибудь «Проступкомъ аббата Мурэ», не выдерживающимъ даже и узко-натуралистической критики. Пресловутый «Assomoir», появившійся съ такимъ трескомъ и шумомъ, послужилъ, наконецъ, блистательнымъ доказательствомъ тому, что въ самомъ авторѣ существуетъ жалкій разладъ, производимый несоразмѣрностью реалистическихъ, будто-бы, его притязаній съ узкостью натуралистическихъ средствъ, находящихся въ ежечасномъ его распоряженіи. Исходя изъ ложнаго положенія, будто «каждый клочекъ дѣйствительности, отраженный сквозь художественный темпераментъ», даетъ непременно въ результатѣ реалистически-художественный образъ,—авторъ наивно принималъ самъ за социальный типъ современнаго парижскаго рабочаго засаленный образъ, получившійся въ итогъ отраженія неудачно выбраннаго единичнаго явленія сквозь объективъ темперамента самого Золя, очевидно, засоренный пылью художническихъ мастерскихъ латинскаго квартала, разрозненными вырѣзками изъ лекцій Клода Бернара и недодуманными злобами (Mes Haines), вынесенными этимъ даровитымъ писателемъ изъ его прежней жизни.

Эмиль Золя, единственный изъ писателей разбираемаго нами направленія, не только творящій свои произведенія по напередъ заготовленному и, будто-бы систематическому, даже ученому, рецепту, но также обязательно сообщающій публикѣ и самый рецептъ съ очень обширными, часто даже лирическими къ нему прибавленіями и толкованіями. Но увы! изъ чтенія критическихъ и догматическихъ его произведеній (появлявшихся главнѣйшимъ образомъ по-русски въ журналѣ г. Стасюлевича) получались впечатлѣнія, еще болѣе неопредѣленныя и туманныя. Три слона, на которыхъ покоится художественная теорія Эмиля Золя, проводятъ свой вѣкъ въ пожираніи другъ друга, не говоря о томъ, что нѣтъ почти возможности разглядѣть подлинную фізіономію каждаго изъ трехъ чрезъ тотъ чревоушщательный языкъ, которымъ вычитываетъ свой «boniment» обладатель этого своеобразнаго литературнаго звѣринца.—«Искусство гнушается утилитаризмомъ» (см. воз-

раженіе Золя Прудону и его статью о республикѣ); «художникъ набираетъ человѣческіе документы (въ виду чего?) и строчить протоколы»;—«что мнѣ за дѣло до правды, если ложь колоритнѣе ея» и «колоритный темпераментъ», исключительный, равнодушный ко всему, чѣмъ волнуется толпа, выставляемый, какъ альфа и омега всякаго искусства,—вотъ тѣ ингредиенты, изъ которыхъ авторъ нѣсколькихъ, замѣчательныхъ со строго-реалистической точки зрѣнія романовъ, стряпаетъ странную и неудобоваримую микстуру, выдаваемую имъ за теорію современнаго искусства. Очевидно, что этотъ будто-бы живительный бальзамъ также несостоятеленъ съ натуралистической, какъ и съ реалистической точки зрѣнія, и что авторъ давно отравилъ-бы имъ себя, еслибы въ своемъ крупномъ дарованіи и въ условіяхъ своей прежней жизни не нашелъ спасительнаго противудія, способнаго парализовать порою одуряющее дѣйствіе этого мѣсива.

Принимая во вниманіе скрытность однихъ изъ корифеевъ этого направленія и неспособность другихъ отдать себѣ и намъ удобопонятный отчетъ о томъ, чего, собственно, они хотятъ и «какому господину служить»,—я очень обрадовался, встрѣтивъ въ числѣ вновь вышедшихъ французскихъ книгъ небольшой томикъ Луи Дэпра, посвященный имъ *натуралистической эволюціи*. Авторъ достаточно близко стоитъ къ корифеямъ новаго беллетристическаго направленія для того, чтобы, уловивъ минуту, похитить загадочный ключъ, отпирающій тайны ихъ задушевныхъ намѣреній и неформулированныхъ помысловъ и надеждъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не настолько художественный натуралистъ, чтобы отрѣшиться сполна отъ вопросовъ, волнующихъ «непосвященну чернь», и проводить свой вѣкъ въ величественномъ созерцаніи собственнаго пуга, отраженнаго сквозь его-же собственно колоритно-натуралистическій темпераментъ. Отъ такого привратника, услужливо отворяющаго другимъ двери храма, въ который самъ онъ не входитъ, обмененно всего лучше узнаешь правду про священнодѣйствующихъ въ этомъ храмѣ жрецовъ...

И дѣйствительно, Л. Дэпра, съ первыхъ-же страницъ своего предисловія, подкупаетъ читателя своимъ, довольно свободнымъ отношеніемъ къ заплатамъ изучаемаго имъ ученія. Въ пришествіи новаторства (реализма или натурализма?—этого онъ не говорить) онъ видитъ не чудодѣйственное проявленіе могуче-колоритныхъ темпераментовъ, а необходимый историческій фактъ, стоящій притомъ въ самой тѣсной связи съ цѣлою политической и соціальною исторіею Франціи. Авторъ въ немногихъ строкахъ довольно обстоятельно показываетъ намъ, что классическое направленіе старой французской литературы было роковымъ послѣдствіемъ того

общественнаго строя, который господствовалъ до самаго конца XVIII столѣтія. Имѣя своими зрителями и зрительницами придворныхъ кавалеровъ и штатсъ-дамъ, предназначенная для появленія въ одной изъ парадныхъ залъ королевскаго дворца, кака-нибудь «Федра» Расина, весьма естественно, должна была совершать свой противузаконный и противуестественный адюльтеръ не иначе, какъ съ соблюденіемъ строжайшихъ правилъ придворнаго этикета; точно также и Терамонъ обязанъ былъ вгонять свой рассказъ о трагической смерти въ такіа формы, въ которыхъ сама Варвара Петровна Тургенева могла-бы выслушать отъ своего управляющаго почтительный докладъ о пожарѣ Сычей или какой-нибудь другой изъ ея многочисленныхъ деревень... Въ половинѣ XVIII столѣтія, общественный строй этотъ, распатанный уже въ дѣйствительности, продолжаетъ, однако-же, еще давать господствующій тонъ литературѣ, и самъ Вольтеръ оказываеъ знаменитымъ «тремъ единствамъ» классической трагедіи то уваженіе и ту пощадку, которыхъ однородныя съ этими явленія не встрѣчали отъ него на литературныхъ поприщахъ. Руссо, со своимъ гениальнымъ чутьемъ красота природы и правъ человѣка, оказалъ значительно болѣе преобразовательное и болѣе глубокое вліяніе на искусство не одной только Франціи, но и всей Европы. Тѣмъ не менѣ одна ласточка не дѣлаеъ весны и—литературная Бастилія переживаетъ Бастилію политическую. Она падаетъ сама собою, коль-скоро, вслѣдъ за революціею и наполеоновскимъ погромомъ, общественная жизнь принимаетъ совершенно новый складъ и строй. Нетрудно было предвидѣть то направленіе, которое придадутъ французской литературѣ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго вѣка люди, «зачатые между двумя сраженіями, воспитанные среди такой дѣйствительности, которая, какъ двѣ капли воды, похожа на волшебную сказку». Это поколѣніе отличается «лихорадочно ускореннымъ пульсомъ, величественнымъ воображеніемъ, сквозь которое самая будничная дѣйствительность представляется какъ-бы отраженною въ волшебномъ зеркалѣ». Такимъ образомъ возникаетъ направленіе лирическое, котораго естественный ходъ приводитъ насъ къ романтическому перевороту, послѣдовавшему за скромною революціею 1830 г. Въ этомъ переворотѣ Викторъ Гюго совмѣщаетъ въ себѣ одною роли Мирабо и Робеспьера. Слѣдуя импульсу, данному его мощною рукою, обновленная литература устремляется, тотчасъ-же по возрожденіи своемъ, по страннымъ и таинственнымъ тропинкамъ. Въ жару битвы, Викторъ Гюго такъ громко кричалъ противъ всякихъ стѣсненій свободнаго творчества, противъ всякихъ классификацій и регламентацій, что безсознательно онъ даже самъ забылъ великую истину, провозглашенную имъ въ предисловіи къ Кромвелю:

«общіе законы природы парятъ надъ цѣлою областью искусства». Онъ, въ драмѣ и въ романѣ отдался беззавѣтно всѣмъ увлеченіямъ своего воображенія, онъ буквально душилъ блѣдные образы (*fantoches*), создаваемые его мозгомъ, подъ роскошью костюмовъ, подъ грудю живописнѣйшихъ украшеній, подъ громадою величественныхъ зданій, служившихъ имъ сценою дѣйствія. Романтическое искусство совершенно основательно сравнивають съ византійскою живописью: и тамъ, и здѣсь та-же блѣдность образовъ—результатъ ихъ нереальности, значительно усиленная чрезвычайно яркостью одеждъ и подробностей. Великій поэтъ, покорный логическому развитію своего дарованія, все болѣе и болѣе отклонялся отъ большой дороги. Теперь, достигнувъ безсмертія, онъ кажется среди насъ величавою развалиною исчезающаго міра, и мы привѣтствуемъ его съ тѣмъ уваженіемъ, которымъ окружаютъ только мертвецовъ».—«Бальзакъ, убитый чрезмѣрною работою въ 1850 г., болѣе живъ сегодня, чѣмъ Викторъ Гюго».

Причину этой живучести Бальзака сравнительно съ Викторомъ Гюго Луи Дээрэ видитъ не въ превосходствѣ его таланта (сильно преувеличиваемаго, на нашъ взглядъ, авторомъ *натуралистической эволюціи*), а въ томъ, что Бальзакъ гораздо лучше будто-бы воплощаетъ въ себѣ единственную возможную формулу искусства нашихъ дней. Формулу-же эту нашъ авторъ находитъ всего опредѣлительнѣе выраженною у Сильвестра де Саси нижеслѣдующимъ образомъ: «выраженіе демократіи, искусство это подвижно, какъ сама демократія. Его образы должны быть ярки; его рѣчь смѣла и неразборчива въ словахъ; онъ болѣе заботится объ успѣхѣ въ настоящую минуту, чѣмъ о вѣчной славѣ... Неисчерпаемою своею плодотворностью оно должно умѣть удовлетворять требованіямъ цѣлаго народа».—Затѣмъ ему остается только досказать, какимъ образомъ эта демократизація искусства, блистательно начата Бальзакомъ, черезъ сухого и мало привлекательнаго Стендаля (Бэйля), доходитъ до Флобера и становится, наконецъ, коллективнымъ достояніемъ современной натуралистической школы. Въ успѣхѣ этого направленія авторъ не сомнѣвается ни на мигъ. Единственный подводный камень, о который можетъ сокрушиться ладья натурализма, по мнѣнію Дээрэ, это утилитаризмъ, такъ существенно будто-бы уже повредившій Дидро; утилитаризмъ, который французскимъ авторомъ вполнѣ смѣшавается съ тенденціозностью, «съ склонностью къ вѣчной проповѣди, отличающею современный англійскій романъ...» «Писать книги для назиданія ближнихъ значитъ (какъ выразились братья Гонкуры) уподобляться тому шарлатану, который воспользовался гибелью фрегата Медузы для устройства часовъ, циферблатъ и стрѣлка которыхъ помѣща-

лись въ парусѣ плота, на которомъ гибнуть отъ голода спасшіеся отъ кораблекрушенія».—Въ другомъ мѣстѣ онъ снова цитируетъ тѣхъ-же братьевъ Гонкуровъ по поводу утилитаризма: «Дидро сказалъ: горе художнику, произведеніе котораго имѣетъ цѣну только для его собратій по ремеслу.—Трудно сказать что-нибудь болѣе глупое». (*Idees Sensations, par Edmonde Jules de Goncourt*).—Правда, въ помянутомъ уже предисловіи къ «*La fille Elisa*», Э. Гонкуръ, оставшись одинъ, проповѣдуетъ иные взгляды на значеніе утилитаризма въ искусствѣ. Но что-же думать о теоретической состоятельности мнимой школы, лучшіе корифеи которой впадаютъ на каждомъ шагу въ такія вопіющія противорѣчія, нетолько другъ съ другомъ, но и каждый съ самимъ собою?

Изложивъ въ предисловіи то, что, за неимѣніемъ лучшаго, приходится считать заявленіемъ принциповъ новѣйшаго натурализма, авторъ даетъ намъ рядъ этюдовъ, посвященныхъ Флорэру, Гонкурамъ, Альфонсу Додэ (1), Эмилю Золя и разнымъ *Diis minores* натуралистическаго олимпа, т. е. поэтамъ и драматическимъ писателямъ этого лагеря. Этюды написаны бойко; почти въ каждомъ изъ нихъ мы находимъ нѣсколько проблесковъ недюжинной наблюдательности; но въ цѣломъ въ нихъ царитъ все тотъ-же натурализмъ, т. е. идейная несостоятельность и жреческій тонъ, трагующій съ комическою важностью и съ причитываніями все однихъ и тѣхъ-же эпитафій сомнительной материалистической эрудиціи о такихъ вопросахъ, которые, по мнѣнію профановъ, не стоятъ выѣденнаго яйца. Изъ книжки мы можемъ почерпнуть немало подробностей о жизни, о привычкахъ и вкусахъ каждаго изъ затронутыхъ ею писателей; но тѣ существенные пробѣлы, которые оставляются предисловіемъ, дальше не пополняются. Очевиднымъ становится только, что Л. Дээрэ, вначалѣ заявившій-было о своей независимости, о своей будто-бы непричастности къ священнодѣйствіямъ натурализма, самъ держится тѣмъ не менѣе и теоретическихъ воззрѣній и художественныхъ приѣмовъ того направленія, въ которомъ онъ видитъ конечный фазисъ художественной эволюціи вообще. Онъ даже и выражается тѣмъ натуралистическимъ языкомъ—плодъ недоношеннаго глубокомыслия,—который имѣетъ нарочитою своею специальностью плодить на каждомъ шагу недоразумѣнія. Такъ напримѣръ, казалось-бы, что по крайней мѣрѣ на значеніе утилитаризма въ искусствѣ Л. Дээрэ имѣетъ очень опредѣленное воззрѣніе.—Это единственный подводный камень, о который могутъ разбиться ладьи гг. Золя, Гонкуровъ и К°. Казалось-бы, что, во избѣжаніе этого кораблекрушенія, имъ слѣдуетъ только писать произведенія,—въ родѣ наприм. «Проступокъ аббата Мурэ»—безполезныя со всевозможныхъ то-

чекъ зрѣнія и которыхъ все значеніе въ смыслѣ реализма равняется самому круглому нулю. Оказывается, однакоже; несомнѣнъ такъ; и самъ же Л. Дээрэ спѣшить, ссылаясь притомъ на авторитетъ академической рѣчи, постановить намъ на видъ *пользу*, которую творенія новѣйшихъ натуралистовъ принесутъ будущему историку. «Они представятъ ему въ художественныхъ картинахъ исторію тѣхъ, которые не имѣютъ исторіи. Все общество временъ Луи-Филиппа живетъ и дышетъ въ «Человѣческой комедіи» (Бальзака); буржуазія второй имперіи отлита въ скульптурныя формы дѣйствующихъ лицъ «Мадамъ Бовари»; сомнительной чистоты дѣльцы политическихъ салоновъ, безо всякихъ прикрасъ, проходятъ передъ нами въ «Набабѣ», а рабочій людъ предмѣстій—въ «Ассомуарѣ», Эмиля Золя. Приемы беллетриста все болѣе отождествляются съ приемами ученаго изслѣдователя» и т. д.

Для насъ нѣтъ дѣла до того, насколько такое увѣреніе справедливо по отношенію къ только-что переименованнымъ романамъ. Мы рады принять его, какъ заявленіе желательности; но какъ же его сочетать съ тѣмъ, что тотъ-же самый критикъ говоритъ объ утилитаризмѣ какъ объ опаснѣйшемъ изъ подводныхъ камней? Какъ примирить эту заботливость о будущихъ историкахъ съ тѣмъ, что Л. Дээрэ утверждалъ о томъ равнодушіи къ потомству, которое (со словъ С. де Саси), должно составлять отличительную черту «демократовъ искусства», помышляющихъ только о наличномъ, минутномъ успѣхѣ?—Да, наконецъ, откуда-же Л. Дээрэ взялъ, будто господа натуралисты могутъ оказать такую пользу будущимъ историкамъ, не оказавъ тѣмъ самымъ еще большую пользу намъ, современникамъ, которымъ во сто разъ необходимѣе и желательнѣе имѣть передъ глазами художественную, неприкрашенную, но осмысленную, картину всѣхъ классовъ того общества, въ которомъ мы живемъ? Вся бѣда въ томъ, что давать намъ такія картины можетъ не самодовольный протоколистъ, какимъ бы колоритнымъ темпераментомъ не надѣлила его судьба,—а также непрозекторъ, хоть-бы и питающій макабрскую страсть въ мрачной обстановкѣ и зловоніямъ анатомическаго амфитеатра. Дать ее намъ можетъ только живой человекъ, понимающій всѣ жизненные интересы тѣмъ, дѣлящій ея волненія и страсти и озаренный притомъ болѣе или менѣе значительнымъ художественнымъ дарованіемъ, послушнымъ, какъ породистый арабскій конь рукъ направляющаго его всадника, т. е. мысли. А эта совокупность понятій и выражается очень удобно двумя словами: художникъ реалистъ. Книга Л. Дээрэ, еще лучше, чѣмъ самые романы и политическія изліянія Золя, убѣждаетъ насъ, что новѣйшій французскій натурализмъ вовсе не представляетъ собою школы, сознательнаго направ-

ленія, руководимаго однимъ послѣдовательнымъ возрѣніемъ на задачи искусства. Мнимая его программа есть не болѣе, какъ пестрый и разношерстный образъ клочковъ, понадерганныхъ изъ самыхъ разнородныхъ, прогрессивныхъ и регрессивныхъ системъ и мировозрѣній...

Затѣмъ, возвращаемся къ перепискѣ Ж.-Зандѣ съ Г. Флоберомъ, въ которой для насъ, само собою, интересна только часть, гдѣ прямо или косвенно могутъ быть разъяснены многочисленныя недоразумѣнія, порождаемыя на каждомъ шагѣ новѣйшимъ натурализмомъ.

Переписка эта начинается съ того, что съ первыхъ-же страницъ порождаетъ въ васъ еще новое недоумѣніе. Прежде чѣмъ вы дочитаетесь въ ней до какихъ-бы то ни было руководящихъ формулъ, опредѣленныхъ взглядовъ на значеніе и задачи искусства съ той или другой стороны, — вы оказываетесь поражены общимъ тономъ какого-то безпомощнаго нытья и умственного шатанья, которымъ пронизана каждая строчка Флобера. Жоржъ-Зандѣ на каждомъ шагѣ принуждена ублажать и успокаивать его, какъ сильная своею нравственною зрѣлостью мать успокаиваетъ капризничающаго хилаго ребенка. При всей своей женственной мягкости и снисходительности къ своему именитому корреспонденту, она рѣдко можетъ найти въ себѣ настолько уваженія къ нему, чтобы прямо высказать ему свою мысль; въ значительномъ большинствѣ случаевъ она принуждена убаюкивать его такими фразами: «вѣдь мы донъ-Кихоты, мой милый брюзга, значитъ, намъ и не слѣдуетъ сердиться за то, что надъ нами потѣшаются всякіе трактирщики».

Предполагая, что Флоберъ былъ на половину такимъ реалистомъ, или, вообще, осмысленнымъ художникомъ, за какого намъ стараются выдавать его, — поневолѣ становишься втупикъ: отчего во всей этой перепискѣ онъ неизмѣнно всегда выступаетъ передъ нами въ такомъ жалкомъ и невыгодномъ свѣтѣ по сравненію со своею «маменькою», представлявшей собою то романтическое направленіе, которое являлось уже несомнѣнно отжившимъ, не отвѣчающимъ уже ни вкусамъ публики, ни новымъ жизненнымъ задачамъ, выдвинутымъ на первый планъ современностью; — то направленіе, которое готово было лечь въ могилу въ образѣ двухъ маститыхъ стариковъ: самой Ж.-Зандѣ и несхороненнаго до сихъ поръ Виктора Гюго, хотя онъ, по увѣренію Дэпрэ, менѣе живъ, чѣмъ Бальзакъ, убитый слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ непомѣрною работою.

За разъясненіемъ такихъ недоумѣній напрасно стали-бы мы обращаться къ «натуралистической эволюціи» Л. Дэпрэ или къ

какимъ-бы-то ни было произведеніемъ натуралистическаго искусства и натуралистической критики. Въ своемъ близорукомъ поглощеніи одною только формальною стороною, Л. Дэпрэ могъ очень удачно въ немногихъ словахъ указать намъ то значеніе, которое романтизмъ имѣлъ въ исторіи развитія стилиа и художнической техники. Но онъ необходимо долженъ былъ проглядѣть то, гораздо болѣе существенное на реалистическій взглядъ обстоятельство, что французскій романтизмъ, при несомнѣнной однородности внѣшнихъ своихъ пріемовъ, являлся внутренно объединеннымъ только до тѣхъ поръ, пока дѣло шло о завоеваніи свободы творчеству, которое примѣтно уже начинало задыхаться подъ гнетомъ классическихъ цѣпей. Задача эта, — это превосходно показалъ и самъ вышепомянутый натуралистическій критикъ, — имѣли не одинъ только художественный, но и гораздо болѣе широкій общественный интересъ. Тутъ только задача эта исполнена соединенными усиліями людей очень различнаго нравственнаго и умственнаго пошиба, только временно сплоченныхъ въ одну мощную рать объединяющимъ знаменемъ романтизма, самая рать эта тотчасъ-же распадается на три, совершенно различныя литературныя партіи. Тѣ, которыя исчерпали свое внутреннее содержаніе въ только-что описанной борьбѣ, имѣя своимъ вождемъ талантливаго мулата Александра Дюма старшаго, направили свой романтическій арсеналъ на продѣлку разныхъ потѣшныхъ битвъ и иныхъ литературно-гимнастическихъ упражненій для забавы публики. Другіе, успѣвшіе изъ темныхъ инстинктовъ, присущихъ всякой воспримчивой человѣческой природѣ, недостаточно просвѣтленной мыслью, воспитать въ себѣ мистическій культъ оружія и къ пріемамъ, доставившимъ имъ побѣду, пустились, по стопамъ длинноволосаго Теофиля Готье, проповѣдывать какую-то чувственную святость искусства и его довленіе себѣ. Эти, какъ и слѣдовало ожидать, начавъ съ романтическаго эллинизма, дописались очень скоро, (т. е. уже въ лицѣ того-же самаго Теофиля Готье) до открытой порнографіи (напр. «Mademoiselle Maupin», отъ которой и нельзя было ждать иного потомства, кромѣ «Mademoiselle Girod ma femme», «Нана» и цѣлой арміи «огненныхъ», «ледяныхъ» и другихъ каллипигій). — Понятно, что романтики болѣе крупнаго нравственнаго калибра не могли найти себѣ мѣста ни въ той, ни въ другой изъ этихъ когорть. Викторъ Гюго, Жоржъ-Зандъ, Эженъ Сю — находятъ, каждый на свой ладъ, новыя поприща для примѣненія того самаго романтическаго оружія, при помощи котораго они уже съумѣли одержать первую побѣду. Благодаря соединеннымъ усиліямъ этихъ трехъ, очень мало похожихъ другъ на друга, бойцовъ, во Франціи утилитаризмъ, т. е. подчиненіе искусства задачамъ

дѣйствительной жизни, совершается раньше, чѣмъ заходить рѣчь о замѣнѣ романтической техники натуралистическою. Конечно, у Сю, на примѣръ, утилитаризмъ очень скоро вырождается въ ту чахлую тенденціозность, художественная цѣнность которой очень невысока; но причина этого печальнаго перерожденія лежитъ, очевидно, въ личныхъ свойствахъ самого автора. Романтическій утилитаризмъ Гюго и Ж.-Зандъ не только не понизилъ художественную цѣнность ихъ произведеній, а, напротивъ, упрочилъ ихъ права на почетное мѣсто въ исторіи развитія искусства во Франціи. Благодаря этимъ двумъ именамъ, значительная часть требованій, предъявленныхъ искусству нашею реалистическою критикою шестидесятихъ годовъ, была уже завоевана прежде, чѣмъ вкусы публики эстетически развились еще на шагъ впередъ, и явился спросъ на безукоризненную правдивость художественныхъ изображеній. Правдивость-же эта въ себѣ самой не заключаетъ ни малѣйшаго ругательства за содержаніе художественныхъ произведеній. Мы видимъ, по крайней мѣрѣ, что она одновременно проявляется по всѣмъ тремъ выше очерченнымъ направленіямъ: безсодержательные рассказчики à la Dumas давно уже знаютъ, что новѣйшій читатель не пойдетъ за ними въ фантастическіе гроты Монтекристо, а потому и влекутъ его въ кабинеты сыщиковъ, въ уголовные суды, гдѣ нервы могутъ быть должнымъ образомъ потрясены безъ напряженія ума и безъ вопіющаго нарушенія правдивости. Новѣйшіе порнографы тоже успѣли сбросить со своихъ описаній виноградные и фиговые листки, понимая, что нынѣшніе ихъ поклонники успѣли износиться въ концѣ и что для возбужденія ихъ имъ нужно показывать однѣ только «голыя правды». Не безъ прискорбія встрѣчаемъ въ ряду такихъ показателей и того самаго Золя, который въ болѣе счастливыя свои минутѣ заявилъ себя достаточно способнымъ продолжать дѣло, начатое Ж.-Зандомъ и Гюго, т. е. примѣнять техническую правдивость къ задачамъ художественнаго утилитаризма.

Можно только, удивляться настоящему терпѣнію, съ которымъ Ж.-Зандъ постоянно указываетъ своему, вѣчноноющему корреспонденту тотъ источникъ, откуда сама она черпала свою нравственную уравновѣшенность и ту замѣчательную легкость творчества, который завидовалъ въ ней въ старые годы Альфредъ-де-Мюссэ. «Садились мы вмѣстѣ за работу»,—писалъ этотъ злополучный поэтъ о своей возлюбленной:—«Къ обѣду она уже выпила два кувшина молока и написала цѣлую главу своего романа; я же написалъ всего два стиха и выпилъ литръ водки». Натуралистическая критика подмѣчаетъ въ Ж.-Зандѣ эту черту, дѣлавшую для нея искусство дѣйствительнымъ отдыхомъ отъ тревогъ и не-

взгодъ ея бурнаго существованія; но, въ глазахъ этой критики, такая легкость художественнаго творчества у Ж.-Зандъ служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ будто-бы низкопробности ея художественныхъ приѣмовъ и романтической школы вообще. Не такъ легко, говорятъ они, дается работа новѣйшимъ натуралистамъ, изъ которыхъ Флобэръ, художникъ по преимуществу, отдѣлывалъ по восьми и по десяти лѣтъ самое ничтожное изъ своихъ произведеній; нерѣдко проводилъ цѣлыя сутки напролетъ въ поискахъ за однимъ какимъ-нибудь недававшимся ему словомъ. «Переписка» полна жалобами Флобэра на тѣ мученія, которыхъ стоила ему работа, дѣйствительно подкосившая въ конецъ его мощную норманскую организацію. «Да, я слишкомъ хорошо знаю этотъ смертный страхъ слога», раздражительно восклицаетъ онъ въ отвѣтъ на одну изъ записокъ Ж. Зандъ, касающуюся этого любимаго ею предмета. И вотъ, чтобъ объяснить ему, почему она лично не знала этого смертнаго страха передъ словами и буквами, Ж.-Зандъ чуть не въ каждомъ письмѣ рассказываетъ ему, какъ она, будучи еще ребенкомъ и живя въ домѣ бабушки, ощущала уже неодолимую потребность выйдти изъ своего узкаго личнаго и семейнаго мірка, жить одною жизнью съ толпой, страдать за нее и съ нею волноваться ея интересами. Какъ бѣдный старикъ, бывшій ея домашнимъ учителемъ, рано забросилъ въ нее сѣмя чуткости ко всякой общественной неправдѣ... Все это хорошо извѣстно читателямъ, хотя-бы изъ мемуаровъ самой Ж.-Зандъ, и, конечно, не могло не быть извѣстнымъ давно и Флобэру. Но въ «Перепискѣ» отрывочные намеки отживающей романистки на эту сторону своего духовнаго бытія получаютъ особенное значеніе, благодаря своему ежечасному сопоставленію съ соотвѣтственными имъ особенностями Флобэра.

Флобэръ, дѣйствительно, страстно любилъ искусство и могъ безъ преувеличенія сказать, что вся его жизнь была посвящена только этому излюбленному дѣлу. Но въ то время какъ, Ж.-Зандъ любила въ своемъ искусствѣ мощное орудіе, которымъ она по своей силѣ могла владѣть для достиженія сознательной и безмѣрно дорогой ей цѣли,—Флобэръ пытается къ своему искусству мистическій культъ, который не теряетъ своей чудовищной фантастичности оттого, что нѣкоторая животная чувственность и материалистическій жаргонъ играютъ очень немаловажную роль въ его обрядности. Мученія, на которыя онъ жалуется въ каждомъ письмѣ и которыя, дѣйствительно, сократили его жизнь, проведенную въ упорномъ трудѣ и въ постоянномъ уединеніи, происходятъ вполнѣ естественно изъ того, что онъ чувствуетъ себя во власти созданнаго имъ самимъ, но непонятнаго ни его, ни чу-

жому уму безопаднаго Молоха. Для Флобэра искусство не въ сущности, а въ формѣ. — Въ погонѣ за недостигаемымъ формалистическимъ совершенствомъ, онъ, точно, вырабатываетъ въ себѣ ту виртуозность стили, которой лучшее (чтобы не сказать единственное) его художественное произведеніе — «Мадамъ Бовари», — обязано значительною долею своего успѣха; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ развиваетъ въ себѣ мучительную перечувствительность ко всему, что касается звука, слава и слога. «Для васъ» — пишетъ онъ — «слова имѣютъ смыслъ; для меня они имѣютъ фізіономію, гармонію, окраску»... «Я живу, какъ человѣкъ съ содранною кожею, среди обыкновенныхъ вещей; тѣ прикосновенія, которыя скользятъ безслѣдно по васъ, во мнѣ отдаются нестерпимою болью», при чемъ имѣются въ виду только такія прикосновенія, которыя относятся къ области звуковъ и художественныхъ формъ, въ созданіи которыхъ этого писателя мучительно коробили малѣйшіе проблески субъективности. По его мнѣнію, истинное величіе писателя заключается въ томъ, чтобы изображать изъ себя пустую бочку, черезъ которую жизненные впечатлѣнія проходятъ, не принявъ отъ нея никакого личнаго цвѣта или вкуса, но изъ которой онѣ выходятъ отлитыя въ звучныхъ, отчеканенныхъ какъ изъ бронзы словахъ. Не станемъ разсуждать о томъ, возможны-ли въ дѣйствительности такія бочки; но очевидно, что съ каждымъ дальнѣйшимъ совершенствованіемъ на этомъ пути, Флобэръ могъ только увеличивать пропасть, отдѣлявшую его отъ живого человѣчества. «Я пишу только для какихъ-нибудь десяти избранниковъ», — говоритъ онъ о себѣ, вѣроятно, даже преувеличивая число тѣхъ, для кого это художническое священнодѣйствіе можетъ имѣть какую-нибудь цѣну. Въ этихъ десяти избранниковъ, для Флобэра весь міръ представляется презрѣнною толпою «буржуа», безмѣрная и неизлечимая глупость которыхъ составляетъ неизмѣнную тему его безконечнаго брюзжанія и сарказмовъ; но въ то-же время равнодушіе, выказанное этими глупцами къ его дальнѣйшимъ произведеніямъ, раздражаетъ величаваго художника и заставляетъ его изливаться порою въ капризныхъ жалобахъ.

Брунетьеръ, присяжный критикъ «Revue des deux Mondes», говоритъ, что Флобэръ занимаетъ, по отношенію къ нынѣшней натуралистической школѣ, такое-же мѣсто, которое въ живописи занималъ *реалистъ* Курбэ относительно послѣдовавшихъ затѣмъ *импрессионистовъ* (Менз, Бастьянъ-Лепаж и Ко). Дѣйствительно, Флобэръ, имѣя общее съ Золя, Мопассаномъ и пр. презрѣніе къ вымыслу и циничность изображеній, обладаетъ, однако-же, тѣмъ стилистическимъ мастерствомъ, котораго гнушаются позднѣйшіе натуралисты, но которое высоко цѣнятъ и которому завидуютъ

писатели старыхъ направлений. Но говорить о Флоберѣ, какъ объ инициаторѣ или объ осмысленномъ представителѣ какого-нибудь послѣдовательнаго направленія — серьезно нельзя, такъ какъ во всей его дѣятельности нѣтъ рѣшительно никакой послѣдовательности. Подобно Тэккерю, онъ выступаетъ въ первый разъ передъ публикою съ единственнымъ зрѣлымъ и единственнымъ осмысленнымъ своимъ произведеніемъ — «Мадамъ Бовари». Замѣчательный успѣхъ этого романа, конечно, можетъ быть отчасти объясненъ скандальнымъ процессомъ, начатымъ по поводу него, а такъ-же и его стилистическими красотами. Но несомнѣнно такъ-же и то что въ этомъ единственномъ своемъ романѣ Флоберъ сумѣлъ облечь въ реалистически-художественныя формы тему, представляющую глубокой общественной интересъ, т. е. изобразить судьбу женщины, осужденной *сантиментальнымъ воспитаніемъ* въ томъ душномъ и тѣсномъ мірѣ, котораго противоположные полюсы — законная супружеская любовь и преступныя увлеченія или адюльтеры. Покончивъ блистательно съ этою темою, авторъ принимается изображать результаты того-же *сантиментальнаго*, т. е. нынѣшняго буржуазнаго воспитанія въ примѣненіи къ мужской половинѣ французскаго населенія. Но тутъ-то и обнаруживается вся беспомощность даже и могучаго художественнаго дарованія, неодушевленнаго живымъ чутьемъ общественности и не освѣщеннаго яснымъ теоретическимъ пониманіемъ своего предмета. Романъ этотъ стоитъ автору гигантскаго труда, затраченнаго на отдѣлку и изученіе безконечнаго множества ненужныхъ мелочей; въ результатѣ получается нѣчто расплывчатое, безформенное, неуловимое... Оскорбленный неудачею этого своего произведенія, Флоберъ ищетъ спасенія отъ «буржуазной глупости» бѣгствомъ въ древній Карфагенъ и даритъ намъ «Саламбо», по сравненію съ которымъ даже «Ледяной домъ» можетъ показаться верхомъ реалистическаго творчества. Нѣкоторый успѣхъ имѣли его попытки переложить на натуралистическую подкладку фантастическія легенды первыхъ христіанскихъ вѣковъ; но мы рѣшительно недоумѣваемъ, какой «человѣчскій документъ» касательно нашихъ временъ будущій историкъ извлечетъ изъ флюберовскаго св. Антонія?

L. M.

Государственная роспись на 1884 г.

Рѣдкій государственный актъ возбуждаетъ такое вниманіе и такой интересъ въ печати, какъ ежегодно публикуемая роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ. И интересъ этотъ вполне понятенъ и вполне законенъ, несмотря на то, что государственный бюджетъ есть только «сводъ предположеній», дѣйствительное осуществленіе которыхъ можетъ далеко разойтись съ ожиданіями, и что для направленія этихъ предположеній въ ту или другую сторону голосъ печати никакого практическаго значенія имѣть не можетъ. Наша журналистика ежегодно обсуждаетъ бюджетные вопросы «въ интересахъ чистаго знанія». Каждый годъ почти органамъ прессы приходится повторять съ незначительными варіаціями все одни и тѣ-же пожеланія, но они не могутъ не повторять ихъ, не отказываясь вмѣстѣ съ тѣмъ отъ прямой своей задачи способствовать по мѣрѣ силъ правильному и сознательному отношенію общества къ крупнымъ явленіямъ окружающей дѣйствительности.

Среди этихъ явленій, финансовая дѣятельность несомнѣнно занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Государственный бюджетъ есть изображеніе общихъ итоговъ этой дѣятельности и общихъ задачъ, предстоящихъ ей на ближайшій будущій періодъ. Мы имѣемъ въ немъ драгоцѣнный матерьялъ для того, чтобы ориентироваться въ финансовыхъ фактахъ настоящаго и въ перспективахъ будущаго.

Странно было-бы, если-бы печать оставляла этотъ матерьялъ бѣзъ того вниманія, котораго онъ заслуживаетъ.

Нѣтъ нужды, что ей приходится говорить по поводу закона, который далеко не имѣетъ такой обязательной силы *de facto*, какъ прочія законодательныя опредѣленія, и приходится высказывать по отношенію къ этому закону пожеланія, болѣе или менѣе платоническія: вѣдь для печати бюджетъ главнымъ образомъ есть матерьялъ для освѣщенія положенія вещей въ данный моментъ; печатное слово у насъ имѣетъ значеніе не для законодательства,

а для общественнаго сознанія, для той публики, которая и сама относится къ законодательству только созерцательно.

Равнымъ образомъ, нѣтъ нужды, что изъ года въ годъ приходится говорить приблизительно одно и то-же. Поневолю доводится говорить о старомъ, когда на мѣсто его не выступаетъ ничего новаго. При такомъ условіи, старое само остается вѣчно новымъ, и о немъ излишнее напоминать каждый разъ, когда оно само о себѣ напоминаетъ.

Смѣемъ думать поэтому, что благосклонный читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы позволимъ себѣ предложить его вниманію нѣкоторыя новыя варіаціи на старыя темы по поводу недавно опубликованной росписи на настоящій 1884 г.

Мы оговариваемся заранѣе, что пишемъ эти варіаціи, имѣя въ виду только отвѣтить любознательности читателя, и никакого практическаго значенія не тщимся имъ придать, хорошо сознавая, что совѣты наши никому не нужны. Никакихъ такихъ совѣтовъ, указаній или предостереженій читатель не долженъ у насъ и искать. Мы просто сопоставляемъ нѣсколько фактовъ, которые находимъ въ опубликованныхъ документахъ, и постараемся намѣтить тѣ общіе выводы, которые, какъ намъ кажется, вытекаютъ изъ этихъ фактовъ. Главнымъ нашимъ матерьяломъ будутъ служить цифры самой росписи 1884 г. Для нѣкотораго освѣщенія ихъ мы воспользуемся сверхъ того послѣднимъ имѣющимся отчетомъ о дѣйствительномъ исполненіи государственной росписи за 1883 г.

Бюджетныя данныя могутъ представлять интересъ съ нѣсколькихъ сторонъ.

Прежде всего и непосредственнѣе всего ими можно интересоваться съ точки зрѣнія *финансовой* въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Государственный бюджетъ есть показатель степени *финансоваго благополучія* государства, а это благополучіе является однимъ изъ главнѣйшихъ опредѣляющихъ фактовъ для направленія всей общественной дѣятельности. «*Magenfrage*» и для цѣлаго государства можетъ оказываться столь-же насущнымъ, а иногда и столь-же жгучимъ вопросомъ, какъ для бездольнаго пролетарія. Даже когда этотъ вопросъ и теряетъ свой острый характеръ, масса важныхъ интересовъ находится въ тѣсной связи съ нимъ и въ зависимости отъ него. Сколько проектовъ и благихъ начинаній уже очень давно ждутъ у насъ для своего осуществленія «болѣе благопріятнаго баланса государственной росписи»!

Не мудрено поэтому, что предположенія о такомъ балансѣ невольно привлекаютъ къ себѣ вниманіе, такъ какъ вмѣстѣ съ ними оживаютъ или угасаютъ и другіе «виды и предположенія».

Когда «вопросъ желудка» выступаетъ на первый планъ, трудно думать о какихъ либо существенныхъ улучшенияхъ.

Но государственный бюджетъ даетъ драгоценный матерьялъ для сужденій не потому только, что мы видимъ по его балансу, насколько стѣснены или не стѣснены мы въ матерьяльныхъ средствахъ, необходимыхъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей. На характеръ бюджета необходимо отражается общій характеръ всего общественнаго строя. Несмотря на свою сухость и лаконичность, бюджетныя цифры могутъ служить отличнымъ матерьяломъ, чтобы судить въ какую сторону направляется государственная жизнь, какіе интересы выступаютъ въ ней на первый планъ и какіе не обрѣтаются въ авантажѣ. Сопоставленіе цифръ государственныхъ расходовъ и источниковъ, откуда получаютъ средства для этихъ расходовъ, можетъ быть гораздо убѣдительнѣе, чѣмъ многія длинныя и сложныя разсужденія по подобнымъ вопросамъ.

Наконецъ, можно интересоваться росписью съ точки зрѣнія общеэкономической, съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, не касаясь вовсе другихъ вопросовъ.

Дѣятельность государственнаго организма, поскольку она вызываетъ для своего осуществленія необходимость извѣстныхъ затратъ, многообразно влияетъ на экономическую жизнь страны. Помимо вліянія *прямого*, обусловленнаго существомъ самихъ *цѣлей*, преслѣдуемыхъ государствомъ, огромное значеніе имѣетъ еще и вліяніе *косвенное*, являющееся послѣдствіемъ тѣхъ *средствъ*, которыя употребляются для осуществленія этихъ цѣлей. Оно охраняетъ безопасность, поддерживааетъ порядокъ, строитъ дороги, содержитъ почтовые и телеграфныя сообщенія и проч. и проч. Всѣми этими дѣйствіями оно такъ или иначе влияетъ и на экономическую жизнь страны, дѣлаетъ ее богаче или бѣднѣе, смотря по тому, насколько правильно и успѣшно идетъ дѣятельность. Это—прямое непосредственное воздѣйствіе на экономическія отношенія. Но, кромѣ него, мы можемъ подмѣтить и другое, болѣе косвенное, хотя и не менѣе дѣйствительное. Для выполненія своихъ цѣлей, государство нуждается въ извѣстныхъ матерьяльныхъ средствахъ, наибольшую часть которыхъ оно беретъ съ населенія въ формѣ *налоговъ*. Средства эти затѣмъ опять возвращаются населенію въ формѣ платежей кредиторамъ казны, уплаты за разныя услуги, оказываемыя государству, за матерьяльныя цѣнности, приобретаемыя государствомъ. То, что въ формѣ государственныхъ *доходовъ* берется у населенія, то въ видѣ государственныхъ расходовъ ему же передается, только переходя черезъ государственную кассу. Не трудно видѣть, однако, что, пройдя

через эту кассу, народныя средства возвращаются не тѣмъ лицамъ и, въ большинствѣ случаевъ, не тѣмъ общественнымъ классамъ, отъ которыхъ они были взяты. Результатомъ государственнаго хозяйства является, такимъ образомъ, передача средствъ одной части населенія другой, и бюджетъ можетъ разсматриваться какъ огромная *перераспределительная машина*, уменьшающая размѣры покупательной силы у одной части населенія и увеличивающая эту силу у другой.

Распределеніе покупательной силы въ обществѣ опредѣляетъ размѣры спроса на извѣстные продукты и направленіе производства. Такимъ образомъ, вліяніе хозяйства въ области распределенія отражается и на области производства. На направленіе національнаго производства оно вліяетъ и своимъ собственнымъ спросомъ. Цѣльи отрасли промышленности создаются для удовлетворенія государственныхъ заказовъ и казенныхъ надобностей.

Значеніе подобнаго косвеннаго вліянія государства путемъ своего бюджета на экономическія отношенія оцѣнивалось до сихъ поръ скорѣе *ниже* чѣмъ выше своихъ дѣйствительныхъ размѣровъ. Для опредѣленія этихъ размѣровъ цѣнные матерьялы точно также можно найти въ цифрахъ государственнаго бюджета.

Въ нашемъ обзорѣ мы постараемся коснуться всѣхъ намѣченныхъ выше сторонъ дѣла. Но, конечно, читатель не можетъ ожидать отъ насъ сколько нибудь полнаго ихъ анализа, такъ какъ для этого понадобилась бы не журнальная замѣтка, а большой специальный трудъ. Да, наконецъ, и самый матерьялъ, которымъ мы пользуемся, дозволяетъ поставить всѣ изложенные вопросы только въ очень общей формѣ. Для болѣе подробной ихъ разработки недостаточно тѣхъ валовыхъ цифръ, которыя публикуются въ государственной росписи.

Мы начнемъ съ *финансовой* стороны дѣла и затѣмъ уже перейдемъ къ вопросамъ болѣе общаго характера, вытекающимъ изъ разсмотрѣнія росписи. Мы коснемся при этомъ какъ самихъ фактовъ, цифровыхъ данныхъ, которыя входятъ въ роспись, такъ и соображеній, ихъ сопровождающихъ. Эти соображенія, представляющія собою въ общихъ чертахъ финансовую программу, сами по себѣ имѣютъ огромный интересъ и заслуживаютъ полнаго вниманія.

I.

Съ точки зрѣнія фискальной, первый вопросъ, возникающій изъ разсмотрѣнія бюджета, есть вопросъ о его балансѣ, о соотвѣтствіи, существующемъ между расходами и доходами.

Но, конечно, для того, чтобы сколько-нибудь правильно судить по бюджетному балансу о характерѣ бюджета, нельзя основываться на одномъ лишь голомъ фактѣ: съ дефицитомъ или съ превышеніемъ дохода надъ расходомъ сведенъ этотъ бюджетъ. Необходимо, сверхъ того, выяснитъ, чѣмъ именно обусловленъ такой дефицитъ или избытокъ и представляется-ли онъ явленіемъ случайнымъ только или болѣе или менѣе нормальнымъ и прочнымъ.

Обращаясь къ росписи на 1884 г., мы видимъ, что по ней исчислено *обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ* 715,7 мил. (болѣе противъ росписи предшествовавшаго года на 9,7 мил. и противъ дѣйствительнаго поступленія 1882 г. на 12 мил.) и *обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ* 727,3 мил. (болѣе противъ предположеній 1883 г. на 12,5 мил. и противъ дѣйствительнаго расхода 1882 г. на 25,6 мил.). Сверхъ того, въ роспись включены еще доходы и расходы *чрезвычайные*. Чрезвычайные расходы слагаются изъ двухъ статей: 50 милл. по ликвидаціи долга государственному банку и 24,66 мил. на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ. На покрытіе обѣихъ этихъ статей имѣются чрезвычайные ресурсы въ размѣрѣ 76,5 мил. рублей. Такимъ образомъ, вся сумма обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ по росписи составляетъ 801,99 мил. рублей., а сумма предполагаемыхъ обыкновенныхъ доходовъ и имѣющихся чрезвычайныхъ ресурсовъ — 792,26 мил. Недостающіе 9,73 мил., которые должны быть покрыты посредствомъ новыхъ кредитныхъ операцій, представляютъ собою *общій дефицитъ* росписи. Дефицитъ собственно по отдѣлу обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ нѣсколько больше: именно, онъ составляетъ 11,4 мил. р.

Изъ сопоставленія приведенныхъ валовыхъ цифръ видно, что въ росписи 1884 г. повторяются тѣ общія явленія, съ которыми мы привыкли обыкновенно встрѣчаться въ нашихъ бюджетахъ. Мы находимъ прогрессивное возрастаніе обѣихъ факторовъ, обусловливающихъ бюджетный балансъ — и государственныхъ доходовъ и государственныхъ расходовъ, — которое проходитъ красною нитью чрезъ всѣ наши бюджеты, начиная съ 1866 г.; находимъ также и дефицитъ, обусловленный не тѣмъ, чтобы упала цифра доходовъ, а оттого, что прогрессія расходнаго бюджета идетъ быстрѣе, нежели прогрессія бюджета доходнаго.

Въ сущности, вся исторія бюджетовъ за послѣднее двадцатилѣтіе представляетъ собою, съ одной стороны, картину постояннаго неудержимаго роста государственныхъ расходовъ, а съ другой — рядъ попытокъ поднять параллельно съ ростомъ расходовъ и доходный бюджетъ. Повременамъ попытки эти удаются: профессія доходовъ перегоняетъ расходную, и бюджетный балансъ не

только восстанавливается, но даже рѣшительно наклоняется въ сторону избытка доходовъ; затѣмъ новое возрастаніе расходовъ опять опрокидываетъ это равновѣсіе, и снова начинается старая исторія.

Бюджетъ 1884 г. является только однимъ изъ эпизодовъ въ исторіи этой погони доходовъ за расходами. Чтобы ближе выяснить значеніе этого эпизода и ориентироваться въ тѣхъ финансовыхъ задачахъ, которыя оставили въ наслѣдіе нынѣшнему бюджету его предшественники, небезынтересно припомнить въ самыхъ общихъ чертахъ главные моменты недавняго бюджетнаго прошлаго.

Такой ретроспективный взглядъ представляется не лишнимъ и потому еще, что мы находимся, повидимому, въ началѣ второго цикла бюджетныхъ перепетій; первый циклъ, уже завершившійся, можетъ дать указанія, чего мы въ правѣ ожидать и отъ ближайшаго будущаго.

Этотъ первый циклъ, первый періодъ «бюджетной исторіи», лежитъ между 1866 и 1881 г.

1866 г., какъ извѣстно, первый годъ, за который мы имѣемъ правильно составленный «отчетъ объ исполненіи государственной росписи». Изъ этого отчета мы видимъ, что общая сумма обыкновенныхъ доходовъ въ этомъ году составляла 352,7 мил., а сумма расходовъ 413,3 мил. Такимъ образомъ мы, вступили въ періодъ правильной бюджетной отчетности съ дефицитомъ въ 60,6 мил. руб.

Черезъ 16 лѣтъ, въ теченіи которыхъ государственные доходы выросли почти вдвое (на цѣлыхъ 300 мил.), отчетъ государственнаго контроля за 1881 г. показываетъ дефицитъ въ 80 мил. руб., но уже при бюджетныхъ оборотахъ въ 651,7 мил. по доходу и 732,4 мил. по расходу.

Первая половина этого 16-ти-лѣтнаго періода представляетъ восходящую линію финансоваго благополучія; вторая — нисходящую. Поворотнымъ пунктомъ является 1875 годъ, наиболѣе блестящій финансовый годъ послѣдняго времени, въ который роспись заключена была съ значительнымъ превышеніемъ доходовъ надъ расходами.

Характеръ восходящаго финансоваго десятилѣтія 1866—1875 г. весьма однороденъ. Главная его черта—это постоянное, изъ года въ годъ, и притомъ быстрое возрастаніе государственныхъ доходовъ. За 10 лѣтъ доходный бюджетъ возросъ на 223,8 мил. т. е. на 63,6% противъ цифры 1866 г. И этотъ ростъ обусловленъ былъ не преобразованиемъ налоговой системы, не открытіемъ новыхъ источниковъ государственныхъ доходовъ, а усиленіемъ производительности тѣхъ-же существующихъ, прежнихъ

ресурсовъ, главнымъ образомъ *косвенныхъ* налоговъ. Питейный акцизъ и таможенный доходъ—вотъ главные факторы финансоваго прогресса того времени. Цифра перваго увеличилась отъ 1866—1875 г. съ 116 мил. на 196 мил., а втораго—съ 32 мил. до 64 мил. Питейный и таможенный сборъ въ 1875 г. покрывали болѣе половины бюджета, а съ присоединеніемъ къ нимъ податей, равнялись почти $\frac{2}{3}$ всей суммы государственныхъ доходовъ.

Такое усиленное поступленіе двухъ названныхъ и нѣкоторыхъ другихъ сборовъ, не игравшихъ въ бюджетѣ столь значительной роли (напр. пошлины, свеклосахарнаго акциза, табачнаго акциза и проч.) объяснялось только отчасти возвышеніемъ самихъ налоговыхъ нормъ, (напр. акциза съ питей съ 5 на 6 и затѣмъ на 7 коп. съ градуса); въ значительной долѣ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ тѣмъ, что называютъ обыкновенно «естественнымъ» ростомъ доходовъ, т. е. съ увеличеніемъ общихъ суммъ поступленій при тѣхъ же размѣрахъ обложенія.

Это «естественное» возрастаніе доходности налоговъ, падавшихъ въ самой значительной долѣ на малосостоятельныя массы населенія, подавало поводъ къ оптимистическимъ иллюзіямъ объ общемъ подъемѣ народнаго благосостоянія въ этомъ періодѣ.

Опытъ доказалъ впоследствии съ очевидностью, что это были дѣйствительно только иллюзіи; но уже и тогда не было недостатка въ указаніяхъ, идущихъ въ разрѣзъ съ оптимистическимъ истолкованіемъ роста бюджета: такъ, рядомъ съ прогрессією виннаго акциза шло накопленіе податныхъ недоимокъ, потребленіе соли, обложенной акцизомъ, почти совсѣмъ не развивалось, и т. п. Но эти признаки ступеньвались предъ блескомъ новыхъ экономическихъ явленій, выступившихъ тогда на первый планъ. Какъ извѣстно, то былъ періодъ усиленнаго развитія орудій обращенія, періодъ желѣзнодорожной горячки и искусственнаго созданія у насъ капиталистической промышленности на европейскій манеръ; анонимныя общества, банки, желѣзнодорожныя предпріятія росли какъ грибы послѣ дождя. Ростъ этотъ въ самой значительной степени совершался на счетъ государственнаго бюджета, но воочію обнаружиться это должно было уже впоследствии; на первыхъ порахъ и въ государственной кассѣ долженъ былъ оказаться приливъ денегъ. Правительство совершало громадныя внѣшніе займы для желѣзнодорожной операціи, значительная часть занятыхъ суммъ поглощалась, конечно, толпою гешефтмахеровъ разныхъ степеней, которые, какъ мухи, облѣпили появившійся «пирогъ», но все-таки въ пору желѣзнодорожнаго строительства крупныя суммы шли и въ народъ, а оттуда въ видѣ питейнаго акциза возвращались въ государствен-

ную кассу. Затѣмъ усиленный вывозъ хлѣба, тоже явившійся послѣдствіемъ проведенія желѣзнодорожной сѣти, вызывалъ и приливъ иностранныхъ товаровъ, а вмѣстѣ съ нимъ и ростъ таможенного сбора.

Рядомъ съ доходнымъ бюджетомъ такъ-же постоянно изъ года въ годъ росъ и бюджетъ расходовъ. Смѣтныя предположенія каждой новой росписи шли далѣе предыдущихъ; дѣйствительное исполненіе обыкновенно обгоняло и эти предположенія. Всего сильнѣе росъ бюджетъ военный и бюджетъ государственнаго кредита, къ которому ежегодно присоединялись новые платежи по желѣзнодорожной операціи. Это развитіе государственныхъ потребностей поглотило значительную часть средствъ, созданныхъ ростомъ доходнаго бюджета. Доходная прогрессія шла, однако, быстрѣе расходной, такъ что еще съ 1871 г. бюджетный балансъ склоняется въ сторону избытка: въ 1874 г. роспись заключена была съ превышеніемъ въ 14,4 мил., а въ 1875 г. избытокъ доходовъ надъ расходами составлялъ уже 33,3 милліона.

Несмотря на длинный рядъ благоприятныхъ финансовыхъ годовъ, во весь 10-лѣтній періодъ не было сдѣлано ничего ни для преобразованія на раціональныхъ началахъ финансовой системы, ни для непосредственнаго подъема благосостоянія тѣхъ классовъ населенія, которые являлись главными плательщиками налоговъ. Податныя преобразованія откладывались съ году на годъ. Не только подушная подать съ крестьянъ оставалась въ неприкосновенности, но отмѣна такого налога, какъ соляной, признавалась невозможною, когда смѣтныя остатки превышали болѣе чѣмъ вдвое поступленія отъ этого налога. Въ то время, какъ щедрою рукою рассыпали мы милліоны изъ желѣзнодорожнаго фонда на поддержку не только предпріятій, но и лицъ, оказавшихъ «заслуги въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ», довольствуясь взаимнѣ этихъ затратъ начисленіемъ безнадежныхъ долговъ по своимъ счетамъ, — не возникало и мысли объ облегченіи плательщиковъ по выкупной операціи, съ которыхъ усердно всыскивались гроши на составленіе запасныхъ фондовъ выкупнаго дѣла.

Девизомъ финансовой политики того времени было, повидимому, что «довлѣетъ днѣви злоба его»; отъ этого, когда финансовое благополучіе пошло на пониженіе, никакихъ задержекъ этому пониженію, созданныхъ въ золотые годы, не оказалось, и въ короткое время отъ возстановленнаго бюджетнаго равновѣсія осталось только прекрасное воспоминаніе.

Поворотъ на пониженіе начался сейчасъ-же послѣ блестящаго 1875 г. Бюджетъ 1876 г., вмѣсто избытка, далъ уже дефицитъ въ 13,8 мил. Дефицитъ этотъ образовался какъ вслѣдствіе увеличе-

нія расходнаго бюджета (на 30 слишкомъ мил. противъ предъидущаго), такъ и вслѣдствіе паденія цифры государственныхъ доходовъ. Какъ извѣстно, 1876 г. былъ годомъ осложненія восточныхъ дѣлъ, годомъ сербской войны и приготовленій къ большой русско-турецкой войнѣ. Предъидущій годъ закончилъ собою мирное десятилѣтіе; если въ теченіи этого десятилѣтія государственные расходы росли съ крайней быстротой, понятно, чего можно было ожидать въ годы военного погрома. Тотъ-же 1875 г. закончилъ собою и эпоху желѣзнодорожнаго строительства. Крупныя желѣзнодорожныя постройки, придававшія видимое оживленіе экономической жизни и поддерживавшія усиленное поступленіе питейнаго акциза въ государственныйя кассы, съ 1876 г. пріостанавливаются. Это обстоятельство, на-ряду съ внѣшними замѣшательствами, явилось одною изъ главныхъ причинъ наступленія тяжелаго кризиса, смѣнившего собою періодъ финансоваго благополучія.

Какъ въ фараоновомъ снѣ семь тощихъ коровъ пожрали 7 тучныхъ, такъ и въ нашей бюджетной исторіи шесть тощихъ финансовыхъ годовъ, послѣдовавшихъ за 1875 г., поглотили все, что сдѣлано было десятию предшествовавшими «тучными» годами. Поглотили даже съ излишкомъ: въ концѣ концовъ, вмѣсто избытка, мы очутились въ 1881 г. съ дефицитомъ, на 20 миллионѣвъ превышающимъ дефицитъ 1866 г.

Впрочемъ, не всѣ 6 лѣтъ могутъ быть названы тощими. Если въ общемъ данное шестилѣтіе представляло быстрое паденіе вниз, оно тѣмъ не менѣе не имѣло такого сплошь однороднаго характера, какъ предшествовавшее десятилѣтіе «подъема» финансовыхъ силъ. Постояннымъ характеромъ отличалось только движеніе *расходнаго* бюджета, который ежегодно быстро поднимался вверх, такъ что за 6 лѣтъ возросъ съ 543 до 732 мил. *Доходный* бюджетъ не представлялъ такой-же правильности: за двумя безусловно тощими годами—1876 и 77—въ срединѣ шестилѣтія выдались снова два «тучныхъ», 1878 и 79 г., въ теченіи которыхъ цифра государственныхъ доходовъ поднялась свыше чѣмъ на 100 мил.; за ними слѣдовали опять два года упадка. Въ зависимости отъ этого, и бюджетный балансъ представилъ такія колебанія: за двумя годами дефицитными послѣдовали два года съ крупнымъ превышеніемъ доходовъ (въ 25,5 мил. въ 1878 г. и въ 18,1 мил. въ 1879), и затѣмъ опять два года крупныхъ дефицитовъ.

«Тучные» годы шестилѣтія—1878 и 79—были памятные еще годы оживленія нашей промышленности тотчасъ послѣ войны. Оживленіе это, помимо наступившаго мирнаго времени, вызвано было, главнымъ образомъ, двумя урожаями: хлѣбовъ и кредитныхъ

денегъ. Послѣдній урожай особенно содѣйствовалъ блестящему миру. Известно, что во время войны выпущено было новыхъ кредитныхъ знаковъ на 400 милл. руб. Известно также, что обиліе всякихъ денегъ, и бумажныхъ и настоящихъ, всегда производитъ на первыхъ порахъ искусственное промышленное оживленіе, которое еще болѣе отбѣняетъ тяжелыя стороны неизбѣжно наступающаго потомъ періода ликвидаціи, когда спекулятивная горячка прекращается и когда мы встрѣчаемся, съ одной стороны, съ паденіемъ цѣны денегъ, а съ другой—съ совершенно противоположнымъ, повидимому, явленіемъ избытка товаровъ на рынкѣ, избытка, вызваннаго спекулятивнымъ производствомъ, несоразмѣрнымъ съ дѣйствительными размѣрами спроса.

Все это повторилось и у насъ, какъ можно было и ожидать, ибо урожай бумажныхъ денегъ вовсе не такое новое явленіе, чтобы нельзя было предсказать, что оно за собой должно вести. Но это не помѣшало, однако, разцвѣту самаго фантастическаго оптимизма въ первую пору бумажнаго изобилія.

Появились цѣлыя самобытныя теоріи о роли кредитныхъ денегъ, какъ фактора національнаго богатства, о благодѣтельномъ вліяніи войны на экономическое развитіе и пр.

Къ сожалѣнію, этотъ оптимизмъ проникъ отчасти и въ финансовыя сферы. Свидѣтельствомъ его служили государственныя росписи, составленныя въ министерство С. А. Грейга, въ особенности роспись 1879 г.

Дѣйствительность очень скоро доказала, однако, насколько непрочное оживленіе, вызванное спекуляціей на деньги, созданныя изъ ничего. За кратковременнымъ обиліемъ послѣдовали безденежье, застой въ экономической жизни и кризисъ въ финансахъ. Въ 1880 г. финансовый отчетъ показывалъ снова крупный дефицитъ. Къ 1881 г. положеніе обозначилось уже настолько, что при самомъ составленіи росписи предвидѣнъ былъ дефицитъ въ 50 милл. На самомъ дѣлѣ дефицитъ этотъ оказался еще большимъ и достигъ цифры 80,7 милл. руб.

Какъ мы уже говорили, 1881 г.—послѣдній въ шестилѣтіи, слѣдующемъ за кульминаціоннымъ пунктомъ финансоваго благополучія, 1875 г.,—былъ самымъ неблагоприятнымъ финансовымъ годомъ за все послѣднее время. Имъ естественно завершается первый періодъ новѣйшей бюджетной исторіи. Періодъ этотъ представляетъ правильный циклъ: восходящую половину съ 1866—75 и нисходящую отъ 1876—1881, только движеніе внизъ шло нѣсколько быстрѣе, чѣмъ вверхъ, и пришли мы не къ прежней точкѣ. Бюджетное равновѣсіе оказалось нарушеннымъ еще рѣзче, чѣмъ въ началѣ цикла. вмѣстѣ съ тѣмъ, государ-

ственные расходы достигли своего maximum'a: 732 миллионъвъ по бюджету обыкновенныхъ издержекъ, а главные податные источники оказались напряженными до крайности. Государственный кредитъ былъ поколебленъ, вексельные курсы пали ниже, нежели они стояли послѣ крымской войны. Желѣзнодорожная операція, поддерживавшая въ эпоху строительства бюджетъ послуглений, лежала теперь тяжелымъ бременемъ на государственномъ бюджетѣ, требуя ежегодно огромныхъ приплатъ. Въ довершеніе всего, неудовлетворительное экономическое положеніе податныхъ массъ выступало такъ ясно наружу, что, несмотря на тяжелое финансовое положеніе, оказалось невозможнымъ откладывать самыя вопіющія податныя облегченія.

Вся вкратцѣ изложенная выше бюджетная исторія можетъ быть срезюмирована въ такой небольшой табличкѣ:

Первый бюджетный періодъ.

Восходящая половина.

Года.	Доходъ.		Расходъ.		Балансъ.
	(Милліоны рублей).				
	По отношенію къ 1866 г.		По отношенію къ 1866 г.		
1866	352,7		413,3		— 60,6
1871	508,2	+ 155,5	499,7	+ 86,4	+ 8,5
1874	557,7		543,3		+ 14,4
1875	576,5	+ 223,8	543,2	+ 129,9	+ 33,3

Нисходящая половина.

	По отношенію къ 1875 г.		По отношенію къ 1875 г.		
	1876	559,3		573,1	
1877	548,8	— 27,7	585	+ 41,8	— 36,2
1878	626		600,5		+ 25,5
1879	662	+ 85,5	643,8	+ 100,7	+ 18,1
1880	651		694,5		— 43,5
1881	651,7	+ 75,2	732,4	+ 189,2	— 80,7
Всего по отношенію къ 1866 г.		+ 299		+ 319,1	— 20,1.

Если мы параллельно съ приведенными данными поставимъ бюджетныя цифры, относящіяся къ 3 послѣднимъ годамъ (за 1882 г. по контрольному отчету о действительномъ исполненіи, а за 1883 и 1884 по смѣтнымъ предположеніямъ), то получится слѣдующая табличка:

Года.	Доходъ.		Расходъ.		Балансъ
	милльоны по отношенію къ 1881 г.		рублей по отношенію къ 1881 г.		
1882	703,7	+ 52	701,7	—30,7	+ 2
1883	706,0	+ 52,3	714,8	—17,6	— 8,8
1884	715,7	+ 62	727,3	— 5,1	— 11,6

Мы видимъ изъ этой таблички, что движеніе бюджетныхъ цифръ во второмъ періодѣ, — который мы начинаемъ съ 1882 г., идетъ нѣсколько въ иномъ порядкѣ, нежели въ предъидущемъ. Первый годъ этого періода, 1882, представляетъ собою энергическую реакцію противъ предъидущаго финансоваго года. Путемъ увеличенія доходовъ (введеніемъ нѣсколькихъ новыхъ налоговъ и усиленіемъ окладовъ старыхъ) и сокращенія расходовъ на 30 слиш-комъ милліоновъ бюджетное равновѣсіе сразу было возстановлено. Но со второго-же года начинается опять постепенное движеніе внизъ.

На послѣднемъ моментѣ этого движенія, представляемомъ росписью 1884 г., мы и остановимся теперь подробнѣе.

II.

Опытъ нашего бюджетнаго прошлаго, главныя черты котораго мы пытались намѣтить въ приведенномъ выше бѣгломъ очеркѣ настоятельно выдвинуть впередъ двѣ основныя задачи для финан-совой политики второго періода бюджетной исторіи.

Первою изъ этихъ задачъ являлось *урегулированіе бюджета расходнаго*. Мы видимъ, что всегдаш. ею причиною дефицитовъ въ нашемъ бюджетѣ оказывался болѣе быстрый ростъ государственныхъ расходовъ сравнительно съ доходами. Въ какой-бы мѣрѣ ни возрастала цифра доходнаго бюджета, прогрессія расходовъ очень быстро поглащала всѣ результаты этого роста. Для возстановленія прочнаго бюджетнаго равновѣсія необходимо было поэтому прежде всего устранить или по крайней мѣрѣ задержать дѣйствіе этого главной, постоянно ведущей къ его нарушенію, причины.

Другую не менѣе важную финансовую задачею было *преобра-зованіе доходнаго бюджета*. Громадный ростъ государственныхъ доходовъ въ минувшемъ періодѣ основанъ былъ, какъ мы видѣли, на постоянномъ эсплуатированіи однихъ и тѣхъ-же податныхъ источниковъ: главная тяжесть бюджета лежала все время на низшихъ, мало достаточныхъ классахъ населенія. Только въ самыя послѣдніе, трудныя годы перваго цикла бюджетной исторіи сдѣланъ былъ шагъ къ облегченію этой тягости (отмѣною соля-

ного налога). Необходимо было теперь рѣшительно стать на этотъ путь. Не говоря уже о высшихъ задачахъ государства, даже фискальные интересы, правильно понятыя, требовали коренной реформы налоговой системы и созданія для нея болѣе прочной базы, нежели истощенныя и надорванныя экономическія силы податныхъ сословій.

Насколько мы подвинулись до сихъ поръ въ осуществленіи этихъ задачъ, должны показать намъ бюджетныя цифры послѣдняго года, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и переходимъ. Мы начнемъ это разсмотрѣніе съ расходнаго бюджета, ибо, какъ показываютъ приведенные выше факты, именно движеніе государственныхъ расходовъ является главною силою, опредѣляющемъ направленіе нашей финансовой жизни.

Общая цифра расходнаго бюджета на 1884 годъ простирается до 802 милл. рублей. Изъ этого числа, на долю собственно обыкновенныхъ, нормальныхъ расходовъ приходится 727,3 милл. руб.; а 74,7 милл. руб. составляютъ бюджетъ чрезвычайныхъ расходовъ. Именно къ чрезвычайнымъ расходамъ относятся: 50 милл. на погашеніе кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ во время войны и 24,7 милл. руб. на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ.

Бюджетъ обыкновенныхъ расходовъ слагается изъ такихъ главныхъ рубрикъ:

1. Государственный долг	206,0
2. Высшія государственныя учрежденія	2,0
3. Вѣдомство Св. Синода	10,6
4. Министерство двора	10,6
5. » иностранныхъ дѣлъ	3,8
6. Военное министерство	196,5
7. Морское »	33,9
8. Министерство финансовъ	97,8
9. » государств. имуществовъ	20,9
10. » внутреннихъ дѣлъ	70,7
11. » народнаго просвѣщенія	19,7
12. » путей сообщенія	22,4
13. » юстиціи	19,4
14. Государств. контроль	3,1
15. Государств. коннозаводство	0,9
	718,4
Расходы, не предусмотрѣнные смѣтами	3,0
	721,4
Оборотные расходы	5,9
	727,3

Въ послѣднее трехлѣтіе, какъ извѣстно, обращено было очень большое вниманіе на достиженіе экономіи въ государственныхъ расходахъ. Во всѣхъ трехъ росписяхъ этого второго бюджетнаго періода мы находимъ указанія на мѣропріятія, предпріятыя какъ съ цѣлью сокращенія смѣтныхъ ассигнованій, такъ и съ цѣлью приданія бюджету большей устойчивости при выполненіи и ограниченіи сверхсмѣтныхъ кредитовъ, играющихъ такую видную роль въ нашемъ бюджетѣ. Вообще бережливость и экономія составляли *mot d'ordre* новѣйшей государственной жизни.

Тѣмъ не менѣе, положительные результаты всѣхъ этихъ заботъ объ экономіи — насколько онѣ касались бюджета — оказываются, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, весьма скромными.

Общая цифра расходнаго бюджета 1884 года — послѣдняго въ трехлѣтнемъ періодѣ — представляетъ уменьшеніе противъ максимальной цифры, которой вообще достигали наши государственные расходы (именно цифры 1881 г.) только на 5, 1 милл. рублей, т. е. менѣе чѣмъ на 1% (0, 7%). Противъ бюджета прошлаго года обыкновенные расходы, исчисленные по росписи 1884 г., представляютъ превышеніе въ 12,7 милл. р. и противъ дѣйствительнаго исполненія бюджета 1882 г. на цѣлыхъ 20,6 милл. рублей.

Не нужно забывать при этомъ, что мы имѣемъ дѣло еще только со *смѣтными предположеніями*. Дѣйствительное выполненіе росписи можетъ значительно превысить эти предположенія. А что такое превышеніе весьма вѣроятно, за это говорятъ многочисленные, или, лучше сказать, постоянные, ежегодно повторяющіеся въ нашей бюджетной исторіи примѣры. Сверхсмѣтные кредиты всегда были очень крупнымъ пертурбаціоннымъ факторомъ при выполненіи росписей и остаются таковымъ и до сихъ поръ, несмотря на всѣ мѣры, предпріятыя за послѣднее время для ослабленія ихъ вліянія. Изъ отчета государственнаго контроля объ исполненіи росписи 1882 г. видно, что за десятилѣтіе 1873—1882 г. сверхсмѣтные кредиты составляли въ среднемъ ежегодно около 5% всей суммы бюджетнаго назначенія, спускаясь въ благопріятные финансовыя годы до 3½ и даже (одинъ разъ, въ 1875 г.) до 2¾, % и, наоборотъ, поднимаясь въ неблагопріятные до 8 ¾, % (въ 1881 г.). Въ 1882 г. цифра сверхсмѣтныхъ кредитовъ составляла 34 милл. рублей, (5% всего бюджета). Въ 1883 году до послѣднихъ чиселъ декабря ассигновано было на сверхсмѣтныя потребности 43,5 милл. руб., а за исключеніемъ 15,7 милл., назначенныхъ на желѣзнодорожныя сооруженія—27,8 милл. руб. Если мы допустимъ, что размѣръ сверхсмѣтныхъ расходовъ въ 1884 г. сократится и еще далѣе этой цифры, все-таки эти рас-

ходы могутъ совершенно опрокинуть послѣдніе остатки «экономіи», сохраняющіеся еще отъ сокращеній 1882 г.

Но и помимо этихъ указаній прошлаго, возможность крупнаго превышенія расходовъ противъ предположеній по смѣтѣ 1884 г выясняется и ближайшимъ разсмотрѣніемъ тѣхъ причинъ, которыми обусловлено было нѣкоторое замедленіе въ ростѣ государственныхъ расходовъ за послѣднее трехлѣтіе.

Дѣйствительное сокращеніе бюджетныхъ расходовъ имѣло мѣсто, какъ уже было упомянуто выше, только въ первомъ году этого бюджетнаго трехлѣтія—1882. Финансовый отчетъ этого года былъ сведенъ въ суммѣ на 30 милл. меньшей противъ предъидущаго. Крупныя сбереженія достигнуты были по двумъ смѣтамъ—военной и министерства финансовъ, первой на 30 милл., а второй на 7 милл. рублей. Наоборотъ, по нѣкоторымъ другимъ смѣтамъ оказалось повышеніе расходовъ (главнымъ образомъ по системѣ кредита—на 5 милл.). Изъ отчета государственнаго контроля по исполненію росписи 1882 мы видимъ, что сбереженія по военной смѣтѣ въ самой существенной долѣ (на 15 м. р.) вызваны были низкими цѣнами на предметы провіантскаго довольствія. Собственно сокращеніе штатнаго состава войскъ и военныхъ управленій, сдѣланное въ томъ году, уменьшило смѣту только на 6¹/₂ мил. руб. Остальные, наконецъ, сбавки объясняются уменьшеніемъ нѣкоторыхъ заготовленій, въ виду имѣвшихся запасовъ, и сокращеніемъ строительныхъ расходовъ (которые зато поднялись по чрезвычайной смѣтѣ на ликвидацію счетовъ военнаго времени.) Сокращеніе расходовъ по смѣтѣ министерства финансовъ обусловлено было, главнымъ образомъ, уменьшеніемъ приплатъ, потребовавшихся по гарантіи чистаго дохода желѣзныхъ дорогъ.

Низкія хлѣбныя цѣны продолжали стоять и въ теченіи 1883 г., поэтому можно думать, что и въ этомъ году смѣта военнаго вѣдомства (оставленная въ цифрѣ 1882 г.) окажется сведенною безъ превышенія—по крайней мѣрѣ по этой части расходовъ. Насколько можно разсчитывать и на нынѣшній годъ на продолженіе такихъ же благоприятныхъ для интендантскихъ заготовленій условий,—сказать, конечно, очень трудно. Но несомнѣнно никакъ нельзя назвать прочною экономіею такую, существованіе которой зиждется на такомъ случайномъ обстоятельстве, какъ пониженіе цѣнъ вообще, неустойчивыхъ при нашей денежной системѣ и при условіяхъ нашего рынка. Нельзя не самѣтитъ, сверхъ того, что мы стоимъ тутъ отчасти въ закодированномъ кругѣ: то, что въ данномъ случаѣ является выгоднымъ для сокращенія военныхъ расходовъ, оказывается неблагоприятнымъ для другихъ сторонъ бюджета. По крайней мѣрѣ, въ докладѣ министра финансовъ по росписи 1884 г.

именно на низкія хлѣбныя цѣны обусловленныя слабымъ отпускомъ хлѣба, указывается какъ на одну изъ существенныхъ причинъ пріостановки роста государственныхъ доходовъ въ 1883 г.

Незначительность и непрочность положительныхъ результатовъ, достигнутыхъ финансовой политикой послѣдняго времени только подтверждаетъ еще разъ тотъ выводъ, который можно было сдѣлать и на основаніи прежнихъ опытовъ сокращеній именно, что для серьезной остановки роста бюджета нужны, повидимому, иныя мѣры, нежели нѣскольکو больший порядокъ въ разсмотрѣніи смѣтныхъ предложеній, требованія бережливости и контроль расходовъ. Давно уже дознано, что бюрократическая машина сама по себѣ обладаетъ извѣстною упругостью поддаваясь производимому на нее давленію, она вслѣдъ за тѣмъ постепенно снова возстановляетъ свой прежній видъ. Только при измѣненіи самихъ составныхъ частей этой машины можно достигнуть иныхъ, болѣе прочныхъ результатовъ и устранить зависимость бюджетнаго баланса отъ такихъ случайныхъ обстоятельствъ, какъ, на примѣръ, колебанія цѣнъ на провіантъ и фуражъ и т. п.

Урегулированіе бюджета расходовъ, въ которомъ мы такъ нуждаемся, не есть вопросъ смѣтнаго, бухгалтерскаго или вѣнгерскаго порядка,—это вопросъ о правильной постановкѣ всеі общественной дѣятельности, о цѣлесообразной организаціи всего общественнаго строя. Достаточно взглянуть пристальнѣе въ приведенные выше данныя о распредѣленіи общей цифры нашего бюджета между смѣтами различныхъ вѣдомствъ и сопоставить ихъ съ данными о движеніи различныхъ категорій расходовъ за послѣднее десятилѣтіе (мы сейчасъ о нихъ сважемъ), чтобы убѣдиться, какъ трудно разсчитывать на серьезное улучшеніе дѣла отъ частныхъ усовершенствованій въ финансовыхъ распоряженіяхъ.

Центръ тяжести нашего бюджета лежитъ въ четырехъ отдѣлахъ расходовъ: именно, въ смѣтахъ государственнаго кредита, военной и морской, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Эти смѣты представляются и наиболѣе растущими. Изъ 184-милліонной прибавки по бюджету 1884 г. сравнительно съ расходами 1875 г. на государственный долгъ приходится 98,5 милл. Изъ остальныхъ 85,6 милл. самая большая доля (29,2 милл.) идетъ на войско и флотъ; 17,8 милл. на надобности общей администраціи и полиціи (смѣта минист. внутр. дѣлъ) и 11,1 милл. на протребности удовлетворяемыя по смѣтѣ министерства финансовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что наиболѣе крупная и наиболѣе растущая изъ приведенныхъ категорій издержекъ—платежи по государственному долгу — по самому существу своему всего менѣе поддается

прямоу сокращенію. Уменьшеніе расходовъ можетъ быть достигнуто здѣсь только косвенными путями: съ одной стороны поднятіемъ вексельнаго курса, чрезъ что уменьшатся приплаты по внѣшнимъ займамъ, а съ другой—постепеннымъ превращеніемъ (конверсією) долга, посредствомъ замѣны бумагъ, выпущенныхъ на невыгодныхъ условіяхъ, другими, менѣе обременительными для государства. Для поднятія вексельнаго курса предпринято съ 1881 г. постепенное погашеніе, въ 8 лѣтъ, 400 милл. кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ послѣднюю войну. Но результатомъ этой мѣры до сихъ поръ является только обремененіе бюджета государственнаго кредита новыми платежами, ибо погашеніе безпроцентнаго долга совершается не на счетъ смѣтныхъ остатковъ (которыхъ нѣтъ), а на счетъ новыхъ процентныхъ займовъ; вексельный-же курсъ остается попрежнему низкимъ. О конверсіи государственнаго долга, конечно, было-бы странно и говорить при томъ тяжеломъ положеніи, въ которомъ находится нашъ кредитъ и свидѣтельствомъ котораго служатъ условія послѣдняго займа (6°/_o золотой ренты).

Что касается прочихъ крупныхъ видовъ государственныхъ расходовъ, то о нихъ, конечно, нельзя сказать, чтобы они по самому существу своему недоступны были сокращенію (какъ платежи по государственному долгу), но для осуществленія такого сокращенія въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ необходимы очень и очень многія условія.

Дѣйствительность, окружающая насъ, не даетъ основаній думать, чтобы такія условія сокращенія расходовъ государства могли осуществиться въ ближайшемъ будущемъ. И мы не находимъ въ тѣхъ документахъ, разсмотрѣнію которыхъ посвящены наши замѣтки, ничего, что указывало-бы на ихъ приближеніе.

Переходимъ къ доходному бюджету.

III.

Государственные доходы по росписи дѣлятся такъ-же, какъ и расходы, на *обыкновенные* и *чрезвычайные*.

Обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ, предназначенныхъ на удовлетвореніе постоянныхъ государственныхъ потребностей, исчислено на 1884 г. 715, 7 милл. руб.; въ томъ числѣ доходовъ *прямыхъ* 709,8 милл. р. и *оборотныхъ* (т. е. такихъ, которые значатся въ равной цифрѣ и по доходному и по расходному бюджету) 5,9 милл.

Обыкновенные прямые доходы слагаются изъ четырехъ главныхъ категорій: налоговъ, правительственныхъ регалій, доходовъ

отъ государственныхъ имуществъ и поступленій разнаго рода. *Налогами* покрывается до 80% всей суммы обыкновеннаго бюджета. На 1884 г. ожидается всего къ поступленію налоговъ 564, 5 милл. Между главнѣйшими категоріями налоговъ сумма эта распредѣляется такъ:

Прямые налоги

Подати, поземельный и лѣсной налогъ	110 милл.
За право торговли	21,7 >
	131,7

Косвенные.

Питейный акцизъ	250,3 >
Табачный	17,4 >
Съ сахара	11,1 >
Таможенный	101,0 >
Пошлины	52,9 >
	432,8 >

Доходъ отъ *правительственныхъ регалій* (почты, телеграфъ, горная подать, монетный доходъ) составляетъ 28 милл. р., т. е. нѣсколько менѣе 4% общей цифры прямыхъ доходовъ.

Отъ *казенныхъ имуществъ* (лѣса и оброчныя статьи, желѣзныя дороги, горные заводы, выручка отъ продажи имуществъ) ожидается 48,6 милл. (или около 7% всей суммы обыкновенныхъ прямыхъ доходовъ).

Наконецъ, *поступленія разнаго рода* (самыя крупныя между ними: платежи по облигаціоннымъ капиталамъ желѣзныхъ дорогъ, возвратъ выданныхъ ссудъ, пособія государственному казначейству изъ постороннихъ источниковъ и пр.), исчислены въ суммѣ 68,8 мил., составляющей около 10% отъ приведенной выше суммы всѣхъ прямыхъ доходовъ по росписи.

Чрезвычайные ресурсы предназначаемые для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ (погашеніе кредитныхъ билетовъ, сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ) и для пополненія дефицита по бюджету обыкновенныхъ доходовъ, — составляютъ по исчисленіямъ росписи 1884 г. 76,5 милл. р. Сюда относятся: суммы военнаго вознагражденія (3,1 милл.), суммы, вырученныя отъ займовъ, заключенныхъ въ прошломъ году, процентныя бумаги, принадлежащія желѣзнодорожному фонду, и, наконецъ, суммы свободной кассовой наличности (12 милл.)

За всѣми перечисленными ресурсами, обыкновенными и чрезвычайными, не хватаетъ еще на покрытіе общей суммы расходнаго бюджета (802 м.) 9,7 милл. руб. Эта послѣдняя сумма, со-

ставляющая общій дефицитъ по всей росписи, должна быть покрыта новыми кредитными операціями.

Такова въ самыхъ крупныхъ чертахъ общая фисіономія доходнаго бюджета на 1884 г.

Сопоставляя бюджетныя назначенія на нынѣшній годъ съ цифрами прошлагоднаго бюджета, мы видимъ, что общая сумма обыкновенныхъ доходовъ исчислена *болѣе* противъ прошлагодней на 9³/₄ милл. рубл.; по отношенію же къ дѣйствительному поступленію государственныхъ доходовъ за 1882 г. (703,7 милл.) превышеніе предположеній росписи 1884 г. составляетъ по отдѣлу обыкновенныхъ доходовъ 12 м. р.

Ростъ смѣтныхъ предположеній—фактъ не новый въ нашемъ бюджетѣ. Каждый годъ мы встрѣчаемся съ нимъ и каждый годъ онъ возбуждаетъ вопросъ: выдержитъ-ли упругость нашихъ бюджетныхъ источниковъ испытаніе на нее возлагаемое. До сихъ поръ дѣйствительность не подтверждала пока скептическихъ предсказаній, дѣлаемыхъ при разсмотрѣніи росписи: за исключеніемъ нѣсколькихъ тяжелыхъ смѣтныхъ годовъ, о которыхъ мы говорили выше, дѣйствительное поступленіе доходовъ обыкновенно еще обгоняло смѣтныя ожиданія. Тѣмъ не менѣе, ежегодно возникающій скептический вопросъ о степени основательности надеждъ на возрастаніе доходовъ нисколько не теряетъ своей законности, ибо, какъ извѣстно, всякая упругость необходимо имѣетъ свои предѣлы, и наши финансовыя средства не составляютъ исключенія изъ этого правила. А что мы приближаемся въ этомъ отношеніи къ предѣлу, на это можно найти указанія въ фактахъ даже «цвѣтущихъ» финансовыхъ годовъ. Производительность главнѣйшихъ косвенныхъ налоговъ—питейнаго и таможеннаго—давно уже поддерживается энергическими конформативами: постоянное возвышеніе окладовъ держать на извѣстномъ уровнѣ цифру сбора, но *потребленіе* обложенныхъ предметовъ не развивается, а падаетъ (такъ съ 1873—1882 г. питейный акцизъ возросъ на 40% (съ 179, и до 251,9 милл. р.), но количество потребленнаго вина уменьшилось съ 30,5 милл. ведеръ безводнаго спиртадо 27,75 м. Дѣйствіе этого паденія потребленія пока еще не выступаетъ наружу, но рано или поздно оно должно отразиться на цифрахъ поступленій. По окладамъ прямыхъ податей уже съ давнихъ поръ постоянно числится крупная недоимка.

Да послѣднихъ лѣтъ вѣра въ неисчерпаемость нашихъ финансовыхъ средствъ, позволявшая съ легкимъ сердцемъ гнать вверхъ расходный бюджетъ, имѣла еще и другую опору. Этому опоромъ служило довольно смутное представленіе о новыхъ источникахъ государственныхъ доходовъ, которые должны явиться

на смѣну или, скорѣе, на подкрѣпленіе старымъ истощеннымъ ресурсамъ.

Теперь эти новые источники въ извѣстной мѣрѣ уже выступили на сцену. Необходимость покрытія ежегодныхъ дефицитовъ заставила изыскивать всякія средства для умноженія доходовъ, и мы воочію могли убѣдиться, что и новые источники далеко не составляютъ неисчерпаемаго фонда. Въ виду этого, «примѣры прошлаго» не могутъ еще считаться убѣдительнымъ доказательствомъ, что нашъ доходный бюджетъ будетъ расти и далѣе или даже удержится на своемъ настоящемъ уровнѣ.

Обращаясь къ росписи 1884 г., мы находимъ, что предвидимыя по ней приращенія доходовъ вызваны, главнымъ образомъ, фискальными причинами, — измѣненіями въ размѣрахъ и способахъ обложенія, послѣдовавшими за послѣдніе годы. Касаются они частью нѣкоторыхъ вновь развивающихся источниковъ дохода, но все-таки самая главная доля прибавки должна быть вынесена всегдашнимъ оплотомъ нашего бюджета — питейнымъ акцизомъ. По этой статьѣ доходовъ, въ 1884 г. предполагается поступленій на 10 почти милл. болѣе, чѣмъ въ 1883 г., какъ «по соображенію съ постояннымъ возрастаніемъ этого дохода въ послѣднее трехлѣтіе», такъ и «въ виду возвышенія патентнаго сбора съ винокуренныхъ заводовъ и трактирныхъ лавокъ», послѣдовавшаго въ 1883 г.

Помимо питейнаго акциза, приращенія ожидаются еще по рубрикамъ акциза свеклосахарнаго (3 милл.) и табачнаго (1,8 м.), какъ результатъ недавняго преобразованія обоеихъ этихъ налоговъ и хорошихъ урожаевъ табака и свекловицы; по рубрикѣ крѣпостныхъ пошлинъ (4 милл.), вслѣдствіе новой табели законной опѣнки недвижимостей для взиманія пошлинъ; по сборамъ за право торговли (почти на 1 милл.) и, наконецъ, по статьѣ доходовъ отъ желѣзныхъ дорогъ на 1,3 (вслѣдствіе открытія екатерининской дороги и увеличенія доходности тамбово саратовской).

Крупное *пониженіе* дохода предвидится по отдѣлу *податей*. Вызывается оно сложеніемъ подушной подати на 15¹/₂ милл. Но такъ какъ одновременно съ этимъ возвышаются оклады государственнаго поземельнаго налога (на 4 милл.) и налога съ городскихъ недвижимостей (около 2 милл.), то дѣйствительное пониженіе дохода отъ податей исчислено только въ 9,8 милл.

Мы видимъ изъ приведеннаго выше, что собственно *прибавки*, внесенныя въ роспись, основаны большею частью на соображеніяхъ, которыя имѣютъ значительные шансы оправдаться въ дѣйствительности, — исключая развѣ предположеннаго возростанія питейнаго сбора. Если-бы выполненіе росписи въ предложенной цифрѣ зависѣло только отъ этихъ прибавокъ, его можно-бы считать обез-

печеннымъ. Но, къ сожалѣнію, дѣло стоитъ не такъ. Гораздо больше значенія въ данномъ отношеніи имѣютъ основныя предположенія росписи, а ихъ трудно считать на столько-же обезпеченными. Опубликованныя данныя о поступленіи государственныхъ сборовъ въ теченіи первыхъ 9 мѣсяцевъ прошлаго года показываютъ *паденіе дохода* противъ 1882 г. по главнѣйшимъ отдѣламъ бюджета: податямъ, питейному акцизу, таможеннымъ сборамъ и нѣкоторымъ другимъ, менѣ существеннымъ рубрикамъ. Предвидѣть на нынѣшній годъ болѣе благоприятныя условія для поступленій государственныхъ доходовъ, чѣмъ въ прошломъ, нѣтъ достаточно твердыхъ основаній, а между тѣмъ цифра доходнаго бюджета въ нынѣшнемъ году еще болѣе превышаетъ цифру поступленій 1882 г., чѣмъ прошлогодня.

Поэтому осуществленіе доходнаго бюджета 1884 г. не только въ высшей, но даже и въ одинаковой цифрѣ съ бюджетами 1882 и 1883 гг. представляется весьма проблематичнымъ. Еще менѣ можно ожидать, чтобы дѣйствительные доходы *превысили смѣтныя предположенія*, какъ это было въ 1882 г. и въ большей части предъидущихъ годовъ. Въ смѣтѣ 1884 г. нѣтъ запаса, который покрылъ-бы вѣроятное превышеніе расходныхъ кредитовъ при ихъ выполненіи. Такое превышеніе должно лечь цѣликомъ на чрезвычайный бюджетъ въ качествѣ непокрытаго дефицита.

Мы не станемъ долѣ останавливаться на этомъ пунктѣ, такъ какъ главный интересъ бюджета на 1884 г. лежитъ не въ томъ, насколько представляется шансовъ свести въ немъ концы съ концами. Скачка доходовъ за расходами непременно должна рано или поздно привести къ необходимости покончить это состязаніе. Удастся-ли въ нынѣшнемъ году выполнить удачно эту задачу или нѣтъ, это не представляется особенно существеннымъ въ виду несомнѣнности окончателнаго результата. Гораздо болѣе интересно является другая сторона дѣла. Какъ мы уже говорили выше, капитальною задачею настоящаго періода нашей бюджетной исторіи является не увеличеніе доходнаго бюджета, а *преобразование самой системы государственныхъ доходовъ*, съ цѣлью облегченія податныхъ источниковъ, на которыхъ до сихъ поръ опиралась тяжесть бюджета, и равномернаго распредѣленія этой тяжести между всѣми платежными силами страны. Къ этому преобразованію уже и приступлено въ послѣдніе годы.

Приведенныя выше общія данныя о главныхъ составныхъ элементахъ бюджета на 1884 г. показываютъ наглядно, что цѣль преобразованія далеко еще недостигнута: общій *типъ* нашего бюджета остается тотъ-же, что былъ и прежде. Тѣмъ не менѣ,

въ высшей степени интересно подвести балансъ тому, что уже сдѣлано въ этомъ направленіи и чего мы можемъ ожидать отъ ближайшаго будущаго.

Роспись 1884 г. даетъ для этого цѣнный матерьялъ.

Осуществленіе давно ожидавшейся податной реформы было начато у насъ при очень трудныхъ и финансовыхъ и общихъ обстоятельствахъ, что не могло не отразиться неблагоприятно на самомъ ходѣ реформы и яркости ея результатовъ. Преобразование получило частичный, нерѣшительный характеръ, и то, что давалось одною рукой,—подъ давленіемъ обстоятельствъ, бралось назадъ другою, только въ нѣсколько измѣненной формѣ.

При громадной цифрѣ нашего бюджета, цифрѣ совсѣмъ не отвѣчающей экономическимъ силамъ страны, податное преобразование прежде всего должно было заключаться въ уменьшеніи общей тяжести налоговъ. Когда государственный бюджетъ вырастаетъ въ такихъ размѣрахъ, что государственное хозяйство дѣлается однимъ изъ самыхъ крупныхъ, если не самымъ крупнымъ экономическимъ факторомъ страны, онъ давитъ на всю хозяйственную жизнь, и давленіе это, на какіе-бы классы общества оно ни дѣйствовало непосредственно, въ концѣ концовъ неизбѣжно должно передаваться въ сторону наименьшаго сопротивленія, на наименѣ защищенные слои населенія. Простое измѣненіе въ точкахъ приложенія силы давящаго механизма, безъ измѣненія въ самихъ размѣрахъ этой силы, можетъ достигнуть въ данномъ случаѣ только очень неполныхъ результатовъ.

А между тѣмъ, наша финансовая реформа была поставлена именно въ такія условія. Финансовое управленіе не могло *отменить* ни одного налога; бюджетный «tagenfrage» допускалъ только *замѣну* одного налога другимъ. Рационализированіе бюджета шло рука объ руку съ необходимостью ежегодно затыкать вошіюція дыры въ финансовомъ хозяйствѣ, вызванныя неподатливостью расходнаго бюджета на сколько нибудь серьезныя сокращенія. Отъ этого мы видимъ, напр., что рядомъ съ отмѣною соляного налога и податными сбавками шла прибавка 8 коп. питейнаго акциза.

Независимо отъ этихъ затрудненій финансоваго свойства, для податного преобразования существовали и другія затрудненія, кроющіяся въ-общихъ условіяхъ переживаемаго нами момента общественной жизни. Условія эти не благоприятствуютъ широкимъ преобразованиямъ, а между тѣмъ осуществленіе финансовой реформы связано съ очень многими сторонами общественной жизни: Правильная финансовая система предполагаетъ не только правильный выборъ объектовъ обложенія, но и существованіе правильныхъ способовъ распредѣленія и взиманія

налоговъ. Эта формальная сторона важна едва-ли менѣе чѣмъ матерьяльная для цѣлесообразной постановки налогового дѣла.

Подведемъ итоги тому, что сдѣлано за послѣдніе годы для податнаго преобразованія. Первый шагъ къ налоговой реформѣ сдѣланъ былъ, какъ извѣстно, еще въ концѣ прошлаго царствованія отмѣною съ 1881 г. соляного акциза *). Затѣмъ преобразованія продолжались ежегодно, и всего, по настоящее время, какъ мы видимъ изъ доклада по росписи 1884 г., съ низшихъ классовъ населенія—крестьянъ и мѣщанъ—сложено съ 1881 г. различныхъ налоговъ на сумму до 43 м. р. Именно: около 12 милл. соляного акциза, 12 милл. сбавки (общей и специальной) съ выкупныхъ платежей и 19 м. подушной подати (3½ милл. съ 1883 г. и 15½ съ нынѣшняго года).

Изъ этихъ 43 мил. 12 мил. выкупныхъ платежей не вводились въ общій бюджетъ, выкупная операція имѣла свои спеціальныя счета, собственно изъ бюджетнаго итога доходовъ податная реформа отняла около 31 милл. рубл.

Снятые съ населенія платежи не были, однако, какъ мы уже говорили, безусловно исключены изъ бюджета: ихъ *замѣнили* другіе виды поступленій, вновь созданные. Такъ какъ при этомъ сверхъ восполненія отмѣненныхъ сборовъ нужно было еще покрыть и выросшіе расходы, то сумма вновь установленныхъ налоговъ значительно превысила сумму снятыхъ: именно, по исчислениямъ росписи, вся сумма новыхъ доходовъ, которыми государственное казначейство располагаетъ нынѣ для удовлетворенія обьѣмъ названнымъ цѣлямъ, составляетъ (считая и 10 милл. новыхъ налоговъ, проектируемыхъ ко введенію въ текущемъ году) до 85 милл. руб.

Сумма эта слагается изъ слѣдующихъ цифръ:

1. Средства ликвидаціонной операціи государственнаго банка и отчисленія съ запаснаго капитала по выкупной операціи на	9 милл. р.	
2. Табачнаго сбора	5	> >
3. Таможенныхъ доходовъ	10	> >
4. Пошлинъ крѣпостныхъ и съ безмездно переходныхъ имуществъ	6	> >
5. Государственнаго поземельнаго налога	около 4	> >

*) Достоино замѣчанія, что тотъ, самый вопіющій изъ нашихъ налоговъ, благополучно существовавшій во всѣ блестящія годы нашихъ финансовъ, исчезъ изъ бюджета именно въ самый тяжелый бюджетный годъ, годъ дефицита, въ 80 милл. Вообще финансовыя реформы выступаютъ на сцену тогда, когда приходится круто. Это можетъ служить въ некоторымъ утѣшеніемъ въ трудныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ, которыя мы переживаемъ.

6. Налога на городскія недвижимыя имущества	2	милл.	р.
7. Пошлинъ за право торговли и процентнаго сбора съ промышленности и торговли	11	>	>
8. Гербоваго сбора	около 4	>	>
9. Акциза съ сахара	5	>	>
10. Акциза съ выкуриваемаго вина	25	>	>
11. Патентнаго сбора съ трактировъ и винокурения	2	>	>
12. Горной подати	2	>	>

85 милл. р.

Такимъ образомъ, общая податная тягость не уменьшилась, но еще возрасла. Что касается собственно низшихъ классовъ населенія, то здѣсь мы имѣемъ дѣло съ облегченіемъ, которое, впрочемъ, въ концѣ концовъ является въ формѣ иного распределенія налоговъ. Питейный акцизъ, выросшій, вслѣдствіе прибавки 8-й коп., на 25 милл., поступаетъ въ государственную кассу изъ средствъ этихъ именно слоевъ населенія, и, конечно, за каждый рубль акциза, идущаго въ казну, уплачивается гораздо больше рубля тѣми, на кого акцизъ этотъ въ концѣ концовъ падаетъ. Добавочный патентный сборъ тоже долженъ распределиться между потребителями вина, т. е., главнымъ образомъ, между народною массою. Затѣмъ, крестьяне-же, уплачивающіе большую половину государственнаго поземельнаго налога, заплатятъ и соотвѣтственную долю прибавки къ нему. Если мы припомнимъ, что и таможенный и табачный акцизъ упадутъ не только на состоятельныхъ потребителей, — то должны будемъ придти къ заключенію, что чистою сбавкою съ крестьянства можно считать сумму, равную сложеннымъ выкупнымъ платежамъ. То, что снято изъ бюджетныхъ доходовъ, то тѣми же классами плательщиковъ должно быть и возмѣщено бюджету, только по инымъ его рубрикамъ.

Другою особенностью податныхъ преобразованій послѣднихъ лѣтъ является, какъ мы говорили, ихъ частичный, дробный характеръ. Конечно, въ этомъ можетъ быть и своя доля практической пользы. Осуществленіе общаго плана коренной финансовой реформы требуетъ и цѣлаго ряда другихъ мѣръ, тѣсно съ нею связанныхъ.

IV.

Если правильная постановка расходнаго бюджета находится, какъ мы видѣли, въ тѣсной зависимости отъ направленія общаго теченія общественной жизни, то упроченіе финансовой системы, обезпеченный и здоровый ростъ государственныхъ доходовъ не-

разрывно связаны съ общимъ ходомъ экономическаго развитія страны. Прочное финансовое благополучіе можетъ опираться только на прогрессирующемъ благосостояніи населенія. Когда финансовое положеніе настолько распатано и когда одновременно съ этимъ обнаруживаются признаки упадка и въ народномъ хозяйствѣ, подъемъ финансовъ возможенъ только при улучшеніи въ общихъ хозяйственныхъ условіяхъ.

Въ виду этого, вельзя не обратить особаго вниманія на тѣ указанія, которыя мы находимъ въ росписяхъ по отношенію къ общей экономической политикѣ, только одну изъ сторонъ которой составляетъ политика собственно финансовая.

Указанія эти находятся въ докладахъ министерства финансовъ по росписямъ всѣхъ трехъ послѣднихъ лѣтъ. Въ докладѣ 1884 г. общая программа задачъ, предстоящихъ для правительственной дѣятельности въ области народнаго и государственнаго хозяйства, существовала въ такомъ видѣ: «уравновѣшеніе доходовъ съ расходами, при соблюденіи благоразумной бережливости; улучшение податной системы, въ видахъ установленія соразмѣрности налоговъ съ средствами плательщиковъ; покровительство всѣмъ отраслямъ отечественной промышленности, нуждающимся въ защитѣ; развитіе кредита, прочнаго и равно доступнаго для всѣхъ сословій; наконецъ, улучшение и упроченіе денежной системы, безъ ущерба для промышленности и торговли безъ стѣсненія денежнаго обращенія».

О двухъ первыхъ пунктахъ этой программы, касающихся собственно финансовой стороны дѣла, мы уже говорили. Намъ остается коснуться теперь трехъ остальныхъ (покровительства промышленности, организациі кредита, упроченія денежной системы), имѣющихъ значеніе народохозяйственное въ широкомъ смыслѣ. Но, конечно, мы не имѣемъ никакой возможности входить здѣсь въ сколько нибудь подробное разсмотрѣніе какъ предпринятыхъ уже или проектированныхъ мѣропріятій по названнымъ предметамъ, такъ и самаго существа экономическихъ вопросовъ, съ которыми мѣропріятія эти соприкасаются. Мы попытаемся только установить тотъ общій уголъ зрѣнія, подѣ которымъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ разсматривать экономическія потребности настоящаго момента нашей жизни, и тѣ общія общія условія, при которыхъ могутъ оказаться плодотворными усилія, направленныя на выполненіе намѣченныхъ выше задачъ.

Нѣтъ, конечно, никакого сомнѣнія, что всѣ вообще экономическія явленія, всѣ стороны хозяйственной жизни страны, вышедшей уже изъ первобытной стадіи своего развитія и вступившей въ періодъ раздѣленія труда, находятся въ самой тѣсной организационной связи другъ съ другомъ. Все то, что дѣйствуетъ на из-

вѣстную группу явленій, на извѣстную категорію экономических фактовъ, отражается такъ или иначе и на остальныхъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы экономическая жизнь представляла «круговоротъ» въ полномъ смыслѣ слова, чтобы народное хозяйство изобразило изъ себя нѣчто въ родѣ кольца, въ которомъ можно по произволу выбирать начальный пунктъ для воздѣйствія на всѣ остальные. Несмотря на перекрещивающіяся вліянія и взаимодѣйствія причинъ и слѣдствій, можно установить основныя, коренныя начала зависимости между группами экономических фактовъ, не измѣняющіяся отъ осложняющихъ ихъ второстепенныхъ вліяній. Такъ, если мы возьмемъ три параллельные ряда фактовъ, относящіяся къ прогрессу государственнаго хозяйства, прогрессу національнаго производства и прогрессу общаго народнаго благосостоянія, взаимная зависимость ихъ будетъ иная—сверху внизъ отъ перваго ряда къ слѣдующимъ за нимъ или отъ послѣдняго къ предъидущимъ. Прогрессъ народнаго благосостоянія долженъ *непрерывно* вести за собою и ростъ промышленности, развитіе производства, а послѣдствіемъ прогрессивнаго развитія обоихъ этихъ рядовъ должно явиться и улучшеніе финансоваго ряда. Но зависимость нижнихъ рядовъ отъ верхнихъ далеко не носятъ на себѣ такого неизмѣннаго характера. Можно представить себѣ, что ростъ казеннаго хозяйства дастъ толчекъ развитію извѣстныхъ отраслей промышленности (такіе примѣры были и въ нашей экономической жизни), но это будетъ фактъ не всеобщій, а случайный; точно также никакъ нельзя сказать, что все то, что ведетъ къ развитію производства, имѣетъ *непрерывнымъ* послѣдствіемъ и подъемъ народнаго благосостоянія, хотя для отдѣльныхъ случаевъ это опять-таки можетъ быть вполне справедливо. Въ общемъ правилѣ вѣрно скорѣе обратное: дѣятельность, направленная непосредственно на верхніе ряды, безъ соображенія съ тѣмъ, какія послѣдствія она окажетъ для нижнихъ, почти всегда является угнетающею для этихъ послѣднихъ. Тамъ, гдѣ въ край угла ставятся фискальныя интересы, не можетъ ни процвѣтать промышленность, не стоять высоко уровень народнаго благосостоянія; точно также, какъ въ странѣ, гдѣ вся экономическая жизнь складывается подъ давленіемъ принципа наибольшаго производства, оборотную сторону колоссальнаго развитія промышленности составляетъ обыкновенно и колоссальное развитіе пауперизма.

Эти простыя экономическія истины могутъ затемняться тамъ, гдѣ сложность факторовъ экономической жизни вызываетъ массу противоположныхъ вліяній, но при простыхъ и элементарныхъ условіяхъ, какъ наши, онѣ выступаютъ во всей своей наготѣ.

Что самое финансовое существованіе зиждется на средствахъ

и силахъ массы населенія—въ этомъ убѣждаетъ даже поверхностное ознакомленіе съ государственнѣмъ бюджетомъ и съ фактами нашей экономической статистики, при всей ея отрывочности и несовершенствѣ. У насъ нѣтъ другой экономической силы, кромѣ массы крестьянства, которая могла-бы держать на своихъ плечахъ тяжесть бюджета, поэтому сами государственные интересы требуютъ поддержки и развитія этой главной экономической опоры государства. Если государство хочетъ искать себѣ иной опоры, оно должно прежде ее *создать*, и создать на свой счетъ или, лучше сказать, на счетъ тѣхъ силъ, которыя теперь его поддерживаютъ. Опытъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ въ 70 хъ годахъ, когда организовалась у насъ желѣзнодорожная операція, и съ результатами этого опыта мы и доннѣ не можемъ благополучно развязаться.

Точно также нисколько незатѣмнѣннымъ представляется и характеръ той зависимости, которая существуетъ у насъ между интересами роста національнаго производства и интересами народнаго благосостоянія. Ахилесову пяту всей нашей промышленности составляетъ отсутствіе прочнаго рынка, недостатокъ *дѣйствительнаго спроса* на ея продукты. Создать такой спросъ промышленность, выросшая не на почвѣ развившихся народныхъ потребностей, не въ силахъ, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ *состоятельнымъ массовымъ потребителемъ* она въ то-же время заявляетъ требованіе и на *дешевого рабочаго*, что ставить ее въ заколдованный кругъ. Но никакого подобнаго круга не получается, если мы будемъ разсматривать обратную зависимость названныхъ рядовъ фактовъ. Предположимъ, что какія-нибудь благоприятныя обстоятельства значительно подняли-бы уровень благосостоянія крестьянскаго земледѣльческаго населенія, что земельное хозяйство дало-бы ему излишекъ продуктовъ противъ того, что нужно для непосредственнаго потребленія. Результатомъ этого непременно должно было-бы явиться созданіе и ростъ внѣ-земледѣльческихъ отраслей промышленности. Для нихъ нашлись-бы и руки, излишнія для земледѣльческаго производства, и спросъ, подѣржанный покупательскою силою. Мы имѣли-бы промышленность, здорово и прочно стоящую, хотя и не отличающуюся особеннымъ блескомъ. Эта народная промышленность не требовала-бы за то ни запретительныхъ тарифовъ, ни казенныхъ субсидій.

Примѣняя изложенныя общія соображенія къ вопросу о направленіи экономической политики, мы не можемъ не придти къ тому выводу, что общій складъ и общія условія ея выдвигаютъ предъ этой политикой требованіе—стать рѣшительно и твердо на почву интересовъ народной массы. Народное благосостояніе должно быть не только основною, но и *непосредственною* цѣ.

лію экономической дѣятельности. Къ этой цѣли нельзя идти окольными путями. Нельзя предполагать ея достиженіе какъ косвенный результатъ мѣропріятій, направленныхъ на преслѣдованіе иныхъ задачъ. И здѣсь опытъ недавняго прошлаго можетъ служить поучительнымъ примѣромъ. Мы видѣли, къ какимъ результатамъ привела экономическая политика шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, полагавшая найти ключъ къ общему благополучію въ покровительствѣ созданію у насъ крупной капиталистической промышленности и въ развитіи факторовъ обращенія богатствъ.

Есть и еще одно специальное основаніе, почему у насъ болѣе чѣмъ гдѣ либо выдвигаются предъ государственною политикою— въ экономической сферѣ задачи дѣятельности, направленной на приращеніе экономической силы именно низшихъ классовъ населенія. Дѣло въ томъ, что государство самимъ фактомъ своего хозяйства постоянно и неизбежно содѣйствуетъ убавленію этой силы. Государство не только существуетъ на счетъ средствъ народной массы, но и ежегодно передаетъ часть этихъ средствъ другимъ, экономически болѣе сильнымъ классамъ, прибавляя такимъ образомъ ихъ силу въ экономической борьбѣ и уменьшая экономическую мощь тѣхъ именно слоевъ, которые его поддерживаютъ. Оно обязано и возстановить насколько возможно, нарушенное имъ соотношеніе силъ.

Мы говорили уже о косвенномъ воздѣйствіи хозяйства на экономическія отношенія, о значеніи бюджета, какъ распредѣлительнаго механизма, увеличивающаго покупательную силу одной части населенія на счетъ другой. Тѣ документы, которые служатъ матеріаломъ для настоящей замѣтки (опубликованныя въ «Прав. Вѣстн.» росписи и извлеченіе изъ отчета госуд. контроля за 1882 г.) не даютъ возможности представить сколько нибудь точные цифровые выводы о размѣрахъ указаннаго вліянія бюджета, но даже и въ томъ грубомъ видѣ, въ какомъ могутъ быть сдѣланы эти выводы, они не оставляютъ сомнѣнія относительно направленія этого вліянія.

Такимъ образомъ, косвенное вліяніе бюджета, какъ перераспредѣлительнаго механизма, нерѣдко умаляетъ экономическую силу низшихъ слоевъ населенія. Если мы прибавимъ къ этому, что при слабомъ развитіи нашей экономической жизни вообще, государственное хозяйство является однимъ изъ самыхъ крупныхъ факторовъ, опредѣляющихъ ея направленіе,—то сдѣлается совершенно яснымъ, что простыя требованія справедливости возлагаютъ на государство обязанность прямымъ воздѣйствіемъ своей экономической политики исправить вышеуказанное неблагоприятное вліяніе своего хозяйства.

Приведенныя соображенія могутъ дать намъ опорныя точки и для отвѣта на вопросъ: при какихъ условіяхъ можно ожидать

плодотворныхъ результатовъ отъ осуществленія тѣхъ задачъ, которыя намѣчены въ программѣ г. министра финансовъ. Мы думаемъ, что здѣсь все зависитъ отъ того, поставлены будутъ въ край угла интересы непосредственно народныхъ массъ или инныя цѣли и интересы. Смотря по этому измѣняется и самый смыслъ каждой изъ этихъ задачъ.

«Покровительство всѣмъ отраслямъ отечественной промышленности, нуждающимся въ защитѣ» — можетъ означать совершенно разныя вещи, смотря по тому, будемъ-ли мы оцѣнивать «нужду въ защитѣ» съ точки зрѣнія интересовъ народнаго благосостоянія или съ точки зрѣнія интересовъ производства, и промышленнаго класса. Съ первой точки зрѣнія можетъ быть гораздо болѣе нуждается въ защитѣ народная промышленность противъ капиталистической, нежели національная противъ иноземной. Да, наконецъ и столкновеніе протекціонистскихъ и фритредерскихъ интересовъ можетъ получить совершенно иной исходъ, если рѣшающею инстанціей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ явятся требованія непосредственныхъ интересовъ народнаго благосостоянія.

Точно также и организація дешеваго государственнаго кредита, и мѣропріятія, направленные къ возстановленію правильнаго денежнаго обращенія, могутъ оказать весьма различное вліяніе на ходъ нашей экономической жизни, смотря по тому, насколько будетъ соблюдена перспектива между *основными* и *зависимыми* факторами экономического прогресса.

Только въ рѣшительномъ и безповоротномъ вступленіи на путь принципіальной политики народныхъ интересовъ можно найти выходъ изъ закодланнаго круга, въ которомъ находится теперь наше государственное хозяйство.

Н. Анненскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

Полное собраніе сочиненій Козьмы Пруткова. Съ портретомъ, fac-simile и біографическими свѣдѣніями. Спб. 1884 г.

Прекрасная вещь—остроуміе. Но его значеніе—чисто служебное и находится въ зависимости отъ той цѣли, которая посредствомъ его достигается. Если вы шутите и острите только затѣмъ, чтобы вызвать смѣхъ—вы только весельчакъ и забавникъ, быть можетъ, очень пріятный въ обществѣ, но съ которымъ едва-ли кто захочетъ говорить серьезно. Если за вашими шутками есть нравственная подкладка, моральное поученіе или вообще какая-нибудь идея—вы можете приобрѣсти значеніе уже не забавника, а въ полномъ смыслѣ слова дѣятеля, значеніе дѣятельности котораго будетъ прямо пропорціонально ширинѣ руководящей имъ идеи. Каламбуристъ и бонмотистъ ни столько-же ниже эпиграмматиста, на сколько послѣдній ниже сатирика. Всѣ они пользуются легкимъ оружіемъ остроумія, но для цѣлей далеко неодинаковыхъ: цѣль каламбура—заставить улыбнуться, цѣль эпиграммы—уколоть ту или другую личность, цѣль сатиры—осмѣять и тѣмъ самымъ поразить то или другое зло общественной жизни.

Къ какой категоріи слѣдуетъ отнести произведенія очень извѣстнаго и, въ нѣкоторомъ родѣ, даже знаменитаго Козьмы Пруткова—объ этомъ пусть судитъ самъ читатель, которому мы представимъ образцы остроумія и юмора Пруткова. Будемъ, въ видахъ безпристрастія, выбирать не самыя слабыя и не самыя удачныя, а, такъ сказать, *средня* достоинства вещи. Вотъ, напр., басни «Незабудки и запятки»:

Трясась Пахомычъ на запяткахъ,
Пусть незабудокъ везъ съ собой;
Моволи натеревъ на пяткахъ,
Лечилъ ихъ дома камфорой.

Читатель! въ баснѣ сей, откинувъ Незабудки,
Здѣсь помѣщенные для шутки,

Ты только это заключи:
 Коль будутъ у тебя мозоли,
 То, чтобъ избавиться отъ боли,
 Ты, какъ Пахомычъ нашъ, ихъ камфорой лечи. (12)

Можетъ быть это и въ самомъ дѣлѣ забавно—всякіе есть вкусы и всякіе темпераменты. Мичманъ Дирка смѣялся даже отъ подставленнаго ему подъ носъ пальца—есть такіе Дирки и между читателями и между писателями. Но допустимъ, что шутка Пруtkова въ самомъ дѣлѣ забавна: что-же дальше, все-таки? Что изъ этой шутки слѣдуетъ, на что она бьетъ, чему учить? Учить тому, что мозоли надо лечить камфорой—вотъ все ея практическое утилитарное значеніе.

Возьмемъ другой примѣръ—басню (опять таки не самую лучшую и не самую худшую) «Цапля и бѣговья дрожки»:

На бѣговыхъ помѣщикахъ ѣхалъ дрожкачъ.
 Летѣла цапля,—онъ глядѣлъ.
 —Ахъ! почему такія ножки
 И мнѣ Зевесъ не далъ въ удѣлъ?—
 А цапля тихо отвѣчаетъ:
 —Не знаешь ты, Зевесъ то знаетъ!—
 Пусть басня сію прочтетъ всякъ строгій семьянинъ.
 Коль ты татариномъ рожденъ, такъ будь татаринъ;
 Коль мѣщаниномъ,—мѣщанинъ;
 А дворяниномъ,—дворянинъ.
 Но если ты кузнецъ, и захотѣлъ быть баринъ,
 То знай глупецъ,
 Что, наконецъ,
 Не только не дадутъ тебѣ тѣ длинны ножки,
 Но даже отберутъ коротенькія дрожки. (21)

Въ чемъ тутъ соль и въ чемъ мораль? Соль состоитъ въ томъ, что помѣщикъ пожелалъ имѣть длинныя ноги цапли; въ странности, неожиданности, нелѣпости, и потому смѣхотворности этого желанія, и заключается соль. А мораль басни? Мораль—если брать слова Пруtkова въ серьезную сторону—заключается въ томъ, что общественныя подраздѣленія есть дѣло Зевеса, и что тотъ, кто стремится стать выше своего положенія или даже просто выйти изъ него, есть «глупецъ». Мысль весьма не новая. Что-же касается ея достоинства, то, по правдѣ говоря, указаніе, что мозоли нужно лечить камфорой, мы считаемъ гораздо болѣе цѣннымъ.

Этихъ двухъ примѣровъ достаточно для характеристики «басень» Пруtkова. Общая черта ихъ состоитъ въ томъ, что сначала (и больше всего своими курьезными заглавіями въ родѣ «Кондукторъ и Тарантуль» «Червячки и Попадья» и пр.) онѣ невольно вызываютъ улыбку, а потомъ возбуждаютъ недоумѣніе. Что все это такое? спрашиваете вы себя. Для чего талантливый—безспорно талант-

ливый авторъ теряетъ свой трудъ, свое остроуміе, что собственно онъ сказать хочетъ? Съ тяжелымъ недоумѣніемъ переходите вы отъ басни къ баснѣ и, только познакомившись съ ними, догадываетесь, въ чемъ штука: вы имѣете дѣло не съ моралистомъ и не съ поэтомъ, преслѣдующимъ какія-нибудь идейныя цѣли, а съ веселымъ шутникомъ, отъ котораго наивно было-бы ждать серьезной мысли. И ваше недоумѣніе смѣняется грустью.

Не менѣе чѣмъ баснями Кузьма Прутковъ знаменитъ своими афоризмами. Такихъ афоризмовъ въ «собраніи сочиненій» Пруtkова помѣщено ровно сто шестьдесятъ счетовъ. Десятка два изъ нихъ дѣйствительно забавны, остальные или скучны, или просто непонятны, и нѣтъ ни одного, который-бы выражалъ собою какую-нибудь яркую или глубокую мысль—въ чемъ, однако-же, и состоитъ назначеніе афоризма, какъ литературной формы. «Специалистъ подобенъ флюсу: полнота его односторонняя»; «собака, сидящая на снѣгѣ, вредна. Курица, сидящая на яицахъ полезна»; «инюго прогуливающагося старца смѣло уподоблю песочнымъ часамъ»— вотъ образчики тѣхъ афоризмовъ Пруtkова, которые еще могутъ позабавить сколько-нибудь читателя. Большинство афоризмовъ не имѣетъ даже этого достоинства. «Изъ всѣхъ плодовъ наилучшіе приносятъ хорошее воспитаніе»; «покорность охлаждаетъ смѣло и даетъ размѣръ взаимнымъ чувствамъ»; «лучшимъ каждому кажется то, къ чему онъ имѣетъ охоту»— вотъ примѣры афоризмовъ, въ которыхъ, вмѣсто остроумія (не говоря уже о мысли), имѣются только претензіи на него. Многіе афоризмы рѣшительно непонятны. «Ну, такъ что-жь?» хочется спросить вамъ, познакомившись съ какимъ-нибудь изъ этихъ афоризмовъ. Напримѣръ: «Иной пѣвецъ подчасъ хрипнетъ, или «Смотри вдаль, увидишь даль. Смотри въ небо, увидишь небо. Но взглянувъ въ маленькое зеркальце, увидишь только себя»; «чѣмъ скорѣе пройдеши, тѣмъ скорѣе прійдеши» и пр. и пр. Что это такое?

Обходя «Выдержки изъ записокъ моего дѣда» или «Гисторическіе матерьялы», все остроуміе которыхъ заключается въ довольно ловкомъ подражаніи (не болѣе, однако-жь, ловкомъ чѣмъ подражаніе г. Горбунова) языку прошлаго столѣтія, обратимся къ «Драматическимъ произведеніямъ» Пруtkова. Главнымъ изъ этихъ произведеній является «Фантазія», комедія въ одномъ дѣйствіи. Комедія эта, какъ видно изъ объясненій автора, была дана одинъ разъ на сценѣ, въ 1851 году, не имѣла никакого успѣха или вѣрнѣе, имѣла успѣхъ скандала. Пруtkовъ ценяетъ на публику, которая «была обязана раскусить...» «Между тѣмъ, рассказываетъ Пруtkовъ, она вела себя легкомысленно, какъ толпа, хотя состояла на половину изъ людей высшаго общества. Едва Государь

съ явнымъ неудовольствіемъ, изволилъ удалиться изъ ложи ранѣе конца пьесы, какъ публика стала шумѣть, кричать, шикать, свистать».

Всѣ права пьесы на вниманіе современнаго читателя только въ этомъ и заключаются, только этимъ скандаломъ, произведеннымъ ею, и обусловливаются. Подчиняясь авторитету автора, мы добросовѣстно старались «раскусить» пьесу; мы искали въ ней какихъ-нибудь аллегорій, намековъ и т. п., и только послѣ долгихъ усилій убѣдились, что трудились по-пусту. Ничего подобнаго въ пьесѣ не имѣется. Это опять-таки простая шутка для шутки, но шутка, лишенная даже веселости, натянутая и плоская, не въ обиду будь сказано памяти талантливаго гр. Толстого, принимавшаго участіе въ составленіи этой пьески. Не имѣя возможности доказывать здѣсь это мнѣніе наше цитатами, отсылаемъ читателя къ самой пьесѣ, предупреждая его, однакоже, что время, потраченное имъ на ознакомленіе съ пьесой, будетъ для него задаромъ потеряннымъ временемъ.

Въ заключеніе—одно замѣчаніе. Какъ извѣстно, подъ псевдонимомъ Козьмы Пруткова писали три писателя: графъ А. Толстой и гг. А. и В. Жемчужниковы. Издателями настоящаго собранія являются гг. Жемчужниковы, которые, какъ объясняется въ предисловіи, имѣли при изданіи свои особенныя цѣли. «Издатели настоящаго собранія сочиненій Козьмы Пруткова, говорится въ предисловіи, какъ единственныя, по смерти графа Алексѣя Константиновича Толстого, лица, имѣющія законное право говорить отъ имени Козьмы Пруткова и печатать его произведенія, уже неоднократно протестовали печатно противъ злоупотребленія его именемъ. Они вынуждены теперь повторить свой протестъ не съ цѣлью бесполезной попытки исправить литературныя нравы, но въ предостереженіе нашей публики отъ обмана».

Заявленіе это характерно для К. Пруткова или—что одно и то же—для гг. Жемчужниковыхъ въ томъ смыслѣ, что указываетъ на весьма невѣрное представленіе авторовъ о литературномъ значеніи ихъ произведеній. Очевидно, это представленіе крайне преувеличенное. Любопытенъ также тотъ высокоумѣнный тонъ, съ какимъ гг. Жемчужниковы говорятъ о неискоренимости нравовъ нашей литературы. Какіе это такіе нравы? Смѣемъ завѣрить гг. Жемчужниковыхъ, что какъ ни тяжело положеніе литературы, ея «нравы» ни на волосъ не хуже нравовъ другихъ общественныхъ эманаций и корпорацій. Эта заботливость о драгоценномъ и великомъ имени Козьмы Пруткова и это презрительное отношеніе къ литературѣ безъ сомнѣнія самая забавная «шутка» нашего юмориста.

Алексѣй Теофилактовичъ Писемскій. Критико-біографическій очеркъ. *С. А. Венгерова.*

«Очеркъ» г. Венгерова произвелъ, какъ извѣстно, маленькую газетную бурю у насъ. Сначала «С.-Петербургскія Вѣдомости» а затѣмъ «Новое Время» ополчились на г. Венгерова за его, будто-бы, рѣзко-непочтительное отношеніе въ Писемскому. Указывалось на то, что такъ какъ г. Венгеровъ еврей, а Писемскій «истинно-русскій» человѣкъ и писатель, то г. Венгерову не было и возможности, органической возможности, понять какъ слѣдуетъ Писемскаго. На основаніи этой логики, слѣдовало-бы ожидать, что и г. Суворинъ повоздержится отъ слишкомъ рѣшительныхъ сужденій о евреяхъ, которыхъ онъ, по его же теоріи, правильно понимать не можетъ, въ качествѣ «истинно-русскаго» человѣка. На дѣлѣ, какъ извѣстно, происходитъ не то...

Правда относительно г. Венгерова состоитъ въ томъ, что онъ отнесся къ Писемскому не непочтительно, а независимо, не закрывая глазъ на его многочисленныя слабыя стороны—человѣческія и писательскія. По обыкновенію, «очеркъ» г. Венгерова составленъ обстоятельно и старательно. Онъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько мѣткихъ замѣчаній. Что можно сказать противъ такихъ, напр., указаній г. Венгерова:

«Писемскій всегда говорилъ о крѣпостномъ правѣ совершенно спокойно, какъ о существующемъ фактѣ, ни разу не пытался растрогать читателя картинами крѣпостныхъ безобразій, ни разу не вышелъ изъ той сомнительной «объективности, которая въ данномъ случаѣ есть ничто иное, какъ индифферентизмъ» (26).

«Писемскій всегда рисуетъ не только зажиточныхъ, но прямо богатыхъ мужиковъ, причемъ это богатство не есть что-нибудь случайное. Нѣтъ, Писемскій не пропускаетъ случая устами кого-нибудь изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ проповѣдывать, что мужикъ не пьяница всегда можетъ разбогатѣть. Словомъ, совсѣмъ развеселое житье русскому мужику» (89).

«Громадныя заслуги пессимизма Писемскаго сильно парализуются отсутствіемъ положительныхъ идеаловъ въ произведеніяхъ Писемскаго. Никто не требуетъ отъ него сладенькаго оптимизма, панглоссовскихъ увѣреній, что жизнь прекрасна. Но дѣло въ томъ, что и пессимизмъ бываетъ разнаго рода. Пессимизмъ Свифта и Теккерея никогда не толкаетъ васъ на путь пошлости. А пессимизмъ Писемскаго совсѣмъ такъ близко соприкасается съ тѣмъ практическимъ пессимизмомъ «опытныхъ» людей, которые цинически, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубокоубѣжденные въ правдивости

своей, стараются вамъ доказать, что мечты и идеалы есть вздоръ, а вотъ блага земныя,

Wein, Weib und Gesang

есть вещь, не подверженная никакимъ сомнѣніямъ» (109).

Но, съ другой стороны, на ряду съ такими вполне дѣльными замѣчаніями, не рѣдко встрѣчаются и очень рискованныя (чтобы не сказать больше) положенія. Утѣшеніемъ для читателя (весьма слабымъ, конечно) можетъ служить развѣ только то обстоятельство, что каждый разъ какъ только авторъ погружается въ такія уметствованія, онъ немедленно начинаетъ противорѣчить самому себѣ. Одною рукою онъ сдѣлаетъ, а другою раздѣлаетъ и самъ не замѣчаетъ этой пенелопиной работы своей. Такъ, напр., оспаривая свидѣтельство Писемскаго, что изученіе математики сообщило его уму «трезвость», г. Венгеровъ замѣчаетъ: «смѣшно вообще думать, что какія-бы то ни было науки до такой степени въ состояніи повліять на духовный строй человѣка». Допустимъ, что «смѣшно», хотя на самомъ дѣлѣ ничего смѣшного тутъ не видимъ. Но далѣе тотъ-же г. Венгеровъ говоритъ: «поступи Писемскій на юридическій или историческій факультетъ, онъ бы, несомнѣнно, обогатилъ свой умъ, если и не прямыми знаніями—онъ къ нимъ повидимому не былъ способенъ. то во всякомъ случаѣ общимъ образовательнымъ духомъ этихъ факультетовъ, гдѣ кстати преподавались тѣ именно философскія науки, къ которымъ самъ-же Писемскій считалъ себя способнымъ. И юридическій и историческій факультеты, въ большинствѣ случаевъ, даютъ ту *интеллигентность*, отсутствіе которой такъ легко прослѣдить даже въ самыхъ удачныхъ и выдающихся произведеніяхъ Писемскаго. Не даромъ-же, въ самомъ дѣлѣ, подавляющее большинство учившихся въ университетахъ литературныхъ дѣятелей нашихъ были филологи и юристы» (23).

Это говорится на одной и той-же страницѣ, поставлено рядомъ: съ одной стороны «смѣшно» допустить, чтобы математика могла сообщить «трезвость» воспитавшемуся на ней уму; съ другой стороны «несомнѣнно», что юридическія и историческія науки (науки!) даютъ человѣку «интеллигентность». Неужели сообщить человѣку «интеллигентность» легче и проще для науки, нежели дисциплинировать умъ. т. е. именно дать ему «трезвость», и неужели математика меньше наука нежели какое-нибудь полицейское право? Очевидно, всѣ эти положенія г. Венгерова шиты бѣлыми нитками, и подобная слабость аргументаціи постигаетъ его каждый разъ, какъ только ему приходится—какъ въ данномъ случаѣ—высказывать о Писемскомъ невѣрныя или непродуманныя вещи.

Стихотворенія А. Яхонтова. Спб. 1884.

Золова арфа. Стихотворенія Л. К. Нервина. Москва. 1884.

Мы сопоставили стихотворенія гг. Яхонтова и Нервина не въ силу тождественности ихъ содержанія, а вслѣдствіе сходства характера ихъ поэзіи. Гг. Яхонтовъ и Нервинъ — поэты добрыхъ намѣреній, и въ этомъ ихъ сходство. Они оба любятъ людей, вѣрятъ въ добро, стремятся къ «свѣту» и пр., какъ оно и подобаетъ поэтамъ. Но каждой изъ нихъ любить людей по своему, точно также какъ по-своему понимаетъ и свое поэтическое призваніе. Это очень рельефно выразилось въ эпитафияхъ, избранныхъ для своихъ сборниковъ нашими поэтами.

Въ эпитафіи, взятомъ г. Яхонтовымъ изъ Гейне, поэтъ сравнивается съ Антеемъ, который непобѣдимъ лишь до тѣхъ поръ, пока соприкасается съ своею матерью — землей. Г. Нервинъ избралъ эпитафію слѣд. отрывокъ изъ Тургенева: «О, поэзія! Молодость! Женская дѣвственная красота! Вы только на мигъ можете блеснуть передо мною — раннимъ утромъ ранней весны!» Какъ видите, г. Яхонтовъ болѣе реалистъ, г. Нервинъ болѣе идеалистъ. Г. Яхонтовъ такимъ образомъ очерчиваетъ мотивы своей дѣятельности:

Есть мощная потребность духа:
 Потребность — высказаться; глухо,
 Порой, звучить ея струна,
 Средою чуждой смущена.
 Но и подъ гнетомъ невниманья,
 Насмѣшки вдвой, порицанья
 Не можетъ замолчать она.
 Раздолье пѣснямъ — на свободѣ,
 Тамъ, гдѣ широкій кругозоръ:
 На солнцѣ, при честномъ народѣ.
 Давай имъ судъ и приговоръ!
 Какъ цвѣтъ дающее и колось
 Простое, доброе зерно
 Въ землѣ заглухнуть не должно,
 Такъ слово правды, чувства голосъ
 Въ груди таить не суждено.

Г. Нервинъ, въ свою очередь, высказываетъ надежду, что «пѣсни» его «музы»

Не бессильны вполнѣ
 И пройдутъ по изнывшей родной сторонѣ
 Эхомъ скорби и радости жгучей.
 Въ нихъ рыданье и смѣхъ перевьются порой
 Съ яснымъ отзвукомъ тихой надежды святой,
 Съ мирной трелью любви и участя,
 И, быть можетъ, въ созвучіи, сердцу родномъ,
 Утѣшенье блеснетъ, рассыпая кругомъ
 Искры вѣры въ грядущее счастье (6).

Какъ видите, наши поэты очень скромны, и это прекрасно. Этой скромностью они заранее обезоруживаютъ критику, которая можетъ требовать отъ нихъ только того, что они сами обѣщаютъ. Обѣщанія-же свои они исполняютъ добросовѣстно. Г. Яхонтовъ вдохновляетъ народъ, о которомъ онъ высказываетъ не одно «слово правды», надъ которымъ часто стоить серьезно задуматься. Г. Нервинъ, согласно обѣщанью, дѣйствительно даетъ рядъ лирическихъ изліяній, вполне субъективнаго характера, въ которыхъ чередуются «рыданье и смѣхъ». Главный недостатокъ этого поэта — неопредѣленность идеаловъ, происходящая отъ ихъ излишней широты, и преобладаніе личныхъ мотивовъ надъ общественными. Въ то время, какъ г. Яхонтовъ имѣетъ передъ собою очень опредѣленный объектъ, — народъ, г. Нервинъ говорить или «поетъ» ужь слишкомъ, такъ сказать, «вообще». Намѣренія у г. Нервина прекрасныя, чувства честныя и чистыя, но онъ, повидимому, не успѣлъ установиться, не выработалъ себѣ опредѣленнаго міросозерцанія. Это — жаль. При такомъ состояніи идей, поэтъ является не борцомъ за ту или другую идею, не дѣятелемъ, а именно «оловой арфой», т. е. музыкальнымъ инструментомъ и при томъ такимъ, который звучитъ отъ вѣянія *всякаго* вѣтра. Говоримъ это не въ упрекъ, а въ предостереженіе г. Нервину

Что касается г. Яхонтова, то мы не понимаемъ и не раздѣляемъ его опасеній на счетъ «насмѣшки ѣдкой, порицанья». Въ наше время «народъ» рѣшительно вошелъ въ моду, и кто-же станетъ смѣяться надъ поэтомъ народа, въ честь котораго даже газетные передовики слагаютъ прозой оды? Внѣшней формой какъ г. Яхонтовъ такъ и г. Нервинъ владѣютъ вполне удовлетворительно.

Труды комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи. Вып. X, Спб. 1883.

Въ настоящемъ выпускѣ, сверхъ описанія кустарныхъ промысловъ въ Шуйскомъ и Красноуфимскомъ уѣздѣ и очень любопытной статьи г. Кармилова о колесномъ производствѣ, помѣщены изслѣдованія г-жи Давыдовой о кружевномъ промыслѣ въ губерніяхъ Тверской, Ярославской и Тульской. Въ этихъ изслѣдованіяхъ, занимающихъ полъ-книги, сосредоточивается главный интересъ настоящаго выпуска. Кружевной промыселъ, занимающій множество рукъ, до сихъ поръ весьма плохо изученъ, и только благодаря тщательнымъ изслѣдованіямъ г-жи Давыдовой, раскрывается истинное значеніе этой отрасли женскаго труда, доставляющей очень скудные заработки, сильно вредящей здоровью и тѣмъ не менѣ

неизбѣжной, какъ подспорье или даже единственный источникъ существованія для городскихъ мѣщанокъ. Про свой промыселъ калазинскія мѣщанки говорятъ, что это «одно наше пропитомство и есть». Г-жа Давыдова утверждаетъ, что въ Калазинѣ кружевницы вносятъ въ семью своимъ трудомъ болѣе, чѣмъ мужское населеніе, которое зарабатываетъ промыслами меньше, и притомъ пьянствуетъ. Мы полагаемъ, что во многихъ нашихъ городахъ существованіе семьи обеспечивается по преимуществу женскимъ трудомъ. Но можно представить себѣ, чего стоитъ содержать семью такимъ промысломъ, какъ кружевной! Тяжелое впечатлѣніе выносишь изъ знакомства съ бытомъ кружевницъ Богъ знаетъ, кого и что тутъ винить, но нельзя скрыть, что въ этой дѣйствительности, гдѣ оказывается возможнымъ подавлять женщину такимъ каторжнымъ трудомъ, слишкомъ много варварства, самаго первобытнаго и жестокаго. По словамъ г-жи Давыдовой, кружевницы зарабатываютъ въ сутки 15—20 к., а работаютъ 18 часовъ ежедневно, и какъ работаютъ! «Всѣ онѣ, говоритъ г-жа Давыдова, жалуются на тѣ-же недуги, которые распространены и въ другихъ центрахъ кружевного производства, именно на сильную ломоту въ затылкѣ, боль въ груди и спинѣ и отсутствіе аппетита въ періодъ усиленнаго труда. Зрѣніе тоже слабѣетъ, особенно у мастерицъ, изготовляющихъ черное кружево» (стр. 2655). Въ высшей степени печально также положеніе золотошвей, которыя зарабатываютъ въ мѣсяцъ среднимъ счетомъ 7 р. 35 к. и работаютъ 15—17 часовъ. Чахотка между ними—явленіе обыкновенное, также какъ и болѣзни глазъ. «Какъ жалки онѣ, замѣчаетъ г-жа Давыдова—худыя, блѣдныя, безъ малѣйшаго румянца на щекахъ со впалыми и утомленными глазами» (стр. 2698). Быть можетъ, для читателей не безынтересно будетъ узнать сообщаемый г-жей Давыдовой фактъ,—не новый, впрочемъ, хотя и малоизвѣстный—что «какъ кружевницы, такъ и золотошвей чередуютъ свой столь деликатный трудъ съ выдѣлкой кирпича. Въ Торжкѣ до 240 женщинъ ежегодно отправляются на нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ на кирпичные заводы, въ Тверскую губернію и подъ Петербургъ. Тѣ, которыя уходили на заводы въ окрестности Петербурга, хотя онѣ могли имѣть работу гдѣ либо у себя, по близости, объясняли это предпочтеніе тѣмъ, что «совѣстно на глазахъ у своихъ мисить глину», а также и тѣмъ, что на петербургскихъ заводахъ глину мнутъ на столахъ руками, между тѣмъ какъ во всей Тверской губерніи работа эга производится ногами». Замѣтимъ, что это интересное явленіе, характеризующее истинно варварскій строй нашей промышленной жизни, далеко не есть мѣстная особенность Торжка; намъ извѣстно, что на тѣхъ-же кирпичныхъ заводахъ подъ Петербургомъ рабо-

таютъ женщины изъ Костромской губерніи, ежегодно являющіяся сюда въ началѣ лѣта. По словамъ г-жи Давыдовой, каждая работница на кирпичномъ заводѣ въ теченіи лѣта можетъ заработать до 60 р.; это, конечно, лучше грошеваго заработка, доставляемаго кружевнымъ и золотопвейнымъ промысломъ.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Саратовской губерніи.

Томъ I. Саратовскій уѣздъ. Изд. Саратов. губ. земства. Саратовъ, 1882.

Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные черниговскимъ статистическимъ отдѣленіемъ при губерн. земской управѣ. Томъ IX. Суражскій уѣздъ. Изд. Черн. губерн. земства. Черниговъ, 1882.

Народное образованіе и статистика, — двѣ области гдѣ никто не можетъ отрицать большихъ заслугъ земства. Самые строгіе и суровые судьи земства должны признать, что на этихъ двухъ поприщахъ дѣятельность его въ высокой степени замѣчательна; здѣсь оно явило блистательные и непрекаемые доводы въ пользу своей энергіи, способности, практической умѣлости. Сотни лѣтъ Россія оставалась страной совершенно неизвѣданной; смѣнилось безчисленное множество поколѣній администраторовъ, полномочныхъ, располагавшихъ неограниченными средствами для того, чтобы развѣдать хоть что нибудь объ управляемой странѣ, учреждены были по всей Россіи спеціальныя органы для изученія ея въ статистическомъ отношеніи, — и что изъ всего этого вышло, какова наша официальная, казенная статистика, — это слишкомъ хорошо извѣстно, чтобы надо было еще говорить объ этомъ. Съ другой стороны, едва-ли прошло и 10 лѣтъ, какъ наше земство серьезно занялось статистикой; стѣсненное всякими путями, съ самыми скудными средствами, приступило оно къ своей работѣ, а между тѣмъ въ настоящее время уже значительная часть Россіи обследована, и скоро мы будемъ имѣть полную хозяйственную статистику ея, образцовую, правдивую и неприхотливую, въ которой всесторонне отражается народная жизнь и которой — смѣло говоримъ это — можетъ позавидовать западная Европа. Чѣмъ именно отличаются земскія статистическія изданія — это тѣмъ живымъ духомъ, которымъ вѣетъ въ нихъ. Сквозь груды цифръ и сухихъ фактовъ въ нихъ всегда пробивается струя жизни, и дѣйствительность даетъ себя въ нихъ чувствовать въ самыхъ реальныхъ и ихъ формахъ. Живой человекъ, народъ не задавленъ въ этихъ

изданіяхъ горю цифровыхъ данныхъ, какъ это часто бываетъ, онъ, напротивъ, всегда на первомъ планѣ стоитъ передъ вами, освѣщенный не веселымъ, но правдивымъ свѣтомъ будничныхъ нуждъ, заботъ и скорбей. Кто желалъ-бы близко узнать подлинную, крестьянскую Россію, ея экономическую жизнь, прочность ея устоевъ въ настоящемъ и ея вѣроятную судьбу въ будущемъ, тотъ неизбежно долженъ обратиться къ земскимъ изданіямъ; безъ нихъ рѣшительно нельзя обойтись при изученіи Россіи. Они изобилуютъ подробнѣйшими данными, — единственно достоверными и всегда обработанными съ замѣчательной добросовѣстностью, съ большимъ смысломъ и съ знаніемъ народной жизни; нѣкоторыя изъ этихъ изданій, какъ напр. изданія московскаго и черниговскаго земствъ, суть въ полномъ смыслѣ слова шедевры статистики.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Саратовскому уѣзду, составленный гг. Личковымъ и Ахрамовичемъ, содержитъ огромную массу крайне любопытныхъ и цѣнныхъ данныхъ относительно личнаго и въ особенности крестьянскаго землевладѣнія. Прекрасно составлена глава объ общинномъ землевладѣніи; очень интересны также свѣдѣнія о крестьянскихъ арендахъ, какъ розничныхъ, такъ и общинныхъ. Половина сборника занята статистическими свѣдѣніями объ экономическомъ положеніи крестьянскихъ общинъ; это сырой статистическій матерьялъ, добытый подворной переписью и разработанный составителями лишь отчасти, такъ какъ, по ихъ объясненію, они не располагали для этого достаточнымъ временемъ, будучи заняты не только разработкой статистическихъ данныхъ, но и соображеніемъ ихъ вмѣстѣ съ другими лицами. Такого рода указанія на недостатокъ времени зачастую встрѣчаются въ объясненіяхъ земскихъ статистиковъ; это совершенно понятно, если имѣть въ виду крайнюю ограниченность земскихъ ресурсовъ, заставляющую довольствоваться весьма небольшимъ персоналомъ работниковъ, но тѣмъ большей, конечно, благодарности заслуживаютъ ихъ усилія. По истинѣ изумительные энергія, искусство и трудолюбіе, съ которыми выполнено въ теченіи менѣе чѣмъ одного года этотъ обширный трудъ, способный задать какой-нибудь казенной канцеляріи работы на добрый десятокъ лѣтъ, и притомъ работы, какъ и всегда, бесплодной, которая не имѣла бы и сотой доли достоинствъ настоящаго изданія. Мы думаемъ, что русское общество должно воздать признательностью и почетомъ всеѣмъ этимъ заботливымъ и честнымъ труженикамъ земства, благодаря которымъ впервые является возможность для всякаго узнать свое отечество и свой народъ. Кто ознакомится съ любымъ изъ этихъ изданій, хотя бы, напр., съ тѣми двумя сборниками, которые лежатъ передъ нами, согласится

что сюда положенъ составителями такой колоссальный трудъ, что оцѣнить его по достоинству рѣшительно не позволитъ земству ихъ скудный бюджетъ; вотъ почему мы думаемъ, что въ этомъ случаѣ общество обязано пополнить скромное матеріальное вознагражденіе нравственнымъ воздаяніемъ, приобщеніемъ всѣхъ этихъ пионеровъ отечествовѣдѣнія къ числу лучшихъ своихъ слугъ и полезнѣйшихъ дѣятелей нашей современности.

«Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій Суражскаго уѣзда», изданные черниговскимъ земствомъ и обработанные г. Червинскимъ совмѣстно съ гг. Семяновскимъ, Филимоновымъ и Шишакевичемъ, представляютъ также капитальный трудъ, исполненный съ замѣчательнымъ талантомъ. Здѣсь сгруппированы въ стройной системѣ свѣдѣнія о пространствѣ и населеніи о пашнѣ, сѣнокосахъ, лѣсахъ и пастбищахъ, и въ концѣ приложена «подворная опись», отличающаяся многими преимуществами передъ подворными описями, въ статистическихъ изданіяхъ другихъ земствъ. Между прочимъ, данныя этой подворной описи приводятъ къ заключенію, что у населенія суражскаго уѣзда не хватаетъ на продовольствіе своего хлѣба $1\frac{1}{2}$ милліона пудовъ ежегодно. Оказывается, что если бы даже вся крестьянская пашня засѣвалась только житою, чего въ дѣйствительности, конечно, не бываетъ, то и въ такомъ случаѣ ежегодный дефицитъ достигалъ бы до $\frac{1}{2}$ милліона пудовъ. Подворной описи предпосланъ чрезвычайно интересный очеркъ формъ крестьянскаго землевладѣнія и статья объ отхожихъ промыслахъ.

Полное собраніе сочиненій Виктора Гюго. Томъ I. Соборъ Парижской Богоматери. Переводъ Е. И. Коградіи. Изданіе В. В. Лепехина и Ф. Н. Плотникова. Спб. 1884.

Мысль издать полное собраніе сочиненій Виктора Гюго—безспорно счастливая мысль, внушенная гг. Лепехину и Плотникову какимъ-нибудь понимающимъ человѣкомъ. Чтобы тамъ ни говорили «на-натуралисты», а слава знаменитаго писателя нашего вѣка еще долго не померкнетъ, и произведенія его еще долго будутъ «волновать умы» и «зажигать сердца», именно благодаря тому, что въ нихъ художественная правда преобладаетъ надъ «документами», что онѣ, увлекая читателя въ міръ высшихъ идеаловъ, приподнимаютъ, если можно такъ выразиться, діапазонъ его души. А такой «подъемъ духа» особенно полезенъ намъ, забывшимъ, повидимому, объ идеалахъ, боящимся смѣлой мысли, потерявшимъ, такъ сказать, вкусъ къ жизни, если не считать

жизнью то состояніе, близкое къ зоологическому, въ которомъ мы благополучно пребываемъ.

Познакомить читателя съ настоящимъ Гюго, со всѣми особенностями его оригинальнаго и капризнаго слога, можетъ только даровитый переводчикъ. Вотъ почему нельзя не порадоваться, что издатели обратились къ г-жѣ Конради, литературная репутація которой достаточно гарантируетъ читателя. Не смотря на всѣ трудности перевода она вышла изъ нихъ побѣдительною, и знаменитый романъ въ русскомъ переводѣ дѣйствительно можетъ познакомить читателя съ настоящимъ Викторомъ Гюго... Если и послѣдующіе томы будутъ переведены съ тѣмъ же умѣніемъ и тою-же добросовѣстностію, то издатели, конечно, не останутся въ накладѣ.

ИЗЪ ДОМАШНЕЙ ХРОНИКИ.

Почему мы бѣдны и въ то-же время меньше всего думаемъ, чѣмъ поправить наши дѣла.—Какъ стары нападки на судъ присяжныхъ.—Исторія этихъ нападокъ.—Отъ чего зависитъ безпристрастіе приговоровъ.— Кто вноситъ разнорѣчіе—народъ или мы, образованные. — Спасность увлеченія въ сторону обвиненія.—Паника и особые суды.—Чѣмъ они грозятъ обществу.— Причины недовольства приговорами судовъ и чего хотятъ противники суда присяжныхъ.—Мѣры, предлагаемыя „Н. В.“ для оздоровленія суда.

Когда потребовалось объяснить причину нашего затишья— для чего потребовалось это, мы не знаемъ,—то одна изъ петербургскихъ газетъ объявила, что Россія хочетъ отдохнуть и отдыхаетъ. Какъ отнеслась Россія къ этому объясненію—неизвѣстно, потому что, по обыкновенію, она выслушала и промолчала. Между тѣмъ, едвали мы нуждались когда-нибудь менѣе въ умственномъ отдыхѣ, и едвали когда-нибудь Россія требовала болѣе настойчиваго разрѣшенія своихъ экономическихъ вопросовъ, чѣмъ нынче. Возьму одинъ случай—цѣну русскаго труда. Если мы предположимъ, что каждый русскій трудится въ день на одинъ рубль, то всѣ 100 милліоновъ русскихъ сработаютъ въ годъ на 36 миллиардовъ. Теперь предположите, что каждый производитель несетъ свой трудъ на базаръ, чтобы обмѣнять его на чужой трудъ. Пока обмѣнъ производится взаимно между одними русскими, всѣмъ кажется, что трудъ мѣняется на трудъ въ равныхъ доляхъ. Но вотъ на базары прѣзжаютъ иностранцы изъ-заграницы и иллюзія исчезаетъ. Исказывается, что за трудъ, который самому производителю стоитъ одинъ рубль, даютъ всего 60 к., и русскіе производители, продавшіе на базарѣ своего труда на 36 миллиардовъ, получили, въ замѣнъ его, чужого труда только на 21 миллиардъ, которые и увезли къ себѣ домой. Куда-же дѣлись остальные 15 миллиардовъ? Да никуда. Они частію попали въ карманы иностранцевъ, частію исчезли въ воздухѣ. И затѣмъ мы еще изумляемся, что годъ отъ году жизнь становится у насъ дороже и что какъ мы ни трудимся—ничего изъ этого не выходитъ. Да чему-же и выходитъ? Международная солидарность — не выдумка книжниковъ, она живой

фактъ живой жизни и отъ нея не спрячешься ни за какой китайской стѣной. При томъ недовѣріи, которое водворилось въ Европѣ къ намъ и при той неустранимой зависимости, которая связываетъ всѣ народы міра, мы теперь работаемъ преимущественно для иностранцевъ, а сами сидимъ дома за печкой, въ затрапезномъ платьѣ. Многія вещи мы вырабатываемъ ужь съ самаго начала не для себя. Такъ, напримѣръ, хотя-бы золото. Въ 1881 г. мы выработали его 2,244 пуда, и ни золотника его—если не считать того золота, которое ушло къ золотыхъ дѣль мастерамъ—не осталось у насъ дома. Въ 1879 г. было выдѣлано золотой монеты на 34 милл., въ 1880 г. на 31 милл., въ 1881 г. на 22 милл., всего только въ три года на 87 милл. И изъ всѣхъ этихъ 87 м., нѣшто изъ насъ не видѣлъ ни одного золотого, развѣ что въ овнахъ мѣняльныхъ лавокъ, потому что всѣ наши золотые ушли къ иностранцамъ.

Вопросъ о бѣдности всегда былъ самымъ болевымъ нашимъ вопросомъ, и для разрѣшенія его мы въ послѣднія 25 лѣтъ наговорили такъ много, а сдѣлали такъ мало, что годъ отъ году становились все бѣднѣе и бѣднѣе. И въ то-же время нѣтъ на свѣтѣ народа, который-бы работалъ больше нашего. Отчего-же мы точно созданы, чтобы быть всегда крѣпостными и работать на другихъ? Или Европа не довѣряетъ нашему труду, не вѣритъ въ наши неистощимыя естественныя богатства? Нѣтъ. Европа знаетъ и нашъ трудъ, знаетъ и наши богатства, но она знаетъ тоже, что у насъ нѣтъ ни порядка, ни хозяйства. Во всей Европѣ курсъ стоитъ *à pari* и только нашъ рубль цѣнится въ 60 к Финляндіи стоило только отдѣлиться отъ насъ таможенной чертой, чтобы финляндская марка превратилась у насъ въ 40 к., а нашъ четвертакъ упалъ въ Финляндіи до 15 к.! А между тѣмъ, Финляндія и до таможенной черты и послѣ таможенной черты была все тою-же Финляндіей, не стала она ни больше, ни умнѣе, ни прилежнѣе, ни изобрѣтательнѣе. Но за то въ Финляндіи есть стройность, есть порядокъ, есть извѣстная гармонія въ ея экономическихъ и общественныхъ отношеніяхъ.

Всю эту рѣчь о нашей бѣдности мы ведемъ въ виду того, что до сихъ поръ не усматривается никакого успѣха отъ мѣръ, принимаемыхъ для возвышенія нашего курса. Повидимому, однихъ этихъ мѣръ далеко недостаточно и нужно что-нибудь другое, болѣе вліяющее на общія условія русской жизни и упрочивающее успѣшность русскаго труда, чтобы возбудить довѣріе къ намъ Европы. Во всякомъ случаѣ, это самый важный нашъ вопросъ, отодвигающій всѣ остальные на второй планъ. Все остальное, чѣмъ занимается наша печать, есть не больше какъ затишье, которому совершенно на-

прасно придается значеніе какой-то новизны. Газетная печать, напримѣръ, муссировала въ послѣднее время вопросъ о судѣ и выдавала его за что-то новое. А между тѣмъ это такая старая исторія, что для разъясненія ея нужно отправиться въ «мракъ времени». Впрочемъ, не бойтесь, читатель,—этотъ мракъ времени не такъ далекъ отъ 1884 года.

Ни одна изъ реформъ императора Александра II не обошлась безъ сильнаго противодѣйствія. И у судебной реформы съ самаго начала явилась масса враговъ, которые сейчасъ-же и повели свой подкопъ. Не успѣли еще открыться суды повсемѣстно, какъ партія враждебная реформѣ стала собирать всѣ вздорные толки и пересуды о мнимыхъ или дѣйствительныхъ промахахъ новыхъ судовъ, чтобы уронить ихъ въ мнѣніи власти. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ г. Джаншіевъ, въ своей брошюрѣ о Д. Н. Замятинѣ. Вслѣдствіе небрежнаго управленія государственными имуществомъ, частныя лица захватывали земли и впослѣдствіи на судѣ выигрывали дѣло, а судей, точно примѣнявшихъ законъ—обвиняли въ томъ, что они причиняютъ ущербъ казнѣ. Ми, ровные судьи, вѣрные своему призванію, чинили судъ равный для всѣхъ, не мирволя дворянамъ, и это служило новымъ поводомъ для нареканій на новыя судебныя учрежденія. Напрасно самые благонадежные люди заявляли, что «недобросовѣстно хвататься за каждый промахъ новаго суда, къ тому-же иногда мнимый, и на этомъ основаніи произносить неблагопріятные приговоры о цѣломъ учрежденіи («Москов. Вѣд.» 1866 г. № 263). Вліятельными врагами судебной реформы всѣ подобныя факты старательно собирались, нанизывались другъ на друга, раздувались и выставлялись какъ доказательство вреднаго,—либеральнаго, революціоннаго («да, говоритъ г. Джаншіевъ, употреблено было именно это слово») направленія новыхъ судовъ. Отъ тогдашняго министра юстиціи, Д. Н. Замятина, требовали «мѣръ» противъ судей, исполнявшихъ свои обязанности, требовали даже отмены судейской несмѣняемости, но, конечно, Замятинъ на всѣ эти требованія отвѣчалъ отказомъ. Ровно черезъ годъ послѣ открытія судебныхъ учрежденій, въ апрѣлѣ 1867 г., Замятинъ былъ замѣщенъ сначала княземъ Урусовымъ, а потомъ графомъ Паленомъ. Въ 1878 г., въ государственный совѣтъ былъ внесенъ рядъ проектовъ, имѣвшихъ въ виду почти полное упраздненіе суда присяжныхъ, уничтоженіе независимости присяжной адвокатуры и проч. Противъ всѣхъ этихъ проектовъ въ государственномъ совѣтѣ возсталъ съ особенной энергіей Замятинъ, и изъ нихъ былъ принятъ только одинъ о частичномъ измѣненіи подсудности суду присяжныхъ. Такимъ образомъ, оказывается, что всѣ теперешнія нападки на судъ присяжныхъ не больше какъ продолженіе кам-

паніи, открытой еще пятнадцать лѣтъ назадъ, и даже упраздненіе присяжныхъ далеко мысль не новая. Новаго въ теперешнемъ преслѣдованіи суда только одно: при введеніи новыхъ судовъ «Московскія Вѣдомости» были самыми яркими ихъ защитниками, а теперь они съ такою-же запальчивостію на нихъ нападаютъ, съ какою тогда защищали.

Поводомъ къ обвиненію суда присяжныхъ служили весьма многіе изъ его оправдательныхъ приговоровъ. Но вопросъ этотъ такой-же спорный, какъ спорны вообще всѣ приговоры и всѣ человѣческія мнѣнія. Недавно, напримѣръ, какъ, конечно, еще помнить читатель, была оправдана цѣлая ватага цыганыхъ булаковъ и мироѣдовъ, избившихъ до смерти изобличавшую ихъ дѣвушку. Дѣло возмутительное, оправданіе, повидимому, объяснимое только тѣмъ, что присяжными были по преимуществу крестьяне (если это только такъ). И что-же? «Гражданинъ» находитъ это оправданіе вполнѣ естественнымъ и обвиняетъ убитую: «Почему она лѣзла къ пьянымъ? Могло быть такъ, что пьяные, которымъ надоѣла навязчивая женщина съ своимъ нытьемъ и изобличеніями, начали ее гнать вонъ и бить, спяну пересолили и сами потомъ испугались».

Предположите, что князь Мещерскій былъ бы старшиной присяжныхъ, не этого, склоннаго къ оправданію, а иного состава. Кто можетъ ручаться, что онъ-бы не увлекъ присяжныхъ и не довелъ-бы такой-же приговоръ, какъ теперешній?

Всякій приговоръ суда однимъ будетъ казаться слишкомъ слабымъ, другимъ слишкомъ строгимъ, потому что у каждой человеческой души свои собственные вѣсы правосудія. Дѣла объ убійствѣ возбуждаютъ особенно негодующее чувство, а иногда и скверное, кровожадное чувство мести. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, напримѣръ, недавно нѣкто Каролинскій убилъ почти цѣлую семью Крутикова. Въ первый моментъ это преступленіе дотого взволновало Нижній, что заговорили даже о преданіи Каролинскаго военному суду. Военный судъ, въ особенности полевой,—судъ страшный и приговоръ его коротокъ. Но что-же въ преступленіи Каролинскаго такого особеннаго, чтобы для него потребовалось примѣненіе особаго суда? Оно требуетъ скорѣе не военнаго суда, а психіатрическаго изслѣдованія. Я не скажу, чтобы подобныя, въ нѣкоторомъ родѣ массовыя убійства были у насъ обыкновенны, но въ то же время они у насъ вовсе и не такъ рѣдки. Припомните недавнее дѣло объ убійствѣ въ Ставрополѣ - Кавказскомъ купца Миронова жившимъ у него дворникомъ. Дворникъ вызвалъ Миронова подъ какимъ-то предлогомъ въ конюшню—и убилъ его. Потомъ вызвалъ жену Миронова—и покончилъ съ нею; затѣмъ

пошелъ въ домъ и перебилъ всѣхъ дѣтей Миронова. Невозмутимое, какое-то тупое, деревянное спокойствіе, съ какимъ свершаются у насъ подъ-часъ преступленія, тоже не особенная рѣдкость. Вотъ, на примѣръ, солдатъ Софроновъ убиваетъ солдата Легезу. Почему-же потребовалось убійство, когда Софронову нужны были собственно жалкіе 14 р., обладателемъ которыхъ былъ Легеза и изъ-за которыхъ и случился весь грѣхъ? Изумительна иногда бываетъ логика убійства. Задумавъ украсть деньги Легезы, Софроновъ боялся, что Легеза его поймаетъ, и, чтобы скрыть кражу, онъ ночью встаетъ, зажигаетъ спичку, «чтобы разсмотрѣть хорошенько куда бить», и ударомъ топоромъ по головѣ убиваетъ Легезу. Послѣ убійства Софроновъ переодѣлся, досталъ изъ подъ подушки убитаго кошелекъ съ 14-ю рублями, нанялъ извозчика и поѣхалъ по публичнымъ домамъ, гдѣ пилъ водку. а спустя нѣсколько часовъ онъ былъ задержанъ въ кабацѣ и тутъ-же во всемъ повинился. Все это было сдѣлано съ необыкновеннымъ самообладаніемъ и въ то-же время необыкновенно глупо. Глупо потому, что къ убійству прибѣгаютъ обыкновенно, какъ къ надежному средству скрыть воровство или грабежъ. Но не думайте, однако, чтобы въ этомъ не было «идейнаго», «принципальнаго» основанія. Конечно, и «принципъ» глупъ, но онъ есть и чуть-ли онъ не былъ возведенъ въ нѣчто сознательное знаменитымъ Кореневымъ, создавшимъ цѣлый разбойничій кодексъ. Между его правилами, теперь уже ставшими преданіемъ, но пользующимися уваженіемъ сибирскихъ каторжниковъ, есть, между прочимъ, и правило такое: «ограбилъ-ли кого—убей его, какъ-бы онъ ни просилъ пощады». Это правило соотвѣтствуетъ сибирскимъ обстоятельствамъ и объясняется сибирскимъ просторомъ, въ тайгахъ и пустыняхъ котораго не такъ-то легко найти виновнаго, а тѣмъ болѣе, когда отъ убитаго не узнаешь его имени. Конечно, для уголовного опыта Софронова не доставало тѣхъ «сибирскихъ» моментовъ, которыми пользовался Кореневъ для своихъ выводовъ, а потому заключеніе Софронова оказалось «глупымъ». Но будетъ-ли заключеніе глупо или умно—любопытно во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ именно ихъ «умственное» содержаніе, то самое содержаніе, которое въ присяжныхъ, выслушивающихъ всѣ подробности свидѣтельскихъ показаній, обвиненія и защиты, возбуждаетъ цѣлую массу очень сложныхъ и запутанныхъ ощущеній и умственныхъ представленій, иногда сильно затрудняющихъ вполне объективный выводъ. Поэтому-то гарантія безпристрастнаго судебного приговора заключается въ томъ, чтобы запутанныя ощущенія и разнообразныя душевныя движенія пришли-бы въ равновѣсіе и присяжное «да» или «нѣтъ» было-бы результатомъ этого равновѣсія. Поэтому-же всякій

обвинительный, «жестокій» приговоръ большею частію вызываетъ сомнѣніе въ безпристрастїи и порождаетъ неудовлетвореніе; неудовлетвореніе, въ особенности при строгомъ приговорѣ, является и въ такомъ случаѣ; если неясны всѣ умственные мотивы преступления. Увлечение въ сторону обвиненія очень опасная вещь; на судѣ оно ведетъ къ несправедливому приговору, а если оно овладѣваетъ обществомъ до суда, какъ это случилось нынче съ Нижнимъ Новгородомъ, пожелавшимъ, чтобы Каролинскій былъ преданъ военному суду, то послѣдствія этого еще опаснѣе. Правосудіе — всегда правосудіе, и судъ для него одинъ, какъ и одна правда на свѣтѣ. Исключительный судъ существуетъ не потому, чтобы правосудіе его было чище и выше правосудія обыкновенныхъ гражданскихъ судовъ, а потому, что при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ видятъ еще до сихъ поръ невозможность обойтись безъ особеннаго суда, какъ, напримѣръ, на войнѣ — полевой судъ. Но представьте, что полевой судъ существуетъ въ мирное время рядомъ съ обыкновеннымъ судомъ и преданіе ему зависитъ отъ тѣхъ или другихъ общественныхъ теченій и личныхъ заключеній. Какая возможна будетъ гражданская безопасность, когда никто не увѣренъ, какому суду онъ подлежитъ, и какимъ-же явится уголовное правосудіе, если одна и та-же вина, судимая, положимъ, полевымъ судомъ, будетъ подлежать смертной казни, а судимая общимъ судомъ — заключенію въ тюрьмѣ или срочной ваторжной работѣ! Понятно поэтому, насколько исключительные или особенные суды являются именно исключеніемъ и какъ мало заключаютъ въ себѣ гарантій для того обыденнаго и спокойнаго безпристрастїа, которое требуется для обыденной, спокойной жизни. Для самого общества очень важна увѣренность, что особенный судъ не можетъ являться у него съ внезапной и, такъ сказать, «легкой» быстротой подъ влияніемъ проходящихъ настроеній, и понятно поэтому, насколько само общественное мнѣніе должно быть сдержанно и осторожно. Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, чтобы какъ только преступленіе выходитъ изъ ряда обычныхъ, или подъ влияніемъ временной паники, общество сейчасъ требовало военного или полевого суда, какъ это заявилъ нынче Нижний-Новгородъ. Гдѣ-же и когда, наконецъ, придется остановиться, какимъ размѣромъ паники опредѣлять право на подобное требованіе? Преступленіе Каролинскаго, поразивши Нижній, можетъ быть въ Бузулугѣ или Никольскѣ было-бы и еще поразительнѣе, а въ Петербургѣ или Москвѣ оказалось-бы вовсе не поразительнымъ. Нельзя-же судебную правду поставить въ зависимость отъ размѣра поразительности того или другого преступления. Общество, стремящееся къ гражданской зрѣлости, должно-же это понимать и прежде всего отказаться отъ

подобнаго легкомысленнаго заявленія своихъ паническихъ впечатлѣній, опасныхъ и для его собственной гражданственности. Да и что такое общество? Въ настоящемъ случаѣ паническое чувство явилось, конечно, у лицъ ближе стоящихъ къ потерпѣвшему г. Крутикову. Но дальнѣйшій слой, т. е. все остальное населеніе Нижняго, едва ли оказался подъ впечатлѣніемъ паники. И вотъ тутъ-то мы подходимъ къ очень важному юридическому моменту, заключающему не мало поводовъ къ обвиненію нашихъ судовъ.

Присяжные, конечно, — выраженіе общественной совѣсти, но вѣдь они-же выражаютъ собою и общественное мнѣніе, вліяющее на совѣсть. «Совѣсть» не есть нѣчто отрѣшенное отъ дѣйствительности, свободное и объективное, какъ природа. Совѣсть и идеаль тѣсно связаны другъ съ другомъ, и насколько могутъ быть различны идеалы, настолько же будутъ различны и совѣсти. Напримѣръ, князь Мещерскій, имѣющій очень опредѣленный общественный идеаль и придерживающійся точныхъ общественныхъ принциповъ, вполне *принципально* усмотрѣлъ въ убійствѣ Обернихиной очень простую вещь, вызывающую непремѣнное оправданіе, потому что въ дѣлѣ съ одной стороны—представительница деревенской бѣдности, а съ другой—представители капитала и начальство, что обязательно и поясняетъ князь Мещерскій. «Нов. Вр.», изъ котораго взята эта выписка, прибавляетъ: «Можно-же дойти до такого дикаго умопомраченія». Въ сущности это не умопомраченіе, а именно тотъ самый «юридическій моментъ» который играетъ очень важную роль въ приговорѣ всѣхъ присяжныхъ въ мірѣ и который у насъ, по нѣкоторымъ нашимъ особенностямъ, играетъ болѣе важную роль, чѣмъ въ Европѣ, и послужилъ однимъ изъ мотивовъ для рѣзкихъ нападокъ на судъ присяжныхъ. Есть на свѣтѣ преступленія, на которыя все цивилизованное человѣчество смотритъ одинаково; но есть другія преступленія, оцѣнка которыхъ далеко не одинакова. У насъ оцѣнка многихъ преступленій, смотря по тому, дѣлается-ли она «образованными» или «народомъ», бываетъ различна, не только количественно, но даже качественно. Для примѣра, я укажу только на два рода преступленій, если неособенно частыхъ, то и неособенно рѣдкихъ и принадлежащихъ къ нашимъ специальнымъ русскимъ грѣхамъ. Это преступленія противусемейственныя и преступленія противъ вѣры. Вотъ мѣщанка Екатерина Никитина жалуется на мужа за жестокое обращеніе. Жестокое обращеніе заключалось въ томъ, что Никитинъ запиралъ свою жену и разъ продержалъ ее подъ замкомъ четверо сутокъ; кромѣ того онъ билъ ее, и иногда по нѣсколько разъ въ день, по голому тѣлу, супонью отъ хомута. Какъ говоритъ корреспондентъ, рѣчь частнаго обвинителя

произвела «сильное впечатлѣніе», и Никитинъ приговоренъ къ заключенію въ смирительномъ домѣ на четыре мѣсяца. На дѣла подобнаго рода народъ смотритъ гораздо снисходительнѣе, руководствуясь и до сихъ поръ «Домостроемъ», и, конечно, нужна очень сильная рѣчь адвоката, производящая потрясающее впечатлѣніе, чтобы присяжные изъ крестьянъ, а въ особенности изъ старомодныхъ купцовъ, признали-бы мужа не въ «своемъ правѣ». Точно также и дѣла между родителями и дѣтьми присяжными изъ «образованныхъ»; разрѣшаются иначе, чѣмъ присяжными изъ крестьянъ. Но предложить присяжнымъ изъ крестьянъ такія дѣла, какъ Свиридова,—они оправдаютъ Свиридова и обвинятъ за отступление отъ вѣры, какъ это было въ одномъ казанскомъ процессѣ надъ крещеными татарами, перешедшими изъ православія въ магометанство. Эта разница въ приговорахъ «образованныхъ» и «простыхъ» зависитъ не только отъ разницы міровоззрѣнія, иногда освящаемой закономъ, на примѣръ, въ дѣлахъ семейственныхъ и религіозныхъ, въ которыхъ воззрѣнія народа ближе къ закону, но и тѣми перемѣнами въ понятіяхъ «образованныхъ», которыя появились послѣ освобожденія крестьянъ. Еще вопросъ, кто вносить разнорѣчіе въ приговоры суда—мы-ли образованные, или народъ,—и у кого встрѣчаются чаще непримиримыя крайности понятій.

Благодаря тому, что у насъ нѣтъ ни одного органа печати, который-бы говорилъ прямо то, что онъ думаетъ, и не приходилось бы читать у него между строками, исключенія изъ чего не дѣлаютъ «Русь» и даже «Московскія Вѣдомости», вопросъ о дѣйствительныхъ причинахъ недовольства приговорами судовъ не поставленъ вполне откровенно и прямо. Какими приговорами недовольны тѣ, кто протестуетъ противъ несмѣняемости судей и противъ присяжныхъ: приговорами-ли крестьянъ или приговорами «образованныхъ»? Если они недовольны приговорами крестьянъ и тѣмъ что между присяжными не преобладаютъ «образованные», то почему-же это такъ случилось? Известно, что законъ оставилъ выборы въ присяжные засѣдатели такими условіями, при которыхъ должны-бы преобладать «образованные». Въ общіе списки для избранія присяжныхъ вносятся почетные мировые судьи, всѣ состоящіе на государственной гражданской службѣ, по опредѣленію отъ правительства, въ должностяхъ 5 и ниже классовъ; всѣ состоящіе на мѣстной службѣ по выборамъ дворянскихъ и городскихъ обществъ, кромѣ городскихъ головъ; крестьяне, избранные въ очередные судьи волостныхъ судовъ или въ добросовѣстные волостныхъ и сельскихъ расправъ и равныхъ съ ними сельскихъ судовъ, а также занимавшіе. безусловно, не менѣе 3-хъ лѣтъ,

должности волостныхъ старшинъ, головъ, сельскихъ старшинъ или другія соотвѣтствующія имъ должности въ общественномъ управленіи сельскихъ обывателей разныхъ наименованій, или бывшіе церковными старостами; всѣ прочія лица, владѣющія землею, въ количествѣ не менѣе 100 десятинъ, или другимъ недвижимымъ имуществомъ, цѣною въ столицахъ не менѣе 2,000 р., въ губернскихъ городахъ и градоначальствахъ не менѣе 1,000 р., а въ прочихъ мѣстахъ не менѣе 500 р., или же получающіе жалованье или доходъ отъ своего капитала, занятія, ремесла или промысла— въ столицахъ не менѣе 1,000 р., а въ прочихъ мѣстахъ не менѣе 500 руб. въ годъ.

Составленные на этихъ основаніяхъ общіе списки строго разсматриваются особыми комиссіями подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства и при участіи одного изъ мировыхъ судей уѣзднаго города. Выборъ лицъ изъ общаго списка комиссія производитъ по своему усмотрѣнію и по внимательномъ обсужденіи, въ какой мѣрѣ каждое лицо удовлетворяетъ условіямъ, опредѣленнымъ закономъ, и насколько оно способно, по своимъ нравственнымъ качествамъ и другимъ причинамъ, извѣстнымъ комиссіи, къ исполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя.

Въ очередные списки, которые составляются комиссіями изъ общихъ списковъ, вносятся: по Петербургу и Москвѣ съ ихъ уѣздами—1,200 лицъ; по уѣздамъ, въ которыхъ болѣе 100,000 жителей—400 лицъ; по уѣздамъ, въ которыхъ менѣе 100,000 жителей—200 лицъ.

Уже, кажется, этими правилами добропорядочность присяжныхъ гарантирована настолько, что никакой худородный въ присяжные попасть не можетъ. Затѣмъ изъ «лучшихъ», попавшихъ въ списки, дѣлается строгій выборъ, благонадежность котораго опять гарантируется самимъ званіемъ предсѣдателя выборной комиссіи; а наконецъ и числомъ присяжныхъ. Если изъ 100,000 выбирается только 400 или, какъ въ Петербургѣ, изъ 800,000 жителей лишь 1,200 присяжныхъ, то есть основаніе думать, что въ списки попадутъ что ни на есть лучшія сливки населенія. Если же добропорядочность присяжныхъ вполнѣ гарантирована, то какъ же могло случиться, что въ нихъ не всегда преобладали сливки? «Кіевлянинъ» объясняетъ это такъ: «Первое увлеченіе судебною реформою испарилось, новинка перестала занимать свою новизною, мода на «новые» суды проходила съ такою-же быстротою, съ какою возникла... Проводить цѣлые дни въ сѣздѣ почетнымъ мировымъ судьямъ начало дѣлаться скучнымъ, являться по дѣлу свидѣтелями въ судъ—для многихъ затруднительнымъ, исполнять обязанности присяжнаго засѣдателя—крайне тяжело. Свидѣтели

изъ болѣе интеллигентныхъ классовъ не являлись сплошь и рядомъ; на очередныхъ присяжныхъ изъ богатыхъ купцовъ и дворянъ вдругъ напало цѣлое повѣтріе самыхъ разнообразныхъ болѣзней, богатые землевладѣльцы подвергались внезапнымъ несчастнымъ случаямъ по хозяйству, чиновники проникались исключительнымъ рвеніемъ къ исполненію особыхъ порученій начальства, и вмѣсто всѣхъ ихъ на судѣ являлись только свидѣтельства о болѣзни, просьбы, ходатайства и заявленія различныхъ начальниковъ. Одни крестьяне и мѣщане аккуратно несли тяжелую для нихъ, болѣе чѣмъ для кого-нибудь, повинность присяжнаго засѣдателя»...

Но если-бы объясненіе «Кіевлянина» и подтверждалось нѣкоторыми фактами, его едва-ли можно принять безъ поправки. Закономъ для выбора присяжныхъ установлены такія условія, что *вообще* преобладаніе между присяжными крестьянскаго элемента невозможно, кромѣ таковыхъ, конечно, мѣстностей, гдѣ, по сословному составу населенія, выбирать кромѣ ихъ больше некого. Но и тутъ едва-ли предвидится опасность «неблагонадежнаго» состава, ибо выборы обставлены такими условіями, что изъ крестьянъ могутъ попасть или только богатые, или состоящіе въ должности старшинъ, головъ и т. п. Едва-ли засѣдатели изъ подобныхъ крестьянъ могутъ вносить смуту въ приговоры судовъ, тѣмъ болѣе, что и поводы къ протестамъ противъ судей и судовъ подавали не приговоры крестьянъ-присяжныхъ. Смута въ умахъ происходитъ не въ народѣ, а въ «образованныхъ», оправдательные приговоры въ дѣлахъ, подобныхъ свиридовскому и другихъ, давшихъ поводъ консервативной печати обвинить суды присяжныхъ въ «неблагонадежности», были дѣломъ «образованныхъ». Въ свиридовскомъ оправданіи обвиняли не крестьянъ, а старшину присяжныхъ—профессора университета. Вопросъ, устанавливающійся такимъ образомъ, становится уже много труднѣе и запутаннѣе. Если-бы причина заключалась только въ преобладаніи между присяжными крестьянъ, то исключеніемъ ихъ изъ списковъ,—что, конечно, для комиссій, состоящихъ подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства, было-бы не трудно,—весь вопросъ разрѣшался-бы просто. Но когда оказывается, что судебное разнорѣчіе создается самой интеллигенціей, т. е. той самой частью общества, которой предоставлено почти исключительное право участія въ судѣ,—вопроса ужъ не разрѣшите одной сословной его постановкой. Какія-же тутъ могутъ быть созданы гарантіи для однообразнаго воззрѣнія на проступки и преступленія и въ особенности на причины ихъ, когда не существуетъ ни средствъ, ни возможностей не только для нивелировки общественныхъ понятій, но и

для возможности опредѣленія понятій отдѣльныхъ лицъ. Восьмисоттысячное населеніе Петербурга должно, на примѣръ, дать 1,200 присяжныхъ. Какая есть возможность у комиссіи и ея предсѣдателя знать, какъ смотреть на общественные вопросы каждый изъ этихъ 1,200 человекъ? Очевидно, что комиссія, имѣющая право veto, становится для такихъ большихъ городовъ, какъ Петербургъ и Москва, не больше какъ моральной гарантіей, а вовсе не дѣйствительной. Поэтому же обвинять предводителей дворянства, комиссіи и даже все русское общество, какъ это дѣлаетъ «Новое Время», ставящее вопросъ на моральную почву, едва ли правильно. «На комъ вина, спрашиваетъ «На В.», что такъ безобразно и уродливо составляются списки?—На предводителѣ дворянства». «Уничтожьте хотя-бы одну эту причину дурного состава нашихъ присяжныхъ, говоритъ дальше газета,—относитесь къ вашей обязанности добросовѣстно, и тогда дѣло перемѣнится къ лучшему, и тогда, можетъ быть, совѣстно станетъ говорить о присяжныхъ, что они «набираются съ борку да съ сосенки». Трудно, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобъ населеніе любого уѣзда не могло выставить для сессіи съ присяжными какихъ-нибудь двухсотъ человекъ, разумныхъ представителей общественной совѣсти. Оздоровленіе общественное предполагаетъ необходимое условіе, чтобъ каждый честно и добросовѣстно исполнялъ свои обязанности. Пусть же наши предводители дворянства, предсѣдательствующіе въ комиссіяхъ, которымъ вѣрено составленіе списковъ присяжныхъ, посмотрятъ на порученіе, на нихъ возложенное, честно и серьезно. Исполняя долгъ свой, какъ вѣрные слуги общества, они, конечно, больше, чѣмъ кто нибудь, могутъ помочь выходу смущенныхъ умовъ изъ той путаницы понятій, въ какой они приведены настоящими неблагоприятными толками о судѣ присяжныхъ».

Все это только фразы, какъ и многое другое, что говорило по поводу суда «Новое Время». Въ сущности, ни общественная совѣсть, ни новые суды ни въ чемъ еще не провинились передъ обществомъ. Обвиненіе имъ дѣлается исключительно тенденціозное, и если по задачамъ этой тенденціи суды должны быть виноваты, то будь они свѣтлѣ солнца, они все-таки будутъ обвинены. Гарантію порядочности присяжныхъ обезпечиваютъ не комиссіи и предводители дворянства, которые часто и совсѣмъ не знаютъ лицъ, включенныхъ въ списки, а первый выборъ этихъ лицъ. Но и этотъ первый выборъ тоже не можетъ представлять гарантіи одинаковости юридическаго, бытоваго и общественнаго міровоззрѣнія присяжныхъ. Пока существуютъ люди, будущъ и разныя воззрѣнія не только на преступность того или другого дѣйствія

человѣческаго, но и на разную его наказуемость. Вѣдь нельзя-же на всѣхъ людей надѣть одну голову. Гарантію однородности рѣшеній представляютъ больше всего коронные суды, которые судятъ по буквѣ закона, а не по нравственному убѣжденію, какъ суды присяжныхъ. Понятно поэтому, что противники суда присяжныхъ, которымъ, т. е. противникамъ, очень хорошо извѣстно, что на всѣхъ присяжныхъ нельзя надѣть одной головы и что пока въ судѣ будутъ принимать участіе представители общества, рѣшенія судовъ будутъ болѣе или менѣе несогласны съ извѣстными желаніями, видятъ одно средство для приданія судамъ единства рѣшеній—въ уничтоженіи самого института присяжныхъ и въ превращеніи судовъ въ коронныя учрежденія. Какъ это ни послѣдовательно въ смыслѣ однообразія приговоровъ и даже возможности государственнаго руководительства судами, но въ этой послѣдовательности есть одно очень важное неудобство, имѣющее тоже вполне государственно-общественное значеніе.

Если-бы задача всякаго суда заключалась только въ произнесеніи приговоровъ, то, во-первыхъ, задача эта была-бы очень проста и не шла-бы дальше карательныхъ цѣлей, а, во-вторыхъ, судъ утратилъ-бы всякое общественно-бытовое значеніе. Судъ не только судитъ, но онъ и воспитываетъ; онъ устанавливаетъ единство понятій, онъ развиваетъ и укрѣпляетъ чувство законности онъ умягчаетъ нравы и наконецъ, только путемъ суда умягченныя возрѣнія получаютъ санкцію закона, который и самъ этимъ путемъ становится мягче. Старый примѣръ, что когда въ Англии за кражу выше шиллинга полагалась смертная казнь и когда общественное мнѣніе отвернулось отъ такого драконовскаго закона, а присяжные всякую кражу стали оцѣнять ниже шиллинга, то, наконецъ, измѣнился и законъ. Начиная оправдывать извѣстныя преступленія, которыя въ общественномъ мнѣніи перестали считаться преступными или вызываютъ менѣе строгое къ нимъ отношеніе, судъ присяжныхъ выводитъ изъ употребленія тотъ или другой законъ и является непосредственной связью, соединяющей жизнь съ законодательной властью. Въ этомъ смыслѣ судъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ органовъ, ибо служить наиболѣе полнымъ, безпристрастнымъ и нагляднымъ проводникомъ общественныхъ понятій, а вмѣстѣ съ ними требованій и желаній общества. Въ Сѣверо-Американскомъ союзѣ судъ играетъ еще и болѣе высокую, государственно-политическую роль, но въ европейскихъ государствахъ, не исключая даже Франціи, такого широкаго значенія судебная власть еще не получила и этого вопроса мы касаться не будемъ. Въ очереди нашихъ вопросовъ, и особенно въ виду нападокъ на суды присяжныхъ, намъ приходится говорить

ужь не о судебныхъ высотахъ, а лишь отстоять или защитить немножко то небольшое, что имѣемъ. Наибольшее, чѣго можетъ лишиться общество съ утратой суда присяжныхъ, заключается не въ томъ, что исчезнетъ гарантія безпристрастія или уменьшится судебная справедливость,—этого можетъ, пожалуй, и не случиться; самое главное въ томъ, что судъ перестанетъ быть живою силою. такъ сказать, пульсомъ общества и превратится въ изолированную силу, стоящую совершенно особнякомъ, станетъ формальнымъ, холоднымъ, официальнымъ учрежденіемъ и общество почувствуетъ еще большую изолированность и отчужденность, чѣмъ теперь. Теперь, плохо или хорошо, оно все-таки болѣе или менѣе имѣетъ возможность заявить себя какъ нѣчто живое и активное, тогда же оно станетъ какимъ-то отрѣзаннымъ ломтемъ.

«Новое Время», взявшея за защиту суда присяжныхъ, апеллируетъ къ общественному мнѣнію. Предлагаю читателю довольно длинную выписку изъ передовой статьи газеты (№ 2861), потому что въ статьѣ этой не столько важны приведенныя руководящія указанія, сколько способъ ихъ аргументаціи. «У насъ вошло въ привычку, говорить «Новое время»,—чуть гдѣ нибудь замѣтили недостатокъ, сейчасъ взываемъ къ правительству, даже не давая себѣ труда подумать, не можемъ-ли мы сами такъ или иначе исправить замѣченный недостатокъ. Въ настоящее время это особенно бросается въ глаза по поводу неудовлетворительныхъ приговоровъ суда присяжныхъ. Ежедневно по этому предмету въ разныхъ изданіяхъ можно найти разсужденія, въ которыхъ намѣчаются для правительства задачи въ отношеніи суда присяжныхъ. Но мы почти не встрѣтили указаній, что могло-бы сдѣлать само общество въ этомъ отношеніи, а когда «Новое Время» рѣшилось высказаться о необходимости дѣятельнаго общественнаго контроля за судомъ присяжныхъ, на него съ разныхъ сторонъ посыпались нападки, даже бравы и глумленія. Между тѣмъ, по нашему глубокому убѣжденію, всего больше въ смыслѣ улучшенія суда присяжныхъ могъ-бы сдѣлать именно строгій общественный контроль и не столько въ формѣ критики приговоровъ и нѣкотораго нравственнаго воздѣйствія на присяжныхъ, принявшихъ на свою совѣсть несправедливый приговоръ, — хотя и это важно, — сколько предварительный контроль, который даже обязателенъ для общества въ силу закона и въ предположеніи котораго законодатель не считъ нужнымъ формально ограничивать контингентъ лицъ, способныхъ нести обязанности присяжнаго засѣдателя».

Затѣмъ газета указываетъ на установленныя закономъ правила для выбора присяжныхъ и на необходимость строгаго и добросовѣстнаго ихъ исполненія. Эти правила читателю извѣстны. Пере-

числивъ правила, «Н. В.» заключаетъ свою статью такъ: «Вотъ какія важныя средства въ рукахъ самого общества для исправленія и улучшенія института присяжныхъ. Воспользуемся-же сперва этими средствами, прежде чѣмъ взывать къ правительству объ упраздненіи или замѣнѣ суда присяжныхъ. Будемъ просить, будемъ требовать отъ лицъ, которыхъ мы уполномочиваемъ производить выборы присяжныхъ, чтобы это дѣло не писаря дѣлали, а чтобы сами они со всевозможнымъ вниманіемъ и осмотрительностью составляли списки очередныхъ присяжныхъ. Вѣдь и предводители дворянства, и мировые судьи, и члены земскихъ и городскихъ управъ, участвующіе въ комиссіяхъ по составленію списковъ присяжныхъ, — всѣ они зависятъ отъ общества, всѣ они дѣйствуютъ по уполномочию общества, всѣ они обязаны уважать справедливыя желанія и требованія своихъ избирателей. И не можетъ быть, нельзя допустить, этой нелѣпой мысли, чтобы они нарочно или сознательно хотѣли портить институтъ присяжныхъ. Тутъ просто небрежность, такъ свойственная нашимъ нравамъ. Но отъ этой небрежности и наша безпомощность. Мы взываемъ къ правительству, а сами и не думаемъ свято выполнить то, что возложилъ на насъ законъ. Вдумайтесь въ это положеніе: на кого мы похожи? Намъ говорятъ: дѣлайте вотъ такъ, и благо вамъ будетъ. Мы дѣлаемъ совсѣмъ наоборотъ и плачемся, что выходитъ дурно, и молимъ, чтобы насъ избавили отъ этого дурного. Но вѣдь это все равно молить, чтобы насъ избавили отъ насъ самихъ! Мы навязываемъ правительству роль няньки въ отношеніи насъ. Но каково-же правительству брать на себя эту роль, имѣя тысячи другихъ важныхъ задачъ, гдѣ оно по необходимости должно опираться только на себя? Нѣтъ господа: пора намъ взяться за умъ! Пора устыдиться дѣтства и дѣтскихъ желаній! Пора возмужать и смотрѣть на себя, какъ на взрослыхъ!»

Защита «Н. В.», очень похожа на обвиненіе. Во-первыхъ, не ясно, кого «Н. В.» подразумѣваетъ подъ мѣстоименіями «мы», «насъ», «намъ». У кого вошло въ привычку взывать къ правительству и кто по поводу судовъ взываетъ? Подъ этими «мы» и «насъ» «Н. В.» конечно, не подразумѣваетъ ни себя, ни своихъ читателей, которые едва-ли заявляли желаніе о закрытіи суда присяжныхъ и просили объ этомъ правительство или, если и не дѣлали этого, то просили объ исправленіи суда присяжныхъ. Слѣдовательно, это дѣлаетъ кто-то другой, и потому «мы» и «насъ» должны быть превращены въ «вы» и «они». Но этихъ «вы» и «они», если перебрать всѣ газеты и по числу газетъ судить о противникахъ суда, едва-ли тоже окажется настолько много, чтобы можно было сазать «все общество». Поэтому и «все общество»

можно оставить въ покоѣ и ужь, во всякомъ случаѣ, не обвинять его въ томъ, что оно плачется надъ судомъ присяжныхъ и не знаетъ, что съ нимъ подѣлать, чтобы онъ былъ лучше.

Обобщая необобщаемое, газета замѣчаетъ, что беспомощность общества «особенно бросается въ глаза въ настоящее время по поводу неудовлетворительныхъ приговоровъ суда присяжныхъ». Въ этихъ словахъ все невѣрно, потому что все слишкомъ обще. О всемъ обществѣ уже потому нельзя говорить, что «Н. В.» имѣетъ въ виду только нѣкоторыя газеты. Другія-же, напр., «Русь», «Русскія Вѣдомости», «Новости», «Рус. Кур.» и еще нѣкоторыя, изображающія собою тоже общественное мнѣніе, вовсе не волновались отъ «неудовлетворительныхъ приговоровъ суда присяжныхъ», а напротивъ, явились его защитниками, и само «Н. В.» цитировало статью «Руси», написанную по поводу выраженія, употребленнаго въ одномъ дворянскомъ адресѣ «о пресѣченіи неправосудія». Сдѣлавъ изъ статьи очень большія выписки, «Н. В.» отъ себя прибавляетъ: «Приведемъ еще частную справку о количествѣ судебныхъ приговоровъ, постановленныхъ судомъ. Изъ послѣдняго отчета министерства юстиціи (за 1878 г.) оказывается, что въ 1878 г. всѣхъ приговоровъ въ окружныхъ судахъ состоялось 25,410, въ томъ числѣ съ участіемъ присяжныхъ—19,361. И изъ такой-то массы судебныхъ приговоровъ находятся единичные случаи, считаемые много десятками, гдѣ рождается сомнѣніе о правильности ихъ».

Затѣмъ «Н. В.» приводитъ слѣдующія слова «Руси» по поводу этой статистики: «Изъ всѣхъ этихъ десятковъ тысячъ приговоровъ—ни одинъ не запятнанъ корыстью... Сладкая, богатая увѣренность! Россія-ли отплатитъ за нее неблагодарностью? Или-же соскучились мы по доброму старому времени? Будьте благонадежны: станете какъ теперь травить судъ, пошатнете его прочность, его независимость,—все вернется: и взятки, и мошенничество, и всякое кривосудье!..»

Еще въ одномъ изъ №№ «Новое Время» дѣлаетъ выписки изъ «Р. В.» о трудномъ положеніи присяжныхъ изъ крестьянъ, не получающихъ никакого вознагражденія. Выписку газета заканчиваетъ замѣчаніемъ, которое если и разоблачаетъ бессилие общества и указываетъ на его обращеніе къ правительству, то ужь совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорить эта газета. Вотъ это заключеніе: «Сенатъ постоянно кассировалъ земскія постановленія о пособіи присяжнымъ засѣдателямъ. Указомъ отъ 5-го сентября 1873 г., онъ разъяснилъ, что пособіе присяжнымъ не относится ни къ одному разряду дѣлъ, исчисленныхъ во 2 ст. пол. о зем. учр., и

что обязанность присяжныхъ засѣдателей по самому существу своему не допускаетъ никакого вознагражденія».

Есть въ газетѣ и еще выписка изъ «Кіевлянина», объ уклоненіи привилегированныхъ сословій отъ обязанности присяжныхъ въ ущербъ присяжнымъ изъ крестьянъ. Такимъ образомъ, оказывается, что матеріалъ, который собралъ «Н. В.» въ рубрику «среди газетъ и журналовъ», совсѣмъ не даетъ повода къ заключенію, которое дѣлаетъ «Н. В.», и очевидно, что для обвиненія общества оно пользовалось другимъ матеріаломъ.

Въ послѣдующемъ изложеніи названная газета сводитъ еще разъ воздѣйствіе общества на суды къ тщательному выбору присяжныхъ и къ точному исполненію предводителями дворянства и комиссіями указанныхъ имъ закономъ обязанностей. О невозможности такого исполненія мы уже говорили. Говорили и о томъ, что разнорѣчіе, какъ въ политическихъ, общественныхъ, такъ и бытовыхъ воззрѣніяхъ, существуетъ вовсе не въ народѣ, а среди образованной интеллигенціи. Ужъ конечно самымъ неговорчивымъ и разношерстнымъ составомъ присяжныхъ былъ-бы собраніе нашихъ публицистовъ и журналистовъ, вообще литераторовъ. Попробуйте собрать ихъ въ одну комнату и поручите обсудить дѣло хоть-бы Свиридова; посмотрите, что изъ этого выйдетъ. Нѣчто подобное должно непременно сказываться и во всякомъ судѣ присяжныхъ, когда на рѣшеніе его совѣсти представляется, напр., интендантское дѣло и вообще такіе процессы, въ которыхъ вина судимыхъ не отдѣлима отъ системы или когда частное поведеніе связано роковымъ образомъ съ общими причинами. Чѣмъ въ этихъ случаяхъ поможетъ исполнительность предводителей дворянства и комиссій, если они не могутъ приказать присяжнымъ думать одинаково? Наконецъ, будетъ ли то судъ общественной совѣсти, если присяжные будутъ подтасовываться, если составъ ихъ будетъ имѣть сословный характеръ? Между строкъ у «Н. В.» можно читать, что, исполняя въ строгости постановленіе о выборѣ присяжныхъ, общество или, точнѣе, комиссія и предводители дворянства должны соображаться съ видами администраціи; такъ, по крайней мѣрѣ, можно понять выраженіе: «намъ говорятъ: дѣлайте вотъ такъ, и благо вамъ будетъ. Мы дѣлаемъ совсѣмъ наоборотъ и плачемся!..» Но мы спросимъ опять: какаѣ-же есть возможность устроить судъ присяжныхъ, чтобы онъ пересталъ быть судомъ присяжныхъ? Это все равно, что объять необъятное. Еще меньше мы понимаемъ выраженіе: «молимъ, чтобы насъ избавили отъ этого дурного. Но вѣдь это все равно молить, чтобы насъ избавили отъ насъ самихъ». Если-бы это выраженіе было приведено въ защиту суда присяжныхъ, оно было-бы понятно, а приведенное противъ—оно «звукъ

пустой». Въ томъ-то и дѣло, что судъ присяжныхъ есть судъ общества надъ самимъ собою и будетъ онъ всегда такимъ, каковы преобладающія теченія этого общества. И это повторяется не въ одной только области суда, а во всѣхъ дѣлахъ общества. Развѣ наши экономическіе порядки выше нашихъ общественно-экономическихъ понятій? Развѣ наши семейныя и всякія другія отношенія выше нашихъ возрѣній на эти отношенія? Практика всегда соотвѣтствуетъ понятіямъ, и преобладающими фактами будутъ, конечно, тѣ, которые создаются преобладающими понятіями. Возьмите, на примѣръ, какія въ послѣднее время взяли перевѣсъ понятія въ промышленныхъ и торговыхъ отношеніяхъ, когда стало преобладать такъ называемое русское направленіе. Чтобы не говорить отъ себя, приведу выписку изъ «Рус. Вѣд.» «У всѣхъ русскихъ производителей дѣла плохи, потому что имъ «жить не даютъ». Однимъ мѣшаютъ польскія сукна, другимъ—финляндскіе горные продукты и писчебумажныя фабрики, третьимъ—англійскій уголь, четвертымъ—нѣмецкій стеаринъ, пятымъ—машины, шестымъ—апельсины, седьмымъ—вагоны, восьмымъ—привозныя спички, девятымъ—консервы, десятымъ—смазочныя масла и краски и т. д. Каждый въ частности тянетъ собственную потку, но всѣ хоромъ, единогласно твердятъ: нужно воспретить, поднять, накиннуть, наддать; нужны внутреннія заставы, областныя пограничныя линіи, губернскія и уѣздныя таможи; нужно взимать пошлину съ заграничныхъ товаровъ уже не золотомъ, а какъ-нибудь самородками, драгоценными камнями, автографами знаменитыхъ писателей, картинами классическихъ художниковъ, вообще чѣмъ-нибудь рѣдкимъ, необычнымъ, трудно находимымъ. Словомъ, требуется «дѣло»,—такое дѣло, чтобы печное помело продавалось по цѣнѣ недорогого дамскаго вѣера, чтобы кухонныя стѣнные часы стоили дороже карманнаго брегета, чтобы вяземскія ковриги одержали побѣду надъ страсбургскими пирогами, рѣдьба—надъ ананасомъ, тульскіе самовары—надъ «разными тамъ астролябіями», ярославскія портянки—надъ голландскими полотнами, Кизляръ—надъ Бордо и Бургундіей, трактирныя «машины»—надъ скоропечатными машинами и Суздаль—надъ Римомъ, Мюнхеномъ и Дюссельдорфомъ. Вотъ тогда мы станемъ на ноги. И другихъ пристыдимъ, и себя покажемъ. «Запвѣтеть Рассея». Фабриканты и купцы «раздерутся промежь себя, какъ слѣдовало бытъ», а потребители, подпрыгивая на одной ножкѣ, станутъ прислушиваться, въ которомъ ухѣ такъ пронзительно звонитъ у нихъ? Куда заведетъ насъ эта куралесящая, безчинствующая въ сферѣ общихъ началъ агитація,—сказать трудно; но только она растетъ, ширится, врѣпнетъ и всюду находитъ,—что весьма понятно,—самые

сочувственные отголоски. Она дѣйствительно отводитъ душу и даетъ привалъ «мечтамъ», путающимся въ ночной темени по прозглымъ и удушливымъ разуваевскимъ спальнямъ».

Эта замѣтка имѣетъ сатирическій оттѣнокъ, но она вполне вѣрна дѣйствительности и основана на фактахъ. Недавно, напримѣръ, московскіе писчебумажные фабриканты повторили свое ходатайство о покровительствѣ русскому писчебумажному производству, потому что оно не можетъ соперничать съ производствомъ финляндскимъ. Финляндская бумага, не уступая московской въ достоинствѣ, дешевле ея на рубль. Московскіе фабриканты просятъ «поставить Финляндію въ положеніе иностраннаго государства», упразднить безошлинный ввозъ финляндскихъ фабрикатовъ и наложить на нихъ такую пошлину, чтобы они совсѣмъ исчезли съ московскихъ рынковъ. Предположите, что это «русское» направленіе осуществится въ дѣйствительности и «иностранное государство» Финляндія перестанетъ доставлять къ намъ свою бумагу. Прежде всего всѣмъ безъ исключенія придется платить за бумагу дороже по 1 р. на стопу. А такъ какъ бумаги на книги, газеты, журналы, не говоря уже про почтовую бумагу, выходитъ у насъ милліоны стопъ, то потребители заплатятъ и лишніе противъ прежняго милліоны рублей. Эти милліоны будутъ вынуты изъ кармановъ публики и перейдутъ въ карманы фабрикантовъ. Въ чемъ же тутъ спрашивается интересъ Россіи и что во всемъ этомъ «русскаго», если не считать поговорки «съ міру по нитѣ—бѣдному рубашка»? Но кто-же «бѣдный»,—неужели фабриканты, а не публика, которую они желаютъ обогатить?

Вотъ куда мы можемъ уйти, когда станутъ преобладать теченія частныя, корпоративныя, сословныя. Предайте нашъ таможенный тарифъ суду въ собраніи присяжныхъ изъ московскихъ фабрикантовъ, и вы увидите, какъ они его засудятъ. «Нѣтъ, господа, кончается съ обычнымъ своимъ пафосомъ «Н. В.», пора намъ взяться за умъ! Пора устыдиться дѣтства и дѣтскихъ желаній! Пора возмужать и смотрѣть на себя, какъ на взрослыхъ!» Правда, давно-бы это пора. Но вѣдь это не значитъ, чтобы, напримѣръ, судьбы таможенного тарифа ввѣрять только московскимъ фабрикантамъ, не спрашивая потребителей. О потребителяхъ, т. е. о Россіи, и весь разговоръ. Въ этомъ смыслѣ мы и понимаемъ общество, какъ выразителя общей пользы и общихъ интересовъ, а не частныхъ. Но, опять, что-же такое общество, какіе существуютъ у него органы для выраженія его нуждъ, стремленій и желаній? «Н. В.» не доходитъ до постановки этого вопроса, и для него «общество» и «вѣ», не больше какъ коммиссія, состоящая подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства. Вѣдь это опять тотъ-же нескончаемый кругъ безъ

выхода. На наше общество дѣлается много нападокъ, и многія изъ нихъ исполнѣ справедливы. Несправедливость заключается только въ томъ, что выводы дѣлаются изъ частныхъ случаевъ, потому что не всегда есть возможность узнать мнѣніе общества. Достаточно даже маленькаго вниманія хотя-бы только къ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ можетъ дѣйствовать земство, чтобы не ошибиться въ заключеніи относительно уже слишкомъ часто практикуемыхъ нѣкоторыми газетами нападокъ на общество. Этими газетамъ хотѣлось-бы уменьшить еще больше компетенцію общества. Газеты разсуждаютъ такъ: «общество не всегда удачно пользуется своими правами, слѣдовательно, отъ него должны быть отняты права». Но вѣдь и газеты не всегда пишутъ удачныя статьи, — слѣдуетъ-ли изъ этого, что всѣ газеты должны быть запрещены? Совершенно напротивъ. По поводу недавно исполненной годовщины 19-го февраля не только позволительно, но даже слѣдуетъ напомнить читателю ту эпоху нашей общественной жизни, о которой, кажется, скоро и не сохранится преданій. Нельзя сказать, чтобы наши газеты обнаружили особенное желаніе напоминать читателю то недавнее прошлое, благодаря которому въ наше общественное сознаніе внеслись новыя, небывалыя начала, о которыхъ, какъ намъ кажется, такъ удобно вспоминать каждое 19-е февраля. Освобожденіемъ крестьянъ начался цѣлый рядъ реформъ, обновившихъ весь нашъ государственный механизмъ. Реформы производились смѣло и послѣдовательно и руководившая ими идея была оповѣщена для всей Россіи въ Высочайшей рѣчи при открытіи въ 1863 г. финляндскаго сейма. «Въ рукахъ народа мудраго, гласила рѣчь, — готоваго дѣйствовать заодно съ Государемъ, съ практическимъ смысломъ для развитія своего благосостоянія, либеральныя учрежденія не только не опасны, но составляютъ залогъ порядка и благоденствія». И идея эта, положенная въ основу преобразованій, дала цѣлый рядъ новыхъ учрежденій, имѣвшихъ цѣлью создать новую, свободную Россію, съ новымъ, небывалымъ обществомъ. Школой для развитія новаго общества явился гласный судъ, земскія учрежденія и законъ о печати 1865 г. Вліяніе свободныхъ учрежденій, конечно, не могло сказаться немедленно, потому-что ихъ создали люди и людямъ-же приходилось быть ихъ исполнителями. И вотъ, партія противная реформамъ тщательно слѣдила за дѣятельностью новыхъ учрежденій, собирая всѣ ихъ промахи и ошибки. Нужно отдать справедливость усердію этой партіи и искусству, съ какимъ она выполняла свою отрицательную миссію. Преобразования прошлаго царствованія дѣйствительно страдаютъ многими недостатками, которые были неизбѣжны при снѣшной законодательной работѣ. Но

эти недостатки были хорошо извѣстны не только сторонникамъ реформъ, но и предвидѣлись тѣми лицами, которыя принимали непосредственное участіе въ преобразованіяхъ. Все дѣло въ томъ, что реформы имѣли переходный характеръ, а это значить, что при самомъ составленіи проектовъ преобразованій и въ законодательныхъ по нимъ работахъ пришлось сохранить многое изъ дореформенной эпохи. Вотъ эти-то остатки былого, такъ сказать, пережитки стараго, и явились главной помѣхой правильному, спокойному и послѣдовательному развитію новыхъ учреждений. Прогрессивная задача нашего времени только и заключается въ томъ, чтобы совершенно исключить изъ новыхъ учреждений всѣ эти пережитки. Что-же касается неизбежныхъ невозможностей удовлетворить приговорами «всѣхъ», въ особенности въ такой острый моментъ несогласія мнѣній, какъ нынѣшній, то противникамъ суда мы напомнимъ слѣдующее очень умное замѣчаніе Гризингера. Въ Берлинѣ судился убійца, относительно умственныхъ способностей котораго возникло сомнѣніе Преступника поручили изслѣдовать Гризингеру. «Я нашелъ его съумасшедшимъ, говорить Гризингеръ, — судъ его осудилъ, король помиловалъ и все это я нашелъ въ порядкѣ вещей.»

Н. Ш.

Реформа мѣстнаго управленія.

(К. Головинъ. Наше мѣстное управление и мѣстное представительство. С.-Петербургъ. 1884)

I.

Если теперь читатель нерѣдко укоряетъ нѣкоторую часть печати въ молчаніи на счетъ важнѣйшихъ вопросовъ текущей жизни, то это, во всякомъ случаѣ, понятно. Но любопытно, что даже та вликая пишущихъ, которая столь усердно исполняла роль управы благочинія относительно литературы, начинаетъ пугаться звуковъ собственнаго голоса и тяготиться своимъ безпомощнымъ одиночествомъ. Кажется, у г. Головина, автора настоящей книги, нѣтъ никакихъ основаній сѣтовать на затишье, водворившееся въ современной литературѣ. Никто, конечно, не закрывалъ ему рта, когда онъ украшалъ произведеніями своего пера столбцы «Руси». Точно также къ его услугамъ существуютъ и другіе подобнаго-же сорта петербургскіе органы, гдѣ до сихъ поръ идетъ пиръ горой, и шумно и весело празднуются именины. Если дѣло идетъ о молчаніи другой части печати, то, безъ сомнѣнія, оно можетъ быть только на руку литературѣ Булгаринныхъ и Гречей, и когда она ликуетъ, молчаніе кругомъ ея — фактъ вполне естественный и бывалый. Впрочемъ, въ частности, та печать, которая не имѣетъ ничего общаго съ литературой «ликующей и праздноболтающей» уже не разъ подвергала обсужденію вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи; она установила нѣкоторые основные принципы будущей реформы, и самъ г. Головинъ находитъ нужнымъ считаться съ ними или съ тѣмъ, что онъ называетъ «либеральнымъ рецептомъ». Но до сихъ поръ въ печати «московскаго направленія» нѣтъ ничего, что заслуживало-бы названія программы, и г. Головинъ чуть-ли не впервые беретъ на себя трудъ выработать ее. Посмотримъ, насколько это удалось ему, и какой «рецептъ» изготовилъ онъ самъ.

Опытный читатель не разъ, вѣроятно, замѣчалъ, что когда

авторъ начинаетъ издалека заводить рѣчь о необходимости строго держаться практической почвы и слѣдовать только указаніямъ жизни, а не мечтательнымъ теоріямъ, то за этой благовидной прелюдіей непременно надо ждать какого-нибудь сюрприза, чего-нибудь понижающаго мысль, нерѣдко оскорбляющаго самую дорогія чувства ваши. Практикующіе подобный приѣмъ авторы какъ-бы сами убѣждены, что изготовленная ими пилюля отвратительна, и читателя нужно еще приготовить и уговорить принять ее. По ихъ словамъ, они имѣютъ дѣло только съ твердыми, несомнѣнными фактами дѣйствительности, которые, разумѣется, всегда оказываются лишь на ихъ сторонѣ. «Практичность», «опытъ жизни», «дѣйствительныя потребности», «реальныя нужды»—слова эти не сходятъ съ языка этихъ литературныхъ реформаторовъ и тѣмъ назойливѣе выставляются ими на видъ, чѣмъ сильнѣе они думаютъ опарашить читателя впоследствии. Г. Головинъ принадлежитъ къ числу такихъ трезвыхъ реформаторовъ; онъ также съ первыхъ страницъ напоминаетъ о «практичности», о «реальныхъ потребностяхъ, какъ онѣ обнаружены изъ опыта», о томъ, что нужно «прислушиваться къ требованіямъ дѣйствительности» и что законъ долженъ издаваться не затѣмъ, «чтобы прельщать теоритически настроенный кабинетный умъ» (стр. 1 и 2). Очевидно, г. Головинъ вовсе не собирается прельщать своихъ читателей. И дѣйствительно, послѣ всѣхъ этихъ оговорокъ, у него начинаются самыя беззащитныя и дерзкія фальсификаціи общественнаго мнѣнія. Изложивъ мнѣнія ненавистныхъ ему органовъ печати, онъ, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, объявляетъ, что онѣ суть измышленія какой-то кучки теоретиковъ, говорящихъ только за себя, но ни чуть не выражающихъ желаній и стремленій страны. «Мнѣнія, высказываемыя мѣстными жителями—помѣщиками и крестьянами,—по тѣмъ-же вопросамъ, не имѣютъ съ этой программой ничего общаго» (стр. 5). Выходитъ, что знаетъ мнѣнія страны, одинъ только г. Головинъ. Изрешивъ свой приговоръ, онъ замѣчаетъ далѣе: «Правда, расширеніе дѣятельности и въ особенности гласности преній въ земскихъ собраніяхъ встрѣтило-бы сочувствіе, хотя преимущественно въ довольно тѣсномъ кругу земскихъ дѣятелей; но за то о необходимости пониженія ценза и замѣны предводителей выборными предсѣдателями *не заявляетъ почти никто* (Sic.). Еще менѣе встрѣчается сторонниковъ мысли о распространеніи выборнаго начала на административныя должности» (ib.). Надо полагать, что у г. Головина, также какъ и у Хлестакова, не менѣе 40,000 курьеровъ, которыхъ онъ разсылаетъ во всѣ концы Россіи для того, чтобы опросить ее. Такимъ обра-

зомъ, онъ все знаетъ а чего не знаетъ, то, конечно, ложь и измышленіе. Не ужели-же, въ самомъ дѣлѣ, у него не было и 40,000 курьеровъ, и онъ собственной персоной успѣлъ все развѣдать и всѣхъ допросить? Смѣемъ думать, что для г. Головина эта развѣдочная дѣятельность была чрезвычайно трудна даже и тогда, если-бы. онъ ограничился однимъ какимъ-нибудь уѣздомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая могла быть нужда у тѣхъ, съ кѣмъ онъ встрѣтился-бы, отеряться ему, какъ на духу, и что за удовольствіе повѣрять свои мысли г. Головину, или даже просто бесѣдовать съ нимъ? Если онъ въ своихъ мнѣніяхъ и взглядахъ таковъ, какимъ является въ своей книгѣ, то по-истинѣ очень мало пріятнаго и поучительнаго представляли-бы діалоги съ нимъ. Дѣло не въ томъ, что г. Головинъ солидаренъ съ тѣми органами печати, которымъ ненавистно всякое проявленіе общественной мысли и отъ которыхъ все порядочное привыкло сторониться подальше. Обмѣнъ идей даже и въ этомъ случаѣ не былъ-бы абсолютно невозможенъ, хотя, разумѣется, не имѣлъ-бы въ себѣ ничего привлекательнаго; но, къ сожалѣнію, г. Головинъ, вообще представляетъ крайне незначительную величину. Это одинъ изъ самыхъ невзрачныхъ и мелкихъ литературныхъ охранителей нашихъ, съ сильной наклонностью перевернуть и исказить мнѣніе противника, съ слабенькимъ разумѣніемъ и весьма скудными знаніями, но за то съ большимъ запасомъ того хлестковскаго алломба, который даетъ ему, напр., смѣлость утверждать, что только онъ одинъ знаетъ Россію, и онъ одинъ можетъ говорить отъ ея лица.

Изъ нѣсколькихъ примѣровъ читатель увидитъ, каковы знанія г. Головина о томъ, о чемъ онъ беретъ судить и рядить. Говоря о неудовлетворительности официальной статистики, онъ замѣчаетъ, что «нѣкоторыя земства завели у себя, наряду съ казенными, свои статистическіе бюро; большею частью имъ пришлось обратиться за содѣйствіемъ къ секретарямъ статистическихъ комитетовъ и въ концѣ концовъ получать свѣдѣнія все изъ того-же мутнаго источника — волостныхъ правленій» (стр. 151). Конечно, г. Головинъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о земской статистикѣ и не держалъ въ рукахъ ни одного изданія ея. Иначе онъ зналъ бы, что статистическій матеріалъ, находящійся въ земскихъ сборникахъ, появляющихся въ послѣдніе годы, почерпнуть вовсе не изъ волостныхъ правленій и не у секретарей статистическихъ комитетовъ, а собранъ главнымъ образомъ *на мѣстѣ* самими изслѣдователями, *путемъ* опроса отдѣльныхъ лицъ и сельскихъ сходовъ. Такъ составлялись всѣ подворные описи, въ которыхъ и заключается вся суть и все достоинство нынѣшнихъ статистическихъ

изданій земства. Все это, какъ видно, рѣшиительно неизвѣстно г. Головину. Вообще, въ своей книгѣ онъ нагородилъ множество вздору на счетъ земства, что столько-же зависитъ отъ незнакомства его съ фактическимъ положеніемъ земскаго хозяйства, сколько и отъ его слабomyслия. Много было критиковъ у земства, но, навѣрное, еще не было такого, который упрекнулъ-бы его въ томъ, что оно слишкомъ много сдѣлало для страны. Именно такимъ укоромъ бросаетъ въ земство г. Головинъ. Онъ говоритъ: «Но рядомъ съ явными недостатками въ этомъ отношеніи, — недостатками, замѣтными и въ продовольственной, и въ санитарной части, — мы встрѣчаемся съ проектами *спеціальныхъ школъ и учительскихъ семинарій, далеко превосходящими мѣстныя нужды (!),* съ введеніемъ въ управы дорого стоящей *бюрократической роскоши (?)*, съ созывами учительскихъ и врачебныхъ съѣздовъ *которыя приносятъ гораздо больше пользы мѣстнымъ трактирщикамъ, чѣмъ науку* (стр. 138). Господи, и г. Головинъ туда же — остроумничаетъ. Мы-бы посоветывали ему держаться одной какой-нибудь линіи; ему, какъ видно, особенно дается переверанье всего, къ чему онъ прикоснется, онъ какъ-то умѣетъ перевернуть солидно, авторитетно и чинно, такихъ мастеровъ немного найдется въ литературѣ. Что-же касается его якобы извѣстнаго остроловія, подобранаго въ какомъ-то трактирѣ, то оно, безъ сомнѣнія, можетъ заслужить снисходительную улыбку буфетчика; читающей-же публикѣ оно даетъ только поводъ предположить, что и самъ авторъ, вѣроятно, приносилъ посильную пользу тѣмъ трактирамъ, гдѣ онъ видѣлъ учителей и врачей, собравшихся на съѣздъ. Въмѣсто того, чтобы считать, сколько рюмокъ водки выпиваютъ учителя и врачи во время съѣзда, авторъ хоть скольконибудь ознакомился-бы, что дѣлается на немъ, а не въ трактирѣ; вѣдь онъ, безъ сомнѣнія, не имѣетъ никакого представленія ни о съѣздахъ учителей, ни о съѣздахъ врачей.

Но мы прежде всего спросимъ его: о какихъ спеціальныхъ школахъ и учительскихъ семинаріяхъ говоритъ онъ? Земскихъ учительскихъ семинарій положительно не существуетъ; земство тутъ совершенно не причемъ; всѣ учительскія семинаріи не земскія учрежденія. Можетъ быть, авторъ желалъ указать на земскія «учительскія школы»; такія, дѣйствительно, имѣются. Но вѣдь этихъ учительскихъ школъ, приготавливающихъ учителей для народныхъ училищъ, не наберется и двухъ десятковъ; какимъ-же образомъ число ихъ можетъ «превосходить мѣстныя нужды», какъ утверждаетъ г. Головинъ? Да и учительскихъ семинарій считается на всю Россію всего 48; присоедините сюда еще 10 учительскихъ институтовъ, находящихся также въ вѣдѣніи министер-

ства и предназначенныхъ для приготовленія учителей въ городскія школы,—все-таки это такая капля въ морѣ, такая малость съ дѣйствительной нуждой въ учителяхъ, что, право, надо совсѣмъ лишиться здраваго смысла, чтобы серьезно сказать, что учрежденія эти «далеко превосходятъ» мѣстные нужды». Но эта нелѣпость еще разительнѣе, если ограничиться земскими учительскими школами, такъ какъ г. Головинъ обрушивается именно на земство, учреждающее эти школы. Безъ сомнѣнія, г. Головину надо было оставить трактирную часть и лучше разузнать о томъ, о чемъ онъ съ такою важностью поучаетъ публику. Онъ увидѣлъ бы тогда, что если-бы земскихъ школъ было въ 25, даже въ 50 разъ больше, чѣмъ теперь, то и этого еще было-бы мало для 30 тысячъ народныхъ училищъ.

Чтобы покончить со школами, приведемъ еще образецъ зна- ній и критической сообразительности г. Головина. Между прочимъ, онъ развиваетъ въ своей книгѣ ту мысль, что у насъ не должно быть свободной школы, какъ на западѣ или въ Америкѣ; намъ приличествуетъ только казенное образованіе, и государство у насъ можетъ по праву держать школу въ своихъ рукахъ. Сравнивая западную Европу съ Россіей, онъ говоритъ: «Совершенно не то мы видимъ у себя. Ни частныя лица, ни церковь не принимали никакого участія въ народномъ образованіи, оно выросло на казенныя деньги» (стр. 145). Это заявленіе, конечно, нелѣпость еще болѣе крупнаго калибра чѣмъ вышеприведенное утвержденіе г. Головина на счетъ несуществующихъ земскихъ учительскихъ семинарій. Кому же неизвѣстно, что до земской, реформы, у насъ почти не было народнаго образованія и что существующія теперь народныя школы устроены главнымъ образомъ земствомъ и, само собой разумѣется, на свои собственныя, т. е. на народныя деньги. Все это, конечно, элементарно и общеизвѣстно, и, однако, приходится разъяснять это г. Головину.

II.

Но обратимся къ его проекту реформы мѣстнаго управленія. Отдѣльныя черты этого проекта не представляютъ ничего новаго, но можно признать за авторомъ ту заслугу, что онъ собралъ ихъ въ одинъ букетъ и соединилъ въ цѣльную, законченную систему. Мы думаемъ, что читателю не мѣшаетъ ознакомиться съ проектомъ г. Головина. Г. Головинъ говоритъ: «Можетъ быть, конечно, въ нашихъ мѣстныхъ порядкахъ все еще очень долго останется по старому. Но какъ знать? Судьбы нашего законодательства по истинѣ неисповѣдимы. Реформа можетъ застать насъ врасплохъ» (стр. 1). Последнее едва-ли случится,

если читатель дастъ себѣ трудъ ознакомиться съ проектомъ г. Головина, предусмотрѣвшимъ, до послѣдней необходимости все, что только можетъ дать намъ будущее. При томъ г. Головинъ развивалъ свой проектъ въ «Руси», и можно думать, что въ общемъ его взгляды на мѣстное управленіе раздѣляются и редакціей этого органа, такъ что является возможность понять, чего хотятъ наши славянофилы и къ чему клонятся ихъ разглагольствованія, всегда туманныя и сбивчивыя.

Подобно многимъ реформаторамъ мѣстнаго управленія, г. Головинъ начинаетъ съ волости, и къ ней онъ прежде всего примѣняетъ свое правило слѣдовать указаніямъ дѣйствительности. Если въ жизни практикуется какое-либо безобразіе, если извѣстное учрежденіе выродилось и отклонилось отъ своего первоначальнаго типа, то это и слѣдуетъ узаконить, по мнѣнію г. Головина. Это общій его принципъ, и еслибъ онъ его проводилъ послѣдовательно,—куда-бы ни шло, но онъ держится его лишь до тѣхъ поръ, пока этотъ принципъ въ ладу съ его вождѣльниками. Въ настоящее время, власть, стоящая во главѣ волости, попросту говоря, волостныя правленія, завѣдуетъ всѣми крестьянскими дѣлами и обладаетъ, можно сказать, безграничными полномочіями. Это-то и хорошо, говоритъ г. Головинъ; слѣдуетъ сохранить эти безграничныя полномочія, но надо только передать ихъ въ руки помѣщиковъ и постараться обезпечить за ними ту власть, которою пользуются въ настоящее время волостныя правленія. Какъ это сдѣлать? Конечно, надо придать волости якобы всесловный характеръ и дать возможность участвовать въ ея дѣлахъ всѣмъ обладающимъ имущественнымъ цензомъ. Въ этихъ видахъ волостныя сходы должны быть совершенно преобразованы. Теперь на сходы является слишкомъ много крестьянъ, и число ихъ полезно уменьшить для того, чтобы облегчить частнымъ землевладѣльцамъ проведеніе на сходахъ всякихъ своихъ домогательствъ и проектовъ... «Мы полагаемъ, говоритъ г. Головинъ, что десять крестьянскихъ дворовъ—самая удобная единица для представительства на сходѣ. Каждое селеніе, стало быть, будетъ посылать на него столько выборныхъ, сколько оно заключаетъ въ себѣ десятковъ дворовъ, притомъ дробныя числа будутъ считаться за цѣлыя» (стр. 31). Полагая, что десять дворовъ, при среднемъ трехъ-душевомъ надѣлѣ, владѣютъ почти 100 десятинами, г. Головинъ предлагаетъ принять такое количество земли за цензъ для помѣщиковъ, т. е. на каждыя сто десятинъ помѣщики посылаютъ одного представителя. Такъ какъ при этомъ условіи помѣщиковъ все таки будетъ очень мало на сходѣ сравнительно съ крестьянами, то г. Головинъ рекомендуетъ за каждымъ помѣщи-

комъ «считать столько голосовъ, во сколько разъ его имѣніе превышаетъ стодесятичный размѣръ или соответствующую ему цѣнность» (стр. 31), съ тѣмъ, однако, чтобы болѣе десяти голосовъ не было у одного представителя. Такимъ путемъ г. Головинъ создаетъ сильную землевладѣльческую армію изъ ничего, потому что въ дѣйствительности численность помѣщиковъ не можетъ идти, конечно, ни въ какое сравненіе съ массой крестьянскаго населенія. Любопытно знать, каково будетъ на самомъ дѣлѣ численное отношеніе крестьянскихъ и помѣщичьихъ голосовъ на волостномъ сходѣ, преобразованномъ по плану г. Головина. Точныхъ данныхъ у насъ нѣтъ подъ руками, но приблизительное понятіе объ этомъ можно составить на основаніи цифровыхъ показаній центрального статистическаго комитета («Волости и важнѣйшія селенія европейской Россіи»). Возьмемъ, напр., Тамбовскую губернію, и въ ней волости Кирсановскаго уѣзда. По проекту г. Головина, въ волости Арбеневаской крестьяне на волостномъ сходѣ будутъ имѣть 57 голосовъ, а частные землевладѣльцы — 105. Въ Богдановской волости — 43 крестьянскихъ голоса и 94 помѣщичьихъ, въ Васильевской — 70 крестьянскихъ и 136 помѣщичьихъ, въ Ирской — 31 кр. и 99 пом., въ Карай-Салтыковской — 83 кр. и 225 пом., въ Оржевской — 84 кр. и 244 пом. Если даже взять весь уѣздъ, то на 2832 крестьянскихъ голоса придется 3,064 помѣщичьихъ. Въ той-же губерніи, въ Шацкомъ уѣздѣ, въ нѣкоторыхъ волостяхъ помѣщичьихъ голосовъ оказывается въ 8 разъ больше, чѣмъ крестьянскихъ, напр., въ Шаморгской волости (51 кр. гол. и 419 пом.). Въ Тульской губерніи, Чернскомъ уѣздѣ, помѣщичьи голоса должны преобладать почти во всѣхъ волостяхъ; въ цѣломъ-же уѣздѣ на 1,244 крестьянскихъ голоса придется 1,392 помѣщичьихъ, точно также и въ Мокшанскомъ уѣздѣ, Пензенской губерніи (1,410 кр. гол. и 1,529 пом.), въ Пензенскомъ уѣздѣ (1,335 кр. и 1,673 пом.), въ Городищенскомъ (2,067 кр. и 2,661 пом. гол.), въ Калужскомъ (878 кр. и 895 пом. гол.), въ Бобровскомъ (3,272 кр. и 3,726 пом. гол.), въ Брянскомъ (1,477 кр., и 2,023 пом. гол.). Въ отдѣльныхъ случаяхъ помѣщичьихъ голосовъ оказывается въ $1\frac{1}{2}$, 2 и 3 раза больше, чѣмъ крестьянскихъ.

Но г. Головину показалось мало и этихъ всѣхъ преимуществъ, великодушно даруемыхъ имъ землевладѣльцамъ. По его проекту, начальникомъ волости, которымъ является теперь старшина, должно быть лицо изъ образованныхъ и, само собой разумѣется, изъ землевладѣльцевъ. Нынѣшній мировой судья, по мнѣнію г. Головина, есть самое подходящее лицо для должности волостного начальника, онъ соединитъ въ себѣ эти два званія и будетъ называться *волостнымъ мировымъ судьей*. Кан-

дидатовъ на эту должность выбираютъ не волости, а уѣздныя земскія собранія, и выборъ ихъ долженъ быть утвержденъ губернаторомъ. Едва-ли нужно пояснять, что предоставленіемъ этой важной должности помѣщикамъ, г. Головинъ окончательно вырываетъ волость изъ рукъ крестьянъ. Пока еще отъ крестьянъ фактически отнять уѣздъ и губернію, теперь-же г. Головинъ собирается отвоевать у нихъ и волость, такъ что крестьянское самоуправленіе будетъ ограничиваться предѣлами сельскаго общества. Это недурно... Крестьяне нынѣ, въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ стали заботиться о своихъ интересахъ...

Что волостной начальникъ г. Головина можетъ творить все, что ему вздумается, это видно изъ тѣхъ невѣроятныхъ полномочій, которыми онъ надѣляетъ его. Можно назвать этого начальника волостнымъ предводителемъ дворянства, но его власть все таки будетъ дѣйствительнѣе, онъ ближе будетъ стоять къ крестьянамъ и ихъ зависимость отъ него будетъ безпредѣльна. Г. Головицъ обнаруживаетъ по истинѣ волчій аппетитъ, и мы боимся, что онъ этимъ-то и перепортилъ все дѣло. Поползновенія у него совершенно реальные и вполне ясныя, но своей неумѣренностью онъ слишкомъ затрудняетъ практическое осуществленіе своихъ цѣлей.

Вотъ какія обязанности должны быть соединены, по проекту г. Головина, въ лицѣ волостнаго начальника. Онъ остается нынѣшнимъ мировымъ судьей, и сверхъ того, къ нему перейдетъ большинство дѣлъ, разбираемыхъ въ настоящее время волостнымъ судомъ. Затѣмъ, на него-же возлагаются всѣ теперешнія обязанности становыхъ приставовъ и старшинъ, т. е. онъ долженъ охранять «порядокъ и тишину», вѣдать вообще полицейское благоустройство и «совершать предварительныя дѣйствія по уголовному слѣдствію». Онъ-же слѣдитъ за сборомъ податей, ведетъ имъ отчетность и передаетъ ихъ въ казначейство. Далѣе, какъ исполнительному органу земства, волостному начальнику предоставленъ надзоръ за исправнымъ содержаніемъ продовольственныхъ магазиновъ, надзоръ за путями сообщенія и переправами, какъ на земскихъ дорогахъ, такъ и на проселочныхъ, надзоръ за мѣстными школами и больницами «со стороны исправнаго содержанія тѣхъ и другихъ а также и повѣрки дѣятельности врачей и фельдшеровъ». Наконецъ, «на него-же возлагается веденіе страховаго дѣла, т. е. составленіе оцѣнки имущества при застрахованіи и повѣрочныхъ актовъ послѣ пожара, для опредѣленія размѣровъ страховой суммы» (стр. 66). Кажется, довольно; дальше ужъ невозможно надѣлать обязанностями одно лицо. Ясно, что такимъ образомъ, крестьянинъ будетъ въ крѣпкихъ объятіяхъ волостнаго начальника. Замѣтимъ еще, что г. Головицъ предлагаетъ увеличить территоріальный размѣръ волости,

отчего, безъ сомнѣнія расширится еще болѣе кругъ обязанностей и занятій волостного начальника. Г. Головинъ не забылъ, упомянуть и о жалованьи всѣмъ своимъ креатурамъ, къ счастью, впрочемъ бумажнымъ; жалованье это должно быть «приличное», «дворянское». Но еще важнѣе жалованья слѣдующее обстоятельство. Вездѣ въ своей книгѣ г. Головинъ попираетъ бюрократизмъ, клеймитъ всякими кличками, считая его главной язвой нашей, и все таки, въ концѣ концовъ, г. Головинъ не обходится безъ его содѣйствія и помощи; въ этомъ исполнѣ видѣнъ единомышленникъ «Руси», у которой «бюрократизмъ» чуть не бранное слово и которая, однако, не можетъ въ своихъ мысляхъ и шагъ сдѣлать, не придя къ утверженію и возвеличенію бюрократизма. Для г. Головина вниманіе высшей власти къ волостному начальнику настолько необходимо, что безъ этого, по его мнѣнію, все погибнетъ. «Если, говоритъ онъ, на волостнаго судью, будутъ смотрѣть, какъ на мелкаго чиновника, затеряннаго въ уѣздной глуши, у этой должности будетъ отнятъ одинъ изъ главныхъ стимуловъ дѣятельности—*надежда на повышеніе*. Если, напротивъ, ее сочтутъ пригоднымъ разсадникомъ для болѣе высокихъ административныхъ должностей, она сдѣлается предметомъ соисканій для способныхъ людей изъ молодежи» (стр. 157). Однимъ словомъ, должность волостного начальника открываетъ, по мнѣнію автора, самыя пріятныя перспективы: хорошее жалованье, почетъ, власть безмѣрная, такъ что мужику остается тодько трепетать предъ такою персоной, и, наконецъ, въ будущемъ—солидный постъ, чины, ордена и жирный окладъ.

III.

Г. Головинъ не оставляетъ въ покоѣ и земство, но мы не будемъ подробно разсматривать эту часть его проекта. Особенно важныхъ измѣненій онъ тутъ не предлагаетъ, но все-таки не забываетъ мимоходомъ бросить еще новую подачку частнымъ землевладѣльцамъ, и притомъ крупнымъ. Мы уже указали выше, что этотъ славянофилъ-народолюбецъ совершенно устранилъ крестьянъ отъ управленія волостью, онъ вырвалъ ее изъ подъ самого носа ихъ и передалъ помѣщикамъ, преимущественно крупнымъ. Теперь-же, въ дѣлѣ земскаго самоуправленія, онъ продѣлываетъ съ мелкими землевладѣльцами то-же, что продѣлалъ онъ съ крестьянами, когда преобразовывалъ волость. Онъ говоритъ, что земская реформа сильно обидѣла крупное землевладѣніе; представители его, несмотря на громадныя размѣры своей земельной собственности, переходящіе далеко за предѣлы установленнаго ценза.

пользуются такими-же избирательными правами, какъ и мелкіе собственники. Для устраненія этой «несправедливости», лицамъ, владѣющимъ землей свыше извѣстнаго размѣра, слѣдовало-бы, по мнѣнію г. Головина, предоставить каждому по два голоса. «Такое незначительное преимущество, говоритъ онъ, не склонило-бы замѣтнымъ образомъ вѣсы въ пользу крупной собственности, а между тѣмъ все таки позволило-бы ей оказать на выборы нѣоторое вліяніе» (стр. 98). Для славянофильскихъ вождедѣній автора характерно также и его предложеніе упразднить земскія управы, оставивъ только земскія собранія. Единственный мотивъ этой мѣры тотъ, что управа—учрежденіе коллегіально-совѣщательное, а всѣ совѣщанія могутъ быть исчерпаны земскими собраніями. Читатель совершенно вправѣ усумниться, чтобы можно было городить такую вопіющую дичь; всѣмъ извѣстно, что земская управа есть исполнительный органъ земскаго собранія. Но вотъ подлинныя слова г. Головина: «Въ самомъ дѣлѣ, земскія управы, при всей многочисленности своихъ дѣлъ, въ сущности поставлены такъ, что онѣ къ управленію совершенно неспособны. По своей коллегіальности, они учрежденія совѣщательныя, хотя всѣ земскія совѣщанія могутъ быть исчерпаны на собраніи» (стр. 99). Но, упраздняя земскую управу, какъ неспособную къ управленію, вслѣдствіе своей коллегіальности, г. Головинъ учреждаетъ, взамѣнъ ея, сѣздъ волостныхъ мировыхъ судей подъ предѣлательствомъ предводителя дворянства и со включеніемъ въ этотъ сѣздъ исправника. Хороша логика! Нынѣшняя управа есть учрежденіе коллегіальное и потому непригодное для управленія уѣздомъ, но что-же такое *сѣздъ* волостныхъ судей, какъ не такое-же коллегіальное учрежденіе? Дѣло только въ томъ, что въ этомъ сѣздѣ, имѣющемъ приводить въ исполненіе постановленія земскаго собранія, можетъ не оказаться ни одного земскаго гласнаго, и такой сѣздъ вовсе не можетъ считаться земскимъ учрежденіемъ. Будутъ-ли волостные мировые судьи выбраны въ земскіе гласные это вопросъ; по настоящему, имъ даже и нельзя принимать еще новую обязанность гласнаго, потому что и безъ того они до невѣроятной степени обременены дѣлами. Предводитель дворянства, котораго г. Головинъ прочитъ въ предѣлатели сѣзда, точно также не есть лицо, избранное земствомъ, исправникъ—тоже. Ясно, такимъ образомъ, что мѣра г. Головина клонится къ совершенному уничтоженію земскаго представительства; существовать оно будетъ только номинально въ формѣ земскаго собранія, власти-же не будетъ имѣть никакой, она будетъ въ рукахъ посторонняго земству учрежденія. Изъ словъ г. Головина видно, что онъ и самъ отчасти такъ смотритъ на свою реформу. «Земское хозяй-

ственное управленіе, говоритъ онъ, не должно стоять особнякомъ, какъ нѣчто чуждое правительству, какъ нѣчто похожее на частное предпріятіе для охраненія общественныхъ интересовъ: *оно должно слиться съ казеннымъ*» (стр. 99). Г. Головину, какъ видно, всёмія хочетъ угодить, но тамъ, гдѣ мѣстное представительство близко соприкасается съ мѣстнымъ управленіемъ и гдѣ между ними существуетъ до сихъ поръ нѣкоторая воллизія, онъ, незадумываясь, жертвуетъ интересами самоуправления. Въ данномъ случаѣ, г. Головинъ, подкапываясь подъ самыя основы земскаго положенія, только даетъ практическое примѣненіе излюбленному принципу славянофиловъ вѣ обще и г. Аксакова въ частности. Въ самомъ дѣлѣ, г. Головинъ оставляетъ за земствомъ лишь право обсуждать мѣстные интересы и высказывать свое мнѣніе, но не дѣйствовать. Но этотъ-то принципъ и пропагандируется «Русью» и г. Аксаковымъ. И вотъ эти-то умныя рѣчи г. Аксакова и примѣняются г. Головинымъ къ дѣлу. Какимъ образомъ славянофилы примиряютъ этотъ основной догматъ свой съ высказываемой имъ антипатіей къ бюрократизму? Это вопросъ, который, конечно, всегда будетъ лежать на ихъ совѣсти.

IV.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о губернскомъ управленіи. Читатель изъ предыдущаго легко можетъ догадаться, въ какомъ направленіи орудуетъ здѣсь г. Головинъ. Онъ старается дать понять, что существующій нынѣ беспорядокъ въ губернскомъ управленіи преимущественно объясняется фактическимъ *безсиліемъ* губернаторовъ, которыхъ обижаютъ и земства, и различные правительственныя вѣдомства. Ему представляются нелѣпыми всякіе «либеральныя» проекты реформы губернскаго управленія. И въ этомъ отношеніи въ г. Головинѣ сказывается славянофиль «Руси», всегда попиравшей выборное начало, когда шла рѣчь о дѣйствительномъ его примѣненіи, а не о фикціи его. «Выборъ, говоритъ г. Головинъ, не придастъ избраннику даровъ свыше. Онъ не гарантируетъ ни его таланта, ни даже его добросовѣстности. Большинство является шаткимъ, а зачастую и подтасованнымъ» (стр. 119). Совершенно тоже самое, и чуть не тѣми же словами, говоритъ и г. Аксаковъ; у всѣхъ славянофиловъ, какъ видно, одно копыто, которымъ они лягаютъ выборное начало. Но, несмотря на то, что имъ полагается имѣть сверхъ копыта еще и уши, они притворяются глухими, когда, въ отвѣтъ имъ, сопоставляются таланты и добросовѣстность выборныхъ и невыборныхъ. Въ одномъ случаѣ, подтасованность есть исключеніе и, по крайней мѣрѣ, отнюдь не есть нѣчто присущее самому началу, тогда какъ въ другомъ

случаѣ оно есть правило, принципъ. Вѣдь не зря же ставится какое-либо лицо на тотъ или другой постъ; оно необходимо подбирается, выскивается, скажите, какъ угодно. Г. Головинъ полагаетъ, что онъ нашелъ непобѣдимый аргументъ противъ земскаго выборнаго начала въ томъ, что большинство можетъ оказаться игрушкою въ рукахъ небольшой горсти ловкихъ людей, умѣющихъ обдѣлывать свои дѣла. Конечно, это очень часто бываетъ; противъ фактовъ спорить нечего, но факты эти бываютъ и всегда будутъ, если организація мѣстнаго самоуправленія не правильна и несовершенна. Факты эти будутъ неизбежнымъ результатомъ такой, напр., организаціи выборнаго начала, проектируемой г. Головинымъ для волостнаго самоуправленія, которое, по его проекту, непременно должно быть въ рукахъ крупныхъ собственниковъ.

Г. Головинъ всталъ на такую точку зрѣнія, что для него, конечно, обязательно сравненіе между выборными и невыборными. Но онъ самымъ тщательнымъ образомъ избѣгаетъ его, по лукавой манерѣ многихъ славянофиловъ, выказывающихъ всегда много огня и горячности, когда приходится бить лежачаго, но они фарисейски умолкаютъ и свойственная имъ откровенность и эта хваленая «русская» прямота куда-то исчезаютъ передъ всякой силой. Конечно, наше земство—очень удобная мишень для нападокъ, но даже въ той формѣ, въ какой оно существуетъ, оно не только не свидѣтельствуетъ противъ принципа, но напротивъ служитъ довольно вѣскимъ и убѣдительнымъ доказательствомъ его плодотворности. Г. Головинъ говоритъ: «Въ ограниченной сферѣ городского и земскаго управленія, гдѣ представителямъ мѣстныхъ кружковъ не достаетъ исполнительной власти, ихъ попользованія къ самодурству и къ расточительности могутъ быть и не особенно опасны. Но что произошло-бы, еслибы власть ихъ распространилась на все управленіе цѣлой губерніи, еслибы въ распоряженіе ихъ были отданы не одни только городскіе и земскіе капиталы, но всѣ имущественные интересы губерніи, если-бы имъ, наконецъ, какъ исполнительной власти, подчинено было и само ея населеніе?» (стр. 120). Г. Головинъ, полагаетъ, что это ужасно ядовитый вопросъ, но онъ совсѣмъ забылъ, что отвѣтъ на это давно уже данъ. Вѣдь у насъ имущественные и всякіе другіе интересы населенія до введенія земства были въ рукахъ администраціи...

Проектъ преобразованія губернскаго управленія, предлагаемый г. Головинымъ, до такой степени безтолковъ, что очень трудно понять, чего собственно желаетъ этотъ реформаторъ, и какимъ образомъ проектируемая имъ мѣра могутъ привести къ усилению губернаторской власти. Одна только мѣра его не можетъ поро-

ждать никаких сомнѣній, это—уничтоженіе губернской управы, въ pendant къ уничтоженію уѣздной управы. А затѣмъ, слѣдуетъ рядъ безсмыслицъ. Въ настоящее время, разсуждаетъ г. Головинъ, губернское управленіе находится въ рукахъ учреждений различныхъ вѣдомствъ, и въ большей части этихъ учреждений предсѣдательствуетъ губернаторъ, которому и приходится, соотвѣтственно этому, дробить и свое время, и свой трудъ. Последнее обстоятельство и побуждаетъ г. Головина соединить всѣ учрежденія отдѣльных вѣдомствъ въ одинъ «губернскій совѣтъ», подъ предсѣдательствомъ губернатора. Кромѣ губернатора и вице-губернатора, въ совѣтъ войдутъ: прокуроръ окружнаго суда, предсѣдатель казенной палаты, управляющій государственными имуществами, директоръ училищъ, губернскій воинскій начальникъ и управляющій контрольной палатой. Затѣмъ, сверхъ этихъ коронныхъ членовъ, въ совѣтъ должны быть: губернскій предводитель дворянства, мѣстный городской голова и пять членовъ, избранныхъ губернскимъ земскимъ собраніемъ. Къ чему все это послужитъ—это едва-ли ясно самому г. Головину. Мы опускаемъ весьма неопредѣленные замѣчанія его на счетъ усиленія губернаторской власти, замѣчанія, показывающія, что при всемъ рвеніи г. Головина, невозможно дать этой власти больше того, что она имѣетъ и чѣмъ пользуется въ настоящее время.

Въ заключеніе, замѣтимъ, что проектъ г. Головина предназначенъ далеко не для всей Россіи. Исключенія, которыя онъ вводитъ въ свой проектъ, на столько обширны, что они сами по себѣ составляютъ не малый курьезъ. Такъ, г. Головинъ исключаетъ, кромѣ азіатскихъ владѣній, Царство Польское, три прибалтійскія губерніи, девять западныхъ и Бессарабію, а затѣмъ Олонецкую, Архангельскую, Вологодскую, даже Вятскую, Пермскую, Оренбургскую, Уфимскую, Самарскую, Астраханскую, Ставропольскую, области—Войска Донскаго, Кубанскую и Терскую и, наконецъ, сѣверные лѣсные уѣзды губерній—Новгородской, Костромской и Казанской. Остается поблагодарить г. Головина за то, что онъ пощадилъ безъ малаго полъ-Россіи.

Б. Л.

РАДОСТИ МАСЛЯНИЦЫ.

(Политическая хроника).

I.

«Карнавалъ вымираетъ, нѣтъ болѣе карнавала!» кричитъ стоустая хроника, и каждый повторяетъ за нею это горестное восклицаніе. Что-же это доказываетъ? А то, что напрасно толпа читаетъ хроникеровъ, а хроникерамъ не слѣдовало-бы читать Шопенгауэра и прочихъ пессимистовъ, у которыхъ они черпаютъ дурное расположеніе духа.

Нѣтъ, карнавалъ не исчезъ. Напротивъ, я встрѣчаю его во всемъ. Ъсть, пить, танцовать, работать, промышлять, философствовать, хроникерствовать, интриговать, адвокатствовать, политиканствовать, любить, страдать, наслаждаться, писать стихи или шить сапоги, волочить саблю или надѣвать четырехъ-угольный беретъ, наслѣдовать Діафоажусу или Жоржу Дандену, что это все такое, какъ не великій маскарадъ жизни, тѣмъ болѣе потѣшный, что каждый изъ насъ является въ немъ безсознательнымъ актеромъ и серьезно смотритъ на свою роль? Эта масляница не начинается съ воскресенья, чтобы завершиться въ среду на первой недѣлѣ поста: она началась въ тотъ день, когда наши прародители отвѣдали извѣстнаго яблока, и кончится лишь въ тотъ моментъ, когда возникшая изъ праха планета наша вернется къ состоянію атомистической пыли, изъ которой родилась. Она повсемѣстна и совершается ежеминутно, а чтобъ видѣть ее — достаточно открыть глаза и умѣть смотрѣть. Карнавалъ не только не умеръ, но, напротивъ, никогда еще не проявлялъ такой жизненности, какъ въ настоящую минуту, и преимущественно въ дни только что пережитой нами масляницы. Завѣщанные отцами масляничные обычаи несомнѣнно исчезаютъ, подобно всѣмъ такого рода обычаямъ, и это очень жаль. Мифологіи нашихъ среднихъ вѣковъ нѣтъ болѣе мѣста въ нашемъ положительномъ вѣкѣ; стоитъ только взглянуть на парижскія улицы. Не видно кавалькады, влачащей какое-нибудь смѣшное чудовище, не видно пресловутой копченой селедки, которую съ комическою торже-

ственностью возили по городу. Исчезъ даже самъ *boeuf gras*, этотъ послѣдній остатокъ доброй старой масляницы, унесенный бурей 1870 года. А между тѣмъ онъ оказалъ не мало услугъ.

Сколькимъ славнымъ именамъ онъ послужилъ санкціей! Въ былое время ни одно замѣчательное произведеніе не могло установить своей репутаціи, не принявъ крещенія *boeuf gras*. Всѣмъ извѣстны стихи Монселя:

Et l'on n'a pas été grand' chose
Quand on n'a pas été boeuf gras.

Въ нынѣшнемъ году было намѣреніе возстановить его права. Бонапартисты указывали на него какъ на символъ благоденствія, царившаго во времена имперіи и съ нею исчезнуваго для того, чтобы уступить мѣсто республиканской нищетѣ. Республиканцы хотѣли доказать имъ, что и республика способна имѣть своего *boeuf gras*, и намѣревались возстановить старинное шествіе съ колесницами и кавальядами, которое вело бога солнца къ главѣ государства, оттуда къ различнымъ министерствамъ, къ сенскому префекту, къ зданію суда и ко всѣмъ высшимъ сановникамъ. Триумфатору должны были приготовить угощеніе и ничего не жалѣть для устройства блестящей постановки. Къ несчастію, въ послѣднюю минуту возникло слѣдующее возраженіе: свое-временно-ли устраивать эти развлеченія въ разгаръ рабочаго кризиса, когда нужда обострялась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тревожнымъ образомъ? «Если у нихъ нѣтъ хлѣба, то пусть ѣдятъ съдобныя булки», когда-то замѣтила одна вѣнценосная голова, отвѣчая на жалобы умиравшаго съ голода народа. Къ съдобнымъ булкамъ отнеслись въ ту пору весьма неблагопріятно; тѣмъ менѣе можно было ожидать благопріятнаго приѣма для «быка» въ настоящее время. По этой-то причинѣ наши эдильы нашли нужнымъ отъ него отказаться. Несмотря на все это, слѣдуя старому обычаю, густая толпа тѣснилась на бульварахъ, наполняя тротуары и середину улицы, среди тройнаго ряда экипажей, совершавшихъ обычный путь отъ Бастиліи къ Мадленѣ, и ожидая зрѣлища, которое не появлялось. Самымъ счастливымъ изъ любопытныхъ удалось увидѣть повозку съ прачками, повозку съ *масками*—*рекламами* разныхъ съѣстныхъ продуктовъ, громаднаго *бебе*, безъ всякаго убѣжденія сосавшаго искусственное молоко, или-же услышать музыку охотничьихъ рожковъ, запрещенную на улицахъ въ остальное время года. Вотъ и все, чѣмъ были они вознаграждены за долгую прогулку медленнымъ шагомъ, во время которой ихъ жали, давили, тискали. Кое гдѣ встрѣчалась болѣе или менѣе удачная маска—обсыпанный мукою бѣлый Пьеро, пригородный д'Артаньянъ въ измятой войлочной

шляпѣ и плащѣ съ издерганными золотыми украшеніями, или-же просто переодѣтый женщиною оборванецъ и гаменъ въ бумажномъ колпакѣ. Куда-же направлялись эти маски, послѣднія признаки веселыхъ временъ? Судя по виду, ихъ можно принять за провожатыхъ печальныхъ колесницъ, справляющихъ свою мрачную обязанность. На самомъ дѣлѣ судьба послѣднихъ даже завиднѣе: для нихъ всѣ двери открыты, между тѣмъ какъ первые находятъ ихъ запертыми предъ своими картонными носами. Одно изъ ихъ послѣднихъ убѣжищъ. *La Reine Blanche*, только что закрылось. Эту знаменитость былого времени, пріятства которой усиливались сосѣдствомъ съ монмартскимъ кладбищемъ, постигла общая участь: послѣ Мабиля, Валентино, Фраскати, Казино, Шато Ружа и Заль Мольера, имена которыхъ напоминаютъ теперь допотопныя времена, этотъ центръ шумной веселости потерпѣлъ крушеніе въ водоворотѣ времени, въ которомъ все рушится для того, чтобы преобразиться. Подгнившія колонны, вокругъ которыхъ кружилось столько веселыхъ паръ, картонные гробы, укрывавшіе столько случайныхъ и любовныхъ встрѣчъ, всѣ эти осколки былого безумія займутъ мѣсто на публичномъ аукціонѣ между гардеробами знаменитой актрисы и шестнадцатью скаковыми призами графа Лагранжа. Для тѣхъ и другихъ пробилъ послѣдній часъ, въ погребальныхъ звукахъ молотка аукціоннаго пристава, этого могильщика нашихъ парадныхъ знаменитостей.

А пока Пьеро и Пьеретта находятся въ большомъ затрудненіи. Съ исчезновеніемъ *Reine Blanche* остаются только Большая Опера да балъ президента Греви. Относительно веселости можно, пожалуй, предпочесть имъ даже сосѣднее монмартское кладбище, или отца Лашеза, гдѣ мы очутимся въ многочисленномъ обществѣ, такъ какъ, по странной ироніи судьбы, ни одно время года не дало смерти такой обильной жатвы бывшихъ знаменитостей, и въ особенности бонапартистскихъ, какъ нынѣшняя масляница. Онѣ выбрали для путешествія въ послѣднее убѣжище именно эти шутовскіе веселые дни. На этотъ разъ шествіе открылъ Гладіаторъ, знаменитая скаковая лошадь, взявшая 20 призовъ и окончившая свое существованіе въ упряжи траурной колесницы. За нею послѣдовали болѣе скромныя знаменитости. Префекты и генералы соперничали другъ съ другомъ. Назовемъ прежде всего послѣдняго изъ нашихъ старыхъ ворчуновъ, генерала Шрамма. Онъ дожилъ свои послѣдніе дни подъ звуки скрипокъ масляничныхъ увеселеній, ему было 95 лѣтъ и онъ оставилъ сына, которому уже семьдесятъ лѣтъ. Онъ видѣлъ Аустерлицъ и Седанъ, прошелъ Германію и Австрію, Испанію и Россію, Бельгію и Африку, похоронилъ восемь правительствъ, былъ министромъ и сенаторомъ,

графомъ и командиромъ ордена почетнаго легіона, былъ побѣдителемъ и побѣжденнымъ, раненымъ и плѣнникомъ, все испыталъ: и славу и несчастье, и вотъ восемь дней какъ лежитъ въ могилѣ со своими регалиями, цергаментами и прочею мишурою, уже забытый навѣки.

Генераль Вимпфенъ оставитъ по себѣ болѣе долгую память, такъ какъ имя его связано со слишкомъ знаменитою капитуляціей. На самомъ дѣлѣ онъ былъ лучше другихъ и заслуживалъ болѣе пристойной участи.

Этотъ старый солдатъ, сражавшійся въ Африкѣ и Италіи, пользовался репутаціей замѣчательно храбраго человѣка. Когда 30-го августа онъ явился въ Седанъ съ остатками 5-го корпуса, Наполеонъ подошелъ къ нему: «Объясните-же мнѣ, генераль», сказалъ онъ, «почему насъ постоянно бьютъ», и выжившій изъ ума глава государства прибавилъ слезливымъ голосомъ: «Увы, мы очень несчастны!» Вимпфенъ получилъ предписаніе принять командованіе арміей въ томъ случаѣ если маршалъ Макъ-Магонъ лишень будетъ возможности оставаться въ строю, но ни императоръ, ни маршалъ не озаботились сообщить ему подлежащія свѣдѣнія о военныхъ операціяхъ, предполагавшихся на слѣдующій день. Узнавъ въ ночь на 31-е о двусмысленной ранѣ Макъ-Магона, онъ принялъ командованіе, и вопреки генералу Дюкро, поставилъ войска на только что побинутыя позиціи, не теряя надежды на побѣду.

Перваго сентября, въ 4 часа утра, среди густого тумана, съ удвоенною энергіею завязалось на лѣвомъ флангѣ, по направленію къ Базейлю, сраженіе, которое должно было такъ жестоко повліять на судьбу Франціи. Обѣзжая поле сраженія, Вимпфенъ встрѣтилъ императора; у него только что былъ убитъ ординарецъ и онъ удалялся съ поля дѣйствія. Оставляя храбрую армію, геройски бившуюся подъ смертоноснымъ огнемъ, онъ преспокойно отправлялся завтракать и пригласилъ генерала сопровождать его. Вимпфенъ поблагодарилъ и велѣлъ подать себѣ тутъ же, при императорѣ, морковь, вырванную изъ сосѣдняго поля. Къ вечеру, въ отчаяніи отъ всеобщаго смятенія, Вимпфенъ, пораженный, взбѣшенный, проникнутый скорбью, собралъ вокругъ себя около двухъ тысячъ человѣкъ изъ всѣхъ корпусовъ, кавалеристовъ, пѣхотинцевъ, гусаровъ, зуавовъ, пѣшихъ егерей, тюркосовъ, къ которымъ присоединилось даже нѣсколько мужественныхъ жителей Седана, и съ этою горстью храбрецовъ, предпочитавшихъ смерть безчестью, съ двумя пушками, попытался спасти добрую славу арміи или умереть. Многіе дѣйствительно погибли; но, несмотря на малую численность, они опрокинули баварцевъ, овладѣли Балагомъ, гдѣ

мѣстный кюрэ открылъ огонь вмѣстѣ со своими крестьянами, прогнали непріятеля за церковь и, въ ожиданіи подкрѣпленій, держались до самаго вечера. Эту отчаянную борьбу назвали героическимъ безуміемъ. Да, такая жертва, въ ту минуту, когда оставалось только спасать честь родины, была конечно безумна. Лучше было уступить шпагу побѣдителю, чтобъ затѣмъ обнажить ее въ день новаго заговора противъ этой самой родины. Такого мнѣнія держались Дюкро, Базэны и самъ славный императоръ. Вимпфенъ предложилъ ему стать посрединѣ войскъ и попробовать пробиться сквозь окружившую ихъ непріятельскую армію. Наполеонъ III отказался, отдалъ приказъ войскамъ отступить къ Седану и велѣлъ поднять бѣлое знамя, прелюдію постыдной капитуляціи, которую генералъ вынужденъ былъ подписать на слѣдующій день, 2-го сентября.

II.

Между тѣмъ какъ гражданская процессія, слѣдовавшая за гробомъ генерала, вступила въ аллею кладбища Père Lachaise, другія группы разсыпались по кладбищу, и можно сказать, что никогда еще не бывало такого стеченія посѣтителей въ этомъ мирномъ убѣжищѣ. По другому странному совпаденію, 24-е февраля, годовщина рожденія второй республики, — въ нынѣшнемъ году падала на масляничное воскресенье. Добрые патриоты не преминули вспомнить о тѣхъ, кто покоится въ могилѣ, оказавъ содѣйствіе революціи, разрушившей тронъ Луи Филиппа. Самые многочисленные и роскошные вѣнки принесены были Ледрю Роллену, котораго зовутъ творцемъ всеобщей подачи голосовъ. Противъ такой почести знаменитому члену временнаго правительства 1848 г. мы ничего не имѣемъ сказать, но спрашиваемъ себя, почему-бъ не посвятить хотя самую скромную долю его главному сотруднику. Всѣмъ извѣстны знаменитые бюллетени, встрѣтившіе такое горячее сочувствіе съ одной стороны и такое строгое осужденіе съ другой. Мысль ихъ внушившая была воспоминаніемъ конвента. Желали сдѣлать для новой Франціи то, что было сдѣлано нѣкогда знаменитымъ собраніемъ, и путемъ этихъ каждые два дня возобновляемыхъ на стѣнахъ мэриі бюллетеней, войти въ непосредственное общеніе съ націей. «Самая прочная связь между правительствомъ и народомъ», говорилось въ 1-мъ бюллетенѣ, «это непрестанный обмѣнъ мыслей». Это общеніе властелина народа съ его повѣреннымъ правительствомъ было дѣломъ не министра внутреннихъ дѣлъ, а его секретаря, а секретаремъ этимъ былъ никто иной какъ Жоржъ-Зандъ.

Этьенъ Араго отправился къ знаменитой писательницѣ, по по-

рученію Ледрю Роллена и сказалъ ей: «Жоржъ, съ вашимъ изумительнымъ талантомъ, вы не можете отказать въ услугѣ вашей родинѣ. Перо ваше принадлежитъ республикѣ».

Жоржъ-Зандъ изъявила согласіе и немедленно вступила въ должность, въ званіи «главнаго редактора». Автору «Исторія восьми лѣтъ», Эліасу Реньо, поручено было просматривать статьи Жоржъ Занда, для того, чтобы умѣрять ихъ пламенный огонь и устранять изъ нихъ несвоевременныя нападенія. Однажды мудраго ментора задержали дома семейныя обстоятельства, и министръ отправилъ листовъ въ типографію, безъ просмотра. Это и былъ знаменитый бюллетень, извѣстный подъ именемъ № 16: «Если выборы не совершатся въ духѣ парижскаго народа, онъ вторично заявитъ о своей волѣ и отерочитъ рѣшенія ложнаго національнаго представительства». Нечего и говорить о томъ, какое бѣшенство и волненіе объяло весь буржуазный міръ при чтеніи этихъ строкъ.

Покинувъ кладбище Отца Лашеза, чтобы вернуться въ Парижъ мы замѣчаемъ въ предмѣстьяхъ необычное движеніе. Масляницали тому причиною, или годовщина рожденія республики, которую собираются праздновать,—дѣло въ томъ, что проектируется множество пирушекъ. Можно подумать, что снова начинается «кампанія банкетовъ», и въ довершеніе сходства, къ стуку вилокъ долженъ примѣшаться кликъ: «да здравствуетъ пересмотръ», подобно тому какъ тридцать шесть лѣтъ тому назадъ къ нему примѣшивался вивать въ честь «реформы». Но развѣ мы не имѣемъ республики? И да и нѣтъ. Мы въ республикѣ, если судить по общественнымъ памятникамъ и зданіямъ, на которыхъ значится ея имя; у насъ нѣтъ республики, такъ какъ учрежденія нами правяція порождены монархіей. Республиканецъ Лафайетъ, представляя народу короля Луи Филиппа, восклицалъ: «Вотъ лучшая изъ республикъ». Предлагая намъ конституцію 1875 г., орлеанисты сказали себѣ: вотъ наименѣе республиканская изъ конституцій.

Вотъ причина всеобщаго крика негодованія противъ нынѣшней формы правленія. Каждый желаетъ ея пересмотра, то-есть испроверженія, причемъ одни требуютъ истинной монархіи, а другіе истинной республики. По мнѣнію какъ первыхъ, такъ и вторыхъ, Франція находится во власти гнуснаго правительства: министры хуже всякихъ пиратовъ, а Гриви ничто иное, какъ своего рода Наполеонъ V въ сюртукѣ или Луи Филиппъ, но безъ дождевого зонтика. Не надо президентовъ, не надо сената; учредительное собраніе, обращеніе къ народу,—вотъ чего требуютъ со всѣхъ сторонъ, и при звукѣ этихъ требованій всѣ сѣдые бороды прошлаго поколѣнія высунулись изъ могилъ, чтобы присоединиться

къ молодому поколѣнію. «Лазарь, возстань», сказали Кловисъ Гюгъ, и Лазарь не заставилъ себя долго ждать. Онъ возсталъ въ лицѣ Феликса Пиа, Гамбона, Таландые и многихъ другихъ, которые собрались, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла. за столомъ обширной залы въ *Lac Saint Fargeau*.

Одни, какъ на примѣръ бельвийскій депутатъ Тони Ревиль-онъ, требовали возвращенія къ порядкамъ 48-го года. «Февральская революція», сказалъ онъ, «дала всеобщую подачу голосовъ, социальную справедливость, уничтоженіе невольничества, братство народовъ. Что случилось со всѣмъ этимъ? Всеобщая подача голосовъ ослабляется сельскимъ избирательствомъ, питающимъ сенатъ; общество объявляетъ себя безсильнымъ для исправленія несправедливостей судьбы; само невольничество развѣ не возстановлено недавно англичанами въ Суданѣ?» Депутатъ нѣверскаго департамента Гамбонъ находить, что нужно громить одновременно принципы, людей и вещи. Пиа обрушивается преимущественно на монархистовъ. Онъ тащитъ на казнь Бонапартовъ и Бурбоновъ. Краснорѣчіе этого воскресшаго изъ мертвыхъ сохранило замогильный оттѣнокъ. «Чѣмъ можетъ быть во Франціи и въ республикѣ какой-нибудь принцъ, какъ не претендентомъ и чужеземцемъ? Взгляните на Бонапарта, этого метиса, итальянца по отцу и нѣмца по матери,—таковъ онъ какъ государь; поборникъ *сoup d'etat* и обращенія къ народу, таковъ онъ какъ гражданинъ. Посмотрите на Бурбоновъ, на эти продукты всѣхъ возможныхъ международныхъ помѣсей; всѣ эти люди называютъ себя сынами Франціи. Возьмите итальянскаго отца и мать испанку или австрійку и вы получите сына Франціи, это по части императорскаго рода; если-же отецъ и мать нѣмцы, то получается родъ королевскій; и всѣ они старшіе сыны папской церкви, всѣ—смертельные враги республики. Они должны возвратить намъ золото, отданное имъ зловѣщимъ старикомъ, въ минуту нашихъ бѣдствій; необходимо также очистить территорію, посредствомъ ихъ высылки за ея предѣлы. Но и этого недостаточно: слѣдуетъ навсегда преградить имъ доступъ во Францію; необходимъ такого рода пересмотръ конституціи, который не позволилъ-бы королю вернуться въ двери президенства. Не станетъ гвѣзда, не будетъ и штицы. Слѣдуетъ передѣлать лучшую изъ республикъ, обезпечивъ ее на случай *плебисцитаторовъ*. А затѣмъ пусть является иноземное вторженіе и узурпація: Франція будетъ достаточно ограждена.»

Такова была закуска. Она была обильна, къ счастью для аппетита гостей, которымъ, въ противномъ случаѣ, пришлось-бы подвергнуться тяжелому испытанію. Въ девять часовъ еще ожидали появленія супа. «Да это банкетъ Медузы!» воскликнулъ Кловисъ

Гюгъ. «Это банкетъ республики», сказалъ другой; — «правительственные повара заставляютъ насъ умирать съ голода». Наконецъ начинается обѣдъ, но съ такою медленностью, которая доводитъ до высочайшей степени раздраженіе присутствующихъ. Оно разражается бурей, не дождавшись салата, и рушитъ все, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ. «89-й годъ», говоритъ ожесточенный гражданинъ Друэль, «это чистый вздоръ. Одного тирана замѣнили тремястами другихъ. Та революція была исключительно политическая, наша будетъ социальная. Дѣло идетъ не о мозгѣ, а о брюхѣ. Въ 48 году законодатели походили на нынѣшнихъ сонныхъ представителей въ бурбонскомъ дворцѣ. Они также назначали одно слѣдствіе за другимъ. Ну, а потомъ что?..» Ораторъ не питаетъ ко всеобщей подачѣ голосовъ, этому завоеванію 24 февраля 48 года, того почтенія, которое проявилъ гражданинъ Тони Ревильонъ: онъ находитъ его неспособнымъ, вслѣдствіе «безсознательности», существующей въ народѣ. Онъ нападаетъ и на синдикальныя палаты, какъ на «буржуазныя учрежденія», но допускаетъ ихъ, такъ какъ въ ихъ средѣ возникаютъ «сознательные люди». Затѣмъ, замѣтивъ, что начинается нѣсколько путаться, ораторъ садится на свое мѣсто и возвращается къ салату.

Желудочное дурное расположеніе духа оказываетъ различное дѣйствіе на умъ и краснорѣчіе гостей. Такъ одинъ изъ нихъ принимаетъ себя за генералиссимуса и идетъ съ барабаннымъ боемъ покорять социальный строй. Въ его глазахъ, народъ есть армія, и какъ въ арміи, онъ видитъ въ немъ различные элементы: пѣхоту, кавалерію, артиллерію, инженеровъ; анархистамъ онъ предлагаетъ артиллерію, между тѣмъ какъ коллективистамъ предоставляетъ кирасирскій мундиръ; затѣмъ, когда каждый займетъ подобающее ему мѣсто, пусть всѣ, сомневшись въ единый корпусъ, идутъ бокъ-о-бокъ, какъ одинъ человекъ. Что касается вербовки вождей, составляющихъ парламентъ, то слѣдовало-бы поступать такъ: строго смотрѣть, чтобы двери бурбонскаго дворца не оставались открытыми настежь; ихъ слѣдуетъ чуть-чуть приотворить и браковать всѣхъ, кто не можетъ проскользнуть сквозь узкое отверстіе. Тучность есть, очевидно, весьма стѣснительный *impedimentum* для военачальника и потому всѣ, кто ею обладаетъ, недостойны этого званія. Въ довершеніе предосторожностей, слѣдовало-бы поставить у дверей парламентскаго зданія вѣсы и не принимать тѣхъ, кто вѣсилъ-бы свыше 150 фунтовъ. Это еще довольно умѣренно. Но современемъ требовательность должна возрасти.

Г-жа Леони Рузандъ, рѣчь которой слѣдовала за рѣчью этого кипучаго гражданина, ненавидитъ войну и желаетъ ее отмѣнить.

Для этого она придумала слѣдующее: не нужно галуновъ, отличающихъ офицера отъ солдата; различіе чиновъ будетъ указываться плюмажемъ. Ораторша не ограничила сферу своихъ знаній одними военными вопросами. Она желаетъ также отмѣнить нищету и нашла рѣшеніе и для этого вопроса. Для этого достаточно, чтобы дѣти находили въ школѣ даровыя пищу, платье и ремесленное образованіе. Этимъ путемъ будетъ достигнуто искорененіе пауперизма. Само собою разумѣется, что лекторша обсудила и права женщинъ. Что касается политическихъ правъ, то она согласна подождать съ ихъ требованіемъ, но новая конституція должна имъ дать права гражданскія, изъ чего вытекаетъ другое требованіе: а именно уничтоженія полиціи нравовъ. Слѣдуетъ также запретить тюрьмамъ брать различныя подряды и работы, потому что эти работы за низкую цѣну оказываютъ конкуренцію работницамъ, которыя, не имѣя преимуществъ казенной пищи и квартиры, должны платить и клѣбнику и домохозяину.

«Домохозяевъ не нужно вовсе», возражаетъ какой-то незнакомецъ, котораго поощряетъ голосъ съ противоположнаго конца залы: «Такъ, такъ, продолжай Гюгюсъ!» Опираясь на такое одобреніе, ораторъ объявляетъ, что это «чистѣйшій предразсудокъ считать себя безчестнымъ человѣкомъ, если не платишь въ срокъ за квартиру.» Онъ развиваетъ соблазнительный тезисъ, что, напротивъ, «подлецъ тотъ гражданинъ, который за квартиру платитъ».

Въ видѣ логическаго слѣдствія, президентъ встаетъ, чтобы попросить гражданъ не забыть уплатить за обѣдъ и даже за наемъ залы. На это протеста заявлено не было, и толпа посетителей скоро разошлась, чтобы вкусить отъ сладости такъ хорошо заслуженнаго отдыха.

Въ такомъ родѣ шло дѣло на всѣхъ пунктахъ столицы: въ Salle du Commerce, также какъ въ Roche Fontainebleau, въ Salle Cornette, также какъ въ Salle Lévis, развивались однѣ и тѣ-же темы, съ тѣми-же доводами и съ тѣми-же успѣхомъ. За бурнымъ днемъ послѣдовала мирная ночь, среди которой умы почерпнули въ восстанавлиющемъ силы снѣ необходимую энергію для борьбы на слѣдующій день.

Въ этой войнѣ рѣчей и вилокъ, провинція сочла неловкимъ отставать отъ столицы. Въ Лионѣ, Бордо, Марселѣ, Нантѣ, въ Алжирѣ, Гаврѣ, Неверѣ, Троа, во всѣхъ крупныхъ и мелкихъ городахъ, произнесены были безконечныя рѣчи въ пользу пересмотра конституціи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, разгоряченные краснорѣчіемъ и воздѣянiami умы возымѣли мысль перейти немедленно отъ словъ къ дѣлу. Такъ въ Сентъ-Этьенѣ, напримѣръ, одинъ ораторъ предложилъ направиться къ префектурѣ, что и

было принято. Выступили въ количествѣ трехъ тысячъ человѣкъ. Дойдя до мѣста засѣданія администраціи, глава экспедиціи на- шель нужнымъ обернуться, чтобы сказать своему войску нѣсколько словъ одобренія. Манифестантовъ осталось всего десять человѣкъ, что, впрочемъ, дало имъ возможность свободнѣе войти; послѣ нѣ- которыхъ переговоровъ, приставъ ввелъ ихъ къ префекту, кото- рый, какъ ему было извѣстно, отсутствовалъ. Вернувшись ни съ чѣмъ въ залу Цирка, гдѣ происходило собраніе, обсудили и еди- ногласно рѣшили новое нападеніе. Кто-то предложилъ взять ружья; но потомъ рѣшили послать лучше пятерыхъ делегатовъ. Встрѣ- ченные съ почетомъ на крыльцѣ городской ратуши комиссаромъ, они были отведены этимъ должностнымъ лицомъ къ префекту, у кото- раго и спросили, какія мѣры предполагаетъ онъ принять, въ видахъ прекращенія рабочаго кризиса. Префектъ отвѣчалъ, что такія мѣры не въ его власти, и собраніе, происходившее въ помѣщеніи Цирка, разошлось безъ шума, по выслушаніи этого отвѣта.

III.

Возвратимся въ Парижъ, гдѣ насъ ожидаютъ важныя событія. Городъ погруженъ въ тишину и безмолвіе; небо сумрачно. идетъ дождь: все это плохія предзнаменованія. Маски, возвращающіяся съ бала въ Оперѣ, дрожатъ отъ холода. Продавцы газетъ начи- наютъ выкрикивать свой товаръ и въ воздухѣ слышатся тревож- ныя извѣстія: «Бѣгство королевы Изабеллы». Почему бѣгство? Дѣло въ томъ, что ее задержали на пути, или вѣрнѣе, задержали ея чемоданы, что одно и то же. Причина та, что, вѣроятно, вто- ропахъ при отъѣздѣ, она забыла заплатить за помѣщеніе.

«Отъѣздъ принца Виктора». Куда-же онъ ѣдетъ? По его увѣ- ренію, въ румынскую армію. На самомъ дѣлѣ онъ отправляется къ св. Отцу. Ужъ не для помазанія-ли на царство?

«Большой заговоръ графа Парижскаго». А вотъ это уже по- серьезнѣе и заслуживаетъ остановить хоть на минуту наше вни- маніе. Всѣ газеты наполнены этою новостью. «République fran- çaise» первая забила тревогу. Она указываетъ на тайныя сбори- ща, происходящія у принца, подъ предлогомъ охоты за кролика- ми, а на самомъ дѣлѣ для темныхъ замысловъ и козней, направ- ленныхъ противъ республики. Начавъ съ презрительной проніи, опортюнистскій органъ прибавляетъ: «Можетъ настать минута, когда эти сельскія празднества, на которыхъ какъ-бы случайно встрѣчаются Фреппель, генераль Шареттъ, Фалу и Карайонъ Ла- туръ, способны внушить дурныя мысли бѣдягамъ, возбужденнымъ ошрометчиво печатью и ввести ихъ въ соблазнъ. Исключительно въ видахъ христіанскаго милосердія и для огражденія этихъ доб-

рыхъ людей отъ преступныхъ подстрекательствъ и прискорбныхъ увлеченій, стеческое правительство можетъ быть вынужденнымъ въ скоромъ времени сказать нѣсколько благоразумныхъ словъ нѣкому подполковнику, состоящему при территоріальной арміи. Кто имѣетъ уши, да слышитъ!» Что-бы сказала газета, если-бы знала, что ни одни эти сельскіе празднества служатъ мѣстомъ сборищъ, но, что въ самомъ сердцѣ Парижа, врагъ собираетъ своихъ вѣрныхъ и руководитъ ими? Что-бы сказалъ органъ покойнаго Гамбетты, еслибы ему было извѣстно, что законный король занимается вербовкою приверженцевъ въ рядахъ самого парламентскаго большинства. Существуетъ нѣкій домъ, гдѣ, подъ прикрытіемъ преданнаго друга, претендентъ принимаетъ посѣтителей, вводимыхъ управляющимъ и посредникомъ принца, Боше. Въ числѣ этихъ посѣтителей замѣченъ былъ бывшій полицейскій префектъ Андрію, который, какъ увѣряютъ, отправился туда изъ простаго любопытства. Будемъ этому вѣрить. Къ тому-же этихъ заговорщиковъ не боятся. Оппортьюнизмъ чувствуетъ себя прочнымъ, какъ скала. Одинъ изъ его представителей восклицаетъ: «Вамъ не удастся ваше гнусное предпріятіе, господа Орлеанскіе принцы, обратите на это вниманіе!»

Не преступная-ли цѣль привела въ Парижъ и эту милую особу, скрывающуюся подъ псевдонимомъ г-жи Салмонъ и проживающую въ третьеразрядномъ Hôtel de Lille et d'Albion, въ сопровожденіи только горничной и племянника. Старанія сохранить инкогнито оказались, впрочемъ, напрасными. Стая репортеровъ съумѣла разузнать все. Эти тонкія ищейки, еще издали чующія вѣнценосную главу, сторожили ее уже въ Гаврѣ, проводили до Парижа и бросились вслѣдъ за нею въ гостиницу, гдѣ она остановилась. Одинъ изъ нихъ, американецъ, занялъ даже номеръ какъ разъ напротивъ ея двери, въ томъ-же корридорѣ. Ея величество не можетъ сдѣлать шагу, не обративъ на себя вниманія. Куда-бы она ни отправилась, — на прогулку, въ театръ, въ ресторанъ или инья мѣста, репортеръ повсюду слѣдилъ за нею. «Если это такъ будетъ продолжаться, замѣтила она съ горечью, — то мнѣ невозможно будетъ повеселиться». Благодаря такому надзору, мы имѣемъ самыя обстоятельныя свѣдѣнія о привычкахъ, образѣ жизни и наружности интересной незнакомки. Ей двадцать-четыре года, она хорошо сложена, лицо овальное, носъ прямой, волосы черные, какъ стеклярусъ, глаза томные и такъ далѣе. По французски говоритъ очень правильно, съ легкимъ какъ-бы итальянскимъ акцентомъ, что не лишено пріятности, къ тому-же прекрасно играетъ на скрипкѣ и, въ довершеніе всего, она настоящая королева, не то что какая-нибудь супруга Филиппа VII, — она

жена короля Помаре V, сына славной королевы того-же имени. Наконецъ она тайтянка, то-есть своего рода райская птица въ образѣ женщины. Это страна маорисовъ дѣйствительно рай земной: тамъ все прекрасно—и люди, и природа! Безпечное население острова, омываемаго водами Великаго океана, вѣнчаетъ себя цвѣтами, созерцаетъ голубое небо и предается сладостнымъ утѣхамъ. Прибавьте къ этому, что королева Мараю несчастна, а это дѣлаетъ ее еще болѣе привлекательною. Мужъ ея грубый кутила,—не успѣлъ сорвать этотъ прелестный цвѣтокъ, какъ уже вернулся къ холостой жизни, притомъ такой шумной, что полиція приходится порою въ нее вмѣшиваться. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вслѣдствіе большого обѣда, даннаго молодымъ принцемъ, бывшимъ тогда еще наслѣдникомъ престола, начальникъ полиціи долженъ былъ вмѣшаться, въ видахъ усмиренія гостей, а по отказѣ съ ихъ стороны въ повиновеніи, всѣ, въ томъ числѣ и король, отведены были въ кутузку, гдѣ и переночевали. Въ концѣ концовъ прелестной принцессѣ пришлось примириться съ прекращеніемъ сожителства, и супруги сходятся только для официальныхъ пріемовъ. Все это не могло не воспламенить «народа-художника». Напрасно увѣрили, что хроникеры вводятъ публику въ заблужденіе, что прелести ея величества весьма спорнаго свойства, напрасно указывали, что она постарѣла, что у нея не женственныя черты, что она курноса, смѣшно одѣвается въ какой-то балахонъ безъ талии и курить не папиросы, а дѣлую трубку.

Ни что не поддѣйствовало, ничего не хотѣли ни слышать, ни видѣть. Успѣхъ оставался полнымъ. Ее привѣтствовали въ театрѣ какъ давно уже не привѣтствовали ни одной царственной особы. Въ палатѣ, всѣ депутатскія лорнетки направлялись въ ея сторону; въ сенатѣ отцы отечества освѣжились у этого молодящаго источника и, отвлеченные отъ дѣлъ ея прелестями, втирали все, что угодно, и, по всей вѣроятности, именно такому обстоятельству обязаны мы сравнительно либеральнымъ городскимъ положеніемъ. У витринъ магазиновъ стояли цѣлыя толпы; каждый наперерывъ стремился видѣть фотографическое изображеніе прекрасной государыни, въ національномъ костюмѣ. Даже полиція оказалась безсильною. Къ тому-же само правительство республики имѣетъ компрометирующую слабость въ вѣнценосной путешественницѣ. Въ былое время, взаимнѣй верховной власти надъ островомъ Таити, оно даровало ей годовое содержаніе въ шесть тысячъ франковъ, то есть половину того, что получаютъ депутаты; въ настоящую минуту, королева находитъ, что такая сумма недостаточна для поддержанія соответствующаго сану достоинства, и правительство обѣщало ей неболь-

шую присавку. Итакъ, измѣна всюду, «патентованная и публичная», какъ выражается одна неподкупная газета. Она началась съ той минуты, какъ орлеанистскимъ заговорщикамъ вручили тридцать-пять милліоновъ, при помощи которыхъ они привлекаютъ сторонниковъ и покупаютъ ихъ совѣсть. Она продолжается въ видѣ раздачи пожизненныхъ пенсій коронованнымъ особамъ. «Подобно маршалу Серрано, въ день вступленія Альфонса XII въ Мадридъ», восклицаетъ та-же газета, — «министры отправятся на охоту въ тотъ день, когда Филиппъ VII вступить въ свой добрый городъ Парижъ, а возвратясь вечеромъ домой притворятся удивленными, найдя мѣсто занятымъ». Что до королевы Морай, то она въ Парижѣ уже какъ у себя дома; ее чествуютъ, привѣтствуютъ и, въ довершеніе измѣны, она приглашена на вечера къ президенту Гриви.

IV.

Если мы обратимся къ внѣшнимъ дѣламъ, то и здѣсь горизонтъ не менѣе мраченъ. Я подразумѣваю не Тонкинъ. Бакъ-Нингъ взять, и это славное военное дѣло можетъ быть прибавлено къ массѣ другихъ. Французы потеряли тамъ 70 человекъ: это очень немного для такого результата. Если судить по депешѣ, все удалось какъ нельзя лучше, въ томъ числѣ и обходное движеніе генерала Негріэ, о которомъ возвѣщали еще за двѣ недѣли впередъ. Остается узнать, въ чемъ именно заключался успѣхъ этого ловкаго маневра. Всего вѣроятнѣе то, что тѣ десять тысячъ китайцевъ, которые находились въ крѣпости въ критическую минуту, и обошли генерала, отретировавшись въ болѣе вѣрное мѣсто. Въ сущности, полное удовлетвореніе, выражаемое телеграфомъ, насъ нисколько не удивляетъ, ибо для всѣхъ выгодно, что дѣло произошло именно такъ. Китайцы никогда не ставили своего *point d'honneur*'а въ томъ, чтобы спокойно ждать смерти, на подобіе римскихъ сенаторовъ на ихъ курульскихъ креслахъ; что-же касается генераловъ Милльо и Негріэ, то ихъ совѣсть будетъ избавлена отъ всѣхъ злодѣяній, которыя не преминули-бы совершить ихъ солдаты, отъ радости, что добрались наконецъ до настоящихъ китайцевъ.

Не стану говорить также и о Мадагаскарѣ, гдѣ, какъ сообщилъ намъ Жюль Ферри, вовсе не было «экспедиціи». А когда было указано на бомбардировки и другіе поступки, выходящіе изъ предѣловъ обычныхъ гуманныхъ дѣйствій, то президентъ сослался на нѣкое «полицейское и жандармское право, присвоенное высшимъ расамъ по отношенію къ низшимъ». Слѣдовательно, и съ этой стороны не произошло ничего серьезнаго. Но вотъ нѣчто

уже менѣе успокоительное, такъ какъ дѣло идетъ не о малгатахъ и китайцахъ, а объ европейцахъ, о сосѣдяхъ, которыхъ поэтому трудно причислить къ низшимъ расамъ, не оскорбивъ самихъ себя.

Андоррская республика, верховную власть надъ которой дѣлить съ Франціей епископъ Ургельскій, вообще мало извѣстна. Это микроскопическое государство, которое со временъ Карла Великаго не обращало на себя вниманія, желаетъ, повидимому, навѣрстать потерянное время. Какъ оно ни мало, умы въ немъ горячи, а партіи преисполнены ожесточенія. Здѣсь имѣются либералы, сторонники Франціи,—это молодая Андорра; съ другой стороны—клерикалы-ретрограды, сторонники Испаніи, главою которыхъ состоитъ епископъ. Первые стоятъ за прогрессъ, вторые ведутъ съ ними безпощадную борьбу, считая все для себя дозволимымъ, съ тѣхъ поръ, какъ реакція подняла голову въ Испаніи. Предводимые своими кюре, они разсыпаются по долинамъ, подпиливаютъ телеграфные столбы, поджигаютъ почтамты, съ тѣмъ, чтобы помѣшать современному духу къ нимъ проникнуть. Легко представить себѣ, во что обращается, при такихъ условіяхъ, избирательная борьба. Число голосовъ, въ окончательномъ результатѣ, устанавливается числомъ кулачныхъ ударовъ.

Недавно приходилось возобновлять составъ общины въ одномъ изъ семи приходовъ республики въ Канилло. Молодая Андорра взвѣсила свои силы и была увѣрена, что за нею большинство. Когда настала минута считать голоса, бюро, состоявшее изъ членовъ клерикальной партіи, вопреки закону, приказываетъ всѣмъ выйти, запираетъ двери и производитъ счетъ голосамъ по своему усмотрѣнію. Нѣсколько минутъ спустя двери залы отворяются и бюро объявляетъ, что выбраны кандидаты обскурантизма. Узнавъ объ этомъ, либералы идутъ на ратушу, изгоняютъ противниковъ и водворяютъ своихъ сторонниковъ. Представитель епископской власти, носящій старинное наименованіе *viguier* (земскій судья), призвалъ военную силу, и послѣ неравной борьбы, прогрессисты отступаютъ, оставивъ въ рукахъ властей человѣкъ десять своихъ. По полученіи извѣстія о случившемся французскій *viguier*, имѣющій свою резиденцію въ Бургъ-Мадамъ, направляется къ Андоррѣ, но вооруженная шайка преграждаетъ ему путь, грозя ему разстрѣляніемъ. Между тѣмъ собирается высшій судъ (*tribunal des Cours*), созванный епископскимъ *viguier*, и въ отсутствіе французскаго судьи, который, по праву, есть его председатель, и безъ котораго всякое рѣшеніе недѣйствительно, приговариваетъ всѣхъ прогрессистовъ къ нѣсколькимъ десяткамъ лѣтъ каторжной работы. Въ Андоррѣ не имѣется ни тюрьмы, ни каторги, а потому преступниковъ помѣщали въ одномъ изъ сосѣд-

нихъ государствъ, преимущественно во Франціи. На этотъ разъ предпочли Испанію, и не безъ причины. Но испанскія власти отказались отпустить какую-бы то ни была пищу и кровь осужденнымъ, и они въ теченіи-сорока восьми часовъ оставались подъ открытымъ небомъ и безъ всякой пищи. Наконецъ, епископъ рѣшился прислать имъ легкое подаваніе, благодаря которому они могли получить по куску хлѣба. Затѣмъ ихъ направили въ Таррагону, въ тамошнюю тюрьму для ваторжниковъ, гдѣ они и по сейчасъ находятся.

Не ожидаетъ-ли Ферри возвращенія тонкинскихъ побѣдителей, чтобы приступить къ освобожденію этихъ несчастныхъ? А между тѣмъ экспедиція такого рода могла-бы совершиться и безъ отагощенія бюджета и безъ пролитія крови.

V.

Но оставимъ теперь Европу и перейдемъ на африканскую землю. Здѣсь намъ придется присутствовать при зрѣлищѣ, нелишенномъ оригинальности и величія.

Мы сообщали о первыхъ военныхъ дѣлахъ, совершенныхъ махди. Люди пустыни сбѣжались на зовъ пророка, переходили отъ одного успѣха къ другому и истребили египетскія войска, которыя подъ предводительствомъ англичанъ намѣревались преградить имъ путь. Послѣ консула Мукріэфа, насталъ чередъ Гисса-Паши, а послѣ Гисса-Паши очередь генерала Бекера. Паника была такъ сильна, что солдаты не думали даже о защитѣ. Одно приближеніе страшнаго непріятели заставляло ихъ бросать оружіе, спасаться бѣгствомъ, или падать ницъ на землю, прося о пощадѣ. Токваръ достался побѣдителю безъ боя. Въ нѣсколько мѣсяцевъ махди покорили обширнѣйшія территоріи. Наконецъ, ставъ самолично во главѣ отряда вѣрныхъ, махди пошелъ къ Дуэму, грозя Хартуму.

Этотъ невѣроятный путь пройденъ былъ имъ съ людьми, не знавшими никакой дисциплины и почти безъ иного оружія, кромѣ фанатизма. Но фанатизмъ этотъ достигъ такой степени возбужденія, что становился опаснѣйшимъ изъ военныхъ орудій.

Между тѣмъ, изъ Европы, по дорогѣ изъ Каира въ Хартумъ, шель другой человекъ, тоже своего рода иллюминатъ, вѣрующій въ библію такъ-же глубоко, какъ махди вѣритъ въ коранъ. Противопоставить пророку другого пророка, было, безъ сомнѣнія, весьма ловкимъ и человѣчнымъ приемомъ. Гладстонъ нашель такого пророка у себя подъ рукою, въ лицѣ Гордона, слава котораго проникла до глубины пустыни и оставила неигладимое воспоминаніе въ воображеніи суданскихъ жителей.

Это человекъ лѣтъ 45, небольшого роста, очень худощавый, съ бронзово-краснымъ лицомъ, свойственнымъ англичанамъ, жившимъ подъ тропическимъ небомъ. Походка у него тревожная и робкая; кроткіе глаза, съ неопредѣленнымъ взглядомъ, какъ-бы теряющимся въ безконечномъ мірѣ мыслей.

Гордонъ, какъ и махди, представляетъ собою весьма любопытный типъ; къ тому-же онъ, во многихъ отношеніяхъ, похожъ на пророка. Подъ внѣшнимъ спокойствіемъ онъ скрываетъ не менѣе необыкновенную энергію и силу воли. Отличался большою набожностію, онъ также смотрѣлъ на себя, какъ на посланника Божьяго каждый разъ какъ ему поручалась какая нибудь миссія, и вѣрилъ, что его ограждаетъ сверхъестественная сила противъ всякихъ опасностей.

Тотъ и другой, Гордонъ и махди, съ одинаковою энергіею вставали противъ вкоренившихся въ Суданѣ злупотребленій. Продажные суды, произвольно взимаемые налоги, подати столь тяжелыя, что земледѣльцы бросали свои поля, рекрутская повинность для неоплачиваемой военной службы, опустошенныя селенія,—все это внушало имъ одно и то-же чувство негодованія, выразившееся у генерала въ томъ, что онъ разбилъ авторитетъ турокъ и египтянъ, а у махди въ томъ, что онъ взялся за оружіе противъ нихъ.

Гордонъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Суданъ въ 1871 г. и былъ назначенъ губернаторомъ экваторіальныхъ провинцій, столица которыхъ есть Гондороко. Онъ замѣнилъ Самуила Бекера, давно уже пытавшагося расширить владѣнія хедива къ югу, по направленію къ району большихъ озеръ. Два года спустя заключена была между Англіею и Измаиломъ-пашею первая конвенція, касавшаяся запрещенія торга неграми. Назначенный пашею Гордонъ получилъ постъ генераль-губернатора Судана и долженъ былъ избрать резиденціею своею Хартумъ. Онъ царствовалъ какъ король, пренебрегая приказами, исходившими изъ Каира, управляя по усмотрѣнію, въ особенности немилосердно воюя съ неготорговцами, принужденными укрываться на югѣ или отправляться въ пустыни Кордофана и Дарфура, чтобы избавиться отъ страшнаго губернатора.

Во время низложенія Измаила-паши, въ 1879 году, Гордонъ уѣхалъ изъ Судана, съ убѣжденіемъ, что этотъ обширный край потерявъ для Египта, такъ какъ, по его мнѣнію, онъ долженъ былъ современемъ завоевать себѣ независимость. Ошибки каирскаго правительства, слабость администраціи, уменьшеніе дѣйствительнаго состава арміи, какъ слѣдствіе сокращенія расходовъ, потребованнаго контролемъ, исчезновеніе престижа хедива, господство англичанъ въ Египтѣ,—все это способствовало общему возста-

нію, всѣмъ этимъ воспользовались предприимчивые люди, вернувшись изъ Хартума немедленно по отъѣздѣ бывшаго вице-короля. Торговцы невольниками снова сдѣлались всемогущими и, желая освободиться отъ тяготѣвшихъ на нихъ налоговъ, подготовили мятежь. Первымъ возмутился торговецъ невольниками, по имени Ильхіасъ, содержащій не менѣе двухъ тысячъ вооруженныхъ людей, дисциплинированныхъ и выдрессированныхъ для охоты за неграми въ Дар-фурѣ. Тогда-то и появился избранный Богомъ для спасенія ислама махди, поднявшій знамя возстанія.

19-го января Гордонъ получилъ письмо отъ лорда Грэнвилля, приглашавшее его отъ имени правительства королевы отправиться въ Хартумъ. Онъ выѣхалъ на слѣдующій-же день. Отъ Каира маршрутъ его распадался на три перехода; первый—отъ Каира до Короско, чрезъ Ассуанъ; второй—отъ Короско до Абу-Ахмеда и Бербера, чрезъ Нубійскую пустыню; третій—отъ Бербера до Хартума, по Нилу. Первая часть пути не представляла трудностей. Онѣ начинались со второй. Путешественнику приходилось выбирать между сухимъ путемъ и водянымъ, чрезъ Вади-Гальфу, Ганнекъ и Донголу; послѣдній путь менѣе опасенъ, но слишкомъ дологъ; другой—короче, но полонъ опасностей. Пришлось-бы ѣхать на верблюдахъ по пустынѣ, тянущейся на четырехъста километровъ, по палящему зною, при отсутствіи всякой растительности, за исключеніемъ кое-гдѣ попадающихся пучковъ травы, едва достаточныхъ для прокормленія пробѣгающихъ газелей, причемъ колодцевъ или не имѣется вовсе или же они наполнены солоноватою водою, которую и верблюды пьютъ съ трудомъ. Два большія племени бродятъ по этому краю, это бисхарисы на югѣ и гаденговы—на востокѣ, между Ниломъ и Краснымъ моремъ: къ тому-же было извѣстно, что хотя эти племена еще не присоединялись вполне къ дѣлу махди, но уже сбросили съ себя ярмо египетскаго правительства, узнавъ о пораженіи его войскъ. Если-бы до ихъ свѣдѣнія дошло извѣстіе о путешествіи Гордона, нѣтъ никакого сомнѣнія, что они взяли-бы его въ плѣнъ. Сверхъ того генераль везъ съ собою миліоны, и едва-ли они захотѣли-бы выпустить такую неожиданную добычу. Прибавьте къ этому, что мѣстность гористая и весьма удобная для засадъ. Не менѣе опасностей представляетъ и третья часть пути. Путь этотъ идетъ по берегу Нила на протяженіи не менѣе тысячи километровъ, здѣсь приходится ѣхать по мѣстности, населенной прибрежными племенами, которыя, не менѣе только что указанныхъ, готовы сыграть плохую шутку съ генераломъ.

Планъ могъ, по истинѣ, назваться безумнымъ. Его можно-бы сравнивать съ тѣмъ рядомъ испытаній, которымъ долженъ былъ

подвернуться миѳическій герой для того, чтобы добиться руки дочери какого нибудь короля или бога. Не успѣлъ Гордонъ выѣхать изъ Каира, какъ уже сообщали, что онъ взятъ въ плѣнъ и, какъ увѣрили, уже ножранъ дракономъ. Еще недавно восторгавшіеся храбростью генерала каирскіе горожане находили лишь слова осужденія для бесполезной отваги. Онъ же, не смущаясь зловѣщими слухами, ходившими вокругъ него, продолжая даже отъ времени до времени посылать телеграммы для успокоенія добрыхъ людей, тревожившихся объ его судьбѣ, спокойно слѣдовалъ по своему маршруту, съ библией, вмѣсто всякаго багажа и конвой, и безпрепятственно достигъ мѣста назначенія, предпославъ себѣ слѣдующее посланіе, адресованное вождю одного изъ племенъ: «Я иду въ Хартумъ для водворенія мира. Мы можемъ придти къ соглашенію. Если-же вы желаете войны, приходите, я готовъ».

VI.

Въ то самое время какъ Гордонъ-паша шелъ къ Хартуму, англійское правительство рѣшилось измѣнить систему, которой держалось до сихъ поръ и которая заключалась въ томъ, чтобы отправлять египетскія арміи, одну за другою, на убой въ африканскіе пески, во славу бога Магометова и пророка его. На этотъ разъ, настоящая армія, состоявшая изъ настоящихъ англичанъ, выступала въ Суданъ и высаживалась въ Тринейтатѣ. Отсюда, войска, командуемая генераломъ Граамомъ, въ количествѣ 3,700 человѣкъ, направлены были къ форту Бекеръ, занятому наканунѣ ихъ авангардомъ, и расположились на бивуакахъ, вокругъ форта.

Посланные на развѣдки гусары не прошли 500 метровъ, какъ уже наткнулись на отрядъ арабовъ-кавалеристовъ, также развѣдчиковъ, которые привѣтствовали ихъ нѣсколькими ружейными выстрѣлами и затѣмъ удалились. Не въ далекомъ разстояніи, по дорогѣ въ Товаръ, находились значительныя непріятельскія силы, прикрываемыя песчаными холмами и густымъ кустарникомъ. Это былъ корпусъ Османа Дигма, побѣдителя Бекера-паши.

За нѣсколько дней передъ тѣмъ, одинъ австрійскій офицеръ, капитанъ Леви, полюбопытствовалъ осмотрѣть лагерь инсургентовъ и пожелалъ быть представленнымъ ихъ вождю. Достигнувъ цѣли не безъ многочисленныхъ затрудненій и обѣщавъ обратиться въ вѣру пророка, офицеръ, по возвращеніи, описалъ все видѣнное имъ во время этой экскурсіи.

Когда его привели къ Осману Дигмѣ, военачальникъ находился среди сидѣвшихъ на корточкахъ вокругъ него арабовъ. Единственною одеждою генерала былъ грязный *гаикъ* и соло-

менная шляпа. Онъ показался ему весьма обыкновеннымъ человѣкомъ и наименѣ замѣчательнымъ изъ всѣхъ его окружавшихъ.

Вѣрные Османа Дигмы носятъ значекъ, пришитый къ ихъ платью; значки бываютъ разныхъ цвѣтовъ, смотря по вкусу каждаго, но всего чаще они состоятъ изъ куска краснаго сукна. По всей вѣроятности, матеріалъ для этихъ значковъ доставляютъ красные мундиры англичанъ, оставшихся на полѣ сраженія.

Продовольствіе арміи весьма неудовлетворительно. Численность ея доходить до 8 — 10 тысячъ человѣкъ. Только десятая часть дѣйствительнаго состава арміи снабжена ружьями системы Ремингтона, которыми арабы владѣютъ крайне плохо. На вопросъ, почему они не упражняются чаще въ стрѣльбѣ отвѣчали, что это зависитъ отъ недостаточнаго количества боевыхъ снарядовъ. Что касается парализованія непріятельскаго огня, то у нихъ имѣется для того весьма простой способъ: они ложатся въ растяжку на землю, когда огонь становится слишкомъ горячимъ, и этимъ объясняется незначительная цифра ихъ потерь за послѣднее время. Вообще ихъ способъ веденія войны не лишень искусства. Какъ только близость непріятеля становится извѣстною, арабы выбираютъ удобную мѣстность, гдѣ выкапываютъ многочисленныя траншеи, въ человѣческой ростъ глубиною; здѣсь размѣщаютъ они самыхъ сильныхъ и энергическихъ бойцевъ. Исполнивъ это, нѣкоторое количество ихъ отправляется навстрѣчу къ непріятелю и завязываютъ бой. Они держатся нѣкоторое время, а затѣмъ обращаются въ бѣгство, въ разсчитанномъ направленіи, чтобы привести непріятеля къ траншеямъ; тогда бѣгущіе оборачиваются лицомъ къ нему; укрывающіеся въ траншеяхъ люди выскакиваютъ изъ траншей и очертя голову бросаются на врага, который, смутившись отъ непредвидѣнной и ожесточенной атаки, въ свою очередь обращается въ бѣгство, но напрасно, такъ какъ его скоро настигаютъ и истребляютъ. Такимъ-то образомъ почти въ конецъ были уничтожены войска Бекера-паши.

Но главное ихъ орудіе и главная причина ихъ успѣховъ, какъ мы уже сказали, заключается въ ихъ фанатизмѣ. Они вѣруютъ что махди долженъ уничтожить всѣхъ враговъ своихъ, установить господство свое надъ всѣми народами и подчинить весь міръ своему новому закону.

29-го февраля, послѣ тяжелаго пятичасоваго перехода, въ самой зной, около 11-ти часовъ, англичане подошли къ Эль-Тѣбскимъ колодцамъ. Ужасающее зрѣлище представилось ихъ взорамъ. То было мѣсто кровопролитнаго пораженія, которое потерпѣлъ 4 го февраля генераль Бекеръ и его 3,500 солдатъ египетской арміи. Впереди стояли инсургенты, скрывавшіеся за красноватыми земляными

укрѣпленіями, изъ-за которыхъ зіяли жерла крупновсѣихъ пушекъ, взятыхъ Османъ-Дигмою у Бекера-паши въ тотъ роковой день.

Надо было быть каменнымъ, чтобы не смутиться при видѣ этихъ слѣдовъ несчастной битвы. Однако, не было замѣтно, чтобы войска смутились этимъ зрѣлищемъ. Шотландскія волынни внешне и весело заиграли свои національные сигналы. Генераль Граамъ скомандовалъ наступленіе. Пули инсургентовъ, направленныя неискусными руками, просвистѣли надъ головами англичанъ, не причинивъ ни малѣйшаго вреда. Англичане подошли къ укрѣпленіямъ на разстояніе трехсотъ метровъ. Въ это время генераль Бекеръ былъ раненъ осколкомъ ядра въ лицо, но тѣмъ не менѣе, онъ остался во главѣ атакующей колонны, которая подвигалась съ замѣчательнымъ одушевленіемъ. Съ своей стороны, инсургенты не уступали; 2,000 изъ нихъ стояли лицомъ къ лицу съ англичанами, между тѣмъ, какъ нѣсколько тысячъ всадниковъ напали на каре съ обѣихъ сторонъ. У большей части этихъ всадниковъ нѣтъ ружей. Тѣ, у кого они были, побросали ихъ. Вооруженные только копьями и щитами, они бросились на непріятеля, не обращая вниманія на картечь и одно время имъ удалось прорвать каре и ворваться въ него. Тогда завязалась страшная борьба, одинъ на одного, ожесточенная борьба между штыками и копьями, въ которой, съ обѣихъ сторонъ, дѣлались чудеса храбрости.

Послѣ трехъ часовъ этой бойни, сраженіе прекратилось на обохъ флангахъ. Болѣе 1,000 арабовъ легло на мѣстѣ. Англичане въ послѣдній разъ пошли на штурмъ редута. Здѣсь повторились тѣже сцены. Арабы дрались съ изступленіемъ и продолжали отражать англичанъ своими простыми копьями, несмотря на громившій ихъ пушечный огонь. Когда генераль Граамъ переходилъ рвы, они были переполнены трупами. Съ этой минуты исходъ пересталъ быть сомнительнымъ. Перевѣсъ былъ на сторонѣ англичанъ. Имъ пришлось, однако, еще нѣсколько разъ выдержать натискъ мятежниковъ, удалявшихся въ полномъ порядкѣ и по временамъ еще продолжавшихъ нападать. Въ три часа редутъ былъ взятъ. Здѣсь остановились. Шла рѣчь о томъ, чтобы послать гусаръ для преслѣдованія арабовъ; но послѣдніе выстраивались въ отдаленіи, какъ-бы готовясь къ новому бою, и англичане не отважились возобновить атаку и преслѣдовать далѣе непріятеля.

Въ англійской арміи надолго останется памятнымъ этотъ день. Генералы, офицеры, солдаты, всѣ прониклись безпредѣльнымъ удивленіемъ къ героизму этихъ черныхъ солдатъ, которыхъ они побѣдили. По всеобщимъ отзывамъ, суданцы могли-бы слѣ-

латься одними изъ лучшихъ солдатъ въ мірѣ, еслибы прошли европейскую военную школу.

VII.

Коль скоро Гордонъ достигъ Хартума, оставалось узнать къ чему приведетъ его миссія: исчезнетъ-ли мятежь отъ одного его присутствія, какъ онъ то полагалъ; удастся-ли ему высвободить изъ рукъ махди живыми и здоровыми 40,000 египтянъ, которымъ грозили мятежники,—однимъ словомъ будетъ-ли онъ имѣть успѣхъ тамъ, гдѣ тысячи собранныхъ подъ ружье людей потерпѣли неудачу. Многие утверждали, что онъ является слишкомъ поздно, что онъ уже не будетъ въ силахъ измѣнить теченіе событій.

Между тѣмъ, прибытіе этого человѣка произвело въ Хартумѣ видимую перемену. Смѣлаго солдата принимали не какъ иностраннаго губернатора, а скорѣй какъ божьяго посланника и пророка. Та-же самая толпа, которая наканунѣ думала только объ избіеніи европейцевъ, бросалась къ нему навстрѣчу съ радостными криками и падала къ его ногамъ. Онъ обратился къ тѣснѣвшимся вокругъ него людямъ съ рѣчью, простою и немногословною, какъ все, что онъ говоритъ, и объявилъ въ ней, что явился какъ другъ, посланный небомъ, безъ солдатъ, чтобы избавить Суданъ отъ разныхъ золъ. И ему повѣрили на слово. Самъ онъ такъ вѣрилъ въ себя, что немедленно отправилъ къ генералу Кетлегону письмо, въ которомъ успокоиваетъ его относительно судьбы Хартума: «Вы можете спокойно уѣхать, говорилось въ письмѣ; мы здѣсь въ такой-же безопасности какъ въ Кенситонъ-Паркѣ».

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ его правленіе городъ на Верхнемъ Нилѣ принялъ совершенно особый видъ, напоминающій Палестину во времена патріарховъ или Францію, во времена Людовика Святого. Правосудіе отправляется подъ открытымъ небомъ, выслушиваютъ жалобы, удовлетворяютъ за учиненныя обиды, наказываютъ, награждаютъ, и все это безъ долгой процедуры, кротко, по божьему внушенію. Къ святому человѣку имѣетъ одинаковый доступъ и богатый, и бѣдный. Онъ удовлетворяетъ всѣхъ. Бѣднякамъ онъ оказываетъ пособія, заключеннымъ возвращаетъ свободу, недужныхъ утѣшаетъ. Онъ избавляетъ отъ налоговъ, уничтожаетъ таможи и рыночные сборы. Чтобы еще болѣе поразить умы, онъ приказываетъ разрушить тюрьму, принести на площадь «книгу» государственнаго долга и сжечь ее въ своемъ присутствіи.

Еще не переставали пылать ея послѣдніе листы, какъ Гордонъ

велить принести себѣ плети и другія орудія пытки, посредствомъ которыхъ вымогали у народа деньги въ пользу пашей, и все это также бросается въ избавительный костеръ. Это торжественное жертвоприношеніе вызвало безмѣрное удовольствіе. Генерала съ восторгомъ понесли пришедшіе въ изступленіе отъ радости негры, наперерывъ стремившіеся имѣть честь поцѣловать руки и даже сапоги «бѣлаго дервиша», привѣтствуя его какъ отца и спасителя Кордофана. Однимъ словомъ, пришедшій съ береговъ Темзы Мессія открываетъ суданцамъ начало золотого вѣка, для того чтобы они не мѣшали египетскимъ гарнизонамъ спокойно эвакуировать страну, предъ торжествующимъ махдіемъ.

Само собою разумѣется, что энтузіазмъ негровъ нашелъ отголосокъ и въ Европѣ и преимущественно въ благородной Англии. Добавимъ послѣдній штрихъ къ этой волшебной картинѣ; я разумѣю слѣдующую прокламацію:

«Всѣмъ жителямъ.

«Ваше спокойствіе составляетъ предметъ нашихъ надеждъ. Я знаю, что вы опечалены строгими правительственными распоряженіями объ отмѣнѣ невольничества а также о наказаніи тѣхъ, кто занимается торгомъ, согласно съ извѣстными вамъ императорскими декретами и фирманами. Отнынѣ никто не будетъ вмѣшиваться въ ваши дѣла, по этому поводу. Начиная съ настоящей минуты, каждый можетъ брать себѣ для услугъ человѣка, не опасаясь ничего вмѣшательства. Въ силу чего и данъ настоящій приказъ».

Подписано: Гордонъ-паша.

Короче говоря: торговля неграми восстановлена. Эта послѣдняя милость была, повидимому, необходима для довершенія революціи, произведенной Гордономъ-пашею въ нѣсколько часовъ и превращенія въ совершенный Эльдorado «безпредѣльной страны черныхъ».

Въ противоположность этому, указывали на контръ-прокламацію махди, протестовавшего во имя мусульманской равноправности противъ сохраненія невольничества, провозглашеннаго его конкурентомъ. Рабство, находящее покровительство у представителя англійскаго правительства и осуждаемое главою торговцевъ невольниками! Махди, поднимающій знамя цивилизаціи, покинутое Гордономъ пашею! Послѣ этого уже ничего не остается прибавить къ путаницѣ настоящаго положенія и нельзя не согласиться, что политическій карнавалъ нынѣшняго года достигъ высшаго въ шутовскомъ.

Жива.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИЖКИ.

Авва. Очеркъ. (Гл. I—III).	<i>Д. Н. Сибиряка.</i>
Въ зимнюю ночь. Стихотвореніе.	<i>Л. Пальмина.</i>
Н. В. Гоголь. (О способѣ его творческой работы).	<i>Е. С. Некрасовой.</i>
Чѣмъ жизнь красна. Романъ Эмиля Золя.	
Переводъ	<i>А. Л. Москвина.</i>
Лондонская голтыба.	<i>Н. К.</i>
Руфина Каздоева. Романъ въ 5-ти частяхъ. Часть первая. (Гл. VI—XX).	<i>Е. Ардова.</i>
Сектанты Минусинскаго округа	<i>И. Б.</i>
Воровка. Очеркъ. (Съ итальянскаго)	<i>Чіамполи.</i>
Въ капищѣ золотого тельца	<i>Ивановича.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Талантливый неудачникъ	<i>М. А.</i>
Новости иностранной литературы.	<i>Л. М.</i>
Государственная роспись на 1884 годъ	<i>Н. Анненскаго.</i>
Новыя книги.	
Изъ домашней хроники	<i>Н. III.</i>
Реформа мѣстнаго управленія	<i>Б. Л.</i>
Радости масляницы	<i>Жика.</i>

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «ДѢЛО».

Сочиненія Г. Е. Благосвѣтлова. Съ портретомъ, біографіей автора и предисловіемъ Н. В. Шелгунова. Изданіе Е. А. Благосвѣтловой. Цѣна 3 руб. 50 к., съ пересылкою 4 руб.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. *Карла Реклама*. Перев. съ нѣмецк. Изданіе пятое. 1882 г. съ приложеніемъ «Военной гигиены» д-ра Веймана съ рисунками. Цѣна 2 р. съ пересылкою 2 р. 30 к.

Спартакъ. Историческій романъ *Рафаэля Джованьоли*. Переводъ съ итальянскаго. Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 р. 30 к.

Избранныя рѣчи *Джона Брайта*. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р. съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ не воинъ. Романъ *Фр. Шпиллагена*. Перев. съ нѣмецкаго. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р. съ перес. 3 р. 50 к.

Девяносто-третій годъ. Романъ *В. Гюю*, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣятели. (Біографіи и характеристики). *Э. Реклю* (М. Триго). Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старина. Политическій романъ *Ипполита Ньвео*. Перев. съ итальянскаго В. А. Зайцева. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. *Дж. Ст. Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: «Историческіе женскіе типы». Изданіе второе. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Автобіографія *Джона Стюарта Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Витъ общественныхъ интересовъ. Романъ *П. Ляпина*, изданный безъ предварительной цензуры. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Американка. Романъ *Луизы Алькотъ*. Перев. съ англ. Цѣна. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. *В. М. Флоринскаго*. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Сочиненія *Ф. М. Толстого*. (Повѣсти и рассказы), съ предисловіемъ *Д. И. Писарева*. Два тома. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. *Н. Потькина*. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Записки военнаго. Беллетристическіе очерки, рассказы и картины изъ военнаго быта. *Д. Гирса*. Цѣна 1 р. 60 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. *Ж. Верна*. Переводъ съ французскаго. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Бриллиантовое ожерелье. Романъ *Антони Троллопа*. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Идіотизмъ и тупоуміе. Соч. д-ра *И. П. Айрленда*, съ предисловіемъ проф. Мержеевскаго. Переводъ съ англійскаго д-ра Томашевскаго, съ рисунками и генеалогическими таблицами. Цѣна р. 50 к., съ пересылкою 3 р.

Происхожденіе челоѣка и половой подборъ. *Чарльса Дарвина*. Переводъ съ англ., подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна тремъ выпускамъ 5 р., съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки *Альфреда Росселя Валласа*. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Вопросы общественной гигиены. *В. О. Португалова*. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра *Жюль Сира*. Перев. съ французскаго, подъ редакціею А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологіи. *Т. Гексли*. Перев. съ англ., съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Изданіе третье. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. *Гю. Шерра*. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмецк. Два выпуска. Цѣна обоимъ выпускамъ 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра *В. Циммермана*, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Перев. съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна тремъ выпускамъ 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала «ДѢЛО» уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки); пересылка на счетъ выписывающихъ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующіе
романы **К. М. Станюковича**:

Безъ исхода. Спб. 1874 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Наши нравы. Романъ въ 2 частяхъ. Спб. 1880 г. Цѣна 2 р. 50 к.;
съ пер. 3 руб.

Два брата. Романъ въ 2 частяхъ. Спб. 1881 г. Цѣна 2 р. 50 к.,
съ пер. 3 руб.

Омутъ. Спб. 1882 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Выписывающіе черезъ Главную Контору «Дѣла» пользуются
20% уступки. Пересылка на счетъ выписывающихъ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

ПОВѢСТИ М. АЛЬБОВА.

Содержаніе: I. День итога (психіатрической этюдъ). II. О людяхъ «выскающихъ града»: 1) Воспитаніе Лельки, 2) Сутки на ловѣ природы. III. Конецъ Невѣдомой улицы. (Хроника).

Спб. 1884 г., 464 стр. Ц. 2 руб.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было бы адресовать прямо книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція не можетъ ручаться за исправную доставку журнала и за удовлетвореніе жалобъ на неполученіе книжекъ журнала, на томъ основаніи, что Газетная Экспедиція петербургскаго почтамта не принимаетъ отъ редакціи подобныхъ жалобъ и не входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, отзываясь, что не имѣетъ возможности собирать справки и требовать объясненій изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ правильного почтоваго приема и отвѣтственнаго почтоваго учрежденія.

2) Когда книга журнала не получается подписчикомъ своевременно или вовсе не доходитъ по своему назначенію, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ не позже полученія слѣдующей книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ.

3) При перемѣнахъ адреса необходимо сообщать старый печатный адресъ бандероли или-же номеръ билета. При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса редакція проситъ прилагать три почтовыхъ семи-копѣечныя марки за напечатаніе новаго адреса.

4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р. 50 к.; при перемѣнѣ-же иногороднаго на городской уплачивается 1 р.

5) Жалобы и перемѣны адресовъ адресуются исключительно въ контору редакціи журнала «Дѣло».

6) Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, благоволятъ прилагать почтовые марки, если желаютъ получить отвѣты.

7) Рукописи, признанныя редакціею неудобными для помѣщенія въ журналъ «Дѣло», а равно и рукописи напечатанныхъ статей, хранятся въ конторѣ редакціи не болѣе года и затѣмъ, по истеченіи этого срока, уничтожаются, если не будутъ вытребованы обратно. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція не входитъ ни въ какія письменныя объясненія, хотя-бы и были приложены для этого почтовые марки.

8) Высылка рукописей иногороднымъ возможна только въ томъ случаѣ, когда на почтовые расходы будутъ представлены въ редакцію деньги соразмѣрно стоимости пересылки.

9) Для личныхъ объясненій съ редакціей просятъ обращаться въ главную контору журнала «Дѣло» по субботамъ отъ 3—5 часовъ, по Надеждинской ул., № 39.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДѢЛО

въ 1884 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи
Журнала «ДѢЛО» (по Надеждинской улицѣ, д. № 39).

Редакція считаетъ себя отвѣтственной за исправную и своевременную
высылку журнала передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые
подпишутся по указанному выше адресу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.
Безъ пересылки и доставки . . .	15 р. 50 к.	8 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	16 > — >	9 >
Съ пересылкою иногороднымъ . . .	17 > — >	10 >
> за границу . . .	19 > — >	11 >

4340-13

Издатель К. М. СТАНЮКОВИЧЪ.

Редакторъ В. П. ОСТРОГОРСКИЙ.

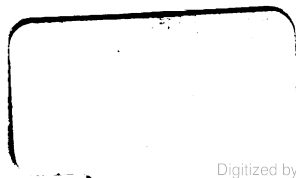

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 824